НАУЧНО-УСТАВНОЙ ОТДЕЛ ШТАБА РККА

А. А. МАНИКОВСКИЙ

*

БОЕВОЕ СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПЕРЕРАБОТАЛ И ДОПОЛНИЛ

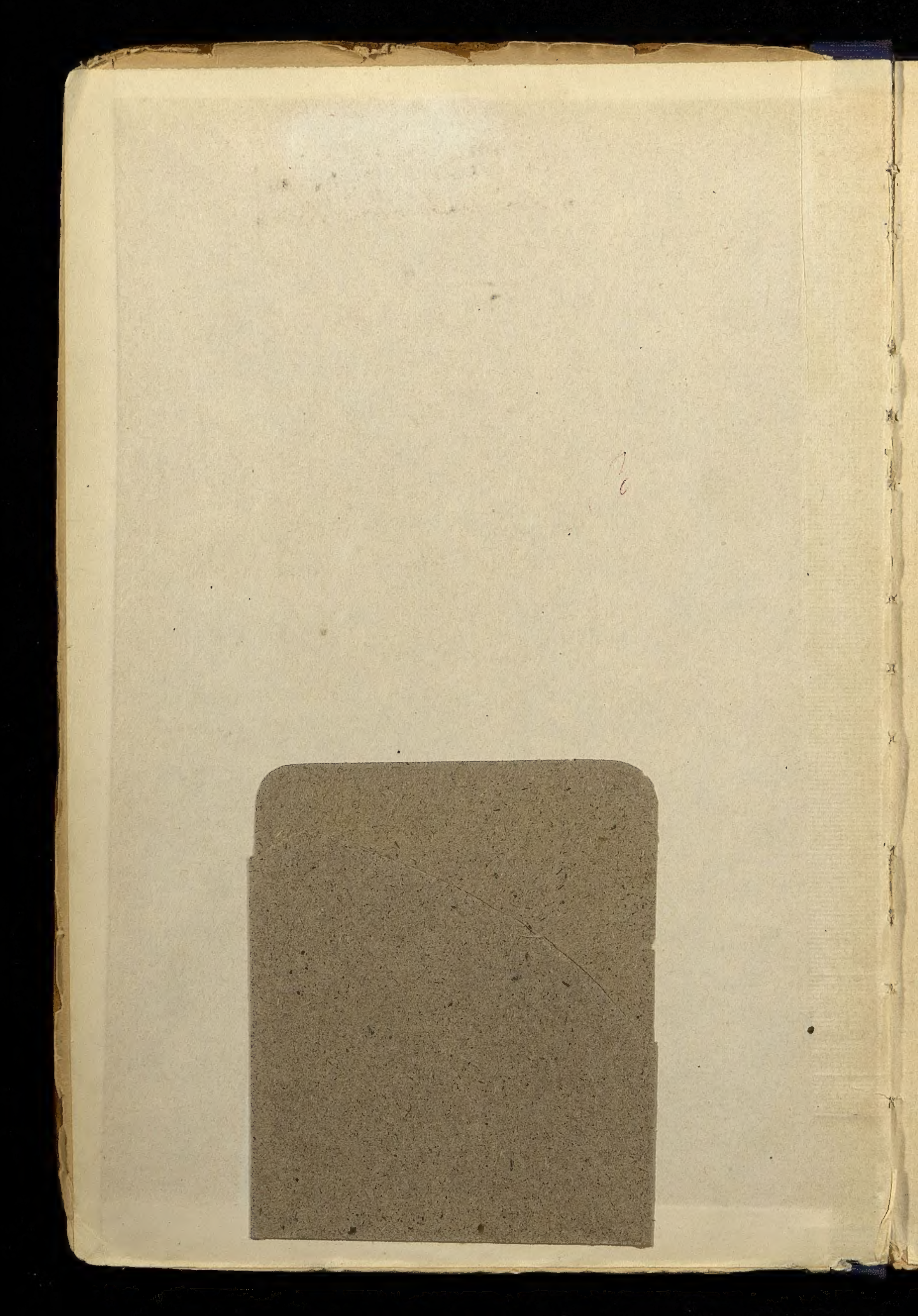
Е. З. БАРСУКОВ

ТОМ

I

1·9·3·0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО



НАУЧНО-УСТАВНОЙ ОТДЕЛ ШТАБА РККА

А. А. МАНИКОВСКИЙ

БОЕВОЕ СНАБЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

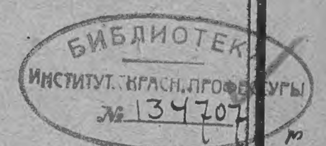
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ПЕРЕРАБОТАЛ И ДОПОЛНИЛ

Е. З. БАРСУКОВ

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ

П. Е. ДЫБЕНКО



ТОМ

I

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА ★ ЛЕНИНГРАД

А. А. Маниковский.—„Боевое снабжение русской армии в мировую войну". Переработан Е. З. Барсуковым в новом издании. Материал значительно дополнен и распределен по новому плану; многие цифры и данные появляются впервые; помещенные в 1-м издании тщательно проверены и значительно дополнены. Наконец дано описание устройства и работы органов боевого снабжения на самом театре военных действий, чего вовсе не было в 1-м издании. Том I охватывает деятельность главного артиллерийского управления накануне войны и его работу по снабжению армии винтовками, пулеметами, орудиями и боеприпасами; во II томе дается очерк работы военной промышленности и органов боевого снабжения на театре военных действий. К каждому тому в виде специальных приложений даны многочисленные документы и фактические справки. Новое издание, более полное и в гораздо большей степени свободное от недостатков, несомненно послужит отличным справочным пособием для практических работников в области боевого снабжения и военной промышленности.

Главлит А 49905. Заказ № 2587. Гиз В—10 № 31.180. 25½ п. л. Тираж 3000.

Центральная типография НКВМ., ул. Маркса и Энгельса, № 17.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ НАУЧНО-УСТАВНОГО ОТДЕЛА ШТАБА РККА.

Обширный труд покойного А. А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—18 гг.» не был закончен при жизни им самим. К печати им была подготовлена только I часть его работы; II и III части были выпущены по материалам, подготовленным автором лишь вчерне.

Редакционная коллегия в составе т.т. Свечина А. А., Лебедева Б. К., Клембовского, Парского, Циховича и Рыльского, при участии т. Владиславского проделала весьма значительную работу в развитие плана, намеченного А. А. Маниковским.

Многочисленные трудности, стоявшие перед редакционной коллегией, не остались без влияния на качество всей работы в целом. Трудность сбора цифровых материалов и проверки целого ряда расчетов, вчерне сделанных и разработанных Маниковским, зависела от тех условий, в которых приходилось работать продолжателям дела Маниковского. Архивы в то время (1921—23 гг.) не были даже систематизированы, и все материалы, касавшиеся вопросов о боевом снабжении царской армии в мировую войну, могли быть найдены и подвергнуты обработке лишь людьми, лично хорошо с ними знакомыми. Разноречивость некоторых сведений и недостаточная достоверность ряда цифровых данных, вместе со спешностью издания, наложившие отпечаток на всю книгу в общем, сделали последнюю несвободной от некоторых существенных недостатков.

Труд А. А. Маниковского в первом издании не дает, например, определенного и точного представления о действительной потребности артиллерии в выстрелах. После целого ряда исчислений и сопоставления разных данных высказывается предположительное заключение, что 1½ млн. выстрелов в месяц или «в среднем 30 выстрелов в день на 3-дм. пушку было достаточно». Между тем, расчет выстрелов в день на пушку сделан ошибочно: не 30, а 9 выстрелов (1.500.000 : 30 : 5.500). Ошибочное исчисление 30 выстрелов в дальнейшем изложении повлекло за собой и ошибочные выводы.

В первом издании вопрос о среднем расходе выстрелов за определенные периоды операций почти совершенно не отделяется от вопроса о средней норме потребности в выстрелах, исчисляемой для длительного периода войны.

Во многие таблицы первого издания вкрались ошибки в подведении итогов или внесены ошибочные слагаемые. Например, в таблице подачи

выстрелов к орудиям даже крупных калибров 8-дм.—12-дм., насчитываемых единицами, вкрались ошибки и в слагаемых и в итоге; в итоге за 1916—1917 гг. ошибочно показано 108.746 выстрелов вместо 115.481 и т. д.

Труд «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—18 гг.», представляя собой результат опыта большой работы в области боевого снабжения, может служить настольной книгой, справочником и руководством для практической работы текущего характера. Именно это обстоятельство и побудило Научно-уставной отдел штаба РККА при переиздании труда отнестись к цифрам и вообще фактическим данным труда А. А. Маниковского в первом издании с большой осторожностью.

Во втором издании, по соглашению с Центральной метрической комиссией при Совете труда и обороны, цифровые материалы приведены в старых мерах, как это было и в первом издании. Исключение сделано в отношении калибров артиллерийских орудий, которые показаны в основных таблицах не только в прежних мерах, но и по метрической системе.

Помещение всех цифровых материалов в метрических мерах не отвечало бы общему характеру труда, который в значительной мере является историческим памятником эпохи мировой войны, а приведенное в нем огромное количество цифровых данных носит архивно-исторический характер.

Переработка по метрической системе всего труда или помещение метрических мер в скобках рядом со старыми представило бы большие трудности и потребовало бы дублирования всех цифровых данных и таблиц. Это загромоздило бы и без того весьма обширный труд до степени, затрудняющей пользование им, а также чрезвычайно удорожило бы второе издание.

При пользовании книгой помещенные в ней цифровые данные в каждом отдельном случае могут быть переведены в метрические меры с достаточной точностью, руководствуясь приложенной в конце книги переводной таблицей.

Возможность более полного, чем в 1920—23 гг., сбора необходимых архивных материалов и высокая компетенция Е. З. Барсукова, взявшего на себя большой труд по переработке и дополнению работы А. А. Маниковского, позволили значительно расширить содержание труда во втором издании.

Во втором издании около 45% всего труда заимствовано из первого издания; остальные 55% полностью составлены и принадлежат перу Е. З. Барсукова.

Новое издание, более полное и в гораздо большей степени свободное от недостатков, несомненно, послужит отличным справочным пособием для практических работников в области боевого снабжения РККА и военной промышленности СССР.

24 сентября 1928 г.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ.

Труд А. А. Маниковского является ценнейшим вкладом в ту область литературы, которая освещает основные предпосылки, необходимые для правильной постановки дела боевого снабжения армии во время войны.

Эта область пока является очень слабо разработанной и, кроме нескольких работ, касающихся частных вопросов организации боевого снабжения во время войны, — трудов, освещающих общие принципиальные вопросы, у нас нет.

Сложное и весьма ответственное дело артиллерийского снабжения, затрагивающее все отрасли металлургической промышленности страны и являющееся производной от всей ее экономики, а также дело боевого питания действующих армий, зависящее от стратегии и тактики современной войны, — нашли свое полное отражение в труде А. А. Маниковского, особенно во втором издании с дополнениями Е. З. Барсукова.

Этот труд прежде всего рисует ту картину катастрофического разложения, которое переживала царская буржуазно-помещичья Россия перед началом и во время мировой войны.

Генеральный штаб, который взял дирижерскую палку по подготовке страны к войне, оказался явно неспособным не только предвидеть большой масштаб будущей войны, но даже требований современной операции и боя.

По всем расчетам генерального штаба нормой, необходимой на все время ведения войны, было установлено 1.000 выстрелов на 3-дм. пушку. Между тем, эта норма была израсходована в течение первых четырех месяцев начала войны, а батареи Юго-западного фронта расстреляли ее в первые 16 дней боя.

При расчетах потребности мобилизуемой армии в винтовках генеральный штаб просчитался на 325.000, в результате армия начала войну, имея такое же количество невооруженных.

Эти примеры показывают, что царская Россия, воспитывая свою армию в наступательных тенденциях, предполагала добиться успеха не техникой, а живой силой, т. е. потоками крови, которыми она залила весь фронт от Балтийского до Черного моря.

Ставка на живую силу была основной предпосылкой во всех расчетах генерального штаба как в подготовке страны к войне, так и в подготовке каждой отдельной операции. В результате на войну ушло почти все население, способное носить оружие, заводы остались без квалифи-

цированной рабочей силы, а вся промышленность оказалась парализованной.

А на театре войны многочисленная, но слабо вооруженная и плохо снабженная техническими средствами армия оказалась пушечным мясом, неспособным противостоять численно гораздо меньшему, но хорошо вооруженному противнику. Катастрофические поражения 1 и 2 армий в Восточной Пруссии вполне подтвердили это.

Непонимание правительством царской России и ее генеральным штабом основных задач по подготовке страны к войне сказалось в первую очередь на организации, а затем на работе органа, ведавшего боевым снабжением армии, — Главном артиллерийском управлении (ГАУ).

На должность начальника ГАУ назначались лица, угодные генерал-инспектору артиллерии в. к. Сергею Михайловичу Романову. Вопрос о соответствии их этой чрезвычайно ответственной должности отодвигался на второй план. Вот почему до начала мировой войны и в первый ее период начальником ГАУ был Кузьмин-Караваев, человек совершенно незнакомый с требованиями стратегии и тактики современной войны и боя, несведущий в вопросах экономики страны и ее промышленности. Этот кабинетный работник, далекий от жизни, на основании теоретических рассуждений главного управления генерального штаба (ГУГШ) выработал план боевого снабжения армии во время войны. Этот план был одной из основных причин катастрофического положения обеспеченности армии боевым снабжением в первый период войны.

Заводы военной промышленности, благодаря непониманию начальником ГАУ условий мобилизации промышленности, влачили перед войной жалкое существование, так как, не имея заказов, вынуждены были распускать рабочих, сокращать до минимума оборудование и тем дезорганизовать свои цеха и мастерские. Примером этому может служить наш наиболее мощный оружейный казенный завод, который за месяц до начала войны имел заказ на одну учебную винтовку. Казенный горный пушечный завод в течение шести лет перед войной получал совершенно ничтожные заказы. Другие военные заводы были почти в таком же положении. Все это отодвигало на долгий промежуток времени готовность заводов к переходу на производство военного времени.

Между тем, заводы Круппа в Германии и Шкода в Австрии все время поддерживали свое производство на уровне требований войны, выполняя, за неимением заказов военного ведомства, заказы гражданской промышленности. До этой мысли начальники ГАУ царской России не дошли.

Организационная структура ГАУ совершенно не соответствовала условиям работы военного времени, а попытки во время войны исправить эту организацию привели к нагромождению целого ряда комиссий, которые не облегчали работу ГАУ, а только тормозили ее.

О мобилизации промышленности, особенно гражданской, никто и не думал, так как генеральный штаб считал, что война продолжится 4—6 месяцев и что имеющихся запасов с избытком хватит на всю войну.

На театре войны артиллерийское снабжение действующих армий не было организовано в форме, обеспечивающей правильное бесперебойное питание.

В 1914—1915 гг. и в начале 1916 года был полный разрыв и взаимное непонимание между ГАУ и снабжением фронтов и армий. Это повело к полной дезорганизации системы снабжения, вызвало целый поток разноречивых телеграмм с требованием астрономических цифр выстрелов, никем не проверенных.

В организации фронтовых и армейских баз отсутствовала твердая определенная система, почему командование фронтов считалось только со своими потребностями, захватывая, при случае, то, что попадало к ним, хотя и предназначалось для другого фронта. Неналаженность в действующей армии артиллерийского снабжения приводила к тому, что на одном фронте был избыток снарядов и патронов, а рядом другой фронт нес поражение из-за их недостатка.

Современное понятие, что тылом действующей армии является вся страна со всеми ее ресурсами, отсутствовало. Не было также ясного представления о необходимости полного об'единения деятельности всех органов государственного управления для нужд войны, особенно для нужд боевого снабжения.

Это непонимание начиналось сверху.

Военные министры Сухомлинов и Поливанов, услужливые проводники самодержавных идей, занимались только политиканством и прислуживанием. Вместо того, чтобы ставить ГАУ основные задачи, наблюдать и руководить его деятельностью, они ведут с ним борьбу и не столько с самим ГАУ, сколько с его руководителями из побуждений личного свойства.

На самые ответственные должности назначались бездарные лица вплоть до последнего военного министра Беляева, которого за форму головы и умственные способности называли «мертвой головой».

А. А. Маниковский, не будучи прислужником придворной камарильи, смело выступал против всех подхалимов, но положительных результатов добиться не смог. Слишком плотна была та атмосфера глупости, недоверия и предательства, которая его окружала.

Издаваемый труд А. А. Маниковского, переработанный и дополненный Е. З. Барсуковым, указывающий пути, по которым должна итти страна в подготовке к войне, является очень ценным и для настоящего времени. Ряд вопросов, касающихся мобилизации военной и гражданской промышленности, организации боевого снабжения армии во время войны, поставлен с большой смелостью и с большим даром предвидения. Многие вопросы имеют до настоящего времени очень жизненное значение и еще ждут изучения и разработки.

Настоящая книга является необходимой настольной книгой не только для военных, но и для всех работников на хозяйственных предприятиях, связанных с задачами подготовки страны к обороне.

П. Е. Дыбенко.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

«Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.» вышло первым изданием в трех книгах: первая часть при жизни автора в 1920 году, вторая и третья части после его смерти в 1922 и 1923 гг.

Труд А. А. Маниковского является пока единственной, весьма солидной и чрезвычайно интересной монографией, широко охватывающей вопросы боевого снабжения русской армии в мировую войну, не только имеющей серьезное научно-историческое значение, но и необходимой для работ настоящего и будущего в области подготовки страны к обороне.

Мне пришлось убедиться, что почти все современные русские авторы, работающие в печати над вопросами снабжения и военной экономики, много заимствуют из труда А. А. Маниковского. Этим трудом не мало пользовался и я в своей работе «Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении», изданной в 1926 году; при этом многие данные труда А. А. Маниковского нашли себе подтверждение в документах бывшего Управления генерального штаба, по которым я работал в бывшем Военно-ученом архиве.

А. А. Маниковский в своем исследовании пользовался материалами архивов Главного артиллерийского управления, Главного управления по заграничным заказам, Управления полевого генерал-инспектора артиллерии и Управления генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего, сводом сведений, собранных для Верховной следственной комиссии, показаниями этой комиссии быв. начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева и его помощника ген. Смысловского, отчетом Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части, журналами Особого совещания по обороне и Междусоюзнической конференции, собранной в Петрограде в январе 1917 года, а также материалами своего личного архива.

Таким образом, А. А. Маниковским использованы весьма ценные архивные материалы. Кроме того, необходимо отметить, что А. А. Маниковский, по своему бывшему служебному положению начальника ГАУ (с мая 1915 года) и затем помощника военного министра по снабжению, имел возможность использовать для своего труда, начатого им еще в 1916 году, и фактически использовал все официальные документы, которые теперь стали «архивными данными», а тогда были живой «текущей перепиской».

Труд А. А. Маниковского представляет собою не только собранный им ценнейший материал по весьма разнообразным и сложным вопросам боевого снабжения, имевшего почти решающее значение в судьбах мировой войны на русском фронте, но освещен заключениями и выводами человека, с исключительным успехом руководившего этим самым боевым снабжением в труднейших условиях величайшей в истории войны, при полной неподготовленности к ней русской промышленности.

Труд отражает в себе взгляды одного из весьма немногих, действительно выдающихся деятелей русской армии, которыми была так бедна царская Россия. А. А. Маниковский обладал недюжинным умом, необычайной энергией, обширными познаниями и редкими дарованиями во всех областях артиллерийского дела, не исключая технической и организационно-административной.

А. А. Маниковский в своем предисловии к I части труда (в первом издании) пишет, что архивы, которыми он пользовался, находились в «самом жалком состоянии» (дела большей частью утрачены, а сохранившиеся — в разрозненном и беспорядочном виде) и что «неизбежным следствием такого состояния архивов является ряд неточностей и пробелов в его исследовании».

Ответственная редакционная коллегия, с своей стороны, при выпуске первым изданием I части труда А. А. Маниковского в 1920 году, признавала, что составленный им «очерк боевого снабжения, несмотря на все его достоинства, нельзя рассматривать, как исчерпывающий».

Как известно, А. А. Маниковский погиб при крушении поезда осенью того же 1920 года.

В марте 1922 года в предисловии к первому изданию II и III частей труда А. А. Маниковского Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войн говорит, что обе эти части «были представлены автором в далеко незаконченном виде», что в них «оказались пробелы», заполнить которые «по черновикам не удалось».

II и III части труда А. А. Маниковского были изданы под редакцией Н. Л. Владиславского, которому, как говорится в предисловии, для заполнения намеченных А. А. Маниковским таблиц «удалось найти нужные данные», выбирая из них «более вероятные», так как в различных источниках находились «значительно различающиеся между собою цифры и так как в целом виде не сохранилось почти ни одного архива». Н. Л. Владиславским были лишь заполнены некоторые таблицы, а в «остальном труд не подвергся ни малейшим изменениям».

Таким образом изданный после смерти А. А. Маниковского труд его является, так сказать, незаконченными и не вполне обработанными эскизами автора. Труд А. А. Маниковского в первом издании отражает всецело личные взгляды и весьма ценные выводы автора, но, по указанным выше причинам, в труде осталось не мало пробелов, многие вопросы боевого снабжения затронуты лишь вскользь (как, например, организация снабжения в тылу и на фронте) или вовсе не затронуты. Собранный А. А. Маниковским чрезвычайно интересный и поучительный материал

расположен недостаточно систематично, а некоторые имеющиеся в первом издании цифровые данные не отличаются достаточной точностью, сделанные же из них подсчеты и выводы иногда ошибочны.

Некоторые недочеты и недостаточная полнота не умаляют, однако, больших достоинств, интереса и той научной ценности труда А. А. Маниковского, какую он имеет и будет иметь для практических работ в области боевого снабжения армии, имеющего столь важное государственное значение в современных условиях подготовки страны к обороне.

Неопровержимым доказательством необходимости труда Маниковского может служить то обстоятельство, что, несмотря на указанные недостатки, первое издание труда быстро разошлось и стало библиографической редкостью. Между тем, спрос на труд не только остается большим, но увеличивается в связи с все более и более расширяющимся интересом к вопросам обороны СССР, правильное разрешение которых невозможно без учета грандиознейшего опыта войны, пережитого старой Россией сравнительно недавно, — лишь в предшествующее десятилетие.

По изложенным соображениям признано было необходимым переиздать труд А. А. Маниковского, переработав и дополнив его теми данными, которые могут считаться достаточно обоснованными.

По постановлению редакционной коллегии быв. военно-исторического отдела штаба РККА, переработка и дополнение предложены были мне. Я считал себя обязанным согласиться на сделанное предложение, так как служебная моя работа в последние два года мировой войны была тесно связана с работой А. А. Маниковского — по должности начальника ГАУ. Мы с ним работали рука об руку — он в глубоком тылу, в недрах государственных учреждений и общественных организаций, я на фронте, в Ставке. Помещаемые мною в приложениях ко второму изданию труда Маниковского выдержки из случайно сохранившихся его писем ко мне отчасти характеризуют наши взаимоотношения и нашу общую работу.

Письма эти ярко и откровенно рисовали действительное положение вещей, отражая взгляды Маниковского и присущее ему редкое для военных деятелей эпохи царствования Николая II, гражданское мужество настаивать на осуществлении проектируемых им мероприятий и открыто заявлять о непорядках и злоупотреблениях, не стесняясь тем, что это будет неприятно тем или иным власть имущим и умножит число его личных противников.

При исполнении работы я поставил себе задачей: прежде всего сохранить, по возможности полностью, текст и своеобразный язык А. А. Маниковского, чрезвычайно ясно и точно выражающий мысли автора. Не изменять его суждений, как ни казались бы они подчас резкими и суб'ективными. Восполнить некоторые имеющиеся в труде пробелы. Проверить собранный А. А. Маниковским и отчасти Н. Л. Владиславским богатый материал по данным, которые не имелись ими в виду. Совершенно иначе распланировать труд, чтобы сделать содержание отдельных глав второго издания более цельным и более об'емлющим тот или иной вопрос и тем,

по возможности, устранить параллелизм в изложении одного и того же в разных главах, как это имело место в первом издании.

Мною для второго издания составлено вновь большинство глав очерка деятельности ГАУ накануне мировой войны и более широко освещены вопросы о порядке заготовления предметов артиллерийского снабжения в довоенное время, о подготовке к войне русской промышленности и о взаимоотношениях ГАУ с другими органами военного министерства, с контролирующими ведомствами и с законодательными учреждениями (часть I). Почти целиком вновь составлены главы об организации боевого снабжения во время войны как в тылу вне театра военных действий, так и на театре военных действий (ч. V и ч. VI). Добавлены некоторые данные о подаче в действующую армию дистанционных трубок и взрывателей, о порохе, о взрывчатых и химических веществах, о заводском строительстве и пр. Наконец, добавлено вновь общее заключение.

В тех случаях, когда приведенные в первом издании некоторые данные оказывались не отвечающими документальным архивным материалам, но изменение их не противоречило выводам автора, в них либо вносились соответствующие изменения и дополнения, либо они вовсе исключались. В других случаях, при более или менее серьезном расхождении с выводами автора, мною вносились в текст второго издания поясняющие дополнение (в звездочках, с отметкой Б.).

В конце II тома этой книги помещены: а) перечень источников, какими я пользовался при переработке и дополнении труда А. А. Маниковского сверх тех источников, которыми пользовался он сам и которые указаны в его предисловии (см. том I); б) сравнительное оглавление первого и второго издания труда Маниковского с указанием, какие страницы текста и таблицы первого издания в какие именно главы второго издания включены; текст указанных страниц первого издания и таблицы перечислены во второе издание почти без изменений, за исключением незначительных поправок в исчислениях и редакционных. Весь остальной текст и таблицы во втором издании, сверх перенесенных из первого издания, а также все схемы, диаграммы и приложения, за исключением 4-го и 5-го приложений ко II тому, составлены для второго издания мною.

В числе источников указана и составленная мною книга «Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении» ГВИЗ 1926 г. На нее сделаны ссылки в подстрочных примечаниях текста второго издания. В ней освещены, главным образом, вопросы боевой подготовки артиллерии в тактическом отношении, но все же не обойдены молчанием многие вопросы артиллерийского снабжения. Поэтому позволяю себе рекомендовать читателям труда А. А. Маниковского во втором издании ознакомиться параллельно и с указанной моей книгой.

Несмотря на обширность использованного архивного материала, переработанный и дополненный мною труд А. А. Маниковского все еще нельзя считать вполне исчерпывающим весьма сложные и разнообразные вопросы боевого снабжения. Главной тому причиной служила край-

няя трудность пользования архивными материалами. До сих пор дела многих бывших учреждений остаются нерозысканными, если не совсем утерянными. Так, например, не удалось найти дел быв. управления дежурного генерала Ставки об артиллерийском снабжении в 1914—15 гг., т. е. за тот период, когда еще не было при Ставке Упарта и артиллерийским снабжением ведал дежурный генерал. Пришлось этот пробел восполнить случайно сохранившимися отчетами об артиллерийском снабжении, составленными мною по результатам командировок быв. генерал-инспектора артиллерии и моих на Юго-Западный и Кавказский фронты в 1916 г. и отчасти даже по памяти Н. Н. Старцева, который до 1916 г. вел дела артиллерийского снабжения при Управлении дежурного генерала. Многие необходимые дела ГАУ и Упарта до сих пор еще не сосредоточены в Военно-историческом архиве и находятся частью в Историческом артиллерийском музее в Ленинграде, частью в других местах, а частью погибли. Что касается дел, имеющихся в Военно-историческом архиве, то некоторая часть их еще не разобрана.

За отсутствием архивных материалов, в некоторых случаях, которых я всячески стремился избегать, чтобы не быть обвиненным в суб'ективизме, мне приходилось пользоваться появившимися в печати мемуарами и дневниками быв. военных министров Сухомлинова и Поливанова и прочими источниками (см. перечень), письмами А. А. Маниковского ко мне (о чем я уже упоминал) и, наконец, даже личными воспоминаниями о моей прошлой работе.

Все то сравнительно немногое в этом критико-историческом очерке, что относится к личным воспоминаниям и личной переписке участников минувших событий, выявляет причины и внутренний смысл событий иногда лучше, чем сухие официальные документы, и во всяком случае доступнее для широких кругов всех интересующихся снабжением армии в мировую войну.

Считаю долгом выразить искреннюю признательность А. А. Бурову, который принял на себя предварительный просмотр этого обширного труда в рукописи и внимательно его изучил с целью, как он сам выражался: «апеллировать ко мне от имени интересующихся вопросами боевого снабжения с рядом просьб по поводу необходимости пополнения первого издания». Некоторые вопросы боевого снабжения не получили бы достаточного освещения, если бы не проявленное со стороны А. А. Бурова вдумчивое отношение к настоящему труду.

Я не в состоянии был бы выполнить эту большую работу в заданный мне короткий срок, если бы Н. Н. Старцев не согласился выбрать и обработать некоторые материалы из Военно-исторического архива и из архива Артиллерийского управления РККА, необходимые мне для составления глав о боевом снабжении на театре войны. Сердечно благодарю Н. Н. Старцева за оказанную мне большую помощь в этой работе.

Евгений Барсуков.

Апрель 1928 г. Москва.

К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ ПЕРВОЙ ЧАСТИ 1920 г.

ОТ ОТВЕТСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ.

При составлении этой монографии оказалось невозможным использовать некоторые архивы и особенно архив бывшего Главного управления генерального штаба, вследствие чего предлагаемый очерк боевого снабжения, несмотря на все его достоинства, нельзя рассматривать как исчерпывающий *.

Ответственная редакционная коллегия

Председатель *А. А. Свечин.*

Ответственные редакторы *В. Н. Клембовский.*

Д. П. Парский.

Я. К. Цихович.

К. О. Рыльский.

Д. К. Лебедев.

* Вследствие спешного от'езда А. А. Маниковского в Туркестан, автору не удалось в некоторых местах проставить полностью цифровые данные. Они будут даны впоследствии.

К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ ВТОРОЙ ЧАСТИ 1922 г.

ОТ РЕДАКЦИИ КОМИССИИ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН.

Первая часть труда А. А. Маниковского «Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг.» вышла из печати в первой половине 1920 года.

Вторая и третья были представлены автором в далеко незаконченном виде; сам он уехал в командировку в Туркестан, а затем трагически погиб при крушении поезда.

В обеих этих частях оказались пробелы, особенно значительные в намеченных А. А. Маниковским приложениях. Заполнить их по черновикам не удалось, так как приложения А. А. Маниковский увез с собой, и они, повидимому, погибли.

Издать их, не заполнив пробелов, значило бы в большой мере обесценить весь труд. Заполнение этих пробелов потребовало большой работы, которую по поручению Комиссии выполнил Н. Л. Владиславский.

Лишь в самое последнее время после ряда справок в делах ГАУ ему удалось найти нужные данные для заполнения намеченных А. А. Маниковским таблиц.

Различные источники часто дают значительно различающиеся между собой цифры и так как в целом виде не сохранилось почти ни одного архива, приходилось выбирать более вероятные.

В остальном труд не подвергся ни малейшим изменениям и всецело отражает личные взгляды и выводы А. А. Маниковского.

Все, что составлено Н. Л. Владиславским заново помечено в тексте и в приложениях. Знак «*Ред.*» *.

28 марта 1922 г.

* Все, составленное Н. Л. Владиславским и помещенное во 2-е издание, помечено знаком „Ред. 1 изд.“.

ОТ АВТОРА.

В мае 1915 года высшее командование нашей армии признало, что главной причиной наших неудач на фронте является недостаток боевого снабжения. Виновным в этом было признано в первую голову Главное артиллерийское управление, почему начальник его, генерал Кузьмин-Караваев, был устранен 27 мая 1915 года от этой должности и вместо него был назначен я, вопреки моему желанию и несмотря на мой категорический протест, заявленный мною верховному главнокомандующему.

Месяц спустя был устранен от занимаемой должности и тогдашний военный министр, генерал Сухомлинов, а еще через месяц, 25 июля 1915 года, была учреждена «Верховная следственная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии».

Вот при каких обстоятельствах мне пришлось взять на себя дело снабжения нашей армии боевыми припасами. При этом мне было поставлено категорическое требование — в кратчайший срок и минуя всякие препятствия довести снабжение армии легкими парками до 30 в месяц или по 1 в день: без этого наша армия была обречена лишь на пассивное сопротивление и даже на отступление по всему фронту. До этого времени подача парков шла в таком размере: в январе и феврале — по 12 парков, в марте и апреле — по 15 и в мае ожидалось около 20 парков.

Через два месяца после этого подача парков на фронт возросла до *33*, а через полгода (в ноябре) до *50*. В 1916 году жалоб на недостаток легких парков уже не было совсем, а к 1917 году большая часть и всех остальных потребностей армии, возросших к этому времени до размеров необычайных, была близка к удовлетворению. Эти успехи были приписаны мне, но по совести я должен заявить, что это — успех всего ГАУ, а не одного его начальника.

За два года моего пребывания в Главном артиллерийском управлении я имел возможность ознакомиться с работой его как в течение самой войны, так и в предшествовавший войне период, и выяснить степень основательности обвинений, на него возводимых. А материал, собранный Верховной следственной комиссией, дал мне возможность составить определенное представление о тех причинах, вследствие которых наша армия не имела в минувшую войну достаточного боевого снабжения.

В предлагаемом труде я стараюсь возможно об'ективно разобраться в этих причинах, преследуя единственную цель: из ошибок печального прошлого извлечь поучение для лучшего будущего. Притом мне тем легче остаться на почве беспристрастия, что все обвинения Главного артиллерийского управления относятся к периоду, когда не я был начальником его; с моего же вступления в эту должность начался период значительного улучшения боевого снабжения армии, почему прибегать к пристрастному освещению деятельности ГАУ в целях самооправдания у меня нет никаких оснований.

Материалами для настоящего исследования служили мне:

1. Мой личный архив.
2. Архив ГАУ.
3. Архив Главзаграна.
4. Архив Упарта Ставки.
5. Архив Управления ген.-квартирмейстера ставки верховного главнокомандующего:

№№: 714 (I часть); 369 (V часть); 370 (VI часть); 512 (VII часть); 683 (VIII часть); не имеется совсем: II III и IV частей.

№№: 373 (II часть) и 513 (III часть); не имеется I и IV частей.

6. Свод сведений, собранных для Верховной следственной комиссии.
7. Журналы Особого совещания по обороне государства и подготовительной артиллерийской комиссии при нем.
8. Протоколы Междусоюзнической конференции в Петрограде в январе 1917 года.
9. Отчет о деятельности Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части.
10. Показания Верховной следственной комиссии генералов Кузьмина-Караваева и Смысловского.

Архивы всех вышеупомянутых учреждений находятся ныне в самом жалком состоянии: дела их большею частью утрачены во время всяких эвакуаций и перемещений, а сохранившиеся — в таком разрозненном и беспорядочном виде, что извлекать из них нужные сведения — одна мука. Кроме того большая часть старых работников этих учреждений, которые могли бы разобраться в оставшихся делах и розыскать в них сохранившиеся еще документы, уже давно покинули свои прежние места, а заместившая их молодежь и мало заинтересована и совершенно беспомощна в этом деле. Поэтому пользование делами этих архивов было сопряжено с трудностями исключительными, особенно имея в виду, что работать приходилось мне одному, б е з е д и н о г о п о м о щ н и к а.

Неизбежным следствием такого состояния архивов является ряд неточностей и пробелов в настоящем исследовании, пополнить которые можно будет только тогда, когда вышеупомянутые архивы будут приведены в больший порядок, если это вообще удастся когда-нибудь.

А. Маниковский.

Октябрь 1919 г. Москва.

ВВЕДЕНИЕ АВТОРА.

«Россия проиграла эту войну из-за недостатка боевого снабжения»... Вот мнение, сложившееся в широких слоях общества на основании голосов, шедших из наших военных кругов, из самой армии.

Что боевого снабжения действительно нехватало нашей армии — это факт неоспоримый; но в то же время было бы грубой ошибкой ограничиться только засвидетельствованием этого факта и всю вину за понесенные неудачи свалить на одно только «снабжение»: это было бы, что называется, «из-за деревьев не видеть леса», так как истинные причины наших поражениий кроются глубоко в общих условиях всей нашей жизни за последний перед войной период. И сам недостаток боевого снабжения нашей армии является лишь частичным проявлением этих условий, как неизбежное их следствие. И только, принадлежа к числу внешних признаков, всегда наиболее бьющих в глаза, он без особых рассуждений был принят за главную причину нашего поражения.

В настоящем труде я не предполагаю заняться всесторонним исследованием причин, приведших Россию к этой ужасной катастрофе, и указанием места, какое по справедливости должны занять в ряду их недочеты собственно боевого снабжения. Моя задача более узкая — представить возможно подробную картину этого снабжения, как оно было во время минувшей войны, и выяснить главным образом «программные» причины недостаточности его, т.-е. причины, таившиеся преимущественно в недрах военного ведомства. Поэтому я ставлю себе целью выяснить: состояние вооружения нашей армии непосредственно перед войной; степень несоответствия его современным требованиям военного дела, особенно по сравнению с состоянием его у наших противников; требования по части боевого снабжения армии, которые поставила сама война и степень удовлетворения этих требований, а также причины невозможности покрыть их полностью; степень влияния недочетов боевого снабжения на ход военных операций нашей армии.

При таких рамках исследования мне придется касаться работы преимущественно военного ведомства. Тем не менее при рассмотрении целого ряда вопросов нельзя будет не касаться роли и других правительственных органов, которым принадлежала руководящая или разрешающая или финансирующая роль в деле как устройства военной силы России вообще, так и в организации снабжения нашей армии в частности. Поэтому мне неизбежно придется выйти из пределов чисто военного

исследования и касаться сфер деятельности министерств: финансов, государственного контроля, торговли и промышленности, а также Совета министров и Особого совещания по обороне государства.

Ниже приводится ряд вопросов, совокупность ответов на которые должна дать картину как степени подготовки нашей армии к войне, так и удовлетворения ее боевых нужд за время войны.

1. Кем, когда и на каких основаниях были определены мобилизационные нормы вооружения и боевых запасов нашей армии?

2. В какой степени, количественно и качественно, были осуществлены эти нормы к началу войны?

3. В какой мере вооружение нашей армии перед войной 1914—1918 гг., количественно и качественно, оказалось на высоте современных требований, особенно по сравнению с тем, что оказалось у наших противников?

4. Кем, когда и на каких основаниях были определены нормы питания боевыми припасами нашей армии на время самой войны?

5. В какой мере эти задания (на время войны) выполнялись соответствующими довольствующими органами снабжения?

6. Каковы были причины того громадного несоответствия мобилизационных заданий мирного времени по части боевого снабжения армии, какое оказалось в действительности?

7. Как справлялись с возникшими при этом задачами довольствующие органы снабжения?

8. В какой степени оказалась на высоте задач, поставленных войной, наша промышленность как специально военная, так и общая?

9. Какова была роль общественных организаций и каковы оказались практические результаты их вмешательства в дело боевого снабжения армии?

10. В какой мере помогли нам по части боевого снабжения наши союзники и заграничный рынок вообще?

11. Помимо недочетов со стороны собственно «снабжения», какие были недочеты и со стороны как самого командования, так и руководящих органов военного министерства в деле распределения боевых припасов на фронте?

Вот те вопросы, которые составляют ближайшую цель настоящего исследования и ответы на которые осветят картину боевого снабжения нашей армии в войну 1914—1918 гг.

I

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ.

★

ОЧЕРК
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНОГО
АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАК ОРГАНА
БОЕВОГО СНАБЖЕНИЯ
АРМИИ

ОРГАНИЗАЦИЯ И КРУГ ВЕДЕНИЯ ГАУ ДО 1910 г. И ПОСЛЕ РЕОРГАНИЗАЦИИ АРМИИ 1910 г. *.

По основным законам царской России верховное начальствование над всеми вооруженными силами государства принадлежало царю. Ему предоставлялось право издавать указы и повеления относительно дислокации войск, приведения их на военное положение, обучения их, прохождения службы чинами армии и флота и всего вообще относящегося до устройства вооруженных сил обороны Российского государства.

Военный министр являлся главным начальником всех отраслей военно-сухопутного управления и подчинялся непосредственно верховной власти. Он обязан был наблюдать за благоустройством войск, всех военных управлений и заведений и направлять их деятельность. Военный министр председательствовал в Военном совете — высшем учреждении для обсуждения и решения важнейших законодательных, хозяйственных и инспекторских дел, возникающих по военно-сухопутному ведомству. Он представлял царю все дела военного управления, подлежащие разрешению верховной власти.

Что касается артиллерии, то первоначально все дела по организации, мобилизации и инспектированию артиллерийских частей, а также по снабжению их и всей армии оружием и материальной частью, лежали на обязанности Главного артиллерийского управления **, во главе которого стоял генерал-фельдцейхмейстер (обычно из лиц царской фамилии).

Заместителем генерал-фельдцейхмейстера являлся в 1904 г. инспектор всей артиллерии, переименованный в 1905 г. в генерал-инспектора артиллерии, которому было предоставлено право личного доклада царю.

Непосредственным начальником ГАУ являлся товарищ генерал-фельдцейхмейстера.

В конце 1908 г. была учреждена должность начальника Главного артиллерийского управления, в ведение которого отошли дела мобилиза-

---

* Осн. гос. законы Росс. империи, ст. 2 и 14. Св. законов т. I. Учр. воен. министерства, ст. 840, 846, 847. Св. воен. постановлений кн. 1, изд. 3, ст. 1, 3, 4, 8, 10, 11, 232-236. Собр. узак. 1915 г. ст. 230. Положение о ГАУ. Приказы по воен. ведом. 1904 г. № 535, 1905 г. № 456, 1908 г. № 587, 1910 г. № 664.

** В дальнейшем Главное артиллерийское управление будет сокращенно называться ГАУ.

ционные, организационные и хозяйственные, а в ведении генерал-инспектора артиллерии остались дела по инспектированию строевых артиллерийских частей; за генерал-фельдцейхмейстером сохранялось высшее почетное звание в артиллерии. Такое положение существовало до 1910 г.

При общей реорганизации центрального военного управления в 1910 г., из ведения ГАУ изъяты были дела по организации, мобилизации и личному составу строевых артиллерийских частей и переданы в Главный штаб и в Главное управление генерального штаба *. В ведении ГАУ остались дела по личному составу и организации самого ГАУ и непосредственно подведомственных ему управлений, учреждений и заведений, а также дела по формированию в военное время учреждений и заведений артиллерийского ведомства и их управлений (местные парки и подвижные починочные мастерские, склады огнестрельных припасов и прочее).

В остальном круг ведения и обязанности ГАУ остались без изменения и сводились, главным образом, к обеспечению армии оружием и огнестрельными припасами.

Одновременно подверглось изменению и положение о генерал-инспекторе артиллерии, который в 1910 г. был лишен права личного доклада царю. По измененному 1 декабря 1910 г. положению, генерал-инспектор артиллерии мог только инспектировать артиллерийские строевые части и то лишь по указанию военного министра.

Таким образом, в 1910 г. вся полнота власти по военному ведомству сосредоточивается в лице военного министра, которому подчиняется и начальник Генерального штаба.

Военный министр, ген. Сухомлинов, большинство своих обязанностей в отношении артиллерийского ведомства возложил с 1910 г. на своего помощника.

Главное артиллерийское управление (ГАУ) образовалось в 1862 г., и после того, в течение почти 50 лет, устройство и состав его не подвергались сколько-нибудь существенным изменениям.

За время полувекового существования ГАУ был проведен в жизнь ряд мер, направленных к усилению вооружения и боевой готовности армии и к усовершенствованию обороны. Состав армии увеличился весьма значительно, возведены были новые крепости; материальная часть артиллерии крайне усложнилась, введены были на вооружение новые орудия, винтовки, пулеметы, боевые припасы, вспомогательные приборы для стрельбы и пр. Специальная техническая и практическая подготовка артиллерии усложнилась; увеличилось число технических артиллерийских заведений и складов; образованы были обширные запасы артиллерийского имущества и пр. Бюджет ГАУ, по сравнению с 1863 г., возрос более чем в 6 раз, не считая чрезвычайных ассигнований (с 6 миллионов

---

* Впредь Главное управление генерального штаба будет сокращенно называться ГУГШ.

в 1863 г. до 40 миллионов в 1910 г.). Сообразно с этим прогрессивно возрастала работа ГАУ, с которой оно, еще задолго до мировой войны, безусловно не справлялось *.

Необходимость существенной реорганизации ГАУ, неизбежной со времени введения на вооружение армии скорострельных орудий в 900-х годах, особенно после Русско-Японской войны 1904—1905 гг., признавалась всеми, близко стоящими к делу.

Между тем, во избежание увеличения ежегодного расхода на содержание ГАУ, организация и штаты его оставались почти без всяких изменений до 1910 г.

В 1910 г., когда дела по личному строевому составу артиллерии (инспекторская часть), по организации и мобилизации были переданы из ГАУ в Главный штаб и в ГУГШ, штаты оставшихся в ГАУ хозяйственных отделений были усилены лишь 4 помощниками начальника отделения, 1 столоначальником и 3 помощниками столоначальника. Организация Артиллерийского комитета осталась без изменения, если не считать, что в состав комитета был назначен один специальный совещательный член ГУГШ. Хотя он и был представителем «интересов войск и государственной обороны» **, но являясь единственным и притом лишь совещательным членом, весьма слабо представлял эти интересы и часто даже вовсе не присутствовал на заседаниях Артиллерийского комитета.

После реорганизации 1910 г., в ГАУ попрежнему сосредоточивалась техническая, ученая, учебная и хозяйственная части всего артиллерийского ведомства. На обязанности ГАУ лежало полное обеспечение потребности государства предметами вооружения. ГАУ должно было следить за всеми усовершенствованиями по артиллерийской части и после предварительного испытания вводить их. В частности, на Артиллерийский комитет при ГАУ возлагалось: 1) обсуждение вопросов, касающихся теории, техники, практики и даже боевой подготовки артиллерии, а также ручного оружия; 2) руководство исследованиями и опытами по всем этим предметам; 3) рассмотрение новых изобретений по артиллерийской части и различных инструкций и программ; 4) рассмотрение вопросов, касающихся артиллерийского образования; 5) распространение научных сведений между офицерами артиллерии.

Приведенного перечня достаточно, чтобы судить о чрезвычайной сложности и разносторонности огромной, ответственной работы ГАУ.

Опыт применения нового штата выяснил отрицательные результаты произведенных в 1910 г. некоторых изменений в устройстве ГАУ.

Организация хозяйственных отделений и Артиллерийского комитета оставалась прежняя—неудовлетворительная; вопросы о назначениях на командные должности—командира батареи и выше—передавались из Главного штаба на заключение генерал-инспектора артиллерии через

---

* Записка помощника начальника ГАУ ген. Леховича от 24 мая (7/VI) 1912 г.

** Приказ по военному ведомству 1910 г. № 496.

ГАУ, т.-е. попрежнему разрешались в ГАУ, отягощая его канцелярию из-за упразднения инспекторского отделения; вопросы боевой подготовки артиллерии, организационные и отчасти мобилизационные, в большинстве случаев, также передавались из ГУГШ на заключение Артиллерийского комитета, крайне обременяя его работой, по существу ему даже не свойственной.

В Артиллерийском комитете и без того должны были разрешаться все без исключения артиллерийские вопросы технического характера, какой бы важности они ни были и где бы ни возникали. Подобных вопросов возбуждалось огромное количество, вследствие крайнего разнообразия и сложности артиллерийского дела плюс быстрое развитие современной техники.

Все сколько-нибудь серьезные вопросы разрешались на общем собрании Артиллерийского комитета, на котором должны были присутствовать все члены комитета, специалисты по разным отраслям артиллерийской техники. Решения комитета иногда носили случайный характер, так как специалисты в одном каком-нибудь вопросе не всегда бывают достаточно компетентными в других специальных вопросах. Чаще всего это случалось при разрешении вопросов тактического, организационного и мобилизационного характера.

Во всех отраслях сложного военного дела требуется специализация знаний и разделение труда в самых широких размерах. Сосредоточение крайне разнообразных специальных вопросов в Артиллерийском комитете и разрешение большинства из них на общих собраниях комитета не отвечало современным требованиям.

При таких условиях, да еще при обилии подлежащих разрешению мелких дел, научная работа Артиллерийского комитета была крайне затруднена, в результате—крайне нежелательные промедления в разработке различных технических артиллерийских вопросов.

Полное преобразование ГАУ и состоящего при нем Артиллерийского комитета, несмотря на реорганизацию 1910 г., являлось крайне необходимым; это признавалось и законодательными учреждениями. Так, например, еще при рассмотрении сметы военного министерства на 1910 г. Государственная дума, между прочим, указала на необходимость принятия необходимых мер к усилению нашей полевой и мортирной артиллерии и обратила внимание на то, что военное министерство оставляет значительную часть отпускаемых ему средств неиспользованной. Среди обстоятельств, препятствовавших правильному и своевременному использованию этих кредитов, были указаны внутренние причины, коренившиеся в самом ведомстве, особенно в ГАУ, и замедлявшие заготовления артиллерии, огнеприпасов и пр. По тому же поводу в следующем 1911 г. докладчик Комиссии по государственной обороне в заседании Государственной думы 11 марта заявил следующее:

«Последнее обстоятельство уже не раз обращало наше внимание и однажды я уже указывал здесь на это; теперь я должен сказать, что этот вопрос дебатировался в Комиссии по государственной обороне и там

ведомству ставили довольно серьезные упреки в том, что в деле заготовления артиллерийских принадлежностей ведомство слишком медленно совершает свои операции, что организация Главного артиллерийского управления, повидимому, хранит в себе такие дефекты, которые способствуют излишней канцелярщине, излишней переписке, излишней медлительности в военном деле снабжения нашей армии всем необходимым, на что дума, до сих пор не отказывая, давала все те кредиты, которые ведомством испрашивались.

И вот теперь комиссия в четвертый раз предлагает Государственной думе отпустить кредиты, испрашиваемые ведомством, и вместе с тем еще раз очень серьезно обратить внимание ведомства на то, чтобы использование их шло интенсивно, чтобы были устранены те обстоятельства, которые тормозят заготовление материальной части из-за лишних внутренних ведомственных трений» *.

Несмотря на такую резкую и решительную критику одного из важнейших управлений, ведающего делом боевого снабжения армии, военный министр, как было указано выше, ограничился незначительными канцелярскими перемещениями, признавая, однако, что ГАУ предстоит обширная работа по перевооружению сухопутных и приморских крепостей и по снабжению полевой артиллерии орудиями крупных калибров.

Комиссия по государственной обороне нашла, что «деятельность Главного артиллерийского управления в деле снабжения армии новейшими боевыми средствами отличается медленностью и беспорядочностью. При выяснении причин оказалось, что замедление в заготовке материальной части происходит вследствие неудовлетворительности административных органов, ведающих надзором над ними, а равно вследствие неправильного распределения заказов между казенными и частными заводами, от неподготовленности нашей промышленности к некоторым производствам, междуведомственных трений и, наконец, от излишней продолжительности предварительных изысканий и опытов. Разработка технических усовершенствований в материальной части артиллерии и ручного оружия и связанных с этою отраслью вопросов возложена на состоящий при ГАУ Артиллерийский комитет. Большинство постоянных членов комитета ранее занимали должности делопроизводителей комитета и некоторые из них состоят членами от 10 до 40 с лишком лет. Таким образом, все эти лица уже давно порвали связь с живым делом как строевым, так и техническим, и деятельность комитета приобрела замкнутый и малоподвижный характер, при устарелой и крайне громоздкой организации. Между тем, все нити боевой готовности армии в техническом отношении сосредоточиваются в этом комитете, который является единственным вершителем судеб всякой новой мысли, всякого усовершенствования в области артиллерийской техники и материальной

* Свод сведений, собранных 25/VII 1915 г. для Верховной следственной комиссии, по вопросам государственной обороны в Государственной думе за 1908—1915 г.г., стр. 28—29.

части, в результате же наша армия оказывается всегда позади армий наших возможных противников *.

В числе других недочетов организации ГАУ указывалось на нецелесообразное распределение обязанностей между отдельными органами управления, вследствие чего некоторыми однородными отраслями дела ведало несколько отделений, а для других, весьма важных, вовсе не имелось особых специальных органов. На основании изложенного, Комиссия по государственной обороне пришла к заключению, что «подобного рода меры, как усиление штата ГАУ ** новыми столоначальниками и бухгалтерами, никакого существенного значения не имеют и иметь не могут. Необходимо новое и коренное преобразование как заводов, так и центрального органа, приспособление их к требованиям настоящего времени, придание устройству управления и состоящего при нем комитета жизненности и гибкости, а также омоложение личного состава».

Государственная дума отклонила законопроект военного министра и признала необходимым, чтобы «военный министр безотлагательно приступил к разработке вопроса о коренном преобразовании ГАУ и Артиллерийского комитета, с тем, чтобы законопроект по этому предмету был внесен в законодательные установления в ближайшую сессию» ***.

В мае 1912 г. при рассмотрении в Государственной думе сметы военного министерства, докладчик Комиссии по государственной обороне Гучков вновь коснулся вопроса об организации Артиллерийского комитета. Он заявил, между прочим, что «этот комитет не раз вызывал уже нарекания и в Комиссии и в Государственной думе. Надо сказать, что несколько архаическая его организация —отсутствие быстрого обновления его состава, недостаточная техническая высота этого комитета, все это делает его тяжелым тормозом при введении различных усовершенствований в артиллерийском деле. Повидимому, ведомство не возражает против такой критики этого учреждения, и в Комиссии государственной обороны представители ведомства заявили, что они имеют в виду действительно реорганизовать это учреждение, имеют в виду ввести возрастный ценз, имеют в виду пригласить в комитет на младшие должности лиц, прослуживших после академии на заводе или на главном полигоне или в офицерских школах несколько лет и зарекомендовавших себя своею любовью к делу и своими литературными работами по различным техническим и артиллерийским вопросам. Затем, имеется в виду обеспечить за этими лицами дальнейшее служебное движение и дать им обеспеченное материальное положение, которое давало бы им возможность не переходить для дальнейшего прохождения службы в другие учреждения или в строй, от которого они уже несколько отвыкли, а со-

* Свод сведений, собранных 25/VII 1915 г. для Верховной следственной комиссии по вопросам Государственной обороны в Государственной думе за 1908—1915 г.г., стр. 29 и 30.

** В 1910 году.

*** Там же, стр. 30.

хранять свой опыт и свои знания для работы как раз в этих технических артиллерийских заведениях. Затем предполагается увеличить личный состав комитета. И, таким образом, надо думать, что эта реформа будет проведена, и если этой новой организацией ведомство действительно воспользуется, чтобы обновить личный состав, то, может быть, это поведет к полному обновлению этого учреждения» *.

Подчеркивая крайнюю медленность технических усовершенствований, разрабатываемых Артиллерийским комитетом (вопрос шел о взрывателях, который Арткомитетом разрабатывался в течение 5—6 лет), докладчик Комиссии обороны Государственной думы признал ГАУ в корне дезорганизованным ведомством и при этом заявил Государственной думе следующее:

«Надо знать, какими сложными путями проходят малейшие вопросы в ГАУ, особенно сколько-нибудь новые и свежие идеи, в каких лабиринтах делопроизводств, отделений они затериваются, как нужны недели, месяцы для такого рода операций, которые в любом сколько-нибудь благоустроенном частном предприятии кончились бы в течение если не часов, то дней. Простая передача заказа, полученного от морского ведомства, простая передача заказа соответствующему техническому артиллерийскому заведению на соответствующий завод требует, как был случай, не меньше шести месяцев» **.

Неоднократно отмечаемая Государственной думой критическая оценка отрицательных сторон организации ГАУ, в частности Артиллерийского комитета, крайне вредно отражавшихся на деятельности ГАУ, имела достаточные основания. Тем более, что материалы для такой оценки члены Государственной думы, в большинстве случаев, получали открыто через ответственных работников того же ГАУ и лишь частично негласным порядком от отдельных лиц, служащих в военном министерстве и близко знавших работу ГАУ.

Крайняя медлительность и бюрократическая запутанность в разрешении вопросов ГАУ получили такую нелестную известность, что недаром в строевых частях артиллерии ГАУ иначе не называли, как «главным артиллерийским затруднением». Продвижение самых простых, заурядных вопросов в ГАУ измерялось неделями, а в Артиллерийском комитете нормальным движением считалось 3—4 месяца. Что касается больших серьезных вопросов, то разрешение их длилось месяцами, а в некоторых случаях годами. Например, только одно «бумажное» делопроизводство по переустройству и оборудованию орудийного завода для изготовления 3-дм пушек, несмотря на необходимость срочного разрешения вопроса, продолжалось почти год, считая со времени получения смет от завода до внесения представления ГАУ в Военный совет. Переговоры и переписка по поводу заключения договора ГАУ с Путиловским заводом на первый валовой заказ тех же пушек продолжались несколько

* Там же, стр. 44.

** Св. сведении собранных 25/VII 1915 г. для Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Государственной думе за 1908—1915 гг., стр. 35 и 36.

месяцев, причем договор был заключен лишь после настойчивого приказания высшей власти. Вопрос об устройстве мастерских для снаряжения патронов при мобилизации затянулся на 4 года и т. д.

Несоответствие организации ГАУ современным требованиям вполне осознавалось в первую очередь работниками самого ГАУ. Вследствие чрезмерного обременения их работой, часто не планомерной и даже излишней, происходили неизбежные задержки и затруднения, влекущие промедления в артиллерийском снабжении в ущерб боевой готовности армии *. Громоздкость делопроизводства и чрезвычайная медленность разрешения вопросов в Артиллерийском комитете признавалась и его работниками **.

Подробный проект преобразования был составлен в ГАУ весною 1912 г. ***.

Предполагалось создать в ГАУ особый учетно-распорядительный отдел снабжения, который будет устанавливать табели артиллерийского имущества и потребность в нем для армии, распоряжаться заготовлением необходимых предметов артиллерийского довольствия в соответственных отделах заготовления и снабжать ими армию. В этом отделе предполагалось сосредоточить все сведения о состоянии артиллерийского имущества в войсках и запасах, а также о ходе заготовления заказанных предметов, чтобы отдел снабжения всегда мог определенно указать, в каких войсках и запасах и каких предметов нехватает, когда недостающие заказанные предметы могут быть готовы и отпущены войскам.

Заготовительные отделы ГАУ, по проекту, должны были ведать заказами предметов вооружения по требованиям распорядительного отдела снабжения и являться ответственными за своевременность заготовления. В одном из заготовительных отделов предполагалось сосредоточить управление техническими артиллерийскими заведениями, причем начальником этих заведений являлся начальник отдела. При этом условии можно было ожидать строгой согласованности в выполнении нарядов техническими артиллерийскими заведениями и устранения прежнего порядка, когда один и тот же завод или арсенал получал наряды от различных хозяйственных отделений ГАУ, не считавшихся ни с производительностью заводов, ни с перегруженностью их заказами.

По проекту, Артиллерийский комитет преобразовывался в техническую часть, подразделенную на самостоятельные отделы по той или иной специальности; в каждом отделе должно было окончательно разрешаться

* Записка помощника начальника ГАУ ген. Леховича 24/V (7/VI). 1912 г. об организации ГАУ. Приложения 1 и 2.

** Записка члена арткома ген. Дымша 7(20)-V 1912 г. о реорганизации арткома. Приложения 3 и 4.

*** Записка о реорганизация ГАУ ген. Леховича. Материалом для составления записки ген. Леховича служили записки Дымша, Нечволодова и Барсукова. В записке Леховича проект реорганизации ГАУ почти полностью согласован с запискою Барсукова, за исключением Арткома, в котором, по мнению Дымша (одного из талантливейших членов Арткома) и Барсукова, не должно быть отдела по вопросам организации и боевой подготовки артиллерии.

большинство дел по данной специальности. Отделы предполагалось приблизить, с одной стороны, к живому делу техники и строя, с другой—к соответствующим отделениям ГАУ, с которыми, а также с необходимыми заводами, отделы должны были находиться в постоянном непосредственном общении.

В случае возникновения в отделениях ГАУ маловажного технического вопроса, он должен был разрешаться, не выходя из отделения, путем приглашения для консультации лиц из соответствующих отделов технической части (Арткомитета) или специалистов с заводов, не возбуждая излишней переписки.

При невозможности решить вопрос таким путем или при разрешении вопроса, возникающего помимо отделений ГАУ, он передавался на обсуждение подлежащего отдела технической части. К обсуждению должны были привлекаться не только причастные лица соответствующих отделов и отделений ГАУ, но и другие, не только военные, но вообще специалисты, которые могли быть полезными в этом случае.

Подобным же образом предполагалось разрешать вопросы о новых изобретениях в области артиллерии, но при обязательном участии приглашаемых для этого специалистов военного и посторонних ведомств, а также представителей от войск, в зависимости от характера решаемого вопроса.

По мнению члена Арткома ген. Дымша, в круг обязанностей чинов комитета не должно было включаться требование разработки или изобретения новых предметов артиллерийского довольствия—винтовок, трубок, лафетов и пр., так как способность изобретать далеко не всегда связана со знанием дела и является уделом немногих.

Только в исключительных случаях для разрешения наиболее серьезных общих вопросов предполагалось допускать собрания всех или только некоторых отделов технической части и также с обязательным участием приглашаемых специалистов по обсуждаемому вопросу, представителей от войск, от ГУГШ и пр.

В состав технической части предполагалось включить отдел «по образованию артиллерии и по изданию специальных артиллерийских уставов, положений и руководств», в котором признавалось необходимым сосредоточить все подобные вопросы, разбросанные по различным отделам ГАУ и ГУГШ и по разным комиссиям *) (например, комиссия по разработке артиллерийских руководств, образованная под председательством начальника артиллерии Петроградского военного округа ген. Краевского, из представителей от ГУГШ, от ген.-инспектора артиллерии, Арткомитета, офицеров артшколы и строевых артчастей, работала с 1911 г. до начала войны; ею изданы почти все описания материальной части скорострельной полевой артиллерии и другие руководства артслужбы).

Составленный в ГАУ проект организации, как не одобренный военным министром, дважды возвращался для переработки. В начале 1913 г.

---

* Записки о реорганизации ГАУ ген. Леховича и ген. Дымша. Приложения 1—4.

основные положения для преобразования ГАУ были выработаны помощником военного министра.

Потребовалось два года, чтобы исполнить, наконец, пожелание Государственной думы. Лишь накануне войны, военным министром был внесен законопроект 18 апреля (1 мая) 1914 г. «о реорганизации Главного артиллерийского управления». Военный министр признавал, «что лишь при намеченном преобразовании может быть достигнута планомерность в работе и своевременность исполнения заказов по снабжению армии артиллерийским довольствием».

Законопроект этот был одобрен Государственной думой и утвержден высочайшей властью 7 сентября 1914 г. *, но он несколько не соответствовал предположениям первоначального проекта ГАУ, и, по личному мнению начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева, был нежизненным.

Утверждение законопроекта дало возможность несколько усилить личный состав ГАУ, в котором недостаток работников дошел до крайности. Но проект не был проведен в жизнь в полной мере, так как с началом войны 1914 г. помощник военного министра признал несвоевременным изменять работу ГАУ **.

Наконец, во время войны, летом 1915 г., ген. Маниковский, назначенный на должность начальника Главного артиллерийского управления, настоял на утверждении нового, значительно расширенного штата управления, соответствующего тому громадному труду, который потребовался от ГАУ в тяжелых условиях мировой войны, призвавшей к неустанной работе по обеспечению армии предметами боевого снабжения все производительные технические, научные и административные силы не только артиллерийского ведомства, но и всей страны, в том числе и широкие общественные организации.

В том же 1910 г., когда в связи с реорганизацией армии было несколько реорганизовано и ГАУ, издано было новое положение о генерал-инспекторе артиллерии ***. Положение это оставалось без изменений до начала мировой войны. На нем необходимо остановиться в виду того доминирующего влияния, какое оказывал генерал-инспектор артиллерии **** на всю русскую артиллерию вообще, в частности и на деятельность ГАУ.

Генерал-инспектор артиллерии, по положению, не являлся начальником всей артиллерии, а потому не мог давать непосредственно те или другие указания по артиллерийской части через не подчиненных ему командующих войсками в округах; своих же сотрудников артиллеристов при командующих войсками он не имел. Даже инспектора артиллерии

---

* Приказ по военведу 1914 г. № 603.

** Записка (об'яснительная) быв. начальника ГАУ, ген. Кузьмина-Караваева, стр. 100. Записка эта в копии представлена была в 1916 г. полевому генерал-инспектору артиллерии; она идентична с „показаниями“ ген. Кузьмина-Караваева, которыми пользовался А. А. Маниковский при составлении своего труда.

*** Приказ по военведу 1910 г. № 664.

**** Быв. великий князь Сергей Михайлович Романов.

корпусов ни в каком отношении не подчинялись генерал-инспектору артиллерии. Напротив, по существовавшему положению, они скорее находились в некоторой зависимости не от генерал-инспектора артиллерии, а от ГАУ, куда они должны были ежегодно, к 1 декабря, представлять отчет с заключением о причинах невыполнения или неуспеха курса годовых занятий и о мерах, которые могли улучшить в будущем постановку артиллерийского дела в частях. Следовательно, генерал-инспектор артиллерии мог осведомляться с отчетами инспекторов артиллерии корпусов лишь через ГАУ.

Генерал-инспектор артиллерии назначался, как говорилось в положении, «для наблюдения и поверки боевой подготовки артиллерии и деятельности учреждений и заведений, тесно связанных с боевой подготовкой артиллерии», однако за исключением ГАУ. Он мог только «присутствовать в Артиллерийском комитете ГАУ с правом голоса»; никаких других взаимоотношений между генерал-инспектором и ГАУ положением не предусматривалось. Между тем, деятельность ГАУ, разумеется, в значительной мере сказывалась на боевой подготовке артиллерии, за которую генерал-инспектор артиллерии был ответственен. При таких условиях вмешательство генерал-инспектора артиллерии в деятельность ГАУ являлось неизбежным, хотя по закону он не обязан был ни наблюдать, ни проверять ГАУ.

По этому поводу неоднократно происходили недоразумения, вредно отзывавшиеся на работе артиллерийского ведомства. Так, например, в 1910 г. помощник военного министра ген. Поливанов предупредил начальника ГАУ, что военный министр «не допустит вмешательства генерал-инспектора артиллерии в сферу деятельности, ему не принадлежащей».

На это начальник ГАУ ответил ген. Поливанову, что генерал-инспектор артиллерии имеет отношение к ГАУ лишь в пределах обязанностей, определенных по его должности, совершенно не касаясь не подлежащих его компетенции многочисленных решений ГАУ *.

В действительности, генерал-инспектору артиллерии докладывались почти все важнейшие вопросы, возникающие в ГАУ, и разрешение их в значительной мере зависело от него. Вмешательство генерал-инспектора артиллерии в деятельность ГАУ не только оправдывалось, но даже требовалось военным министром Сухомлиновым, который, вопреки предупреждению своего помощника ген. Поливанова, поступал обратно, настаивая на заключении генерал-инспектора артиллерии даже в тех случаях, когда по закону и общему смыслу обязанностей он не вправе был давать заключение.

По положению, генерал-инспектор артиллерии обязан был следить за развитием артиллерийского дела, за усовершенствованием и однообразием всех отраслей боевой подготовки артиллерии, проверять целе-

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 103.
** Там же.

сообразность ведения учебных занятий и боевую готовность артиллерии. Ему предоставлялось право возбуждать вопросы о мерах, необходимых для всестороннего усовершенствования всех отраслей подготовки артиллерии, ее вооружения, устройства и снабжения материальной частью. Разумеется, целесообразное исполнение перечисленных обязанностей возможно было лишь при самой тесной связи работы генерал-инспектора артиллерии с деятельностью ГАУ.

Обязанности генерал-инспектора артиллерии были весьма обширны и ответственны, но, кроме права «возбуждать вопросы», ему, в сущности, прав не предоставлялось. Он всецело был подчинен военному министру и без него ничего не мог предпринимать для проведения в жизнь. Он должен был представлять царской власти отчет о своей деятельности, да и то через военного министра. Ему же периодически он докладывал о результатах инспекции артиллерии и о всех желательных мероприятиях по артиллерийской части.

Военный министр, «если признавал необходимым» *, мог об'явить в приказе указания генерал-инспектора или сообщить их для руководства войскам, а проектируемые им новые меры передать для разработки в соответствующие главные управления военного министерства.

Военный министр, загруженный законодательными и административно-хозяйственными делами, обыкновенно не мог входить в сколько-нибудь серьезное рассмотрение артиллерийских вопросов, возбуждаемых генерал-инспектором артиллерии, да он вообще ими не особенно интересовался **.

В результате — разрешение этих вопросов в значительной степени зависело от начальника ГУГШ и от начальников других управлений, к которым вопросы передавались от военного министра, в том числе и от начальника ГАУ.

Таким образом, вопросы, передаваемые военным министром в ГАУ, возвращались, в сущности, на усмотрение генерал-инспектора артиллерии, который давал начальнику ГАУ соответствующие указания, как их разрешить, хотя по закону и не имел на это права (начальник ГАУ не был ему подчинен).

Выше указывалось, что военный министр Сухомлинов переподчинил начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева своему помощнику ген. Поливанову, который поэтому считал себя ответственным за деятельность ГАУ.

Генерал-инспектор артиллерии, оставаясь в непосредственном подчинении военному министру и оказывая влияние на разрешение некоторых вопросов в ГАУ, мог не считаться с ген. Поливановым. Это обстоятельство, в связи с властным характером и честолюбием ген. Поливанова, вызвало весьма недоброжелательное отношение его к генерал-инспектору

---

* Приказ по военведу 1910 г. № 664.

** Это относится, главным образом, к военному министру ген. Сухомлинову.

артиллерии, особенно к переподчиненному ему ген. Кузьмину-Караваеву, выразившееся в постоянных упреках по служебным недочетам и приводившее неоднократно к вредным для дела трениям *.

В общем, в организации высшего управления артиллерии и боевого снабжения армии не было определенной стройной системы. Но благодаря авторитету генерал-инспектора артиллерии, который персонально мог не особенно считаться даже с военным министром, дефекты управления не имели сколько-нибудь вредных последствий для специальной боевой подготовки артиллерии **, а взаимные благожелательные отношения между ним и начальником ГАУ способствовали тому, что дефекты управления не привели к дезорганизации артиллерийского снабжения армии, хотя и отражались на нем.

* См. ниже о взаимоотношениях ГАУ с другими органами военного министерства.

** Е. Барсуков — Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, стр. 107—109, 153.

ВЫБОР НОВЫХ ОБРАЗЦОВ ОРУЖИЯ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ АРТИЛЛЕРИИ. ПОРЯДОК ВВЕДЕНИЯ НОВЫХ СИСТЕМ НА ВООРУЖЕНИЕ ВОЙСК.

За всеми усовершенствованиями по артиллерийской части должно было следить ГАУ и после предварительного испытания представлять о введении новых образцов вооружения военному министру и Военному совету, а затем на утверждение царю *).

Ближайшее рассмотрение новых изобретений по артиллерийской части, обсуждение вопросов, касающихся теории, техники и тактики артиллерии и ручного оружия, руководство исследованиями и опытами по всем указанным вопросам —все это возлагалось на Артиллерийский комитет при ГАУ. На него же возлагалась и переработка конструкций орудий, снарядов и материальной части артиллерии, а также ручного огнестрельного и холодного оружия **.

Артиллерийский комитет состоял из лиц артиллерийского ведомства, получивших высшее артиллерийское образование или получивших известность своими познаниями по какой-либо отрасли артиллерийского дела. Большинство членов комитета было из ученых артиллеристов—профессоров и преподавателей Артиллерийской академии, или из инженеров, работающих на производстве в технических артиллерийских заведениях. Единственным представителем от пехоты, и то как совещательный член комитета, являлся начальник бывшей стрелковой школы, участвовавший в обсуждении вопросов о ручном оружии.

В комитет могли приглашаться и посторонние лица, мнения которых могли быть полезны при обсуждении специальных вопросов, но делалось это лишь в исключительных случаях, причем обычно приглашались инженеры или ученые специалисты, так или иначе соприкасающиеся с артиллерией.

Начальник ГАУ, как председатель Арткома, являлся ответственным за деятельность последнего **.

Специальные опыты, необходимые для решения какого-либо вопроса об усовершенствовании или введении на вооружение нового образца, большею частью производились на главном артиллерийском полигоне

---

* Св. военных постановлений 1869 г. кн. 1, изд. 1907 г., ст. 1, пн. 7, 10, ст. 62 пн. 1, ст. 78, пн. 1, ст. 87 пн. 1, ст. 236.

** Там же, ст. 240, 241.

*** Св. воен. постановлений 1869 г, кн. I, изд. 1907 г., ст. 242—246, 249—251.

или в офицерской стрелковой школе, в том и в другом случае под наблюдением Арткома, иногда же испытания поручались техническим артиллерийским заведениям или окружным учебным артиллерийским полигонам *.

Офицерская стрелковая школа работала в довольно тесной связи с пехотой, окружные учебные полигоны были приближены к строевым частям артиллерии; поэтому при производстве ими опытов, поручаемых Арткомом, они считались с требованиями войск.

Что касается главного полигона, то основным его назначением было производство опытов, имеющих целью исследование научных артиллерийских вопросов и испытание баллистических свойств пороха, орудий, снарядов и пр. Главный полигон подчинялся председателю Арткома и производил испытания по его указаниям. Главный полигон, составляя неразрывную часть Арткома, являлся, так сказать, его научно-технической лабораторией. Он был оторван от войск так же сильно, как и Артком. Начальник главного полигона и офицеры для производства опытов назначались преимущественно из лиц, получивших высшее специальное артиллерийское образование, прослуживших не менее двух лет в строю. Такой короткий срок службы не давал им прочной связи со строем, и они быстро забывали его нужды **.

Не имея в своем составе представителей от войск, Артком работал совершенно обособленно. Ставя своей задачей дать армии образцы оружия наиболее совершенные, отвечающие всем требованиям современной техники, он в то же время недостаточно учитывал пред'являемые войсками боевые требования, далеко не всегда совпадающие с научно-техническими.

Начальник ГАУ, ген. Кузьмин-Караваев, служивший долго в строевых частях, признавал, что для большей части предметов вооружения «испытания полигонного характера не давали широкого знакомства со слабыми сторонами испытуемого». По его мнению, при решении вопроса о снабжении войск новыми предметами вооружения недостаточно предварительного изучения принимаемой системы, необходимо проверить ее службой, по возможности при неблагоприятных обстоятельствах, причем крайне существенно знать суждение самих войск о новом предмете вооружения.

По об'яснению ген. Кузьмина-Караваева, данному Верховной следственной комиссии, «ГАУ стремилось испытывать в войсках вводимые на службу главнейшие предметы, но далеко не всегда удавалось осуществлять этот наиболее надежный способ ознакомления с новыми ответственными предметами вооружения» ***. При этом он приводит примеры, что наша 3-дм. полевая пушка была основательно испытана в войсках, а потому система служит хорошо, «не требуя особых мер упрочнения», тогда как гаубицы обр. 1904 г., спешно изготовленные во время

* Св. воен. постановл. 1869 г., кн. I, изд. 1907 г., ст. 254.

** Св. воен. постановл. 1869 г. кн. XIII, изд. 1910 г., ст. 218—223, 232 и 239.

*** Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 94.

японской войны, без предварительного испытания, очень скоро пришли в негодность и были сняты с вооружения; гаубицы же обр. 1909 г. «тоже не были широко испытаны в армии, а потому через два года службы уже требовали исправления».

Испытания новых предметов вооружения в войсках не приводили к существенным результатам не только потому, что производились наспех, а главным образом потому, что они преследовали односторонние цели лишь дополнительного испытания возкою или ноской и на прочность; прочие же более важные боевые свойства на войсковых испытаниях не выявлялись.

Действительно, система нашей 3-дм. пушки, основательно испытанная в войсках перед тем, как была принята на вооружение, служит хорошо, «не требуя особых мер упрочнения». Мало того, и по баллистическим качествам она является чуть ли не лучшей в мире полевой пушкой.

Вместе с тем она обладает весьма существенными отрицательными боевыми свойствами—почти полное бессилие фронтального огня ее шрапнели против укрытого противника, ограниченность возможной стрельбы через головы своей пехоты; кроме того, она тяжела для маневрирования.

Этого обстоятельства не учли высококвалифицированные специалисты артиллерийской техники, давшие нам отличную пушку, удовлетворявшую почти всем самым строгим баллистическим и техническим требованиям, прослужившую с большой пользой для армии уже более четверти века. В этом нельзя их винить, так как это должны были учитывать специалисты военного дела вообще, специалисты тактики. Генеральный штаб должен был это учесть, поставив задачу специалистам артиллерийской техники и об'яснив, каким основным боевым требованиям должна удовлетворять полевая легкая пушка. Генеральный штаб должен был подчеркнуть значение «пустынности» будущих полей сражений (о ней после японской войны не мало говорилось и писалось) и пояснить, что маневренные бои будут разыгрываться не на ровных открытых полях типа тогдашних полигонов, а на пересеченной местности, и что противник будет всячески укрываться, применяя разреженные строи, фортификацию, маскировку и пр.

Важнейшие для армии вопросы ее вооружения разрабатывались исключительно в Арткоме ГАУ не только без какого-либо руководства, но и почти без участия со стороны Генерального штаба. Участие в разработке этих вопросов самого военного министра, его помощников, Военного совета и канцелярии военного министерства было ничтожно. Еще в отношении образцов вооружения пехоты работа оружейного отдела Арткома протекала в связи со стрелковой школой, что же касается выборов образцов орудий и материальной части артиллерии, то всю эту работу ГАУ выполняло вполне самостоятельно, не получая ни от кого ни руководящих заданий общего характера, ни, тем более, детальных указаний.

Только в октябре 1909 г., по инициативе генерал-инспектора артиллерии, были привлечены представители Генерального штаба к участию в работах по выбору образцов орудий осадной и крепостной артиллерии (и то с большим опозданием, через 4 года после того как начаты были эти работы) *.

Как увидим ниже, участие представителей ГУГШ в этих работах оказалось далеко не бесполезным и нередко по принципиальным вопросам сопровождалось разногласие с Арткомом. Наконец, в 1910 г. в состав Арткома был назначен один представитель от ГУГШ с совещательным голосом **, который не являлся достаточно авторитетным представителем «интересов войск и государственной обороны» (первым таким представителем был назначен еще в декабре 1909 г. генерального штаба подполковник Романовский).

Обособленная работа ГАУ, без надлежащей связи с войсками и ГУГШ, имела следствием неудачное разрешение некоторых серьезных вопросов по вооружению армии, как-то—недооценка значения полевых гаубиц и полевой тяжелой артиллерии в маневренной войне, предвзятость Арткома в отношении горной пушки 1909 г., предубеждение к стрельбе артиллерии на дальние дистанции (из-за этого русская артиллерия, имея на вооружении легкие и горные пушки с дальнобойностью до 8 *км,* вышла на войну с 22 сек. трубками, позволяющими стрелять лишь на 4—5 *км),* недооценка значения фугасных гранат и прочее ***.

Введение на вооружение армии новых образцов, — это несомненно весьма сложное и трудное дело, требующее чрезвычайной осмотрительности и достаточно времени. Все же следует признать, что дело это велось в царской России крайне медленно, с одной стороны, вследствие не совсем целесообразной организации дела **** и перегруженности работой Арткома, с другой—вследствие стремления Арткома, отнюдь не заслуживающего порицания, дать армии наиболее совершенные в техническом отношении образцы вооружения. При этом, к сожалению, упускалось из виду, что за быстро шагающей современной техникой трудно угнаться.

Примеров медленности принятия на вооружение армии новых образцов много.

---

* Справка о разработке и испытаниях осадной артиллерии в период 1905—1914 гг., составленная быв. завед. снабжением тяжелой артиллерии инж. В. И. Рдултовским (в личном архиве А. А. Маниковского).

** Приказ по военведу 1910 г. № 496.

*** См. Е. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении.

**** Между прочим в заседании Гос. думы 24/VI 1913 г. докладчик Энгельгардт, переходя к конкретным указаниям непорядков в ГАУ, отметил отсутствие конструкторского бюро, т. е. такой организации, которая специально была бы занята изобретениями—теоретической разработкой и практическим осуществлением и опытами, по образцу того, что сделано в Германии (Свод. свед. Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 53).

Проектирование и испытание 34-сек. дистанционных трубок в Арткоме шло так медленно, а валовое изготовление их, трудное в техническом отношении, настолько затянулось, что в течение десяти лет не могли справиться с этим делом, и мировая война застала нас с 22-сек трубками. Между тем еще в 1909 г., т. е. за 5 лет до начала войны, французы предлагали нам 37-сек. трубку, позволяющую стрельбу шрапнелью из нашей 3-дм. горной пушки обр. 1909 г. до 7 верст. Предложение это было отвергнуто, так как Артком предполагал применить разрабатываемую им свою 34-сек. трубку *.

Взрыватель к 3-дм. фугасным гранатам вырабатывался Арткомом около 5—6 лет: проектирование и испытание началось в 1906—1907 гг., а к маю 1912 г. артиллерия все еще не была снабжена фугасными гранатами, что тогда же вызвало одно из очередных обвинений ГАУ Государственной думой **. Начальник ГАУ, ген. Кузьмин-Караваев, признавал это обвинение «вполне основательным» и медленность снабжения фугасными снарядами об'яснял тем, что первые два образца взрывателя оказались «не отвечающими заданию», что при изготовлении последнего принятого образца встретились «конструктивные затруднения» и что некоторые служащие трубочного завода и ГАУ прибегали к недобросовестным приемам при браковке стали для изготовления взрывателей, стремясь, по его мнению, «в корыстных целях выделывать взрыватели исключительно из стали, поставляемой заводом Фирта, и на станках системы Гирша» ***.

Бризантные шрапнели к 3-дм. пушкам испытывались несколько лет К концу 1912 г. относится окончательное заключение Арткома по испытанным образцам 3-дм. бризантной шрапнели, но ее наша армия вовсе не получила к мировой войне. История этой шрапнели довольно интересна.

Артиллерия, расположенная на закрытой позиции. имеющая орудия со щитами, мало уязвима для огня обыкновенной шрапнели. Поэтому еще со времени перевооружения полевой артиллерии скорострельными пушками изыскивались особые меры для возможного поражения неприятельских батарей, снабженных щитами и тяготеющих к закрытым позициям. Попытка снаряжать шрапнели пулями, пробивающими щит, не увенчалась успехом, так как эти пули из-за легкости быстро теряют свою скорость. Кроме того, для большей непробиваемости щита он был несколько утолщен. Словом, действительным снарядом против щитовой артиллерии оставалась лишь фугасная граната, но она мало пригодна для стрельбы по живым целям. Тогда лучшие европейские артиллерийские заводы—Крупп, Шнейдер и Рейнский металлический — предложили вновь разрабатываемый снаряд, так называемую бризантную шрап-

---

* Е. Барсуков, Подготовка России к войне в артиллерийском отношении, стр. 16, 40, 41.

** Свод сведений Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 43, 44.

*** Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 98.

нель, которая должна была соединять свойства гранаты и шрапнели, являясь универсальным снарядом. Этот снаряд может действовать при ударе от падения и при разрыве в воздухе, выбрасывая вперед пули и цельную головку, которая от удара детонирует.

Бризантная шрапнель Рейнского завода в 1912 г. испытывалась не только на главном полигоне, но и на практических стрельбах офицерской артиллерийской школы; образцы бризантной шрапнели Круппа и Шнейдера, полученные в малом количестве, были испытаны лишь на главном полигоне.

Опытная стрельба показала, что бризантная шрапнель Рейнского завода при дистанционной стрельбе по войскам может заменить 3-дм. обыкновенную шрапнель, причем головка своими осколками усиливает действие шрапнели.

Параллельными опытами стрельбы по щитовой артиллерии было установлено, что при стрельбе обыкновенной шрапнелью пули не пробивают щитов, а при попадании цельным снарядом в щит разрыв происходит на таком удалении, что не причиняет вреда людям, находящимся при орудии. Между тем бризантная шрапнель при попадании в щит разрывается во время его прохождения, производит сильное разрушение материальной части и поражает людей, скрытых за щитом. При дистанционной стрельбе отделившаяся головка бризантной шрапнели, попадая в щит, дает достаточную пробоину в нем и поражает людей за щитом.

В виду признанных испытательной комиссией преимуществ бризантной шрапнели перед нашей обыкновенной шрапнелью, а также принимая во внимание полную невозможность приступить в 1913 г. к увеличению боевых комплектов нашей шрапнелью из-за перегруженности трубочных заводов нарядами на срочную переделку испорченных от продолжительного хранения 22-сек. трубок, ГАУ пришло к заключению о своевременности заказа за границей небольшого количества вновь принимаемых на вооружение бризантных шрапнелей с правом установления их производства на казенных заводах России.

Для изучения дела были командированы в Дюссельдорф на завод Эргардта два офицера-техника. В мае 1910 г. с разрешения Военного совета с немецким заводом был заключен контракт на поставку снарядов с трубками. Присланная первая партия была забракована и возвращена для некоторых конструктивных изменений. Из доклада возвратившегося из-за границы полковника Гронова было видно, что в дальнейшем завод успешно справится с данным ему заказом. В 1914 г. в Дюссельдорф были посланы офицеры для приема валовых партий, но последовала война, и офицеры-приемщики остались в плену, не успев выслать ни одной партии бризантных шрапнелей *.

Автоматическая винтовка системы Федорова испытывалась несколько лет; в результате—в начале войны решено было дать опытный заказ лишь на несколько тысяч таких винтовок.

* Записка ген. ген. Кузьмина-Караваева, стр. 28—30.

Даже образцы такого, казалось бы, простого предмета, как металлическая пика для конницы, испытывались несколько лет, и в конце концов русская конница не получила металлических пик к мировой войне.

В 1910 г. выработан был образец стальной пики, но стальные трубы для пик должны были удовлетворять столь строгим техническим условиям, что русские заводы не могли их изготовлять, пришлось приобретать трубы за границей—в Швеции и в Англии. Между прочим, ГАУ в марте 1911 г. просило министерство торговли и промышленности указать русские заводы, которые могли бы изготовлять трубы требуемых качеств, но ответа от министерства не последовало до 1915 г. Валовой заказ на пики был дан до предварительного испытания образцовых пик в войсках; первые сто пик валового заказа были испытаны в одном из казачьих полков, испытание это вызвало изменение технических условий на трубы и фабрикации пик. Затем более широкое испытание новых пик в войсках привело оружейный отдел Арткома к решению «ограничиться изготовлением стальных пик лишь для регулярной кавалерии». В январе 1914 г. оружейный отдел просил приостановить перевооружение казаков стальной пикой, так как «деревянная пика имеет преимущества не только с экономической, но отчасти и с боевой стороны, вследствие того, что казачья пика (деревянная) в своей боевой части на 2 вершка длиннее пики обр. 1910 г. (стальной)».

Решено было созвать осенью 1914 г. совещание с представителями казачьих частей для выяснения вопроса о пике *.

Началась война, вопрос так и остался невыясненным.

Приводимый ниже краткий исторический очерк введения новых систем орудий на вооружение русской полевой тяжелой и осадной артиллерии может служить наиболее характерным примером того, насколько медленно и с какими большими затруднениями проводилась в жизнь эта мера, имеющая столь существенное значение для армии.

В самом начале 1905 г., т.-е. еще до окончания войны с Японией, по инициативе бывшего в то время генерал-инспектора артиллерии (в. князя Сергея Михайловича Романова) была образована при ГАУ предварительная комиссия, которой было поручено пересмотреть вооружение наших осадных полков в смысле соответствия его современным требованиям войны. Более широкой задачи комиссии постановлено не было, так как в то время у нас еще и не подымался вопрос о какой-либо специальной «полевой тяжелой артиллерии», т.-е. о крупных калибрах, могущих двигаться на поле сражения за войсками. У нас в таком роде были лишь 6-дм. полевые мортиры и только начинавшие появляться полевые гаубицы; все же остальное «тяжелое» вооружение было только в осадных полках.

Председателем этой комиссии был назначен инспектор крепостной и осадной артиллерии ген. Рейнталь, а членами: начальник главного артиллерийского полигона, командир 1-го осадного артиллерийского

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 20—23.

полка и начальник крепостного отдела офицерской артиллерийской школы.

Эта комиссия в своем заключительном журнале от 25 мая 1905 г высказала, что ни одно из орудий тогдашнего состава наших осадных полков не удовлетворяет современным требованиям; что вооружение нашей осадной артиллерии резко отличается в худшую сторону не только от испытываемых, но и принятых уже за границей осадных орудий как в отношении могущества, так и в скорострельности, подвижности и удобстве в обращении. Поэтому комиссия решила при определении нового вооружения наших осадных полков не принимать в расчет устарелых орудий, а решить этот вопрос самостоятельно, назначив для этого новые орудия, охарактеризовав их баллистическими и конструктивными данными, соответствующими современным требованиям.

В соответствии с этим комиссия наметила как главные данные новых образцов осадных орудий, так и примерную организацию «тяжелой» артиллерии. При этом комиссия предполагала ввести в состав «корпусной» артиллерии батареи только 48-лин. гаубиц; «армейскую» же артиллерию, которая могла бы заменить тогдашние дивизионы тяжелой артиллерии, комиссия предполагала составить из батарей 6-дм. гаубиц. Вооружение и состав «армейской» артиллерии, по мнению комиссии, должны быть независимы от полков осадной артиллерии.

Таким образом комиссия высказала мысль об определенном разграничении собственно полевой «тяжелой» от осадной артиллерии.

Работы этой комиссии, наметившей только в самых общих чертах основания, на которых должна быть построена новая полевая, тяжелая и осадная артиллерия, были переданы 3 августа того же года на детальное рассмотрение специальной комиссии из членов артиллерийского комитета: генералов Муратова, Забудского, Дурляхера и Якимовича, при участии начальника главного полигона ген. Мисчинского и начальника крепостного отделения ГАУ ген. Петровского.

Этой комиссии была поставлена задача: на основании работ предшествовавшей комиссии выработать вполне определенные требования, которым должны удовлетворять осадные орудия современного типа. Эту работу комиссия выполнила к январю 1906 г.

Работы этих двух комиссий были переданы на рассмотрение Арткома, который и дал свое окончательное заключение в журнале от 13/26 мая 1906 г. В этом заключении были установлены как типы современных осадных орудий и требования от них, так и состав осадных артиллерийских полков.

Этот журнал Арткома был разослан многим строевым начальникам, по преимуществу видным участникам только что минувшей Японской войны, с предложением высказать свое мнение по рассмотренным вопросам. Вместе с тем ГАУ, согласно с заключениями Арткома и обеих комиссий, признало необходимым об'явить конкурс на разработку систем

новых осадных орудий, причем к участию в этом конкурсе должны были быть привлечены следующие заводы, могущие изготовлять полные системы орудий:

Русские: Обуховский, Путиловский, Пермский, Брянский, СПБ-Металлический.

Иностранные: Армстронг, Виккерс, Крупп, Скод, С.-Шамон, Шнейдер, Бофорс, Эргардт.

Кроме того, чтобы не зависеть от заводов, Арткому было поручено, независимо от об'явленного конкурса, самостоятельно разработать новые системы осадных орудий.

Обо всем этом ГАУ сделало доклад военному министру (от 5 декабря 1907 г. № 51123), который одобрил намеченные мероприятия и приказал внести доклад об этом в Военный совет, что и было исполнено (24 января 1908 г. № 3718).

Военный совет доклад ГАУ утвердил. Последовало также согласие министерств торговли и промышленности и финансов на обращение к заграничному рынку, причем министр финансов просил военного министра, по условиям помещения заграничных займов, отдавать предпочтение по артиллерийским заказам французским фирмам перед германскими.

Конечно, результаты всех этих мероприятий не могли сказаться очень скоро. А между тем уже в середине 1906 г. выяснилась настоятельная необходимость пополнить вооружение наших осадных полков, у которых ощущался крайний недостаток в основных калибрах, ими до этого времени были 6-дм. пушка в 120 пудов и 8-дм. мортира. Ожидать результатов конкурса было признано несоответственным; заказывать старую пушку — нецелесообразным. Поэтому решено было немедленно обратиться к иностранным заводам, где имелись вполне разработанные системы осадных орудий, хотя и уступающие последним нашим требованиям (об'явленным на конкурсе), но все же достаточно современные и значительно превосходящие наши устарелые системы.

При этом имелось в виду, что орудия, приобретенные таким образом, будут служить в осадной артиллерии до начала поступления орудий, удовлетворяющих условиям конкурса, после чего этот первый заказ будет постепенно сдан в крепости.

Такое решение было одобрено военным министром, и ГАУ, не дожидаясь результатов конкурса, обратилось к иностранным заводам с предложением доставить подробные сведения об имеющихся у них 15-*см* гаубицах и 22 и 24-*см* мортирах новейших систем. На это предложение откликнулись заводы: Шнейдера, Круппа, Эргардта, Скода, Виккерса и Бофорса, приславшие подробные чертежи и баллистические данные предлагаемых ими орудий. После обсуждения этих предложений в Арткоме ГАУ была командирована за-границу в начале 1907 г. специальная комиссия для испытания на заводских полигонах стрельбой предлагаемых образцов и окончательного выбора лучшего и более выгодного из них. Комиссия остановилась на образцах Круппа и Шнейдера, и ГАУ уже готово было дать заказ на них, как сделалось известным, что Рейнский

завод (Эргардта) разработал и осуществил 15-*см* гаубицу, почти удовлетворяющую нашим конкурсным условиям. Для ознакомления с этой новой гаубицей комиссия вторично, в конце 1907 г., поехала за границу на завод Эргардта.

15/28 февраля 1908 г. состоялся журнал Арткома об отчете этой комиссии. Было признано, что произведенные испытания позволяют без дальнейших опытов дать этому заводу заказ на 6-дм. гаубицы его системы (с начальной скоростью 1.250 ф/с. и при весе бомбы в 100 ф.) и что от предполагавшихся заказов Круппу и Шнейдеру следует отказаться. Но как раз в это время были получены сведения, что эти заводы достигли тех же результатов. Поэтому было решено привлечь к заказу и их, а вместе с ними и завод Виккерса, также предложивший новую гаубицу.

Таким образом оказывалось, что если не очень торопиться с заказом, то для удовлетворения ближайшей потребности наших осадных полков можно сразу получить орудия, отвечающие нашим конкурсным требованиям.

На основании этого ГАУ 28 марта (10 апреля) 1908 г. препроводило русским и иностранным заводам по одному экземпляру «требований от новых образцов осадных орудий» с условиями конкурса на них и просило сообщить не позже 1/14 мая 1908 г. — может ли завод доставить к 1/14 января 1909 г. чертежи проектов систем таких орудий. В условиях конкурса ГАУ указало, что валовой заказ системы, избранной для введения в нашу артиллерию, должен исполняться в России, русскими рабочими и из русских материалов.

Затем в течение 1908 г. состоялась еще одна поездка нашей комиссии по заграничным заводам и еще одно предложение заводам, независимо от ранее об'явленного конкурса: Круппа, Скода, Шнейдера, Виккерса и Бофорса,—доставить к 1/14 сентября 1908 г. на главный артиллерийский полигон для испытания 6-дм гаубицу, сообщающую 100-фн. снаряду начальную скорость 1250 ф/с, ввиду предстоящего заказа на 52 таких гаубицы.

В конце 1908 г. и в начале 1909 г. были испытаны стрельбой на главном полигоне и возкой в офицерской артиллерийской школе следующие пять систем: Круппа, Эргардта, Шнейдера, Скода и Бофорса. Гаубицы Скода и Бофорса были признаны непригодными для валового заказа, остальные — пригодными, причем из них Артком отдал предпочтение гаубице Шнейдера:

вес снаряда	100 ф.;
нач. скорость	1300 ф./с.
углы обстрела	0—40°—вертик.; —3°+3°— гориз.
выс. оси оруд.	4.5″;
вес системы	177.5 пд. и 196 пд.

При этом Артком признал необходимым указать заводу Шнейдера, что при валовом заказе вес орудия со щитом не должен превосходить

соответственно 169 пд. и 185 пд. и что такой готовый экземпляр должен быть представлен на главный полигон до сдачи валового заказа.

После этого в апреле 1909 г. Артком продолжал рассматривать заключения комиссии по выбору образцов орудий осадной артиллерии по поводу представленных (по первому конкурсу) заводами Виккерса, Бофорса и Эргардта их новых систем орудий: 11-дм. мортиры, 8-дм. гаубицы и 42-лн. пушки. При этом было отмечено, что наши отечественные заводы не пошли навстречу предложению ГАУ: Путиловский, Пермский и Брянский заводы никаких проектов не представили. Обуховский завод — также, но обещал представить в августе 1909 г. готовый лафет под 6-дм. гаубицу, а осенью того же года — проекты 9-дм. мортиры и 6-дм. осадной пушки.

В дальнейшем, в течение 1909 г., на главном полигоне испытывались представленные образцы: Круппа — 42-лн. и 6-дм. осадные пушки и Шнейдера — 42-лн. пушка, 6-дм. гаубица и 6-дм. осадная пушка. При этих испытаниях, закончившихся в 1910 г., предпочтение было отдано орудиям Шнейдера.

Таким образом во время этих испытаний (как на иностранных полигонах, так и на наших) сам собою отпал вопрос о решенном было немедленном заказе на пополнение вооружения наших осадных полков, хотя и менее могущественных, чем требовалось по нашему конкурсу, но все же достаточно современных орудий осадного типа: 6-дм. гаубиц и 8-дм. мортир. Этот частный вопрос естественно растворился в общем вопросе о выборе новых типов орудий ввиду того, что иностранные заводы, приняв участие в нашем конкурсе, один перед другим старались в ближайшее же время представить нам наиболее совершенные образцы, поэтому заказывать менее совершенные, как предполагалось раньше в целях экономии времени, уже не представлялось целесообразным, так как выигрыш во времени получался далеко не существенным.

Например, известный германский завод Круппа, преследуя исключительно цели наживы и не останавливаясь перед тем, что Германия готовилась к войне с Россией, предлагал нам испытать спроектированную заводом 28-*см* гаубицу, которая, по словам завода, «оказалась весьма удачной и производит благоприятное впечатление своей подвижностью и силою действия».

В письме представителей Круппа от 8 декабря 1910 г. высказаны были следующие любопытные соображения, которые приводятся здесь в сокращенном виде.

«Соответствующее русским требованиям тяжелое орудие навесного огня с досягаемостью 6 или 7 верст, по современным взглядам на действие тяжелой артиллерии, уже не может считаться достаточным. В артиллерийских кругах других великих держав от таких орудий требуется досягаемость действительного огня на 8—10 *км*, что должно считаться обоснованным в виду тактических условий занятия позиции, действия огня и подвоза снарядов для таких батарей. Именно тяжелые

орудия навесного огня должны быть в состоянии направлять свой губительный огонь против самых могущественных крепостных сооружений — бетона и брони, будучи сами, по возможности, защищены от огня крепостных орудий».

«Едва ли будет возможно подвести к фронту любой крепости, вооруженной дальнобойными пушками, тяжелую навесную батарею и обеспечить ее питание снарядами, если атакующая батарея вследствие своей недостаточной дальности будет вынуждена занимать позиции в 6—7 верстах от главной оборонительной линии».

«Поэтому и явилось столь острое желание обзавестись крупными дальнобойными орудиями навесного огня, которые по возможности оставались бы вне досягаемости прицельного шрапнельного огня крепостных орудий».

«Этому требованию в полной мере удовлетворяет наша 28-*см* гаубица, сообщающая снаряду в 340 *кг* (830¼ фн.) начальную скорость 340 *м/с* (1 115 ф/с) при досягаемости свыше 10 000 *м* (около 10 верст). Такое большое повышение баллистических качеств по сравнению с действием требуемой мортиры, стреляющей лишь на 6—7 верст, должно считаться замечательным. Мы создали систему, во всех отношениях удовлетворяющую требованиям, пред'являемым к средствам атаки в смысле превосходства над средствами обороны и быстрой готовности к действию».

«Гаубица наша имеет колесный лафет и может быстро переходить из походного положения в боевое и обратно. Ее перевозка может быть совершена и по плохим дорогам с помощью башмаковых колесных ободьев и при механической тяге. Наши испытания дали в этом отношении очень хорошие результаты».

Эта 28-*см* (11-дм.) гаубица была испытана на заводе Круппа в присутствии командированных в Германию ген. Дурляхера и Забудского. Результаты испытания были рассмотрены комиссией при Арткоме лишь 13/26 марта 1912 г. Главные данные гаубицы Круппа, в общем, значительно превосходили наши требования от 11-дм. мортиры, за исключением веса орудия в боевом положении:

	28 *см* — гаубица Круппа	Наши требования от 11-дм. мортиры
Начальная скорость (ф/с)	1 115	850
Вес снаряда (фн)	830	840
Углы поворота	5°	3°
Наибольший угол возвышения	65°	60°
Наибольшая дальность	ок. 10 верст	около 6 верст
Вес в боевом положении (пуд)	847	не более 600 пуд.
Вес в походном положении (пуд).		
лафета	497	около 300 „
орудия	544	около 300 „
Вес пары башмачных колесн. ободьев (пуд)	71	—

Скорострельность—до 2 выстрелов в минуту.

Круппу предложили бесплатно доставить систему в Россию для испытания на главном артиллерийском полигоне. Крупп просил приобрести его гаубицу, как это было сделано в отношении 11-дм. мортиры Шнейдера и Рейнского завода. Гаубица Круппа приобретена не была *.

11-дм. мортира Рейнского завода ближе подходила к нашим требованиям по весу системы, но 11-дм. мортира Круппа значительно ее превосходила во всех других отношениях. Основные данные 11-дм. мортиры Рейнского завода следующие:

Начальная скорость (ф/с)	840
Вес снаряда (фн.)	840
Наибольший угол возвышения	$44^1/_2{}^0$
Наибольшая дальность (саж.)	2 820
Вес системы в боевом положении (пуд.)	ок. 700
Вес в походном положении (пуд.):	
Орудия	308
Лафет с передком	393
Скорострельность около 1 выстрела в минуту.	

Устойчивость при стрельбе оказалась недостаточной; меткость удовлетворительна. Артком решил испытать систему на главном артиллерийском полигоне, находя ее оригинально разработанной и представляющей интерес **.

Вот в каком положении находился вопрос о введении у нас новых образцов тяжелой осадной артиллерии: начавшись с 1905 г., он принципиально и полигонными испытаниями готовых образцов был закончен для дачи валовых заказов в начале 1910 г.

Разрабатывался этот важнейший для армии вопрос исключительно в Арткоме и всю работу по выбору образцов орудий полевой тяжелой, осадной и крепостной артиллерии ГАУ выполняло вполне самостоятельно.

Но когда почти вся главная техническая работа была закончена и настала такая фаза этого вопроса, что для окончательного решения нельзя было обойтись без заключения ГУГШ, ГАУ докладом своим от 19 октября 1909 г. испросило указаний военного министра: не признает ли он целесообразным назначить в комиссию по выбору образцов орудий осадной и крепостной артиллерии представителя от ГУГШ. На это последовало согласие, и в конце 1909 г. в состав комиссии был назначен подполковник Романовский, замененный в 1911 г. Якимовичем, затем Басковым; кроме того, в работах комиссии принимали участие ген. Елчанинов, Свечин, Козловский и другие ***.

В таком составе, т.-е. с представителями ГУГШ, комиссия продолжала свои работы, и в конечном результате в состав вооружения нашей тяжелой и осадной артиллерии были приняты после обстоятельных испытаний следующие образцы орудий:

* Справка Рдултовского о разработке и испытаниях образцов осадной артиллерии в период 1905—1914 гг., стр. 18, 19, 23 (в личном архиве А. А. Маниковского).

** Там же, стр. 27.

*** Там же, стр. 20 и 32.

1) для мортирной артиллерии — 48-лин. гаубица обр. 1909 г.

2) для полевой тяжелой артиллерии — 42-лин. скорострельная пушка обр. 1910 г. и 6-дм. легк. полев. гаубица обр. 1910 г.

3) для осадной артиллерии — 6-дм. тяжелая крепостная гаубица обр. 1909 г., 6-дм. осадн. пушка обр. 1910 г., 8-дм. осадная гаубица обр. 1911 г., 11-дм. осадная мортира обр. 1912 г.

Всего семь образцов тяжелых орудий.

Первые три из этих орудий состояли к началу войны в войсках полностью в том количестве, какое было положено по мобилизационному расписанию 1910 г. 6-дм. осадные пушки, очень сложные и трудные в фабрикации, были заказаны заводу Шнейдера и к началу войны имелись в войсках всего в количестве 4 штук. Из наших заводов только Путиловский взялся изготовить, не ранее как в 1916 г., около 36 штук таких пушек.

11-дм. осадные мортиры были заказаны в количестве 16 штук заводу Шнейдера в 1913 г., причем срок сдачи первой мортиры назначен был в феврале 1915 г. Война задержала сдачу этих мортир, кроме того, французское правительство обязало завод Шнейдера готовить такие же мортиры и для французской армии, поэтому была установлена очередь сдачи их по 4 штуки нам и французам *.

Здесь же следует отметить, что испытания, произведенные в 1912 г. с 11-дм. мортирой (на острове Березани), привели нашу комиссию к заключению, что, несмотря на несомненное могущество этого орудия, все-таки его будет недостаточно для получения решительных результатов по отношению к современным укреплениям и что этой цели можно будет достигнуть только введением 16-дм. мортиры. Разработка такой мортиры была тогда же (в начале 1913 г.) поручена заводу Шнейдера, который и принял это поручение (сношение представителя завода от 30 апреля 1913 г.) по заданиям Арткома. Однако, приступив к осуществлению этой задачи, завод Шнейдера встретил серьезные затруднения и предложил несколько уменьшить заданные ему начальную скорость и вес снаряда. Артком согласился на это. Конечно, эта мортира, начатая разработкой лишь в середине 1913 г., к войне окончательно не поспела, однако она оказалась в такой степени готовности, что была спешно закончена, положена на упрощенный лафет (подобно железнодорожному лафету германской 16,5-дм. гаубицы) и в таком виде отправлена в действующую армию (донесение нашего приемщика от 3 ноября 1914 г.) **.

* Так как при самом заказе (в 1913 г.) было ясно, что Шнейдеровские мортиры поспеют к нам не раньше 1916 г., то Арткомом тогда же была разработана, под влиянием березанских опытов (Журн. от 6/II 13 г. № 125), такая переделка существовавшего лафета 11″ береговой мортиры, которая могла быть выполнена в несколько месяцев и позволила бы применить эту мортиру в качестве осадной. Именно по такому способу и были переделаны лафеты 8 кронштадтских береговых мортир, участвовавших в осаде Перемышля.

** По сведениям Упарта, 16-дм. мортиры на русском фронте не было, повидимому, она вовсе не прибыла в Россию.

Представители ГУГШ неоднократно высказывали заключения, с которыми соглашалась или во всяком случае считалась комиссия по выбору образцов тяжелой артиллерии, состоявшая из высоких специалистов артилерийской техники.

Так, например, в 1911 г. Елчанинов и Басков высказались за низкие лафеты для 6-дм гаубиц, как более удобные при передвижениях, стрельбе и в отношении укрытия от неприятельских выстрелов; в том же смысле высказалось большинство комиссии.

В апреле 1912 г. начальник Генерального штаба Жилинский, по докладу представителей ГУГШ, высказал начальнику ГАУ свои соображения о необходимости пересмотреть вопрос, насколько 8-дм. и 9-дм. калибры соответствуют для вооружения осадных парков.

По мнению начальника Генерального штаба, 9-дм. калибр до последнего времени являлся наиболее могущественным и мог еще включаться в осадную артиллерию. Однако, «уже имеются образцы 11-дм. гаубиц, которые могут перевозиться по колесным дорогам и принимать участие в осадах».

«Долговременная фортификация прибегает ныне к столь прочным бетонным и береговым перекрытиям, которые могут быть разрушены огнем не менее 11-дм. калибра и против которых 8 и 9-дм. калибр следует признать недействительным.

«Для разрушения блиндажей, создаваемых полевой фортификацией из подручного материала, достаточно 6-дм. гаубиц, и огонь 8 и 9-дм. калибра по таким блиндажам и батареям, хотя бы и осадного типа был бы неэкономичен и нежелателен ввиду трудности доставки громоздких боевых комплектов.

«Против наших западных границ нет тех линий устаревших фортов-застав, которые оправдывали бы сохранение 8-дм. гаубицы...

«Опытный лафет ген. Дурляхера к 8-дм. гаубице мог быть готов и испытан лишь к 1914 г. и к даче заказа опоздает...

«Не следует ли деньги, назначенные на 6-дм. гаубицу, направить на другие надобности...».

Арком высказался, что проекты ген. Дурляхера лафетов под 8-дм. гаубицу и 9-дм. мортиру удовлетворяют поставленным требованиям и их следовало бы осуществить для испытания. Но так как взгляды на орудия для осадной и крепостной артиллерии несколько изменились, то необходимо предварительно вновь обсудить вопрос о калибре и роде таких орудий в особом совещании из представителей Арткома с участием представителей ГУГШ и военно-инженерного ведомства.

Совещание было отложено до окончания рассмотрения опытов на о. Березани и состоялось летом 1913 г.

В мае того же 1912 г. ген. Елчанинов в своем отдельном мнении по поводу журнала о лафетах к 11-дм. мортирам говорил, что «время 11-дм. мортир прошло»; даже 11-дм. гаубицы он считает для береговой артиллерии слабыми и признает необходимой разработку 12-дм. или лучше 14-дм. гаубицы с «отказом от валового изготовления разрабаты-

ваемой ныне 11-дм. береговой гаубицы, как бы ни была совершенна ее установка».

Пересмотрев этот вопрос, Артком постановил:

1) не задерживать испытаний изготовляемой 11-дм. береговой гаубицы и ее валового заказа после окончательной ее разработки, так как на осуществление гаубицы большого калибра или с большей начальной скоростью потребовалось бы значительно больше времени, чем на окончание испытаний изготовляемой 11-дм. гаубицы;

2) гаубица калибром в 12-дм. по своему действию будет мало отличаться от 11-дм. гаубицы, и потому нет надобности ее разрабатывать; ныне следует проектировать для испытания гаубицу возможно большего калибра, по крайней мере—16-дм.

В ноябре 1912 г. в отдельном мнении по вопросу о типе снаряда к 11-дм. мортире Шнейдера ген. Елчанинов пишет, что «опыты со снарядами будут целесообразны, если не задержат уже намеченного заказа 11-дм. мортир Шнейдера. В дальнейшем необходима значительно большая начальная скорость, однако не ценою понижения веса снаряда. Понижение это до 640 фн. сводит калибр к 10-дм., т.-е. обесценивает образец 11-дм. Уменьшение подвижности также могло быть избегнуто... чему примером гаубица Круппа» (см. выше).

По поводу журнала Арткома 30 декабря 1912 г. о предварительном испытании 11-дм. мортиры Рейнского завода тот же ген. Елчанинов высказал следующее свое отдельное мнение: «Полагаю, что во всяком случае надо стремиться к увеличению дальности для мортир большего калибра.

«Скорострельность имеет меньшее значение ввиду большого времени полета снаряда и, значит, сравнительно позднего наблюдения отдельного выстрела.

«Большая начальная скорость, однако, не должна итти в ущерб весу снаряда или весу системы или, наконец, устойчивости ее».

В феврале 1913 г. ген. Елчанинов высказался против приспособления берегового лафета под 11-дм. мортиру для установки на деревянном основании по проекту Дурляхера, считая, что отпускаемые на артиллерию средства выгоднее направить на заготовку орудий новых образцов, а не на приспособление старой материальной части. В своем отдельном мнении он, между прочим, писал: «11-дм. мортира признается ныне слабою, и в Германии разработана 35-*см* мортира, а в Австрии — 42-*см*, сверх двадцати 30-*см* мортир уже готовых.

«Поэтому лучше было бы заняться разработкой тех осадных мортир большого калибра, деньги на которые уже внесены в чрезвычайную смету 1912 г. и 1913 г. Полезнее было бы также ускорить поступление 11-дм. мортир Шнейдера, нежели отдавать время и деньги на опыты со старой 11-дм. мортирой».

В ответ на это отдельное мнение члены Арткома ген. Шклярсвич и Дурляхера составили записку, в которой указано, что предлагаемая переделка лафета, пока в одном экземпляре, имеет целью заблаговременно

выработать что-либо подходящее до поступления на службу 11-дм. мортир Шнейдера. Эта переделка обойдется не более 2 000 руб., будет осуществлена в несколько месяцев и не повлияет ни на заказ 11-дм. мортир Шнейдера, ни на разработку мортир более крупных калибров, что уже комитетом начато.

Новых снарядов заказывать не придется, так как имеются снаряды к 11-дм. мортирам, 11-дм. пушкам 1877 г. и 1886 г.; можно будет также стрелять и снарядами от 11-дм. мортир Шнейдера.

В результате в марте 1913 г. петербургскому арсеналу было предписано произвести переделку одного 11-дм. лафета по проекту Дурляхера; впоследствии переделка эта весьма пригодилась при осаде Перемышля.

В общем следует признать, что Артком ГАУ и наш Генеральный штаб, по крайней мере, в лице отдельных своих представителей, еще до войны ясно представляли значение крупных калибров и принимали зависевшие от них меры хотя и недостаточно интенсивные, для выработки наиболее совершенных и мощных образцов орудий осадного типа.

Конечно, Артиллерийскому комитету приходилось при этом в значительной степени зависеть от заграничных заводчиков и не знать многого из того, что было по этой части у наших вероятных врагов — немцев. Это неведение было поставлено ему в серьезную вину Верховной следственной комиссией, образованной 25 июля (7 августа) 1915 г. А между тем дело по этой части обстояло так.

Вся осведомительная служба относительно иностранных армий была сосредоточена в ГУГШ, в распоряжении которого имелись и специальные органы для этого в лице военных агентов.

Источником осведомления об иностранных армиях для ГАУ являлась, главным образом, литература, затем случайные отчеты артиллерийских офицеров, командируемых управлением за границу, и донесения военных агентов по артиллерийским вопросам.

Литературные источники в последнее перед войной время были бедны данными относительно вновь разрабатываемых артиллерийских вопросов и конструкций, особенно касающихся Германии. Сведения же, доставленные командированными офицерами-артиллеристами, имели характер случайный, спорадический...

Сведения об иностранной тяжелой артиллерии, имевшиеся у Арткома к 1906 г., являлись отражением разного рода литературных данных и материалов, помещенных в известных трудах по артиллерии Корцен и Кюн, Вилле и Берлин. Было, например, известно, что к тому времени в Германии уже существовала тяжелая полевая артиллерия, имевшая стройную организацию и вооруженная 10-*см* пушками обр. 1904 г., 15-*см* тяжелыми полевыми гаубицами обр. 1902 г. и 21-*см* мортирами. В осадной артиллерии имелись, кроме этих орудий и разных устарелых образцов, 15-*см* длинные пушки, на замену которых впоследствии начали поступать 13-*см* пушки обр. 1910 г.

Сведения о германской, французской и австро-венгерской тяжелой артиллерии, имевшиеся у Арткома к 1913 г., приведены в таблицах 1, 2 и 3 *).

ГАУ имело на расходы по командированию за границу всего 10 000 рублей, из которых ⅓ отпускалась Артиллерийской академии на командирование офицеров ее личного состава с учебной целью, а остальное расходовалось на заграничные командировки чинов технических заведений, главного артиллерийского полигона, приемщиков и чинов Арткома. Главною целью таких командировок являлось ознакомление с соответствующими учреждениями за границей, с иностранными заводами, с разрабатываемыми на них новыми образцами артиллерии и отчасти побуждение к практическому усвоению иностранных языков.

Начальник ГАУ, ген. Кузьмин-Караваев, защищая необходимость основательно проведенного предварительного испытания вновь принимаемых предметов артиллерийского снабжения, все же признавал, что испытания протекали весьма медленно и что причиною замедления являлись не только недочеты в организации Арткома, но и недостаточное знакомство последнего с достижениями артиллерийской техники за границей. Ген. Кузьмин-Караваев считал, например, что крайняя медленность работ по установке 12-дм. орудий в Кронштадте происходила не только по недостаточности оборудования Металлического завода, которому были заказаны части установок, но и вследствие недостаточного знакомства с современными установками орудий большого калибра офицеров Арткома, которые «впервые изучали установку во время работы ее на Металлическом заводе, но отнюдь не являлись, как бы следовало, компетентными руководителями работы частного завода».

Такое положение ген. Кузьмин-Караваев об'яснял «недостаточностью денежных средств для наблюдения за усовершенствованиями техники на заводах, пользующихся всемирною известностью» **, как, например, Круппа, Шнейдер—Крезо, Виккерс и др.

Сообщение военных агентов, вследствие большой сложности нынешней артиллерии и недостаточного их знакомства с нею, часто давали материал негодный или мало соответствующий, не дозволяющий сделать какое-нибудь заключение ***.

* Справка Рдултовского о разработке и испытаниях осадной артиллерии в 1905—1914 г. г. (в личном архиве А. А. Маниковского), стр. 3, 14, 17, 20—29, 32.

** Записка ген. Кузьмина-Караваева стр. 93—95.

*** Однако, необходимо отметить, что бывший перед самой войной в Германии нашим военным агентом г.-м. Михельсон, благодаря своим личным качествам, а также высшему математическому образованию, оказался незаурядным наблюдателем не только специально военной стороны германского государственного строя, но и других его сторон, в том числе и развития технических и промышленных сил Германии. Обо всем этом, особенно об угрожающем усилении ее военной мощи, г.-м. Михельсон своевременно доносил в ГУГШ, как об этом он дал показание Верховн. следств. комиссии. Неизвестно, имелись ли в его донесениях указания, касавшиеся специально „военно-промышленной мобилизации“ Германии, но довольно интересный доклад об этом предмете Михельсон сделал в Особом совещании в заседании 16/XII 1915 г. Копию этого доклада см. в приложении 5 ко II тому этого труда.

ТАБЛИЦА

Германия.

Наименование орудий и калибр *мм*	Начальная скорость *м*/с	Вес снаряда в *кг*	Дальность стрельбы в *м*	Вес орудия в *кг*	Вес орудия на лафете в *кг*
10-*см* скорострельная пушка (105-*мм*) .	560	18	10 750	1 345	?
15-*см* длинная пушка (149,7 *мм*) . .	495	42,3	10 000	3 365	?
15-*см* тяжелая гаубица обр. 1902 г. (149,7-*мм*) . . .	350	39,5	7 450	1 076	?
21-*см* стальная мортира (211-*мм*) . .	308	119	8 200	3 000	4 820, передок 1 010
12-*см* тяжелая пушка (120,3-*мм*) . .	460	20,2	7 250	1 300	?
21-*см* бронзовая мортира (209,3-*мм*)	214	119	7 800	3 079	?
5-*см* пушка на бронированном лафете	457	1,67	3 000	143	?
13-*см* пушка скорострельная в 35 калибров . .	695	40,1	14 400	?	?

Примечание. По последним донесениям военных агентов, имелась еще 28-*см* береговая мортира: калибр 283-*мм* (11,1-дм.), наибольшая дальность до 10 435-*м* (4 900 саж.). Подготовлялись мортиры калибром 32-*см*, 34 5-*см* и 42-*см*.

В виду недостаточности такого порядка осведомления генерал-инспектором артиллерии был представлен военному министру доклад от 19 июля (1 августа) 1909 г. за № 114 о назначении двух артиллерийских офицеров-техников в помощь нашим военным агентам. Мера эта была одобрена военным министром и была внесена в Военный совет, который 14 января 1910 г. признал ее подлежащей удовлетворению.

По финансовым соображениям мера эта не получила, однако, осуществления в ближайшее время; генерал-инспектор артиллерии по этому поводу вторично обращался к военному министру 28 февраля 1912 г. (№ 138), обращая внимание на незначительность требуемой суммы (10 760 р. золотом) и существенное значение этой меры.

Но согласия министра финансов так и не последовало до самой войны*.

* Дело В. уч. архива 179—489.

ТАБЛИЦА 2.

Австрия.

Наименование орудий и калибр *мм*	Начальная скорость *м*/с	Вес снаряда в *кг*	Дальность стрельбы в *м*	Вес орудия в *кг*	Вес орудия на лафете в *кг*
12-*см* пушка обр. 80 года (120-*мм*)	516	17,5	8 000	1 700	3 650
15-*см* осадная пушка обр. 80 года (149-*мм*)	484	33	8 500	3 200	5 520
18-*см* осадная пушка обр. 80 года (180-*мм*)	258	58 гр. 64 шр.	5 100 4 500	2 030	4 360
15-*см* батарейная гаубица обр. 99 г. (149-*мм*)	293	38 гр. 37 шр.	6 200 5 600	1 190	2 770
15-*см* мортира обр. 80 года (149-*мм*)	204	33 гр. 37 шр.	3 500	625	1 190
24-*см* мортира обр. 98 года (240-*мм*)	258	133	5 800	2 162	7 440
9-*см* полевая пушка (87-*мм*) . . .	448	6,4	?	487	1 327
30,5-*см* мортира . .	340	382	7 500	?	?

Примечание. 30,5-*см* мортиры назначались для вооружения передового эшелона осадного парка, для следования непосредственно за полевой армией, чтобы поддержать ее при атаке сильно укрепленных позиций. 30,5-*см* и 24-*см* мортиры перевозились на автомобильных поездах.

Ясно, что при таких условиях нельзя было ожидать у нас особой осведомленности по части того, что делалось за границей. Тем не менее, наиболее крупные новости военной техники все же были известны Арткому, хотя, конечно, с неизбежным запозданием. Так об опытах в Австрии с 12-дм. мортирой Арткому стало известно вначале 1912 г., а об опытах в Германии с 16-дм. мортирой — вначале 1913 г. Интересно отметить, что об этих последних опытах нам стало известно уже после того, как сам Артком, на основании своих березанских опытов, признал необходимость введения в состав вооружения осадной артиллерии именно 16-дм. мортир. И если бы в распоряжении ГАУ имелся свой мощный орудийный завод (а не просто ремонтная мастерская в Петербурге на углу Литейного и Сергиевской) и если бы вообще наша военная промышленность стояла на высоте промышленности наших западных соседей, то, конечно, у нас был бы иной темп в деле развития и усовершенство-

ТАБЛИЦА 3.

Франция.

Наименование орудий и калибр *мм*	Начальная скорость *м/с*	Вес снаряда в *кг*	Дальность стрельбы в *м*	Вес орудия в *кг*	Вес орудия на лафете в *кг*
120-*мм* короткая пушка обр. 78 г.	290	20,35	7 500	550	1 475
155-*мм* короткая пушка	280	40,5	6 400	102,5	3 130
155-*мм* гаубица	?	43	6 500	—	3 200
155-*мм* пушка обр. 77 года	469	40,5	9 000	2 530	5 785
220-*мм* пушка . .	443	103	10 000	6 030	11 680
220-*мм* мортира .	230	118	5 400	2 000	4 400
270-*мм* мортира .	290	150	7 000	4 450	7 250

Примечание. По имеющимся сведениям, во Франции предполагалось ввести на вооружение 6-дм. пушки и гаубицы и 11-дм. мортиры Шнейдера испытанных и принятых у нас типов.

вания столь важного элемента современной войны, как артиллерия. А так как этого не было, то нам неизбежно приходилось плестись в хвосте европейских армий, постоянно запаздывая с улучшениями, идеи которых нередко зарождались у нас, но за неимением у нас самих технических средств становились достоянием заграничных заводов.

УСТАНОВЛЕНИЕ ТАБЕЛЕЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО СНАБЖЕНИЯ И НОРМ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ЗАПАСОВ. РАСЧЕТЫ БОЕВОГО СНАБЖЕНИЯ ПО МОБИЛИЗАЦИОННОМУ РАСПИСАНИЮ. СНАБЖЕНИЕ ВОЙСК ПРЕДМЕТАМИ ВООРУЖЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ЗАПАСОВ *.

Артиллерийское снабжение войск и крепостей, вообще «полное обеспечение государства предметами вооружения» лежало на обязанности ГАУ. Оно должно было содержать запасы всех предметов артиллерийского снабжения: 1) для обыкновенных ежегодных расходов; 2) для войск, переходящих из мирного в военное положение; 3) на случай формирования новых частей войск и возведения новых укрепленных пунктов в военное время; 4) для пополнения израсходованного и утраченного в бою. Кроме того, ГАУ должно было заботиться о запасе предметов артиллерийского снабжения новых образцов, вводимых на вооружение армии.

Законоположения царской армии в отношении артиллерийских запасов страдали неясностью и неопределенностью. Это приводило к разноречивому толкованию понятия об этих запасах со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями.

Расчеты запасов артиллерийского снабжения составлялись в ГАУ, руководствуясь штатами и мобилизационным расписанием войск и учреждений военного времени и на основании табелей артиллерийского имущества (табелей вооружения или расчетов ручного оружия) и определенных норм для каждой категории запасов.

Штаты войск разрабатывались до 1910 г. в Главном штабе и в других главных управлениях военного министерства, после 1910 г. разработка штатов войсковых частей лежала на обязанности ГУГШ по соглашению с другими ведомствами. Штаты рассматривались Военным советом и утверждались царем.

Табели артиллерийского имущества и расчеты ручного оружия разрабатывались в ГАУ и представлялись на утверждение Военного совета.

Работа по составлению и утверждению табелей протекала настолько медленно, что снабжение войск вновь вводимыми предметами, например при перевооружении скорострельными пушками, производилось по временным ведомостям, составляемым в соответствующих отделениях ГАУ,

* Св. воен. постан., кн. I, изд. 1907 г., ст. 13, 62, 78, 86, 169, 189, 235, 238 и кн. XIII, изд. 1910 г., ст. 77, 81—84, 110, 113, 140, 168, 170, 171, 181.

не ожидая окончания разработки и утверждения табелей. С другой стороны, строевые части войск, не имея утвержденных табелей, были крайне затруднены как в отношении учета положенного для них имущества, так и в отношении способа его ремонта, указываемого в табелях.

Действовавшее до начала мировой войны мобилизационное расписание 1910 г. составлялось в ГУГШ совершенно самостоятельно и независимо от ГАУ, не считаясь ни с наличием вооружения и прочих предметов артиллерийского снабжения, имевшихся в распоряжении ГАУ, ни с необходимым временем для заготовления недостающего артиллерийского имущества. В результате — в мобилизационное расписание оказались включенными такие части артиллерии и такие учреждения военного времени, которые не могли быть снабжены артиллерийским имуществом не только в 1910 г., но и в 1914, когда началась война (см. ниже — части 3 и 4).

Что касается норм артиллерийских запасов, то по смыслу действовавших в то время законов «составление соображений о размере необходимых запасов и о степени готовности их на случай мобилизации» * лежало на обязанности ГАУ. По распоряжениям ГАУ в артиллерийских складах должно было выделяться артиллерийское имущество для образования «чрезвычайного запаса» и «запаса военного времени» **.

«Чрезвычайный запас» должен был составляться из таких годных на боевое назначение предметов артиллерийского снабжения, взамен которых были уже введены новые образцы. Он должен был служить для снабжения войсковых частей, формируемых по военным обстоятельствам, а также для усиления укрепленных пунктов, и не мог расходоваться без разрешения ГАУ. Распределение «чрезвычайного запаса» между складами ГАУ должно было представляться на утверждение военного министра.

«Запас военного времени» должен был состоять из того вполне исправного, годного и готового к немедленному отпуску артиллерийского имущества, которое хранилось в артиллерийских складах исключительно для потребностей военного времени, в определенных числовых нормах для каждого предмета. К этому запасу относилось имущество местных артиллерийских парков (винтовочные и пулеметные патроны, выстрелы к орудиям), передовых артиллерийских запасов, подвижных мастерских и управлений, учреждений и войск, назначенных мобилизационным расписанием к формированию только в военное время и не имеющих в мирное время личного состава. Размер этого запаса устанавливался соответствующими табелями артиллерийского имущества войсковых частей и учреждений, подлежащих формированию в военное время. В запас военного времени могли включаться особые неприкосновенные запасы артиллерийского имущества, назначенного к расходованию только в военное время, в виде общей потребности, из учрежденных на театре войны промежуточных или тыловых складов. В законе указано было, что «размер

* Св. воен. постан., кн. I, изд. 1907 г., ст. 238, пн. 25.
** Св. воен. постан., кн. XIII, изд. 1910 г., ст. 81 и 82.

этих последних запасов утверждается высочайшею властью» *; о порядке же утверждения запаса военного времени определенных указаний в законе не имелось, но по общему смыслу военного законодательства того времени нормы этого запаса должны были бы утверждаться также царской властью после предварительного рассмотрения в Военном совете.

Имущество запаса военного времени должно было комплектоваться распоряжением ГАУ и только с его разрешения могло расходоваться в мирное время исключительно в видах освежения и при условии обеспечения немедленного пополнения расходуемого. Распределение запаса военного времени между складами, как и чрезвычайного запаса, должно было утверждаться военным министром по представлениям ГАУ.

В общем образование запасов в артиллерийских складах, их расходование, освежение и пр. производились по распоряжениям ГАУ. Главным образом, с его же разрешения производился складами прием и отпуск всех вообще предметов артиллерийского снабжения. Между тем, с 1910 г. артиллерийские склады с их мастерскими и лабораториями были из'яты из непосредственного подчинения ГАУ и остались в распоряжении военно-окружных артиллерийских управлений, которые с 1910 г. были также не подведомственны ГАУ. Это отсутствие определенной стройной системы в организации управления артиллерийского снабжения необходимо учитывать в дальнейшем изложении при выявлении причин непорядков, обнаружившихся в боевом снабжении русской армии с самого начала мировой войны.

Между прочим, по закону, дела по вооружению войск относились не только к ГАУ, но и к ведению Главного штаба, на мобилизационный комитет которого возлагалось рассмотрение вопросов, касающихся пополнения запасов во время войны **.

Мобилизационный комитет обсуждал вопросы о запасе винтовок и о норме запаса 3-лин. патронов к винтовкам и пулеметам в 1906—1907 гг., о чем будет подробно сказано ниже (ч. IV, Снабжение огнеприпасами). Мобилизационный комитет установил нормы 3-лин. патронов, базируясь на расходе их в русско-японскую войну, главным образом, только в трех больших сражениях под Мукденом, Ляояном и на Шахэ, во время которых наибольший расход выражался примерно в 880 патронов на винтовку. По представлению военного министра, нормы 3-лин. патронов были утверждены в 1908 г.

Выше упоминалось, что с 1910 г. все основные вопросы по организации, вооружению и мобилизации армии сосредоточены были в ГУГШ. В нем также были сосредоточены вопросы по установлению норм мобилизационных артиллерийских запасов военного времени и сроков их заготовления.

С целью установления норм запасов военного времени при ГУГШ в 1910 г., одновременно с проведением реформ преобразования армии, была образована комиссия, возглавляемая помощником военного мини-

* Св. воен. постан., кн. XIII, изд. 1910 г., ст. 81.

** Св. воен. постан., кн. I, изд. 1910 г., ст. 169 и 189.

стра ген. Поливановым. В состав этой комиссии были назначены постоянные представители от ГАУ и от Управления генерал-инспектора артиллерии.

Комиссией ген. Поливанова были окончательно установлены и затем утверждены высшей властью нормы артиллерийских запасов для ружей и пулеметов, для орудий и прочих предметов материальной части артиллерии, для боевых комплектов 3-лин. патронов и выстрелов к орудиям разных калибров. Какие именно нормы были установлены и по каким соображениям, об этом — подробно в соответствующих главах настоящего труда. Здесь же необходимо только остановиться на следующих главнейших соображениях, которые легли в основу работ комиссии ген. Поливанова при установлении норм артиллерийских запасов.

1. Будущая большая война, требующая полного напряжения всех сил и средств государства, не может быть продолжительной. По господствующему в то время мнению представителей ГУГШ, война будет молниеносной и скоротечной, продлится 2—6 месяцев и не более года, так как, во всяком случае, ранее годичного срока войны наступит полное истощение воюющих сторон и они вынуждены будут обратиться к мирному соглашению.

2. Нормы запасов должны быть определены по данным опыта последней войны с Японией и принимая во внимание имеющиеся сведения о запасах, установленных возможными противниками и союзниками России, особенно в отношении норм огнестрельных запасов. Утрата материальной части, оружия и боевых припасов на полях сражений, как данная весьма неопределенная, не учитывалась.

3. В первые месяцы боевых действий война ведется за счет заготовленных запасов, а затем пополнение израсходованного должно производиться своевременной подачей предметов, изготовляемых уже во время войны. Запасы должны содержаться такого размера, чтобы их хватило на период времени, необходимый для развития наибольшей производительности заводов, изготовляющих предметы боевого снабжения *.

Соображения комиссии ген. Поливанова оказались ошибочными, особенно в отношении определения продолжительности и масштаба войны, а установленные комиссией нормы артиллерийских запасов оказались ничтожными по сравнению с действительной потребностью войны.

Эта действительная потребность войны превзошла пределы всяких предположений и оказалась так велика, что заблаговременно учесть ее не могло ни ГУГШ, ни тем более ГАУ. По словам начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева, «если бы накануне войны 1914 г. кем-либо из ответственных чинов военного ведомства была высказана мысль о предстоящей потребности в предметах артиллерийского довольствия, близкой к определившейся к 1916 г., то подобное заявление было бы признано не серьезным, не подлежащим обсуждению» **.

* Е. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, стр. 75 и 76.

** Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 64.

ГУГШ не могло заблаговременно, до войны, дать указания ГАУ о количестве предметов артиллерийского снабжения, которое в действительности потребуется армии во время войны. Оно могло только предложить ГАУ (и предложило) принять к руководству утвержденные нормы артиллерийских запасов и указать при этом, что нормы запасов выработаны на время годовой войны.

Что касается ГАУ, то, являясь с 1910 г. лишь исполнительным органом, оно «обязано было содержать установленные нормы запасов, а в случае войны быть готовым их восстанавливать в годовой срок». Только приведенное руководящее указание ГУГШ могло служить для ГАУ основанием его деятельности по заготовлению предметов артиллерийского снабжения, по устройству и оборудованию казенных заводов и арсеналов, по обеспечению их техническим персоналом и рабочими, по обеспечению их материалами, топливом и пр., чтобы «создать надежное, в утвержденной норме, снабжение армии предметами артиллерийского довольствия» *.

Исчисление общей потребности в предметах артиллерийского снабжения, необходимых для отпуска войскам и для образования запасов военного времени, производилось в ГАУ путем простого перемножения цифр количества предметов, положенных к содержанию в той или иной части войск по табели, на число войсковых частей, назначенных по мобилизационному расписанию, и путем определения %% от исчисленной той или иной потребности, установленных для содержания в запасах военного времени.

Согласно произведенному исчислению, ГАУ распоряжалось заготовлением необходимых предметов артиллерийского снабжения, заказывая их казенным и частным русским заводам (заграничным заводам заказы давались в мирное время лишь в исключительных случаях для изготовления единичных опытных экземпляров новых систем орудий и т. п.).

По установленному порядку, предметы артиллерийского имущества, изготовленные заводами по заказу ГАУ, сдавались заводами в артиллерийские склады, откуда отпускались войскам по распоряжениям ГАУ. Процедура приема предметов складами от заводов и войсками от складов происходила весьма медленно и сопряжена была с соблюдением многих формальностей, вызывавших постоянные недоразумения между приемщиками и сдатчиками, окончательное разрешение которых доходило нередко до ГАУ, затрудняя его работу. Прием предметов войсками непосредственно от заводов, минуя артиллерийские склады, за весьма редкими исключениями, не допускался, так как заводы были оборудованы для производства лишь отдельных предметов артиллерийского снабжения, и приемщикам от войск приходилось бы об'езжать много заводов. Такой порядок был бы весьма неудобен и для заводов, которые должны были хранить у себя изготовленные предметы в ожидании прибытия приемщиков от войск вместо того, чтобы, по мере изготовления, сдавать

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 63.

предметы в ближайший артиллерийский склад, причем частные заводы по приемным квитанциям склада могли бы получать без промедления деньги за сданные предметы. Предполагалось, что по сосредоточении в складах всех предметов будут вызываться приемщики от войск для получения всего необходимого для вооружения.

Предположение это, в большинстве случаев, не оправдывалось, и даже Комиссия обороны Государственной думы, вникая в дело снабжения войск предметами артиллерийского довольствия, не могла не отметить «хаотического беспорядка», наблюдаемого при рассылке некоторых изготовленных предметов. Нередко войсковые части получали изготовленные частными заводами Петербургской и Московской губерний зарядные ящики, парные повозки, пулеметные двуколки, между тем как колеса к этим ящикам, повозкам, двуколкам, заказанные Брянскому или Киевскому арсеналам, еще не были готовы, а затем высылались с значительным запозданием. Некоторые батареи получали орудия и лафеты, изготовленные горными заводами, но прицельных приспособлений и колес к лафетам эти заводы не изготовляли. Высланные из Петербургского орудийного завода прицелы с панорамами, а из какого-нибудь казенного арсенала колеса зачастую поступали в батареи далеко не одновременно с орудиями. Об'яснялось это не только слабым оборудованием заводов как казенных, так и частных, но также крайне разнообразным производством отдельных составных частей различных предметов артиллерийского снабжения. Ярким примером может служить такой простой предмет, как ручная граната: корпуса гранат изготовлялись в частной промышленности, снаряжались корпуса гранат на казенных заводах взрывчатых веществ, запальные приспособления к гранатам готовились Петербургским трубочным заводом, детонаторные гильзы — патронным заводом, снаряжение запалов производились на Охтенском заводе взрывчатых веществ и т. д. *.

Для перевооружения горных батарей материальная часть обр. 1909 г. изготовлялась разными заводами: пушки и патроны в Петербурге, лафеты там же и в Киеве, вьючные приспособления в Петербурге, конская амуниция в Москве и т. д. Изготовленная материальная часть сдавалась в ближайшие артиллерийские склады, откуда высылалась батареям. При поверке мобилизационной готовности горных батарей Киевского округа, произведенной весною 1913 г., батареи эти оказались далеко не в полной боевой готовности и не могли выступить в поход, хотя перевооружение их начато было почти за два года до поверки **. У них в боевом комплекте не хватало до 40% шрапнельных патронов и до 100% гранатных. Кроме того, имея пушки и лафеты, они не могли выступить в поход за недостатком многих других предметов: вьючных приспособлений, телефонных двуколок, конской амуниции, подков, поход-

*) Записка ген. Кузьмина-Караваева стр. 85 и 86.

**) Отчет о поверке боевой готовности горных дивизионов 12 и 32 артбригад, представленный п. Барсуковым генерал-инспектору артиллерии 3(16) IV 1913 года.

ных кузниц, укладочной принадлежности, материального инструмента, походных кухонь, санитарного обоза и пр.

Ко времени осмотра в горных батареях, например, состояли полностью вьючно-верховые седла обр. 1909 г., но совсем не было необходимых для вьючки добавочных помочных ремней и вьючных рычагов для парковых патронных вьюков, не было горных хомутов с принадлежностью, не хватало стопоров и некоторых других приспособлений, вследствие чего нельзя было вьючиться. Выступить в поход эти горные батареи могли лишь на колесах, а горные парки вовсе не могли, так как их материальная часть была приспособлена к движению исключительно вьючным порядком и колесных повозок не имели (в случае мобилизации и похода, предполагалось боевые комплекты горных парков везти за батареями на обывательских повозках, что в горной и пересеченной местности едва ли было возможно). Указанные недостающие вьючные приспособления заказаны были Петербургскому арсеналу, который своевременно их не изготовил.

Телефонные двуколки имелись в Киевском арсенале, откуда и были отправлены в горные батареи.

Горные хомуты были заказаны заводу Тиль и К° в Москве; на скорое их изготовление нельзя было рассчитывать. Поэтому батареям пришлось самим приспособить имеющуюся у них амуницию чертежа легкой артиллерии. Приспособление простое: сняли шлеи легкой амуниции и к хомутам пристегнули более короткие горные шлеи, имеющиеся при вьючно-верховых седлах, с помощью особых добавочных ремней.

Так называемое «имущество текущего довольствия», необходимое войскам в мирное время для учебных занятий и для пополнения убыли от порчи и утраты, должно было содержаться в артиллерийских складах в таком количестве, чтобы удовлетворение им нужд войск производилось «своевременно и безостановочно».

В действительности оно производилось, в большинстве случаев, крайне медленно и нужные войскам предметы далеко не всегда оказывались на складах.

Порядок приема в склады артиллерийского имущества от заводов и войск, а также хранения имущества и отпуска его войскам подробно был указан законом (С. В. Постановл., кн. XIII, изд. 1910 г., главы 3—5). Несмотря на достаточно точную и определенную регламентацию правил, артиллерийские склады, боясь ответственности, а иногда и по другим причинам старались находить нарушение правил со стороны сдатчиков, особенно если это были частные заводы. Приемщики от войск, командируемые для получения артиллерийского имущества от складов, в свою очередь, должны были зорко следить за тем, чтобы не получить от склада бракованных предметов, особенно если приходилось получать предметы, уже бывшие в употреблении. Недоразумения между сдатчиками и приемщиками и так называемые начеты составляли обычное явление, приводили к обширной длительной переписке и к нежелательным задержкам в артиллерийском снабжении.

Бывали случаи, когда артиллерийские склады определенно эксплоатировали приемщиков от войск. В 1908 г. от частей артиллерии Кавказского округа командированы были приемщики-офицеры с командами солдат за материальной частью скорострельной артиллерии обр. 1900 г., сданной в Двинский артиллерийский склад батареями Виленского округа, перевооруженными пушками 1902 г. Предварительно складу были отпущены деньги на чистку, смазку и приведение в порядок материальной части обр. 1900 г., но склад этого не сделал ко времени прибытия приемщиков, которым пришлось большую часть работ выполнить самим, вследствие чего перевооружение кавказской артиллерии скорострельными пушками задержалось на несколько месяцев.

Как увидим ниже, несмотря на указанные большие затруднения в артиллерийском снабжении, почти все войска и отчасти даже крепости к началу мировой войны были почти полностью снабжены положенным артиллерийским имуществом. Этому в значительной мере способствовали произведенные накануне войны в 1912—1914 гг. опытные мобилизации не только в войсковых частях, но даже в одной из крепостей на нашей западной границе. Опытные мобилизации заблаговременно обнаружили недочеты мобилизационной готовности, которые большей частью успели устранить к началу войны *.

Что касается боевых припасов и прочего артиллерийского имущества, положенного к содержанию в запасах военного времени, то большая часть этого имущества также состояла в запасах, но запасы эти быстро истощились в самом начале войны и совершенно не могли обеспечить нужды армии из-за ошибки в расчетах вести грандиозную войну на запасы военного времени, не учтя и не подготовив к войне производственные силы страны.

* Опытная мобилизация крепости Осовца. См. Е. Барсуков. — Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, стр. 146—149.

ЗАГОТОВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО СНАБЖЕНИЯ. ПОРЯДОК ДАЧИ И ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКАЗОВ. ТЕХНИЧЕСКИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ *.

Заготовление предметов артиллерийского снабжения производилось распоряжениями ГАУ, которое, руководствуясь существовавшими законоположениями, давало наряды техническим артиллерийским заведениям и заказы казенным и частным заводам.

Законоположения эти, в отношении ГАУ и частных поставщиков, были построены на полном недоверии закона к обеим сторонам. Дача заказов частным заводам обусловливалась формальностями, порождавшими большие затруднения и для ГАУ и, в особенности, для поставщиков.

Начальник ГАУ никакими правами на выдачу заказов по закону не пользовался.

О всяком заказе ГАУ должно было представлять на разрешение и утверждение Военного совета, предварительно согласовав условия заказа не только с требованиями закона, но часто и с контролирующими ведомствами и с министерством торговли и промышленности. На предварительные переговоры по поводу заказа с поставщиками, на составление кондиций и технических условий, на согласование с ведомствами, на составление докладов в Военный совет, рассмотрение докладов ГАУ в канцелярии военного министерства и затем в Военном совете, — на все это затрачивалось много времени. Поставщикам приходилось ожидать иногда по нескольку месяцев, пока заказ утверждался Военным советом и с ними заключался договор на поставку. Эти задержки происходили даже в тех случаях, когда выдача заказа были предрешена без конкуренции (например, Путиловский завод ожидал заключения с ним контракта на первый валовой заказ 3-дм. скорострельных полевых пушек своей системы почти целый год; представитель завода Казаринов, служивший ранее в ГАУ, откровенно заявлял, что, предусматривая промедление и другие трения, он умышленно надбавил несколько процентов на цену пушек).

---

* Св. воен. постан., кн. I, изд. 1907 г. ст. 3, 10, 62, 78, 83, 86, 238, 239, 400—409, 449, 535—538; кн. XIII, изд. 1910 г. ст. 2, 6, 9, 14—17, 61, 65, 73, 75, 76, 200; кн. XVIII, изд. 1907 г. ст. 4—15, 23, 33, 48—50, 60—68, 72, 89, 91, 94, 108, 131—135.

Распоряжениями ГАУ заготовления производились, большей частью, способом «заказов на срок». Закон допускал такой способ заготовления только в тех случаях, когда заказываемые предметы требовали «особого искусства и большой прочности и чистоты в отделке» или изготовлялись «по особым рисункам». Этого именно требовало большинство предметов, заказываемых ГАУ.

Законом обусловливалось, чтобы при совершении заказов на срок заключались с контрагентами договоры на точном основании общих правил для контрактов, заключаемых по подрядам, с обеспечением исправности поставки надлежащими залогами. Залоги должны были обеспечить неустойку на случай неисправности подрядчика и задаточные деньги и ссуды, выдаваемые подрядчикам вперед в счет контрактной платы. Задатки и ссуды обеспечивались только денежными залогами. В обеспечение неустойки принимались не только деньги, но и дома, а также вещи и материалы, составляющие предмет подряда; при этом, если заводчики представляли свидетельства правительственных учреждений о принадлежности завода, его удовлетворительном состоянии и производительности, то при поставке изделий собственных заводов они вовсе освобождались от обеспечения залогами неустойки. В случае неисправности таких заводчиков взыскание неустойки обращалось на все их имущество.

Значительное запоздание в сдаче заказанных предметов против сроков, обусловленных договорами, было обычным явлением, но столь же обычным являлось и сложение неустоек с заводов, особенно при крупных заказах, так как в большинстве случае находили, что неисправностью в поставке «казне не причинено убытков» или неисправность заслуживала «по положению своему особого снисхождения».

Запоздание в сдаче заказов действительно нередко происходило не по вине заводов, а вследствие детальных изменений в первоначальных чертежах и технических условиях, выданных для руководства заводам при заказе, или вследствие дополнительных технических усовершенствований в заказанных предметах, введение которых Артком находил нужным.

Происходившие от этого задержки в исполнении заказов были невыгодны для заводов, так как влекли за собою замедление в сдаче изделий и в получении за них платежей. С другой стороны, ГАУ не могло своевременно получить от заводов заказанные предметы, что крайне неблагоприятно отражалось на боевой готовности армии.

Несомненно, еще гораздо медленнее производилось заготовление предметов артиллерийского снабжения при подряде с торгов. Между тем, «подряд с торгов» признавался по закону «нормальным» способом заготовления. Этот способ сравнительно редко применялся при крупных заказах, даваемых непосредственно ГАУ, но он являлся неизбежным при заготовлениях станков и механизмов, материалов, топлива и пр., которые делались техническими артиллерийскими заведениями, подведомственными ГАУ.

Дача заказов казенным заводам морского и горного ведомств производилась ГАУ также с разрешения Военного совета, но она не обставлялась такими формальностями, как заказы частным заводам. С казенными морскими и горными заводами контрактов не заключалось, исправное выполнение заказов никакими залогами не обеспечивалось и пр. Официальное сношение ГАУ с казенными заводами заменяло контракт; в сношении указывались чертежи, технические условия и сроки изготовления изделий. Сроки эти обыкновенно не соблюдались, и значительное запаздывание в исполнении заказов казенными, горными и морскими заводами являлось не только обычным, но скорее даже обязательным, причем в распоряжении ГАУ не было никаких средств заставить эти заводы поторопиться выполнением полученных ими заказов.

В ведении ГАУ находились технические артиллерийские заведения, которые предназначались для изготовления предметов артиллерийского довольствия. К этим заведениям относились:

оружейные заводы, служащие для выделки и исправления винтовок, пулеметов и ручного оружия;

патронные заводы, изготовлявшие патроны к ручному и огнестрельному оружию с составными их частями, кроме пороха и капсюлей;

орудийный завод, служащий для отделки и исправления орудий;

сталеделательный завод, выделывающий сталь для потребностей технических артиллерийских заведений;

пороховые заводы для выделки пороха и прессованного пироксилина;

трубочные заводы для изготовления дистанционных трубок, взрывателей и капсюльных втулок;

завод взрывчатых веществ, служащий для выделки взрывчатых веществ и снаряжения ими снарядов, а также для изготовления капсюлей и трубок для воспламенения зарядов в орудиях;

арсеналы 1 и 2 разряда, служащие для изготовления и исправления лафетов, повозок и прочей материальной части артиллерии, а также для исправления орудий;

ракетный завод для изготовления боевых и сигнальных ракет.

Кроме заводов и арсеналов, при артиллерийских складах содержались мастерские для таких работ, которые не требовали участия технических артиллерийских заведений. Эти мастерские выполняли, главным образом, работы по содержанию в исправности хранящихся в складах предметов.

Все технические должности в технических артиллерийских заведениях замещались преимущественно офицерами, окончившими артиллерийскую академию.

Сложные производства артиллерийских заводов требуют привлечения выдающихся техников, обладающих глубокими знаниями и опытом. Между тем, техническая служба на заводах, да и ученая в Арткоме, материально была обставлена столь неудовлетворительно, что лишь ничтожный процент офицеров-академиков соглашался итти на техническую и ученую службу. Значительное число офицеров по окончании академии

уходило в строевые части, куда их привлекали более быстрое движение по службе и повышенные оклады содержания. С 1905 г. военное министерство настойчиво ходатайствовало о процентных надбавках к содержанию офицеров-академиков за выслугу лет в должностях по технической и ученой службе, но министр финансов не давал согласия на проектируемую льготу, указывая, что при ее удовлетворении военное министерство может потребовать такой же прибавки за выслугу лет офицерам Генерального штаба и другим обособленным корпорациям. В 1910 г. было, наконец, дано согласие на увеличение штатных окладов лицам технической службы, но не ученой; при этом размер окладов, несогласованный с контролирующими ведомствами, доходил до рассмотрения Совета министров. В 1911 г. военное ведомство, чтобы устранить разногласия, вынуждено было отказаться от своих проектированных окладов и представить в Государственную думу согласованный проект, который далеко не устранял недочеты, но все же мог способствовать приостановке ухода офицеров-техников в морское ведомство и на частную службу *. Государственная дума признала законопроект неудовлетворительным, но ввиду необходимости немедленного улучшения служебного положения офицеров-техников, постановила удовлетворить ходатайство военного министра лишь в виде временной меры—до 1915 г., высказав при этом пожелание скорейшего внесения военным министром в законодательные установления законопроекта, в котором должны быть переработаны положения о технических артиллерийских заведениях, их штаты и правила прохождения в них службы. Разработанный на указанных началах законопроект, с прогрессивно возрастающим (по пятилетиям) окладом содержания офицеров и чиновников, обслуживающих казенные заводы, был утвержден Военным советом лишь накануне войны, в июне 1914 г., для представления через Совет министров в Государственную думу **.

Работы в технических артиллерийских заведениях производились вольнонаемными рабочими, на основании особого положения (кн. XIII Св. в. постан., изд. 1910 г.).

Технические артиллерийские заведения состояли в непосредственном подчинении ГАУ, но одновременно, в отношении общего порядка военной службы, они подчинялись также окружному артиллерийскому управлению того военного округа, в котором они находились. По всем вопросам заготовления, разрешение которых превышало власть хозяйственного комитета и начальника технического артиллерийского заведения, а таких было огромное большинство, — они вносили представления в военно-окружные советы через военно-окружные артиллерийские управления.

Военное законодательство в отношении технических артиллерийских заведений было построено на общем принципе того времени—недоверии

* Вследствие ухода военных инженеров-техников из артиллерийского ведомства в одном из оружейных заводов не хватало в то время до половины штатного состава инженеров.

** Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 76—78.

и контроле, имевшем фискальный характер. В царской России, с одной стороны, воспитывалось в военной среде чувство долга, сознание обязанностей, работы «не за страх, а за совесть», а с другой—представители закона и власти усматривали в каждом военнослужащем чуть ли не преступника с корыстными побуждениями, особенно если он являлся ответственным работником в области, соприкасающейся с хозяйственной и денежной частью. В результате, у большинства развивалось чувство страха и боязнь ответственности, крайне стеснявшие инициативу и свободу деятельности.

Для людей же недобросовестных все эти стеснения не служили особым препятствием к умелому «обходу закона» и к совершению преступлений, далеко не всегда раскрываемых и наказуемых.

По закону, начальнику технического артиллерийского заведения вверялось «общее руководство и надзор над всей деятельностью заведения»; он должен был исполнять многочисленные разнообразные обязанности, ему предоставлялось много прав в разных отношениях, но в хозяйственном отношении его права были весьма ограничены: он имел право разрешать, в один раз, наличные покупки вещей и материалов до 500 руб., наем рабочих до 200 руб. и расходовать своею властью до 1 000 руб. при производстве (и то с разрешения ГАУ) испытаний новых изобретений и усовершенствований; при этом во всех случаях он не должен был выходить из пределов общего операционного кредита.

Более широкие права предоставлены были состоящему в технических артиллерийских заведениях хозяйственному комитету, как коллегиальному учреждению, одним из членов которого являлся назначаемый начальником ГАУ его представитель. Однако оговорки, сделанные в законе, значительно ограничивали права по заготовлениям, тем же законом предоставленные хозяйственному комитету. Поэтому хозяйственные комитеты, ответственные за правильность своих постановлений, хотя бы против них «и не было сделано возражений начальником заведения, так равно за превышение и бездействие власти и медленность»,—с чрезвычайной осторожностью пользовались предоставленными им правами и предпочитали во всех мало-мальски сомнительных случаях входить с представлениями через военно-окружные артиллерийские управления в военно-окружные советы. Последние пользовались с 1910 г. довольно широкими правами в хозяйственном отношении, но также предпочитали складывать с себя ответственность и направлять представления технических артиллерийских заведений через ГАУ на разрешение Военного совета, иногда даже не об'ясняя причин, почему они не считают себя в праве разрешить вопрос собственною властью.

На одно «бумажное» прохождение вопроса, и то если он не был сильно осложнен и запутан, тратилось от 2 до 6 месяцев, считая со времени рассмотрения вопроса в хозяйственном комитете технического артиллерийского заведения до разрешения его Военным советом.

Не меньше времени тратилось техническими артиллерийскими заведениями на предварительное, также «бумажное», производство загото-

вления предметов и материалов, необходимых заведениям для исполнения данных им нарядов.

Выше уже упоминалось, что подряд с торгов являлся нормальным способом заготовления для технических артиллерийских заведений. Торги производились с соблюдением многих формальностей, установленных законом (кн. XVIII Св. в. постан., изд. 1907 г.).

1. Делались предварительные распоряжения к торгам, заключавшиеся в составлении кондиций и технических условий подряда, в изготовлении чертежей и описаний подряжаемых предметов, а иногда в изготовлении образцов предметов, наконец, в вызове желающих к торгам. В условиях на подряд указывались качество подряжаемых предметов, место, порядок и сроки исполнения подряда, пособия от казны, размер неустойки, способ обеспечения неустойки и назначаемых пособий, порядок и степень ответственности сторон за неисполнение обязательства, порядок освобождения залогов и т. д. В вызовах к торгам об'являлись предметы подряда и количество их, условия подряда, время и место торгов, день и час подачи заявлений к изустному торгу или в запечатанных пакетах и пр.; при этом вызовы к торгам на значительные суммы делались «не ближе как за три недели до производства торгов». Со времени вызова желающих к торгам, им предоставлялось читать подробные условия подряда и снимать с них копии, рассматривать образцы, сметы на работы и т. д.

2. Определялась «правоспособность лиц на участие в торгах и подрядах», причем устранение или временное недопущение к торгам и подрядам некоторых ненадежных подрядчиков зависело «единственно от усмотрения Военного совета», т.-е. о всех подобных случаях требовалось испрашивать разрешения последнего.

3. В особых случаях, в большинстве имевших место при заготовлениях в технических артиллерийских заведениях, когда «исполнение подряда требует значительных со стороны контрагента средств или навыка и искусства, а также при обстоятельствах, не оставляющих сомнения в невозможности выгодного для казны устройства операции путем нормальных торгов, основанных на началах свободной конкуренции»,—допускались так называемые торги с ограниченной конкуренцией, с вызовом к участию в них одних лишь известных своею «благонадежностью и опытностью» заводчиков, фабрикантов, промышленников и мастеров. Но разрешение на производство таких торгов давалось на каждый отдельный случай военно-окружным советом, а в случаях, превышающих его права,—Военным советом, т.-е. опять-таки приходилось терять много времени на получение разрешения произвести торги с ограниченной конкуренцией.

4. Требовалось, чтобы заявления о желании торговаться изустно или запечатанные об'явления строго отвечали установленной форме и заключали только те сведения, какие указывались формой.

5. Торги должны были производиться строго по правилам, об'явленным в законе, и т. д.

Утверждение торгов зависело от степени власти, предоставленной хозяйственному комитету технических артиллерийских заведений, производящему торги.

В этом отношении хозяйственному комитету были предоставлены права:

по заготовлениям, для которых цены определены Военным советом, утверждать окончательно подряды и поставки без ограничения суммы, но «если торги произведены законным порядком, на точном основании условий, и состоявшиеся на торгах цены в общей сложности не более определенных Военным советом»;

по всем заготовлениям и работам, для которых цены Военным советом не определены, а «торги произведены с соблюдением всех установленных правил и состоявшиеся на торгах цены признаются хозяйственным комитетом выгодными для казны», утверждать окончательно подряды и поставки: 1) по строительным и механическим работам—на сумму до 100 000 руб., но если состоявшиеся на торгах цены в общей сложности не превышают цен утвержденной сметы на данные работы; 2) по прочим подрядам и поставкам—на сумму до 10 000 руб., но если состоявшиеся на торгах цены будут признаны хозяйственным комитетом выгодными для казны, что и должно быть «категорически выражено в журнале комитета» с изложением соответствующих мотивов; на сумму до 50 000 руб., но если предложенные на торгах цены «не выше цен справочных, и хотя превышают цены последнего заготовления, но не более как на 10%»; на сумму до 100 000 руб., но если предложенные на торгах цены «не выше цен справочных и хотя превышали бы цены последнего заготовления, но не более как на 5%».

Для многих предметов, заготовляемых техническими артиллерийскими заведениями, в виду их технических особенностей, не существовало ни справочных цен, ни цен, определенных Военным советом. Это обстоятельство, в связи с ограничениями прав хозяйственного комитета в виде указанных «но» и «если», приводило к тому, что об утверждении торгов, в большинстве случаев, приходилось представлять в военно-окружные советы или даже в Военный совет; ясно, что производство заготовлений чрезвычайно задерживалось.

В комиссии обороны Государственной думы было много нареканий на принятый в военном ведомстве способ заготовлений—с торгов. Начальник ГАУ, ген. Кузьмин-Караваев, в своих об'яснениях по этому вопросу, не отрицая многих присущих торгам недостатков, признавал «существенное преимущество этого способа заготовлений—широкую гласность». Главной причиной медленности заготовлений он считал не производство торгов, а недостаточно широкие права местных органов. По его мнению, заготовительные операции должны были получать окончательное утверждение в военно-окружных советах и «лишь в редких случаях восходить на усмотрение Военного совета» *.

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 86.

Во всяком случае порядок заготовления с торгов, установленный законоположениями царской России, отличаясь излишним формализмом и крайней медленностью производства, весьма вредно отражался на живом деле заготовлений всего необходимого для исполнения нарядов техническими артиллерийскими заведениями. Торги далеко не всегда достигали преследуемой ими цели—снижения цен путем конкуренции, так как обычно из года в год участие в торгах принимали одни и те же фирмы. Фирмы эти предварительно сговаривались и делили между собою подряды,—в итоге они диктовали казне свои цены, умело устраняя («отступные» и пр.) от участия в торгах случайных, посторонних для них конкурентов, если такие изредка и бывали.

Установленные законом для технических артиллерийских заведений правила ведения делопроизводства, счетоводства и отчетности отличались большой сложностью и вызывали излишнюю переписку. Достаточно сказать, что в технических артиллерийских заведениях требовалось вести около 60 разных книг, инвентарей и пр. по 40 различным установленным формам, а также и по произвольным. При таких условиях промедления в канцелярском деле бывали неизбежными и вредно отражались на живом деле исполнения нарядов.

Наряды или заказы техническим артиллерийским заведениям давались по распоряжениям ГАУ, подразделяясь на постоянные (годовые), единовременные и случайные; исполнение нарядов вызывало соответствующие заготовления. Для постоянных заготовлений составлялись ежегодные планы и сметы, которые проверялись в ГАУ и затем представлялись на утверждение в Военный совет; на единовременные и случайные заготовления планы представлялись только в случаях особой важности, например при даче большого наряда на крупную сумму или при дополнительном оборудовании завода для нового производства, причем проверка и утверждение таких планов происходили тем же порядком, как и ежегодных планов.

На составление, проверку и утверждение планов заготовлений и смет уходило много времени, иногда по нескольку месяцев, а на составление, проверку, утверждение и проведение в жизнь больших проектов переустройства заводов время исчислялось годами (например, на приспособление орудийного завода для отделки до 1 000 полевых 3-дм. скорострельных пушек в год потребовалось около 3 лет, причем после переустройства завод оказался в состоянии изготовлять менее половины предположенного числа пушек). При даче нарядов техническим артиллерийским заведениям редко задавались определенные сроки на выполнение нарядов, а если и задавались, то во всех случаях наряды в срок не исполнялись и вообще сильно затягивались.

Медленность исполнения нарядов техническими артиллерийскими заведениями происходила, с одной стороны, вследствие формализма, шаблона и мертвящей канцелярщины, на которых построена была хозяйственная часть в военных заводах, с другой—вследствие того, что ГАУ, ведавшее ими, по своему устройству, личному составу и методам

работы имело типичный административно-канцелярский характер, со всеми присущими ему отрицательными сторонами, совершенно не отвечающими духу живого заводского дела и самым простым основным началам военной экономики.

В период, предшествующий мировой войне, технические артиллерийские заведения являлись основной базой военной промышленности России. Между тем, необходимого об'единяющего руководства весьма сложной и ответственной работой военных заводов не было, так как ГАУ фактически не могло этого осуществить. До 1908 г. в составе ГАУ вовсе не имелось ни отдельного лица, ни специального органа, об'единяющего руководство деятельностью военных заводов. Власть над ними была распылена в ГАУ между многими отделениями, канцеляриями и делопроизводствами; каждое их них самостоятельно давало наряды заводам и арсеналам, не считаясь ни с их производительностью, ни с загруженностью уже данными заказами. При таких условиях нельзя было ожидать ни стройной согласованности, ни соблюдения срочности при выполнении нарядам техническими артиллерийскими заведениями.

В 1908 г. при ГАУ была создана должность заведывающего техническими артиллерийскими заведениями с тремя инженерами при нем. И вот эти четыре инженера и составили весь аппарат по заведыванию 20 заводами и арсеналами с весьма сложным, разнообразным и чрезвычайно ответственным производством. Эти инженеры, во главе с ген. Якимовичем, высоко сведущим в артиллерийском деле, выдающимся по своей работоспособности, виднейшим членом Арткома, принесли большую посильную пользу военным заводам в смысле регулирования дачи им нарядов. Однако, несмотря на все свои исключительные технические знания, энергию и опыт, они не в силах были сколько-нибудь существенно повлиять и оживить рутинно-канцелярский уклад технической и особенно хозяйственной жизни военных заводов, тем более они не могли изменить установленной законом крайне нецелесообразной системы устройства, управления и деятельности технических артиллерийских заведений.

Медленность исполнения артиллерийских заказов казенными и частными заводами и техническими артиллерийскими заведениями вредно отражалась на артиллерийском снабжении и боевой готовности армии. Эта же медленность являлась главной причиной того, что ГАУ обычно не могло своевременно использовать отпускаемые ему деньги на заказы. Ассигнованные ГАУ кредиты оставались иногда годами без движения, что приносило значительный ущерб казне.

Побуждая военное ведомство к более решительным и смелым мероприятиям для удовлетворения настоятельных нужд армии и к более широкому испрошению кредитов, Государственная дума в течение ряда лет вела борьбу с ведомством, упрекая его в неиспользовании отпущенных кредитов. Об'ясняя причины этого явления, помощник военного министра ген. Поливанов в заседании Государственной думы 13/26 апреля 1912 г. подтвердил, что ежегодно значительная часть ассигнованных кредитов оставалась на кассе не тронутой, а именно: в 1908 г. около

77%, в 1909 г. около 60%, в 1910 г. почти 43%, в 1911 г. 33%. Кредиты расходовались в последующие годы, но за все время 1908—1911 гг., по заявлению ген. Поливанова, было совершенно не использовано и окончательно закрыто кредитов на сумму 1 300 000 руб. *.

Упреки Государственной думы в несвоевременном использовании отпущенных кредитов относились, главным образом, к ГАУ. По поводу этих упреков начальник ГАУ, ген. Кузьмин-Караваев, в своих показаниях Верховной следственной комиссии привел следующие об'яснения:

«Пункт обвинения в медленном расходовании отпущенных кредитов для меня всегда был непонятен. Приступая к исполнению разрешенного мероприятия, артиллерийское ведомство руководствовалось не скорейшим расходованием ассигнованных денег, а безотлагательным заказом тех предметов, на которые деньги отпущены. Успех работы на частных заводах и на заводах морского и горного ведомства не зависит от ГАУ **, но уплата за заказанные им предметы производится, конечно, лишь по изготовлении предметов и после признания их годными к службе. В период времени с 1908 по 1912 г. кредиты открывались не в соответствии с предстоящей платежной потребностью, а согласно исчислений стоимости испрашиваемого на данный год заказа».

«В результате такого неправильного ассигнования денег явилось непроизводительное накопление сумм, предназначенных на уплату за непред'явленные к приему изделия или за непоставленные материалы, и одновременно с этим полное отсутствие денег на крайне необходимые работы, которые, как необеспеченные кредитом, не были разрешены».

«В 1911 г. я неоднократно докладывал помощнику военного министра (ген. Поливанову) о создавшемся положении по изготовлению 3-лин. патронов для пополнения запасов: оборудованные заграничными станками патронные заводы могли изготовлять в год свыше 500 миллионов патронов, между тем, в 1911 г. они имели нарядов только на 250 миллионов. Начальники заводов еженедельно рассчитывали партии рабочих за ненадобностью, а текущие работы умышленно растягивали на 5 дней в неделю во избежание роспуска опытных рабочих».

Ген. Поливанов, не разрешая увеличения нарядов, указывал начальнику ГАУ на предусмотренное существующим законом воспрещение нарядов, не обеспеченных кредитом. В то же время на кассах ГАУ состояли значительные суммы, которые нельзя было расходовать на изготовление патронов, так как они были ассигнованы по другим параграфам чрезвычайной сметы.

Только летом 1912 г., когда политические события на Ближнем Востоке властно потребовали незамедлительного пополнения боевых запасов нашей армии до установленных норм, помощник военного министра ген. Вернандер, заменивший ген. Поливанова, настоял на праве военного

* Свод сведений по вопросам госуд. обороны в Госуд. думе за 1908—1915 г.г., стр. 34.

** Ген. Кузьмин-Караваев не упоминает о подведомственных ГАУ военных заводах, но медленное расходование кредитов относились в равной мере и к ним.

ведомства давать наряды и заказы, не ожидая ассигнования обеспечивающих их сумм. В 1913 и 1914 гг. открытие новых кредитов было произведено уже на правильных началах — в соответствии с платежной потребностью каждого текущего года. Понятно, что при таком порядке открытия кредитов накопления сумм не могло быть *.

Этот краткий очерк приводит к заключению, что порядок заготовления предметов артиллерийского снабжения, принятый в царской России, страдал многими глубокими дефектами, имевшими, как увидим ниже, чрезвычайно вредные последствия для русской армии в мировую войну.

Заготовления производились на основании законоположений, построенных на недоверии и на соблюдении многих формальностей, связанных с канцелярской волокитой и потерей времени, чрезвычайно затруднявших проявление инициативы и живой деятельности распорядительных и исполнительных органов, в том числе, и в особенности, военных заводов, исполнявших артиллерийские заказы.

Установленные законом всевозможные ограничения в хозяйственных правах в связи с присущей прошлому времени боязнью ответственности приводили к тому, что большинство вопросов не разрешалось на местах, а перекладывалось низшими органами на высшие, доходя через ГАУ до Военного совета. Этим крайне тормозилось дело заготовления, требующее децентрализации в исполнительной части.

Напротив, в части распорядительной весьма ответственная и сложная техническая работа военных заводов требовала об'единяющего руководства, возглавляемого ГАУ. По закону, управление техническими артиллерийскими заведениями, действительно, было централизовано в ГАУ, но это было скорее номинально; фактически оно распылилось между многочисленными отделениями и делопроизводствами ГАУ, что вносило значительную дезорганизацию в деятельность военных заводов; положенный по штатам ГАУ заведывающий техническими артиллерийскими заведениями, имея в помощь всего трех инженеров, составлял далеко не достаточный аппарат, чтобы должным образом об'единять и руководить военными заводами, и даже регулировать выдачу им заказов.

Заказы, даваемые заводам, не отвечали их производительности. В большинстве случаев заказы сдавались не по определенному плану, а по мере возникновения потребности; обыкновенно, с выдачей заказа одновременно отпускался кредит на определенный срок, не считаясь с возможностью выполнить заказ в этот же срок. В результате—значительная часть кредитов оставалась неиспользованной в данный сметный период, кредиты закрывались, приходилось их вновь испрашивать и напрасно тратить время.

Во время войны, в 1915 г., положение это было изменено—при ГАУ был организован более сильный аппарат по регулированию заказов и по руководству деятельностью заводов.

---

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 86—88.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Прежде чем приступить к самому исследованию этих вопросов, необходимо, хотя бы в самых общих чертах, дать представление о тех трудностях, с которыми вообще сопряжено изготовление разных предметов боевого снабжения. Это необходимо потому, что не только «штатская публика», но и значительное большинство «военной» очень мало осведомлены по этой части. Этим и об'ясняются, главным образом, те огульные обвинения, которые с легким сердцем бросались военному ведомству, в частности ГАУ, и всей нашей промышленности в целом в том, что она так плохо справлялась в трагическую для России пору с заказами на боевое снабжение армии. При этом, конечно, разумелось, что справиться с этим делом не трудно — было бы только желание да усердие.

Но в том-то и беда, что одних порывов самого горячего энтузиазма мало, нужно еще умение.

Дело в том, что почти все предметы боевого снабжения, за ничтожным исключением, требуют такой точности работы, к какой не привыкла наша общая промышленность, даже та ее часть, которая изготовляет паровозы, двигатели разных систем, металлообрабатывающие станки и т. п. И когда большая часть этой промышленности была привлечена военным ведомством к работе на снабжение армии, то потребовались громадные усилия и очень много времени как для соответствующего инструктирования технического персонала заводов, так и для привития рабочим таких навыков точности, которые требовались для военных изделий.

Не только простые рабочие, но мастера и даже большая часть инженеров общей промышленности вначале своей работы на оборону не представляли себе с достаточной осязательностью необходимость считаться с какою-то «тысячной дюйма», а тем более с ее долями... Лишь путем «предметных уроков», т.-е. когда забраковывались целые партии изделий какого-либо перехода, все участники работы приходили к сознанию, что эта «тысячная» — не вздор, не «пустые разговоры», а та реальная действительность, за несоблюдение которой завод несет значительные убытки, а рабочие платятся крупными вычетами. Однако нужно отметить, что в большинстве случаев какой-либо особой мудрости для достижения указанной точности не требуется: нужны только пригодные

для точной работы станки, надлежащее оборудование, соответствующая организация приемки изделий (браковка) и строгая школа (дрессировка) работы.

И если все это проводится с должной настойчивостью — дело налаживается быстро; потом надо только поддерживать заведенный порядок и не распускать вожжи. Нередко бывало, что заводы, долго и бесплодно бившиеся над установлением какого-либо производства военного изделия и лишь с великим трудом достигшие этого,—потом сами удивлялись пережитым затруднениям, находя, что дело было «так просто». Причины же неудач почти всегда лежали в том, что завод не следовал в точности указаниям инструкторов ГАУ или из соображений неправильно понимаемой экономии, или по «мудрствованию лукавому» своих руководителей пытался обойти или сократить «курс начального обучения точной работе».

Таким образом нашей общей промышленности, при выполнении заказов военного ведомства пришлось пройти хорошую школу, которая принесла ей несомненную пользу. В ГАУ имелся ряд заявлений от правлений заводов с благодарностью за те толчки по пути технического прогресса, которые были даны им выполнением наших заказов. В этом смысле характерно заявление начальника тяги Ю.-З. ж. д. инженера Нефедьева, установившего обработку 48-лин. бомб в железнодорожных мастерских (в Харькове). Нефедьев отметил большое воспитательное значение этих работ на рабочих и поставил в прямую связь пройденную при этом «школу» с происшедшим резким улучшением в ремонте паровозов в названных мастерских, в которых до этого времени не имели понятия о «такой точности» работы.

Все сказанное выше относится к наиболее простым (по требуемой точности) предметам боевого снабжения, как, например, артиллерийские снаряды, капсюльные втулки, трубки упрощенных образцов, ручные гранаты, бомбометы, минометы. Производство же более сложных предметов, как винтовки, пулеметы, дистанционные трубки, взрыватели безопасного типа, артиллерийские орудия,—уже настолько сложно и своеобразно, что является посильным лишь солидным заводам, занимающимся специально выработкой этих предметов. И потому заводы, хотя и мощные по своему техническому оборудованию и располагающие выдающимся техническим персоналом, но раньше не занимавшиеся массовым изготовлением предметов боевого снабжения,—все же требуют, как показал опыт мировой войны, для налажения у себя такого производства значительного срока, причем им приходится переживать и все «детские болезни», неизбежно присущие всякому новому производству, хотя, конечно, в значительно ослабленном виде по сравнению с заводами слабыми, а тем более вновь создаваемыми.

Ниже приводится ряд примеров, ярко иллюстрирующих сказанное, а чтобы охарактеризовать числовыми данными сложность и степень требуемой точности в подобных производствах, в таблице 4 указываются такие данные по отношению к некоторым предметам.

ТАБЛИЦА 4*.

ИЗДЕЛИЯ	Число отдельных частей	Число переходов	Число лекал	Число обмеров	Число потребных станков на 1 изделие (в смену)	Число рабочих на 1 изд. (суточный выход)	Время работы на 1 изделие: а) одной работы (чистое время)—часов	Время работы на 1 изделие: б) фактическое прохождение всех переходов—месяцев	Средний вес потребных станков в *кг*	Требуемая точность работы в *мм*	Примечание
Винтовка	156	1 424	540	812	4,3	7	35	6	Около 800—900 клгр.	0,127 до 0,025	1) Без запасных частей к пулемету.
Револьвер	54	817	424	562	3	5	24	4		0,127 до 0,050	
Пулемет	282	2 422	830	1 054	40	105	500 1)	6		0,05 до 0,01	2) В 1 месяц при одной смене в 8 часов.
Станок пулеметн.	126	587	234	361	15	40	170	3		От 0,127 до 0,025	
3-лн. патрон, не считая пороха	4	65	125	165	0,002	0,003	1 мн.	1 мн.			3) При одной пушке около 5 месяц., при партии в 15 пушек около 10 месяцев.
Дистанционная 22-секундная трубка	48	332	252	575	0,36	0,96	3,6	3			
76-*мм* горная пушка 1909 г. (без лафета)	536	2 520	2 820	4 100	9 2)	11 2)	2 100	5—10 3)	ок. 1 500	0,10 до 0,02	
76-*мм* легкая пушка 1902 г. (с лафетом)	362	2 908	4 187	751	163	316	?	ок. 3 700 час.	ок. 3 000	0,2 до 0,025	
122-*мм* гаубица 1910 г. (с лафетом)	717	4 341	7 889	1 411	367	662	?	ок. 6 475 час.	ок. 3 800	0,2 до 0,025	

* Таблица составлена по не окончательно точным, но проверенным данным в июле 1927 г. в Главном управлении военной промышленности при Высшем совете народного хозяйства СССР.

В последней графе таблицы 4 приведены числа, характеризующие «точность» требуемой работы. Столь высокая точность при выработке некоторых военных изделий, как, например, орудия, винтовки и пулеметы, необходима в виду требования «взаимозаменяемости» отдельных частей, которые в виде «запаса» рассылаются вместе с орудиями, винтовками и пулеметами и сопутствуют войска до их боевых позиций. Это дает возможность быстро восстановить пригодность оружия без отправки его на завод—простой и скорой заменой испортившейся части запасной частью. И так как почти все части выдерживают при стрельбе громадные давления, то пригонка их должна быть, во избежание прорывов, очень плотной. Вот почему и всякая запасная часть, чтобы приттись вплотную к любому экземпляру оружия, должна быть сработана с общею для всех большой точностью. Эта точность поверяется особыми мерительными приборами—лекалами, число которых, как видно из таблицы, очень велико. Самое изготовление лекал—дело исключительно трудное, доступное лишь высококвалифицированным мастерам. А так как от употребления эти лекала неизбежно стираются, то после некоторого износа они уже становятся непригодными и заменяются новыми. Для определения степени износа существуют особые «справочные» лекала, по которым и изготовляются рабочие серии лекал. А чтобы быть уверенными в точности самих «справочных» лекал,—на каждом заводе имеется специальная серия особо-тщательно хранимых, «образцовых» лекал, никогда не пускаемых в работу и служащих лишь для проверки по ним «справочных» серий. Если к сказанному добавить, что лекала готовятся (для меньшей изнашиваемости) из каленой стали, окончательную отделку размеров которой можно производить лишь после длительного промежутка времени (когда исчезнут неизбежные при всякой закалке разные внутренние натяжения) *, то станет ясным, как трудна, длительна и дорога эта работа и какого искусства и технических средств требует она от завода. И прежде, чем вполне наладится это дело — завод фактически не может приступить к производству, если только, конечно, он не боится почти поголовного брака своих изделий; самый простой способ остановить работу завода на долгое время,—это лишить его лекал.

Отсюда ясно, что для изготовления предметов боевого снабжения недостаточно солидной постановки завода в смысле удовлетворения требований, предъявляемых общей промышленностью; такие заводы долго не справятся с делом.

И действительность как раз подтверждает это. Вот ряд примеров, взятых из непосредственного опыта этой войны в отношении не только русской, но и заграничной промышленности.

Как только выяснялась нехватка какого-либо предмета боевого снабжения, ГАУ прежде всего обращалось с предложениями к своей промышленности и каждый раз имело возможность убеждаться как в пол-

* Эти натяжения бывают тем больше и сохраняются они тем дольше, чем сталь тверже. А так как для лекал требуется именно наиболее твердая сталь, то и натяжения в ней после закалки исчезают лишь через несколько месяцев.

ной ее неподготовленности к выполнению военных заказов, так и в отсутствии у нее той гибкости и приспособляемости, без которых немыслим быстрый переход к новому массовому производству, хотя и близкому к ранее существовавшему. Даже такие элементарно простые производства, как ручные гранаты, мины, разного рода осветительные приборы, совершенно простые трубки и капсюльные втулки, — словом, производства, которые, казалось бы, вполне посильны для мало-мальски толковых кустарей,—и те не могли долго наладиться собственными силами частной промышленности, именно вследствие незнакомства ее с подробностями этих производств и отсутствия специального руководства. Здесь, между прочим, с полной очевидностью сказались все отрицательные стороны нашей промышленности, взрощенной в условиях нездоровой бюрократической политики: отсутствие предприимчивости, широты взглядов и настоящего коммерческого расчета у хозяев предприятий; крайняя рутинность и отсутствие инициативы у технического персонала; сильная отсталость, часто граничащая с безграмотностью, у рабочего состава. Непривычка при этом работать с точностью, давно уже усвоенною в западно-европейской промышленности, еще более затрудняла для нашей промышленности переход на военные изделия, где требуется исключительная точность. И лишь после того, как была оказана надлежащая помощь со стороны военных специалистов-техников, дело начало понемногу налаживаться.

В начале войны ГАУ поручило особой организации, во главе с уполномоченным г.-м. Ванковым, установить на русских заводах производство простейшей цельнотянутой 3-дм. (76-мм.) гранаты французского образца. При этом предполагалось, что эта работа, как посильная, ввиду ее безусловной простоты, наиболее слабым заводам, не отнимет заводов более мощных, необходимых для других, более сложных изделий. На самом же деле вышло иначе. Г.-м. Ванков для исполнения возложенного на него поручения привлек такие солидные заводы, как Коломенский, Люберецкий, Добров и Набгольц, Зингер, Густав-Лист, Кольчугин, Краматорский, ряд железнодорожных мастерских, Викула Морозов, Дружковский, Швабе и т. д.

Вместе с тем, г.-м. Ванков в распоряжение свое избрал, в качестве инструкторов, кадр наших опытных военных техников, кроме того, в помощь ему была дана еще специальная миссия французских техников. И несмотря на все это, дело долго не налаживалось именно потому, что привлеченные заводы раньше снарядов не делали; а ближайшие руководители этих заводов, будучи хорошими техниками вообще, до тех пор не стояли непосредственно у производства именно снарядов. И только после того, как от ГАУ были командированы настоящие специалисты снарядного дела, которые лично направили его, получились надлежащие результаты: эти простенькие снаряды стали печь, как блины.

Так обстояло с простейшим типом снарядов. Когда же дело касалось более сложных предметов, то садились на мель даже первоклассные заводы. Так, известный наш Коломенский завод, выпускавший из своих

мастерских прекрасные паровозы и справедливо гордившийся успешным установлением у себя такого тонкого производства, как двигатель Дизеля, долго не мог справиться с взрывателем ЗГТ, и лишь после соответственной помощи ГАУ (военными специалистами с Тульского оружейного завода, где было установлено производство взрывателей ЗГТ) удалось направить это дело.

Таких примеров из практики отечественной промышленности можно привести сколько угодно, вернее, ни один заказ частному заводу не обходился без того, чтобы ГАУ не приходилось отрывать своих специалистов для инструктирования и налаживания данного производства. О наиболее характерных из них придется говорить в дальнейшем, при детальном разборе вопросов о каждом предмете боевого снабжения.

Чтобы еще рельефнее охарактеризовать сложность, трудность и своеобразность «военной промышленности», ниже приводится несколько примеров из практики наших заграничных заказов: во Франции, Англии и Америке, где промышленность, конечно, не чета нашей и где нет тех пут и оков, в которых задыхалась наша промышленность, только начавшая развиваться.

Когда в самом начале войны выяснилась крупная нехватка предметов боевого снабжения (особенно винтовок с патронами и выстрелов к 3-дм. пушкам) и полная невозможность быстро получить все это на внутреннем рынке, было решено прибегнуть к рынкам заграничным, сперва наших союзников—Франции, Англии и Японии, а затем Америки. Прежде всего речь зашла о винтовках. На наши просьбы уступить нам из наличных запасов готовые винтовки—все ответили категорическим отказом, и лишь после больших усилий удалось купить в Японии небольшую партию в 300 000 винтовок. Тогда мы обратились с просьбою разместить заказы на наши винтовки на возможно короткие сроки. Франция, Англия и Япония решительно отказались в виду невозможности уделить нам хотя часть производительности своих оружейных заводов; приспособлять же для этой цели какие-либо другие заводы, а тем более возводить новые, там считали делом явно безнадежным, о чем так прямо и заявили нам. Тогда все надежды были устремлены на рынок Америки, о гигантском развитии промышленности которой, особенно за последнее время, у нас рассказывали положительные чудеса. При содействии Англии нам удалось в самом начале заказать первоклассным и всемирно известным заводам Америки Ремингтону и Вестингаузу 3 000 000 винтовок, а не менее известным и исключительно мощным заводам «Канадской компании»—12 000 000 пушечных патронов к 3-дм. полевым пушкам. И вот результаты работ этих выдающихся представителей препрославленной американской промышленности: ни один из них с нашими заказами не справился, и нам пришлось для налаживания дела командировать туда под видом «приемщиков» наших инженеров и техников, специалистов по данным отраслям военной промышленности, и только под их ближайшим руководством удалось, наконец, направить как следует исполнение наших заказов. Причина

неудач и здесь была совершенно та же, что и у нас, в России,—эти заводы, хотя и привыкшие к массовому производству более или менее точных изделий, раньше вовсе не вырабатывали предметов военного снаряжения, производство которых имеет массу своеобразных особенностей, практическое ознакомление с которыми требует даже от солидного предприятия большого промежутка времени.

Наконец, прямо поразительный пример: всемирно-известный завод Шнейдера еще дольше, чем американцы, не мог справиться с изготовлением наших 22-сек трубок,—хотя он их нам же готовил 12 лет назад (в Японскую войну).

И если в неуспехах американских заводов нельзя отрицать известной доли немецкого влияния, то завод Шнейдера заподозрить в этом уж никак нельзя. В конце концов, дело наладилось лишь после того, как его инструктировал по части наших 22-сек. трубок, согласно просьбы самого французского министерства снабжений, находившийся в то время в Лондоне председатель нашего заготовительного комитета г.-л. Гермониус (бывший начальник трубочного завода) и был командирован туда наш специалист по трубкам полковник Плазовский. Этот пример в высшей степени характерен и его следует твердо запомнить: он указывает, как легко забывается и расстраивается даже хорошо налаженное производство мощного завода, работающего к тому же все время на военный рынок, и как любое производство может быть сведено почти на-нет, если оно было прекращено без оставления хотя бы небольших кадровых мастерских, где производство продолжалось бы все время даже в малом размере. Поэтому было бы грубой ошибкой считать, что налаженное с такими великими трудностями производство военных припасов в нашей частной промышленности будет сохранено и для более или менее отдаленного будущего, если ей не давать заказов и в мирное время, предоставив ее самой себе.

С полной уверенностью можно утверждать, что в этом случае ее постигнет участь Шнейдера с тою лишь разницей, что у нее производство забудется гораздо скорее и восстанавливать его придется с еще большими трудностями, т.-е. что называется с «азов».

Но так как всю мобилизованную во время войны промышленность, даже сколько-нибудь значительную часть ее, нельзя будет питать казенными заказами и в мирное время, то ей предстоит по окончании войны неизбежная «демобилизация» и возвращение к обычным производствам мирного времени. Поэтому, чтобы не пропали столь трудно давшиеся наука и опыт войны, в соответствующих заводах должны быть сохранены «ячейки» военных производств под непосредственным наблюдением и контролем того управления, на обязанности которого лежит боевое снабжение армии.

Из приведенного ясно, как необходимо было заранее составить строго обдуманный план мобилизации всей нашей промышленности для военных целей, положив в основу этой мобилизации твердый костяк казенных заводов, на котором можно было бы впоследствии развить какую угодно

мускулатуру частной промышленности; при таких условиях можно было бы рассчитывать на быструю и продуктивную мобилизацию всей отечественной промышленности. И если бы такой план был выработан и осуществлен у нас своевременно, то, конечно, нам не пришлось бы переживать самых тяжелых дней мировой войны.

Но этого сделано не было. Напротив, в последнее перед мировой войной десятилетие и даже вначале ее делалось многое не в пользу, а во вред подготовки к войне русской промышленности вообще, и в частности военной, не исключая даже специальных военных казенных заводов.

1. Ничтожными нарядами последних перед войной лет было почти совсем заглушено с большим трудом развившееся производство на многих военных заводах, особенно на оружейных: разбрелись и распылились не только люди, но и станки, инструмент, лекала и самое главное— навыки...

В 900 годах, по окончании перевооружения армии 3-лин. винтовками и 3-дм. скорострельными пушками, некоторые казенные артиллерийские заводы, особенно оружейные и отчасти даже арсеналы, испытали тяжелое время безработицы. Приходилось распускать рабочих и прекращать производство.

Все доводы ГАУ о необходимости поддерживать установленное специальное производство разбивалось о несогласие министерства финансов на отпуск требуемых денежных средств. Директор департамента государственного казначейства неизменно заявлял, что изыскивая средства для доведения боевых запасов до установленных норм, министерство финансов решительно протестует против проповедуемого артиллерийским ведомством принципа питания завода работой для охранения его готовности к широкой производительности, или для поддержания призванных на время минувшей войны с Японией значительного числа рабочих.

2. Мобилизационная готовность казенных заводов, а также частных, работавших на оборону, по отношению к людскому составу была совершенно не охранена.

Вследствие прекращения или сокращения некоторых производств и роспуска рабочих сильно оскудел рынок рабочих-специалистов, особенно после того как целым рядом мобилизаций забирались в запасные батальоны, а оттуда на фронт не только заурядные рабочие-оружейники, но и квалифицированные специалисты *. Все протесты ГАУ оставались без внимания. Между тем, производство военных изделий настолько сложно и тонко, что успешное его ведение под силу только особым специалистам, вырабатывающимся не скоро. Например, в лучших оружейных заводах это ремесло обращается в наследственное, преемственно передающееся из поколения в поколение. Так именно было у нас в Туле, в Ижевске и в Сестрорецке; кроме этих гнезд настоящих оружейников,

* Отчет о деятельности Особой распорядит. комиссии по артил. части, стр. 12 и 13.

на которых лежало и совершенствовалось наше ружейное дело, больше их нигде нет. И когда значительная часть их без разбора была взята в войска,—на заводах настал кризис, справиться с которым было трудно, как так освобождение от строевой службы специалистов-рабочих, служащих в рядах войск в качестве нижних чинов, вызывало на практике большие осложнения, ибо в этом вопросе сталкивались различные государственные интересы. С одной стороны, не могло быть никакого сомнения в том, что все рабочие-специалисты, служащие в рядах войск или могущие быть призванными, были безусловно необходимы заводам, особенно при увеличении ими производства. С другой стороны, освобождение всех без исключения рабочих-специалистов признавалось невозможным по причинам якобы столь же чрезвычайного государственного характера.

Как видно из доклада начальника Генерального штаба ген. Беляева от 22 февраля (7 марта) 1915 г., военное ведомство решительно не допускало возвращения на заводы и фабрики тех рабочих нижних чинов, которые уже попали в регулярные части войск. Мотивом к этому выставлялось якобы то «удручающее моральное впечатление, которое производило такое возвращение на товарищей этих нижних чинов, остающихся в строю».

И лишь в чрезвычайных случаях было решено делать исключения из этого правила, но тогда заводы, ходатайствующие о возвращении им рабочего-нижнего чина, должны были сами указать ту войсковую часть, в которой он служит. Что же вышло из такого «великодушного» разрешения? А вот что: при 4—6-недельном обучении новобранцев и ратников в составе запасных батальонов и распределения их затем в регулярные войска дежурными генералами фронта, ГУГШ так же, как и местное начальство военных округов, решительно было лишено возможности получить какие-либо сведения о местонахождении данного нижнего чина. На практике же заводы большею частью сообщали только о том, куда направил воинский начальник данного рабочего, и не могли указать, в какой войсковой части служит лицо, о котором они ходатайствуют. Поэтому удовлетворение таких ходатайств, естественно, являлось редким исключением.

Другой категорией военнообязанных рабочих, освобождение которых от военной службы вызвало усложнение,—были новобранцы. Как видно из письма начальника Главного штаба начальнику ГАУ от 18 февраля (3 марта) 1915 г., Главный штаб считал освобождение новобранцев недопустимым потому, что молодые люди являлись в высшей степени желательным элементом для пополнения рядов войск и вряд ли могли обладать значительным опытом и быть незаменимыми специалистами на заводах.

Начальник ГАУ не мог, однако, согласиться с этим мнением, так как именно молодые люди, поступая на заводы задолго до призывного возраста, приобретали все необходимые навыки и являлись ко времени их призыва вполне опытными рабочими. Подыскать же взамен их новый

контингент рабочих, при настоящем положении вещей, было чрезвычайно трудно. Поэтому начальник ГАУ предполагал дать всем рабочим, занятым выполнением заказов военного ведомства, отсрочку хоть до 1 октября 1915 г., на что последовало согласие военного министра. В дальнейшем таких отсрочек уже больше не давалось.

Что касается усиления администрации заводов, то по мере надобности удавалось, хоть и очень не легко, вызывать из строевых частей войск через ГУГШ прапорщиков из лиц, получивших высшее техническое образование, и прикомандировывать их к различным заводам.

3. Но кроме рабочих-специалистов, т. е. квалифицированных, заводам в горячее военное время не хватало даже простых рабочих, особенно в некоторые периоды, например, летом, когда из-за отлива рабочих на полевые работы приходилось умышленно *сокращать* производство *.

ГАУ отдавало себе ясный отчет в опасности, угрожавшей боевому снабжению армии при таком положении вещей, и вскоре после начала войны внесло в Совет министров проект приведения казенных заводов на особое положение, считая их как бы мобилизованными. Проект этот рассматривал работу на заводах, изготовляющих предметы государственной обороны, как особую форму отбывания воинской повинности, предусматривал прикрепление рабочих к их заводам (во избежание крайне вредного факта сманивания рабочих другими заводами и оставления ими работ по политическим причинам и для полевых работ) и устанавливал повышенную наказуемость за правонарушения промышленной жизни как в отношении рабочих, так и заводской администрации.

Однако Совет министров признал этот проект несвоевременным.

В декабре 1914 г. начальник ГАУ вторично вошел в Совет министров с тем же предложением. Совет министров вторично отклонил его.

Между тем, вредные последствия действия законоположений мирного времени давали себя чувствовать в неоднократных случаях внезапного ухода рабочих с казенных заводов.

Поэтому проект ГАУ был внесен в Совет министров в третий раз 22 февраля (7 марта) 1915 г. Однако Совет министров, как видно из письма председателя Совета министров к военному министру от 19 февраля (4 марта), «считаясь с вполне лойяльным и в общем спокойным настроением фабрично-заводского населения и опасаясь дать повод к нежелательным толкам и волнениям», еще в заседании 13 (26) февраля окончательно отклонил это предложение.

ГАУ попрежнему оставалось бессильным перед такими фактами, как, например, уход сразу 3 000 человек (в летнюю уволку) с одного из оружейных заводов, единственного в России, изготовляющего ствольные и коробочные болванки (для всех оружейных заводов); 1 000 человек — с Сормовского завода, 700 человек с завода Посселя и т. д.

4. Мобилизационная готовность заводов не была охранена и в *техническом* отношении. В то время, как в течение целого десятилетия

* „Показание ген. Кузьмина-Караваева Верховной следств. комиссии", стр. 100—101.

перед войной морили заводы мизерными нарядами, как бы умышленно ограничивая их возможность к дальнейшему усовершенствованию и вытравляя из них все навыки их трудной специальности, — в это же время из-за неразумно понимаемой экономии загромождали эти заводы производствами, для которых следовало иметь самостоятельные заводы: станки механические (особый отдел); пулеметы, станки для них; револьверы, шрапнели, пружины накатника для полевых орудий, взрыватели, патронные обоймы, вьючные приспособления, пики для кавалерии и т. п. Все эти предметы с началом войны оказались также в самом срочном спросе и притом в максимальном количестве, поэтому выбросить их прямо из заводов оказалось невозможным, ибо для производства их нигде не было заготовлено самостоятельных мастерских, и их пришлось оставить в оружейных заводах в явный ущерб их прямому делу.

Вот неизбежное и логическое последствие той мудрой «экономической» политики, по которой, например, ружейные заводы получали, чтобы не даром шли деньги на их содержание, всякие наряды, кроме тех, для которых они специально назначены... Здесь интересно отметить факт, что начальство и технический персонал заводов не только не противился такому «изнасилованию» их, а напротив, сами шли навстречу этому — лишь бы завод хоть таким способом получил какую-нибудь работу.

Сокращая в мирное время производство казенных военных заводов, царское правительство своевременно не обеспечило заводы ни соответствующим оборудованием, ни даже запасами необходимых материалов и топлива на случай войны и закрытия границ.

В 1905—1906 гг. особая комиссия по рассмотрению вопроса о зависимости государственной обороны от частной промышленности, под председательством члена Военного совета ген. Костырко *, исчислила единовременные расходы на образование двухгодичных запасов для обеспечения деятельности в военное время казенных заводов — химических и механических, всего на сумму около 28 млн. рублей.

Предположенное приобретение запаса сырых материалов, обусловливающих безостановочную работу казенных заводов в продолжение двух лет закрытия западной границы, встретило решительный протест со стороны контролирующих министерств, по мнению которых «государственное казначейство не может согласиться на образование не приносящего дохода мертвого капитала, который может потребоваться лишь в случае гадательной войны» **. Этот жгучий и спорный вопрос о запасе заграничных материалов в продолжение четырех лет служил предметом пререканий между министерствами военным и финансов. С целью добиться хотя бы частичного решения военное ведомство шло на огромные уступки: первоначально исчисленная сумма в 28 млн. была уменьшена до 5 млн. рублей; запас был уменьшен до крайнего предела, с расчетом лишь на годовое обеспечение заводов. Наконец, в 1909 г. министерство финансов

* Перед тем много лет управлявшего делами Артиллерийского комитета ГАУ.

** Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 74.

выразило согласие на образование запаса материалов стоимостью в 3 млн. рублей, но с «непременным условием на такую же сумму уменьшить изготовление ружейных патронов, предназначенных для запаса по сроку 1910 г.» *.

На эти 3 млн. для обеспечения годовой работы заводов были приобретены только такие материалы, которых, даже в небольшом количестве, нельзя было получить в России: селитра, сера, алюминий, свинец, цинк, олово, никель, сюрма, магний, бертолетовая соль. В мировую войну эти запасы послужили большим подспорьем для заводов.

В 1908 г. в Петербурге было созвано особое совещание для выяснения мер к поднятию металлургической промышленности в России. По мнению быв. начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева, забота о поддержании развития металлообрабатывающей промышленности, требовавшей «политики воспособления», имела веское влияние на заключение министра финансов и министра торговли относительно предположенного военным ведомством развития казенной заводской деятельности и заготовления запаса заграничных материалов. В заявлении совета с'ездов металлозаводчиков северного и прибалтийского районов от 24 мая 1908 г. за № 2234 было, между прочим, изложено: «Совет полагает, что правительство, поощрявшее в свое время помещение капиталов в предприятия в целях удовлетворения внутреннего спроса, будет только последовательным, если примет меры для поддержания внутреннего спроса, за счет сокращения иностранного ввоза, хотя бы для государственных заказов. Промышленность вправе ожидать, что правительство готово к самым суровым репрессиям против допущения казенных заказов за границей и против покупки оттуда разных материалов в тех случаях, когда то и другое может быть получено внутри страны. Расширение оборудований казенных заводов должно быть запрещено Советом министров. Если ныне заказы военного и морского ведомств дают частным заводам только спорадическую работу, несмотря на громадные затраты сих заводов на специальное оборудование, пригодное лишь для цели государственной обороны, то справедливо ли со стороны государства ухудшать условия работы на сих оборудованиях отвлечением заказов на новые никому не нужные расширения аналогичных оборудований заводов казенных? Да и допустима ли подобная непроизводительная трата денег»?

Около этого же времени ГАУ предположило усилить казенную выделку латуни и мельхиора. Эти металлы обрабатывались лишь на Петербургском патронном заводе, с ежегодным выходом 30 000 пудов латуни и 20 000 пудов мельхиора. Начальник завода разработал проект изготовления удвоенного количества этих металлов, не испрашивая особых ассигнований, а отнеся необходимые расходы на кредиты, назначенные по годовому плану на поддержание завода и на выделку патронов. Представители металлообрабатывающей промышленности приняли все зависящие от них меры для воспрещения артиллерийскому ведомству увеличивать производительность латунно-мельхиоровой мастерской. Министер-

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 74.

ство торговли, оберегая интересы промышленности, протестовало против усиления деятельности казенного завода.

Одновременно с отрицательным заключением об образовании запасов материалов, обеспечивающих деятельность казенных заводов в военное время, контролирующими министерствами был поднят вопрос об упразднении запаса меди, хранящегося в количестве около 215 тысяч пудов в артиллерийском ведомстве в медных орудиях, снятых с вооружения, и в виде разного медного лома.

Артиллерийское ведомство признало соответственным хранить этот металл на случай большой войны, когда может встретиться затруднение в снабжении заводов русской медью. Однако, государственный контроль настаивал на скорейшей продаже запаса меди с целью «капитализировать не приносящее дохода ценное имущество» *. В результате обследования этого вопроса ГАУ было приказано приступить к ликвидации запаса меди; с 1911 г. по 1914 г. было продано 118 тыс. пудов на сумму 1 300 000 рублей, в среднем по 11 руб. за пуд. К началу мировой войны осталось непроданной меди 96 тысяч пудов. К 1916 г. весь этот запас был исчерпан, и военное ведомство вынуждено было приобретать заграничную медь по 25 руб. за пуд, а для получения русской меди в неопределенном будущем потребовалась выдача значительных денежных субсидий для разработки медной руды.

В целях обеспечения безостановочной работы своих заводов в случае закрытия границы во время войны ГАУ изыскивало возможность замены некоторых материалов заграничного происхождения отечественными. Особенное внимание привлекли свинец и комовая сера. Поддерживая добычи свинца на Кавказе заводом «Эльборус», ГАУ, основательно испытав этот свинец в работе на патронных заводах, просило министерство финансов о выдаче «Эльборусу» необходимого для него аванса, который зачитывался бы при расплате за свинец в продолжение 5 лет поставки металла на казенные заводы. Министр финансов ответил решительным отказом, ссылаясь на некредитоспособность бывш. тов. министра финансов В. И. Ковалевского, стоявшего во главе правления общества «Эльборус».

Попытка получить свинец из Уссурийского края и комовую серу из Туркестана тоже успеха не имела, так как предпринимателям требовалась значительная денежная помощь.

В результате — во время войны пришлось выписывать из-за границы по большим ценам все те сырые материалы, которых не было в России и необходимость которых предвиделась одиннадцать лет назад при первоначальном исчислении для обеспечения заводов запасами.

В общем, если казенные военные заводы не были заблаговременно подготовлены к исполнению заданий, то еще меньше к этому были подготовлены частные русские заводы, не исключая даже тех, которые занимались изготовлением предметов артиллерийской техники еще в мирное время.

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 76.

Частные заводы, даже имевшие по прежним военным заказам известное оборудование, не могли долго сохранять свою готовность к той же работе лишь на случай получения нового заказа на те же изделия. Очевидно, частным заводам было крайне невыгодно оставлять свои станки в долгом бездействии; выполнив военные заказы, эти заводы приспособляли свое производство для другой полученной ими работы. Для частных заводов было также не выгодно хранить запасы неходовых специальных материалов, требующихся для случайных военных заказов.

Неподготовленность частной русской промышленности к некоторым производствам военных изделий докладчики по сметам ГАУ в Государственной думе нередко относили к непредусмотрительности военного ведомства. Бывший начальник ГАУ, ген. Кузьмин-Караваев, приводил по этому вопросу об'яснения Верховной следственной комиссии, сущность которых сводилась к следующему: от артиллерийского ведомства не зависело развитие промышленности в целом; ему приходилось лишь подтверждать крайнюю затруднительность в получении от частной промышленности некоторых готовых изделий, механизмов, станков и сырых материалов. Стремление артиллерийского ведомства привлекать частные фирмы к поставкам таких предметов, изготовление которых было доступно соответствующему заводу, дало положительные результаты лишь в деле поставки стальных снарядов. К 1911 г. 9 больших заводов выделывали снаряды разных калибров; кроме того, в Финляндии было оборудовано три завода, но военному ведомству было воспрещено давать им дальнейшие заказы на снаряды *.

С большими затруднениями размещались заказы на немногочисленных частных заводах, изготовляющих конскую амуницию, различного рода повозки, зарядные ящики, хлопковый материал, и не было никакой возможности найти заводы, которые установили бы у себя изготовление снарядных трубок, взрывателей, биноклей, ружейных стволов, запасных ружейных частей, требовавшихся в громадном количестве, и пр. Главной причиной такого явления признавалось отсутствие техников. Завод, понимавший всю выгоду установки нового производства, иногда брал заказ, но мало сведущий технический персонал не справлялся с делом и завод имел лишь убытки. Большой недостаток в технических силах подтверждался наблюдаемым приглашением артиллерийских техников на частные заводы, получивших какую-либо гарантию правительства в виде субсидии на оборудование или долгосрочного заказа. Так, при устройстве одного частного порохового завода владелец завода обратился к артиллерийскому пороходелу для установки производства бездымного пороха для морского ведомства — ген. Дымша завод предлагал место с окладом в 60 тысяч рублей в год, но ген. Дымша отказался. Тогда полковник Броунс, выйдя в отставку, поступил на частную службу в пороховой завод на весьма крупный оклад. С началом войны 1914 г., когда военное ведомство начало оплачивать оборудование заводов для нового производства, частный трубочный завод, заручившись разреше-

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 89.

нием военного министра, пригласил к себе на помощь трех артиллеристов-техников, специалистов по изготовлению трубок, назначив им вознаграждение в 30 600 руб. в год за работу исключительно консультативную, так как эти три техника продолжали служить на казенном трубочном заводе.

Следующей причиной слабого развития отечественной промышленности признавалось крайне недостаточное обеспечение заводов материалами, идущими на изготовление предметов боевого снабжения.

Наконец, несовершенство способов заготовлений, принятое в военном ведомстве, вредно отражалось на подготовке к войне казенных военных заводов и на работе их во время войны.

Надо знать те путы, которыми была связана деятельность начальников наших казенных заводов, ту массу бессмысленных стеснений и бюрократического формализма, преследовавших их на каждом шагу, чтобы понять все бессилие их сделать что-либо быстро и целесообразно, не упустив важной минуты. В этом отношении наши казенные заводы поставлены были в несравнимо худшие условия, чем любой частный завод с его нормальными коммерческими приемами.

Во время войны был предпринят ряд чрезвычайных, исключительных мер, чтобы поднять производительность казенных и частных заводов и привлечь всю русскую промышленность к работе на боевое снабжение. Но меры эти запоздали, так как весь смысл заблаговременной подготовки промышленности к войне в том именно и состоит, чтобы она «отмобилизовалась» одновременно с войсками и одновременно с ними полным ходом вступила в работу по снабжению армии.

Подобной «мобилизационной» подготовки промышленности царское правительство России не предвидело и не сделало. Необходимость мобилизационной подготовки только казенных заводов, и то до некоторой степени, предусматривалась ГАУ и военным ведомством, но со стороны министерства финансов и государственного контроля они встретили препятствия к осуществлению даже самых необходимых, минимальных мер. Полное развитие мобилизационной подготовки всей русской промышленности для нужд обороны, если бы оно своевременно предусматривалось военным ведомством царской России, требовало бы для своего осуществления отпуска весьма значительных средств из государственного казначейства и, несомненно, встретило бы самый решительный протест со стороны тех же «контролирующих ведомств». Ведомства эти считали своим долгом урезать кредиты, испрашиваемые военным министерством, во что бы то ни стало, не вникая в сущность вопроса. Тем более, они не согласились бы на ассигнование кредитов на расходы по совершенно не уясненной ими подготовке заводов к войне, связанной с образованием запасов оборудования, топлива и материалов, представляющих, по их мнению, «мертвый капитал» *.

Как бы то ни было, но подобное отношение к важнейшему делу государственной обороны со стороны министерства финансов и государ-

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 92.

ственного контроля не должно было связывать руки военного ведомства. Оно обязано было бить тревогу и добиваться отпуска кредитов на мобилизационную подготовку военной промышленности через законодательные учреждения, тем более, что Государственная дума в этом отношении широко шла навстречу военному ведомству.

Итак, русская промышленность, слабая сама по себе, когда началась мировая война, оказалась совершенно неподготовленной к ней в военном отношении. Пришлось прибегнуть к крайнему средству — к заказам за границей, главным образом, в Америке, и частью в Англии, Франции и Японии. Правда, слава американского рынка оказалась, как уже было сказано, значительно преувеличенной, рынок был совсем не подготовлен к военным заказам и техническая гибкость его промышленности оказалась совсем не на высоте. Но в этом на горьком опыте убедились слишком поздно, да иного выхода и не было, так как Франция и Англия, хотя и были более подготовленными в этом отношении, но ввиду колоссальных потребностей фронта, сами испытывали острую нужду в боевом снаряжении и могли уделять нам лишь ничтожную долю производительности своих заводов, прибегая в то же время сами к заказам тому же американскому рынку.

Таким образом, без особо ощутительных для нашей армии результатов, в труднейшее для нас время, нам пришлось влить в американский рынок огромные суммы золота, создать и оборудовать там на наши деньги массу военных предприятий, другими словами, произвести на наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности, не имея возможности сделать того же в отношении своей.

В меньшей, но довольно значительной степени мы сделали то же самое и для промышленности Англии, Франции и Японии.

Необходимо отметить, что при более спокойном и внимательном отношении к этому делу можно было в значительной степени сократить число потраченных миллиардов, если бы, ограничиваясь заказами в Америке лишь самого необходимого, приобрести там же побольше заводского оборудования, и со всею энергией взяться за развитие военной промышленности у себя и тем самым поставить на ноги самих себя и не способствуя развитию ее за наш счет в других государствах. Если бы так поступили с того момента, как выяснился истинный масштаб войны, картина была бы, конечно, иная.

Из всего приведенного достаточно ясно, какую роль сыграла в минувшую войну так называемая «военная промышленность» и в чем надо искать одну из главнейших причин нашей неудачи.

Опыт этой войны также показал, что эта отрасль промышленности не терпит импровизации и по «щучьему велению» не создается даже при самых благоприятных условиях рынка и высоком уровне общей промышленности в стране.

На этом можно было бы, собственного говоря, покончить с общим освещением вопроса о военной промышленности. Но позволим себе

еще одно отклонение, чтобы хоть в самых общих чертах обрисовать положение этого вопроса у противников России. Действительно, Германия в мировую войну показала такую марку в деле боевого снабжения своей армии и армий своих союзников, что на этом стоит остановиться особо.

К сожалению, вполне точных сведений по этой части не было: до и во время войны немцы умели, не в пример нам, хранить свои тайны так, что постороннему глазу трудно было проникнуть в них; мы не имели понятия о той великолепной организации, благодаря которой Германия выдерживала в течение четырех лет эту поистине титаническую борьбу... Нам, по необходимости, приходилось довольствоваться далеко не полными, отрывочными и не всегда достоверными сведениями, имевшимися в разведывательном отделе нашего ГУГШ, полученными от наших бывших военных и коммерческих агентов в Германии, особенно от ген. Михельсона.

Вот как по этим материалам рисуется подготовка к войне в Германии.

Высшее командование армии, повидимому, совершенно ясно сознавало, что для предстоящей большой европейской войны никаких «запасов мирного времени» не хватит и что задача снабжения во время войны будет состоять поэтому не только в функциях «распределения», но и в функциях «заготовления».

Затем, предвидя истинный масштаб грядущей войны и ее высокотехнический характер, высшее командование германской армии не менее ясно сознавало, что, несмотря на высокое развитие своей военной промышленности, обслуживавшей в мирное время многие иностранные государства, все же ее сил и средств для ведения войны не хватит, поэтому было признано необходимым заблаговременно привлечь к этому делу все, пригодное для этой цели в частной промышленности, которая к началу войны сумела занять выдающееся положение на всем земном шаре, успешно конкурируя на мировом рынке с французской, бельгийской, английской и американской промышленностями.

И, наконец, исходя из определенного плана войны, высшее командование армии совместно с министерствами промышленности, торговли и финансов разработало детальный план «мобилизации всей промышленности».

Здесь замечательно то, что этот мобилизационный план был разработан не менее подробно и обстоятельно, чем план «войсковой мобилизации». Не было упущено из вида ни одно из промышленных предприятий страны, которое в той или иной мере могло быть использовано для целей снабжения армии, каждому из них была поставлена определенная задача, соответственно его силам и средствам, дана определенная инструкция как по части самого производства заданной работы, так и по части обеспечения необходимыми материалами, инструментом, мерительными приборами и т. д. И все это было не только на бумаге, но и фактически осуществлялось на деле, инструктировалось соответствующими специалистами и регулярно контролировалось чинами особой

правительственной инспекции. При этом немцы с исключительной талантливостью проявили те свои качества, благодаря которым они перед войной уже почти завоевали мировой рынок — организаторский талант, беспримерную настойчивость, педантическую систематичность и издавна вошедшую в поговорку «немецкую добросовестность», а также особое уменье хранить свои и выведывать чужие тайны. Результаты такой истинно немецкой предусмотрительности всем известны: в то время как не только мы, но и наши более культурные союзники метались, как в жару, в организационных муках (неизбежно сбиваясь на всякого рода сомнительные импровизации), — в это самое время немцы спокойно и уверенно пустили в ход свой аппарат, вполне подготовленный к самой большой нагрузке и работавший без перебоев при труднейших условиях мировой войны. В этом немцы проявили всю свою национальную сущность: не самообольщаясь на счет своих способностей к чистому творчеству и не полагаясь потому ни на какие импровизации в будущем, они заблаговременно обеспечили себя такой надежной организацией, впитавшей в себя весь опыт промышленного прогресса всего мира, что «выезжая на охоту — им не понадобилось кормить собак» *.

У бывших союзников России французов и англичан такой организации в мирное время не существовало, а если что и было, то лишь в самом зачаточном состоянии, во всяком случае лишь в виде общих соображений и проектов, а не систематизированного, детально разработанного и неоднократно-проверявшегося плана «технической и промышленной» мобилизации, как это было у немцев. Но зато высокоразвитая промышленность союзников довольно быстро сорганизовалась вскоре

* Автор несколько преувеличивает предусмотрительность Германии в отношении „великолепной организации“ ее промышленноси при подготовке к войне.

Как видно из заметки о мобилизации германской промышленности (см. приложение 5 ко II тому этой книги), доложенной особому совещанию по обороне 16/29 XII 1915 г. ген. Михельсоном (на которого автор ссылается), Германия „отлично подготовилась“ к войне, но продолжительностью лишь в 4—5 месяцев. Ген. Михельсон, вполне осведомленный в этом вопросе, „положительно утверждал“, что Германия не готовилась к такой войне, какая на самом деле разыгралась, и что если бы Германия могла предвидеть действительные размеры и продолжительность войны, „она никогда бы ее не начала“.

Германская промышленность отмобилизовалась уже во время войны и „оказавшаяся мощь“ ее, по словам ген. Михельсона, „превзошла ожидания самих немцев“. Главными причинами такого явления, помимо того, что такая „большая промышленность“, как германская, „мобилизовавшись, останется большой“, ген. Михельсон считал: 1) многие чрезвычайно мощные заводы Германии (Круппа и др.), еще в мирное время специально изготовлявшие предметы вооружения и военного снаряжения, дали немцам такой „*большой кадр инженеров, техников, мастеров и рабочих, специализировавшихся на военно-промышленной работе*“, какого не имела ни одна другая страна; 2) правительственная нормировка фабрикатов германской промышленности, произведенная постепенно еще в мирное время с учетом соответствия нормальных типов фабрикатов потребностям армии 3) трестирование отдельных отраслей промышленности, причем германские тресты (ферейны и фербанды) являлись, по мнению ген. Михальсона“, *высшими мобилизационными единицами германской промышленности*“, служившими мощной опорой тыла германской армии во время войны. Б.

после начала войны и дала возможность уже в ближайшее время подавать на фронт количество боевого снабжения соответственно масштабу войны, непредугаданному во Франции и Англии так же, как и в России. Но там это сознали раньше, чем у нас: в то время как у нас думали да раскачивались почти целый год, — вся французская промышленность без исключения уже в сентябре 1914 г. (после победы на Марне) была поставлена на ноги и по всей стране пронесся призывный клич, полный патриотического воодушевления: все и вся для войны! И действительно, каждый станок (в какой бы маленькой мастерской он ни был) и каждый способный к труду человек были привлечены к работе на защиту и оборону родины. И вот тут-то сказался творческий дух французской промышленности: быстро была выработана и без промедления проведена в жизнь оригинальная система «технической мобилизации», состоявшая в том, что вся кустарная, мелкая и средняя промышленность была разбита территориально на округа и так сказать «приписана» к более крупным и мощным заводам, на которые и были возложены все заботы как по техническому инструктированию, так и по хозяйственному руководству всеми меньшими членами их группы. Такая система оказалась, по крайней мере в условиях Франции, очень целесообразной и продуктивной и результаты ее быстро сказались крупным и все время прогрессировавшим увеличением подачи на фронт всех предметов боевого снабжения. В то же самое время для об'единения и наилучшего использования для целей обороны всех ресурсов страны было образовано министерство снабжения с почти диктаторскими полномочиями. Этим сразу были убиты те «междуведомственные» трения, которые так тормозили это дело у нас и так парализовали все благие начинания не только отдельных лиц и общественных организаций, но даже целых ведомств.

Как решили эту задачу мы — об этом будет сказано далее на своем месте.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГАУ С ДРУГИМИ ОРГАНАМИ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА, С КОНТРОЛИРУЮЩИМИ ВЕДОМСТВАМИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ.

Несовершенства военной системы царской России нашли себе яркое отражение во взаимоотношениях военного ведомства, в том числе ГАУ, с другими ведомствами.

Стремление к обособленности замечалось во всех ведомствах, за исключением так называемых «контролирующих», т.-е. министерства финансов и государственного контроля, которые дружно работали в одном направлении — сокращения расходов всех прочих ведомств во что бы то ни стало, не вникая в сущность мероприятий, на осуществление которых испрашивались кредиты.

Со стороны артиллерии всегда замечалось стремление выделиться из общевойсковой организации. Особенно сильно это стремление было до Русско-Японской войны, когда артиллерия являлась особым артиллерийским ведомством, возглавлявшимся безответственными лицами царской фамилии и подчинявшимся непосредственно царю. Начиная с 1906 г., генерал-инспектор артиллерии принимал все меры к тому, чтобы положить этому конец и органически связать артиллерию с другими родами войск, в частности слить ГАУ в одно целое с другими органами военного министерства. Но, как это ни странно, сама высшая военная власть, в лице военного министра ген. Сухомлинова и ближайших его сподвижников, слабо на это реагировала даже после 1910 г., когда вся полнота военной власти была сосредоточена у военного министра и ему был подчинен не только начальник ГАУ, но и генерал-инспектор артиллерии.

ГАУ попрежнему не получало почти никаких определенных указаний от военного министра, ни заданий от Генерального штаба, замкнувшегося в тайниках канцелярий своего управления. Получаемые же иногда задания, предварительно не согласованные с ГАУ, не отвечали имеющимся у него средствам и возможностям.

В общем, ГАУ было предоставлено самому себе, далеко не всегда встречая поддержку в своих начинаниях и чаще вызывая упреки и нарекания за свою деятельность, нередко совершенно не обоснованные.

Начальник ГАУ, ген. Кузьмин-Караваев, в своих показаниях Верховной следственной комиссии дает оценку отношений начальствущих лиц к нему и к ГАУ.

У военного министра ген. Сухомлинова ген. Кузьмин-Караваев имел доклады лишь во время отпусков ген. Поливанова. Последний контролировал деятельность начальника ГАУ и давал ему приказания как свои, так и от имени военного министра. С 1910 г. ген. Кузьмин-Караваев стал замечать перемену в отношениях помощника военного министра к ГАУ, в частности к себе. Различного рода служебные промахи чинов ГАУ, большинству которых в другое время не было бы придано значения, с 1910—1911 гг. регистрировались канцелярией военного министерства и сообщались в ГАУ с указанием, что помощником военного министра на них обращено внимание; причем по всем недочетам требовалось представлять об'яснения военному министру или в Военный совет.

В начале 1912 г. ген. Поливанов об'явил ген. Кузьмину-Караваеву, что военный министр не желает оставлять его в должности начальника ГАУ, а затем весною, во время отсутствия военного министра, представил к увольнению от должности.

Ген. Кузьмин-Караваев, впервые услышав о желании военного министра заменить его другим лицом, был крайне поражен этим сообщением, так как при свиданиях с военным министром, хотя и весьма редких, привык слышать другое. И на этот раз военный министр заявил, что, зная давно ген. Кузьмина-Караваева по деятельности ГАУ, он готов с ним служить, но указал при этом, что некоторые подчиненные «подводят» ген. Кузьмина-Караваева и потому он должен «принять решительные против них меры».

Военный министр, ген. Сухомлинов, осуждая служебную деятельность некоторых ответственных работников ГАУ, не сообщил, однако, о них никаких положительных компрометирующих данных для производства расследования. Ген. Петровский оказался виновным в «бестактном ответе военному министру» на сделанное замечание. Ген. Павлов «произвел невыгодное впечатление» на военного министра, как назначенный начальником технической школы, вопреки желанию министра, предлагавшего своего кандидата ген. Крохалева, не избранного начальником ГАУ, как неимеющего высшего технического образования.

Причины неблагоприятного суждения об остальных лицах остались невыясненными; поводом, по мнению ген. Кузьмина-Караваева, послужили какие-либо агентурные сообщения, основанные на подслушанных и неправильно переданных разговорах. Из кратких выписок ГУГШ, присылавшихся ему весьма редко, «можно было судить об установленном секретном наблюдении за служащими в ГАУ» *.

Упреки и обвинения, возводимые на ГАУ ген. Поливановым и поддерживаемые Государственной думой, установленное секретное наблюдение за служащими в ГАУ, наконец, требования, помимо текущей работы, всевозможных справок и об'яснений, пред'являемых ген. Поливановым к ГАУ, большею частью неожиданно и всегда экстренно, не считаясь со сроком, необходимым для выполнения задания, как бы

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 10:—105.

сложно оно ни было, — все это крайне нервировало и осложняло работу ГАУ, вредно отзываясь на ее продуктивности и планомерности.

В 1913—1914 гг. вновь назначенный помощник военного министра ген. Вернандер вначале относился благожелательно к начальнику ГАУ, но с осени 1914 г. эти отношения несколько ухудшились.

Повидимому, ген. Вернандер не разделял взгляда начальника ГАУ на крайнюю опасность создавшегося положения о невозможности удовлетворить действующую армию ружьями и пушечными патронами в требуемом количестве, по действительному расходу этих предметов, далеко превзошедшему расчеты военного ведомства *.

Самым больным местом деятельности ГАУ являлось получение кредитов. В этом отношении ГАУ не находило должной поддержки ни со стороны военного министра, ни со стороны ГУГШ, несмотря на то, что с 1910 г. основные задания для своей работы ГАУ получало от ГУГШ, которое должно было бы требовать для ГАУ и кредиты из сверхсметных ассигнований на единовременные расходы, вызываемые новыми мероприятиями.

Кредиты эти испрашивались через Государственную думу не иначе, как по предварительному соглашению с министерством финансов и государственным контролем. Перед этими «контролирующими ведомствами» заискивали все — и ГУГШ, и ГАУ, и сам военный министр, выпрашивая согласие на отпуск кредитов. Согласие министерства финансов и государственного контроля на внесение представления в Государственную думу об отпуске кредита на военные нужды давалось обычно не в соответствии с действительной потребностью обороны, а с состоянием государственного казначейства и по разным другим финансовым соображениям.

По почину Государственной думы, ген. Поливанова и некоторых других лиц, возглавлявших военное ведомство, общественное мнение царской России обвиняло ГАУ в недостатке винтовок, патронов, в относительной слабости артиллерии, с которой пришлось России начать мировую войну. Между тем, на усиление вооружения армии нужны были прежде всего деньги, которых ГАУ не в силах было своевременно получить, несмотря даже на то, что Государственная дума действительно широко шла навстречу в отношении отпуска кредитов на оборону.

Наконец, когда была утверждена разработанная ГУГШ большая программа 1913 г., предусматривающая значительное усиление артиллерии, и на это начали отпускать деньги, ГАУ не могло уже осуществить это усиление, так как было поздно — большая программа получила силу закона лишь 24 июня (7 июля) 1914 г., а через месяц началась война.

Ниже приводится несколько примеров, характеризующих взаимоотношения ГАУ, ГУГШ и контролирующих ведомств, и те затруднения, какие встречало ГАУ при необходимости получить деньги на меро-

*) Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр. 10.

приятия по артиллерийской части. Подобные же примеры были приведены раньше (отказ в деньгах на реорганизацию ГАУ, на специальные командировки за границу артиллеристов, на увеличение содержания артиллеристов технической и ученой службы, на изготовление запаса материалов для обеспечения мобилизационной готовности заводов и пр.).

На неоднократные доклады начальника ГАУ военному министерству о необходимости приступить к осуществлению проекта усиления армии полевой артиллерией всегда получался один ответ: «денег нет». И этот ответ неизменно давался в течение полутора десятков лет до войны.

Ярким примером того, как в жертву финансовым соображениям приносились соображения чисто боевые, может служить история с таким важным организационным вопросом, как переход от 8-орудийных батарей к 6-орудийным. С принятием на вооружение нашей артиллерии 3-дм. орудий образца 1900 г. в ГАУ возник вопрос об изменении существующей организации полевой артиллерии, в соответствии со свойствами вновь вводимой скорострельной пушки. Собранное по этому вопросу совещание из представителей Генерального штаба и артиллерии, строевой, ученой и административной службы пришло к заключению о необходимости реорганизовать наши громоздкие 8-орудийные батареи в более подвижные и гибкие 6-орудийные или даже 4-орудийные. Командующие войсками в округах и корпусные командиры в значительном большинстве высказались за 6-орудийные батареи. Учитывая это стремление высших войсковых начальников поддержать артиллерию на высоте современных требований, ГАУ настаивало на скорейшем переходе к 6-орудийным батареям. Военный министр ген. Куропаткин, признавая необходимым путем опыта выяснить сравнительные преимущества батарей уменьшенного состава, а также исходя из соображений о новом ежегодном расходе в 3 млн. рублей при реорганизации полевой артиллерии в 6-орудийные батареи, высказался за временное оставление существующих 8-орудийных батарей. По мнению ген. Куропаткина, столь крупный новый расход препятствовал бы разрешению назревшего в то время вопроса об установлении чайного довольствия войск. Осенью 1902 г. состоялось повеление — временно остаться при 8-орудийных батареях.

Вслед за окончанием войны с Японией, по инициативе генерал-инспектора артиллерии, в особом совещании при ГАУ были выработаны меры, направленные к увеличению силы полевой артиллерии. При разработке основных организационных положений вновь было установлено: иметь в каждой легкой батарее по 6 орудий вместо существующих 8, а каждому корпусу двухдивизионного состава придать по 21 пушечной и по 2 гаубичных батареи, всего 138 орудий на корпус.

Предположенный переход к 6-орудийным батареям, с усилением каждого корпуса двухдивизионного состава на девять огневых единиц (батарей) и на 30 орудий, не был разрешен вследствие отказа в ассигновании требуемых денежных средств.

В 1909 г., когда ГУГШ приступило к разработке организации армии на новых началах, генерал-инспектор артиллерии настойчиво ходатайствовал о реорганизации полевой артиллерии по проекту ГАУ 1906 г. Помощнику военного министра были представлены по ГАУ для соображений денежные расчеты по усилению армии полевой артиллерией, с переходом к 6-орудийной организации; согласия не последовало.

Для удовлетворения хотя бы частичной потребности артиллерийского ведомства, в начале следующего 1910 г. были представлены помощнику военного министра расчеты о расходах, вызываемых переходом к 6-орудийной организации без численного усиления полевой артиллерии (в каждой существующей артиллерийской бригаде 6 батарей 8-орудийного состава переформировать в 8 батарей 6-орудийных). «Недопустимость новых постоянных расходов» послужила основанием к отклонению и этой меры.

А вот что излагает в своем показании Верховной следственной комиссии начальник ГАУ ген. Кузьмин-Караваев:

«Во всех комиссиях, обсуждавших проекты ГАУ о расширении заводской деятельности, тесно связанном с предстоящим увеличением артиллерии, несогласия представителей министерства финансов базировались на отсутствии крайней необходимости, так как «вопрос увеличения артиллерии лишь поставлен на очередь, но еще не получил утверждения». Только в 1913 г. при разработке плана усиления армии артиллерией «по большой программе» было разрешено включить в смету 1914 г. кредит на постройку недостающих заводов. Участвуя во многих заседаниях по испрошению кредитов на новые мероприятия, я видел с какими затруднениями военный министр получал до 1909 г. право на новые, хотя бы и незначительные постоянные расходы; но с началом деятельности Государственной думы 3-го созыва получение кредитов значительно облегчилось, и мне всегда казалось, что военное министерство при помощи законодательных палат могло настоять на усилении армии полевой артиллерией. В 1910 г., когда была предпринята реорганизация армии, я докладывал военному министру и его помощнику о необходимости приступить к усилению полевой артиллерии, хотя бы в некоторых корпусах, расположенных по западной границе. Получаемые мною ответы указывали на возложенную на мобилизационный комитет задачу разработать проект преобразования армии на двух основных началах:

1) новая организация должна быть осуществлена в пределах нынешней численности армии;

2) преобразования не должны вызывать новых постоянных расходов.

Ясно, что при таких условиях ничего сделать было нельзя, ибо усиление полевой артиллерии требовало и увеличения контингента новобранцев и установления новых постоянных расходов».

Наконец, лишь в 1914 г., когда было уже поздно, ГУГШ получило разрешение законодательных учреждений на ассигнование средств для усиления армии полевой артиллерией. Война в 1914 г. застала нашу полевую артиллерию с организацией 1910 г.

Ввиду тяжелого положения государственого казначейства, контролирующие министерства даже настаивали на отсрочке доведения запасов до норм (журнал Сов. гос. обор. 9/22 мая 1908 г.), совершенно не допуская дополнительных ассигнований на удовлетворение назревших потребностей военного ведомства.

Так, в 1908 г. когда выяснилась настоятельная необходимость снять с вооружения некоторых батарей Кавказского и Туркестанского округов старые, негодные 2½-дм. горные пушки обр. 1883 г., заменив их скорострельными горными пушками системы Шнейдер—Данглис, никаких денежных отпусков на это мероприятие не было, а последовало разрешение на перевооружение 24 батарей Кавказского и Туркестанского округов за счет временного сокращения боевого комплекта всей полевой артиллерии с 1000 патронов на пушку до 942.

Путем уменьшения заказов снарядов, пороха и трубок были добыты необходимые для заказа скорострельной горной артиллерии 6½ миллионов рублей.

В позднейшее время, когда командующий войсками Иркутского округа настаивал на скорейшем снабжении артиллерии округа 3-дм. орудиями обр. 1902 г. взамен износившихся орудий обр. 1900 г., а также замены горных орудий обр. 1904 г. Обуховского завода горными орудиями обр. 1909 г. системы Шнейдера — Данглиса, ГАУ не было разрешено требовать денежные средства на это мероприятие, как неподлежащее отнесению на чрезвычайные кредиты, назначенные на пополнение запасов или на новые формирования, ведущие к численному усилению армии, но отнюдь не на замену неисправного вооружения. Для начальника ГАУ не было другого решения, как включение требуемых новых орудий в общую цифру пушек, исчисляемых для новых формирований.

Ходатайства ГАУ об усилении заводской казенной деятельности вообще, начатые с 1905 г., оставались безрезультатными. Приобретение артиллерийским ведомством горного пушечного завода было отклонено помощником военного министра ген. Поливановым. Перенос и переустройство Петербургского орудийного завода были отклонены из-за несогласия поверяющих ведомств и пр.

Артиллерию, недостающую по мобилизационному расписанию 1910 г., начальник ГАУ не мог заказать своевременно и в достаточном размере казенным заводам, чтобы они могли оборудоваться и наладить производство новых систем орудий, так как он имел право оперировать лишь в пределах разрешенных и ассигнованных в его распоряжение кредитов, а кредиты не отпускались.

К такому разряду не обеспеченных кредитами и, следовательно, запретных для ГАУ прав относится и вменяемое ему в вину указание Верховной следственной комиссии о несвоевременной и недостаточной раздаче заказов на полевую тяжелую артиллерию всем нашим орудийным заводам (см. ниже, часть III, «Орудия»).

Несомненно, что в конечном результате все сводилось к деньгам, но ведь одно дело — заплатить этими деньгами за заказ Крупу, Шнейдеру и Виккерсу и другое — израсходовать их (правда, в несколько большем количестве) на развитие и постройку своих заводов. Тут надо было понимать кое-что и помимо одной арифметики, и вот этого понимания и не было ни у военного ведомства, ни у министерства финансов и государственного контроля.

Конечно, большая вина тут ложится и на ГАУ, которое должно было, несмотря ни на что, поднять свой голос решительно и определенно, а не ограничиваться робкими рапортами и докладами, представляемыми на милостивое благовоззрение его высокопревосходительства... Правда, надо знать весь тот холопский уклад взаимоотношений, издавна установленный в военном ведомстве царской России, чтобы не очень упрекать в отсутствии гражданского мужества...

При существовавшем в те времена режиме действовать очень настойчиво не приходилось, несмотря даже на заступничество тех высоких покровителей, которые несколько десятков лет возглавляли управление артиллерией.

Как увидим ниже, начиная с «думского периода», особенно с IV Государственной думы, ГАУ нашло бы в законодательных учреждениях поддержку в борьбе против засилия поверяющих ведомств. Тем не менее, борьбу за кредиты с контролирующими ведомствами нельзя было вести с должной энергией и настойчивостью, так как начальник ГАУ, являясь в Государственной думе представителем не только своего ведомства, но и об'единенного правительства, обязан был давать ей об'яснения лишь в пределах, строго ограниченных правительством. В результате — об'яснения бывали недостаточно полные и убедительные, осторожно обходившие разногласия ГАУ с контролирующими ведомствами, в особенности с ГУГШ, которое всегда поддерживалось военным министром и его помощником (генералами Сухомлиновым и Поливановым). Впрочем, Государственная дума имела довольно исчерпывающие сведения, получая их, как отмечено было выше, частным путем от представителей того же ГАУ. Поэтому в комиссиях Государственной думы начальнику ГАУ приходилось даже «выслушивать упреки в том, что артиллерийское ведомство не умеет убедить министров — военного, финансов, торговли и промышленности, по принадлежности, в необходимости той или иной меры» *.

Государственная дума, будучи достаточно осведомленной в вопросах обороны, с своей стороны не могла разрешать эти вопросы в порядке

* Записка ген. Кузьмина-Караваева, стр.

собственной инициативы. Она действительно уделяла «особое и горячее внимание нуждам армии», но лишь в пределах, установленных 96 статьей основных законов царской России и положением Совета министров, утвержденным 24 августа (6 сентября) 1909 г., которым круг ведения законодательных учреждений по военным вопросам ограничивался случаями требований «новых денежных из казны ассигнований» *.

Кроме того, приблизительно с 1910 г., Государственная дума, вместо того, чтобы поддерживать проведение в жизнь новых мероприятий по усилению армии, уклонилась на путь контроля и улавливания военного министерства в незакономерных действиях, на путь «громких фраз» и «критики и ради критики».

В этом отношении она особенно ополчилась против артиллерийского ведомства, стараясь найти в деятельности ГАУ преступно корыстные побуждения. В результате доброжелательные деловые отношения между Государственной думой и военным министерством, установившиеся было в 1908—1909 гг., резко изменились к худшему, особенно со времени назначения военным министром ген. Сухомлинова, а в последние предшествующие мировой войне 2—3 года стали даже враждебными. По крайней мере такими сделались отношения Государственной думы к ГАУ, что, конечно, вредно отозвалось на деле обороны.

Выше, в главе I упоминалось о тех нападках на артиллерийское ведомство, какие делались Государственной думой по поводу организации ГАУ.

Для подтверждения всего сказанного об осведомленности Государственной думы в военных делах и ее отношений к военному ведомству, ниже приводятся некоторые данные о деятельности Государственной думы, относящиеся к этому вопросу. Данные эти заимствованы из свода сведений, собранных для учрежденной 25 июля (7 августа) 1915 г. Верховной следственной комиссии по вопросам государственной обороны в Государственной думе за 1908—1915 гг.

Впервые Государственная дума рассматривала смету военного министерства 27 мая (9 июня) 1908 года. Докладчик комиссии по государственной обороне А. И. Гучков, представляя тогда картину состояния армии и ее нужд, между прочим, говорил:

«Тот строй, который мы называем бюрократическим, может быть нигде не свил себе такого прочного гнезда, как в нашем военном ведомстве. Канцелярия заполнила всё; строй был подчинен канцелярии. Эта канцелярия из высших центральных военных управлений проникала и в местные управления, и в воинские части и там она мертвила энергию, убивала живой дух, заглушала чувство ответственности. Она производила ту разрушительную работу, которая наложила свою печать на все области нашей общественной и государственной жизни».

«В издании академии Генерального штаба «Сообщения о Русско-Японской войне» есть целый ряд чрезвычайно правдивых и характер-

* Свод сведений Верх. след. комиссии по вопросам госуд. обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 1.

ных отзывов. Так, очерк, в котором заключается описание военных действий под Сандепу, заканчивается следующими словами: «Наши вожди отражали в себе все несовершенства нашей военной системы. Наши приемы ведения войны основаны на ложных представлениях об употреблении боевой силы, представлениях, не имеющих ничего общего с данными, выработанными наукой. Пренебрежение военной наукой в широких кругах армии и сосредоточение ее данных в руках незначительного числа лиц, в свою очередь оторванных от войск, создают весьма неблагоприятные условия для совершенствования нашей военной системы».

Перечисляя нужды русской армии, выяснившиеся опытом тяжелых неудач Русско-Японской войны, А. А. Гучков говорил: «Комплект пулеметов, как показал опыт войны, до смешного мал, и здесь ожидают нас крупные расходы. В полевой артиллерии необходимо образование гаубичных батарей, что вызывает также чрезвычайно крупные затраты. Опыт войны показал, что принятые до сих пор комплекты наших патронов и снарядов совершенно не отвечают новым условиям войны и здесь нас ждут новые десятки миллионов расходов»...

«Мы находимся в отношении снабжения нашей армии боевыми припасами в значительной зависимости от иностранцев. Опыт последней войны указал, что наши заводы и мастерские не приспособлены к тому, чтобы покрыть весь необходимый армии расход в случае сколько-нибудь значительной войны. Мы вынуждены были во время последней войны получать и патроны и снаряды из-за границы, и для вас ясно, что в случае европейской войны, когда такой подвоз будет невозможен, мы становимся в состояние, близкое к катастрофическому. Надо указать, что некоторые химические составы, необходимые для современных патронов и снарядов, вообще в России не добываются, а выписываются из-за границы. Необходимость в сооружении заводов мелинитового, трубочного, гильзового, ракетного, снарядных мастерских, необходимость эта совершенно очевидна и сознана правительством. В связи с этим потребуется и перенос из Петербурга гильзового и трубочного завода, ибо оставление этого завода в Петербурге представляет в случае войны на западном фронте чрезвычайно крупные неудобства. Все это потребует по подсчету, который у меня имеется, десятки миллионов»...

«...Можем ли мы ожидать, что тот поворотный пункт, к которому мы пришли, будет правильно оценен военным ведомством, что оно примет правильный курс? С грустью мы должны признать наше глубокое сомнение в этом. В самом деле, если до войны высшее управление нашей армией сосредоточивалось в руках военного министра, который облечен был обширной властью или, как говорится теперь, полнотой власти, был единственным ответчиком и за боевую готовность армии, то мы со времени войны в этом отношении повернули в сторону и пошли как раз по ложной дороге. В тот момент, когда надо было сосредоточить всю силу мысли, всю силу воли во главе армии, мы расщепили ее, мы распылили и эту мысль, и эту волю. В 1905 г. были произведены чрезвычайно крупные перемены в высшем управлении армией. 5 мая 1905 г.

был образован постоянный Совет государственной обороны. 25 июня 1905 г. было сформировано особое Главное управление генерального штаба. Вот эти два учреждения и разделили власть военного министра, обессилили и обезличили его»...

«...Начальник Генерального штаба является лицом равноправным и равнозначущим военному министру, а Совет государственной обороны стоит над министром. Этот Совет является серьезным тормозом в деле реформы и всякого улучшения нашей государственной обороны»...

На речи докладчика Гучкова и других бывший тогда военный министр ген. Редигер ответил:

«Три докладчика бюджетной комиссии представили нам подробный разбор современного положения военного дела у нас. Я должен сказать, что та критика, которую они произнесли, к сожалению в значительной степени справедлива»...

«...Мне было поставлено здесь в упрек, что военное министерство робко требует средства на то, чтобы восполнить недостатки нашей армии. Этот упрек напрасный. Военное министерство выяснило все нужды, и если оно не пред'являет Государственной думе в настоящее время более значительных требований, то это только под давлением необходимости, вследствие того, что, на основании постановления Совета министров, которому лучше известно финансовое положение России чем мне, который вовсе с этим делом незнаком, на основании постановления Совета министров дальнейшие шаги в этом отношении являются невозможными. Тут был высказан упрек, что военное министерство в своих преобразованиях идет вперед медленно, что с его стороны не видно решительных шагов для улучшения у нас военного дела. Но благоволите принять во внимание все те недочеты, которые были вам указаны, благоволите принять во внимание и то, что года два тому назад и в армии было неспокойно, примите во внимание и то, что войска до последнего времени в значительной степени отвлекались от своего прямого дела, и вам станут ясны все те трудности, которые стояли перед военным министерством. Приходилось делать реформы почти без всяких на то средств. Ведь до сих пор военное министерство в дополнение к своему предельному бюджету, едва-едва хватающему на самое необходимое, не получало никаких средств, за исключением только тех 30 000 000 руб. в год, которые мне удалось отвоевать три года назад от бывшего Государственного совета на улучшение положения нижних чинов. Затем все остальное приходилось делать без новых расходов из государственного казначейства. Таким образом, о существеннейших мероприятиях для пополнения материальной части, об улучшении наших крепостей,— обо всем этом можно было мечтать, но делать что-

нибудь существенное не было возможности. Первое, чем задалось военное министерство,—это был вопрос об улучшении личного состава армии. Человек—это есть главное в армии, и его нужно должным образом поставить, воспитать, а все остальное приложится»...

«...Какие-либо мероприятия по улучшению и пополнению материальной части военное министерство не могло затрагивать, потому что средств на это нехватало. Здесь уже было приведено, что наши потребности, в смысле единовременных расходов, исчислены в размере 2 000 000 000 рублей. При невозможности получить подобную сумму военному министерству пришлось из них выделить, выбрать те, которые являются наиболее настоятельными, наиболее жгучими, и эти потребности, составляющие около 300 000 000 руб., внесены в настоящее время в Государственную думу, и мы испрашиваем ассигнования этих средств в течение нескольких лет. Затем уже, когда эти наиболее жгучие потребности будут удовлетворены, только затем мы уже можем думать о других, хотя важных, но все-таки менее настоятельных потребностях по усилению наших крепостей и по изменению организации нашей армии».

«В заключение я должен сказать, что... управление нашей армией, комплектование ее, организация, снабжение, все войсковое хозяйство являются делом до такой степени громадным, до такой степени сложным, что всякие мероприятия в этом отношении должны проводиться твердо, но последовательно. Всякая ломка в этом отношении, всякое недостаточно обдуманное мероприятие, которое разрушает что-либо существующее, являются опасными. Только твердой и последовательной деятельностью в этом отношении можно надеяться правильно и надежно поставить на должный путь дело нашей государственной обороны» *.

Таким образом, ген. Редигер подтвердил, что многие недочеты в армии, указанные Государственной думой, справедливы, что военное министерство сознает это, но будучи связанным постановлением Совета министров, оно не может пред'являть Государственной думе всех требований, необходимых для устранения недочетов, и что реформы в армии приходится делать без новых расходов из казны, т.-е. ничего существенного не делать.

Кроме того, ген. Редигер прозрачно намекнул, что в армии со времени русско-японской войны далеко не все благополучно в политическом отношении и что войска «отвлекаются от своего прямого дела» на подавление революционного движения рабочих и крестьянских масс.

Откровенное признание ген. Редигера могло бы служить прочной спайкой военного ведомства с Государственной думой для дружной совместной работы по усилению армии, но оно, конечно, не могло понравиться царскому правительству. Речь ген. Редигера не прошла для него безнаказанно.

---

* Свод сведений Верх. следствен. комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг. стр. 4, 6, 12—18. *Б.*

Несмотря на то, что ген. Редигер (умный, честный, энергичный, высоко образованный и талантливейший профессор военной администрации и бывш. Академии генерального штаба) являлся в то время единственным государственным деятелем, способным разбираться в сложном военном деле, управлять армией и все дело государственной обороны надежно поставить на верный путь,—он был устранен от должности военного министра и заменен ген. Сухомлиновым.

Пример ген. Редигера достаточно убедителен, чтобы осознать всю трудность борьбы с засильем контролирующих ведомств и всего «об'единенного правительства» царской России и не особенно обвинять в недостатке гражданского мужества для подобной борьбы других более мелких военных деятелей того времени, в том числе и представителей артиллерийского ведомства.

Приняв без изменений смету военного министерства на 1908 г., Государственная дума признала при этом необходимым:

«1. Коренную организацию высшего управления военного ведомства на началах об'единения и согласованности работ высших органов этого управления, при условии, чтобы руководителями дела государственной обороны являлись лица, по своему положению действительно ответственные.

2. Разработку военным ведомством, одновременно с составлением сметы на 1909 г., плана реорганизации дела государственной обороны, приняв во внимание удовлетворение всех действительных потребностей армии по снабжению и по вооружению, в связи с возможным сокращением ее мирного состава и безусловным устранением как непроизводительных расходов, так и расходов, не повышающих боевой готовности армии.

3. Установление порядка, чтобы при заказах военного ведомства были непременно заблаговременно извещаемы земства и учреждения, заведывающие трудовой помощью, и чтобы были созданы такие условия, при которых земства, заведения тюремного ведомства, артели, ремесленники и кустари могли принять широкое участие в поставках военного ведомству». И т. д. *.

В том же 1908 г. 23 мая военный министр внес в Гос. думу законопроект об отпуске средств на расходы, необходимые на пополнение запасов и материальной части и на постройку для них помещений, всего на сумму 293 183 000 руб., предполагая распределить их ассигнование на срок с 1908 по 1915 г. включительно.

Государственная дума проект одобрила, ассигновав на первые четыре года 92 097 000 рублей. При рассмотрении этого важного законопроекта совещание комиссий Государственной думы высказалось, что оно «не могло ограничиться рамками конкретных предложений военного министра, а все время имело в виду всю совокупность мероприятий, необходимых для воссоздания мощи империи, не только до уровня на-

* Свод сведений Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 18 и 19.

чала Японской войны, но и до той высоты, которую требует современная техника войны и положение России, как великой мировой державы, имеющей хотя и исключительно оборонительные, но тем не менее жизненные интересы на материках Европы и Азии»...

Изучая вопрос о запасах винтовочных патронов и об освежении их, то же совещание нашло, что принятая «экономия в патронах при учебной стрельбе является экономией ошибочной и даже опасной»; на каждого солдата отпускалось лишь по 120 патронов в год, тогда как по мнению совещания следовало довести это число до 150, как установлено в германской армии и как было одно время у нас.

Наконец, совещание обратило внимание и на то, что «артиллерия наша обслуживается только одним трубочным заводом и одним лишь заводом взрывчатых веществ, что является очень рискованным в военное время, да кроме того заводы эти находятся около Петербурга, в стороне от нашей естественной базы, каковой несомненно являются центральные губернии» *.

Государственная дума неоднократно обращала внимание военного ведомства на необходимость заблаговременной подготовки к войне заводов, работающих на оборону, но безрезультатно. Так, при обсуждении законопроекта о дополнительном отпуске на военные нужды 51 млн. рублей (сверх отпущенных 92 млн.), комиссия обороны при Государственной думе высказала ряд пожеланий, касающихся: «улучшения производительности заводов, чтобы последние могли во всякое время, особенно при мобилизации, развить свою производительность до необходимой по обстоятельствам потребности; подготовки специалистов по этой части; образования запасов сырых материалов, чтобы не зависеть от заграничных рынков и не оказаться в тяжелом положении в военное время; улучшения и развития минного дела; производства ручных гранат и пр.».

При обсуждении этого законопроекта в Государственной думе 23 февраля 1909 г., докладчик комиссии А. И. Гучков, между прочим, заявлял: «... отказов в кредитах правительство от нас не видело. Мы не только не урезывали никогда кредитов военному ведомству, но мы наталкивали его на испрашивание новых и новых кредитов. Мы боролись таким образом, что, указывая на новые неудовлетворенные нужды, настаивали на необходимости усилить ассигнования».

При рассмотрении законопроекта военного министерства 20 октября 1909 г. об ассигновании 50 млн. руб. на пополнение запасов материальной части, Гос. дума обратила внимание на то, что использование отпущенных в 1908 и 1909 гг. кредитов происходит не с достаточным успехом, что влечет за собою замедление в достижении армией надлежащей боевой готовности. Хотя помощник военного министра и об'яснил, что задержка в использовании кредитов является лишь временной, вследствие проектированных преобразований в армии, комиссия госу-

* Свод сведений Верх. следственной комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 г.г., стр. 20.

дарственной обороны, однако, отметила, что медленность некоторых заготовок не находится в зависимости от этих преобразований и об'ясняется иными причинами: «ненадлежащею оборудованностью казенных заводов, несовершенством приемов и способов заготовлений и пр.».

В частности, комиссия остановилась на вопросе о недостаточной производительности наших патронных заводов. Из об'яснений представителей ГАУ выяснилось, что эти заводы не снабжены надлежащими станками ,которые изготовляются исключительно за границей, и что покупка их замедляется сношением по этому предмету с министерством торговли и промышленности. Однако, комиссия «не удовлетворилась этими об'яснениями и выразила пожелание, чтобы военное министерство безотлагательно и в кратчайший срок озаботилось выпиской упомянутых станков и вообще надлежащим, в целях повышения производительности, оборудованием наших патронных заводов».

Затем в отношении материалов, необходимых для изготовления патронов и снарядов, выяснилось, что производство находится в зависимости от заграничных рынков, так как в России изготовление некоторых материалов (толуол, бензол и пр.), необходимых для выделки взрывчатых веществ, не получило еще достаточного развития. В случае закрытия нашей границы, получение таких материалов могло оказаться невозможным, и наша армия могла быть поставлена в затруднительное положение.

Гос. дума высказала пожелание, чтобы военное ведомство немедленно приступило к покупке за границей материалов, необходимых на снаряжение патронов и снарядов. (Надо отметить, что эти пожелания были высказаны тогда уже вторично.)

Из об'яснений представителей ГАУ было видно, что изготовление орудий крупных калибров и снарядов к ним происходило на наших заводах со значительным опозданием, вследствие недостаточной оборудованности заводов и медленности развития у нас этой отрасли промышленности. Обсуждая этот вопрос, Государственная дума нашла, что «правительству и в частности военному ведомству надлежало принять целесообразные меры как для современного оборудования и расширения наших казенных заводов, так и для поддержания и развития частной предприимчивости в столь важном для обороны страны производстве предметов вооружения». Вместе с тем, дума, принимая во внимание, что «полное упорядочение наших оборонительных средств не терпит ни малейшего отлагательства», признала необходимым, чтобы «военное ведомство, пользуясь в самых широких размерах производительностью русских заводов и поддерживая развитие последних своими заказами, немедленно приняло решительные меры к ускорению снабжения армии новейшею крупною артиллериею и фугасными снарядами, не останавливаясь при этом, в случае надобности, даже и перед заказами за границей».

В том же 1909 г. комиссия обороны Гос. думы указала на необходимость выработки правил, «обеспечивающих заводы артиллерийского ведомства от опасности перерыва деятельности в военное время».

В мае 1912 г. комиссии Гос. думы (бюджетная и обороны) вновь остановились на деятельности наших артиллерийских заводов, высказав при этом два положения: «1) о безотлагательном оборудовании артиллерийских заводов новейшими станками, не останавливаясь при этом перед выпиской этих станков из-за границы; 2) о безотлагательной разработке и внесении в законодательные учреждения вопроса о реорганизации технических артиллерийских заведений с привлечением на службу на них выдающихся специалистов».

Необходимое для повышения производительности дело более совершенного механического оборудования артиллерийских заводов тормозилось министерствами финансов, торговли и промышленности и государственным контролем, не соглашавшимися на заказ станков за границей.

По об'яснениям представителя ГАУ, данным в следующем 1913 г., необходимые станки были заказаны за границей, лишь по получении разрешения заказывать их, не испрашивая согласия указанных министерств. Германия являлась всемирным рынком предметов заводского оборудования; некоторые станки, например для орудийных заводов, в других странах нельзя было приобрести. Поэтому большая часть станков была заказана в Германии, хотя получение их оттуда возможно было лишь через 8—12 месяцев, между тем, война с Германией уже предвиделась.

Наконец, интересовались в Государственной думе вопросом о том, «имеет ли военное ведомство в виду установить законодательным путем, чтобы все частные заводы, в момент об'явления мобилизации, могли бы подлежат реквизиции и пр.».

При этом каждый раз отмечалась неудовлетворительная деятельность ГАУ, зависящая, по мнению Гос. думы, от двух причин: «с одной стороны, от необорудованности ведомства заводами и различными техническими средствами, а с другой стороны, от таких недочетов, которые кроются в самой организации ведомства» *.

Выше, в главе I, указывалось, что Гос. дума, резко критикуя деятельность ГАУ, неоднократно высказывалась за необходимость коренной его реорганизации.

Несмотря на обычные успокоительные заверения представителей военного ведомства, Гос. дума сомневалась в обеспеченности обороны и безопасности государства. Особую тревогу вызвали международные осложнения 1912 г. и лихорадочное вооружение западных соседей России. Близость военной грозы стала несомненной. В Гос. думе, хорошо осведомленной о нашей боевой неготовности, создалось ясное представление о роковых последствиях грядущей войны, в связи с медленностью технического усиления армии, рассчитанного на много лет, из-за нашей технической и промышленной отсталости. Между тем, согласован-

* Свод сведений Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Гос. думэ за 1908—1915 гг., стр. 21, 22, 24, 36, 37, 50—52

ная и достаточно солидарная работа Государственной думы наблюдалась лишь в отношении некоторых отдельных представителей военного ведомства. Солидарность эта не относилась к военному ведомству в целом, особенно к самому военному министру ген. Сухомлинову и к ГАУ. Последнее считалось в Государственной думе «больным местом военного ведомства» * и обвинялось во всем, что касалось артиллерии, хотя Гос. думе было известно, что с 1910 г. вопросами организации, мобилизации и усиления артиллерии ведало и должно было за них отвечать ГУГШ, а ГАУ в отношении этих вопросов являлось лишь исполнительным органом. Например, в мае 1912 г. при рассмотрении сметы военного министерства докладчик Гос. думы Гучков, в своей известной обличительной речи военного ведомства, слабое обеспечение армии артиллерией относил всецело к ГАУ, а не к ГУГШ.

По поводу усиления артиллерии Гучков доложил Государственной думе следующее: «Если мы сравним себя в отношении артиллерии с Германией, то германский корпус сильнее нашего артиллерией в полтора раза, а если вы сведете это к войсковым частям и к штыкам, к численности людей, а наш корпус многочисленнее, чем германский, то мы должны признать, что немцы вдвое сильнее нас численностью артиллерии. Вот эта задача, а именно, численное усиление нашей полевой артиллерии, осталась без всякого внимания со стороны ведомства. Мы остались в том же числе орудий, как и раньше, и это мой серьезный упрек, который я делаю ведомству. Другое крупное улучшение в деле артиллерии, я уже об этом упоминал, это введение в полевую артиллерию так называемой тяжелой артиллерии. Как вы знаете, у нас был личный тяжелый опыт в этом отношении во время войны (Русско-Японской). Встречая даже незначительные преграды в виде глинобитных фанз и каких-нибудь легких земляных закрытий со стороны японцев, мы были бессильны их разрушить, и только шрапнель—это единственно, чем наша легкая артиллерия была вооружена; почти полное отсутствие тяжелой полевой артиллерии делало эти преграды для нас непреодолимыми. Ведомство сознавало эту потребность с первого же года и испрошением чрезвычайных кредитов эта потребность была предвидена. В деле заготовления была обнаружена значительная медленность, но в настоящее время, наконец, начинает в армию поступать тяжелая полевая артиллерия. Очень тяжелым дефектом в деле снабжения нашей армии, именно артиллерией, является полное отсутствие у нас так называемой осадной артиллерии. Только в последнее время ведомство обратило на это внимание и были отпущены в порядке чрезвычайном кредиты на это дело. Выясняется также полная архаичность и обветшалость нашей крепостной артиллерии, и тоже только в последнее время ведомство вступило на путь обновления этого дела».

Затем Гучков обратил внимание Гос. думы вновь на необходимость реорганизации всего артиллерийского ведомства и на другие недочеты

* Свод сведений Верх. следственной комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 31.

снабжения армии артиллерийскими средствами, из которых многие действительно относились к вине ГАУ: медленность исправления и замены негодных винтовок в войсках, отсутствие автоматических винтовок, медленность технических улучшений вооружения, отсутствие или недостаток телефонов, запасных прицелов и многих необходимых приспособлений для артиллерийской стрельбы, неудовлетворительность снабжения армии пулеметами, крайняя медленность установки тяжелых береговых орудий, снабжения артиллерии фугасными гранатами, взрывателями к ним и пр.

Бросив ГАУ упрек, что «оно недостаточно настойчиво требовало у об'единенного правительства увеличения кредитов» на потребности артиллерии и назвав ГАУ «в корне дезорганизованным ведомством», Гучков представил на одобрение Гос. думы следующую формулу перехода к очередным делам: «Признавая, что состояние материальной части артиллерии и деятельность главного артиллерийского управления, особенно в деле снабжения нашей армии предметами, заготовление коих возложено на это управление, представляет серьезную опасность для государственной обороны... мы обращаемся через головы представителей этого ведомства к тем, на ком лежит действительно тяжелая ответственность за оборону нашего отечества, безопасность нашу и удовлетворительное состояние этой важной отрасли нашей обороны; мы обращаемся к об'единенному правительству и говорим ему: мы признаем, что священным долгом Совета министров и особенно военного министра является безотлагательное принятие мер к устранению таких неустройств».

Следует отметить, что военный министр ген. Сухомлинов, вообще избегавший лично давать об'яснения в Государственной думе, и на этот раз, несмотря на волновавший всех вопрос о состоянии обороны государства, отсутствовал. Заменявший его помощник военного министра ген. Вернандер не мог отвечать по существу, заявив Государственной думе, что он лишь на-днях назначен на эту должность и недостаточно знаком со сметами военного министерства. Об'яснения представил начальник канцелярии военного министра ген. Данилов, Н. А., достаточно подробно ответив Гучкову и заключив свою речь следующим признанием: «Как представитель военного министерства, не боясь упрека и нескромности, скажу, что сделано в этот период очень много. Знающие историю русской армии скажут, что за 40 лет русская армия не переживала таких преобразований, которые она пережила за последние пять лет. Но, конечно, военное министерство не закрывает глаза на то, что хотя много сделано, но еще больше остается сделать» *.

В заключение доклада относительно необеспеченности обороны государства член Государственной думы Лерхе сказал: «этот доклад является колоссальным, тяжким обвинением военного министра в страш-

* Свод сведений Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 35—46.

ном бездействии власти и что же мы услышали в ответ на этот доклад? Мы услышали ответ начальника канцелярии по всему, но кроме того, что нас интересовало. Нам помощник военного министра сказал, что он за несколько дней не успел ознакомиться со сметами. Что же, г. военный министр, он тоже не успел ознакомиться? Он успел только путешествовать по всей России. Пускай военный министр нас презирает, мне до этого никакого дела нет, но ведь этот доклад читался армией, читался Россией и ведь военный министр не может нам, всей России, ответить на то, почему в будущую войну русскому солдату и русским офицерам придется платить своею кровью за бездействие министра» *.

В следующем 1913 г. вновь было отпущено военному ведомству на пополнение запасов и материальной части артиллерии и на оборону государства около 53 млн. рублей, причем было снова высказано пожелание о скорейшем «коренном преобразовании ГАУ».

По мере дальнейших работ Государственной думы, в области военных вопросов, проявляется все более и более нервная напряженность и неудовлетворенность темпом подготовки материальной части армии. В то же время в международных отношениях появляются тревожные признаки осложнений, подготовительных политических комбинаций, усиленных и спешных вооружений. Например, в заседании бюджетной комиссии 7 (20) марта 1913 г. подняты были волнующие всех вопросы по поводу новой организации нашей артиллерии и снабжения армии автоматическими ружьями.

Помощник военного министра, ген. Вернандер, дал «успокоительные об'яснения», что эти вопросы «разрабатываются», что «есть некоторые разногласия относительно состава батарей. Но это дело чисто специальное, у специалистов идут споры. Выгоды имеют батареи и того и другого состава. От организации батареи зависит численный состав ее: столько-то чинов, столько-то лошадей и т. п. Этот вопрос, однако, настолько подвинут вперед, что, я надеюсь, он в весьма скорое время получит движение законодательное. Во всяком случае, намечено увеличение количества орудий до той нормы, которая вообще необходима».

Конечно, подобные об'яснения никого не могли успокоить. Все еще продолжались, по словам ген. Вернандера, «разногласия относительно состава батарей», тогда как вопрос о переходе к 6-орудийной батарее и к новой организации был решен еще в 1906 г. комиссией, образованной при ГАУ по инициативе и под председательством генерал-инспектора артиллерии. Своевременно денег на новую организацию артиллерии по проекту ГАУ не отпустили; этот затянувшийся важнейший вопрос с 1910 г. передается в ГУГШ, где в течение четырех лет продолжаются «разногласия» в вопросе, который семь лет назад был окончательно решен «специалистами»!

* Свод сведений Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 47.

Что касается вопроса об автоматическом ружье, то, по об'яснениям помощника военного министра и начальника ГАУ, этот вопрос стоял «гораздо слабее», потому что он мало разработан, хотя известно, что за границей (в Германии) делаются большие опыты относительно автоматических ружей.

«У нас есть экземпляры автоматических ружей Федорова, Токарева и иностранные»,—говорил начальник ГАУ,—чтобы перейти к войсковому испытанию, при разработке они дали хорошие результаты. Пока не испытают эти ружья войска, до тех пор нельзя дать решительного суждения. Ружье Федорова заслуживает самого серьезного внимания».

По поводу этих об'яснений один из членов Государственной думы сказал, между прочим, следующее: «из того, что мне пришлось выслушать в качестве докладчика в комиссии по смете Генерального штаба, я лично вынес несомненное убеждение, что вопрос этот стоит очень скверно, что ведомство, не столько артиллерийское, но, главным образом, военное, упустило очень много времени на тот процесс, который помощник военного министра назвал обдумыванием дела, и в данный момент положение России чрезвычайно критическое, и вряд ли из него выход в близком будущем определится. Факт остается фактом».

В том же заседании бюджетной комиссии Государственной думы возникали и другие весьма существенные вопросы, например, по поводу питания армии снарядами, причем сами члены Государственной думы высказывались, что «количество снарядов, конечно, у нас достаточно» *. Как увидим ниже, они жестоко в этом ошибались!

Помимо указаний на медленность и слабую продуктивность работы ГАУ, в Государственной думе раздавались не столь резкие и жестокие, как в отношении ГАУ, но все же серьезные упреки в недостаточной подготовленности и Генерального штаба, в медленной его и слабой осведомленности о состоянии армии у соседей. Так, в заседании Государственной думы 24 июня 1913 г. было отмечено, что ГУГШ лишь 14 июня 1913 г. внесло законопроект об ассигновании кредита на увеличение артиллерии, причем это опоздание представители военного ведомства об'ясняли тем, что немецкое вооружение «стало известно лишь с февраля 1913 г.». Между тем, еще в мае 1912 г. комиссия обороны Государственной думы «отмечала настоятельную необходимость увеличения нашей артиллерии, указывая на чрезвычайное количественное преобладание германской артиллерии над нашей» **.

---

* Свод сведений Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 г.г., стр. 47—50.

** Там же, стр. 52 и 53.

ВЫВОДЫ.

Приступив в 1908 г. впервые к подробному обсуждению сметы военного министерства, Государственная дума, находившаяся под гнетом тяжких результатов Японской войны, еще более была удручена раскрывшейся печальной картиной состояния нашей армии и ее небоеспособностью.

Ясное сознание грозной опасности для страны указывало на неотложную необходимость в кратчайший срок воссоздать армию и ее боевую мощь.

Несмотря на полную солидарность в первое время Государственной думы и бывшего военного министра ген. Редигера в значении этой задачи, тогда же началось и расхождение в вопросе о средствах для ее выполнения.

На упрек военному ведомству со стороны Государственной думы в том, что оно робко требует средств для нужд армии, ген. Редигер указал на постановление Совета министров, не допускавшее возможности более широкого ассигнования. Военный министр подчинился этому ограничению, вследствие чего «кратчайший срок» приведения армии в состояние боеспособности был растянут на 10—12 лет.

Государственная дума не могла мириться с таким положением, однако по собственному почину не увеличивала кредитов на военные нужды, действуя в силу «того принципа доброго хозяина и хорошего финансиста», который привился в думе, благодаря, главным образом, стараниям ее бюджетной комиссии—«никогда не подкидывать правительству расходов больше, чем оно само требует». Государственную думу за первые годы ее работы упрекали не без основания, что она старалась действовать так сказать «внутренними, домашними, тихими средствами», не прибегая к крикливым заявлениям на общих собраниях. «Если мы прибегаем к этому,—говорил Гучков в мае 1912 г.,—то поверьте, что чаша переполнена и что другого способа, кроме крика негодования и голоса протеста, уже ничего другого не остается» *. Разумеется, ни «домашние, тихие средства», ни «крики негодования и протеста», к тому же запоздалые, не могли помочь.

В то же время военное ведомство не проявляло ни необходимой энергии, ни стремления использовать благоприятную для себя обста-

---

* Свод сведений Верх. следств. комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 41, 46.

новку в Государственной думе. Мало того, из года в год оставались громадные суммы, неизрасходованные ведомством, и жгучие потребности армии неудовлетворенными. Такое положение продолжалось до 1915 г., когда во время войны роковым образом подтвердились многие стороны неустройства армии и ее материальной необеспеченности, на которые неоднократно указывалось Государственной думой.

Несвоевременное использование отпускаемых думой средств находило некоторое об'яснение в слабости русской промышленности вообще, в способах открытия кредитов и в медленности заготовлений, обусловливаемой законоположениями и существовавшим бюрократизмом. Для Государственной думы оставалось неясным, почему военное ведомство, как будто, не желало «расширить свои требования и тем сократить срок обеспечения боевой подготовленности армии». Между тем, военное ведомство не могло «расширить свои требования», потому что министерство финансов «урезывало» кредиты во всех случаях, и такую же тенденцию проявляли междуведомственные совещания, рассматривающие предварительные сметы. Об этом доходили слухи до Государственной думы, однако, по ее мнению «едва ли подобное явление могло служить непреодолимым препятствием и вполне серьезным оправданием военному ведомству. Чувство долга и сознание его, конечно, легко опрокинули бы эту преграду, или, по меньшей мере, обнаружили бы ее, а поддержка и полное, горячее сочувствие Государственной думы были обеспечены».

По мнению думы, в значительной мере правильному, приходилось искать об'яснения этому явлению в иной плоскости. С 1910 г. отношение военного ведомства к комиссии обороны Государственной думы стало изменяться; военное ведомство начало отмежевываться от Государственной думы, ее желание иметь полное представление о работе внутри ведомства и оказывать влияние на эту работу начало встречать противодействие, которое находило себе опору в раз'яснении статьи 96 основных государственных законов. С осени 1912 г. присутствие главных руководителей ведомства в комиссии Государственной думы становится явлением редким, об'яснения на некоторые вопросы, возникшие в комиссии, в виду их секретности не даются.

Нараставшее из года в год тревожное опасение Государственной думы за состояние армии обусловливалось отчасти общим политическим положением, отчасти недоверием к деятельности главнейших представителей военного ведомства и прежде всего к самому военному министру ген. Сухомлинову. В стенах Таврического дворца появлялся он чрезвычайно редко. «Мы имеем удовольствие едва ли не впервые видеть нашего военного министра здесь в думе, он обычно нас не посещает, и мы еще ни разу не слыхали его выступления с трибуны»,—сказал член Государственной думы А. И. Шингарев в заседании 10 июня 1914 г. И это—по истечении пяти лет пребывания ген. Сухомлинова в должности военного министра. «Мне пришлось с грустью убедиться, что даже наш военный министр на том совещании, которое было у председателя думы, обнаружил полную неосведомленность в цифровых дан-

ных проекта, который он явился отстаивать»,—говорил тогда же Шингарев.

В том же заседании при рассмотрении законопроекта «о большой военной программе» депутат Государственной думы Ефремов заявил, что военное министерство в тогдашнем его составе представляло «опасность для обороны отечества» *.

Государственная дума не была уверена в надлежащей постановке дела обороны нашим Генеральным штабом, организация службы которого представлялась ей неудовлетворительной. Некоторые стороны деятельности Генерального штаба вызывали осуждение Государственной думы, но полного представления об этой деятельности у нее не было, уж очень ревниво оберегали от нее и ее комиссий военные тайны.

Выше было указано, что с 1910 г. замечалось стремление военного ведомства, путем раз'яснений статьи 96 основных государственных законов, стеснить область ведения и критики Государственной думы проведением черты между общим и военным законодательством. С изданием же закона 5 июля 1912 г. против шпионажа установлен был перечень вопросов, не подлежащих критике печати. Этот перечень был так обширен, что он, в сущности, преграждал всякий доступ общественной критике и просто обсуждению военных вопросов под страхом тяжкого обвинения и не менее тяжкой кары.

Деятельность военного ведомства, жизнь армии и ее нужды были почти закрыты для общественного контроля и его внимания.

---

* Свод сведений Верх. следственной комиссии по вопросам обороны в Гос. думе за 1908—1915 гг., стр. 57, 58.

II

СНАБЖЕНИЕ РУЖЬЯМИ И ПУЛЕМЕТАМИ

РУЖЬЯ.

НОРМЫ СНАБЖЕНИЯ И ЗАПАСЫ ВИНТОВОК К НАЧАЛУ ВОЙНЫ.

Исчисление общей потребности армии в винтовках производилось ГАУ по следующим данным: по мобилизационному расписанию 1910 г., определявшему состав и численность армии при приведении ее на военное положение; по штатам и табелям вооружения войсковых частей; по нормам запаса винтовок.

Эти данные, за исключением табелей вооружения, устанавливались ГУГШ, которое представляло их на соответствующее утверждение. В работе по составлению мобилизационных расписаний ГАУ, как уже сказано выше, никакого участия не принимало и ему было совершенно неизвестно ни число людей, состоящих на учете (в запасе и в ополчении), ни сведения о мобилизационных нарядах. Ему лишь сообщалось для исполнения по обеспечению оружием:

1. Установленные штатные составы войсковых частей или учреждений и число таковых.

2. Норма запасов определенного назначения, в общем именуемых «мобилизационным запасом».

Таких запасов было установлено шесть категорий: десятипроцентный (10%); пятипроцентный (5%); крепостной; второй комплект запасных батальонов; учреждений, формируемых в военное время; государственные ополчения.

На основании таких заданий, утвержденных военным министром и Военным советом в 1910—1912 гг., в ГАУ была составлена сводная ведомость удовлетворения всей потребности армии ружьями. Ниже приводится выборка итогов по всем разрядам этой ведомости с показанием, сколько положено было содержать ружей и сколько их оказалось фактически к началу войны, т. е. к 20 июля (2 августа) 1914 г.

3-линейных винтовок	Положено содержать	Состояло к 20 июля 1914 года
Пехотных	3 270 320	3 306 505
Драгунских	464 405	530 898
Казачьих	189 598	200 622
Итого . . .	3 924 323	4 038 025

Сверх того, состояло 3-лин. винтовок, требующих исправления:

Пехотных	120 572
Драгунских	9 374
Казачьих	3 772
Итого	133 718

3-линейных карабинов	Положено содержать 286 259	Состояло к 20 июля 1914 г. 118 657; недостаток карабинов в 167 602 падал главным образом на артиллерию
Всего 3-лин. винтовок и карабинов	4 210 582	4 290 400
4,2-линейных берданок	348 421	362 019
Всего ружей	4 559 003	4 652 419
Револьверов	436 210	424 434

Из этих цифр ясно, что на вопрос, выполнило ли ГАУ пред'явленное к нему требование по части снабжения армии винтовками к началу войны,—надо ответить: да, выполнило.

Но тут, естественно, возникает другой вопрос: правильно ли было само задание? Ответ на это виден из следующего:

1. Списочная численность наших регулярных войск, согласно отчета военного министра о деятельности военного министерства в 1914 г., была к началу войны около 1 232 738 человек.

2. Согласно составленному ГУГШ мобилизационному расписанию 1910 г. (которое было введено в действие с 1 сентября 1910 г. и по которому первыми указами от 16 и 18 июля 1914 г.—Собр. узак., ст. 2014 и 2060—начато приведение армии на военное положение призывом нижних чинов запаса) предусматривалось назначение из запаса:

Нижних чинов	2 291 780 человек
Ратников ополчения I разряда	242 067 „
Итого	2 533 847 человек

3. Согласно изданному 1 марта 1911 г. (Собр. узак. ст. 441) закону о преобразовании государственного ополчения и составленному на основании его особому расписанию, утвержденному 29 января 1912 г., на сформирование ополченских частей должно быть призвано:

Ратников I разряда	707 664 человек
Всего	4 474 249 человек

Если к этому прибавить еще казаков, то оказывается, что по окончании мобилизации, в августе 1914 г., численность нашей армии следует принять не менее как в 4 900 000 * человек.

Затем, в порядке последовательности призывов, для пополнения армии и флота, были произведены наборы:

Новобранцев		
В октябре 1914 г. (Сб. узак., ст. 1217)	715 389	чел.
В ноябре 1914 г. (Сб. узак., ст. 3529)	673 335	„
В марте 1915 г. (Сб. узак., ст. 754)	632 000	„
В июле 1915 г. (Сб. узак., ст. 1597)	932 022	„
Итого	2 952 746	чел.

Призвано ратников ополчения I разряда (согласно представления воен. мин. по ГУГШ, от 21 июля 1915 г. № 2218—в Гос. думу и Госсовет):

Ратников ополчения	
С сентября 1914 г. по апрель 1915 г.	1 580 000 ч.
В августе 1915 г. (Сб. узак., ст. 1752)	300 000 „
В сентябре 1915 г. (Сб. узак., ст. 1852) II разр. .	600 000 „
Итого . .	2 480 000 **

Всего было призвано после окончания мобилизации 5 432 746.

Вот, значит, два числа, которые надо всегда иметь перед глазами:

около 5 миллионов—состав армии по окончании мобилизации (август 1914);

около 5 миллионов—призванных разного рода в течение года войны.

Теперь, естественно, возникает вопрос: было ли это предвидено хотя в какой-либо мере тем органом (т.-е. Главным управлением генерального штаба), которому сие ведать надлежало?

Ответ ясен: нет, не было. И притом в степени, прямо поразительной... Действительно:

1. В 1910 г. в Главном управлении генерального штаба заседала особая комиссия «о распределении артиллерийских запасов» под председательством 1-го обер-квартирмейстра г.-м. Обручева, которая, между прочим, обсудив вопрос об имеющихся в наличии 810 000 вполне исправных берданок с 275 миллионами вполне надежных патронов, пришла к заключению, что снабдив берданками предусмотренные части ополчения, в остатке будет около 400 000 берданок, что текущая работа на наших оружейных заводах увеличивает число 3-линейных винтовок, и

* Свод сведений, собранных для Верховной следствен. комиссии, учреждений 25. VII 1915 г. — О численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах, стр. 6, общий итог.

** Там же, стр. [illegible] и 6.

в случае войны возможна выработка до 2000 винтовок в день; что означенные 400 000 берданок бесполезно загромождают и без того обремененные склады, а потому (в пункте 5 своего журнала) комиссия полагала: состоявшие в излишке против норм берданки из'ять из складов, использовав их обращением в охотничьи ружья, на вооружение русского населения на окраинах и русских стрелковых обществ, и, наконец, обращением их в лом металла. Журнал этот был представлен военному министру ген. Сухомлинову через его помощника ген. Поливанова, при письменном докладе генерал-квартирмейстера г.-м. Данилова (Ю. Н.) от 18 ноября 1910 г. № 413, в котором испрашивается, угодно ли согласиться с мнением комиссии об отказе от хранения в складах около 400 000 берданок, остающихся в излишке после снабжения этими винтовками всех предусмотренных частей ополчения. Военный министр 19 ноября 1910 г. письменно из'явил на докладе свое согласие *.

2. В том же 1910 г. распоряжением военного министра по Главному управлению генерального штаба было приказано имевшийся мобилизационный запас 3-лин. винтовок сократить на 338 897 штук, из'яв их из государственного ополчения в количестве 245 524 штук, с заменой их 4,2-лин. берданками; в общем итоге уменьшить число ружей запаса на 93 373 штуки.

3. В 1912 г. были сокращены запасы черновых стволов на 160 000 штук, вместо 262 500, положенных хранить в виде мобилизационного запаса положением Военного совета 1912 г.; решено оставить в запасе всего 100 000 штук. Главным мотивом для такого решения послужило соображение о давно законченном изготовлении 3-лин. винтовок для всех категорий ружейного запаса. Сообразно этой же норме были сокращены затем и запасы березовых ложевых болванок и ствольных накладок.

4. В 1912 г. было утверждено особое расписание о призыве 707 000 ратников на сформирование ополченских частей. Эта перемена должна была побудить к пересмотру исчислений 1910 г. относительно ружей, но этого сделано не было.

5. В 1912 г. было отпущено:

Болгарскому правительству	50 000	3-лин. винтов.
	25 000	берданок
В 1913 г. Монгольскому правительству	10 000	3-лин. винтов.
В 1914 г. Сербскому правительству	120 000	„ „
Итого	180 000	3-лин. винтов.
	25 000	берданок.
Всего	205 000	винтовок.

Вместо этих 205 000 винтовок заводам нового наряда не было дано, т.-е. как будто эти винтовки были отданы «от избытка».

* Дело В.-уч. архива 130—669.

6. Не было принято во внимание, что с каждым годом увеличивается число состоящих в запасе нижних чинов, подлежащих зачислению в войска при мобилизации, как это в действительности и оказалось (в 1914 г.).

7. Наконец, совершенно игнорировались поступавшие в ГУГШ ясные и определенные сведения о значительном нарастании вооруженных сил ожидаемых наших противников. Это неминуемо должно было вызвать увеличение количества и наших войск, значит, и количества потребного для них оружия.

Вот какова была «предусмотрительность» того органа военного министерства, к которому с 1910 г. перешла вся полнота распорядительной власти по всем вопросам вооружения армии. И результаты такой предусмотрительности не замедлили сказаться уже с началом мобилизации, так как имевшихся 4½ миллионов ружей никак не могло хватить на 5-миллионную армию.

А дальше что? Дальше была надежда только на те 2 000 винтовок, которые должны были подавать ежедневно, начиная с об'явления мобилизации, наши оружейные заводы. Но и тут, возможно ли было допускать, что эти 2 000 винтовок начнут подаваться с первого же дня войны? Были ли подготовлены для этого наши заводы? Необходимость развития их производительности до такой нормы дневного выхода была признана еще в 1910 г., самый же закон об отпуске средств на это был издан только 24 июня 1913 г. и самое переустройство было рассчитано на 1913—1916 гг.

Но и эта сама по себе не очень большая доза заботливости об оружейных заводах была больше кажущейся, так как одновременно с проведением (тоже, как видно не очень спешно) закона о расширении их,—заводы эти, жестоким сокращением нарядов на винтовки, особенно последние годы перед войной, расшатываются до такой степени, что поднять их производительность до законной нормы становится задачей исключительно трудной, требующей значительного промежутка времени.

Значит, о подаче по 2 000 винтовок с первого дня мобилизации и думать было нечего. Вскоре, однако, выяснилось, что и такая производительность, т.-е. 2 000 в день, совершенно недостаточна, и для пополнения текущих нужд армии необходимо было подавать на фронты не менее 200 000 в месяц, т.-е. около 8 000 винтовок в день. Да единовременно требовалось более 5 миллионов на первый же год войны.

Вот какие требования сразу же пред'явила нам война по части ружей. Эти требования нужно было удовлетворить возможным развитием отечественного производства или же покупкой и заказами за границей.

ПОТРЕБНОСТЬ В ВИНТОВКАХ, ОПРЕДЕЛИВШАЯСЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

С сентября 1914 г. начали поступать сообщения из Московского и Казанского военных округов о недостатке винтовок для прибывающих новобранцев, ратников ополчения и для направляемых в действующие армии маршевых команд пополнения.

В докладе военному министру от 14 (27) октября 1914 г. *, ГАУ заявило, что обнаружился уже недостаток в 870 000 винтовок, в том числе 585 000 для новобранцев призыва 1914 г., 170 000 для пополнения требований с фронтов, 93 000 для запасных батальонов и 22 000 для вновь формируемых маршевых эскадронов и пополнений казаков.

Того же 26 октября (8 ноября) ГУГШ докладывало военному министру **, что с фронтов требуется скорейшая высылка пополнений армиям, которые должны присылаться вооруженными, но пришлось высылать маршевые роты с 50% и даже 25% винтовок; в крайнем случае, придется высылать пополнение пехоты вовсе без винтовок. На этом докладе военный министр отметил: «приходится делать то, что возможно».

Недостаток винтовок в действующих армиях возрастал с каждым месяцем войны, и 4 (17) июня 1915 г. из Ставки верховного главнокомандующего *** телеграфировали начальнику ГАУ, что «положение с винтовками становится критическим; совершенно невозможно укомплектовать части ввиду полного отсутствия винтовок в запасе армий и прибытия маршевых рот невооруженными» ****.

Председатель учрежденной в 1915 г. Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части заявил 29 августа (11 сентября) 1915 г. в Верховной следственной комиссии, что ежемесячные потери винтовок в действующей армии достигают 200 000 штук, поэтому на пополнение убыли требуется 2 000 000 винтовок.

Тогда же в представлении военного министра за № 4801 в Государственную думу было об'яснено, что для восстановления естественной убыли в винтовках в действующей армии и для подготовки внутри страны вооруженных укомплектований необходимо получать от заводов не менее 200 000 винтовок в месяц» *****.

Таким образом, мировая война, в действительности, потребовала винтовок:

на вооружение армии по окончании ее мобилизации около 5 млн.;
для последующих призывов около 5,5 млн.;
для пополнения убыли, по 200 т. в месяц, в течение 3 лет войны около 7,2 млн.
Всего оказалось нужным до 17,7 млн.

Согласно же мобилизационного расписания 1910 г. считалось достаточным иметь: $4{,}5+700\,000\times3=6{,}6$ млн. винтовок. Т. е. ошибка мобилизационного предположения выразилась приблизительно в 11 миллионов.

Интересно, параллельно с приведенными подсчетами потребности в винтовках, привести те подсчеты, которые были сделаны ГАУ по не-

* Св. сведений Верх. следств. комиссии 25/VII. 1925 г. „О численном составе войск, ружьях, пулеметах, и патронах“, стр. 10.

** Там же, стр. 11.

*** Впредь будет называться сокращенно: „Ставка главковерха“ или „Ставка“.

**** Св. сведений Верх. след.-комиссии „О числен. составе войск, ружьях, пулеметах и патронах“, стр. 16.

***** Там же, стр. 16 и 17.

посредственным указаниям Ставки ко времени приезда Междусоюзной конференции в Петроград, т.-е. в январе 1917 г., причем последующая потребность исчислялась, начиная с 1 (14) января 1917 г.

Первоначально предполагалось, согласно указаний Ставки, составить и пред'явить конференции союзников исчисления наших потребностей на три срока, начиная с 1 (14) января 1917 г., а именно: 1) на 6 мес.—с 1 января 1917 г. по 1 июля 1917 г.; 2) на 12 мес.—с 1 января 1917 г. по 1 января 1918 г.; 3) на 18 мес.—с 1 января 1917 г. по 1 июля 1918 г.

Такой способ исчисления практиковался уже и раньше. Так, год назад, т.-е. в январе 1916 г., была составлена ГАУ «Ведомость удовлетворения армии предметами артиллерийского довольствия», соответственно трем срокам: 1) на 3 мес. — с 1 января 1916 г. по 1 апреля 1916 г.; 2) на 9 месяцев — с 1 января 1916 г. по 1 октября 1916 г.; 3) на 18 месяцев — с 1 января 1916 г. по 1 июля 1917 г.

И здесь сроки были назначены по соглашению со Ставкой. При этом указывались потребности как е ж е м е с я ч н ы е (для удовлетворения текущих нужд армии), так и е д и н о в р е м е н н ы е (для новых формирований и пополнения до штата, а также для образования годового запаса).

Однако, такой способ на Междусоюзной конференции был признан не удобным и было решено, что Россия представит свою суммарную потребность на весь предстоящий 1917 г. Так и было сделано, т.-е. потребность заявлена на один «второй период» (см. ниже).

Поэтому, собственно говоря, было бы достаточно привести только одно исчисление наших потребностей именно на г о д и ч н ы й срок (на весь 1917 г.), как единственно официальное наше представление, фигурировавшее на конференции. Тем не менее, полезно привести и два другие исчисления: с одной стороны — для того, чтобы зафиксировать те требования, которые были выработаны на ряд полугодичных сроков, с другой — для сравнения годичной потребности, к а к о н а п р о ш л а ч е р е з к о н ф е р е н ц и ю, с остальными двумя, т.-е. с полугодичной и с полуторагодичной, к а к с о с т а в л е н н ы е б е з к о р р е к т и в а к о н ф е р е н ц и и. Дело в том, что требования Ставки всегда являлись заведомо преувеличенными, но против этого главные довольствующие управления были бессильны бороться, поэтому и должны были без всякой критики и рассуждений принимать их к руководству и исполнению.

На конференции дело обстояло иначе: представители союзников, будучи сами компетентными судьями пред'явленных нами требований, вошли в самую подробную критику их и, учитывая их основательность, степень возможности их удовлетворения, считая и доставку их нам и все условия нашего фронта, произвели в них ряд решительных сокращений. Вот это-то обстоятельство и крайне интересно для оценки того «запроса», с каким неизменно являлись в тыл боевые требования Ставки *.

* Требования Ставки, пред'явленные Междусоюзной конференции, составлялись при участии ГАУ. Они, действительно, были с некоторым „запросом“, чтобы в результате соглашения получить от „союзников“ возможно больше. Но наши требования

Ниже, в итогах боевого снабжения винтовками, будет показано наличие винтовок к началу войны и к январю 1917 г., так как ко времени приезда конференции был произведен тщательный подсчет всего боевого имущества, находившегося на фронте и в его запасах.

Так вот в отношении винтовок требования Ставки на означенные периоды выражались следующим образом:

На первый период (с 1 января 1917 г. по 1 июля 1917 г.) вся потребность исчислялась из ежемесячной (на пополнение потерь на полях сражений и на замену пришедших в негодность) и из единовременной (на пополнение некомплекта винтовок в запасных частях, на замену в армии винтовок иностранных образцов и на вооружение нижних чинов тыловых частей). Ежемесячная потребность исчислялась по 300 000 винтовок в месяц, а единовременная — в 4 800 000 винтовок. Итого требовалось:

$$300\,000 \times 6 = 1\,800\,000 + 4\,800\,000 = 6\,600\,000.$$

Кроме того, считалось необходимым получить еще единовременно 100 000 японских винтовок.

Всего на первый период — *6 700 000* винтовок.

На второй период (с 1 января 1907 г. по 1 января 1918 г.) потребность исчислялась:

ежемесячная	200 000×12=2 400 000	винтовок
единовременная	650 000	„
единовременная, японских	150 000	„
Итого	3 200 000	винтовок

были относительно скромными по сравнению с огромными потребностями в предметах боевого снабжения самих „союзников". А потому „компетенция союзников" весьма сомнительна; их „критика" сводилась, главным образом, к сокращению наших требований во что бы то ни стало. И наоборот „союзники" были крайне бесцеремонны в своих требованиях, пред'являемых к нам в отношении оказания им помощи путем боевых действий против австро-германцев.

Кажущаяся на первый взгляд непропорциональность в исчислении потребности по периодам имеет свои основания: естественно, что при более интенсивном ведении боевых операций, какие предполагались с случае окончания войны в ближайшие 6 месяцев—с 1 января по 1 июля 1917 г., потребность в вооружении выразится в относительно гораздо больших цифрах, чем при медленном ведении войны в течение года. Поэтому, например, ежемесячная потребность в винтовках на 1-й полугодовой период исчислялась в 300 000, а на 2-й годовой период в 200 000. Преувеличенное исчисление на 3-й период, при условии продолжения мировой войны после 1 января 1917 г. еще в течение 18 месяцев, также имело свои основания: желание иметь к концу войны, т. е. к июлю 1918 г., свою армию достаточно сильно вооруженною в предвидении полного истощения к тому времени русской военной промышленности и всей страны и пр. Б. (Письмо А. А. Маниковского к Е. З. Барсукову 8 (21) января 1917 г., см. т. II приложения).

На третий период (с 1 января 1917 г. по 1 июля 1918 г.) потребность исчислялась:

ежемесячная	300 000×18=5 400 000	винтовок
единовременная	2 700 000	„
единовременная, японских	225 000	„
Итого	8 325 000	винтовок

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ВИНТОВКАХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Потребность в винтовках удовлетворялась во время войны производством винтовок на русских оружейных заводах, приобретением ружей за границей и отчасти трофейным оружием.

Русские оружейные заводы.

Ружья военного образца, именно 3-линейные магазинные винтовки, выделывались у нас только на казенных оружейных заводах. Частных заводов, выделывающих такие винтовки, в России не существовало совсем. Оружейные заводы были рассчитаны на максимальную производительность в 525 000 винтовок в год, что составляет около 44 000 штук в месяц.

Однако, такая производительность заводов в течение ближайших перед войной лет использована не была, так как вслед за окончанием перевооружения нашей армии 3-лин. винтовками наряды заводам и количество изготовлявшихся на них винтовок резко понизилось (с 1907 г.). Для характеристики степени неиспользования этих заводов приведем наряды им за три последние года перед войной. Число винтовок: 1911 г. — 36 967; 1912 г. — 47 157; 1913 г. — 65 044, что составляет следующее процентное отношение к полной годовой производительности этих заводов (525 000): 7%, 9%, 12%.

В самый год войны наряды заводам были столь же мизерны: так, самый мощный наш оружейный завод в течение первых месяцев 1914 г. мог готовить только о т о д н о й д о п я т и в и н т о в о к в м е с я ц *.

Несмотря на такое заведомое торможение деятельности оружейных заводов, которое сильно расстраивало мобилизационную их готовность и никак не вязалось с представлением о необходимости еще более развивать их производительность, в то же время в военном министерстве сочли необходимым потребовать от ГАУ такого повышения общей их производительности, чтобы, в случае нужды, ежедневный выход винто-

---

* Вот сколько винтовок изготовил этот завод в первой половине 1914 г.

в январе	3	винтовки
в феврале	5	винтовок
в марте	0	„
в апреле	5	„
в мае	1	„
в июне	1	„
в июле	1	учебную винтовку

вок достигал 2 000 штук (со всех заводов). Такое повышение и было установлено и сообщено ГАУ в 1910 г. Здесь в полной мере сказалась техническая неосведомленность руководящего органа военного министерства (ГУГШ), в представлении которого укладывалась возможность пред'явления требования значительного повышения производительности заводов с одновременным понижением их деятельности, уменьшением нарядов до необходимости почти полной ликвидации всего рабочего персонала.

Также надо отметить и самую неточность формулировки задания, вызвавшую потом недоразумение при исчислении месячного выхода винтовок. ГУГШ для получения месячного выхода множило дневную производительность 2 000 на 30 и получало 60 000, а ГАУ множило 2 000 на 25 и получало 50 000. Конечно, в месяце 30 дней, но ведь всякому, мало-мальски прикосновенному к технике, известно, что ни одно производство, особенно такое сложное и тонкое, как оружейное, не может работать беспрерывно все дни месяца. Если можно заставить это делать людей (что также очень сомнительно), то механизмы такой работы не выдержат, во всяком случае, особенно при сильной форсировке в 3 смены, они потребуют каждую неделю один день для осмотра, поверки и ремонта *. Следовательно, более 25—26 (в году 300—310) рабочих дней в месяц нельзя считать для оружейных заводов ни при каких условиях. Исходя из суточного выхода — 2 000 в день, получим для месячного выхода — 50—52 000 и для годичного — 600 000—620 000. Это максимум годичного производства при суточном в 2 000. Но ГУГШ такого расчета не признало и считало, что обещанный выход должен быть в 700 000 в год (другими словами — 350 рабочих дней в году).

Как же выполнило ГАУ принятое обязательство подавать по 2 000 винтовок в день? Ответом на это могут служить таблицы 5 и 6 подач винтовок. В таблице 5 показана помесячная работа, начиная с августа 1914 г. по декабрь 1917 г. как новых, так и капитально отремонтированных. В таблице 6 показана работа заводов в десятилетие, предшествовавшее войне (по годам).

Из таблицы 5 видно, что наши оружейные заводы подняли свою производительность до заданной нормы (т. е. до 50 000 в месяц), несмотря на все принятые меры и полное напряжение работ, только через 9 месяцев. Каковы же причины такого запоздания?

Прежде, чем перечислить эти причины, надо сказать несколько слов о мерах, принятых заводами для быстрого поднятия своей производительности. Занимались механизмами и станками все сколько-нибудь пригодные помещения, в том числе проходы, коридоры, сараи; ремонтировались и ставились вновь под приводы механизмы, которые за выбракованием были предназначены в слом; скупалось и реквизировалось все пригодное для оружейных работ; нанимались вторые и третьи смены; вводились работы по праздникам; к изготовлению отдельных частей винтовок были

* Наш наиболее мощный оружейный завод в самое напряженное время своей работы имел в среднем по 25 рабочих дней в месяц; три месяца было по 26 и один (за все время войны)—27 рабочих дней.

ТАБЛИЦА 5.

Количество 3-линейных винтовок, изготовленных и исправленных русскими заводами в 1914—1917 гг.

	1914		1915		1916		1917	
	Новых	Исправленных	Новых	Исправленных	Новых	Исправленных	Новых	Исправленных
I			34 760	22 797	88 414	3 100	128 823	2 000
II			39 360	17 262	88 700	2 600	91 980	600
III			40 003	9 003	100 500	1 900	120 585	200
IV	41	—	51 275	7 754	100 040	700	101 718	2 650
V			54 900	11 881	102 885	100	116 436	—
VI			58 840	10 428	104 315	—	117 850	700
VII			68 760	6 983	109 822	—	95 875	—
VIII	10 296	5 695	71 356	8 350	114 015	850	78 590	1 600
IX	22 689	25 336	77 152	7 650	117 250	350	78 045	—
X	32 416	36 636	78 120	8 100	123 680	2 186	71 330	—
XI	35 188	41 309	80 085	4 900	123 662	4 700	66 490	—
XII	33 310	34 911	84 835	4 100	127 200	2 100	43 671	—
Годов. итоги	133 940	143 887	739 446	119 208	1 301 453	18 586	1 111 393	7 750

Всего в 1914—1917 гг. русскими заводами { Изготовл. 3-лн. винт. . . 3 286 232; Исправл. 3-лн. винт. . . 289 431

ТАБЛИЦА 6.

Годы.	Число винтовок
1904	204 773
1905	311 844
1906	228 895
1907	133 615
1908	64 509
1909	125 857
1910	75 229
1911	36 967
1912	47 157
1913	65 044

привлечены частные фабриканты охотничьего оружия, всегда гнездящиеся около казенных ружейных заводов; частному заводу Айваза был дан заказ на штыки и прицелы; заводу Бумана (в Финляндии)—на ложи; также были привлечены мелкие мастерские и ремесленные училища для изготовления мелких частей винтовки. Словом, делалось все, что можно было сделать на местах. И если всего этого оказалось недостаточно, то,

главным образом, из-за полного отсутствия какого бы то ни было мобилизационного плана подготовки к войне русской промышленности, в том числе и казенных оружейных заводов.

Наше ружейное производство не отвечало потребностям войны по следующим причинам:

1. Ничтожными нарядами последних перед войной лет (таблица 6) было почти разрушено оружейное производство, с большим трудом развивавшиеся в течение многих десятилетий: разбрелись и распылились не только люди, но и станки, инструмент, лекала и самое главное — навыки...

2. Произведенными для нужд войны мобилизациями забирались в армию не только заурядные рабочие оружейники, но и квалифицированные специалисты, вследствие чего сильно оскудел рынок специалистов-оружейников.

3. Недостаток простых рабочих как вследствие призыва на военную службу, так и свободного ухода рабочих с заводов на полевые работы и пр.

4. Чрезвычайные стеснения деятельности оружейных заводов формальным исполнением бюрократических законоположений царского времени.

5. Загромождение оружейных заводов несоответствующими производствами по изготовлению механических станков, пулеметов, взрывателей, пружин накатника к орудийным лафетам, шрапнелей, пик и пр. Это разрушало техническую готовность оружейных заводов в отношении главнейшего их производства — изготовления винтовок.

Один из наших оружейных заводов вынужден был обратить почти все свое внимание на изготовление пулеметов, хотя бы в ущерб выпуску винтовок, вследствие обнаружившейся нехватки пулеметов в действующей армии и того значения, какое им придавалось на фронте. Этому заводу пришлось что называется разрываться надвое, причем винтовки все же отходили на второй план.

Точно так же другому оружейному заводу было приказано напрячь все усилия для увеличения выпуска ствольных болванок, инструментальной стали и шрапнелей, так что и он не мог всю свою энергию сосредоточить на единой заботе — винтовках.

6. С самого начала войны, когда винтовки на фронте начали быстро портиться (от недопустимо небрежного обращения с ними, вследствие сильного ослабления в надзоре), на ружейные заводы взвалили еще тот капитальный ремонт оружия, который не мог быть выполнен средствами самих войск и местных (окружных) мастерских. Заводы, конечно, протестовали против такой работы, так как, занимаясь изготовлением лишь новых винтовок и направив на усиление выпуска их все без остатка свои средства как механические, так и личного состава, — они только в явный ущерб для своего основного дела могли бы что называется «выжать» у себя часть помещений, станков и мастеровых для подкинутого им детища. Но их заставили это сделать вместо того, чтобы сразу же в широком масштабе поставить капитальный ремонт ручного оружия

в ружейных мастерских окружных артиллерийских складов, а также устроить несколько специальных мастерских в районах военных действий. Все это и было сделано впоследствии, но, к сожалению, с немалым запозданием, отчего заводы не избегли получения этих нарядов, сильно затормозивших их главную работу.

Именно в конце 1914 г. ГАУ были командированы на фронты особые штаб-офицеры для руководства сбором поломанного и вообще неисправного оружия, рассортировки его по степени повреждения и соответствующей рассылки для исправления. В Варшаве, как в центральном тогда районе, была устроена обширная ружейная мастерская, в которой исправление винтовок достигло в январе 1915 г. уже 1 000 штук в день. Конечно, эти меры в значительной степени разгрузили оружейные заводы от несвойственной и мешавшей им ремонтной работы, но не освободили их от нее полностью, как это должно было быть, если бы дело сразу было поставлено на правильный путь.

Итак, оружейные заводы, начав свое мобилизационное развертывание в августе, в том же месяце стали засыпаться поврежденным оружием для ремонта и, как видно из таблицы 5, к маю 1915 г., т. е. к тому времени, когда ежедневный выход новых винтовок достиг предназначенной нормы в 2 000 штук, — заводами было отремонтировано около 200 000 винтовок; новых винтовок к этому времени было изготовлено заводами около 300 000 штук. А за полный год работы, с августа 1914 г. по июль 1915 г., было сделано около 480 000 новых и исправлено старых 230 000, т. е. всего около 710 000 штук. Конечно, исправляемую винтовку нельзя сравнивать, по количеству затрачиваемой на нее работы, с винтовкой новой; но тут дело не в одной работе, а главным образом, в той помехе для развития производства, притом в самое горячее время развертывания, которая происходила из-за отвлечения для этого ремонта как значительной части механических средств, так и особенно технического персонала, так как для этой работы должны были назначаться наиболее ценные работники из главной организационной работы заводов.

Расчет на 350 рабочих дней в год оказался для оружейных заводов совершенно неосуществимым (на трубочных заводах этого достичь удалось). Сложные и точные станки ружейного производства требуют очень тщательного обращения с ними, частого внимательного осмотра и поверки нормально 2—3 раза в месяц. Когда же пришлось довольствоваться в качестве рабочих, что называется, первым «встречным и поперечным», да еще в большинстве случаев работать почти без перерывов, в три смены, то оказалось, что такой форсировки эти станки не выдерживают, и поневоле один день в неделю пришлось уделять их осмотру, поверке и ремонту.

Таким образом, при всем старании, более 25 рабочих дней в месяц на оружейных заводах выжать не удалось. А это дает при суточной производительности в 2 000 винтовок максимум 50 000 в месяц, что и было достигнуто в апреле 1915 г., т. е. на девятом месяце с начала развертывания работ.

С уверенностью можно сказать, что если бы не совокупность всех перечисленных выше неблагоприятных обстоятельств, то этот срок мог быть сокращен в значительной мере, в чем убеждает вся последующая работа этих заводов. При наличии же этих причин совершенно невозможно бросить какой-либо упрек заводам, которые как будто умышленно были поставлены в самые тяжелые условия, сильно мешавшие их работе.

Но даже при наличии самых неблагоприятных условий заводы сумели поднять свою месячную производительность к 1917 г. до 130 000 винтовок на всех заводах *.

Такой успех следует признать исключительно выдающимся. Действительно, заводы, общая производительность которых в начале войны была каких-либо 10 000 в месяц, а максимальная, рассчитанная по окончании расширения и переоборудования — 50 000, смогли через полтора года, в условиях как будто нарочито самых неблагоприятных, увеличить выпуск таких сложных и точных изделий, как наши магазинные винтовки, в 2,75 раза больше максимального им задания и более чем в 13 раз больше того, что было вначале войны. Чтобы по достоинству оценить этот успех, надо иметь хоть элементарное представление о сложности такого производства, как оружейное. В дальнейшем это станет еще яснее, когда будет указана степень успеха на американских оружейных заводах.

Если бы заводы могли и дальше итти в своем развитии тем темпом, какой был им присущ в конце 1916 г. и в начале 1917 г., и если бы удалось закончить намеченное и совершавшееся расширение заводов, то в течение 1917 г., вероятно, удалось бы довести производительность всех заводов до 170 000, т.-е. около 2 000 000 в год. Вот тот предел усиления производительности, о котором можно было мечтать и к которому мы стремились.

Конечно, такого результата можно было бы достичь только при исключительном и крайнем напряжении работ на заводах, при условии возвращения туда из армии всех пригодных для оружейной работы мастеровых, при введении особых поощрительных премий за увеличенный выход винтовок, при обеспечении сырьем и при отсутствии затруднений с транспортом для заводов.

Значит, даже через три года после начала войны наши заводы, рассчитанные всего на полмиллиона в год, не смогли бы усилить свою производительность до той нормы, которую пред'явила им эта война, т.-е. до двух с половиной миллионов в год

* При оценке достигнутых нашими оружейными заводами успехов необходимо учитывать и те изделия которые им приходилось делать помимо винтовок. Так, например, один из оружейных заводов в январе 1917 г. кроме 62 000 винтовок, изготовил еще 15 000 револьверов, 1 200 пулеметов, 760 пулеметных станков и 66 000 взрывателей марки ЗГТ. Если все это перевести на винтовки, считая пулемет за 20 винтовок, станок пулемета за 7, револьвер за 0,7, взрыватель за 0,08, то получим, что в этот месяц завод изготовил 110 000 винтовок.

(200 000 в месяц), так как и два-то миллиона они смогли бы подать лишь при исключительном напряжении.

Конечно, все предвидеть невозможно, но если бы хотя после утверждения мобилизационного расписания 1910 г., когда выяснилась необходимость расширения наших оружейных заводов, немедленно были испрошены у Государственной думы соответствующие кредиты и тотчас же приступлено к работам, — грянувшая война не застала бы Россию в том жалком положении неподготовленности, выйти из которого было уже невозможно, так как необычные по размерам требования на винтовки посыпались на ГАУ самым неожиданным образом.

Действительно, сначала сокращали запасы винтовок, черновых стволов к ним, а также ложевых болванок, раздавали винтовки разным иностранным правительствам, обращали в лом сотни тысяч вполне исправных берданок, обеспеченных патронами, заставляли бездействовать заводы, совсем не спешили с осуществлением намеченного расширения, — все это невольно действовало усыпляюще и на ГАУ и на оружейные заводы и вселяло в них род уверенности, что по этой части «все обстоит благополучно», потом вдруг пред'явили требования на миллионы винтовок единовременно и по 200 000—300 000 ежемесячно.

Покупка и заказы ружей за границей.

При обнаружившейся недостаточности винтовок, заготовленных до войны и выделываемых во время войны на трех казенных заводах, и при выявившейся огромной потребности в винтовках как на фронтах военных действий, так и для снабжения оружием новобранцев и ополченцев, призываемых в гораздо большем количестве, чем предусматривалось, а также для многих вновь формируемых войсковых частей, — при всем этом нечего было и думать удовлетворить такую потребность своими средствами. Поэтому ГАУ, приняв все зависевшие от него меры по возможному развитию своих оружейных заводов, тотчас же стало изыскивать способы приобрести наличной покупкой или заказом на короткие сроки возможно большее количество винтовок за границей, и в сентябре 1914 г. приступило к розыску в союзных и в не участвовавших в войне государствах каких-либо винтовок, хотя бы и не новейших систем и даже не под наш патрон (в последнем случае, конечно, обеспеченных патронами). Но начавшиеся переговоры по приобретению за границей готовых ружей были приостановлены в октябре того же года по приказанию военного министра. Он решил, что невозможно допустить на одном театре военных действий смешение различных калибров, которое приведет к путанице при питании войск патронами и грозит катастрофой *. 15 (2) декабря того же года начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Янушкевич телеграфировал военному министру, что

* Письмо начальника канцелярии военного министерства начальнику ГАУ 6 (19) октября 1914 г. № 3080.

приказано, не считаясь в различием патронов, имеющем теперь второстепенное значение, покупать предлагаемые за границей винтовки, имея в виду при больших партиях использовать их в отдельных районах, например, на Кавказе, а также в некоторых отдельных армиях и даже корпусах, поименованных в телеграмме *.

Из-за этого три месяца было потеряно... Правда, из сношений с нашими военными агентами было видно, что готовые ружья достать очень трудно, — как частного имущества, их не существовало, а правительства нейтральных государств официально не проявляли уступчивости по части продажи даже снятых с вооружения ружей. Но ведь иначе и быть не могло, если смотреть на это дело с официальной точки зрения, т.-е. правил нейтралитета; очевидно, тут надо было искать каких-то иных неофициальных путей, для которых наши военные агенты были мало пригодны — они занимали слишком официальное, а потому и очень поднадзорное положение.

Как бы то ни было, приобретение винтовок за границей признано было необходимым еще в сентябре 1914 г. и в самом начале дало кой-какие результаты, хотя, правда, очень незначительные. Тогда же, в сентябре 1914 г., удалось приобрести в Японии, при содействии командированного туда ген. Гермониуса, 20 350 винтовок и 15 050 карабинов мексиканского типа, изготовленных по заказу Мексики. Затем от японского правительства разновременно было получено до 400 000 винтовок и к ним около 80 млн. патронов **. Японские и мексиканские винтовки пошли большею частью в тыловые части, в пограничную стражу, во флот и в полицию на замену 3-лин. винтовок, которые были переданы в действующую армию.

Затем в Америке оказалось возможным дать заводу Винчестера два заказа на 300 000 ружей его системы, но под наш патрон (договор заключен в ноябре 1914 г.); от третьего заказа этот завод, единственный из всех по аккуратности выполнения данных обязательств, категорически отказался без достаточных к тому оснований; со стороны нашей агентуры в этом отказе было заподозрено германское влияние.

Дальнейшие наши попытки получить ружья по заказам за границей постигла, в общем, неудача.

В 1915 г. были заключены следующие два договора.

С заводом Ремингтона в Америке, по двум договорам, в январе и в апреле — на 1 500 000 винтовок. Начальный срок поставки — ноябрь 1915 г., конечный — март 1917 г., т.-е. завод Ремингтона обязался выполнить весь заказ в течение 17 месяцев, начав сдачу через 9 месяцев после заключения договора. Значит, вся поставка должна была быть закончена через 2 года и 2 месяца (26 месяцев) после подписания контракта.

* Свод сведений Верх. следств. комиссии „о численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах", стр. 11 и 12.

** Свод сведений Верх. следств. комиссии „о численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах", стр. 12 и 13.

С заводом Вестингауза, через британское правительство, по двум договорам, в мае и июле — на 1 800 000 винтовок. Начальный срок поставки — в ноябре 1915 г., конечный — март 1917 г., т. е. условия, аналогичные условия заказа Ремингтону.

Этими двумя американскими заказами и исчерпалась, в сущности, вся возможность использовать заграничный рынок для нужд нашей армии по части винтовок. Союзники наши сами испытывали острую нужду в винтовках, а потому не могли уделить нам ни сколько-нибудь значительного количества своих наличных ружей, ни производительности своих оружейных заводов.

В какой мере американские заводы исполнили свои обязательства, будет сказано ниже, теперь же считаю необходимым остановиться на тех предложениях, которые по этой части были сделаны военному ведомству со стороны разных частных обществ и отдельных лиц. Сделать хоть краткий обзор этих предложений, несмотря на заранее предвиденную их безнадежность, все же необходимо уже по одному тому, что это был один из серьезных пунктов обвинения ГАУ, не сумевшего, якобы, использовать частную инициативу для приобретения важнейшего предмета боевого снабжения армии, трагически испытывавшей самую острую нужду в винтовках.

Между тем, эти обвинения следует признать совершенно неосновательными и бывший в то время начальник хозяйственного отдела ГАУ генерал-лейтенант Смысловский в своем докладе в Верховную следственную комиссию, учрежденную 25 июля (7 августа) 1915 г., дал исчерпывающие об'яснения по этому вопросу.

В мирное время готовые крупные партии военных винтовок, разумеется, могли принадлежать только правительствам каких-либо государств, так как никакое частное лицо или учреждение, очевидно, не стало бы, если бы и могло, заготовлять их, затрачивая на то весьма крупные суммы, в надежде, что в случае войны, — казавшейся к тому же столь мало вероятной, — их удастся продать. Ведь каждое государство само определяет свои потребности в вооружении и еще в мирное время принимает все меры для обеспечения их на случай войны.

Готовые винтовки можно было рассчитывать приобрести или в государствах, союзных с нами, или же в нейтральных, притом дружественно нейтральных. Очевидно также что можно было рассчитывать на уступку или избыток оружия или же таких его образцов, которые уже сняты с вооружения и заменены более современными, но еще находятся во владении какого-либо правительства.

При создавшейся в мировую войну политической обстановке, винтовки оказалось возможным приобрести, как было упомянуто, только в одной Японии, принимающей в военных действиях второстепенное участие. Что касается Франции, Англии, Бельгии, тем более Сербии и Черногории, то у них самих определилась столь большая потребность в винтовках, что они не только не могли продать часть их нам, но кон-

курировали с нами при попытках покупки винтовок на стороне и отказали даже в наших просьбах заказать винтовки на их заводах. Сербии же в самом начале войны нам самим пришлось уступить 120 000 винтовок с 120 000 000 патронов.

Главнейшим затруднением в приобретении готовых винтовок являлось то обстоятельство, что, как несомненная военная контрабанда, они не могли быть проданы ни одной из воюющих сторон непосредственно тем правительством, которому принадлежали. Попытки приобрести их через посредство какого-либо другого нейтрального государства не увенчались успехом. Приходилось поневоле пытаться приобрести их нелегальным путем, через посредство каких-либо комиссионеров.

Последнее обстоятельство создало вокруг покупки винтовок отвратительную атмосферу. Появился целый ряд темных дельцов, желавших нажиться на выгодной продаже. Цены на эти винтовки стали расти. Несмотря на имевшиеся от наших представителей за границей (посольств и военных агентов) категорические сообщения о том, что иностранные государства никому своих винтовок продавать не предполагают, всевозможные комиссионеры продолжали настойчиво уверять, что дело это находится у них в руках, что винтовки будут раздобыты при помощи подкупа различных правительственных лиц тех государств, во владениях которых они находятся и т. п.

Поступавшие со всех сторон предложения на продажу существующих, а также и вовсе несуществующих винтовок в огромном большинстве случаев протекали обыкновенно по одной и той же схеме: сначала подавалось весьма конкретное (по внешнему виду) заявление с предложением о продаже винтовок, на которое комиссионер обычно требовал немедленный ответ. ГАУ принимало предложение — тем более, что по содержанию оно было часто весьма соблазнительным. Далее требовался немедленный перевод большей части или даже всей суммы, необходимой для уплаты, что также обыкновенно исполнялось (в результате — в течение нескольких месяцев в Америке, например, в одном из банков лежали наши деньги около 40 000 000 рублей). Затем обыкновенно начинался целый ряд недоразумений: то предложат такие условия приема винтовок, высылаемых в нейтральную страну, что ничем не гарантируется получение вместо них ящиков с камнями; то, как это оказывалось в значительном числе случаев, у гг. комиссионеров было явное или скрытое желание получить в счет платы весьма солидный аванс (в несколько миллионов), под видом необходимых расходов на подготовку дела (взятки), без малейшей возможности гарантировать возвращение этого аванса в случае неудачи и даже хлопотать о его взыскании судебным порядком (во избежание огласки нелегальной покупки военной контрабанды).

Помимо ГАУ комиссионеры по продаже винтовок обращались с настойчивыми предложениями к различным высокопоставленным лицам, а также к нашим военным агентам и чинам наших посольств за границей; однако, эти предложения имели одинаковый результат с указанным

выше. Лица, предлагавшие купить винтовки, принадлежали к самым различным слоям общества, были большей частью совершенно безграмотны в техническом отношении, а иногда и в коммерческом; иногда между ними попадались лица серьезные, повидимому, соблазняемые желанием наживы через каких-то других посредников, но это в сущности дела не меняло.

Оценивая совершенно об'ективно возможность продажи нам готовых винтовок каким-либо государством, совершенно независимо от свидетельства наших официальных представителей за границей о невозможности такой покупки, — нельзя было не притти к убеждению, что такая покупка никогда состояться не может: происходившая война с полной очевидностью доказала, что запасы винтовок, содержавшиеся в мирное время, оказались недостаточными даже в таких насквозь милитаризованных государствах, каким была Германия; но кроме того, для современной войны оказались едва ли не одинаково пригодны какие угодно образцы ручного оружия, хотя бы и прошлого столетия. Это осознали все, и потому нельзя было допустить, чтобы какое бы то ни было государство, хотя бы и не принимавшее участия в войне, решилось продать или уничтожить запасы своего даже старого оружия (подобно тому как это было сделано у нас с винтовками Бердана). Одна только Япония решилась (и то после продолжительнейших и настойчивых убеждений) на такую уступку при исключительно благоприятной внешней политической обстановке, но и то в очень незначительном количестве и, конечно, с тем, чтобы немедленно пополнить проданное усиленною производительностью своих заводов.

Вот почему и все сделанные ГАУ предложения на покупку готовых винтовок или на изготовление их в кратчайший срок не привели ни к чему иному, как только к бесполезной переписке, дерганью наших агентов, трате времени и нервной энергии ответственными работниками, и без того перегруженными непосильной работой. В то же время в создавшейся при этом отвратительной атмосфере зарождались самые подлые сплетни и гнусные инсинуации, окончательно лишавшие этих работников возможности делать свое трудное и до крайности необходимое для армии дело.

Ниже перечисляются наиболее крупные из сделанных предложений *.

Винтовки Краг-Юргенсона.

Эти винтовки состояли на вооружении Сев.-американской армии и не задолго до начала войны были сняты с вооружения и сданы в количестве около 400 000 на хранение в оружейные склады.

Предложение этих винтовок, сделанное вскоре после начала войны, являлось для нас наиболее соблазнительным, так как они имеют в точности калибр нашей 3-лин. винтовки и отличаются только устройством

* „Отчет о деят. Особой распор. ком. по артил. части“, стр. 43—52.

патронника, который, по мнению специалистов, легко было переделать под наш патрон. Таким образом как по типу винтовок, так и по их числу они вполне подходили нам.

Предложения этих винтовок делались целым рядом аферистов через наших военных агентов и уполномоченных в Америке, Англии, Франции, Бельгии и непосредственно в Особую распорядительную комиссию по артиллерийской части *, в ГАУ, военному министру, председателю Государственной думы и т. д. Некоторые из этих предложений с внешней стороны отличались несомненной солидностью. Так, лицо, предлагавшее эти винтовки нашему военному агенту в Париже, изъявляло готовность гарантировать сделку предварительным взносом весьма значительного залога и обязательством поставить винтовки через 3 недели в Канаде или Монреале. ГАУ, желая приобрести эти винтовки, неизменно шло на все условия, за исключением одного: оно не соглашалось выдать без действительных гарантий тот крупный аванс (около 10 млн. рублей), который и представлял собою единственную затаенную цель всех вожделений этих «радетелей» России.

Первоначально не было известно, кому принадлежат эти винтовки. Когда же председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части потребовал скорейшего выяснения этого вопроса, наш военный агент в Америке донес, что винтовки принадлежат американскому правительству и что ни один из продавцов не имеет на них права. В результате оказалось, что целью всех предпринимателей являлось: «на основании неопределенных обещаний завладеть, примерно, десятью миллионами, а затем сослаться на невозможность вывезти винтовки, причем денег русскому правительству не возвращать».

Вся эта история, однако, не кончилась даже после телеграммы нашего посла в Вашингтоне: «Несмотря на то, что еще в начале января военный министр Соединенных Штатов официально объявил, что правительство ни под каким видом не продаст в течение войны старых винтовок Краг-Юргенсона, несмотря на это, множество разных личностей являлось как в наше, так и во французское и в английское посольства с предложением доставить им эти винтовки большими партиями и посылали своих агентов в Петроград и другие столицы. Ныне вся эта интрига разоблачена в газетах, и военное министерство, удивляясь, что эти лица могли своими лживыми обещаниями в некоторых случаях приобрести доверие представителей воюющих сторон этими мошенническими проделками, повторило свое первоначальное заявление, что никто никаким путем не может добыть этих винтовок, так что разные аферисты уже не будут иметь возможности предлагать несуществующий товар».

Даже и после этой телеграммы была сделана еще одна, конечно, неудачная попытка купить эти винтовки нашим председателем приемной комиссии в Америке.

* О деятельности этой комиссии см. ниже — том II этой книги.

Винтовки Маузера.

На эти винтовки поступило несколько предложений.

Наш военный агент в Бельгии в начале февраля 1915 г. доносил о поступившем к нему предложении на доставку партии маузеров в 300 000 штук с 750 патронами на винтовку по цене 110 флоринов за штуку, но с такими условиями: 1) отправка ружей в один из портов Ботнического залива под видом перевозки их в шведский порт, для чего должно быть дано разрешение провести эти винтовки через линию английской морской блокады; 2) уплата одной трети цены вперед; 3) отказ открыть нашему военному агенту местонахождение этих винтовок. Когда же продавцу было предложено немедленно доставить винтовки для сдачи в любой французский порт, чем устранялась всякая необходимость прорыва линии английской морской блокады, — то переговоры прекратились.

Наш военный агент во Франции донес, что им уже выработан план покупки 500 000 винтовок Маузера, состоящих на вооружении одной из южно-американских армий (в Буйэнос-Айресе) по цене около 32 долларов; прием винтовок в порту Южной Америки — через неделю со дня получения ответа. Дело это было поручено нашему военному агенту в Америке и по обследованию его никаких винтовок в продаже не оказалось.

Парижское отделение Петроградского Международного Коммерческого банка сделало предложение о покупке в Бразилии двух партий винтовок Маузера, общим количеством 900 000 штук с 1 000 патронов на каждую, по цене 79 долларов за комплект. Обе партии, по заявлению продавцов, находились в Рио-Жанейро и были готовы к погрузке. Это предложение представлялось настолько солидным, что ГАУ командировало в Рио-Жанейро приемщика и зафрахтовало для перевозки винтовок два парохода Добровольного флота. Но и в этом случае никаких винтовок нам не продали.

Фирма «И. Стахеев и К°» (Русско-Азиатский банк) сделала предложение на 400 000 винтовок Маузера с 1 000 патронов на каждую по цене за комплект 13 фунтов 10 шиллингов. Винтовки эти, по заявлению поставщиков, находилось в Аргентине.

На самом же деле, по выяснении обстоятельств этого предложения, оказалось, что никто никаких винтовок в Аргентине нам продавать не собирался.

Представитель японской фирмы «Мицуй и Комп.», некий Сементовский предложил свои услуги по приобретению двух наличных партий винтовок Маузера; в Испании — 200 000 штук (по цене 760 франков за комплект) и в Китае — около 20 000 штук. Конечно, оба предложения оказались вздорными. О заключении уже контракта на те же испанские маузеры, числом до 250 000 штук, доносил и наш военный агент во Франции, который два месяца спустя сам же признал этот контракт ничего не стоющим.

Наш военный агент во Франции 8 (21) июля 1915 г. донес, что солидная американская промышленная группа, поддерживаемая крупным английским банком, обратилась в парижское отделение Русско-Азиатского банка с предложением поставки партии в 1 000 000 винтовок Маузера с 1 000 000 000 патронов к ним в исключительно короткие сроки по цене 77 долларов за винтовку с 1 000 патронов. Сделка эта не состоялась ввиду решительного отказа американской группы указать свой завод до истечения 15 дней после подписания контракта и в высшей степени неопределенного ответа банка, гарантия которого при таком положении являлась весьма сомнительной, между тем она имела чрезвычайное значение.

Наконец, председателем нашего заготовительного комитета в Сев. Америке было получено предложение некоего Клерка, представителя завода Саважда, изготовить для нас в течение двух лет партию в 1 000 000 винтовок образца бельгийского Маузера по 28 долларов за винтовку. Предложение это было отклонено в виду: 1) отсутствия уверенности в технической солидности этого предложения; 2) продолжительности сроков (после пятого месяца по 200 винтовок в день, после восьмого — по 1 000, после одиннадцатого — по 1 500 и после четырнадцатого — по 2 000); 3) разности калибра с нашей винтовкой; 4) необеспеченности патронами; 5) уже сделанных заказов (Ремингтону и Вестингаузу) винтовок нашего образца и на более короткие сроки.

Виновники Ветерли.

Переговоры и переписка относительно покупки 1 000 000 винтовок Ветерли-Витали, состоявших на вооружении итальянской армии, начались еще осенью 1914 г. Дело являлось чрезвычайно трудным и сложным, так как итальянское правительство не давало окончательного ответа относительно того, намерено ли оно допустить вывоз этих винтовок из Италии. С другой стороны, ряд частных лиц (Зунино, Россели, Сперандео, Петричионе, Витоло, Масса), заинтересованных в продаже этих винтовок, чрезвычайно запутывали дело, ибо установить в точности, кому собственно принадлежат винтовки, — не представлялось никакой возможности. Дело осложнялось еще тем, что коммерческое ведение предприятия было поручено петроградской коммерческой группе Стахеева.

Таким образом, военные власти оказались посредниками между несколькими группами частных лиц, из которых каждая старалась достигнуть своей цели не только легальными, но и всевозможными противозаконными средствами. Доклады нашего посла в Риме пестрят указаниями на подложные документы, лживые заверения и т. п.

Что касается итальянского правительства, то отношение его к этому делу было весьма колеблющимся. Так, в начале февраля оно дало понять, что разрешит продажу винтовок при условии, если Россия пойдет навстречу Италии в деле предотвращения хлебного кризиса путем разрешения вывоза из России 600 000 тонн пшеницы.

Вследствие этого Совет министров в заседании 13 (26) февраля 1915 г. разрешил вывезти требуемое количество пшеницы после получения Россией винтовок.

Между тем 10 (23) февраля глава итальянского правительства уже говорил о том, что эти винтовки нужны самой Италии, которая имеет в виду, в случае надобности, вооружить ими свои второ- и третье-очередные войска.

25 февраля (10 марта) итальянский Генеральный штаб опять говорит о возможности передачи значительного количества винтовок России. И так в течение 5 месяцев.

Наконец, были приняты меры к тому, чтобы все дело сконцентрировалось в одних руках (так как итальянские аферисты предлагали поставку винтовок сразу нескольким представителям русского правительства) и чтобы оно велось с крайней осторожностью и осмотрительностью.

Переговоры, однако, не привели к желательному результату.

Винтовки Росса.

Военный министр Канады уведомил нашего военного уполномоченного в Лондоне о возможности учреждения в Канаде оружейных мастерских для изготовления винтовок системы Росса. При этом было предположено в каждый последующий месяц, начиная с четвертого после подписания контракта, открывать по одной мастерской с производительностью 500—600 винтовок в день. Цена за винтовку — 34 доллара 80 сантимов. В передаче этого заказа приняло близкое участие английское правительство, и было решено заказать в Канаде 1 000 000 винтовок Росса, но: 1) под наш патрон (в виду необеспеченности патронами), 2) на срок не более 15 месяцев и 3) по цене не свыше той, по какой платило за винтовки Росса само английское правительство. Из дальнейших переговоров выяснилось, что Росс будет не в состоянии выполнить этих условий и потому от заказа пришлось отказаться.

Винтовки Спрингфильда.

К нашему военному агенту во Франции поступило предложение на 340 000 американских винтовок Спрингфильда с 1 000 патронами на винтовку по цене 325 франков за комплект, с приемкой в Нью-Йорке или любом французском порту немедленно после подписания контракта. Предложение это, с внешней стороны казавшееся солидным (продавец готов был в обеспечение поставки внести крупную сумму в любой парижский банк), по существу мало чем отличалось от перечисленных выше и не обещало ничего, кроме бесполезных хлопот и разочарования. А так как уже было решено брать винтовки не под наш патрон партиями не менее ½ миллиона (во избежание разнородности), то это предложение было отклонено.

Винтовки Ремингтона.

Наш военный агент во Франции в марте 1915 г. сообщил о серьезном, по его мнению, предложении продажи нам 200 000 винтовок системы

Ремингтон с патронами, состоящих на вооружении в Испании. Председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части разрешил военному агенту покупать эти винтовки при условии тщательной их приемки.

Военный агент заключил контракт на поставку 250 000 винтовок, но, как оказалось, системы Маузера, а не Ремингтона. Вскоре после того на запрос председателя Особой комиссии, в каком положении этот заказ, военный агент телеграфировал: «несмотря на просрочку контракта, продавцы-испанцы продолжают быть уверенными в возможности его осуществления. Я лично продолжаю относиться с большим недоверием, так как вел переговоры, основываясь исключительно на политических связях продавцов».

Разочарование нашего военного агента оказалось справедливым, так как винтовки не были нам доставлены.

Кроме предложений значительных поставок винтовок, разные аферисты буквально засыпали нас предложениями более мелких поставок, которые оказывались большею частью неосновательными.

Наши 3-линейные винтовки.

Был целый ряд предложений на винтовки и нашего образца *.

Из всех заграничных предложений 3-лин. винтовок — ГАУ считало заслуживающим внимания, и то в самой минимальной мере, только три, причем все они от различных, якобы, групп американских заводов через посредничество: Джонса (петроградский портной); торгового дома Хов и Коленский; французского гражданина Буске.

Со всеми этими господами было достигнуто соглашение и даже подготовлены контракты, согласно которым должны были поставить:

Джонс — 1 000 000 винтовок, по 100 000 в месяц, начиная с января 1916 г.;

Хов и Коленский—2 000 000, в течение одного года, начиная с апреля 1916 г.;

Буске — 1 000 000 — в те же сроки, как и Джонс.

Также поступили предложения:

От группы американских заводов, под наименованием «Garland Corporation», в лице некоего Вильсея, на изготовление 2 000 000 винтовок нашего образца, с 1 000 патронов на каждую, по цене 70 долларов за комплект в годичный срок. Техническое обследование этой группы нашими представителями показало, что ее предложение заведомо преувеличено и что она такого заказа в годичный срок выполнить не сможет.

---

* Между прочим были предложения заняться скупкой в Монголии наших винтовок, утраченных нами на полях Манчьжурии в войну 1904—1905 гг., а также выкупить из Абиссинии уступленные ей ранее 15 000 наших винтовок с 1 000 патронов (по 230 франков за комплект) со сдачею в Марселе. Но и из этих предложений ничего не вышло.

От великобританского подданного Фауста Луриона на изготовление 2 000 000 наших винтовок с 1 000 патронов на каждую, по 70 долларов за комплект. Начало поставки — через 150 дней со дня внесения русским правительством установленного депозита в Националь-Сити банк в Нью-Йорке, весь срок поставки 15 месяцев. На просьбу указать заводы для их технического обследования — получили отказ.

Конечно, из всех этих предложений ничего не вышло, да и выйти не могло, так как они исходили от лиц, не только не знакомых с техникой сложного оружейного производства, но и никогда не занимавшихся представительством по поставке каких бы то ни было технических изделий. Этих и им подобных господ просто привлекала жажда скорой наживы на предметах столь острой необходимости, каковыми оказались винтовки, шрапнели и прочие предметы боевого снабжения, и они без всякого зазрения совести готовы были предложить не то, что винтовку или снаряд, а хоть луну с неба, лишь бы поскорее сорвать известный куртаж или получить от казны крупный аванс... А там пусть разбирается в этом деле кто хочет, тем более, что им было хорошо известно, что всякий мало-мальски ловкий «директор завода» или его «представитель» всегда и легко сумеет подобрать целую серию таких «форсмажоров» (которых в военное время, действительно, не мало), что перед ними спасуют все опытные юристы всего мира... И вот начался целый поход на наш казенный сундук, поход великолепно организованный: в Америку посылались условные (почти шифрованные) телеграммы разным темным агентам с поручением, что должно быть обратно телеграфировано в Петроград от якобы самых солидных заводов; эти «подлинные» телеграммы пред'являлись затем как неоспоримые документы и, действительно, часто производили на малоосведомленных в этих махинациях лиц впечатление несомненной солидности.

Само ГАУ немало потратило времени, энергии и нервов пока, наконец, горьким опытом не научилось разбираться в подобных предложениях.

Столь длительной обработке подверглись и наши послы и военные агенты за границей, также долго дурачимые ловкими аферистами. И лишь когда научились расшифровывать целый ряд «деловых» телеграмм и обследовать предложения на местах (для чего пришлось командировать в Америку целый штат надежных техников), — картина грабительского плана стала совершенно ясной. Но и после этого ГАУ приходилось тратить немало времени на ведение заведомо безрезультатных переговоров, в виду того, что в широких слоях общества, сильно взволнованного нехваткой предметов боевого снабжения, но совершенно неосведомленного по части мошеннических махинаций алчных до наживы темных дельцов, отказы подобным господам нередко истолковывались неуменьем взяться за дело, недостатком энергии, косностью, сухим формализмом, недобросовестностью и чиновничьим равнодушием, равносильными прямой измене родине, и создавали благоприятную почву для обвинений распускаемых этими же самыми господами, в том, что «вер-

ный» заказ провалился только потому, что не была дана тому-то надлежащая взятка.

Ограничимся приведением только этих предложений, как наиболее крупных и характерных; они сыпались на наше военное министерство, на ГАУ, на наших военных агентов за границей, на послов и их канцелярии, наконец, на всех мало-мальски известных общественных и государственных деятелей — десятками и сотнями. Составленные всегда в требовательном и повышенном тоне, всегда технически безграмотные, без малейших гарантий за успех поставки и интерес казны, часто с нескрываемым и до цинизма наглым расчетом лишь побольше сорвать, пользуясь затруднительным положением нашей армии, нередко с явными признаками неприкрытого шантажа, — все эти предложения грязной волной заливали ГАУ и невероятно затрудняли работу этого важнейшего и ответственнейшего органа по боевому снабжению армии *.

Теперь посмотрим, как исполнили свои обязательства по поставке нам винтовок американские заводы — Винчестера (300 000), Ремингтона (1 500 000) и Вестингауза (1 800 000).

Первый из них, завод Винчестера, изготовлявший оружие и до войны, справился со своей относительно небольшой задачей удовлетворительно и поставил заказанные ему 300 000 винтовок в срок, т. е. к марту 1917 г.

Второй, завод Ремингтона, должен был начать поставку с ноября 1915 г. по 25 000 втечение первых двух месяцев, затем по 50 000 — втечение двух последующих месяцев, по 75 000 — втечение десяти последующих месяцев и далее по 100 000 — до окончания поставки, в марте 1917 г. Фактически же завод Ремингтона к апрелю 1917 г. сдал нашим приемщикам в Америке 131 443 винтовки, или всего около 9%.

Третий, завод Вестингауза, который должен был, подобно заводу Ремингтона, начать сдачу с ноября 1915 г. по 7 500 штук в месяц и, постепенно доводя ее до 150 000 в месяц, окончить весь наряд в марте 1917 г., фактически к апрелю 1917 г. сдал нашим приемщикам в Америке всего 226 255 винтовок или *12½* %.

Вот конечный результат наших заказов винтовок могущественным и всемирно известным американским заводам: через 26 месяцев после подписания контракта, они оказались в состоянии выполнить всего лишь одну десятую часть принятого на этот срок заказа.

Только после этого результата становится ясным, насколько право было ГАУ в своем скептическом прогнозе относительно всяких предложений, даже наиболее солидных, по части изготовления таких сложных и тонких изделий военного снабжения, как современная винтовка, хотя бы и на первоклассных заводах, но никогда этих изделий не гото-

---

*) Все относящиеся сюда документы находятся в делах соответствующих отделений ГАУ; они были пред'явлены Верховной следственной комиссии и сверены с показаниями должностных лиц и жалобщиков. Отзывы о них имеются: а) в своде сведений о ружьях члена Верх. ком. Ив. Голубева, стр. 12 и 14; б) в показаниях ген. Смысловского от 30. IX. 15 г. и 18. I. 17 г.; в) в отчете Ос. распор. ком. по артил. части стр. 43—45; г) журн. Ос. сов. по обороне 9. X. 15 г. и 12. VII 16 г. (Артком).

вивших. И какую уйму денег истратило бы оно зря, если бы проявило меньше стойкости массе покушений, казавшихся столь соблазнительными для многих лиц, хотя и искренне болевших душой о нуждах нашей армии, но не посвященных в подробности этого сложного технического дела.

Такой печальный результат нашей неудачи на двух первоклассных заводах Америки ГАУ предвидело значительно ранее конечного срока заказов, почти с первых же месяцев после подписания контрактов, на основании донесений наших приемщиков. Но так как ГАУ хорошо знало, что эти заводы, как и всякие другие, неизбежно должны пройти весь цикл «детских болезней» нового производства, то оно и выжидало первое время, рассчитывая, что бесспорная солидность этих заводов, (как техническая, так и финансовая), их привычка к массовому тоже довольно точному производству (пишущие машины, автоматические тормоза), затем прославленная «американская хватка» и, наконец, угроза неустойками, немаловажная в «стране долларов», — что все это вместе взятое окажет свое воздействие на преодоление всех препятствий и что дело скоро пойдет на лад. Однако, вышло совсем не так: дело все не налаживалось; оказалось, что для действительного ускорения его нам надо командировать на эти заводы, хотя бы под видом приемщиков, своих «инструкторов», т.-е. наших военных техников, специалистов оружейного производства и учредить там особый технический оружейный отдел во главе с нашим выдающимся специалистом-конструктором — ген.-майором Залюбовским (начальником одного из наших оружейных заводов, перед этим только что получившим назначение строить в России новый оружейный завод). Только после этого мы увидели, что называется, просвет в этом безнадежном деле. И так как оно было наиболее сложным и запоздавшим, то г.-м. Залюбовский был назначен и председателем всего нашего заготовительного комитета в Америке на место бывшего там профессора Артиллерийской академии и Института путей сообщений г.-м. Сапожникова, отозванного к этому времени, согласно его желанию, в Россию.

Прибыв в Петроград, г.-м. Сапожников, близко ознакомившийся во время двух своих командировок в Америку с ее промышленным рынком, дал несколько штрихов, характеризующих американскую промышленность в связи с неудачей наших заказов на винтовки заводам Ремингтона и Вестингауза.

Американская промышленность, хотя и очень мощная и несомненно богатая предприимчивостью и энергией, до войны была совершенно не приспособлена к производству предметов военного снабжения. Это приспособление ей пришлось совершить наспех и притом без какой-либо постепенности, а сразу и в огромном масштабе. Между тем, характерною особенностью американской промышленности являются ее шаблонность — массовое производство по установленным образцам и именно слабая приспособляемость к изготовлению каких-либо новых предметов. Поэтому, когда от заводов потребовался самый

срочный переход к новому производству, да еще с такими высокими требованиями по части точности и взаимозаменяемости, как у изделий боевого снабжения, то заводы оказались совершенно выбитыми из своей нормальной колеи, должны были переоборудоваться на совершенно новый лад и при самом переходе пережили те исключительные затруднения, результатом которых и явились чрезвычайные запоздания. И такую резкую перемену фронта пришлось сделать всей американской промышленности, притом сразу, так как на нее обрушились почти одновременно предложения и заказы всех государств, воевавших против германского союза. Понятно, что даже такой огромный и мощный рынок, как американский, оказался загруженным сверх всякой меры и сверх его сил, и развившийся, естественный при таких обстоятельствах ажиотаж не способствовал скорому установлению нормальных условий нового производства.

В этих указаниях профессора Сапожникова не было уже, в сущности говоря, ничего нового, так как все это было известно ГАУ из предшествовавших донесений как его самого, так и ряда наших приемщиков с мест производств.

Далее профессор Сапожников указал, что одной из причин запоздания было долгое упорство американских заводчиков в нежелании следовать указаниям наших опытных приемщиков в деле установления нового для завода производства. При этом сыграли немалую роль как ложно понимаемая коммерческая сторона дела (стремление к нецелесообразной экономии), так и уязвленное самолюбие, а также несомненная доля германского влияния, искусно организованного и щедро оплачиваемого. Наши же приемщики не могли действовать достаточно решительно потому, что большая часть наших контрактов была заключена для нас английским правительством, причем наши интересы не были достаточно ограждены и лишь с июня 1916 г., когда удалось перенести из Лондона в Нью-Йорк деятельность Англо-русской согласительной комиссии по русско-американским заказам, — представилась возможность действовать более решительно и проводить на заводах меры к ускорению исполнения наших заказов, тем более, что и сами заводчики, горьким опытом понявшие всю правоту русских техников, отбросили ложное самолюбие и стали следовать их указаниям.

ИТОГИ БОЕВОГО СНАБЖЕНИЯ ВИНТОВКАМИ.

Потребность в дополнительном снабжении винтовками сверх состоящих на вооружении и в запасах к началу войны обнаружилась в значительном размере в первые же месяцы после начала войны.

Исчисление винтовок по составленному в ГУГШ мобилизационному расписанию 1910 г. не подвергалось пересмотру, несмотря ни на утверждение в 1912 г. нового расписания призыва ратников для сформирования ополченских частей, ни на возможность увеличения числа призываемых в ряды войск по мобилизации, ни на значительное усиление в последние перед войною годы вооружения иностранных армий.

Напротив, были даже сокращены запасы винтовок уничтожением части прежних берданок, оказавшихся в излишке против установленной нормы запаса, и передачей винтовок соседним государствам (в 1912 г. — Болгарии 50 000 винтовок 3-лин. и 25 000 берданок, в 1913 г. — Монголии около 10 000 и в 1914 г. — Сербии 120 000 3-лин. винтовок); кроме того, была резко понижена с 1907 г. годовая производительность всех наших оружейных заводов, вместо прежней — более полумиллиона в год до несколько десятков тысяч винтовок.

Упущенное в мирное время не могло быть возмещено во время войны не только своевременно, но даже в течение нескольких лет — ни повышением производительности своих оружейных заводов, ни заграничными покупками и заказами ружей, которых не могло оказаться в избытке, чтобы уступить России, в странах, вовлеченных в войну или угрожаемых ею; в других же странах (например, даже в Америке) спрос на винтовки для воюющих превосходил не только имевшуюся наличность ружей, но и обычную производительность местных заводов; на создание же новых оружейных заводов требовалось весьма продолжительное время даже там, где подобное производство и машиностроение развито; наконец, самая доставка в Россию приобретенных за границей ружей не могла быть быстрой и затруднялась закрытием портов Черного и Балтийского морей.

Подводя теперь итоги всему тому, что было сделано по части подготовки к войне и по снабжению в течение ее нашей армии винтовками, приходим к следующим заключениям.

1. Согласно последнего перед войной мобилизационного задания 1910 г. должно было состоять к началу войны в войсках и в запасах винтовок разного рода (3-линейных пехотных, драгунских, казачьих и карабинов, а также и 4-линейных берданок) 4 559 700 штук.

Фактически же оказалось состоящими налицо к 20 июля (2 августа) 1914 г. в войсках и запасах 4 652 000 штук. Кроме того, требовалось иметь револьверов 436 000 штук; оказалось к 20 июля (2 августа) 1914 г. в наличии 424 000 штук.

Следует признать, что в этом отношении ГАУ выполняло пред'явленное к нему требование.

2. По окончании мобилизации, в августе 1914 г., состав действующей армии оказался равным около 5 000 000 человек, для вооружения которой пошли все состоявшие в наличности винтовки и револьверы (4 652 000 + 424 000 = 5 076 000).

Таким образом, для удовлетворения только одной этой потребности были потрачены, кроме специально для этой цели предназначавшихся винтовок, еще и все имевшиеся запасы особого назначения: 10%-й; 5%-й; крепостной; второй комплект запасных батальонов; учреждений, формируемых в военное время; государственного ополчения.

3. Втечение первого же года, после окончания мобилизации, были произведены наборы (в порядке последовательных призывов) общей численностью около 5,5 млн. человек.

10*

Для удовлетворения же потребностей, могущих возникнуть во время самой войны, последнее перед войной мобилизационное задание требовало от ГАУ такой подготовки казенных ружейных заводов, чтобы ежедневный (суточный) выпуск их равнялся 2 000 винтовок, что при 300 рабочих днях в году дает годичный выпуск 600 000 штук (исходя же из 350 рабочих дней, как это принималось в ГУГШ, годовая производительность всех наших заводов должна была быть в 700 000 винтовок).

Как видно, такое задание, если бы оно и было выполнено в точности, удовлетворило бы немногим более одной десятой (12%) всей потребности в винтовках для новых призывов. А так как, кроме удовлетворения этой единовременной потребности, Ставка предъявила еще категорическое требование на ежемесячное пополнение (за убыль и порчу винтовок на фронте) в минимальном количестве в 200 000 штук, что составляет 2 400 000 в год, то, следовательно, в первый год войны потребовалось, после израсходования всего имевшегося наличия винтовок, еще 5,5 + 2,4 = около 8 млн. штук. Ясно, в какой степени эту потребность могла бы удовлетворить заданная перед войной общая производительность наших заводов, хотя бы и в 700 000 винтовок

4. Наши оружейные заводы, первоначально рассчитанные на общую максимальную производительность в 525 000 винтовок в год, получили в 1910 г. мобилизационное задание расширить ее в период 1913—16 гг. до 600 000 (700 000). Закон о таком расширении прошел только 24 июня 1913 г., следовательно строительный сезон этого года был уже упущен, так что война застала оружейные заводы в период их расширения и переоборудования. Кроме того, главным образом, следующие причины помешали заводам развить наибольший возможный для них выпуск винтовок:

Ничтожность нарядов заводам в последнее перед войной десятилетие (особенно в три последние года), совершенно угасившая деятельность заводов, развившуюся при последнем перевооружении русской армии 3-лин. винтовками, и распылившая драгоценный личный состав их.

Полная неохраненность как технического, так и рабочего состава заводов от мобилизационных призывов и от самостоятельного их ухода с заводов и исключительные затруднения при возвращении из армии даже особо квалифицированных мастеровых; общее оскудение вследствие тех же призывов рынка даже чернорабочих.

Крайняя загромежденность, задолго до войны и во время самой войны, оружейных заводов чуждыми для них и очень трудными самих по себе производствами, как пулеметы Максима (сложнейшая из всех систем пулеметов); станки для них; револьверы; взрыватели; шрапнели; пружины накатника для полевых орудий; патронные обоймы; пики для кавалерии; вьючные приспособления и т. д.

Уменьшение, якобы за излишеством, мобилизационного запаса ствольных * и ложевых болванок; первые из них изготовлялись только

* Мобилизационный запас кованных ружейных стволов был уменьшен на 160 000 штук.

на одном из русских оружейных заводов, лишь с великими затруднениями приспособился к этому делу на второй год войны один из частных русских заводов.

Нагрузка оружейных заводов с самого начала войны капитальным ремонтом винтовок, приведенных на фронтах в негодность; эта работа, совпавшая с самым горячим для заводов временем их развертывания и с работами по расширению и переоборудованию, сильно мешала основной задаче, отвлекая наиболее опытных техников и мастеровых и отнимая помещения, станки и инструмент, которых и без того нехватало.

Недостаток в топливе и транспорте вообще, лишавший возможности осуществлять все необходимые меры для скорейшего развития полного хода работ.

Крайняя стеснительность существующих для казенных заводов законоположений по хозяйственной части, вследствие которых начальники их, неся всю тяжесть ответственности за все громадное и столь важное дело, в то же время были лишены таких элементарных хозяйственных прав, без коих не мыслимо ведение дел самым скромным коммерческим предприятием.

При всех этих условиях наши оружейные заводы выпустили в первый год войны 480 000 новых винтовок и 230 000 капитально отремонтированных, всего — 710 000 штук.

Бросить упрек заводам за то, что они не подали в течение первого года 700 000 новых винтовок, нельзя, так как было сделано положительно все, чтобы помешать им в этом.

5. Нашими союзниками было уступлено нам винтовок:

Японией			635 000
Францией	Гра	450 000	
„	Гра-Кропачек	105 000	641 000
„	Лебеля	86 000	
Италией			400 000
Англией (винтовки Арисака)			128 000
		Итого	1 804 000

Таким образом, на вооружении нашей армии оказалось 10 образцов винтовок:

два — русских: 3-лин. и Бердана,

шесть — союзных: Арисака, Винчестера, Веттерли, Лебеля, Гра и Гра-Кропачека,

два — вражеских (пленных): германские и австрийские.

6. Из Америки было получено:

от завода Винчестера		299 000
от завода Ремингтона и Вестингауза	в 1916 году	165 000
	в 1917 году	193 000
	Итого	657 000

7. В таблице 7 сведены все поступления винтовок в нашу армию в войну 1914—1917 гг. (по заграничным заказам показаны поступившие до апреля 1917 г.).

ТАБЛИЦА 7.

		1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Состояло в войсках и запасах к началу войны . .		4 652 000	—	—	—	4 652 000
Поступило с казенных заводов	нов.	134 000	740 000	1 302 000	1 112 000	3 288 000
	исп.	144 000	120 000	19 000	8 000	291 000
Поступило от наших союзников .		точных	данных	по годам	нет	1 804 000
Поступило от Америки		—	39 000	425 000	193 000	657 000
Взято в плен .		точных	данных	по годам	нет	ок. 700 000
А Всего . .		4 930 000	899 000	1 746 000	1 313 000	ок. 11 390 000

Таким образом, картина снабжения винтовками нашей армии в войну 1914—1917 гг. окончательно представляется в следующем виде.

Довольствующему органу, т. е. ГАУ, было задано:

иметь на случай войны в готовом виде (в войсках и в запасах) 4,5 млн. винтовок и около 0,5 млн. револьверов;

развить — в течение периода 1913—1916 гг. — мобилизационную готовность казенных оружейных заводов до 700 000 винтовок в год.

Первое из этих заданий было выполнено, даже с небольшим избытком; второе также выполнено, но далеко не сразу: лишь по прошествии почти всего первого года войны производительность оружейных заводов достигла мобилизационного задания и лишь к началу 1917 г. она почти вдвое превысила это задание. Во всяком случае недодел винтовок в начале войны не может быть поставлен в вину оружейным заводам.

Следовательно, согласно мобилизационных расчетов ГУГШ, составленных до мировой войны, предполагалось достаточным иметь винтовок на 3 года войны: $4{,}5 + 700\,000 \times 3 = 6{,}6$ млн.

В действительности же винтовок требовалось:

на вооружение армии по окончании ее мобилизационного развертывания — винтовок и револьверов около 5 млн.;

для последующих призывов — около 5,5 млн.;

для пополнения убыли, считая по 200 000 в месяц, втечение 3 лет войны — около 7,2 млн..

Всего оказалось нужным — 5 + 5,5 + 7,2 = 17,7 млн., т.-е. ошибка мобилизационных предположений оказалась около 11 млн. винтовок.

Значит, во-первых, запасы винтовок надо было иметь вдвое больше (10 млн. вместо 4,5); во-вторых, мобилизационная готовность оружейных заводов должна была быть вчетверо больше (2,5 млн. в год вместо 600—700 000) и в-третьих, чтобы заводы могли быстро развернуть свою деятельность, — надо было их мобилизационную готовность предусмотреть и охранить в такой же мере, как, например, войсковую мобилизацию у первоочередных полевых войск, т.-е. чтобы заводы оканчивали свою мобилизацию и вступали в полную производительность одновременно с тем, как полевые войска первой очереди будут готовы для действия на фронте. Понятно, такая техническая мобилизация должна быть проведена по заранее хорошо продуманному и подробно разработанному плану.

Действительная убыль винтовок в действующей армии за 2½ года мировой войны (1914—1916 гг.) составляла, как видно из приводимых ниже цифр, около 7 млн. штук.

Фактически состояло винтовок к началу войны, т.-е. к 20 июля 1914 г. 4 652 000.

Поступило с начала войны по 1 января 1917 г. (со своих заводов, из-за границы, взято в плен) около 5 000 000.

Всего около 9 652 000.

Фактически состояло в армии винтовок к 1 января 1917 г. * 2 715 000 **.

Убыло винтовок до 1 января 1917 г. около 6 937 000.

---

* По сведениям Ставки (Упарт'а) для Междусоюзнической конференции.

** Положено было по штату 2 741 000 (приказ Наштаверха 1916 г. № 716), т. е. не доставало до штатного числа 36 000 винтовок.

ПУЛЕМЕТЫ.

ПЛАН СНАБЖЕНИЯ И ЗАПАСЫ ПУЛЕМЕТОВ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ.

Количество пулеметов в войсках и в запасе военного времени определялось в том же порядке, как и ружей. Оно устанавливалось по исчислениям ГУГШ, которое, выработав войсковые штаты и нормы запасов, представляло их на соответствующее утверждение. И в этой работе, как и в отношении ружей, ГАУ никакого участия не принимало; оно было только исполнительным органом по обеспечению армии пулеметами на основании определенного задания ГУГШ.

Это задание перед войной 1914—1917 гг. было таково.

По плану снабжения нашей армии пулеметами, препровожденному в ГАУ при сношении Главного штаба от 24 сентября 1910 г. за № 4208 (секр.), и по разновременно данным дополнительным указаниям ГУГШ вооружение нашей армии пулеметами должно было быть закончено к 1 (14) января 1915 г. К этому сроку должно было состоять:

а) в пехоте:	352 пулеметных команды *первой* очереди, по 8 пулеметов в каждой . .	2 816
	152 пулеметных команды *второй* очереди, по 8 пулеметов в каждой . .	1 216
б) в коннице:	32 пулеметных команды, по 8 пулеметов в каждой	256
	Итого . . .	4 288

Кроме того, по разновременным указаниям ГУГШ, полученным до об'явления войны, должно было быть отпущено:

в) в сформированную в апреле 1915 года 4 финляндскую стрелковую бригаду на 4 команды 8-пулеметного состава	32
г) Заамурскому округу пограничной стражи на 6 команд 4-пулеметного состава	24
д) в 3 и 9 Сибирские стрелковые дивизии, назначавшиеся в гарнизон кр. Владивостока, для доведения до 2 пулеметов на роту	192
Итого . . .	4 536
е) 10% запаса военного времени	454
Всего . . .	4 990 *

* Свод сведений Верх. след. комиссии „О числен. составе войск, ружьях, пулеметах и патронах“, стр. 17.

Вот и все требования на пулеметы.

А вот как они были исполнены. Ко времени об'явления мобилизации, в июле 1914 г., в армии состояло пулеметов:

а) все 352 пулеметные команды *первой* очереди	2 816
б) 120 команд *второй* очереди	960
в) в Финляндском округе	32
г) в Заамурском округе	24
д) в виду назначения 3 и 9 Сибирских дивизий на фронт увеличения пулеметов произведено не было	—
е) 32 команды в коннице	256
ж) в запасе состояло	69
Итого	4 157

Таким образом, в июле 1914 г. не хватало для удовлетворения плановой потребности (по заданиям к 1 (14 января 1915 г) 833 пулемета. В виду этого ГАУ предписало пулеметному отделу оружейных заводов усилить до возможной степени производительность пулеметов. В результате, пулеметный отдел изготовил в последние 5 месяцев 1914 г. 828 пулеметов, а к назначенному сроку, т.-е. к 1 (14) января 1915 г., ГАУ отпустило в войска и в запасы всего 4 985 пулеметов, т.-е. лишь на 5 пулеметов меньше пред'явленного требования.

Конечно, нельзя не признать, что 5 000 пулеметов почти на 5-миллионную армию (т.-е. один пулемет на 1 000 человек) очень немного, особенно имея в виду, что наши противники, усиленно готовясь к предстоящей войне и значительно усиливая в последние годы техническое снабжение своей армии, имели их у себя несравнимо больше. Поэтому достойно удивления, что норма снабжения нашей армии пулеметами, выработанная еще в 1910 г., несомненно слабая и по тому времени, не была пересмотрена и усилена втечение последующих четырех лет, т.-е. до самой войны. Но еще удивительнее, что и после начала войны, когда с первых же месяцев обнаружилась в армии значительная потребность в пулеметах для замены утраченных и пришедших в негодность *,—долгое время не указывалось ГАУ ни общей (единовременной) предстоящей потребности в пулеметах, ни норм ежемесячного снабжения ими армии, кроме той, какая вытекала из общего мобилизационного задания. Последнее заключалось в том, что ГАУ должно было содержать установленные «нормы запасов» и в случае войны быть готовым восстанавливать их в годичный срок. И так как норма запаса военного времени определялась в 10% от всего количества исчисленных пулеметов, т.-е. от 4 536 штук, т.-е. в *454* пулемета, то именно это количество их и подлежало изготовлению вновь втечение года войны.

* Приходили в негодность пулеметы облегченного типа, которые были изготовлены по заказу в Англии. Этот тип был разработан у нас и должен был изготовляться на русском оружейном заводе. Но, вопреки представлению ГАУ, заказ на них был передан в 1912 г. заводу Виккерса в Англию.

ПОТРЕБНОСТЬ В ПУЛЕМЕТАХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

До мая 1915 г. требования на пулеметы были случайны и эпизодичны, причем зимою (декабрь — февраль) они сильно сократились и стали возрастать лишь с оживлением военных действий. Так как все возраставшая производительность по изготовлению пулеметов давала возможность покрывать эти отдельные требования, то ГАУ не имело прямых оснований предвидеть ту огромную потребность в пулеметах, которая свалилась потом прямо как снег на голову. Но, имея уже некоторое представление о намечавшемся масштабе войны по другим предметам артиллерийского снабжения (особенно по винтовкам и патронам к полевым пушкам) и в то же время не очень надеясь на свои казенные заводы и частную военную промышленность, ГАУ, по собственной инициативе, признало необходимым довести количество пулеметов до 16 штук на каждый из 508 пехотных полков и пополнить передовые запасы. Исходя из этих соображений, ГАУ в мае 1915 г. определило месячную потребность в 800 пулеметов.

Расчет этот тогда же был одобрен начальником ГУГШ.

Следует признать, что именно ГАУ впервые обратило серьезное внимание на необходимость усиления нашей армии пулеметами. Те же органы, на прямой обязанности которых лежало быть на страже этой потребности (ГУГШ, Ставка, Совещание по обороне), все это время безмолвствовали.

Затем изменение указанной нормы — 800 пулеметов в месяц — последовало дважды в том же 1915 г.

Первый раз в ГАУ поступило письмо помощника военного министра генерала Беляева на имя помощника военного министра г.-л. Лукомского (от 22—23 августа (4—5 сентября) за № 6790) о необходимости сформирования, сверх существующих пулеметных команд, еще особых пулеметных команд 8-пулеметного состава по числу 616 пехотных, 79 кавалерийских и 177 казачьих полков, а всего для 872 команд, для чего требуется 6 976 пулеметов. Сверх того, необходимо было отпустить пулеметы в 180 запасных батальонов — по 4 пулемета, в 10 запасных кавалерийских полков — по 2 пулемета, в 60 запасных сотен — по 2 пулемета на каждые 6 сотен и на 19 военных училищ и 24 школы подпрапорщиков — по 4 пулемета.

И еще 50% — в запас.

Наконец, 12 (25) сентября последовало приказание военного министра о том, что нормой снабжения армии пулеметами надлежит считать по 2 пулемета на роту.

На основании всех этих требований, для удовлетворения которых давался срок до 14 (27) января 1917 г., т. е. 15 месяцев, был составлен приводимый ниже окончательный расчет ежемесячной потребности в пулеметах.

Для снабжения 616 пехотных полков 2 пулеметами на роту и 256 кавалерийских и казачьих полков 8 пулеметами на полк, за вычетом состоящих на вооружении 2 196 пулеметов, требуется 19 564 пулемета;

для снабжения 180 запасных батальонов 720 пулеметов; итого — 20 284 пулемета.

50% в запас — 10 886 пулеметов; всего — 31 170 пулеметов.

Это составляет на каждый месяц: 31 170 : 15 = 2 078 пулеметов *.

Удовлетворить эту потребность стало задачей ГАУ.

Параллельно с этим, интересно привести подсчеты потребности в пулеметах, составленные Ставкой к приезду в Петроград Междусоюзной конференции, т. е. к 1 (14) января 1917 г.

На три периода с общим начальным сроком: 1 января 1917 г. и с конечным — 1 июля 1917 г., 1 января 1918 г. и 1 июля 1918 г., была исчислена следующая потребность в пулеметах.

На первый период (на 6 месяцев).

Ежемесячно		600 × 6 = 3 600
Единовременно	Для доведения до 24 пул. на полк	— 13 000
	Пулеметов Кольта (для образования пулеметных команд 8 пулеметного состава: для пехоты — 7 200, для кавалерии — 1 350 и в запас — 1 450)	— 10 000
	Ружей-пулеметов (в том числе Льюиса и Шоша) — по 128 на пехотный и по 36 на кавалерийский полк и 10% запаса	— 110 000
Итого на 6 месяцев пулеметов		26 600
„ „ „ ружей-пулеметов		110 000

Если удовлетворение этой потребности можно было распределить равномерно на 6 месяцев, то на каждый из них пришлось бы по 4 430 пулеметов и около 20 000 ружей-пулеметов.

На второй период (12 месяцев).

Ежемесячно		600 × 12 = 7 200
Единовременно	Пулеметов	13 000
	Пулеметов Кольта	10 000
	Ружей-пулеметов	110 000
Итого на 12 месяцев		30 200 пулемет.
„ „ „ „		110 000 р.-пул.

На третий период (18 месяцев).

Ежемесячно		600 × 18 = 10 800
Единовременно	Пулеметов	13 000
	Пулеметов Кольта	10 000
	Ружей-пулеметов	110 000
Итого на 18 мес.		33 800 пулемет.
„ „ „ „		110 000 р.-пул.

* Журнал Ос. совещания по обороне (подгот. артил. комиссии) от 9 (22)—X—15 г.

Таким образом, удовлетворив потребность 1917 г., на первое полугодие 1918 г. останется ежемесячная потребность в 600 пулеметов *.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПУЛЕМЕТАХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Справиться с задачей снабжения армии пулеметами, представшей пред ГАУ во время войны, было очень трудно, так как в России пулеметы изготовлялись в недостаточном количестве, а все заграничные пулеметные заводы были загружены до предела, и приходилось принимать исключительные меры, чтобы как-нибудь втиснуть и наши заказы. Конечно, рассчитывать на очень короткие сроки было нельзя. Строить же в России новые пулеметные заводы или переоборудовать для этой цели уже существующие, с расчетом на скорый выход пулеметов, ранее 2—3 лет, было немыслимо, так как пулеметное производство, включая в себе ружейное, как часть, гораздо сложнее и труднее его: предельная точность в нем — полтысячной дюйма, в то время, как в ружейном — одна тысячная; некоторые же части замка пулемета не терпят никакого допуска и пригоняются «в притирку», т. е. должны быть изготовлены с точностью самих лекал, чего в ружейном производстве нет совсем. После этого понятно, что если установление ружейного производства представляет громадные затруднения, даже для солидных механических заводов (хотя бы и первоклассных, но не изготовлявших раньше оружия), то тем непосильней была задача браться за производство пулеметное, да еще с условием получения быстрых результатов.

Это было совершенно ясно для ГАУ, которое поэтому и не пыталось помещать заказы на пулеметы иначе, как на заводы, уже раньше изготовлявшие их. Все же поступавшие в ГАУ предложения на этот счет были либо явно посредническими, рассчитанными на получение солидного куртажа с казны, либо технически безграмотными, либо просто мошенническими. Тем не менее, и с такими предложениями приходилось много возиться и тратить на них время и энергию.

Изготовление пулеметов в России.

Прежде всего было оказано максимальное давление на свои оружейные заводы, которые, находясь к началу мировой войны в несколько «замороженном» состоянии и в отношении изготовления пулеметов, усилили во время войны свою производительность почти в 17 раз, до следующих совершенно непредвиденных огромных размеров (табл. 8).

Несмотря на столь блестящие, совершенно исключительные успехи, достигнутые нашими оружейными заводами, пулеметов все-таки оказалось далеко недостаточно для удовлетворения потребности фронта.

---

* По поводу исчисления потребностей для Междусоюзной конференции см. об'яснение выше.

ТАБЛИЦА 8.

Месяца	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
В январе	72	216	560	1 200
„ феврале	40	224	624	1 004
„ марте	68	232	752	1 200
„ апреле	48	256	752	1 116
„ мае	48	301	800	1 160
„ июне	48	340	904	960
„ июле	32	366	1 000	740
„ августе	112	412	1 080	740
„ сентябре	176	440	1 120	880
„ октябре	176	472	1 136	1 040
„ ноябре	192	488	1 144	940
„ декабре	172	504	1 200	440
Итого	1 184	4 251	11 072	11 420
всего	27 927 пулеметов.			

Предложения пулеметов и ружей-пулеметов.

ГАУ еще в конце 1914 г. предприняло ряд мер по отысканию пулеметов в Англии и Америке. Английские заводы, вследствие запрещения своего правительства, сильно нуждавшегося в пулеметах, наотрез отказались притти к нам на помощь. Удалось в январе 1915 г. заказать только 1 000 пулеметов Кольта в Америке. Там же в феврале было заказано еще 1 000 ружей-пулеметов системы Льюиса. Конечно, эти 2 000 заказанных пулеметов — лишь в ничтожной мере могли удовлетворить возникшую в них потребность.

В виде иллюстрации и для характеристики кругов и лиц, проявивших аппетиты к наживе на поставке пулеметов для нашей армии, приводим одно из предложений, исходившее от очень солидных, повидимому, кругов Англии *.

9 (22) апреля 1915 г. г.-м. Рубан донес из Лондона, что к нему поступило предложение, подписанное бывшим военным министром Англии, Эдуардом Уордом, на поставку 20 000 пулеметов Кольта по 7 000 франков за пулемет, со сроком исполнения всего заказа к сентябрю 1915 г. Г.-м. Рубану было отвечено на это, что, хотя предложение само по себе и интересно, тем не менее, возникают сомнения в его исполнимости, так как Кольт заключил уже с русским правительством контракт, но только на 1 000 пулеметов, по цене 650 долларов, и притом со сроком поставки в 11 месяцев. Другие же фирмы, могущие изготовлять пулеметы Кольта, опасаются вмешательства этого последнего, вследствие нарушения его патентных прав.

* „Отчет Особой распор. комиссии по артил части", стр. 54, 55.

В ответ на это г.-м. Рубан телеграммой от 28 апреля (11 мая) указал на то, что запрошенный им Эдуард Уорд об'яснил, что предложение это исходит от синдиката, образовавшегося для приготовления пулеметов и законтрактовавшего 18 наиболее сильных фабрик. Пулеметы, изготовляемые этим синдикатом, — усовершенствованной системы, и каждый солдат без отвертки может заменить испорченную часть запасной.

Синдикат уже имеет заказы Сербии и Румынии по указанной высокой цене, но если правительство не торопится, то с сентября одна из фабрик сможет изготовлять по несколько сот пулеметов в месяц, по цене, примерно, 4 000 франков за пулемет.

На это г.-м. Рубану было отвечено 30 апреля (13 мая), что если фирма не отказывается от первоначальных условий и согласна дать предлагавшийся прежде залог, то следует это предложение принять.

Однако, уже 8 (21 мая) выяснилось, что сомнения относительно солидности этого предложения оказались вполне обоснованными, так как поставщики старались выговорить себе удлиненные сроки, а главное, скрывали сведения об организации синдиката и наименования своих заводов.

12 (25) мая ген. Рубан телеграфирует, что «при переговорах Англо-русского комитета с лицами, предлагающими 20 000 пулеметов, до сих пор не установлено, какие именно заводы будут изготовлять таковые и какие банкирские дома финансируют синдикат. Налицо признаки стремления получить контракт, а уж потом внести залог, что колеблет солидность дела; исследования продолжаются, но полной уверенности в благополучии заказа нет».

16 (29) мая ген. Рубан признается, что в этом деле он сделался жертвой обмана, так как условие представленного проекта во всех отношениях не соответствует первоначальному предложению. Впоследствии выяснилось, что все это дело было мошенническим предприятием, ибо в действительности никакого синдиката совсем не существовало и не существует.

Неплохо — бывший военный министр Англии не брезгал темными делишками, когда дело касалось хорошей наживы. Что же было требовать от всякого рода «международных» спекулянтов, которые, как воронье, целыми стаями кружились над нашими военными агентами и посольствами за границей и обивали пороги во всех учреждениях и у всех лиц, мало-мальски имеющих вес в Петрограде.

Узнав с самого начала войны цену всех таких предложений, ГАУ имело перед собой только два выхода: добиваться за границей помещения наших заводов на работающих уже пулеметных заводах и, сколько возможно, усиливать производительность своего завода. Этими путями оно и пошло.

После усиленных хлопот удалось, при содействии наших союзников, разместить за границей заказы на следующее количество пулеметов и ружей-пулеметов с конечными сроками не позже 1916 года:

В АМЕРИКЕ:	Заказано		Получено до 1 января 1917 г.
Фирме Кольта	2 850		9 437
Заводу Марлин (на пулем. Кольта)	12 000		
Заводу Соваж (на пулем. Льюиса)	10 000		
Заводу Бирминаль (на пулем. Льюиса)	1 000		
В АНГЛИИ:			
Фирме Виккерса, вместе с Кольтом и Пратт и Витней (на пулем. Максима под наш патрон).	10 000	128	628
Ружей пулеметов Гочкиса	500	540	
ВО ФРАНЦИИ:			
Ружей пулеметов Шоша	4 800		500
Всего до 1917 г.	41 150		10 565

Затем в течение 1917 г. (по 1 окт.) было получено еще:

Из Америки:	Пулеметов Максима	900
	„ Кольта	13 871
	Ружей „ Льюиса	9 600
Аз Англии:	„ „ „	1 862
Из Франции:	„ „ Шоша	5 600
	Итого	31 833

Всего было получено из-за границы разных пулеметов — 42.398.

В то же время, благодаря принятым мерам, развитие русского пулеметного производства шло таким поразительным темпом, что являлась вполне обоснованная (и целиком оправдавшаяся) надежда на достижение к концу 1916 г. ежемесячного выпуска 1 200 пулеметов или до 15 000 в год. Это вместе с заказанными 32 000 пулеметов должно было даже с избытком удовлетворить задание Ставки.

Тем не менее, ГАУ было предложено подвергнуть подробному обсуждению четыре предложения на постройку пулеметного завода в России: одно — от известного киевского миллионера М. И. Терещенко; другое — от не менее известного владельца образцового машиностроительного завода инженера И. А. Семенова, третье — от очень сомнительного русского акционерного общества «Пулемет», предлагавшего установить пулеметное производство в России при посредстве американских технических сил (видный представитель которых, инженер Беккер — тонкий специалист именно по пулеметному делу, действительно приехал в Россию для деятельного изучения условий постройки завода); четвертое — от Датского оружейного синдиката, через его представителя Д. Л. Лурье, на изготовление ружей-пулеметов усовершенствованной системы Мадсена под русский патрон.

М. И. Терещенко * предлагал устроить завод для изготовления пулеметов образца Максима, облегченного типа, с производительностью до 40 пулеметов в сутки для производства 10 000 штук в сроки: изготовление пробной партии через 12—18 месяцев со дня подписания контракта, затем в следующие 6 месяцев от 1 000 до 1 500 штук, в следующие 6 месяцев от 3 до 4 тысяч пулеметов и в последующие 6 месяцев все остальное количество; вся поставка заканчивается через 3 года со дня подписания контракта. Цена пулемета — 2 700 руб., из них 800 руб. амортизации. Всего на полную амортизацию завода отчисляется 8 млн. рублей (6 млн. оборудование и 2 млн. земля и здание). По окончании заказа завод со всем оборудованием и запасами материалов либо поступает бесплатно в собственность казны, либо эксплоатация продолжается на началах нового договора. Новому предприятию должны быть предоставлены авансы, перевозки, валюта, техническая помощь, необходимое количество стволов и пр.

Владелец машиностроительного завода инженер-технолог И. А. Семенов просил предоставить его Петроградскому заводу заказ на 10 000 пулеметов по образцу казенного оружейного завода 1905 г. по 2 800 руб. за штуку, с обязательством в течение первого года со дня подписания контратка сдать пробную партию в 100 штук; в течение второго года — 4 000 и в течение третьего года закончить заказ. Общая стоимость заказа — 28 млн. рублей. При подписании контракта выдается без обеспечения первая часть аванса в размере 10% стоимости заказа, через 4 месяца вторая часть — 15%, через 14 дней по сдаче первой пробной партии — 15%.

Заводу должно быть предоставлено право получать материалы и полуготовые изделия от казенных заводов.

По другому заявлению Семёнова предлагается поставка 10 000 пулеметов системы Парабеллум (модель 1913 г.) по 2 600 руб. за штуку — совершенно на тех же основаниях, как и первое предложение.

Конечно, первое из этих предложений, т.-е. Терещенки, нельзя было признать серьезным, так как автор его рассчитывал построить завод не только на средства казны, но и оборудовать и установить производство исключительно техническими силами наших казенных оружейных заводов, которые он предполагал привлечь к себе (т.-е. попросту сманить) крупными денежными ставками. При этом роль самого Терещенки сводилась к роли «директора правления», «души предприятия» и главного, конечно, «загребателя» барышей.

Более серьезным было предложение опытного и талантливого инженера-заводчика Семенова, который пошел на это, недостаточно глубоко ознакомившись с трудностями пулеметного производства и, несомненно, переоценивая свои силы и силы своего завода. Когда же ему пришлось, что называется, «вложить персты в язвы», после основательного и де-

* „Журнал подгот. комиссии по артил. вопросам при Особом совещании по обороне“ 29/I—1916 г.

тального изучения этого дела (что он сделал, к сожалению, после подачи заявления), — то он убедился в непосильности этой задачи и отказался от своего заявления.

Оба эти предложения обещали поставку 10 000 пулеметов в трехгодичный срок (т. е. примерно к апрелю 1919 г.), причем первая половина срока пропадала на организацию и установление производства. Между тем, казенный пулеметный отдел, работая даже с успехом, достигнутым им к концу 1916 г., мог дать к этому сроку до 50 000 пулеметов. При этом казне не пришлось бы переплачивать каждому заводу минимум по 15 миллионов рублей, так как казенный пулемет с двумя запасными стволами обходился по 1 370 рублей, а Терещенко и Семенов требовали по 2 700—2 800 рублей, при условии предоставления им казенных стволов, казенных полуфабрикатов и других льгот.

О предложении акционерного общества «Пулемет» не стоило бы, строго говоря, и упоминать, до того оно было явно спекулятивного характера, если бы не приезд из Америки по приглашению общества инженера Беккера, который должен был (в случае принятия казной предложения «Пулемета») возглавить техническую часть будущего завода. Этот инженер, оказавшийся действительно большим знатоком и, что еще важнее, практиком пулеметного производства, начал с просьбы дать ему разрешение осмотреть наш пулеметный отдел. Такое разрешение, конечно, ему было дано и он основательно познакомился с постановкой у нас пулеметного дела. После осмотра он официально заявил военному министру Поливанову, что он поражен всем виденным, что ничего подобного он не ожидал увидеть в России, что и в Америке такая постановка пулеметного производства считалась бы исключительной и что ему «положительно нечему учить русских», а потому ему остается только вернуться во-свояси. В заключение он передал военному министру копию статьи о нашем оружейно-пулеметном производстве, написанной им для известного технического журнала «Американ-Машинист» и представляющую собой сплошной панегирик нашим заводам. Только после этого засвидетельствования иностранного специалиста и наши власти стали как будто замечать выдающиеся успехи своих заводов, хотя на меры поощрения русских талантливых тружеников техники шли попрежнему очень туго. А заслуги их в пулеметном деле действительно таковы, что о них следует сказать особо.

Первоначально русская армия снабжалась пулеметами Максима, патент на которые принадлежал фирме Виккерс. Пулеметы получили впоследствии название «тяжелых», так как вес их достигал 1 пуда 38 фунтов.

Во время снабжения Виккерс предложил новый тип «легкого» пулемета, образцы которого, однако, не выдерживали испытания. Тогда в этом типе пулемета наши техники спроектировали ряд изменений, которые привели к типу пулемета, получившего название «облегченного», весившего около 1 пуда 14 фунтов. Этим образцом и продолжалось дальнейшее снабжение армии. Производя затем дальнейшее усовершенствование

над позднейшими типами легких пулеметов, наш пулеметный отдел разработал окончательный тип «легкого» пулемета, весившего первоначально только 1 пуд 1 фунт, а после окончательного упрочнения — 1 пуд 6 фунтов. Пулеметами этого последнего типа решено было вооружить части конницы. Кроме того, по выполнении всей программы снабжения пулеметами, решено было переделать по типу «облегченного» все «тяжелые» пулеметы, состоявшие в войсках на вооружении. К этой последней операции и было приступлено в 1914 г.

Вопреки доводам, представленным ГАУ, «легкие» пулеметы для конницы были заказаны не своему казенному заводу, который в сущности и разработал окончательно их тип, а фирме Виккерс в Англии. Фирма эта выполнила контракт неисправно, опоздав с поставкою чуть ли не на полтора года. К тому же, поставленные пулеметы на службе, уже во время войны, оказались непрочными и потребовали исправления. Заказ этот был дан Виккерсу по приказанию бывшего военного министра ген. Сухомлинова. Совет министров в журнале от 2 ноября 1912 г., также отнесся к этому заказу неодобрительно.

Словом, не только не был поддержан свой завод достаточными нарядами, но у него была вырвана та работа, которую он должен был получить по всем правам. Это делалось в то напряженное время, когда вероятность войны считалась почти неизбежной. И завод морили на каких-то 60 пулеметах в месяц вместо того, чтобы дать ему представившуюся возможность развернуть свою работу до возможных пределов.

Как видно из таблицы 8, в месяц об'явления войны мы имели возможность изготовить у себя всего 32 пулемета, а в три предшествовавших — по 48. И вот с такой производительности мы через 16 месяцев войны дошли до 1 200 в месяц! Надо знать всю сложность и тонкость пулеметного производства, чтобы по заслугам оценить такой поистине поразительный успех. С уверенностью можно сказать, что по этой части Россия установила мировой рекорд пулеметного производства.

Наконец, остается еще сказать о заявлении датского оружейного синдиката, предложившего построить в России завод для изготовления ружей-пулеметов систем Мадсена, последнего усовершенствованного образца, под русский патрон.

Ружья-пулеметы в России не изготовлялись совсем. Своей системы таких ружей у нас не было и только в самое последнее перед войной время было приступлено к изготовлению первой пробной партии (в 100 штук) автоматических винтовок системы полковника Федорова, но с об'явлением войны эту работу было приказано приостановить, так как она, якобы, не могла дать результатов в эту войну.

Между тем, у наших противников, наряду с обычными пулеметами, стали появляться и ружья-пулеметы, которые в значительной степени усиливали огонь пехоты, особенно кавалерии. Поэтому необходимо было и нашу армию снабжать таким же оружием, в виду чего ГАУ были сделаны заказы за границей. Но так как, с одной стороны, этих заказов сперва было недостаточно, а с другой — ненадежность, долгосрочность и

невыгодность их были совершенно очевидны, то являлась необходимость серьезно поставить на очередь вопрос постройки в России своего завода, изготовляющего ружья-пулеметы, или выполнении этой работы одним из существующих оружейных заводов.

Однако, заводы эти никак нельзя было сбивать с работы, на которой они приобрели уже мощную инерцию и расстраивать которую было совершенно недопустимо.

Поэтому было решено подвергнуть всестороннему обсуждению заявление датского оружейного синдиката, который имел уже за границей несколько действующих заводов, изготовляющих ружья-пулеметы, и предлагал перевести в Россию целиком один из них (вместе с оборудованием, мерительным и рабочим инструментом, а также необходимым персоналом опытных техников и мастеров в качестве инструкторов) для установления этого производства русскими рабочими.

В виду такого предложения, имевшего характер лишь переноса на новое место уже функционирующего, т.-е. вполне налаженного производства и при возможности перехода по окончании заказа завода в казну, ГАУ признало это предложение заслуживающим внимания и подвергло испытанию новый образец ружья-пулемета Мадсена. Испытание, произведенное в офицерской стрелковой школе в Ораниенбауме при участии полк. Федорова, дало вполне удовлетворительные результаты. По заявлению последнего ружье-пулемет Мадсена заслуживало заказа предпочтительно перед ружьем его изобретения. Эти результаты были сообщены в Ставку и оттуда был получен ответ о возможности дать заказ синдикату, в первую очередь на 15 000 ружей-пулеметов. Вся же потребность в таких пулеметах определялась на срок до 1 (14) июня 1917 г. в 110 000 штук. В виду недоверия, которое было возбуждено этим предложением, а также, несомненно, высокой цены (наша цена настоящего пулемета — 1 370 руб., а здесь цена ружья-пулемета около 1 500), — вопрос о принятии его был решен спустя лишь 9 месяцев после подачи заявления; постройка завода по заказу на 15 000 ружей-пулеметов разрешена на основании утвержденного журнала Совета министров от 8 (21) сентября 1916 г., причем расход казны на указанную постройку, согласно договора, заключенного ГАУ с первым Руским Акц. Об-вом ружейных и пулеметных заводов, определялся так.

Цена одного ружья-пулемета с запасными частями и принадлежностями, согласно спецификации, и с укупоркой 1 733 руб. 30 коп., причем в означенную цену входит часть стоимости и оборудования завода в размере, по указанию общества, 220 руб. 80 коп. Стоимость всей поставки равна 25 999 500 руб.

Начало производства заподряжаемых ружей-пулеметов определялось через шесть месяцев со дня подписания договора.

Втечение первых шести месяцев от начала производства общество должно было сдать артиллерийскому ведомству 4 000 ружей-пулеметов с соответствующим количеством запасных частей и принадлежностей, согласно спецификациям; из этого количества к первому июля 1917 г.

должно быть сдано 1 000 ружей-пулеметов, к октябрю того же года должно быть сдано всего 4 000 ружей-пулеметов; затем втечение каждого из последующих месяцев должно быть сдано по 1 000 ружей-пулеметов, с соответствующим количеством запасных частей и принадлежностей, согласно спецификации.

Революция 1917 года помешала постройке и оборудованию завода в срок.

ИТОГИ БОЕВОГО СНАБЖЕНИЯ ПУЛЕМЕТАМИ.

Исчисление пулеметов по мобилизационному расписанию, составленному ГУГШ в 1910 г., оказалось, как и в отношении винтовок, не отвечающим потребностям войны.

1. Согласно последнего перед войной мобилизационного задания, в войсках и в запасах должно было состоять к 1 (14) января 1915 г. 4 990 пулеметов.

2. Фактически к этому сроку было подано 4 985 пулеметов, и можно считать, что ГАУ было исполнено данное ему по этой части задание.

3. Относительно дальнейшего (на время войны) снабжения нашей армии пулеметами никаких особых норм Главным управлением генерального штаба и Главным штабом установлено не было, существовало только общее мобилизационное задание — о пополнении в случае войны всех существовавших «запасов военного времени» втечение годичного срока. И так как пулеметный запас военного времени был исчислен в 454 пулемета, то производительность наших казенных заводов, рассчитанная на максимальный выпуск до 700 пулеметов в год, казалась удовлетворяющей заданию. Пулеметный отдел наших заводов влачил жалкое для предстоявшей ему деятельности существование, изготовляя перед самой войной (в начале 1914 г.) в среднем по 48 пулеметов в месяц (326 пулеметов в 7 месяцев), и ничто не предсказывало, что ему придется увеличить свою производительность в 25 раз. А за два года перед тем, несмотря на протест ГАУ, у наших оружейных заводов буквально был вырван и передан Виккерсу в Англию заказ на «облегченный тип» пулемета, выработанный именно русским пулеметным отделом.

Несмотря на все это, наши оружейные заводы, проявив сверхчеловеческие усилия, добились через год с небольшим результатов, достойных быть занесенными на страницы истории русской промышленности.

4. Почти втечение целого первого года войны ни общей потребности на пулеметы, ни норм снабжения ими не пред'являлось ГАУ ни Ставкой, ни ГУГШ; поступали лишь отдельные и случайные требования фронтов и армий. И только в мае 1915 г. ГАУ, сводя и систематизируя эти требования, само почти ощупью выработало первую норму месячного довольствия пулеметами в 800 штук. Эта норма, одобренная начальником ГУГШ в конце мая, была затем дважды изменена, и в конечном результате была установлена ежемесячная потребность в 2 078 пулеметов, т.-е. превосходящая в три раза нашу наибольшую годовую производительность до войны.

Вот каковой оказалась наша «предусмотрительность» по части пулеметов.

5. О ружьях-пулеметах и автоматических винтовках и о необходимости иметь их в виде нормального вооружения армии — до войны не было и речи. Вырабатывалась только автоматическая винтовка Федорова, но особенного значения этому оружию не придавалось. Очевидно, оно считалось оружием отдаленного будущего, тем более, что купленные в 1904 г. 1 000 ружей-пулеметов Мадсена были признаны неудовлетворительными по опыту Русско-Японской войны и после нее были сданы в крепости. Правда, скоро после начала мировой войны о них вспомнили (как и о берданках), и кавалерийские части, что называется «с руками», рвали их у ГАУ, которое и собрало, что сохранилось в крепостях, и роздало в кавалерию. И так как больше ничего у нас не было, а спрос на такое оружие уже явно сказывался, то пришлось прибегнуть к заказам за границей и пойти на упомянутое выше мало выгодное предложение датского оружейного синдиката.

6. Размещение наших заказов на пулеметы за границей следует признать произведенным с некоторым запозданием. Вину в этом следует возложить прежде всего на руководящие органы: ГУГШ и Ставку, а затем и на ГАУ, которое, как более грамотное в таких вопросах и уже по многим признакам угадывавшее истинный масштаб этой войны, должно было бить настоящую тревогу, чтобы его набат дошел и до очень тугих на ухо.

7. В таблице 9 сведены все поступления пулеметов в армию во время войны 1914—1917 гг.

ТАБЛИЦА 9.

	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Состояло в войсках и запасах к началу войны	4 157	—	—	—	4 157
Поступило с казенных заводов	828	4 251	11 072	11 420	27 571
Поступило от наших союзников	—	500	628	7 462	8 590
Поступило из Америки	—	557	8 880	24 371	33 808
Взято в плен	Свед	ений		нет	ок. 2 000
А всего	4 985	5 308	20 580	43 253	76 126

Таким образом, по мобилизационным предположениям ГУГШ, составленным до мировой войны, считалось достаточным иметь в нашей

армии около 5 000 пулеметов, в действительности же война потребовала около 76 000, т. е. в 15 раз больше предположенного.

Действительная убыль пулеметов в действующей армии за 2½ года войны (1914—1916 гг.) составляла, как видно из приводимых ниже цифр, около 15 000 штук:

Фактически состояло к 20 июля 1914 г. 4 157. Поступило с начала войны по 1 января 1917 г. около 27 000. Всего около 31 200. Фактически состояло в армии к 1 января 1917 г. * около 16 300. Убыль пулеметов — около 14 900.

* По сведениям Ставки (Упарта) для Междусоюзнической конференции.

III

СНАБЖЕНИЕ ОРУДИЯМИ

НОРМЫ СНАБЖЕНИЯ И ПОТРЕБНОСТЬ В ОРУДИЯХ.

КОЛИЧЕСТВО ОРУДИЙ В ЧАСТЯХ АРТИЛЛЕРИИ И В ЗАПАСАХ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ.

Мировая война застала русскую полевую артиллерию с так называемой «новой организацией», определявшей состав полевой артиллерии, численность ее батарей и количество орудий.

Эта «новая организация» была разработана ГУГШ почти без участия представителей от ГАУ и утверждена 16 (29) мая 1910 г. Она послужила основанием к составлению ГУГШ, без всякого участия ГАУ, «мобилизационного расписания 1910 г.», действовавшего до самой войны.

Русская полевая артиллерия подразделялась на легкую, горную, мортирную и тяжелую.

Как видно из доклада военному министру по ГАУ от 12 (25) мая 1910 г. за № 70 по поводу «недостатка материальной части для обеспечения полевой артиллерии», в мобилизационное расписание 1910 г. было включено, не считаясь конных и казачьих батарей *:

684 полевых легких батарей (442 действующих, 210 второочередных, формируемых при мобилизации, и 32 запасных);

45¼ горных батарей (42 действующих, 1 второочередная и 2¼ запасных);

85⅓ мортирных батарей (74 действующих, 9 второочередных и 2⅓ запасных);

60 полевых тяжелых батарей (в мирное время 24 полевых тяжелых батареи).

По существовавшей до 1910 г. организации полевой артиллерии обеспечены были орудиями с прочею материальною к ним частью:

683 полевых легких батареи;

39 горных, в том числе 13 батарей с горными пушками совершенно устаревшего образца 1883 г. и 29 мортирных батарей, из них 5 батарей имели на вооружении 6-дм. мортиры устаревшего образца, а остальные 24 батареи были снабжены гаубицами опытных образцов заводов Круппа (8 батарей), Обуховского (8 батарей), Путиловского (8 батарей), из которых, особенно последние, признавались совершенно не отвечающими своему назначению.

---

* Свод. сведений Верх. следств. комиссии „о снабжении армии полевой артиллерией“, стр. 4—6.

Полевой тяжелой артиллерии, сколько-нибудь организованной и отвечавшей современным требованиям, совсем не имелось.

Следовательно, до нормы мобилизационного расписания 1910 г. нехватало артиллерии: на 1 полевую легкую батарею; на 6¼ горных батарей; на 56⅓ мортирных батарей; на 60 полевых тяжелых батарей.

Для вооружения включенных в мобилизационное расписание 1910 г. батарей необходимо было иметь следующее количество орудий: для 684 полевых легких батарей—5 472 3-дм. скорострельных пушки; для 45¼ горных батарей—362 горных скорострельных пушки образцов 1904 и 1909 гг.; для 85⅓ мортирных батарей—512 орудий, из них 476 48-лн. гаубиц образца 1909 г. и 36 12-*см* гаубиц Круппа; для 60 батарей полевой тяжелой артиллерии—240 орудий; в том числе: для 41 батареи—164 6-дм. полевых гаубицы и для 19 батарей—76 42-лн. скорострельных пушек.

Всего для вооружения 874 + ¼ + ⅓ батарей требовалось 6 586 орудий.

Для определения же общего необходимого числа батарей и количества орудий в нашей армии, надо еще принять в расчет те батареи, которых не коснулась организация 1910 г.

72 конных батареи 6-орудийного состава, 7 конно-горных батарей 6-орудийного состава и 5 батарей Заамурского округа пограничной стражи 4-орудийного состава, всего 84 батареи при 494 орудиях;

1 батарея офицерской школы в 8 орудий.

Следовательно, наша армия к возникновению войны должна была располагать 875 легкими, горными, мортирными и тяжелыми батареями при 6 594 орудиях и 84 конными и конно-горными батареями при 494 орудиях, итого — 959 батарей при 7 088 орудиях.

Сверх орудий, находящихся на вооружении частей полевой артиллерии, содержался запас орудий с материальной частью на пополнение убыли в батареях. Для установления нормы этого запаса, называемого запасом военного времени, образованы были при ГУГШ, одновременно с проведением реформ преобразования армии в 1910 г., комиссии, возглавляемые помощником военного министра ген. Поливановым. В этих комиссиях участвовали представители от ГАУ.

Как видно из журнала одной из таких, образованной в 1910 г. при ГУГШ комиссий, о распределении артзапасов, исчисленных по новым нормам, количество запасов военного времени было определено следующим образом *:

15% запас скорострельных пушек легких и конных	842 пуш.
15% запас 48-лн. гаубиц	74 гауб.
15% запас 3-дм. горных пушек	57 пуш.
10% 6-дм. гаубиц	16 гауб.
10% 42-лн. пушек	8 пуш.
Всего	997 ор.

* Свод сведений Верх. следств. комиссии „о снабжении армии полевой артиллерией", стр. 6—8.

В упомянутом докладе (от 12 (25) мая 1910 г. № 700) начальник ГАУ, подробно останавливаясь на каждой касающейся артиллерии статье мобилизационного расписания 1910 г., высказал свои серьезные опасения о возможности своевременно обеспечить полевой артиллерией согласно этого расписания. ГАУ не только не было привлечено к составлению мобилизационного расписания, но даже не посвящалось в ход работ специально в артиллерийской его части. ГУГШ сочло достаточным ограничиться привлечением в комиссию г.-м. Обручева, представителя ГАУ лишь для обсуждения вопросов о нормах запасов военного времени. При разрешении же общих вопросов по реорганизации полевой артиллерии, составе ее и численности ГУГШ действовало совершенно самостоятельно и независимо от ГАУ.

В результате такого отношения в составленном мобилизационном расписании 1910 г. вовсе не был принят во внимание главнейший элемент — время, необходимое для изготовления недостающей материальной части артиллерии. Кроме того, вся работа составления этого расписания приобрела чисто академический характер, так как авторы его знали только одно: ставить требования, вовсе не считаясь с тем, каким образом и на каких заводах должны и могут быть исполнены эти требования. Как будто никому и в голову не приходило, что для своевременного их выполнения, а главное—для дальнейшего разрешения задач, которые неизбежно ставятся все прогрессирующим развитием военной техники у наших соседей,—в первую очередь необходимо соответствующее развитие своих заводов и подготовка своих техников, и что вовсе недостаточно одно только «изыскание денежных средств» по простому арифметическому подсчету определенной потребности.

Так или иначе, но вопрос был решен и притом без участия ГАУ, которое было поставлено перед требованиями, явно для него невыполнимыми. В этом докладе (от 12 (25) мая 1910 г. № 700) ГАУ указывало, что полученное им новое мобилизационное расписание (1910 г.), с одной стороны, не предусматривает некоторых потребностей, частью упущенных из вида, частью же выяснившихся после получения этого расписания (не дождавшегося окончательной разработки проекта новых штатов артиллерии), с другой—ставит такие новые потребности, на которые еще вовсе не испрошены кредиты. И так как при всем этом совершенно игнорирован элемент времени, то «боевую готовность нашей армии по мобилизационному расписанию 1910 г. в отношении артиллерии нельзя считать обеспеченной, так как до заготовления недостающей материальной части на полученные уже кредиты и на кредиты, которые необходимо еще получить, у нас не будет в достаточном количестве ни орудий с прочими относящимися к ним предметами, ни боевых припасов, чтобы при мобилизации сформировать все части полевой артиллерии, включенные в расписание 1910 г.».

Особые затруднения ГАУ предвидело в снабжении армии тяжелыми орудиями в указанном в расписании количестве, считая, что «после утверждения образцов их—потребуется на изготовление около 3 лет,

а потому проектируемая тяжелая артиллерия будет у нас не ранее 1915 или 1916 г.».

Отсюда ясна вся практическая ценность расписания, базировавшаяся на орудиях, для которых еще не были установлены и утверждены образцы.

Из приведенных выше данных видно, что для осуществления мобилизационного расписания 1910 г. требовалось восполнение значительного числа недостающих орудий и прочей материальной части, не хватавших как для новых формирований и для перевооружения уже существовавших артчастей, имевших на вооружении устаревшие орудия, так и для запасов военного времени.

ТАБЛИЦА 10.

ВИДЫ ПУШЕК		Должно было состоять: орудий	Должно было состоять: батарей	Состояло к 20 июля 1914 года	+ (излишеств) — (не хватало)
3″ полевые пушки:	в войсках . .	54[illegible]0	685	5480	
	в запасах . . .	781	—	785	
	Итого . .	6 261	685	6 265	+ 4 (0,6%)
3″ конные пушки:	в войсках . .	432	72	390	
	в запасах . . .	61	—	17	
	Итого . .	493	72	407	— 86 (18%)
3″ горные пушки:	в войсках . .	424	$57^1/_4$	408	
	в запасах . . .	57	—	32	
	Итого . .	481	$57^1/_4$	440	— 41 (9%)
48-лин. гаубицы:	в войсках . .	512	$85^1/_3$	512	
	в запасах . . .	74	—	22	
	Итого . .	586	$85^1/_3$	534	— 52 (9%)
6″ полевые гаубицы:	в войсках . .	164	41	164	
	в запасах . . .	16	—	9	
	Итого . .	180	41	173	— 7 (4%)
42-лин. пушки:	в войсках . .	76	19	76	
	в запасах . . .	8	—	8	
	Итого . .	84	19	84	0
Всего . . .		8 085	959	7 903	—182($2^1/_4$%)
Кроме того 3,4″ пушек образца 1895 г. для госуд. ополч. . . .		224	28	125	—99 (45%)
Итого		8 309	987	8 028	—281(3,38%)

Часть недостававших орудий должна была быть восполнена за счет заказов, данных ГАУ еще в 1909 г. после того, как были предрешены некоторые из формирований, включенных впоследствии в мобилизационное расписание 1910 г.

Для удовлетворения потребности в целом, ГАУ втечение 1910 г., испросив разрешение Военного совета на изготовление не хватавшего количества орудий и прочей материальной части, дало соответствующие заказы как казенным, так и частным заводам.

Заказы эти, хотя и с запозданием в отдельных случаях, были выполнены заводами к началу войны, за исключением 22 горных пушек и 28 48-лн. гаубиц, изготовление которых было окончено к половине октября 1914 г., т.-е. почти через 3 месяца после начала войны.

В таблице 10 показано, какое количество орудий должно было состоять по мобилизационному расписанию 1910 г. к началу войны и какое оказалось в действительности к 20 июля (2 августа) 1914 г.

Из таблицы 10 видно, что к началу войны артиллерийские части действующей армии, за исключением нескольких конных и горных батарей, были снабжены исправными орудиями; всего не хватало 182 орудия или 2¼% от положенного числа, главным образом, в запасах военного времени. Наибольшая нехватка ложилась на конные пушки—86 (или 18% всех конных пушек), затем на горные—41 (или 9%) и 48-лин. гаубицы—52 (или 9%).

Сама по себе такая нехватка, как 2¼%, конечно, не была бы страшна *, особенно имея в виду, что к третьему месяцу войны недостающие горные пушки и 48-лин. гаубицы были пополнены, если бы не общая слабость всей нашей артиллерии по сравнению с артиллерией наших противников.

Это сравнение необходимо привести, чтобы ясно было, в каком положении находились борющиеся стороны по отношению к артиллерии— этому могущественнейшему фактору современной войны.

СРАВНЕНИЕ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ С ГЕРМАНСКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ.

По данным ГУГШ *, к 1 января 1912 г. организация и численность германской артиллерии представлялись в следующем виде.

Вся германская артиллерия подразделялась на полевую и пешую.

Полевая артиллерия была сведена в бригады: в каждой бригаде по 2 артиллерийских полка; каждый полк из 2 отделений трехбатарейного состава; в каждой батарее по 6 орудий.

Кроме того, имелось 22 конных батареи.

Пешая артиллерия сводилась в бригады, состоящие из двух полков; полки подразделялись на батальоны 4-батарейного состава. Эта артиллерия предназначалась для формирования в военное время: тяжелой артиллерии полевой армии; осадной артиллерии; крепостной артиллерии; береговой артиллерии.

* Вооруженные силы „Германии“ изд. ГУГШ 1914 г.

Все батальоны полевой тяжелой артиллерии были вооружены 15-*см* гаубицами и 21-*см* мортирами.

Эти орудия входили также в состав вооружения осадной артиллерии.

Каждый гаубичный батальон тяжелой артиллерии состоял из 4 батарей по 4 орудия в батарее, а каждый мортирный батальон из 2 батарей по 4 орудия в батарее.

В военное время к каждому корпусу придавалось по одному тяжелому гаубичному батальону; остающиеся же тяжелые гаубичные батальоны, а также мортирные батальоны полевой тяжелой артиллерии предназначались для передачи в распоряжение командующих армиями для решения специальных задач. Для этих же целей приспособлялись и осадные орудия.

В 1911 г. рейхстагом был принят закон, определивший численность армии до 31 марта 1916 г.

Согласно этим данным, германская артиллерия как полевая, так и пешая, втечение указанных 5 лет должна была значительно увеличиться. Особенно должна была увеличиться численность артиллерии в военное время.

По приблизительным данным, добытым ГУГШ, к 1 января 1914 г. численность германской артиллерии, считая артиллерию постоянных войск, резервных, ландвера, запасных войск и ландштурма, с конными батареями, выражалась в следующих цифрах: 1 149 легких полевых батарей, 150 батарей легких гаубичных и 33 конных батареи, всего 1 332 батареи при 7 992 легких орудиях.

Вся тяжелая артиллерия состояла из 381 тяжелой батареи при 1 396 орудиях, из них 100 батарей исключительно полевых тяжелых при 400 тяжелых орудиях; остальные 281 батарея при 996 орудиях составляли осадные формирования и пр.

Итого, по данным к 1 января 1914 г., состояло полевой артиллерии, считая и тяжелую, но без осадной—1 432 батареи при 8 392 орудиях, да 281 тяжелая батарея при 996 тяжелых орудиях, а всего 1 713 батарей при 9 388 орудиях.

До войны и во время войны шли усиленные новые формирования полевой тяжелой артиллерии, предусмотренные еще в мирное время законом 1911 г., а также формирования, вызванные обстоятельствами военного времени.

По имеющимся в ГУГШ сведениям, германцы для формирования частей полевой тяжелой артиллерии использовали и осадную артиллерию, имеющую на вооружении такие же орудия, как и полевая тяжелая артиллерия.

Австро-венгерская артиллерия состояла из артиллерийских частей имперской армии, австрийского ландвера и венгерского гонведа и подразделялась на полевую, горную, конную и тяжелую артиллерию, сведенную в полки *.

* Краткий очерк вооруженных сил Германии, Австро-Венгрии и Румынии к 1 января 1914 года и вооруженные силы Австро-Венгрии.

В состав каждого полка входили 6 пушечных и 2 легких гаубичных батареи по 6 орудий в батарее. Тяжелые гаубичные дивизионы состояли из 2 батарей 4-орудийного состава. Горные артиллерийские полки имели по 5 батарей в каждом полку.

По имеющимся в распоряжении Верховной следственной комиссии данным ГУГШ к 1 января 1914 г., согласно боевого расписания на 1913 г., численность австро-венгерской артиллерии, считая и конные батареи, представлялась в следующем виде: пушечных батарей 298 при 1 788 легких орудиях, гаубичных легких батарей 132 при 792 орудиях, 33 конных батареи при 132 орудиях, 42 тяжелых батареи при 168 тяжелых орудиях; горных батарей—60 пушечных и 38 гаубичных при 240 горных пушках и 152 гаубицах. Кроме того, в австро-венгерской армии состояло 85 запасных батарей при 478 орудиях и 97 осадных батарей при 338 орудиях.

Итого, по данным к 1914 г., состояло 785 батарей при 4 088 орудиях

Во время войны в австро-венгерской армии, так же как и в германской, шли новые усиленные формирования артиллерийских частей.

По сведениям ГУГШ, оказались вновь сформированными к маю 1915 г., по приблизительному расчету, следующее число батарей: полевых пушечных (имперских, ландверных и гонведных) 68 батарей при 408 орудиях, горных 32 при 192 орудиях, 9 конных батарей при 54 орудиях, гаубичных 30 при 180 орудиях и тяжелых 26 при 104 орудиях; кроме того, 8 батарей 30,5-*см* гаубичных при 32 орудиях.

Итого вновь сформировано 173 батареи с 970 орудиями.

Сравнивая численность нашей артиллерии в военное время с численностью германской, видно, что последняя значительно превышала нашу количеством батарей и орудий. В военное время мы имели 959 батарей при 7 088 орудиях, а Германия располагала 1 432 батареями при 8 392 орудиях, т.-е. на 473 батареи и на 1 304 орудия больше, чем наша армия. Если же принять во внимание, что к началу войны в наших батареях состояло 7 030 орудий (58 не хватало), и что у германцев с осадной артиллерией, принимавшей участие даже в маневренный период мировой войны, было всего 1 713 батарей при 9 388 орудиях, то относительная слабость нашей артиллерии, по сравнению с германской, обнаружится еще резче.

Что касается Австро-Венгрии, то если присоединить к имевшимся по боевому расписанию 1913 г. 785 батареям еще сформированные к маю 1915 г. 173 батареи при 970 орудиях, повидимому, имевшихся в виду при составлении боевого расписания на 1914 г.,—общая численность австро-венгерской артиллерии выразится в 958 батарей при 5 058 орудиях, т.-е. на 1 батарею меньше и на 2 030 орудий меньше, чем в нашей полевой артиллерии.

Наглядное соотношение наших артиллерийских сил и сил наших противников видно из сопоставления числа батарей и орудий, приходящихся по данным 1914 г. на пехотную дивизию при двухдивизионном составе корпуса.

Ко времени войны в нашей армии на каждую пехотную дивизию полагалась артиллерийская бригада, состоявшая из 6 легких батарей по 8 орудий в каждой и одной мортирной батареи, вооруженной 6 легкими гаубицами; итого 7 батарей при 54 орудиях *.

В Германии на пехотную дивизию приходилась артиллерийская бригада из 12 полевых легких батарей (в том числе 1½ легких гаубичных батареи) по 6 орудий в батарее и 2 полевых тяжелых гаубичных батареи 4-орудийного состава; итого 14 батарей при 80 орудиях.

В Австро-Венгрии на каждую пехотную дивизию приходилось 6 пушечных батарей по 6 пушек в батарее, 2 гаубичных батареи по 6 легких гаубиц в батарее, 1 батарея из 4 тяжелых гаубиц и ½ горной батареи при 2 орудиях; итого 9½ батарей при 54 орудиях.

Таким образом, в Германии на пехотную дивизию приходилось вдвое более батарей, чем у нас, и число орудий превышало на 26, а в Австро-Венгрии на пехотную дивизию приходилось на 2½ батареи больше, чем у нас, при тех же 54 орудиях, но с тем преимуществом, что в число этих 54 орудий входили тяжелые гаубицы.

Приведенные организация и численность полевой германской артиллерии были приблизительно такими же в 1909 г., когда закончилось перевооружение германской артиллерии.

Наш бывший военный агент в Берлине г.-м. Михельсон, еще в феврале 1908 г. доносил начальнику Генерального штаба, г.-л. Палицыну, о могущественном росте германских вооруженных сил, а затем в феврале 1909 г. ген. Сухомлинову, сменившему ген. Палицына, он представил боевое расписание и таблицу развертывания перволинейных войск Германии при мобилизации, которая, по мнению г.-м. Михельсона, должна была лечь в основу при соображениях о силах противника. В 1910 г. г.-м. Михельсон представил ГУГШ новое боевое расписание Германии с дополнительными сведениями о ее вооруженных силах. Выше упоминалось о том, что в 1911 г. рейхстаг принял закон о новом усилении вооруженных сил Германии.

Что касается вопроса об усилении нашей артиллерии, то, как это видно из представления в Государственную думу по ГУГШ об отпуске средств на усовершенствование обороны государства от 20 февраля 1914 г., за № 447, ГУГШ только в 1914 г. закончило разработку большой программы усиления армии, в которой наибольшее место отводится усилению всех родов артиллерии, устарелые начала устройства которой, по об'яснению самого же ГУГШ, требуют коренного ее преобразования.

Предстоявшее, таким образом, усиление артиллерии должно было заключаться как в создании новых артиллерийских частей, так и в увеличении числа батарей и орудий в артиллерийской бригаде. Это проектировали еще раньше,

* У нас полагался 1 мортирный дивизион на корпус. Дивизион состоял из 2 батарей по 6 гаубиц.

сначала две комиссии—одна в 1900 г., образованная при ГАУ из представителей артиллерии и Генерального штаба, другая в 1906 г., под председательством бывшего генерал-инспектора артиллерии, а затем в 1909 г. Мобилизационный комитет, образованный при Главном штабе для разработки проекта преобразования армии, базировавшейся в своих выводах на трудах комиссии 1906 г.

Согласно проекту этой неосуществившейся организации к каждой пехотной дивизии должна была придаваться артиллерийская бригада следующего состава: 9 батарей полевых легких по 6 орудий в батарее (54 пушки), 2 мортирных батареи по 6 орудий в батарее (12 легких гаубиц) и 1½ батареи полевой тяжелой артиллерии при 6 орудиях, всего 12½ батарей при 72 орудиях, т.-е. все-таки на 1½ батареи и на 8 орудий меньше, чем в германской дивизии.

Эти мероприятия предположено было завершить к 1 апреля 1917 г., но вспыхнувшая война помешала осуществлению большой программы усиления нашей артиллерии.

ПОТРЕБНОСТЬ В ПОЛЕВЫХ ОРУДИЯХ, ОПРЕДЕЛИВШАЯСЯ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Насколько количество полевой артиллерии, предусмотренное организацией и мобилизационным расписанием 1910 г., не соответствовало выдвинутой войною потребности, можно видеть по заказам военного времени, присоединив к ним некоторые неисполненные заказы мирного времени.

Потребность в орудиях была исчислена в Штабе верховного главнокомандующего, причем она вылилась в окончательную определенную форму—по количеству, по родам орудий и по срокам нужды в них на фронте—далеко не сразу.

Полевые 3-дм. (76-*мм.*) пушки

(легкие, конные и горные).

Потребность в 3-дм. (76-*мм*) полевых и горных орудиях была предъявлена в двух видах: единовременной—для новых формирований; ежемесячной—на пополнение убыли.

Новые формирования из легких орудий в первое время войны велись бессистемно, без определенного плана; пополнения убыли этих орудий (поврежденные и потерянные в боях) также долго не выливались в определенную форму. Поэтому говорить о каких-либо «нормах», т.-е. о планомерности снабжения этими орудиями втечение первого года войны не приходится.

Первые более или менее систематизированные требования на полевые и горные орудия последовали из Ставки через ГУГШ (прямых сношений со Ставкой ГАУ в это время еще не имело) около мая—июня 1915 г., когда можно было понять, что ежемесячная нужда в этих орудиях исчисляется в *268* полевых и *25* горных пушек. Но уже через

3—4 месяца последовало изменение этих требований и в начале сентября ГУГШ заявило о необходимости подавать на фронт ежемесячно:

полевых 3-дм. пушек—15% всех, находившихся на фронте орудий (их считалось в то время немного более 3 000 пушек), или 450 пушек;

горных 3-дм.—90 пушек.

Последняя цифра (90) была затем уменьшена до 55, что составляло также около 15% количества горных пушек, находившихся на фронте.

Таким образом, согласно второму требованию надлежало ежемесячно подавать: полевых пушек—450 и горных—55; итого—505 пушек.

Еще через два месяца (к ноябрю) последовало новое изменение этих заданий, причем ГАУ было сообщено, что:

новое штатное число полевых и горных орудий положено в 4 372 пушки, это вызывает единовременную потребность на укомплектование до этого штата 399 пушек;

на случай неизбежных потерь признается необходимым иметь запас в 25% указанного штатного количества, или 1 093 пушки;

положено сформировать вновь 90 полевых батарей—675 пушек и 27 конных дивизионов—405 пушек; итого—1 080 пушек.

Таким образом, согласно этому третьему заданию, надлежало подать единовременно 1 080 + 399 = 1 479 пушек и ежемесячно (рассрочивая образование 25% запаса, т. е. 1 093 пушки на 12 месяцев)—по 91 пушке.

И хотя никаких указаний ни от ГУГШ, ни от Ставки о норме выбытия из строя орудий из-за расстрела их каналов получено не было, тем не менее, ГАУ, собрав накопившийся к этому времени материал и обсудив его совместно с таким же материалом за время службы этих орудий со времени их принятия (т. е. с Японской войны), пришло на этот счет к таким выводам.

Русская 3-дм. пушка, при правильном с нею обращении, очень живуча и выдерживает, сохраняя боевую пригодность, несколько тысяч выстрелов. При том же варварском обращении с орудиями, которое стало наблюдаться на фронте с выбытием старого (кадрового) личного состава, орудия стали выдерживать менее половины указанного высшего предела. Поэтому было признано из осторожности не рассчитывать в среднем более, чем на 4—5 тысяч выстрелов на пушку. Исходя из этих данных и имея в виду неизбежность дальнейшего штатного увеличения числа орудий на фронтах, было постановлено (в заседании 24 ноября 1915 г. подготовительной артиллерийской комиссии Особого совещания по обороне) установить ежемесячную норму замены выбывающих из-за расстрела орудий в 400 пушек, что вместе с боевой убылью (91 орудие) составляет 491 или кругло 500 орудий в месяц.

Наша 3-дм. (76-мм.) пушка обладает исключительными баллистическими качествами именно потому, что она сообщает своему 16-фунтовому снаряду начальную скорость почти в 2 000 фут. в секунду, но при этом и давление в канале получается в 2 300 атмосфер. Понятно,

что при таком давлении и развивающейся температуре канал орудия подвергается жестокому изнашиванию. Тем не менее, если обращение с пушкой, в смысле должного ухода за ней и недопущения бессмысленно-частой стрельбы, надлежащее, то она оказывается очень выносливой, и, например, на главном артиллерийском полигоне не редкостью были экземпляры, правда, единичные, выдерживавшие свыше 10 000 * выстрелов без такого понижения баллистических качеств, за которым пушка признавалась уже неудовлетворительной по меткости, и требовала замены ствола. Таким пределом считался тот, при котором на дистанцию около 2—3 верст (1 000—1 500 саж.) получается уменьшение средней дальности около 10%, что соответствует уменьшению начальной скорости около 5%. Вот единственная причина, из-за которой пушка должна быть выбракована, и никакие другие внешние признаки разгара канала (отколы, выкрашивания и округления нарезов) не могут служить основанием для этого, хотя и являются достаточно надежными показателями степени приближения конца службы пушки.

Этим именно и руководствовались войсковые артиллерийские комиссии, осматривавшие орудия на фронтах. Но, к сожалению, у этих комиссий не было иного способа для суждения о главнейшей данной— степени меткости у осматриваемой пушки, как «опрос личного состава батарей». Несомненно, этого было недостаточно: во-первых, этот признак (потеря меткости) очень трудно уловим даже для опытного глаза на значительных расстояниях (стрельба на дистанции в 2—3 версты бывала относительно редко и заключения о потере меткости приходилось делать при стрельбах на значительные дистанции); во-вторых, этих «опытных» глаз становилось в батареях все меньше и меньше: в-третьих, всякого рода «ураганными», да «барабанными» огнями так развратили личный состав, что он в большинстве перестал следить за каждым своим выстрелом с тою тщательностью, как к этому его приучали в мирное время, да и вряд ли это было возможно при той частоте огня, которая стала обычной; наконец, нередко бывало, что личный состав батарей умышленно давал своим пушкам аттестацию лучшую, чем они заслуживали, опасаясь, что в случае забракования, отнять-то их отнимут, а вот дадут ли скоро другие, более исправные, — это еще вопрос. Тем более, что всем было известно, что вместо забракованных пушек могут дать не новые, а почти такие же («войсковые части не должны отказываться принимать на замену или пополнение предметы хотя и не новые, но не достигшие предельного износа»).

В силу всего этого войсковые комиссии, сами состоявшие из тех же артиллеристов, при осмотре орудий, не имея основания не верить их хозяевам, охотно соглашались с их мнением и признавали орудия годными к дальнейшей боевой службе, хотя состояние каналов их могло бы заставить призадуматься.

* Французская пушка, у которой и начальная скорость и давление меньше нашей, нормально выдерживает 10 000 выстрелов.

При таком способе оценки, на основании осмотра большого количества орудий, было сделано заключение, что в среднем предельным числом выстрелов, выдерживаемым нашей 3-дм. пушкой, можно признать 6 000 *, однако, с оговоркой, что новые орудия, вступившие во второй, тем более в третий год войны, такой стойкостью уже не обладают и выдерживают на 25% (второй год) и 40% (третий год) меньшее число выстрелов (вследствие худшего качества металла, меньшей тщательности в работе, особенно в шлифовке канала из-за нехватки полировочных средств). Эта оговорка, конечно, правильна; что касается числа 6 000 выстрелов—в нем можно сильно усомниться, тем более, что ведение орудийных формуляров чуть ли не с первого года войны было столь небрежно и до такой степени никого не интересовало, что серьезно основываться на формулярных записях вряд ли возможно.

Очень жаль, конечно, что не удалось, как предполагалось, проверить как следует, т.-е. на Главном артиллерийском полигоне, падение начальных скоростей и меткости у орудий с сильно изношенными каналами, сделавших действительно (а не только по формуляру) 5 000 и более выстрелов в условиях варварского обращения и применяя разные «ураганные огни».

Такие опыты придется проделать в будущем. Но нельзя сомневаться, что комиссии признали вполне годными к дальнейшей боевой службе и часть таких пушек, у которых каналы были действительно в ужасном состоянии, и которые, конечно, не выдержали бы полигонного экзамена. Это можно приписать тому равнодушию и невзыскательности, которые, как результат общей уже деморализации, заставляли мириться с сильно пониженными баллистическими качествами расстрелянного орудия. Конечно, нельзя спорить, что и такое орудие еще остается орудием и что из него вполне безопасно для себя (зато и не очень опасно для врага) можно еще стрелять. Но в какой степени орудие похоже на ту великолепную 3-дм. скорострельную пушку, какой она была в начале,—вот в чем вопрос.

Конечно, по необходимости и из совсем расстрелянной пушки можно действовать (стреляли же из совсем устарелых систем и изрядно поношенных пушек), но на сколько-нибудь значительных расстояниях (за 5 верст), она потребует столько снарядов на пристрелку и дальнейшее поражение, что станет уже явно невыгодной и терпимой именно только по необходимости: такие пушки будут расходовать снарядов несравненно больше, а главное, не будут решать боевые задачи так, как их решала бы исправная пушка.

Окончательно этот вопрос может быть разрешен только хорошо поставленными опытами на главном артиллерийском полигоне, а пока

* Цифра 6 000 признавалась не средней а максимальной, предельной, но некоторое число пушек выходило из употребления уже после 2 000 выстрелов. (См. заседание секции по артил. вопросам 14 февраля 1917 г. на Междусоюзнической конференции).

придерживались того мнения, что осталось непоколебленным заключение Артиллерийского комитета, составленное после опыта Японской войны, о том, что предельными (без существенного понижения меткости) для нашей 3-дм. пушки надо считать 3—4 000 выстрелов.

Приведенные выше соображения подготовительной артиллерийской комиссии были одобрены Особым совещанием по обороне и приняты к руководству ГАУ.

Затем, в конце января 1916 г. последовало из Ставки новое задание—принять за нормы ежемесячной потребности подачи на фронт: полевых пушек—490, горных—70, итого—560 орудий.

В феврале того же года была установлена следующая потребность в 76-мм. орудиях *:

	Полевых пушек обр. 1902 г.	Горных пушек обр. 1909 г.
Ежемесячная	300	25
Единовременная	2 164	181

Наконец, около середины 1916 г. из Ставки последовало указание, что потребность ежемесячного пополнения должна исчисляться в 5% от всего состоящего на фронте числа орудий; что касается единовременной потребности для новых формирований, то о ней каждый раз будут следовать особые задания. На основании этих указаний в конце 1916 г., к приезду Междусоюзной конференции, были составлены предположения, и в соответствии с ними исчислены потребности для удовлетворения боевых нужд нашего фронта на три периода с общим начальным сроком, но разной длительности, именно:

первый—на первое полугодие 1917 г. (на 6 мес.);

второй—на весь 1917 г. (на 12 месяцев);

третий—на весь 1917 г. и на первую половину 1918 г. (на 18 месяцев);

Приводим результаты этих исчислений **.

На первый период (по 1 июля 1917 г.).

На ежемесячное пополнение убыли, считая ее в 5% от наличного числа всех орудий, т. е. 400 легких и 45 горных, а на 6 месяцев: легких—400 × 6 = 2 400; горных—45 × 6 = 270.

Для новых формирований: для 64 полевых батарей—384; для 21 пеших горных—84; для перевооружения 46 конных—276; итого—744.

Всего полевых и горных орудий на первое полугодие 1917 г. исчислено 3 414, из них полевых — 2 784, конных и горных — 630.

Независимо от этого числа новых пушек, согласно указаний из Ставки, на этот период признано было необходимым заготовить для ре-

* Свод сведений Верх. следств. комиссии „о снабжении армии полевой артиллерией“.

** Исчисления эти были сделаны по более проверенным данным, чем для винтовок и пулеметов, но все же при их оценке следует иметь в виду об'яснение, приведенное выше.

монта расстрелянных орудий вставкой новых труб—по 480 в месяц, всего 2 880 труб. И так как отремонтированные таким образом орудия ничем по существу не отличаются от новых, то в действительности на этот шестимесячный период требовалось подать на фронт: 3 414+2 880==6 294 орудий, или, кругло, по 1 000 3-дм. пушек в месяц.

На второй период (на весь 1917 г.).

На ежемесячные пополнения убыли, которая для этого периода (как и для следующего) была принята равной последней норме, т.-е. 490 орудиям для легких и 70 для горных. На 12 месяцев это составит:

легких	490×12=5 880
горных	70×12= 840
Итого . .	6 720

Для новых формирований: для обеспечения каждой пехотной и стрелковой дивизии 9 легкими 6-орудийными батареями — 3 340; для сформирования 30 пеше-горных 3 батарейных дивизионов (8 орудий в батарее), на перевооружение конной артиллерии материальной частью конно-горной и для обеспечения каждой кавалерийской и казачьей дивизии одним 3-батарейным конно-горным дивизионом (батарея в 4 орудия)—780; итого 4 120.

Всего полевых и горных орудий на весь 1917 г. исчислено 10 840, из них:

полевых	9 220
горных	1 620

Кроме того, для исправления расстрелянных орудий было признано заготовить на этот период по 315 труб в месяц, а всего 315×12=3 780 труб.

Значит, втечение всего 1917 г. считалось необходимым подать на фронт: 10 840+3 780=14 620 орудий, или, кругло, по 1 200 пушек в месяц.

На третий период (на 18 месяцев—с 1 января 1917 г. по 1 июля 1918 г.).

На ежемесячные пополнения убыли, считая по 490 легких и по 70 горных пушек, что на 18 месяцев составит:

легких	490×18=8 820
горных	70×18=1 260
Итого . .	10 080

Для новых формирований:

потребность та—же, что и в предыдущем периоде, т. е. для новых легких батарей	3 340
и для новых пеше-горных и перевооружения конных	780
Итого . . .	4 120

Всего полевых и горных орудий по 1 июня 1918 г. исчислено 14 200, из них:

полевых	12 160
горных и конных	2 040

Кроме того, для замены расстрелянных орудий потребовано по 315 труб на месяц, всего—5 670 труб.

Значит, на весь 18-месячный период считалось необходимым подать на фронт: 14 200+5 670=19 870, или, кругло, по 1 100 пушек в месяц.

Вот в каком виде вылились заявления о потребностях фронта к приезду Междусоюзной конференции. Это уже ясные и вполне планомерные требования и притом на достаточно длительные сроки, чтобы можно было хорошо обдумать и принять соответствующие меры к осуществлению их в возможной степени. Жаль только, что такая планомерность в требованиях появилась лишь к концу 1916 г., т.-е. почти через 2½ года войны...

Из этого исчисления потребности армии в полевых орудиях видно, что кроме поданных на фронт с начала войны и до 1 (14) января 1917 г. около 10 000 легких и горных пушек (см. таблицу 11), требовалось еще около 20 000 полевых пушек в течение 1½ следующих лет, причем интенсивность месячной подачи должна была доходить до 1 200 пушек.

ТАБЛИЦА 11*.

Количество легких и горных 3-дм. (76-*мм*) пушек, поданных в армию во время войны

Месяцы	1914 г.			1915 г.			1916 г.			1917 г.		
	3-дм полевые	3-дм. горные	Итого	3-дм полевые	3-дм. горные	Итого	3-дм полевые	3-дм горные	Итого	3-дм полевые	3-дм горные	Итого
I	—	—	—	35	17	52	273	40	313	577	46	623
II	—	—	—	25	23	48	313	30	343	534	7	541
III	—	—	—	30	19	49	405	34	439	424	13	437
IV	—	—	—	40	21	61	412	55	467	472	37	509
V	—	—	—	69	21	90	444	50	494	361	20	381
VI	—	—	—	80	30	110	520	106	626	253	19	272
VII	—	—	—	132	26	158	599	82	681	348	30	378
VIII	—	—	—	150	10	160	691	48	739	352	15	367
IX	—	—	—	155	31	186	715	53	768	324	46	370
X	75	31	106	216	44	260	832	49	881	341	30	371
XI	—	—	—	231	35	266	719	51	770	254	17	271
XII	160	19	179	205	28	233	689	62	751	49	25	74
Итого	235	50	285	1368	305	1673	6612	660	7272	4289	305	4594

Кроме того, поступило из Японии 366 120

Всего подано за время с 1914 г.—14.310 легких и горных пушек.

* В таблице показаны как вновь изготовленные пушки, так заново отремонтированные на заводах и в арсеналах.

Каково было мобилизационное задание по этой части перед войной. А вот какое: положенный по мобилизационному расписанию 1910 г. «запас военного времени» должен был быть восстановлен в течение года войны — других заданий никаких не было. А «запас военного времени» по части полевых пушек выражался следующим образом (см. таблицу 10).

легких	781
конных	61
горных	57
Всего	899

Это составляет по 75 пушек в месяц.

Итак, по мобилизационному расписанию положено было иметь в войсках на время войны 6 336 легких, конных и горных пушек с годичным запасом к ним в 899 штук; на самом же деле потребовалось иметь их на фронте вдвое больше против положенного и запас к ним (для пополнения убыли в боях и от расстрела) почти вдесятеро против положенного (ежемесячно по 5% за убыль и почти столько же за расстрел).

Из таблицы 10 мы видели, что к началу мировой войны в русской армии состояло в войсках и в запасах полевых 3-дм. пушек (легких, конных и горных) 7 112 (6 265+407+440). Сверх того, как видно из таблицы 11, подано было в армию до мая 1917 г. 11 706 тех же пушек. Всего в армии было к началу войны и поступило до весны 1917 г. 18 818 полевых 3-дм пушек. К весенней же кампании 1917 г. на всех наших фронтах оставалось 8 527 полевых 3-дм. русских и 75-мм. пушек Арисака. Таким образом убыль 3-дм. пушек за время войны—от начала ее до весны 1917 г. — составляла около 10.300 орудий *.

Полевые 48-линейные (122-*мм*) и 45 лин. (114-*мм*) гаубицы.

Основной тип принятой у нас гаубицы—48-линейной (122-*мм*), но в виду обнаружившегося недостатка их и невозможности изготовления в достаточном количестве, пришлось согласиться на подкрепление нас 45-линейной (114-*мм*) английской гаубицей, которой союзники согласились снабжать нас по мере возможности.

Требования на эти орудия, как и на легкие, вполне планомерно определились лишь к концу 1916 г., т.-е. ко времени созыва в Петрограде Междусоюзной конференции. До этих же пор требования были бессистемны и случайны.

Ежемесячная потребность на пополнение убыли 48-лин. гаубиц в самом начале войны намечалась минимально в 35 штук; затем, около середины 1915 г., было заявлено требование на 100 гаубиц ежемесячно. Потом в сентябре того же года потребность была уменьшена до 83, при-

* „Сведения о состоянии орудий на фронтах“. Выдержки из дел Упарта в личном архиве А. А. Маниковского.

чем было пред'явлено и единовременное требование на 1 056 гаубиц для формирования 176 новых мортирных батарей. Затем в ноябре того же года ежемесячная потребность в гаубицах определилась в 40 орудий и заявлена следующая единовременная: 67 на укомплектование согласно штатов (до 486 орудий); 345 орудий—на новые формирования и 120—в годовой запас, всего единовременно—532 орудия.

Наконец, в начале 1916 г. ежемесячная потребность была заявлена в 108 гаубиц. Эта потребность оставалась до созыва Междусоюзной конференции.

К ее приезду (в начале 1917 г.) вопрос о снабжении нашей армии гаубицами был, наконец, разработан вполне планомерно (как и в отношении остальных предметов боевого снабжения) и вылился в три определенные исчисления (на те же периоды, что и для легких пушек).

На первый период с 1 (14) января по 1 (14) июля 1917 г.: на ежемесячные пополнения убыли считая таковую: для 48-лин. гаубиц в 10% от всего количества как состоящих на фронте, так и поступающих на новые формирования—170 орудий (около 30 в месяц) и для 45-лин. гаубиц—по 15 в месяц, или 90 орудий на 6 месяцев.

Кроме того, по имевшемуся опыту, выяснилась необходимость в ежемесячном ремонте 6—8 гаубиц, или на полугодие 42 гаубицы.

Для новых формирований: для 70 новых батарей по 4 орудия в каждой—280 гаубиц.

Всего на первое полугодие 1917 г. исчислено—582 гаубицы или по 97 в месяц.

На второй период (на весь 1917 г.). На ежемесячные пополнения убыли по 108 48-лин. гаубиц и по 15 45-лин., а также ремонтируемых — по 7 орудий. Это составит: $108 \times 12 = 1\,296$; $15 \times 12 = 180$; $7 \times 12 = 84$. Итого—1 560 гаубиц.

Для новых формирований: для обеспечения каждой пехотной и стрелковой дивизии одним гаубичным дивизионом из 3 четырехорудийных батарей — 740 гаубиц.

Всего 48-лин. и 45-лин. гаубиц на 12 месяцев 1917 г. требовалось $1\,560 + 740 = 2\,300$ гаубиц или, кругло, по 200 в месяц.

На третий период (с 1 (14) января 1917 г. по 1 (14) июля 1918 г.). На ежемесячные пополнения убыли по 5% от всего количества гаубиц как состоящих на фронте, так и поступающих на новые формирования. Это составляет по 108 48-лин. гаубиц и по 15 45-лин. и ремонтируемых — по 7, а на 18 месяцев: $108 \times 18 = 1\,944$; $15 \times 18 = 270$: $7 \times 18 = 126$. Итого — 2 340 гаубиц.

Для новых формирований, как и в предшествовавшем пункте — 740 гаубиц.

Всего на 18 месяцев требовалось: $2\,340 + 740 = 3\,080$ гаубиц, или, кругло по 170 гаубиц ежемесячно.

Таким образом, с января 1917 г. по 1 (14) июля 1918 г. считалось необходимым для армии подать 3 080 гаубиц *.

* См. об'яснение выше.

С начала войны до января 1917 г., как видно из следующей таблицы 12, было подано в действующую армию 1 657 гаубиц (считая и отремонтированные), сверх имеющихся в батареях и в запасе военного времени к началу войны.

ТАБЛИЦА 12.

	1914 г.	1915 г.	1916 г.		1917 г.	
	48-лин.	48-лин.	48-лин.	45-лин.	48-лин.	45-лин.
I	—	16	37	—	75	—
II	—	24	34	—	22	—
III	—	6	48	—	39	—
IV	—	25	67	—	60	—
V	—	14	78	22	57	—
VI	—	43	71	187	40	—
VII	—	20	87	91	52	—
VIII	—	44	65	35	43	—
IX	—	42	66	65	38	—
X	70	54	88	—	21	—
XI	—	59	70	—	11	—
XII	—	50	79	—	4	—
Итого	70	397	790	400	462	—

Общая потребность в 48-лин. и 45-лин. гаубицах, выявившаяся во время мировой войны, была следующей:

состояло в батареях и в запасе к началу войны (табл. 10) — 534;

подано в армию в 1914—1916 гг. (табл. 12) 1 657;

требовалось с января 1917 г. по июль 1918 г. 3 080.

Всего около 5 270 гаубиц.

По мобилизационному расписанию 1910 г. требовалось иметь в войсках 512, в годовом запасе 74, а на 4 года войны в запасе 296, всего 808 гаубиц, т. е. ошибка в предположениях весьма значительная (в 6—7 раз меньше предполагалось, чем потребовалось). Штатного же наличия легких гаубиц в войсках война потребовала приблизительно вчетверо больше, чем было предположено. Что касается запаса легких гаубиц на пополнение убыли в них, то он потребовался почти в 20 раз больше — около 120 (108 + 15) вместо 6 (74 : 12) *.

Полевые тяжелые 42-лин. (107-*мм*) пушки и 6-дм. (152-*мм*) гаубицы.

Требования на 42-лин. скорострельные пушки и 6-дм. полевые гаубицы, как и на все предшествовавшие, определились планомерно лишь ко времени с'езда Междусоюзной конференции. До тех пор все та же неопределенность и переменчивость требований, что и с легкой и мортирной артиллерией.

* См. таблицу № 10.

Так, потребность в этих орудиях была заявлена:

в первый год войны — по возможности в месяц: не менее 14 42-лин. и 25 6-дм;

к сентябрю 1915 г., в месяц: 30 42-лин. и 20 6-дм.;

к ноябрю 1915 г. *: *а)* 42-лин. ежемесячно на замену убыли — 15 и единовременно — 710; *б)* 6-дм. ежемесячно — 25 и единовременно — 125; при этом новое штатное число этих орудий определилось: 42-линейных — 280, 6-дм. — 560.

К началу 1916 г. (месячная потребность): 42-лин. — 18, 6-дм. — 36.

Наконец, к концу 1916 г., т.-е. к приезду Междусоюзной конференции, потребность в этих орудиях определилась так:

На первый период (по 1 июля 1917 года).

42-лин. скорострельные пушки.

На ежемесячное пополнение убыли с целью образования единовременного 30% запаса этих пушек от всего числа их, состоящих на фронте и во вновь формируемых и перевооружаемых (42-лин. пушек обр. 1877 г.) батареях, итого — 108 (по 18 в месяц).

Для сформирования 15 новых батарей и для перевооружения 9, вооруженных 42-лин. пушками обр. 1877 г., итого — 96.

Кроме того, по имевшемуся опыту, выяснилась необходимость в ежемесячном ремонте 4—6 пушек, что на полугодие составит около 30 пушек.

Всего на первое полугодие 1917 года исчислено: 108 + 96 + 30 = = 234 пушки или по 39 в месяц.

В виду невозможности получения всего количества именно наших 42-лин. скорострельных пушек, было решено наравне с ними снабдить нас в недостающей части французскими 120-*мм* пушками.

6-дм. полевые гаубицы.

На ежемесячные пополнения (для образования 15% запаса всех гаубиц, какие будут состоять на фронте) — 108 гаубиц (по 18 в месяц).

Для сформирования 61 новой батареи — 244 гаубицы.

Кроме того, по предшествовавшему опыту выяснилась необходимость в ежемесячном ремонте 6—8 гаубиц или около 42 в полугодие.

Всего на первое полугодие 1917 г. исчислено: 108 + 244 + 42 = 394 гаубицы или по 66 в месяц.

В виду невозможности получения всего количества наших 6-дм. полевых гаубиц, было решено снабжать нас наравне с ними, в недостающей части, 5-дм. (60-фнт.) английскими пушками.

Таким образом, на первое полугодие 1917 г. вся потребность в полевой тяжелой артиллерии была исчислена в 234 + 394 = 628 орудий, по 105 в месяц.

На второй период (на весь 1917 г.).

На ежемесячные пополнения убыли исчислялось:

---

* Св. сведений Верх. следств. комиссии „о снабжении армии полевою артиллерию“.

42-лин. — по 18 пушек в месяц = 216 + 60 (ремонт); 6-дм. — по 36 гаубиц в месяц = 432 + 84 (ремонт). Итого 648 + 144 = 792.

На новые формирования:

Для обеспечения каждого корпуса одним тяжелым дивизионом из 3 батарей — одна батарея 42-лин. или 120-*мм* и две батареи 6-дм. гаубиц или 5-дм. англ. пушек.

42-лин. пушек на 27 батарей — 108; 6-дм. гаубиц или 5-дм. англ. пушек на 61 батарею — 244. Итого — 352.

Всего на 1917 г. требовалось:

42-лин. — 216 + 60 + 108 = 384; 6-дм. — 432 + 84 + 244 = 760. Всего — 1 144. или по 95 в месяц.

На третий период (на 18 месяцев).

На ежемесячные пополнения убыли исчислялось:

42-лин. — по 18 пушек (5%) 324 + 90 (ремонт); 6-дм. — по 36 гауб. (5%) 648 + 126 (ремонт). Итого — 972 + 216 = 1 188.

На новые формирования, как и на второй период:

42-лин. пушек — 108; 6-дм. гаубиц — 244. Итого — 352.

Всего на 18 месяцев по 1 июля 1918 г. требовалось *:

42-лин. — 324 + 90 + 108 = 522; 6-дм. — 648 + 126 + 244 = 1 018. Всего — 1 540 орудий или приблизительно по 85 орудий ежемесячно.

До 1 (14) января 1917 г. было подано на фронт вместе с отремонтированными, как видно из табл. 13:

42-лин. — 260; 6-дм. — 242. Итого — 502.

ТАБЛИЦА 13.

	1915 г.		1916 г.			
	42 лин.	6 дм.	42-лин.		6 дм.	
			рус.	загран.	рус.	загран.
I	—	—	—	12	4	—
II	—	—	—	4	7	—
III	—	—	—	8	6	—
IV	—	4	20	12	6	—
V	—	6	18	—	12	—
VI	—	9	20	—	8	—
VII	—	5	11	—	8	—
VIII	—	14	16	8	14	—
IX	—	7	31	—	17	—
X	—	7	33	12	32	—
XI	—	6	25	—	30	—
XII	—	2	30	—	30	8
Итого	—	60	204	56	174	8
			260		182	
			502			

* „Об'яснительная записка к программе снабжения предметами артил. довольствия на период до 1 июля 1918 г.“, стр. 2 и 3.

Всего потребовалось сверх состоявших в войсках и в запасе к началу войны: 1 540 + 502 = 2 042 орудий.

Общая потребность в полевых тяжелых орудиях, выявившаяся во время войны:

Состояло в батареях и в запасе к началу войны (табл. 10): 42-лин. пушек — 84; 6-дм. гаубиц — 173.

Подано в армию до 1 (14 января 1917 г. (табл. 13): 42-лин. — 260; 6-дм. — 242.

Требовалось с января 1917 г. по июль 1918 г.: 42-лин. — 522; 6-дм. — 1 018.

Всего орудий 2 299.

По мобилизационному расписанию 1910 г., полагалось иметь в войсках 240 орудий, в годовом запасе 24, а на 4 года войны в запасе 96 орудий, всего 336 орудий, т.-е., как и в отношении легких гаубиц, предполагалось достаточным иметь полевых тяжелых орудий почти в 7 раз меньше, чем потребовалось. Особенно велика ошибка в отношении запаса орудий на пополнение убыли: предполагалось достаточным на ежемесячное пополнение 2 орудия (24 : 12), а потребовалось 54 орудия (18 + 36).

Зенитные орудия.

Мобилизационным расписанием 1910 г. противоаэропланные (зенитные) орудия не предвиделись совсем, так как во время составления этого расписания состояние воздухоплавания вообще, а военного в особенности, не представляло собой ничего угрожающего. Правда, перед самой войной положение уже изменилось настолько, что, казалось, пора было серьезно подумать о средствах борьбы с военным воздушным флотом и поспешить ввести на вооружение войск специальное орудие. Тем не менее, этого сделано не было и война застала нас в этом отношении в стадии «разработки и испытания», причем первая партия противоаэропланных пушек в 12 штук образца 1914 г., была заказана в том же 1914 г. русскому заводу, разработавшему этот образец.

Между тем, значительная потребность в них обнаружилась с весны первого года войны. Взять же их было неоткуда, поэтому оставались неудовлетворенными не только крупные нужды фронта, но и отдельные совершенно исключительные требования. Так, в апреле 1915 г. невозможно было дать хотя бы две 4-орудийные батареи для охраны от воздушных нападений, считавшихся столь важными пунктами, как царская резиденция в Царском Селе и Ставка верховного главнокомандующего. Исключительная трудность и сложность, а потому и невозможность быстрого изготовления этих орудий (притом не только у нас, но и всюду за границей), заставила прибегнуть к паллиативам, к устройству таких кустарных (а потому и громоздких) установок под 3-дм. полевую пушку, при которых получалась возможность иметь круговой обстрел и угол возвышения хотя бы до 50°. Конечно, такие установки обладали многими недостатками: громоздкость, неподвижность, трудность наводки, пони-

жение скорострельности, перегрузка накатника (недокат), трудность маскировки и при всем том все же недостаточный угол возвышения. Как неизбежный результат всего этого—малая удовлетворительность стрельбы по воздушным целям, имеющим скорость полета более 100 верст в час. Поэтому вполне естественны были настойчивые требования фронтов о высылке им специальных «зенитных» орудий, которыми наши противники обладали в достаточном количестве. У нас готовить эти орудия мог единственный завод, и без того перегруженный свыше всякой меры. Союзники же, больше нас испытывая интенсивные нападения неприятельского воздушного флота, не считали возможным уступить нам сколько-нибудь значительное количество таких орудий. В виду этого почти всю войну нашей армии пришлось провести с ничтожным количеством специально зенитных орудий, отражая нападения вражеского воздушного флота из обыкновенных полевых пушек на кустарных установках, образец которых был разработан постоянным членом Артиллерийского комитета ген. Розенбергом.

Завод же, разработавший систему зенитных пушек обр. 1914 г., несмотря на всяческий нажим, мог предложить только такую программу исполнения заказов на зенитные орудия (поровну военному и морскому ведомствам): апрель, май и июнь 1916 г. — по 2 в месяц, июль и август — по 3 и далее по 4 в месяц.

Планомерная потребность в зенитных орудиях для армии была заявлена Ставкой вполне определенно ко времени приезда в Петроград Междусоюзной конференции, т.-е. к концу декабря 1916 г. Потребность эта определилась так: для каждого корпуса назначалось по одной зенитной 4-орудийной батарее; сверх того, для каждой армии — по 3 таких батареи и для каждого фронта — по 4 таких батареи. Всего, таким образом, требовалось сформирование 146 четырех-орудийных зенитных батарей или 584 орудия.

Запас таких орудий требовался: на первый период (по 1 (14) июля 1917 г.) в размере 20% от исчисленного количества; на второй период (весь 1917 г.) — по 36 орудий в месяц и на третий период (по 1 (14) июля 1918 г.) — по 5% ежемесячно от всего состоящего на фронте количества орудий. Согласно такого расчета, потребность в зенитных орудиях исчислялась Ставкой в таком виде: на первый период — 584 + 120 = 704 орудия; на второй период — 620 + 432 = 1 052 орудия; на третий период — 620 + 558 = 1 268 орудий. Всего — 3 024 орудия.

ПОТРЕБНОСТЬ В ТЯЖЕЛЫХ ОРУДИЯХ ОСАДНОГО ТИПА. СОЗДАНИЕ ТЯЖЕЛОЙ АРТИЛЛЕРИИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ (ТАОН).

На вопросе о тяжелой артиллерии вообще, особенно осадного типа, надо остановиться подробнее в виду того громадного и решающего значения, которое она приобрела в мировую войну, и недостатка, ощущавшегося в ней у нас в течение всей войны. Ведь все успехи германской армии об'яснялись именно тем, что она располагала многочисленной и могущественной тяжелой артиллерией. И, напротив, причину наших

неудач все склонны были видеть в недостаточности и несоответствии современным требованиям нашей тяжелой артиллерии, которая много уступала тяжелой артиллерии наших противников, обильно снабженных орудиями осадного типа.

Поэтому очень важно подробно разобраться в этом вопросе и осветить все его стороны, чтобы ясно дать себе отчет в том, что было сделано у нас по этой части и чего не было сделано, но было возможно. При этом надо осветить роль ГАУ, которое до 1910 г. ведало всеми этими вопросами вполне самостоятельно и которому никто не мешал проявлять свою инициативу в полной мере.

Выше уже упоминалось, что необходимость в новой тяжелой артиллерии осадного типа ясно сознавалась Артиллерийским комитетом ГАУ еще до окончания нашей войны с Японией и что в самом начале 1905 г., по инициативе тогдашнего генерал-инспектора артиллерии, были образованы при ГАУ специальные комиссии для пересмотра вооружения осадной артиллерии в соответствии с современными требованиями войны.

В конечном результате работ разных комиссий и Артиллерийского комитета по разработке и испытанию образцов крупнокалиберной артиллерии большой мощности, ГАУ успело до начала мировой войны дать только следующие заказы:

Русскому частному пушечному заводу 5 июня 1912 г. на 56 6-дм. пушек системы французского завода Шнейдера (Крезо), с конечным сроком изготовления — февраль 1917 г., и 9 сентября 1914 г. на 32 8-дм. гаубицы, с конечным сроком — сентябрь 1917 г.

27 июня 1913 г. заводу Шнейдера (Крезо) на 16 11-дм. гаубиц с конечным сроком — октябрь 1915 г.

Затем, вскоре по об'явлении войны было заказано:

Заводу Виккерса (в Англии) 8 октября 1914 г. 32 8-дм. гаубицы с конечным сроком — октябрь 1915 г., и 8 октября (2 декабря) 1914 г. еще 9 12-дм. гаубиц, с конечным сроком — июль и октябрь 1915 г.

В общем по части тяжелой артиллерии «осадного типа» до войны было сделано очень немного. В последнем перед войной мобилизационном расписании 1910 г. по части этой артиллерии не содержится никаких указаний.

Конечно, немцы оказались более предусмотрительными. Предвидя решающую роль «тяжелой артиллерии» в будущих сражениях, немцы выступили в последнюю кампанию с таким количеством ее, которое давало им несомненный перевес даже в случаях значительного превосходства со стороны противников в других отношениях.

Не может быть никакого сомнения в том, что немцам не пришлось в этом отношении прибегать к каким-либо импровизациям. Недаром Вильгельм вскоре после начала войны, когда с такой силой сказались результаты работы великолепной немецкой крупнокалиберной артиллерии, легко сокрушавшей даже сильнейшие крепостные сооружения, гордо поведал миру: «Мой дед создал армию, но вооружил ее, как следует, я».

Что касается нас, то, испытав непосредственно на себе всю силу и решающее значение тяжелой артиллерии лишь после наших союзников, мы спохватились за создание ее у себя слишком поздно, ибо до осени 1915 г. еще не совсем ясно сознавали даже наступавший кризис с нехваткой снарядов к «полевой тяжелой артиллерии», т.-е. от 42-лин. — до 6-дм. калибра. До этого все наше внимание приковывали к себе исключительно 3-дм. снаряды и дальше их, как Ставка и Генеральный штаб, так и Особое совещание по обороне, ничего видеть не хотели. Подробнее на этом придется остановиться дальше; здесь же это отмечается лишь для того, чтобы подчеркнуть, до какой степени поздно стала понятной роль настоящей тяжелой артиллерии нашему командованию на фронте и руководящим сферам в тылу. Здесь стоит отметить, что даже Особая распорядительная комиссия по артиллерийской части под председательством генерал-инспектора артиллерии, существовавшая до половины 1915 г., ни одним словом не обмолвилась о тяжелых орудиях осадного типа *.

Лишь когда не осталось никаких сомнений в том, что война приобретает чисто позиционный характер с фортификационными сооружениями такой прочности, что без основательной артиллерийской подготовки нельзя двинуться ни шагу, — только тогда и нам стало ясно, как

*) А. А. Маниковский был помощником председателя Распорядительной комиссии по артиллерийской части. Комиссия эта была образована в феврале 1915 г. и прекратила свою деятельность в июле того же года. В то время война еще не приняла в полной мере позиционного характера. До некоторой степени этим, а также кратковременностью существования комиссии можно об'яснить недостаток ее инициативы и энергии в создании организованной артиллерии большой мощности. Что касается снабжения действующей армии тяжелыми орудиями в отдельных случаях, то по комиссии делались распоряжения об усилении вооружения Усть-Двинска, Гродно, Осовца и некоторых укреплений на Кавказе (за счет других крепостей) 10-дм. береговыми пушками, 6-дм. пушками Канэ и т. д. После падения Перемышля председатель комиссии озаботился приведением в известность и порядок доставшейся нам неприятельской артиллерии, имея в виду нужды нашей армии в тяжелой артиллерии осадного типа (См. „Отчет о деятельности Особой распорядительной комиссии по арт. части стр. 7, 37, 38).

Что касается генерал-инспектора артиллерии, который был председателем Особой распорядительной комиссии по арт. части, то именно он впервые дал серьезный толчок делу создания артиллерии большой мощности; он же был инициатором Березанских опытов с орудиями крупного калибра в 1912 году, однако не от него зависело довести это дело до конца. Причины, почему русская царская армия оказалась без тяжелой артиллерии к началу мировой войны, об'яснены подробно и автором в других местах книги и в труде Е. З. Барсукова „Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении“, изд. 1926 г.

В июле 1914 г., за несколько дней до об'явления войны, генерал-инспектор артиллерии поручил лично выбранной им комиссии из некоторых членов артиллерийского комитета, при участии А. А. Маниковского и Е. З. Барсукова, разработать проект организации тяжелой артиллерии осадного типа и вооружения ее теми мощными орудиями, которые имелись в наших крепостях, мало угрожаемых неприятелем, а также ожидались по данным заказам. Проект был разработан Е. З. Барсуковым в августе 1914 г., но не был осуществлен вследствие тяжелой болезни генерал-инспектора, продолжавшейся с июля 1914 г. до января 1915 г. Ни военный министр ген. Сухомлинов, ни начальник Штаба верховного главнокомандующего ген. Янушкевич не обратили

необходима в современной войне именно та «тяжелая» артиллерия, о применении которой в полевых операциях говорилось до войны в тоне снисходительной уступки фанатикам артиллерийских увлечений, неисправимым «огнепоклонникам», как окрестил еще покойный Драгомиров сторонников мнения, что благодаря развитию техники, преобладающая роль в предстоящих войнах принадлежит именно могущественной артиллерии.

И только год спустя после начала войны, мы серьезно беремся за этот вопрос. Приэтом выясняется, что каждый фронт для проявления своей наступательной инициативы, т.-е. для устройства так называемого «прорыва» в неприятельском фронте, должен располагать таким резервом могущественной артиллерии, чтобы быть в состоянии на более или менее значительном участке неприятельского расположения внезапным огнем этой артиллерии в возможно короткий срок не только помочь местной артиллерии этого участка, совершенно потушить всю артиллерию противника, не только уничтожить и расчистить все проволочные и иные заграждения, препятствующие продвижению нашей пехоты, но одновременно сокрушить те фортификационные сооружения, в которых помещаются его фланкирующие и противоштурмовые пушки и пулеметы противника, а также ближайшие резервы живой силы. Эти фортификационные сооружения, в позиционных условиях минувшей войны, возводились немцами исключительной прочности, с применением всех средств долговременной фортификации. Поэтому для разрушения их нужна была особенно мощная и многочисленная артиллерия. Если еще прибавить, что, уже начиная со второго года войны, пехота обычно не шла в атаку, пока атакуемый участок не был, что называется «выбрит начисто», т.-е. на нем не оставалось не только стреляющих орудий, но даже единичных пулеметов, то станет понятным, какая работа требовалась от артиллерии наступающего при каждом «прорыве»: ясно, что с такой задачей одной своей местной артиллерии, нормально обслуживающей данный участок, никак не справиться. Поэтому существование особого артиллерийского резерва на каждом фронте стало совершенно неизбежным. Размеры этого резерва должны были быть таковы, чтобы

должного внимания на этот проект, так как ген. гр. Баранцев, заменявший временно генерал-инспектора артиллерии, не считал себя достаточно уполномоченным для того, чтобы настоять на осуществлении проекта.

Организация тяжелой артиллерии осадного типа предоставлена была Ставкой главнокомандующими армиями фронтов и за это дело взялся сам генкварт Ставки Ю. Н. Данилов, но весьма неудачно (см. II том этой книги).

Дело огромной важности, требовавшее немедленного решения, оставалось без должного единого компентентного руководства. Тогда Е. З. Барсуков 3 (16) сентября 1914 г. отправил разработанный им проект А. А. Маниковскому с просьбою стать во главе всего дела создания осадной артиллерии, считая его вполне сведущим и опытным крепостным артиллеристом, к тому же способным действовать настойчиво и без боязни ответственности. Лишь в конце 1914 г. проект был частично проведен в жизнь самим А. А. Маниковским, которому поручено было формирование тяжелых батарей для осады Перемышля. **Б.**

его хватало по крайней мере на две одновременные операции на каждом фронте: одной действительной атаки и одной — для демонстрации.

Кроме этих «фронтовых», так сказать, тяжело артиллерийских «кулаков», представлялось необходимым иметь еще общеармейский запас такой артиллерии в непосредственном распоряжении верховного главнокомандующего в качестве его стратегического резерва, при помощи которого он мог бы оказывать свое влияние на ход операций на фронтах таким же образом, как и своим общестратегическим войсковым резервом.

Но такое количество «тяжелой» артиллерии представлялось для нас, конечно, недосягаемой роскошью, и считалось идеалом, к которому можно было только стремиться, что мы и делали в своих требованиях, заявленных нами союзникам на конференции 1917 г. До того же времени было решено довольствоваться хотя бы одним «резервом», сосредоточенным в руках Штаба верховного главнокомандующего. Но и для этого пришлось обобрать все фронты от малочисленных орудий, которые попадали туда по милости наших союзников, так как собственное производство таких орудий было ничтожно.

Идея сбора всех (или почти всех) орудий осадного типа в один «кулак», принадлежит бывшему полевому генерал-инспектору артиллерии, который 22 октября (3 ноября) 1916 г. (№ 1774) подал начальнику Штаба верховного главнокомандующего записку такого содержания:

«Современная война с полной очевидностью показала, что ни одна серьезная операция не может рассчитывать на успех без основательного и продуманного содействия артиллерии».

«Теперь приходится почти все время вести борьбу в условиях штурма сильно укрепленных позиций. При более или менее продолжительном стоянии на месте неприятельские войска так углубляются в землю и возводят столь прочные укрепления из дерева, железа и бетона, что разрушение их по плечу лишь артиллерии самых крупных калибров. Атака укрепленных позиций противника требует наличия артиллерии могущественной как по калибру и дальности, так и по количеству орудий и снарядов. Для пробития бреши в неприятельских укреплениях нужен сосредоточенный массовый огонь могучей артиллерии, обеспеченной всеми средствами для успешного использования ее силы (умелое руководство начальствующих лиц и хорошая подготовка личного состава, с одной стороны, и полное снабжение вспомогательными техническими средствами: телефонами, оптическими приборами, самолетами и воздушными шарами для корректирования стрельбы, рельсами и подвижным составом и пр. — с другой)».

«Опыт борьбы текущего года * подтвердил, что мы обычно разрушаем лишь 1-ю линию неприятельских окопов, которую хорошо видим; 2-ю же и последующие линии, а также прочные бетонные убежища

* 1916 года.

пулеметов остаются почти нетронутыми; главным же образом остается малоуязвимой артиллерия противника, расположенная скрытно, и часто вне досягаемости выстрелов нашей артиллерии. В результате, добытый успех на первых линиях неприятельского расположения, мы, в большинстве случаев, не в состоянии использовать, и мужество атакующих войск разбивается о новые преграды, которые не могли быть уничтожены нашим огнем».

«Необходимо принять меры, чтобы в предстоящих наших операциях не повторялись подобные явления. Необходимо обратить самое серьезное внимание на тщательную подготовку операций в артиллерийском отношении, начав работы по подготовке заблаговременно теперь же, ведя их в строгой тайне. Все должно быть заранее продумано, подготовлено и проверено; торопливость или расчет на благоприятные случайности предрешают не успех и напрасные потери».

«Артиллерия должна прорвать своим огнем укрепленную полосу противника и дать возможность пехоте, с наименьшими потерями, подойти к укрепленной полосе, пройти через нее и, пройдя, прочно утвердиться для продолжения движения вперед и в стороны от прорыва. С этой целью в районе, избранном для нанесения удара противнику, должно быть сосредоточено необходимое количество соответствующей мощной артиллерии, вполне обеспеченной боевыми припасами и прочими техническими средствами».

«При нашей бедности в артиллерии крупных калибров, мы лишены возможности иметь одновременно на всех фронтах готовый артиллерийский кулак из наиболее сильных орудий. Считаясь с этим, нам приходится ограничиться созданием сильного артиллерийского резерва в руках верховного главнокомандующего, по воле которого этот резерв может быть выдвинут к тому или иному участку фронта в предвидении прорыва укрепленной полосы противника».

«Дробление малочисленной тяжелой артиллерии по разным фронтам и армиям приводит к тому, что мы оказываемся повсюду сравнительно слабыми и наша тяжелая артиллерия бьет противника не «кулаком», а «растопыренными пальцами».

«Предварительное сосредоточение батарей крупного калибра в резерве в тылу явилось бы весьма полезным также в смысле экономии их боевого комплекта. При расположении артиллерии на позиции, даже при отсутствии заслуживающих внимания целей, боевой комплект мало-по-малу расходуется; между тем пополнение снарядов крупных калибров представляет весьма серьезный и сложный вопрос. Наша тяжелая артиллерия далеко не обеспечена достаточным количеством выстрелов и единственным средством образовать запас их для прорыва неприятельской укрепленной полосы является временное сосредоточение тяжелой артиллерии в резерве верховного главнокомандующего, с отводом в резерв некоторых частей тяжелой артиллерии

из боевых линий (батарей 11-дм. гаубиц, 6-дм. пушек 200-пуд., 6-дм. пушек Шнейдера, 6-дм. крепостных гаубиц) и с назначением в резерв вновь формируемых в Царском Селе тяжелых батарей большой мощности 8-дм. и 12-дм. гаубиц, а также предполагаемых к формированию в Луге траншейных мортирных батарей (из минометов крупного калибра»).

«В соответствии с теми артиллерийскими средствами, какие будут сосредоточены в резерве верховного главнокомандующего, и во исполнение той оперативной задачи, какая будет поставлена, возможно будет выполнить работы по подготовке операции в артиллерийском отношении и по составлению общего плана действий артиллерийского резерва».

«Подготовка эта весьма сложна, а потому должна быть строго продумана и выполнена заблаговременно до начала операции. Прежде всего, она выразится в предварительном выборе района для прорыва неприятельского расположения, в соответствии с оперативной задачей, и в определении необходимых артиллерийских средств; затем — в разработке плана действий артиллерии, в подробном изучении и техническом оборудовании избранного района (оборудование наблюдательных пунктов и позиций батарей; устройство площадок для орудий, блиндажей для личного состава, снарядных погребков большого сопротивления под'ездных путей — в начале без прокладки рельс, но с подготовкой полотна; устройство тыловых дорог, тыловых снарядных хранилищ, вполне надежной телефонной подземной сети и пр.)».

«Лишь по выполнении всех подготовительных работ, следует приступать к сосредоточению артиллерийского резерва в район, окончательно избранный, для нанесения удара противнику. При этом, чтобы не раскрыть противнику преждевременно наших намерений, необходимо будет наметить и оборудовать не один, а два-три и даже несколько районов — быть может, на разных фронтах, а самое сосредоточение артиллерийского резерва в избранный район произвести быстро и скрытно от противника».

«Выбор районов и расчет артиллерийских средств представляются важнейшими работами подготовки операции, в артиллерийском отношении».

«При выборе районов, независимо от тщательного изучения позиций наших и неприятельских по карте, должно быть произведено всестороннее обследование намеченных участков на местности, главным образом, в целях определения надлежащих наблюдательных пунктов, без наличия которых артиллерия бессильна».

«Собранные в артиллерийском резерве тяжелые батареи, находясь под серьезным контролем, будут продолжать, по определенной программе и по выработанным практикою требованиям, совершенствоваться в своем деле до того времени, когда понадобится их боевая работа на фронте».

«Район для сосредоточения артиллерийского резерва верховного главнокомандующего должен быть так избран в отношении путей сообщения, чтобы резерв возможно было быстро и удобно подать на любой

фронт к участку неприятельского расположения, намеченному для прорыва».

«Пунктом сосредоточения тяжелой артиллерии пока намечаются районы городов Можайска Московской губернии и Ельни Смоленской губернии. Близ Можайска на кирпичном заводе купцов Шишкина и Таланкина, за выходом Ивангородской крепостной артиллерии, освободились приспособленные для хранения артиллерийского имущества сараи, площадью 2 100 кв. сажень; в Ельне же освободилось 600 кв. саженей помещений санитарного ведомства. Конечно, этой площади далеко недостаточно и необходимо срочно обследовать вопрос о возможности освобождения указанных городов и их окрестностей от находящихся в них различных тыловых учреждений, а также возможности приспособления железнодорожных путей станций Можайска и Ельня для разгрузки и нагрузки тяжелых орудий».

На этой докладной была положена следующая резолюция начальником Штаба верховного главнокомандующего, ген. Алексеевым:

«Вполне присоединяюсь к мысли о необходимости создания резерва тяжелой артиллерии в руках верховного главнокомандующего. В состав резерва взять часть батарей с фронта и назначать все вновь формируемые батареи».

«Полагаю, что значительная часть вновь формируемых батарей может получить тип позиционной артиллерии. Это ускорит формирование. К резерву в период операции можно придавать несколько армейских транспортов».

«Готов итти на формирование при артиллерийском резерве особого лошадиного транспорта и транспорта из тракторов и грузовиков».

«Районом расположения резерва я наметил бы: Можайск—Вязьма—Ельня—Брянск—Карачев. Хорошо было бы включить и Рославль».

«Опасаюсь, что все эти пункты переполнены тыловыми учреждениями Западного фронта. Надо обследовать комиссией. Конечно, часть можно было бы расположить вдоль жел. дор. Киев—Брянск, но здесь почти нет населенных подходящих пунктов, кроме Нежина и отчасти Конотопа».

«Рассредоточение же было бы полезно, иначе первый период перевозки ляжет на слабые Александровскую, Риго-Орловскую и Рязано-Уральскую жел. дор. с такими плохими узлами, как Смоленск и Брянск».

«В состав резерва должны войти не только английские траншейные мортиры, но и минометы отечественного производства».

«Всему резерву нужно придать стройную организацию. Конечно, в боевой линии резерв подчинится соответствующему инспектору, но организация нужна для боевой подготовки в широких размерах».

«В состав резерва нужно просить назначить специальные авиоотряды, которые должны обслуживать резерв и во время боев. Только этим путем будет достигнуто прочное соединение службы артиллерии и наблюдения».

«Инспекторы артиллерии фронтов должны испросить указаний главнокомандующих о наиболее вероятных районах сосредоточения резерва. Зимою должно итти оборудование (постоянное) этих районов после согласования с Штабом верховного главнокомандующего».

На ТАОН'е ярче всего сказалось значение «техники» в современной войне. Действительно, решающая роль артиллерии, особенно крупных калибров, определилась с такой очевидностью, что это стало непререкаемой истиной. Без артиллерии пехота не делала буквально ни шагу. Совершенно правильно отмечено в приведенной записке выше, что любая операция, прекрасно обдуманная и хорошо подготовленная во всех других отношениях, — обрекалась на заведомую неудачу, если артиллерия не принимала в ней должного участия или плохо справлялась с поставленной ей задачей.

До японской войны существовало убеждение, что главное дело артиллерии — начать бой с артиллерией противника и тем отвлечь ее огонь от нашей пехоты, остальное — уже дело самой пехоты.

После Японской войны — к этому мнению была введена такая поправка: артиллерия не только начинает бой, но и ведет его, провожая свою пехоту до момента атаки; в атаку же пехота идет сама, а артиллерия уже при этом бессильна помогать ей; так-что завершает бой пехота уже без помощи артиллерии.

В эту войну не осталось сомнения в том, что артиллерия и начинает, и ведет, а по существу и кончает бой, так как должна вычистить на пути атаки положительно все, мешающее пехоте двигаться вперед, и последней остается только передвинуться на новую, совершенно обезвреженную позицию, занятием которой она лишь свидетельствует, что артиллерия сделала свое дело *.

Быть может, такая пассивность пехоты являлась следствием того, что в первый же период войны убыла значительная часть тех кадров мирного времени, которые представляли собой наиболее стойкий элемент, способный на самопожертвованные атаки даже под сильнейшим огнем противника, и что сменившие их потом пополнения были уже второстепенными бойцами, поддававшимися панике не только от ураганной стрельбы артиллерии, но и вообще сильно реагировавшими на всякие, даже незначительные потери от огня противника.

Может быть, и так, но дело тут не в причине, а в том, что было именно так и притом не только у нас, но и у наших бывших союзников; вероятно, и у наших бывших врагов, и несомненно так будет и впредь. Значит, с этим надо считаться, предвидеть это и соответственно обратить внимание на развитие артиллерии.

Мы же не только не предвидели в мирное время такой решающей роли артиллерии вообще, тяжелой осадной в особенности, но даже

---

* В настоящее время такое мнение является крайним, что признается даже и западно-европейскими авторитетами вообще склонными переоценивать значение артиллерии. Ред. 1-го издания.

ТАБЛИЦА 14.

Состояние тяжелой артиллерии на фронтах в войну 1914—1917 г.г.

	Сроки / Калибры	1914 г. 20 VII Бат.	1914 г. 20 VII Оруд.	1915 г. VI Бат.	1915 г. VI Оруд.	1915 г. XI Бат.	1915 г. XI Оруд.	1916 г. VI Бат.	1916 г. VI Оруд.	1916 г. XII Бат.	1916 г. XII Оруд.	1917 г. V Бат.	1917 г. V Оруд.	1917 г. IX Бат.	1917 г. IX Оруд.
1	4,2‴ пуш. 10 г.	19	76	25	100	28	112	29	116	29	116	43	172	43	172
2	4,2″ пуш. 77 г.	—	—	—	—	8	32	41	164	41	164	30	120	30	120
3	6″ пол. гаубиц.	41	164	42	168	42	168	45	180	45	180	46	184	46	184
4	6″ креп. гаубиц.	—	—	22	88	34	136	39	156	39	156	49	196	49	196
5	6″ пуш. 120 п.	—	—	—	—	16	64	68	272	68	272	58	232	58	232
6	6″ пуш. 190 п.	—	—	—	—	9	36	16	64	16	64	16	64	16	64
7	6″ пуш. 200 п.	—	—	—	—	2	8	16	64	16	64	16	64	16	64
8	6″ ос. пуш. Шн.	—	—	3	6	3	6	5	14	8	20	11	26	11	26
9	6″ бер. Канэ	—	—	6	12	6	12	10	20	10	20	12	24	10	20
10	6″ анг. гауб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	8	14	56
11	155-*мм* франц.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	16	8	32
12	60 ф анг. п.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	48	12	48
13	12-*см* гауб.	—	—	—	—	2	8	2	8	2	8	2	8	2	8
14	120-*мм* Обух.	—	—	—	—	2	8	4	16	7	28	8	32	8	32
15	120-*мм* Вик.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	6	2	6
16	120-*мм* франц.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	36	12	48
17	10,5-*см* гауб. яп.	—	—	—	—	1	2	1	4	1	4	1	4	1	4
18	8″ гауб. Вик.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	24	8	28
19	6″ гауб. анпр.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	8	4	8
20	20-*см* яп. гауб.	—	—	2	4	2	4	2	4	2	8	2	8	2	8
21	9″ бер. п. 1877 г.	—	—	—	—	4	8	4	8	4	8	4	8	4	8
22	9″ бер. морт.	—	—	—	—	6	12	6	12	6	12	6	12	6	12
23	9,2″ анг. гауб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	2	4
24	10″ бер. пуш.	—	—	3	6	3	6	3	6	3	6	3	6	3	6
25	11″ гауб. Шн.	—	—	1	2	1	2	7	14	7	14	8	16	8	16
26	11″ бер. м. 1877 г.	—	—	—	—	4	8	4	8	4	8	4	8	4	8
27	12″ гауб. Вик.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	6	4	8
28	12″ гауб. Обух.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	12	6	12
	Итого	60	240	104	386	173	532	302	1 130	308	1 152	368	1 350	389	1 430

не вполне отдавали себе отчет в истинном значении ее втечение более года войны.

Увеличение количества и мощности тяжелой артиллерии в русской армии шло в 1914 и 1915 гг. медленно, в 1916—1917 гг. сравнительно быстро. Картина наростания количества тяжелой артиллерии, включая и полевую тяжелую (42-лин. пушки и 6-дм. гаубицы), приведена в таблице 14, в которой показано наличие тяжелых орудий к следующим срокам: к началу войны — июль 1914 г., к июню и ноябрю 1915 г., к июню и декабрю 1916 г., к маю и сентябрю 1917 г.

Для разработки организации артиллерийского резерва верховного главнокомандующего и проведения ее в жизнь в начале ноября 1916 г. в Ставке была образована комиссия под председательством начальника управления полевого генерал-инспектора артиллерии, ген. Барсукова **.

ТАБЛИЦА 15.

48-й корпус. Состав тяжелой артиллерии (ТАОН) к весне 1917 г.

Род орудий / №№ бригад	А 11" гбц. Шнейдер	Б 6" пушки Шнейдер	В 12" гбц. Обухов	Г 8" гбц. Виккерс	Д 12" гбц. Виккерс	Е франц. 120-*мм*	Ж 120-*мм* англ.	„120"120-*мм* Обухов	М 6" англ.	Осадн. 6" в 200 пуд.	Крепост. 6" гаубицы	Берег. 6" Канэ	Берег. 10" пушки	Общее число орудий	На какой фронт назначена
200	I * / 4—8	—	I / 3—6	—	—	IV / 3—12	—	I / 3—12	—	X / 2—8	IX / 3—12	—	—	58	Юго-западн.
201	—	—	II / 3—6	IV / 3—12	—	II / 3—12	—	—	—	VI / 2—8	VI и VIII / 6—24	—	—	62	Западн.
202	—	—	—	I / 3—12	I / 4—8	III / 3—12	—	—	—	VIII / 2—8	VII / 3—12	—	—	52	Юго-западн.
203	—	II / 3—6	III / 3—6	III / 3—12	—	I / 3—12	—	—	I / 2—8	IX / 2—8	—	—	Отд. бат. / 1—2	54	Северн.
204	II / 4—8	III / 3—6	—	II / 3—12	—	—	—	II / 4—16	—	XI / 2—8	XIV / 3—12	—	—	62	Юго-западн.
205	—	I и IV / 6—12	—	—	—	—	I / 2—6	—	—	XII / 2—8	XVI / 3—12	I и II / 4—8	Отд. бат. / 2—4	50	Юго-западн.
Всего орудий	16	24	18	48	8	48	6	28	8	48	72	8	6	338	—

* В числителе поставлены № дивизионов, в знаменателе — числа батарей и орудий.

Весною 1917 г. предполагалось перейти в наступление на русском фронте, прорвав укрепленную позицию австро-германцев и нанеся им решительный удар на Юго-западном фронте. Поэтому в ноябре 1916 г. был вызван в Ставку инспектор артиллерии Юго-западного фронта, ген. Дельвиг, для совместного обсуждения общих оснований плана предстоящей операции. Был намечен район прорыва неприятельского фронта и составлены предварительные соображения о необходимых для прорыва артиллерийских средствах.

Формирование тяжелых батарей большой мощности производилось в Царском (ныне Детском) Селе при бывшей Офицерской артиллерийской школе, под непосредственным руководством исключительного специалиста в области тяжелой артиллерии, ген. Фонштейна, неоднократно вызываемого в Ставку для составления, совместно с начальником Упарта, штатов батарей ТАОН'а и некоторых указаний по использованию их в бою.

В январе 1917 г., приказами начальника Штаба верховного главнокомандующего за №№ 54 и 65, был сформирован, на основаниях, приведенных выше, резерв верховного главнокомандующего в виде 48 корпуса *, в составе шести тяжелых бригад ТАОН'а: 200, 201, 202, 203, 204 и 205.

В эти шесть бригад были взяты не только тяжелые батареи, формируемые Фонштейном, но и с фронтов наиболее мощные орудия. Состав ТАОН'а, по числу и калибру орудий, показан в таблице 15.

Этот резерв был подразделен на три части: главный «кулак»—для нанесения удара в районе, избранном для главной атаки, и два вспомогательных—для демонстраций на двух остальных фронтах.

И так как главный удар было решено нанести на Юго-западном фронте, то в пределы его были назначены четыре бригады ТАОН'а: 200, 202, 204 и 205—всего 222 орудия; на Северный фронт была назначена 203 бригада—54 орудия и на Западный—201 с 62 орудиями. Таким образом к началу военных операций 1917 г. на четырех наших фронтах (Северном, Западном, Юго-западном и Румынском) должно было быть, считая вместе с имевшейся там своей тяжелой артиллерией, следующее количество тяжелых орудий (см. таб. на стр. 204):

Распределение тяжелых орудий по фронтам показано в таблице 16.

В таблице выделены особо орудия из резерва верховного главнокомандующего, т.-е. 48 корпуса (ТАОН'а).

Как известно, революция 1917 г. помешала осуществить намеченную программу.

---

* Предписание пол. ген.-инспектора артиллерии 2 (15) XI 1916 г. № 1858 (секр.) в делах Упарта.

** Этот корпус состоял исключительно из артиллерийских частей, названных „корпусом" ради сохранения формирования в тайне и введения в заблуждение неприятельского шпионажа. Командиром корпуса ТАОН был назначен ген. Шейдеман (быв. инспектор артиллерии РККА.)

ТАБЛИЦА 16.

Распределение тяжелых орудий по фронтам к весенним операциям 1917 г.

Северный

Число дивизион	Наименование частей	Калибры	Число: Бат.	Число: Оруд
3	8-я пол, тяж, арт. бр.	6″ и 42‴	9	36
2	9-я пол. тяж. арт. бр.	6″ и 42‴	6	24
9	13, 14 и 15 пол. тяж. арт бр.	6″ и 42‴	27	108
4	1-й Осадн арт. бр. .	9″ и 11″	12	24
8	4-й Осадн. арт. полк .	разные	16	64
9	5, 10, 12, 15, 25, 27, 36, 37 и 38 отд. пол. тяж. артил дивизионы	6″ и 42‴	27	108
1	Ивангор. тяж. арт. дивизионы	6″	2	8
1	1-й морск. тяж. Ревельск. див. . . .	10″ и 12″	3	6
½	2-го морск тяж. Ревельск див.	12″	1	2
½	Отд. гауб. Ревельск бат.	6″	1	2
	48-го корпуса:			
1	Див. батар Б . . .	6″	3	6
1	„ „ В . .	12″	2	4
1	„ „ Г . .	8″	3	12
1	„ „ Е . . .	120-*мм*	3	12
1	„ „ 200 п .	6″	2	8
1	„ „ М .	6″	3	12
44	дивизиона . . .		120	436

Западный

Число дивизион.	Наименование частей	Калибры	Число: Бат.	Число: Оруд.
9	7-я, 10 и 11 пол. тяж. арт бр	6″ и 42‴	27	[illegible]
2	12-й пол. тяж. арт. бр.	6″ и 42‴	6	24
1	Гвард. пол. тяж. арт. дивизион	6″ и 42‴	3	12
5	6, 8, 17, 18 и 32 отд. тяж. арт. дивиз. .	6″ и 42‴ и 10,5 *см*	15	60
4	1, 2, 3 и 4 отд. Сиб. тяж. арт. див. . .	6″ и 42‴	12	48
1	Ивангор. див.	6″	3	12
½	Отд. Австр. бат . .	10-*см*	1	4
	48-го корпуса:			
1	Батарей В	12″	2	4
1	„ Г	8″	3	12
1	„ Е	120-*мм*	3	12
1	„ 200 пд . .	6″	2	8
2	„ 6 креп. . .			
—	гауб.	6″	6	24
28½	дивизионов	—	83	328
28½	дивизионов	—	83	328

Юго-западный

Число дивизион	Наименование частей	Калибры	Число: Бат.	Число: Оруд
3	6-й пол. тяж. арт. бр.	6″ и 42‴	9	36
1	9-й пол. тяж. арт бр.	6″ и 42‴	3	12
1	12-й пол. тяж. арт. бр	6″ и 42‴	3	12
1	Осов. пол. тяж. ар. бр.	42‴	3	12
15	3, 7, 9, 11, 13, 14 16, 19 20, 21, 22, 23, 30, 33 и 35, отд. пол тяж.	6″ и 42‴	45	180
7	3, 4, 5, 8, 10, 11 и 12 отд. осадн. арт. див.	6″	14	56
½	4-я батар. Канэ . . .	6″	1	2
	48 го корпуса			
2	Батарей А	11″	8	16
3	„ Б	6″	9	18
1	„ В . .	12″	2	4
2	„ Г . .	8″	6	24
1	„ Д	12″	4	8
2	„ Е	120-*мм*	6	24
1	„ Ж . . .	120-*мм*	2	6
2	„ 120-*мм* . . .	120-*мм*	7	28
4	„ 200 пд. . . .	6″	8	32
4	„ 6″ кр. гауб. .	6″	12	48
2	„ Канэ	6″	4	8
1	„ 10″ пуш. . .	10″	3	6
53½	дивизионов		149	53[illegible]

Румынский

Число дивизион.	Наименование частей	Калибры	Число: Бат.	Число: Оруд.
2	Осовецк. тяж. арт. бр.	42‴	6	24
1	1-й Осадн. арт. бр. .	9″	4	8
7	15, 24, 26, 28, 29, 31 и 34 отд. пол. тяж. арт дивиз.	6″ и 42‴	21	84
1	5-й Сиб отд. пол. тяж. арт. дивиз. .	6″ и 42‴	3	12
1	7 й отд. осадн. арт. дивиз	6″	2	8
½	5-й батар. Канэ . . .	6″	1	2
12½	дивизионов		37	138
12½	дивизионов	—	37	138

Фронты	Число батарей	Число тяжелых орудий
Северный	120	436
Западный	83	328
Юго-западный	149	532
Румынский	37	138
Всего	389	1 434

Всего на нашей западной границе было к весне 1917 г. около 139 тяжелых дивизионов (389 батарей) с 1 434 тяжелыми орудиями.

Таким образом, подробно выработанная организация тяжелой артиллерии большой мощности (осадного типа) и потребность в ней окончательно выявились у нас лишь к 1917 г., т.-е. ко времени приезда в Россию Междусоюзной конференции.

Ставка заявила конференции следующую потребность в «ТАОН»:

Для каждого фронта признавалось необходимым иметь по 160 тяжелых орудий в составе:

6″ калибра дальнобойных 75%, или 120 орудий; 8″—12″ калибра дальнобойных 25%, или 40 орудий.

В распоряжение верховного главнокомандующего требовалось 500 тяжелых орудий в составе:

6″ калибра дальнобойных—25%, или 125 орудий; 8″—12″ калибра дальнобойных—75%, или 325 орудий.

Для четырех фронтов и Ставки это составляло:

6″ калибра дальнобойных—120 × 4 + 125 = 605, 8″—12″ калибра—40×4+325=485. Итого 1 090 тяжелых орудий.

Кроме того, для пополнения убыли требовалось:

6″ калибра по 25 в месяц; 8″ по 4; 9,2″ по 3; 11″ по 3; 12″ по 1 в месяц.

Вся эта потребность в ТАОН'е была по времени распределена, согласно указаний Ставки, таким образом:

На первый период (с 1 (14) января по 1 (14) июля 1917 г.):

6″ пушки Шнейдера и 155 *мм* (французские): для 30 батарей — 120 орудий;

8″ гаубицы: для 42 батарей—168; для образ. 10% запаса—16; итого—184 орудия.

9,2″ пушки: для 33 батарей—132; для образ. 10% запаса—18; итого—150 орудий.

11″ гаубицы: для 60 батарей—120; для 10% запаса—14; итого—134 орудия.

12″ гаубицы: для 27 батарей—54; для 10% запаса—3; итого—57 орудий.

Всего—594+51=645 орудий.

На второй период (на весь 1917 г.).

Вся потребность:

6″ пушки: для 129 батарей (за учетом наличия)—512; для пополнения убыли—300; итого—812 орудий.

8″ гаубицы: для 42 батарей (за учетом наличия)—163; для пополнения убыли—48; итого—211 орудий.

9,2″ пушки: для 33 батарей—132; для пополнения убыли—36; итого—168 орудий.

11″ гаубицы: для 60 батарей—120; для пополнения убыли—36; итого—156 орудий.

12″ гаубицы: для 27 батарей—54; для пополнения убыли—13; итого 67 орудий.

Всего—981+433=1 414 орудий.

На третий период (по 14 (27) июля 1918 г.).

Потребность в части формирований—та же, что и на второй период, лишь запас на пополнение убыли рассчитан на 18 месяцев; поэтому исчислено:

6″ пушки—512+450=962 орудия.

8″ гаубицы—163+72=235 орудий.

9,2″ пушки—132+54=186 орудий.

11″ гаубицы—120+54=174 орудия.

12″ гаубицы—54+19=73 орудия.

Всего — 981 + 649 = 1 630 орудий.

Интересно сравнить эти требования с теми, которые были предъявлены Ставкой же всего за каких-нибудь 2 месяца перед тем,—именно 21 октября (3 ноября) 1916 г. Тогда речь шла о следующем количестве тяжелой артиллерии осадного типа, требуемой к 1 (14) июля 1917 г.:

6″ калибр—предполагалось получить от русского частного завода по четыре 6″ пушки Шнейдера в месяц, за 8 месяцев—32 пушки, и 100 французских 155-*мм*, итого 132 пушки.

8″ гаубицы—требовалось 100 орудий; предполагалось получить до 1 июля 1917 г.: из Англии—48 (в числе обещанных 200 тяжелых орудий); 2 от Виккерса и 26—Мидваля из Америки (из числа заказанных 100), итого 76 гаубиц.

9,2″ пушки—не рассчитывалось.

11″ гаубицы—предполагалось получить 50, уступавшихся по конвенции Францией.

12″ гаубицы—расчитывали получить от русского казенного завода 24 гаубицы.

Всего — 132 + 76 + 50 + 24 = 282 орудия *.

* Такое количество орудий предполагалось получить, но это не потребность в них Ставки. Еще в марте 1916 г. потребность в орудиях только 8″, 11″ и 12″ определялась в 330 штук (журн. подг. комиссии по артил. части 4 (17). III 1926 г). Б.

ТРАНШЕЙНЫЕ ОРУДИЯ, БОМБОМЕТЫ И МИНОМЕТЫ.

О специально «траншейных» пушках до войны совсем не было и речи. О необходимости таких пушек заговорили лишь после того, как война приняла явно позиционный характер и когда потребовалось специальное орудие для подбития и уничтожения в неприятельских окопах пулеметов и мелкой артиллерии, обнаруживаемых лишь непосредственно перед атакой и сильно вредящих или мешающих нашим действиям. И так как такие орудия становились неот'емлемой принадлежностью пехоты, то наиболее целесообразным представлялось придавать их прямо пехотным полкам — в непосредственное их распоряжение.

Первое пожелание об изготовлении у нас траншейных пушек было высказано в июле 1915 г. телеграммой Ставки в ГАУ следующего содержания: «По сведениям нашего военного агента в Швейцарии, заводом Скода изготовляется легкое переносное орудие калибром в 35 *мм*, особенно пригодное для стрельбы из линии пехотных окопов; огонь его весьма действителен по пулеметам. Во Франции, по официальным данным, войска также широко снабжаются малокалиберной артиллерией, частью изготовленной вновь. Наибольшее количество малокалиберных пушек, имевшихся у нас в морском ведомстве, уже использовано нами; неоднократно приходилось отказывать войсковым начальникам в просьбах о высылке им таковых орудий. Представлялось бы желательным изготовить и у нас специальные малокалиберные пушки для нужд позиционной борьбы».

И в этом же году был выработан членом Арткома ген. Розенбергом образец 37-*мм* траншейной пушки, к изготовлению которого было приступлено немедленно. Но вследствие затруднительности изготовить такие пушки в значительном количестве на наших орудийных заводах, перегруженных свыше всякой меры, были заказаны в Америке 37-*мм* траншейные пушки системы Маклена.

Конечно, этот заказ, как и все наши заграничные заказы, выполнялся крайне медленно; между тем, потребность в этих пушках росла, и войска стали настойчиво просить об усилении подачи им траншейных орудий, причем выражалось желание получать их такого же образца, как германские, а именно: легко разбирающиеся на три части (орудие, лафет со щитом и платформа), легко переносимые, удобно помещающиеся во всяком пулеметном гнезде, имеющие пехотный прицел и легко обслуживающиеся пехотой (а не артиллеристами). Получение в ГАУ таких заданий от Ставки в начале 1917 г. (телеграммой от 9 января 1917 г., № 270) было крайне удивительно, так как траншейная 37-*мм* пушка Розенберга обр. 1915 г. как раз удовлетворяла всем этим условиям: она разбиралась на три части—тело орудия со щитом (вес—4,5 пуда), лафет с нижним щитом (вес — 5 пудов) и колеса (вес — 1,5 пуда); могла быть установлена в любом пулеметном гнезде; имела прицел пехотного типа (с целиком и мушкой); не имела компрессора и могла обслуживаться самой пехотой.

При испытании этого образца на Главном полигоне в 1915 г. присутствовали офицеры с фронта и остались вполне удовлетворены результатом испытания. Осталось совершенно непонятным, почему генерал-квартирмейстер Ставки и старшие чины фронтовых штабов до 1917 г были не осведомлены о том, что у нас на фронтах уже находятся, правда, в ограниченном количестве, как раз такие пушки, какие они желали иметь *. Что касается увеличения числа их, то к этому времени (начало 1917 г.) никакое усиление производительности наших заводов было невозможно и оставалось только ждать получения заказанных за границей (в Америке) траншейных пушек Маклена.

Таким образом, к приезду Междусоюзнической конференции была установлена, согласно указаний Ставки, следующая норма снабжения армии траншейными пушками (37-*мм*, образца 1915 г., системы г.-м. Розенберга или американских пушек системы Маклена).

Каждый пехотный и стрелковый полк должен быть снабжен батареей в 4 траншейные пушки, это на 687 полков составило потребность в 2 748 пушек. Кроме того, на ежемесячное пополнение убыли требовалось по 144 пушки (5% от всего числа пушек). Это составляло:

На первый период (с 1 (14) января по 1 (14) июля 1917 г.) — 2 748 + 144 × 6 = 3 612 пушек.

На второй период (на весь 1917 г.) — 2 748 + 144 × 12 = 4 476.

На третий период (с 1 января 1917 г. по 1 июля 1918 г.) — 2 748+144×18=5 340.

По сведениям Упарт'а, было подано и состояло в действующей армии к январю 1917 г. всего около 450 разных траншейных орудий, в том числе: 3-дм. штурмовых, образца 1910 г.,—144, 47-*мм* пушек Гочкиса—93 и траншейных 37-*мм* пушек Розенберга обр. 1915 г. и системы Маклена лишь около 200 *.

Бомбометы и минометы также не предполагалось до войны иметь в составе артиллерийского вооружения армии. И хотя в курсах артиллерии и фортификации (в отделе осады крепостей) упоминалось об орудиях «ближнего» боя (в последнем периоде, когда осадные работы приближаются уже к гласисам укреплений), и осада Порт-Артура подтвердила их необходимость,—тем не менее, серьезного значения в «полевом» бою им не придавалось, а в качестве единственных представителей их для «осадных» операций неизменно фигурировала старая полупудовая медная мортира—6-фн. Кегорна и немного более новая 34-лин. нарезная мортира. Конечно, никому и в голову не приходило этот «хлам» гото-

* Ставка была осведомлена о системе и количестве траншейных орудий в армии (справка Упарта 17 (30)—I, 1917 г.). Требование генерал-квартирмейстера, поступившее в ГАУ в январе 1917 г., вызвано крайней недостаточностью траншейных орудий в армии. Б.

* Справка Упарт'а (4 делопроизводства) 17 (30)—I, 1917 г. о снабжении бомбометами, минометами и траншейными орудиями. (В архиве А. А. Маниковского))

** Эта война всем нашим военным авторитетам представлялась менее всего войной „позиционной", и то обстоятельство, что предшествовавшая наша война с Японией оказалась именно такой—как-то убеждало их в невозможности повторения этого.

вить вновь для снабжения им армии в продстоящую войну **, а тем более выдумывать для этого какое-то новое специальное орудие.

И вот грянувшая война показала, что такие орудия совершенно необходимы, и что если их нет, то надо поскорее заводить. Раньше всех они появились у немцев, которые несомненно заготовили их заблаговременно и применяли их сперва для поражения защитников окопов при атаке их (бомбометы—со снарядами преимущественно осколочного действия) а потом и для разрушения блиндажей и проволочных заграждений (минометы—преимущественно фугасного действия).

Ближе наши войска познакомились с этими орудиями после того, как удалось несколько штук взять в плен. Тогда началось, ввиду несложной конструкции их, кустарное изготовление подобных орудий самими войсками в ближайших к фронту мастерских. Затем пошли заявления требований на такие орудия в ГАУ с присылкой как плененных экземпляров, так и образцов собственного изготовления. Заявления эти были, как и всегда вначале, случайны и бессистемны и долгое время не давали ясного представления о том, какие собственно требования к этому новому орудию пред'являют войска.

Так, из первоначальных донесений и словесных об'яснений приезжавших представителей фронта как будто выходило, что важнейшими качествами бомбометов, о которых только и шла речь сперва, являются: их легкость, подвижность, удобоприменяемость ко всякой местности и легкая маскируемость за любым закрытием и при всем том—элементарная простота обращения, делающая их доступными для всякой пехотной команды разведчиков, которая в любой момент должна быть готова, без участия каких-либо специалистов (артиллеристов), обходиться с этими орудиями, таская их повсюду с собой днем и ночью. О дальности же стрельбы, о величине фугасного и осколочного действия—говорилось лишь вскользь, как о вещах уже не существенных.

Поэтому, например, с несомненным удовлетворением представлялся образец самодельного бомбомета, представлявшего собою кусок железной трубы с навинтованным дном, укрепленной на дубовой или березовой колоде... Дальность подобных «орудий» не превосходила сотни шагов и стреляли они своеобразной «картечью» из всякого подручного материала...

Здесь интересно отметить, что вопрос этот, по существу чисто артиллерийский, долгое время после своего возникновения велся и разрабатывался на фронте без участия артиллеристов. Таким образом, первая стадия этого вопроса протекла в условиях изрядной бестолковщины, определенных требований с фронтов и от Ставки ни качественно, ни количественно не получалось, а потому и начали готовить бомбометы по образцу «германского», в количестве всего лишь десятков и сотен экземпляров, никак не предполагая, что потребность в них окажется в т ы с я ч а х. И вот, слишком год спустя после начала войны, получается, наконец, в августе 1915 г. первое определенное требование Ставки—сразу на 10 000 бомбометов.

При этом вначале не было никакого разделения на бомбометы и минометы; последний термин появился много позже, в конце 1915 г., а вполне определенное содержание в него было вложено лишь в начале 1916 г., причем, как и в отношении бомбометов, потребность на минометы была заявлена сразу на 4 550 штук. А еще некоторое время спустя, военный министр (ген. Поливанов), по собственной инициативе, приказал увеличить число их до 9 500. Такое решение последовало не в силу прямых и определенных требований с фронтов и из Ставки, а на основании «корреспондентских обследований» разного рода добровольцев из так называемых «общественных деятелей».

Действительная сказавшаяся потребность в бомбометах и минометах, засвидетельствованная Ставкой, была подсчитана в гораздо меньшем размере, чем раздутая до крайности на основании самых, якобы, подлинных воплей с мест о крайнем недостатке бомбометов и минометов. Выходило так, что только в них наше спасение, и что о них именно надо прежде всего бить в набат. И били. Правда, скоро их роль занимал какой-либо другой предмет боевого снабжения: ручная или ружейная граната, ножницы для резки проволоки, осветительные пистолеты, дымовые завесы и т. д. По поводу каждого из них билась тревога до тех пор, пока снабжение им не налаживалось: тогда оказывалось, что не в нем именно секрет спасения, а в чем-то еще другом, что не достает...

Правда же по части бомбометов и минометов состояла в том, что при нашей бедности в артиллерии вообще, а в тяжелой особенно, поневоле приходилось прибегать к этим упрощенным орудиям не только по прямому их назначению, но и при решении тех общих задач, которые были явно им не под силу. И вместо узко-специальных орудий из них хотели сделать чуть ли не универсальное средство на все случаи войны, одновременно относились к ним чуть ли не как к «игрушечным» орудиям, совершенно упуская из виду, что бомбометы и минометы— хотя и «второстепенная» артиллерия и подчиняться она должна непосредственно начальникам боевых участков (а не артиллерийскому начальству), тем не менее, это не игрушка и не какой-либо несущественный придаток, а все-таки *артиллерия*, потому и отношение к ней и применение ее в бою, должны быть соответственные, и им должна быть придана надлежащая организация, обеспечивающая их наиболее целесообразное боевое употребление. Поэтому необходимо было возможно скорее перейти от того «домашнего» порядка управления траншейной артиллерией, какой существовал у нас, к системе общеартиллерийской организации с соответствующими школами, в которых подготовлялся бы личный состав к этим, хотя и очень немудреным орудиям, но все же наибольшую пользу приносящим лишь тогда, когда они обслуживаются надлежаще подготовленным составом. В этом отношении очень поучителен пример Италии, которая правильной организации минометного дела раньше других придала очень серьезное значение. Так, согласно донесения нашего военного агента в Италии, там сразу была принята *батарейная* организация, причем 3—4 батареи сводились в диви-

зионы, подчиненные артиллерийским штаб-офицерам. Минометные дивизионы нормально придавались корпусам, а в случае необходимости назначались и в распоряжение армий, даже фронтов.

Это давало возможность командованию маскировать в соответственных случаях минометный огонь так же, как это делается с артиллерийским вообще. Затем военный агент отмечал то значение, какое придавалось в Италии надлежащему обучению (в специальных школах) минометных команд. Такой же примерно порядок был принят и во Франции.

У нас эти разумные взгляды нашли применение только после двух лет бестолковейшего употребления этих орудий вразброд, без всякого об'единения и руководства их деятельностью. Поэтому и требования, которые пред'являли отдельные части фронта к бомбометам и минометам, отличались все время неопределенностью, а подчас прямой безграмотностью.

Несмотря на многократные требования Особого совещания по обороне упорядочить это дело на фронте и на составленный после усть-ижорских опытов «Проект организации минометных батарей» (см. приложение № 5 к этим опытам),—наладилось это дело как следует только во второй половине 1916 г.*.

Между тем, систематизированный опыт фронтов, как и испытания на полигоне, определенно указали сферу целесообразного их применения и не менее определенно поставили им боевое требование.

Бомбомету быть подсобным орудием для пехоты во всех тех случаях, когда полевую пушку не возьмешь с собой, а одной винтовки и пулемета мало или ими до противника не достать (прицельным выстрелом), т.-е. в окопе, в разведке, в наступлении, при отбитии атаки, при отступлении и в других подобных случаях.

Очень полезными могут быть бомбометы при атаке, за несколько минут до штурма, когда своя артиллерия уже вынуждена замолчать или ее нет вовсе, и при обороне, когда заградительный огонь бомбометов может помешать противнику ворваться в нашу позицию или выбить уже ворвавшегося.

Поэтому бомбомет и должен прежде всего быть: портативен, стрелять с любого места, хорошо и легко маскироваться, быть простым в обращении и досягать хоть на 500—600 шагов. Понятно, что при таком задании рассчитывать на сколько-нибудь серьезное пробивное, осколочное или фугасное действие нельзя.

Миномету быть подсобным орудием для разрушения блиндажей, окопов и заграждений, преимущественно проволочных, засек и рогаток; поэтому фугасное действие их должно быть достаточно велико, вследствие чего и портативность его неизбежно меньше, чем у бомбомета, но зато и досягаемость должна быть вдвое, а лучше—втрое больше (до 1 версты).

* Приказы наштаверха 23/II 1916 г. №№ 716 и 937 и утвержденное им же. „Наставление для применений траншейных орудий", составленное Упартом.

Специальные опыты, произведенные на Усть-Ижорском саперном полигоне, непосредственной стрельбы по проволочным заграждениям параллельно из артиллерийских орудий, бомбометов и минометов разных систем, дали такие результаты:

1. Бомбометы признаны определенно непригодными для разрушения искусственных препятствий (проволочных заграждений, засек, рогаток), так как, имея фугасный заряд (менее 2 фн.), производят на препятствия ничтожное разрушительное действие.

2. Минометы обеих испытанных систем (Дюмезиля 57-*мм* и Лихонина 47-*мм*) показали большую мощность разрушения искусственных препятствий с близких расстояний; действие их с тех же расстояний на блиндажи и вообще на горизонтальные прикрытия признано также весьма разрушительным. Что касается расхода мин при этом, то определилось, что для образования прохода шириною около 6 саж. в препятствии глубиною до 17 саж. (трехполосная проволочная сеть) нужно выбросить с 400 шагов из миномета (или иной системы) 120 мин; при большей ширине препятствий количество потребных мин пропорционально возрастает. Конечно, весь вопрос в том, позволят ли боевые условия минометным батареям расположиться и производить стрельбу в такой близости к заграждениям противника, бдительно им охраняемым. Такие условия представляются не часто, и потому-то войска, признавая всю пользу, какую могут принести минометы, настойчиво требовали увеличения дальности их стрельбы до 1 200, а еще лучше до 1 500 шагов, т. е. до одной версты, чтобы при этом выйти из сферы действительного огня, хотя бы ружейного и пулеметного.

3. Для образования такого же прохода при помощи пулеметов надо выпустить из них с расстояния не более 400 шагов не менее 50 000 пуль.

4. Из артиллерийских орудий наиболее целесообразным для разрушения искусственных препятствий признана 3-дм. полевая пушка, которая с расстояния 2 верст для образования 6-саженного прохода в 3-полосной сети (общей шириной в 17 саж.) расходует 1 000 снарядов; для получения таких результатов из 48‴ и 6″ гаубиц надо выпустить примерно р а в н о е п о в е с у с 3-дм. пушкой, количество снарядов. При этом преимущество 3-дм. пушек—в меткости, а 48‴ и 6″ гаубиц—в образовании глубоких воронок, могущих послужить прикрытием для атакующих войск *. И так как означенные гаубицы в избытке никогда не бывают и они очень ценны для других непосильных для 3-дм. пушек задач, а для минометов подходящих условий (400 ш.) часто может не оказаться, то следует притти к выводу, что полевая пушка — е д и н с т в е н н о е в е р н о е и п р а к т и ч е с к о е и з д о с т у п н ы х в п о л е в о м б о ю с р е д с т в р а з р у ш е н и я и с к у с с т в е н н ы х п р е г р а д (проволочных заграждений и пр.).

5. Ручные гранаты, особенно с большим разрывным зарядом (например, системы ш.-к. Новицкого — 4 ф.), пригодны для разрушения

* Воронки же являются и препятствием для движения атакующего. Р е д. 1-го издания.

искусственных препятствий в тех случаях, когда боевая обстановка позволит произвести метание этих гранат в большом количестве с расстояния в 5—10 сажен от заграждений.

Сообразно с заданиями, которые последовательно ставились «траншейным мортирам», эволюционировали типы бомбометов и минометов. Ставка требовала лучшие последние типы их, в большом количестве и в кратчайшие сроки. Но как они ни были просты, а все же это были артиллерийские орудия (хотя, правда, и второго сорта), потому печь их, как блины, нельзя было, так как для изготовления их требовались хотя и не настоящие пушечные заводы, но и не простые слесарные мастерские, как это представлялось сперва не только штатским радетелям о нуждах армии, но и самой Ставке *. Изготовление же минометов более совершенного типа (например, 89-*мм* Ижорского и Путиловского заводов или французские 240-*мм*), представляло уже серьезные технические затруднения—эти минометы весят за 100 пудов и являются настоящими артиллерийскими орудиями.

Между тем, требования на бомбометы и минометы были заявлены по десятку тысяч. Справиться с такой задачей было нелегко, особенно имея в виду, что в это время (март—апрель 1916 г.) уже ясно начал сказываться недостаток как в металле, топливе и во взрывчатом веществе для начинки снарядов, так и в транспорте. Тем не менее, ввиду требования военного министра, заказы почти на все указанное количество бомбометов и минометов были распределены и все необходимое для их исполнения — сырье и транспорт—было предоставлено заводам, принявшим эти заказы.

Но только это дело, при особом нажиме со стороны ГАУ, стало налаживаться, как из Ставки от Упарт'а получилось (в мае 1916 г.) категорическое указание, что принятые Особым совещанием по обороне нормы на бомбометы и минометы следует признать явно преувеличенными, и что если эти нормы будут осуществлены, то **большая часть этих орудий не найдет себе применения на фронте.**

При этом Ставкой устанавливалась следующая норма **: бомбометов—7 000 штук и минометов—3 500 штук.

Кроме того, заявлена необходимость в получении минометов тяжелого типа для ТАОН'а, т.-е. для тяжелой артиллерии особого назначения.

Что установленные Особым совещанием по обороне нормы были действительно несообразно велики, видно уже из того, что к июлю 1916 г. фронты отказались совсем принимать бомбометы, и к этому времени на тыловых складах скопилось их около 3 000 штук (2 866). Относительно минометов хотя такого пресыщения не ощущалось, но поданные к этому времени на фронт около 2 000 минометов Дюмезиля (58-*мм*) не удовлетворяли войска, так как наибольшая дальность их (до 500 ша-

* В 1914—1915 гг., т. е. до сформирования в ставке Упарта в январе 1916 года.

** Норма эта была определена Упарт'ом из расчета и еть на пех. полк: по 8 бомбометов, из которых 4 составляли вооружение полка и возились в полковом обозе, а остальные 4 являлись принадлежностью фронта и выдавались в полки по мере надобности, и по 4 миномета, из которых 2 при полку, а 2 составляли принадлежность фронта для выдачи полкам в мере надобности (приказы Наштаверха 1916 г. № 716 и 937).

гов) сильно ограничивала случаи их применения, и войска требовали увеличения дальности, по крайней мере, вдвое, т.-е. до 1 000 шагов, а еще лучше—втрое, т.-е. до 1 версты. Кроме того, сильно отставало изготовление снарядов к ним (мин) из-за недостатка металла и рабочих.

Ввиду всего этого решено было совсем приостановить дальнейшее изготовление бомбометов; количество 58-*мм* минометов Дюмезиля ограничить до 3 500 штук и впредь готовить только более дальнобойные системы. ТАОН же снабдить исключительно «тяжелыми» минометами, но ввиду невозможности изготовить их в должном количестве у себя, обратиться к помощи союзников.

Таким образом, ко времени сбора Междусоюзнической конференции Ставкой были даны такие указания относительно снабжения нашей армии бомбометами и минометами на предстоящие три периода.

На первый период (с 1 января 1917 г. по 1 июля 1917 г.).

Бомбометов—7 000 (потребность удовлетворена).

Минометов легких—3 500, системы Дюмезиля 58-*мм* и Лихонина 47-*мм*. Кроме того, установлена новая потребность на 1 000 штук 47-*мм* минометов Лихонина. Всего легких минометов требовалось 4 500 штук.

Минометов «тяжелых» для ТАОН'а (образцы Ижорского завода 89-*мм* или английских 9", 45) * на 100 батарей—2 400 штук.

Всего на первое полугодие 1917 г. требуется бомбометов и минометов: 7 000+3 500+1 000+2 400=13 900.

На второй и третий периоды.

Совершенно те же числа оставлены и на оба следующие периода, т.-е. 13 900 бомбометов и минометов.

В таблице 17 указано, в каком количестве и каких систем бомбометы и минометы были поданы на фронт за время войны.

ТАБЛИЦА 17.

Подача на фронт бомбометов и минометов за время войны 1914—1917 гг.

Годы	Бомбометов	Минометов								
		58-*мм*	французск.		Лихонина		Ижорск. завода 89-*мм*	Путил. завода 6"	Итого минометов	Всего
			58-*мм* № 2	240-*мм*	20-*мм*	47-*мм*				
1915	2 004	1 284	—	—	16	154	—	—	1 454	3 458
1916	11 222	1 333	—	—	75	500	6	60	1 974	13 196
1917	821	814	36	12	—	113	201	—	1 176	1 997
Всего . .	14 047	3 431	36	12	91	767	207	60	4 604	18 651

* По заявлению ген. Хэдлама, представителя Англии на конференции, английские 9,45-дм. минометы оказались очень опасными для обслуживающего их личного состава, так как давали часто преждевременные разрывы мин. Ввиду этого решено было отказаться от заказа этих минометов и заказать предлагаемые Англией же 2-дм. минометы. (Журн. секции по артил. вопросам на конференции 1 (14) II 1917 г.).

По другим сведениям * к 18 июня (1 июля) 1917 г. состояло на вооружении армии 6 920 бомбометов и 1 514 минометов, а изготовлено было до того времени и подано на фронт 13 395 бомбометов и 4 095 минометов. Следовательно, за время войны убыло около 6½ тысяч бомбометов и до 2½ тысяч минометов.

ОБРАЗЦЫ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ РУССКОГО СУХОПУТНОГО ФРОНТА К КОНЦУ ВОЙНЫ.

Стремление к единству калибра орудия и к единству снаряда продолжало, в значительной мере, господствовать в царской армии до самой мировой войны, несмотря на опыт последних предшествующих войн — Русско-Турецкой 1877—1878 гг. и Русско-Японской 1904—1905 гг., опыт, диктующий большую осторожность в этом отношении.

Стремление это всемерно поддерживалось нашим Генеральным штабом по понятной причине — «единство калибра» и «единство снаряда» приводит к удобству заготовления и снабжения, к простоте обучения и использования в бою **.

В результате, русская артиллерия полевых армий, не считая крепостной, вышла на мировую войну, имея всего 4 основных калибра орудий, по два для пушек—3-дм. (76-*мм*) и 42-лин. (107-*мм*) и для гаубиц—48-лин. (122-*мм*) и 6-дм. (152-*мм*) и 6 разных систем: полевая 3-дм. пушка обр. 1902 г., горная 3-дм. пушка обр. 1909 г., полевая тяжелая 42-лин. пушка обр. 1910 г., полевая 48-лин. гаубица обр. 1909 и 1910 гг., полевая тяжелая 6-дм. гаубица обр. 1910 г.

Война заставила нас отказаться от указанной сравнительной простоты и стройности вооружения и принять на вооружение артиллерии полевых армий самые разнообразные и многочисленные калибры и системы орудий.

Ниже приводятся краткие сведения об орудиях, которые состояли к концу мировой войны на вооружении нашего сухопутного фронта. С целью попутно охарактеризовать боевые качества их, все они подразделены по степени их подвижности на следующие четыре группы ***:

I группа — полевые легкие орудия. Эти орудия всюду с войсками—и в походе, и в бою. Тяга только конная; в механической тяге нужды нет.

II группа — полевые тяжелые орудия. Орудия этой группы легко проходят по грунтовым дорогам, однако в распутицу и по песку передвижение их затрудняется. Тяга—конная, поэтому наиболее тяже-

* „Историч. справка по артил. части“ в материалах А. А. Маниковского (составлена, повидимому, Упартом).

** Е. Барсуков. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, стр. 15.

*** В составленной Упартом и утвержденной наштаверхом 6 (19) VII 1916 г. брошюре „Свойство орудий и краткие указания для их применения“ орудия подразделены на 5 групп: I—позиционные орудия, II—тяжелые, III—полевые тяжелые, IV—полевые (горные) легкие орудия, V—орудия особого назначения. Орудия IV и V групп у А. А. Маниковского включены в одну I группу.

лые представители этой группы следовать в общей колонне не могут и бывают вынуждены итти сзади колонны главных сил, по лучшим дорогам. Вследствие этого к началу боя они не поспевают и при преследовании неприятеля не могут сопутствовать своей пехоте *. Применение к ним механической тяги вполне целесообразно.

В полевых боях и при обороне орудия этой группы придаются корпусам или дивизиям, причем их действия согласуются с действиями орудий первой группы. При атаках укрепленных позиций и крепостей они действуют по общему плану, с орудиями двух следующих групп.

III группа — тяжелые орудия. Орудия этой группы достаточно приспособлены для движения на колесах, а некоторые даже для стрельбы с колес. Однако, благодаря большому весу, эти орудия могут двигаться только по хорошо шоссированным дорогам; по грунтовым же — только по очень хорошим, сухим, с прочными мостами. При плохих дорогах (разбитое шоссе, распутица) движение этих орудий очень затрудняется, а иногда становится совсем невозможным. Переход из походного положения в боевое—длителен. Тяга—конная и частью—тракторная. Орудия этой группы следовать в составе походных колонн не могут и идут под особым прикрытием, примерно, в голове обозов второго разряда. По выполнении задачи в одном месте орудия этой группы могут быть перемещены в другое.

IV группа — позиционные орудия. Орудия этой группы представляют собою неприспособленные для перевозки крепостные системы и перемещение их с одного места на другое—представляет затруднения прямо исключительные. Организация питания их на случайных (не подготовленных заблаговременно) позициях крайне затруднительна. Перемещение их возможно только по железным дорогам; доставка от станций до позиций—в разобранном виде, по переносным или временно устраиваемым жел.-дор. путям широкой или редко (на небольшие расстояния) узкой колеи. При нагрузках, разгрузках и постановках на позициях этих орудий требуются сложные средства (краны, домкраты, подкладки и пр.).

Поэтому следовать за войсками орудия этой группы никак не могут; их подают на позицию после того, как она прочно занята и надежно обеспечивается.

Исключение в этой группе представляет 12" гаубица Виккерса, которая разбирается на 6 частей и с помощью тракторов может перевозиться по шоссейным дорогам на специальных повозках.

В таблицах 18а, 18б, 18в, 18г, 19, 20 и 21 перечислены орудия, входящие в эти четыре группы, причем для характеристики их приводятся только следующие данные:

Вес системы орудия в походном и боевом положении; время, потребное на переход из походного положения в боевое; наибольшая даль-

* Полевые тяжелые орудия должны поспевать за пехотой, и поспевали; особенно 42-лин. пушки, место которым на походе при встречных столкновениях в авангарде в целях использования их дальнобойности для захвата инициативы в свои руки.

ТАБЛИЦА 18а.

I группа—полевые легкие орудия.

Первая подгруппа.

Орудия	Вес системы: в поход.	Вес системы: в боев.	Время перехода	Наибольшая дальность: гр.	Наибольшая дальность: шр.	Разрывной заряд
	пуд.	пуд.	мин.	вер.	вер.	фун.
	1	2	3	4	5	6
1. 3-дм. (76-*мм*) скорострельная пушка образца 1900—1902 гг.	123	65	0	8	5,2—8	2
2. Легкая пушка (3,42-дм.) обр. 1877—1895 г.	105	60	0	6	3	3,3
3. Батарейная пушка (4,2-дм.) обр. 1877 г.	120	75	0	5	3	4
4. 75-*мм* пушка Арисака обр. 1898 года (2,95-дм.) японская	100	56	0	7,3	7,3	2
5. 90-*мм* (3,5-дм.) франц. пушка	130	65	0	9,7	5,6	4,1
6. 77-*мм* (3,03-дм.) N A. 96 германская пушка, попавшая к нам в плен . . .	114	60	0	7,7	6,6	0,4
7. 76,5-*мм* (3-дм.) М. 5. австрийская пушка, попавшая к нам в плен . . .	111	60	0	6,5	5,7	0,5
8. 3-дм. горн. пушка обр. 1909 г.	75	38	0—10	6,6	6,6	2
9. 3-дм. горн. пушка обр. 1904, Обух. . .	26	20	0—10	4	4	2
10. 3-дм. корот обр. 1913 г. (на нераз'емном горном лафете 1909 г.)	75	38	0	6,6	6,6	2
11. 75-*мм* горн. пушка Арисака	22	20	0—10	4	3,4	2

ность стрельбы гранатой и шрапнелью; вес разрывного заряда в гранате (для характеристики фугасного действия) *.

Примечание (общее для таблиц орудий всех групп): когда число первой графы меньше числа второй,—это означает, что система для возки разборная и в первой графе показан вес наиболее тяжелой разборной части.

Главное назначение орудий первой подгруппы—стрельба по живым целям открытым или по стрелкам за окопами, но без козырьков; по неукрытым пулеметам и траншейным орудиям; по искусственным препятствиям (проволочным заграждениям), которые они разрушают быстрее, чище и с меньшими расходами (по весу) снарядов, нежели орудия больших калибров.

* Более подробные боевые и баллистические данные приведены в брошюре „Свойства орудий и краткие указания для их применения“, утвержден. Наштаверхом 6 (19) VII 1916 г.

ТАБЛИЦА 18б.

Вторая подгруппа: мортирная или гаубичная артиллерия.

Орудия	Вес системы		Время перехода	Наибольшая дальность		Разрывной заряд
	в поход.	в боев.		б.	шр.	
	пуд.	пуд.	мин.	вер.	вер	фун
	1	2	3	4	5	6
1. 48-лин. легкая гаубица об. 1909-1910 гг.	145	90	0	7,2	7,2	11,8
2. 45-лин. легкая английская гаубица, (уступлен. нам англичанами)	130	83	0	6	6,1	6,5
3. 12-*см* (47,2-лн.) японская гаубица (Круппа)	134	69	0	5	5	3,3
4. 10-*см* (М. 99) австр. легкая гаубица	113	60	0	5,7	5,2	3
5. 6-дм. полевая мортира (наше старое орудие 80-х годов)	110	80	0	3,5	3,5	15,8

Конечно, в полной мере сказанное относится к 3-дм. скорострельной пушке и в соответственно меньшей—к остальным.

Эти орудия применяются и для борьбы с неказематированной артиллерией, когда важен не калибр, а меткость и скорострельность.

Орудиям второй подгруппы, как имеющим сильный фугасный снаряд, посильны следующие задачи: разрушение ходов сообщения, окопов и блиндажей (без прочного бетона или толстого земляного покрытия), в этих случаях разрушаются и заваливаются только выходы из убежищ; навесно шрапнелью—поражение стрелков в неглубоких окопах без козырьков; сильное действие по открытым войскам (бомбой и шрапнелью).

Орудия третьей подгруппы получали в бою особые назначения, соответствующие их боевым свойствам, а именно по порядку: 3 и 7 пушки — специально для борьбы с воздушным флотом; 2—специальное орудие броневиков; остальные 7—для обороны и фланкировки подступов к нашим заграждениям; для отбития атак огнем в упор; для подбития траншейных орудий и пулеметов у противника; для сопровождения команд разведчиков и атакующих войск.

Посильными задачами в бою для орудий четвертой подгруппы ближнего боя (см. таблицу 18г) считались:

Бомбометам — быть подсобным орудием для пехоты во всех тех случаях, когда пользоваться более мощной пушкой нельзя: в окопах, на разведке, в атаке, при отражении штурма, при обстреливании складок местности и близких окопов противника; совсем непригодны для разрушения искусственных заграждений и даже слабых блиндажей; моральное воздействие их на войска — слабое.

ТАБЛИЦА 18в.

Третья подгруппа: специальные легкие пушки.

Орудия	Вес системы		Время перехода	Наибольшая дальность		Разрывной заряд
	в поход	в боев.		гр.	шр.	
	пуд.	пуд.	мин.	вер.	вер.	фун.
	1	2	3	4	5	6
1. 3-дм. скоростр. штурмовая пушка обр. 1910 г.	60	33	0	2,4	2,4	2
2. 3-дм. пушка бронев. автомобиля	—	—	0	2,4	2,4	2
3. 3-дм. зенитная пушка обр. 1914 г.	78 + вес ав	78 томоб.	ок. 5	8	7,8	2
4. 57-*мм* (2¼-дм.) береговая скорострельн. пушка Норденфельда	45 + вес тумбы	105	ок. 10	5,6	2,2	0,25
5. 57-*мм* (2¼-дм.) капонирная пушка Норденфельдта	28 + тумба	57	0	—	0,8	—
6. 47-*мм* (1,85-дм.) пушка Гочкиса	70	59	0	1	—	14 з.
7. 40-*мм* (1½-дм.) пушка-пулем. Виккерса на тумбе	39 + автом	39 обиль	0	5	3	—
8. 40-*мм* пушка-пулемет Депора на лафете	96	52	0	5	3	—
9. 37-*мм* траншейная пушка обр. 1915 г. Розенберга	6,5	11	0	3	0,2	4 з.
10. 37-*мм* (1,46-дм.) автоматическ. пушка Маклена	—	16	0	3	—	4 з.

Минометам, как обладающим сильным фугасным действием, вполне посильно разрушение заграждений, блиндажей и вообще горизонтальных покрытий, поэтому если обстоятельства позволят им приблизиться к цели на расстояние около 400 шагов, то они с успехом могут выполнять эти задачи. Кроме того, надо отметить сильное моральное их действие на войска.

Из показанной в таблице 19 II группы полевых тяжелых орудий собственно к полевой тяжелой артиллерии мы относили лишь 42-лин. пушки и 6-дм. гаубицы обр. 1910 г. (по порядку таблицы—5, 6 и 10); остальные показанные в таблице орудия являются орудиями «осадного типа», малоподвижные по весу системы и не могущие следовать в походе непосредственно с войсками; однако, многие из них были использованы нами во время войны, главным образом, в позиционный период, как полевые тяжелые орудия.

Орудия этой II группы характеризуются: могуществом действия при значительной дальнобойности, превосходя-

ТАБЛИЦА 18г.

Четвертая подгруппа: траншейные орудия ближнего боя.

Орудия	Вес системы: в поход	Вес системы: в боев.	Время перехода	Наибольшая дальность: б.	Наибольшая дальность: шр.	Разрывной заряд
	пуд.	пуд.	мин.	шаг.	шаг.	фун.
	1	2	3	4	5	6
Бомбометы						
1. 9-*см* (3,5-дм.) типа Г. Р.	1,5	4,2	5	500	—	1,8
2. 8-лин.	2	1	0	350	—	0,6
3. 3,5-дм. Аазена	1,5	1,5	0	400	—	1
4. 6-дм. Кегорнова мортирка	2,5	2,5	0	600	—	0,3
Минометы						
5. 58-*мм* Дюмезиля	5	12	10	500	—	20—25
6. 58-*мм* № 1	5	12	10	600	—	26
7. 58-*мм* № 2	7	20,5	10	1 000	—	40
8. 6-дм. мортира Путил. и Метал. завод.	—	18,5	10	1 300	—	11
9. 47-*мм* сист Лихонина	3	6	10	550	—	23
10. 20-*мм* сист. Лихонина	1	1,5	5	500	—	43
11. 9,45-дм англ. сист. Батиньоль *)	—	100	20	1 500	—	60
12. 89-*мм* Ижорского завода	—	70—80	20	1 500	—	80
13. 240-*мм* французский	—	120	20	2 800	—	140

щей таковую всех перечисленных выше полевых орудий. Особенно это относится к лучшему представителю этой группы—к 6″ пушке Шнейдера.

Пушки этой группы применяются для борьбы с далеко расположенной неприятельской артиллерией, для обстрела глубоких тылов противника и для поражения противника на дальних дистанциях, превышающих дальность полевых легких пушек; кроме того, 6-дм. пушки применяются для разрушения прочных построек (убежищ из бетона, укрытых 1—2 саж. земли, прочных блокгаузов и т. п.), а 6-дм. пушка Шнейдера особенно пригодна для разрушения прочных вертикальных целей.

*) См. примечание на стр. 215 относительно опасности 9,45-дм. англ. миномета для своих обслуживающих. Впрочем, это относится, до некоторой степени, к минометам и других систем.

ТАБЛИЦА 19.

II группа—полевые тяжелые орудия.

Орудия	Вес системы		Время перехода	Наибольшая дальность		Разрывной заряд
	в поход.	в боев.		б.	шр	
	пуд.	пуд.	мин.	вер.	вер.	фун.
	1	2	3	4	5	6
Пушки						
1. 6-дм. осадная скоростр. обр. 1912 г. сист. Шнейдера	250	350	20	11,6	10,5	14
2. 6-дм. пушка 120 пд. обр. 1877 г.	228	190	30	8,2	8,2	22
3. 5-дм. (60 фн.) английская пушка	—	285	10	9	8	7
4. 120-*мм* французская пушка	214	235	30	9,4	—	11
5. 42-лн. скоростр. пушка обр. 1910 г.	154	130	10	11	10	5
6. 42-лн. пушка обр. 1877 г.	188	150	30	9	8,4	5
7. 10,5-*см* (4,2 дм.) японская пушка	196	160	10	9,3	8,4	5
Гаубицы						
8. 6-дм. осадная английская системы Виккерс	—	224	10	8,6	—	14
9. 6-дм. креп. скоростр. обр. 1909 г.	187	170	10	8,2	8.2	22
10. 6-дм. пол. скоростр. обр. 1910 г.	154	130	10	7,2	7,2	22
11. 15-*см* осадная (сист. Круппа), японская	149	125	20	5,5	5,5	6,3

Гаубицы указанной II группы наиболее пригодны для разрушения прочных построек и окопов, как укрепленной полосы, так и полевого типа *.

Соответственными задачами, достойными этих могущественных орудий, должны быть: разрушение прочных сооружений, блиндажей и таких окопов, против которых обыкновенные полевые орудия бессильны; стрельба по удаленным целям большого значения: по артиллерии противника наиболее крупной, дальнобойной, наиболее нам вредящей. Для борьбы с артиллерией противника вообще и полевой тяжелой в частности—из этих орудий следует назначать преимущественно меньшие калибры (42-лин., 120-*мм* и 10,5-*см*), как очень меткие и дальнобойные, которые в силу этих качеств очень пригодны и для обстрела значитель-

* „Свойства орудий и краткие указания для их применения", утвержденные наштаверхом 6 (19) VII 1916 г. Таблица VI.

ТАБЛИЦА 20.

III группа—тяжелые орудия.

Орудия	Вес системы: в поход. пуд.	Вес системы: в боев. пуд.	Время перехода мин.	Наибольшая дальность: б. вер.	Наибольшая дальность: шр. вер.	Разрывной заряд фун.
	1	2	3	4	5	6
Пушки						
1. 155-*мм* пушка франц. обр. 1877 г. . .	380	350	10 м.	10,6	—	17,3
2. 6-дм. пушка в 200 пд. обр. 1904 г. .	362	325	3 ч.	11,4	10,6	22
3. 6-дм. пушка в 190 пд. обр. 1877 г. .	328	290	24 „	8,2	6,2	13
4. 120-*мм* пушка Обух. завода	382	680 +120	1 „	13,5	13,5	5
5. 120-*мм* пушка Виккерса	379	бал.	1 „	11,4	10,6	5
Гаубицы						
6. 11-дм. сист. Шнейдера	310	930	1 „	10,2	—	143
7. 9,2-дм. английская	250	550 +б. 380	10 „	8,4	—	38
8. 8-дм. Виккерса, I образец	250	377	10 м.	7	7	39
9. 8-дм. Виккерса, II образец	250	512	10 „	9	—	22
10. 20-*см* японская, обр. 1912 г.	200	1364	12 ч.	9,5	—	58

ных в боевом отношении, но недоступных для полевой артиллерии целей в тылу противника: по тыловым редюитам, войсковым резервам и колоннам, по транспортам, переправам, воздушным шарам и т. п., а также для разрушения вертикальных целей.

Возлагать на эти орудия разрушения разного рода искусственных заграждений (проволочных и других) нецелесообразно и допустимо лишь в исключительных случаях, оправдываемых сложившейся боевой обстановкой.

Орудия III группы (табл. 20), особенно более сильные ее представители—гаубицы, применяются в условиях полевой войны обычно только при подготовке атаки: фортов—застав, укрепленных узлов, для разрушения очень прочных сооружений, особенно оборудованных окопов и тех вообще прочно укрепленных участков позиций, которые имеют для нас особо важное значение. Поэтому применение этих орудий целесообразно тогда, когда война приобретает явно позиционный характер и когда для продвижения вперед необходимо устройство «прорывов» в мощно укреплен-

ТАБЛИЦА 21.

IV группа—позиционные орудия

ОРУДИЯ	Вес системы		Время перехода	Наибольшая дальность		Разрывной заряд
	в поход.	в боев		б	шр.	
	пуд.	пуд.	час.	вер.	вер.	фун.
	1	2	3	4	5	6
Пушки						
1. 10-дм. береговая пушка, в 45 кал.	1 770	3 000	7 д.	19,2		46
2. 9-дм. береговая пушка, обр. 1867 г.	925	2 000	5 д.	9,6		20
3. 6-дм. берег. пушка Канэ	350	1 200	2 д.	12,4		6,6
Гаубицы						
4. 12-дм. обр. 1915 г. Обух. завода	1 200	3 900	1,5 д.	12,6		192
5. 12-дм. английск. зав. Виккерса	837	3 600	1 д.	9,7		134
Мортиры						
6. 11-дм. береговая обр. 1877 г	640	1 600	10 ч.	8,2		145
7. 9-дм. береговая обр. 1877 г.	336	930	8 ч.	7,2	—	43
8. 9-дм. осадная с крутой нарезкой	336	—	8 ч.	6,2	—	99

ной неприятельской позиции, притом на участках, где имеются задачи, непосильные орудиям предыдущей группы. Дальнобойные и меткие пушки этой группы (6″ в 200 пуд. и 120 *мм*) с успехом могут быть использованы для стрельбы по далеким (вне досягаемости орудий прочих групп) целям большого значения, в том числе по крупной неприятельской артиллерии.

Нечего и говорить, что разрушение разного рода искусственных заграждений, стрельба по окопам и по живым целям допустима орудиями этой группы (даже пушками) лишь как самое редкое исключение.

Орудия этой группы должны быть назначаемы по преимуществу для подготовления активной операции на полевом фронте или для осады крепостей. В районах, предназначаемых для пассивной обороны, эти орудия могут приносить лишь случайную пользу, которая не окупит ни усилий, потраченных на доставку их, ни дорогих «выстрелов»,

кроме того, свяжет их здесь и затруднит доставку в другое место, когда там действительно потребуется их участие.

В частности, орудия этой группы могут быть особенно полезны: 10″ пушка—при ее дальнобойности и могуществе, а также 6″ пушка Канэ, в соответственно меньшей, конечно, степени—для стрельбы по удаленным целях и с к л ю ч и т е л ь н о г о значения: важные склады, узлы железных дорог, большие переправы, большие лагери и вообще скопления крупных масс войск—крупные штабы, крупная артиллерия, например, 42-*см* гаубица и т. п.

12-дм. гаубицы и 11-дм. мортиры—для разрушения особенно прочных построек, защищенных сильными горизонтальными прикрытиями и исключительно прочно оборудованных участков неприятельской позиции, отдельных фортов—застав и сооружений крепостного характера, усиленных всеми средствами долговременной фортификации.

9-дм. пушка и 9-дм. мортира—для целей меньшей сопротивляемости и меньшего значения.

Совершенно нецелесообразным и недопустимым должно быть признано употребление орудий этой группы только для морального воздействия на противника.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ОРУДИЯХ.

РУССКИЕ ПУШЕЧНЫЕ ЗАВОДЫ.

Производство артиллерийских орудий в России установлено было на казенных специальных пушечных заводах, принадлежащих военному, морскому и горному ведомствам, а также на некоторых частных металлургических заводах, для которых изготовление артиллерийских орудий не являлось исключительной специальностью.

Теми же заводами производился ремонт пушек; кроме того, в ремонте принимали некоторое участие арсеналы артиллерийского ведомства.

Н-ский орудийный завод *.

В распоряжении ГАУ имелся лишь один свой Н—й орудийный завод.

Только в силу какого-то недоразумения это «техническое заведение» артиллерийского ведомства получило громкое и совершенно незаслуженное название «орудийного завода»... По существу—это даже после своего последнего расширения—просто крупная орудийная «мастерская», работающая из рук других заводов, поставляющих для нее отливки и поковки, как не имеющая не только своего литейного цеха, но даже и маломальски приличной кузницы. Расположен он был в одном из аристократических участков города, а потому не смел даже в своей скромной кузнице поставить сколько-нибудь сильный молот. Поэтому мало-мальски крупные поковки этот орудийный завод должен был получать от арсеналов или других заводов.

Затем—величина занимаемой площади: она не достигала и 1 000 кв. саженей. Какой же орудийный завод можно расположить на ⅓ десятины! Понятно, что этого было мало даже для скромной ремонтной мастерской, не говоря уже о том, что площади двора нехватало не только для надлежащей вместимости магазинов, складов и простых навесов (для ввозимых и вывозимых изделий, для хранения хотя небольших запасов угля и дров), но положительно негде было устроить даже скромную столярную и сушилку леса при ней. На дворе прямо негде было повернуться—до того он был мал и постоянно загружен всякой кладью.

Таким образом, в горизонтальном направлении всякий допустимый предел уплотнения уже был перейден; тогда начали лезть вверх: над-

---

* Завода этого в настоящее время не существует.

страивать третий этаж. Но, конечно, этой мерой большого выигрыша в старых зданиях получить нельзя, да и не «орудийному» заводу расширяться вверх...

Уже из одного этого видно, до какой степени название «орудийный завод» не соответствовало действительности. Но окончательно ясно это станет при самом беглом обзоре оборудования этого завода: у него совсем не было своего литья—ни стального, ни медного; очень тесны и недостаточны были сборочные; не было столярной и сушилки; кузница — ничтожных размеров, допускавшая работу лишь 12 кузнецов; ковочные средства ограничивались всего двумя ¼-тонными молотами; специально пушечных станков имелось очень малое количество: по десятку—сверлильных, нарезательных и полировальных; всех же станков—около 780.

А между тем на этот завод было возложено изготовление новых орудий шести разных, очень сложных систем. Всего же в нем было установлено до 20 отдельных производств, для каждого из них надо было иметь как свое помещение, так и специальное оборудование.

Вот какие производства были установлены на этом заводе: 57-*мм* капонирные пушки сист. Норденфельдта; 3-дм. скоростр. пушки обр. 1902 г.; 3-дм. горные пушки обр. 1909 г.; 48-лин. гаубицы обр. 1909 г.; 48-лин. гаубицы системы Шнейдера (1910 г.); 42-лин. скорострел. пушки Шнейдера (1910 г.); прицельные приспособления; затворы и запасные части к ним; пулеметные станки системы Соколова; оптические приборы для 6″ пушек Канэ; угломеры; буссоли; компасы; приборы для снаряжения патронов и для обжимки их; насосы для систем Шнейдера; капсюльные втулки; барабаны для телефонного проводника; ремонт * орудий всех шести изготовлявшихся на заводе систем; ремонт * 6″ гаубиц обр. 1910 г.; ремонт прожекторов, дуговых ламп, локомобилей и других двигателей к крепостным электроосветительным аппаратам.

И все это должен был готовить этот небольшой завод! И не то, что готовить какие-либо пробные или образцовые экземпляры, а исполнять настоящие валовые заказы для удовлетворения насущной потребности русской армии.

Это было все, чем располагало военное ведомство по части изготовления артиллерийских орудий. И это в то время, как у морского ведомства был свой мощный изготовлявший орудия сталелитейный завод, а у горного департамента министерства торговли и промышленности—свой пушечный завод...

Ненормальность такого положения настолько очевидна и так бьет в глаза, что невольно рождается вопрос: что это было—глупость или преступление?

---

* Особенно труден был для завода ремонт 42-лин. пушек и 6-дм. гаубиц вследствие недостатка крупных фрезерных, строгальных и сверлильных станков для отделки люлек, салазок, штоков и веретен к этим системам. Этот ремонт несомненно задержал окончание установки производства новых 42-лин. пушек; в этом отношении здесь полная аналогия с тем, что было в оружейных заводах при обязательстве ремонта испорченных винтовок в ущерб усиления выпуска новых.

И прежде всего, конечно, естественен вопрос к ГАУ: как оно могло мириться с таким положением и не настоять либо на постройке в соответствующем, конечно, месте своего достаточно мощного орудийного завода, либо на передаче ему пушечного завода горного ведомства.

Здесь необходимо дать небольшую историческую справку о том, как относилось военное ведомство к вопросу о своем орудийном заводе.

До 1863 г. военное ведомство довольствовалось в удовлетворении своих потребностей по части артиллерийских орудий единственной скромной пушечной мастерской Петербургского арсенала, в качестве его отдела.

В 1863 г. было признано, что существующей пушечной мастерской недостаточно для удовлетворения артиллерийских нужд армии и что ее надо значительно усилить. Вот тут-то была допущена та ошибка, пагубное влияние которой сказывалось до самого последнего времени. Именно— вместо того, чтобы сразу радикально решить вопрос отказом от какого бы то ни было расширения пушечной мастерской на совершенно неподходящем для нее городском участке и приступить к постройке нового самостоятельного завода в соответствующем месте, где возможно было бы свободное дальнейшее его развитие,- было поступлено как раз наоборот: было решено приступить к расширению той же пушечной мастерской и на том же самом месте. Этим недальновидным и совсем не государственным решением как бы предуказывался и на будущее время тот же убогий способ действия. Это действительно и случалось каждый раз, как только вставал на очередь вопрос о необходимости дальнейшего развития этого завода. И оно понятно: с каждым расширением и переоборудованием, произведенным на тем же месте, корни завода уходили все глубже и сдвинуть его с места становилось все труднее и труднее. Конечно, это не оправдание для лиц, которые впоследствии ведали судьбами артиллерийского дела, а только об'яснение, почему им все труднее было исправить эту ошибку потом.

Итак, в 1863 г, во исполнение плана расширения, была выстроена мастерская для изготовления запирающих механизмов и для отделки орудий, заряжаемых с дула, и снарядов к ним. В 1864 г. эта мастерская была приспособлена к отделке береговых орудий, заряжаемых с казенной части, и была оборудована вторая мастерская для изготовления орудийных частей, главным образом запирающих механизмов (клиньев.)

С 1866 г. по 1868 г. последовало расширение мастерских и установка станков для выделки тяжелых орудий, после чего годовая производительность завода выразилась до 300 медных и до 200 чугунных орудий. В 1877 г. была установлена отделка стальных орудий. В следующем году развивалась деятельность по отделке полевых орудий, которых в 1878 г. было выпущено до 200, а в 1880 г. изготовление этих орудий повысилось до 350.

В 1885 г. завод имел уже следующие мастерские:

По отделке орудий больших калибров до 11-дм. мортир и орудий средних калибров до 42-лин.

По отделке и окончательной сборке полевых орудий.

Механическую, кузнечную, столярную (производство ремонта, исправление локомобилей и двигателей).

Электрическую с курсами для крепостных электротехников.

В таком виде завод этот за период с 1866 г. по 1891 г. выпустил орудий: медных — 6 760, стальных — 2 837 и чугунных — 1 750.

При перевооружении полевой артиллерии скорострельными орудиями обр. 1900 г., а затем и обр. 1902 г. орудийный завод был привлечен к этим работам, и с 1901 г. по 1907 г. изготовил 3 000 шт. 3-дм. полевых скорострельных пушек. Установка этого производства вызвала новое расширение мастерских и увеличение станков и двигателей. Однако, такое расширение далеко не соответствовало потребности времени. Поэтому, в августе 1913 г. начальник завода вошел в ГАУ с представлением о необходимых мерах для увеличения производительности завода, причем расходы по расширению завода были исчислены в 800 000 рублей.

В сентябре 1913 г. Военный совет разрешил проектированное переустройство орудийного завода, ассигновав на это 800 000 рублей.

Из этой исторической справки видно, что в течение полустолетия, начиная с 1863 г., идет целый ряд расширений орудийного завода все на том же ничтожном клочке земли (менее 1 000 кв. сажен) и притом в одном из наиболее бойких районов столицы.

Эта дата — 1864 г. — замечательна в том отношении, что она знаменует собою несомненный и решительный поворот во взглядах и наших правящих кругов, и тогдашнего общественного мнения на степень обеспеченности нашей армии артиллерийскими средствами. Только к этому времени как следует были осмыслены все вероятные возможности неудовлетворительного состояния нашего вооружения. Именно в 1863 г., одновременно с решением расширить орудийный завод военного ведомства, горным ведомством основывается стале-пушечный завод, почти одновременно им же строится и другой — чугунно-пушечный завод. В том же 1863 г. частной компанией основывается Н-ский сталелитейный и пушечный завод.

Какой удобный случай был для военного министерства твердо поставить вопрос о своем орудийном заводе и выйти из того жалкого положения зависимости от других заводов, в какое ставил его ничтожный собственный заводик, ни в какой мере не удовлетворявший потребностям армии в артиллерии. Но, к сожалению, этот случай был упущен бесповоротно, и в таком зависимом положении от других заводов по части артиллерийских орудий наше военное министерство было застигнуто и войной 1914—1917 гг.

Почти в таком же положении, как военное, было сперва и морское ведомство; но оно сумело, в конце концов, и притом не очень поздно, выйти из него: в 1886 г. оно приобрело у частной компании N сталелитейный и пушечный завод и с этого времени становится хозяином своего артиллерийского дела.

Естественно, возникает вопрос: ну, а после этого примера морского ведомства сделало ли какие-либо аналогичные шаги и военное. Тем более,

что к этому времени уже с полной очевидностью выяснилось полное бессилие орудийного завода удовлетворять все нужды армии.

Оказывается, ГАУ неоднократно возбуждало вопрос и о приобретении от министерства торговли и промышленности М. горного пушечного завода и о переносе своего орудийного завода в другое, более подходящее место с развитием его в мощный завод со своей литейной и кузницей. Но все эти ходатайства, особенно настойчивые с 1905 г., успеха не имели: первое из них не находил нужным поддерживать сам военный министр, а на второе не дали согласия министерства финансов и государственного контроля *.

Особенно настаивало ГАУ на необходимости переноса орудийного завода из городского района после того, как в 1910 г. выяснилось, что с 1914 г. должно начаться изготовление значительного числа 48-лин. гаубиц и 3-дм. горных пушек Шнейдера. Но поверяющие ведомства настояли на том, чтобы были даны средства (800 000 руб.) на соответствующее расширение завода на старом месте, к чему и было приступлено в конце 1913 г., так что война застала завод как раз во время этого расширения.

Таким образом, ГАУ формально как будто и право: оно просило, даже настаивало и на переносе своего завода и на приобретении М. горного пушечного, но ему и в том и другом было отказано. ГАУ успокоилось.

Конечно, всем понятно, что при существовавшем тогда режиме действовать очень настойчиво не приходилось, даже при заступничестве тех высоких покровителей, которые более полустолетия стояли во главе артиллерийского управления. Но, уже начиная с «думского периода», особенно с 4-й думы, против засилия поверяющих ведомств, можно было вести более энергичную и с большим результатом борьбу. На самом же деле этого не было. Поэтому часть вины за неудовлетворительность решения вопроса о мощном орудийном заводе военного ведомства, по справедливости, должна пасть и на ГАУ.

Впоследствии, уже во время самой войны, была сделана попытка к постройке такого завода в Саратове.

Не располагая ни литейными, ни достаточными ковочными средствами, ни прочим соответствующим оборудованием, Н. орудийный завод военого ведомства не в состоянии был выполнять в срок даваемые ему заказы. Даже во время войны, в период самой напряженной работы, этот завод, как видно из таблицы 22, успевал исполнять в срок лишь от 13 до 70%, данных ему нарядов **.

В таблице приведены лишь некоторые заказы, данные орудийному заводу еще до войны и не позже сентября 1914 г. Этому заводу были даны заказы на значительно большее количество тех же орудий; например, считая и наряды, приведенные в таблице 22, заводу было заказано:

* Записка начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева Верх. следств. комиссии стр. 91, 92, 168—170.

** Свод. сведений Верх. след. комиссии „О снабжении армии полевою артиллерией", приложения № 1, 2 и 3.

ТАБЛИЦА 22.

Исполнение заказов Н-м орудийным заводом.

Наименование заказов	Количество заказанных предметов	Время дачи наряда	Конечный срок	Поставлено в срок		Оставалось поставить	
				орудий	в %	орудий	в %
3-дм. пушки обр. 1902 г.	200	сентябрь 1914 г.	январь 1916 г.	175	87	25	13
3-дм. горные пушки обр. 1909 г.	72	июнь 1912 г.	январь 1916 г.	50	70	22	30
48-лин. гаубицы	274	август 1913 г.	август 1916 г.	82	30	192	70

3-дм. пушек обр. 1902 г., в период с сентября 1914 г. по январь 1916 г. — 680; 3-дм. горных пушек обр. 1909 г. в период с июня 1912 г. по январь 1916 г. — 247; 48-лин. гаубиц, в период с ноября 1912 г. по январь 1916 г. — 414; всего же до 1 340 полевых орудий. Изготовление всех этих орудий шло на Н. орудийном заводе также с довольно значительным запозданием против обусловленных сроков окончания заказов.

Запоздание, помимо указанных выше причин, происходило также из-за того, что заводу во время войны приходилось не только изготовлять новые орудия, но и заниматься исправлением поврежденных, главным образом, путем замены расстрелянных стволов новыми. Например, с 1 сентября 1915 г. по 1 января 1916 г. орудийным заводом было отремонтировано: 3-дм. полевых пушек 408, 48-лин. гаубиц — 19 и 6-дм. гаубиц обр. 1910 г. — 33, а в 1916 г. завод должен был произвести ремонт 600 полевых 3-дм. пушек, 73 полевых 48-лин. гаубиц, 7 полевых тяжелых 42-лин. пушек и 33 полевых тяжелых 6-дм. гаубиц. Кроме ремонта скорострельных орудий, орудийный завод в 1915 г. исправил еще 102 поршневых 3,42-дм. пушки обр. 1895 г. *.

Наконец, Н. орудийному заводу приходилось во время войны изготовлять огромное количество разных запасных частей к орудиям, что несомненно так же вредно отражалось на производительности завода по изготовлению новых орудий.

Несмотря на все указанные неблагоприятные условия, Н. орудийный казенный завод изготовил за 3 года войны 1 450 новых орудий, разных систем и калибров — 76-*мм*, 107-*мм* и 122-*мм*. Принимая во внимание слабость средств оборудования завода, это служит показателем проявленной им во время войны чрезвычайно большой интенсивности.

* Справка ГАУ об орудиях, предполагаемых к изготовлению и исправлению в 1916 году. Составлена 6 (19) II 1916 г. (В материалах А. А. Маниковского).

М. пушечный казенный завод.

По поводу М—го пушечного завода на долю ГАУ выпало много нареканий за неумелое и недостаточное использование этого завода явно в ущерб государственной обороне.

Вот как формулируются эти обвинения в «сводах» Верховной следственной комиссии *.

1. М—ский пушечный завод к началу текущей войны оказался вовсе необорудованным для изготовления орудий всех крупных калибров и средних, вплоть до 8-дм. К концу 1915 г. технические средства орудийного цеха ограничивали деятельность его изготовлением лишь следующих орудийных систем: 3-дм. полевых пушек, 6-дм. пушек Канэ, 48-лин. полевых гаубиц и 6-дм. тяжелых полевых гаубиц системы Шнейдера; при этом однако 6-дм. гаубицы выпускались названным цехом в количестве около 70 орудий в месяц. В то же время и состояние других мастерских завода, особено мартеновской, молотовой и электрической станции, представляется неудовлетворительным, ограничивающим быстрый и планомерный рост производительности названного завода, а в соответствии с этим влекущим и в дальнейшем недостаточное и несвоевременное снабжение армии артиллерийскими орудиями, главным образом, крупных и средних калибров. Указанная неподготовленность М—ского завода к широкой производительности об'ясняется:

Во-первых, тем, что артиллерийское ведомство в течение целого ряда лет М—скому пушечному заводу почти никаких заказов на пушки не давало (1906, 1907, 1908, 1909, 1910 и 1914 гг.); это обстоятельство: а) вынудило заводоуправление в 1909 г. распустить часть мастеровых. б) привело к тому, что завод стал работать в убыток, выразившийся за трехлетие с 1907 г. по 1909 г. в сумме более 5 000 000 рублей, и в) обрекло завод в течение долгого времени на бездеятельность и связанную с нею дезорганизацию отдельных цехов и мастерских.

Во-вторых, тем, что артиллерийское ведомство в самом порядке дачи заказов М—скому заводу не придерживалось принципа планомерности, а именно: а) в 1910 г. дало заводу весьма убыточный заказ на 48 — 48-лин. гаубиц и 18 лафетов к ним; вынудив этим заказом завод оборудоваться для изготовления названных орудийных систем, в дальнейшем на эти системы заказов более не дало; б) в 1910 и 1912 гг. дало наряд на 120 и 55 3-дм. пушек образца 1900 г., уже снятого к тому времени с вооружения и значительно отличающегося от принятого в русской армии образца 1902 г., в) дало в 1912 г. заказ на 76 6-дм. скорострельных гаубиц системы Шнейдера, но в 1913 г. исполнение этого заказа остановило; г) дало в 1912 г. заказ на 52 6-дм. береговых пушки длиною в 52 калибра, но до конца 1915 г. не прислало заводу ни окончательных технических условий, ни детально проверенных чертежей, вслед-

* „Свод. выводов Верховн. следств. комиссии о деятельности казенных артиллерийских заводов", стр. 4 и 5. (Архив А. А. Маниковского.)

ствие чего завод и не имеет возможности приступить к выполнению сего заказа.

В заключение надо отметить, что артиллерийское ведомство не использовало М—ского пушечного завода для нужд отечественной артиллерии, обильно обеспеченного сталью высокого качества, топливом и рабочими руками, а также надежно защищенного (по-своему местоположению) от неприятельского воздействия.

Если, далее, названное ведомство своею деятельностью в отношении дачи заказов поставило тот же завод в положение почти безвыходное, то, с другой стороны, то же ведомство не приняло надлежащих мер к тому, чтобы развить производство необходимых армии орудий на других заводах.

2. Член Верховной следственной комиссии В. А. Бобринский, обследовавший М—ский пушечный завод по поручению комиссии и собиравший материал приведенных выше (в п. 1) обвинений, дает еще следующую общую характеристику этого завода.

«В топографическом отношении положение М—ского пушечного завода представляется не вполне удовлетворительным, так как заводская территория сжата в узком клинообразном пространстве между затопляемою береговою полосою реки и крутою возвышенностью, тянущеюся в расстоянии всего лишь от 300 до 1 200 шагов от обреза воды *. Вследствие такого невыгодного плана заводского участка, самый завод оказывается вытянутым в линию, и дальнейшее расширение завода возможно только по двум направлениям: вверх и вниз по течению, причем, однако, и в последнем направлении расширению завода поставлена искусственная граница — между городом и собственно заводским участком расположен полигон.

Отчасти в соответствии с указанным топографическим недостатком находится скученность заводских построек при общем растянутом положении завода. В то же время мастерские расположены в беспорядке, проходы же между ними настолько узки, что перевозка длинных пушек, естественно, встретила бы значительные затруднения, тем более, что существующая узкоколейная конная железная дорога совершенно не соответствует размерам деятельности и значения завода, вырабатывающего пушки из лучшей в мире стали. С другой стороны, прокладка паровой железной дороги, за крайнею стесненностью заводского участка, едва ли представляется возможной.

Завод производит такое впечатление, что расширение его шло по мелочам, на маленькие средства, постепенно, путем пристроек, добавлений, основанных, главным образом, на возможно большей экономии. Во всем чувствуется, что заводу не давалась и не дается возможность развернуться и работать так, как это следовало бы заводу первейшей государственной важности. Благодаря подобному своеобразному расширению завода и получилось, что первоначально небольшие здания

* Были годы, когда из-за затопляемости заводского участка работы завода прекращались на 3-4 недели.

пристраивались, достраивались, и, увеличиваясь, доходили до соседних зданий, стесняя все внутреннее свободное пространство, сами же здания получались тесные, темные и малоудобные».

Оригинально то обстоятельство, что все эти плановые, технические и хозяйственные неурядицы, недопустимые в сколько-нибудь организованном предприятии, ставились в вину не прямым виновникам этих непорядков — хозяевам предприятия — Горному департаменту и министерству торговли и промышленности, а одному из заказчиков его — ГАУ. Правда, и хозяин предприятия и заказчик — оба казенные ведомства; ну, тогда надо признаться, что у нас не было вовсе об'единяющего начала, координирующего действия всех ведомств по единому общегосударственому плану, а не взваливать вину на менее причастное в данном случае ведомство.

3. Резюмирует свои выводы по обследованию собственно технической части М—ского пушечного завода В. А. Бобринский так:

«Из приведенного краткого очерка технического оборудования М—ского пушечного завода с очевидностью вытекает, что названный завод в техническом отношении далеко не отвечает требованиям, ныне пред'являемым к мощно оборудованным артиллерийским заводам, европейского типа (Шнейдер, Армстронг, Виккерс, Шкода, Крупп). Оборудование названного завода горного ведомства, представляясь по отдельным цехам и мастерским явно недостаточным, в целом оказывается совершенно бессистемным и случайным. Через это быстрый и равномерный рост производительности завода по всем цехам и отраслям его деятельности едва ли возможен, особенно при условиях военного времени, когда получение предметов технического оборудования связано с неимоверными подчас затруднениями».

4. Затем Верховная следственная комиссия, останавливаясь на причинах неудовлетворительного состояния М—ского пушечного завода, пришла к такому заключению:

«Неудовлетворительное, в общем, состояние оборудования завода, которое не могло не повлечь за собою недостаточное снабжение армии потребными ей артиллерийскими орудиями, глубоко коренится в проявившемся до войны полном небрежении заказывающих ведомств к сему заводу. Внешним образом небрежение это проявилось в том, что завод систематически обходился заказами, на которые он по праву мог бы рассчитывать. В виду сего производительность названного завода не только с течением времени, не возрастала, но даже в отдельные периоды, в отношении, собственно, изготовления орудий, значительно сокращалась, падая почти до нуля. Подтверждением такому положению может служить нижеследующая таблица нарядов, получаемых заводом за время с 1906 по 1914 год включительно».

«Из ближайшего рассмотрения таблицы 23 видно: «морским министерством в 1906, 1907, 1908, 1910, 1911 и 1912 гг. М—скому заводу никаких заказов дано не было. Военное же министерство, передав тому же заводу в 1906 г. незначительный заказ на 100 шт. 3″ скорострельных

ТАБЛИЦА 23.

Наряды морского и сухопутного ведомств М-скому пушечному заводу на орудия и их части.

Год	Наряды	Количество	Цена	Сумма	Всего в год
			рубли		
	Морские				
1909	6″ морские пушки в 45 кал.	15	12 000	180 000	
					180 000
1913	6″ орудия Канэ в 45 кал.	91	11 607	1 056 237	
	То же, скрепленные	9	15 138	136 242	
1913	120-*мм* орудия Канэ в 45 кал.	8	8 515	68 120	
	То же скрепленные	12	12 500	150 000	
	75-*мм* орудия в 50 кал.	80	4 524	361 920	
	То же для станков системы Меллера	24	4 524	108 576	
					1 881 095
1914	130-*мм* орудия 55 кал.	24	19 500	468 000	
					468 000
					2 529 095
	Сухопутные				
1906	3″ пол. пушки обр. 1902 г.	100	1 700	170 000	
	К ним лафеты	100	1 450	145 000	
					315 000
1908	3″ части поковок для орудийного завода ГАУ	100	970	97 000	
					97 000
1910	Поковки частей 48-лн. полевых гаубиц	192	1 615	310 080	
	Поковки частей 3″ горн. пушек	55	730	40 150	
	3″ скоростр. пушки обр. 1900 г.	120	1 800	216 000	
	48-лн. гаубицы обр. 1909 г.	48	4 800	230 400	
	Лафеты к ним	18	7 000	127 000	
					923 630

Год	Наряды	Количество	Цена	Сумма	Всего в год
			рубли		
1911	Болванки для 3″ пол. пушек обр. 1902 г.	178	970	172 660	
	Лафеты для тех же пушек	178	1 065	189 570	
	6″ скоростр. пол. гаубицы с лафетами	60	19 170	1 150 200	
					1 512 430
1912	3″ пол. скор. пуш. обр. 1900 г.	55	1 800	99 000	
	Лафеты для 3″ пол. пушек обр. 1902 г.	144	1 065	121 410	
	Болванки для 3″ пол. пушек обр. 1902 г.	130	970	126 100	
	Болванки для 3″ горн. пушек обр. 1909 г.	78	825	64 350	
	6″ береговые пушки в 52 кал.	52	18 500	962 000	
	Капон. лафеты для 3″ пушек	55	2 750	151 250	
					1 524 110
1913	6″ креп. гаубицы с лафетами	76	20 500	1 558 000	
	3″ пол. пуш. обр. 1902 г. с люльками	126	2 955	372 330	
	3″ пол. пуш. обр. 1902 г. с лафетами	636	3 750	2 385 000	
	Болванки 57-*мм* кап. пушек	46	475	21 850	
	Болванки и поковки частей 48-лн. гаубицы обр. 1909 г.	274	1 615	442 510	
	Болванки для 42-лн. пол. пушек 1910 г., сист. Шнейдера труб	95	1 000	95 000	
	Кожухов	95	1 500	142 500	
	Поршней	100	60	6 000	
					5 023 190
1914	57-*мм* кап. пушек с лафетами	80	2 300	184 000	
					184 000
					9 579 360
	Всего				12 108 455

пушек с лафетами к ним образца 1902 г. на сумму 315 000 рублей, — в следующем 1907 г. никаких заказов не дало, и, таким образом, казенный М—ский пушечный завод в 1907 г. от казны вообще никаких заказов не получил, а в 1908 г. артиллерийское ведомство предоставило этому заводу ничтожный по сумме (97 000 руб.) и весьма ограниченный по техническому значению заказ по части поковок для 3" пушек, предназначенных для нужд казенного Н—ского орудийного завода. Наконец, и в 1909 г. военное министерство М—скому пушечному заводу никаких нарядов на изготовление пушек не дало. Особого внимания, казалось бы, заслуживает и то обстоятельство, что в 1914 г., во время текущей войны М—ский пушечный завод от военного министерства получил ничтожный, при условиях военного времени, заказ, всего на сумму 184 000 рублей. Между тем, К—ский частный пушечный завод получил в 1914 г. заказ от военного ведомства на 789 пушек разных систем на общую сумму 14 683 850.

По изложенным соображениям нельзя не разделить мнения, высказанного начальником М—ского пушечного завода, которое сводится к тому, что завод, работая на нужды военного и морского ведомства, но ни одному из этих ведомств не принадлежа, а принадлежа к горному ведомству, становится в силу этого, действительно, как бы пасынком первых двух».

5. Интересно здесь также привести мнение одного из начальников горных заводов Э. А. Гертума, который, управляя заводами в самое тяжелое для них время и видя, к чему ведет такое отношение к важному государственному предприятию, обращался в Горный департамент с целым рядом рапортов, а именно: от 26 октября (7 ноября) и 4 (17) декабря 1909 г. и 27 января (8 февраля) 1910 г.; в рапортах указывалось на критическое положение М—ского пушечного завода и на грозившую опасность, а затем и совершившийся факт роспуска контингента опытных рабочих. Так, в первом рапорте Гертум отмечал, что «неравномерное распределение нарядов или полное отсутствие их — по орудийным фабрикам ложится тяжким бременем на заводы и ставит их в безвыходное положение». Не ограничиваясь, однако, приведенным замечанием, Гертум писал дословно следующее: «Пора точно и определенно поставить вопрос: быть заводам или не быть. Влачение жалкого существования хуже небытия. Подобный порядок оправдывается тем, что заводы горного ведомства служат запасным ресурсом на случай экстренного спроса и должны быть всегда готовы к принятию заказов. Но подобный взгляд основан на жестоком недоразумении. Быть готовым к кипучей деятельности, это значит постоянно ее поддерживать; быть же обреченным на продолжительные остановки — равносильно закрытию завода, а такой порядок вещей поддерживается и оплачивается слишком дорогою ценою». Во втором рапорте Гертум снова напоминал Горному департаменту, что «продолжительное отсутствие специальных работ внесет в жизнь фабрики непоправимую дезорганизацию и ставит заводоуправление в тяжелую необходимость увольнять ра-

бочих к началу зимнего сезона, когда найти на стороне посторонние заработки чрезвычайно трудно. Донося об этом Горному департаменту, прошу снестись с высшим начальством, об'яснив ему критическое положение заводов, и ходатайствовать перед военным и морским министерством о даче нарядов». На эти рапорты ответа со стороны Горного департамента не последовало.

6. В окончательном выводе Верховная следственная комиссия пришла к следующим заключениям:

«При всех неблагоприятных условиях несомненная жизнеспособность горных пушечных заводов доказывается тем, что как только они начали получать заказы, так деятельность их не только перестала быть убыточной, но даже стала приносить доход казне в следующих размерах:

В 1910 году		219 874	р.	12 к.
„ 1911 „		895 978	„	17 „
„ 1912 „		1 533 094	„	37 „
„ 1913 „		1 286 701	„	27 „
„ 1914 „		2 233 616	„	92 „
„ 1915 „	(за 10 мес.)	1 674 286	„	93 „

«В то же время М—ский пушечный завод проявил в полной мере свою способность к своевременному выполнению нарядов на заказе 1913 г., 762 3″ полевых пушек и 636 лафетов к ним. Несмотря на то, что завод, ввиду прежней дезорганизованности соответствующих мастерских из-за отсутствия нарядов, приступив к выполнению означенного заказа, с началом сдачи орудий опоздал почти на 6 месяцев, тем не менее, в дальнейшем, завод этот повел производство настолько успешно, что окончил заказ на один год ранее обусловленного срока.

«Однако, как известно, и этот пример не изменил отношения военного министерства к М—скому пушечному заводу, который в 1915 г. первоначально был обойден заказом на 3 000 3″ пушек, каковой заказ был назначен к передаче Военным советом группе частных заводов. И лишь после увольнения ген. Сухомлинова от должности военного министра заместителю его ген. Поливанову удалось настоять на передаче упомянутого заказа М—скому заводу, причем окончательный наряд заводу был дан только к октябрю 1915 г.

«В заключение, казалось бы, надлежит отметить, что несмотря на целый ряд преград, ставившихся М—скому пушечному заводу в плодотворном расширении его деятельности по изготовлению орудий, а также невзирая на то, что отпущенные законом 23 июня (6 июля) 1913 г. на переоборудование названного завода кредиты почти вовсе использованы не были, этот завод, в пределах своего оборудования, сумел найти достаточно сил и энергии, чтобы оказать весьма существенные услуги делу снабжения армии артиллерийскими орудиями, в которых с самого начала войны ощущался острый недостаток. Именно во время кампании, М—ский завод, утроив свою производительность по сравнению

с прошлыми годами, сумел тем самым поставить свою деятельность в живую связь с боевою службою наших армий:

«Если же М—ский пушечный завод и до настоящего времени оказывается необорудованным для нужд тяжелой артиллерии, то вина в этом, естественно, лежит не на нем, а на тех ведомствах, которые своевременно не сумели оценить высокое государственное значение названного завода, и в течение долгого ряда лет поддерживали его жизнь на границе умирания».

По поводу всех этих обвинений, производящих несомненно серьезное впечатление, быв. начальник ГАУ, ген. Кузьмин-Караваев дал об'яснения Верховной следственной комиссии, по существу сводящиеся к следующему.

Из всех казенных заводов М—ский пушечный завод имел наибольшее число заказов, даваемых распоряжением ГАУ. За 15 лет — с 1900 г. по 1914 г. включительно — этому заводу было заказано орудий, лафетов и снарядов всего на сумму 83 795 000 руб. Весною 1914 г. за заводом числились еще неисполненных им заказов на 20 700 000 руб.

Работа М—ского пушечного завода была всегда хорошо известна ГАУ по регулярным докладам двух офицеров, находившихся при заводе в качестве приемщиков заказанных изделий, и из отчетов заведующего артиллерийскими приемками, ежегодно осматривающего завод с целью поверки деятельности приемщиков. Из этих отчетов можно было видеть, что М—ский завод долгое время не справлялся со стальным производством, личный состав завода не имел опыта и знаний по обработке, закалке и отжиту стали. Еще в 1904 г. М—ский завод, не будучи в состоянии самостоятельно выработать производство бронебойных снарядов, вошел в соглашение с немецким заводом Круппа, который взялся поставить это дело на М—ском заводе, но крупповские бомбы оказались хуже изготовляемых русскими частными заводами, и только крайняя нужда в снарядах для береговых орудий заставляла ГАУ принимать их на службу. Заказанные М—скому заводу 6-дм. пушки в 200 пуд., сроком на четыре года, завод изготовлял около семи лет, не получая удовлетворительной работы от своей сталелитейной мастерской; первые три года механические испытания поковок давали до 90% брака; только с 1907 г. заводу удалось несколько улучшить металлургическую сторону дела. В первые годы изготовления 3-дм. скорострельных пушек, а также при отливке поковок для таких же пушек, отделываемых на Н—ском орудийном заводе, М—ский завод давал до 35% брака за литейные пороки в металле; брак значительно уменьшился после того, как М—ский завод стал пользоваться мартеновской сталью от другого горного завода, изготовлявшего холодное оружие. Этот последний помогал изготовлением 3-дм. поковок, когда просроченная сдача их М—ским заводом задерживала работу казенного Н—ского орудийного завода.

Со времени окончания заказов по перевооружению полевой артиллерии 3-дм. скорострельными пушками (в 1906 г.), ассигнование

ГАУ денежных средств на изготовление орудий было прекращено, поэтому в 1907—1908 гг. орудийные заводы заказов не имели. Открытые в 1908, 1909 и 1910 гг. кредиты на артиллерийское вооружение новых систем были обращены на заказы орудий различным казенным и частным заводам, в том числе М—скому пушечному заводу были заказаны:

6-дм. полевых тяжелых гаубиц	60
48-лин. полевых гаубиц системы Круппа	48
3-дм. полевых пушек обр. 1900 г.	120
Поковки (черновые, не отделанные стволы орудий и пр.) для заказанных орудийному заводу ГАУ следующих орудий:	
48-лин. полевых гаубиц Круппа	192
3-дм. полевых пушек обр. 1902 г.	178
3-дм. горных пушек обр. 1909 г.	55
Всего орудий 228, поковок для орудий	425

В последующие годы, при ассигновании денег на артиллерийское вооружение, М—скому пушечному заводу из крупных заказов на орудия было поручено изготовление 76 крепостных 6″ гаубиц и 817 скорострельных 3″ пушек (762 образца 1902 г. и 55 образца 1900 г.). В первые месяцы войны тот же завод принял заказ на 2 000 скорострельных 3″ пушек.

По поводу приведенных выше сведений, собранных Верховной следственной комиссией, необходимо дать следующие пояснения.

1. С 1911 г. представитель ГАУ г.-л. Якимович принимал участие в рассмотрении в междуведомственном совещании вопроса по переустройству М—ского пушечного завода для установления производства орудий большого калибра. Междуведомственное совещание пришло к определенному решению о необходимости оборудования этого завода для изготовления орудий самого крупного калибра, до 14-дм., так как деятельность изготовлявшего такие орудия завода морского ведомства могла не ответить срочным требованием государственной обороны. В 1913 г. М—скому пушечному заводу было разрешено приступить к переустройству, с правом израсходования 4 831 780 руб. В конце того же 1913 г. морское министерство заявило, что для потребностей флота переоборудование завода должно обеспечить готовность к производству 16″ орудий; программа расширения завода, с испрошением дополнительного кредита, подлежала изменению, задержавшему работы завода по разрешенному законом 1913 г. оборудованию. Представитель ГАУ г.-л. Якимович в заседаниях междуведомственного совещания всегда указывал на ничтожную потребность военного ведомства в дальнобойных орудиях большого калибра, полностью удовлетворяемую заводом морского ведомства, и на существенную необходимость усиления производительности М—ского завода по изготовлению орудий среднего и малого калибров и снарядов всех калибров. Совещание высказалось

за осуществление требуемого военным ведомством усиления работы завода, но до конца 1914 г. такого усиления сделано не было.

2. Приведенные выше данные о заказах М—скому пушечному заводу, выданных за 15-летний период, свидетельствуют не о пренебрежении, а о стремлении ГАУ установить на этом заводе изготовление орудий новейших систем из числа требуемых для армии в наибольшем количестве — 48-лин. гаубиц Круппа и 6″ гаубиц Шнейдера, а также об изготовлении заводом 3″ пушек в количестве, много превысившем заказ таких же пушек заводу морского ведомства.

К—ский частный пушечный завод, правда, имел наибольший заказ, но, как автор систем 3″ артиллерии обр. 1900 г. и образца 1902 г. и в силу состоявшегося с ним соглашения, получал за время перевооружения по 400 пушек ежегодного заказа.

Заказ на 80 капонирных пушек был дан М—скому заводу не по условиям военного времени, а еще весной 1914 г.; во время же войны, в январе 1915 г., завод принял заказ стоимостью в 12 млн. рублей на 2 000 3″ пушек с лафетами.

3. ГАУ предвидело, что небольшой заказ на 48-лин. гаубицы системы Круппа будет убыточным М—скому заводу, но он являлся необходимым для изучения новой для завода системы, для прочного установления этого производства; также и первые заказы на 6″ гаубицы — 60 полевых и 76 крепостных были даны с целью скорее дать возможность заводу ознакомиться с французскими орудиями для широкого его использования, когда последует разрешение на усиление артиллерийского вооружения армии.

Летом 1913 г. ГАУ получило первые указания ГУГШ на предстоящее в 1915—1916 гг. усиление полевой артиллерии. Незамедлительно после этого начальник ГАУ был на М—ском пушечном заводе для выяснения размера изготовления доступных для завода орудий в трехлетний срок — с 1914 г. по 1916 г. включительно. Обсудив предложение принять к изготовлению в текущем 1913 г. 900 полевых скорострельных пушек и 200 гаубиц, начальник завода заявил, что требуемое количество 3″ пушек может быть изготовлено при условии сдачи — в 1914 г. 240 пушек, в 1915 и 1916 гг. — по 360 пушек, *но заказ на гаубицы, в общем весьма желательный, может быть принят к исполнению не ранее 1916 года.* Из переговоров начальника ГАУ с личным составом администрации завода выяснилось, что главнейшей причиной слабого оборудования различных цехов завода, особенно лафетной мастерской, служит недостаток денежных средств и лишение завода права приступать к расширению до утверждения Горным департаментом подробной сметы, между тем как разработкой такой сметы завод был крайне затруднен. В сношении с директором Горного департамента от 2 (15 октября 1913 г. начальник ГАУ сообщил ему о предстоящем изготовлении в короткий срок значительного количества орудий и снарядов мелких и средних калибров, вследствие чего, вполне возможное развитие всех горных заводов является неотлож-

ным; поэтому необходимо указать заводам такой способ действия, при котором они могли бы теперь же приступить к осуществлению предлагаемой ГАУ программы; военное ведомство всемерно поддержит соответствующее представление Горного департамента об отпуске средств для расширения производительности по изготовлению орудий и снарядов мелких и средних калибров. В частности, по отношению к М—скому пушечному заводу было сообщено, что в ближайшее время завод получит заказ на 800 полевых скорострельных пушек, но что крайне желательный для артиллерийского ведомства заказ на 100 гаубиц 48-лин. и 100 гаубиц 6-дм. завод не принимает к исполнению ранее 1916 г., а между тем ГАУ предвидятся еще новые срочные потребности.

4. По замечанию о заказах 3″ пушек обр. 1900 г., «уже снятого с вооружения», следует заметить, что приведенное указание не соответствует действительности: начиная с 1904 г., ГАУ заказывает для полевой артиллерии 3″ орудия образца 1902 г., имеющие значительно усовершенствованный лафет, но орудия обр 1900 г. все-таки состоят на вооружении части полевой артиллерии и всех крепостей. При общей мобилизации армии на театр военных действий в 1914 г. были отправлены 126 батарей (т.-е. 1 008 орудий), вооруженных этими пушками. К началу войны 1914 г. в армии и крепостях состояло 3″ орудий обр. 1900 г. более 1 700. 3″ пушка обр. 1900 г. по баллистическим свойствам одинакова с 3″ пушкой обр. 1902 г. и стреляет теми же боевыми припасами. В наружном очертании имеется разница, об'ясняемая иным устройством лафетов для этих двух пушек. Лафет обр. 1900 г. требует пушку цапфенную, а более совершенный лафет 1902 г., снабженный люлькой, держит на себе пушку не цапфами, а бородой. В крепостях служат пушки исключительно обр. 1900 г., с колесными лафетами, поступившими в крепость из полевой артиллерии, или с неподвижными капонирными лафетами системы г. Дурляхова, которые требуют тоже цапфенную пушку. Заказанные М—скому заводу 175 пушек обр. 1900 г. были назначены для крепостей, для службы на лафетах, к которым пушка обр. 1902 г. непригодна.

5. Вновь вводимая на вооружение береговых крепостей 6″ пушка, в 52 калибра длиною, разрабатывалась в Англии на заводе Виккерса. Получив в 1912 г. главнейшие сведения о новом 6″ орудии, к которому затвор еще не был закончен, ГАУ, для ускорения берегового вооружения этой системой, сообщило М—скому пушечному заводу необходимые сведения для изготовления орудий обр. Виккерса, по состоявшемуся заказу на береговые пушки. М—ский пушечный завод, имея чертежи и технические условия, в 1913 г. был занят изготовлением первой из заказанных ему пушек, это известно ГАУ из сношений начальника горных заводов от 6 (19) ноября 1913 г. за № 16761.

Разработанные Виккерсом чертежи затвора были утверждены ГАУ 6 (19) марта 1914 г. и посланы М—скому пушечному заводу вместе с окончательными чертежами пушки, в которые вошли лишь несуще-

ственные изменения первых чертежей, служивших заводу для руководства при работе 1913 г.

Наконец, в 1915 г. Виккерс ввел еще незначительные изменения в деталях затвора, которые опять были переданы для сведения М—скому заводу на случай, если он найдет возможным их применить на изготовляемых им пушках.

6. Заказ 1913 г. на 76 крепостных гаубиц 6" калибра был остановлен в конце 1914 г. вследствие заявления начальника М—ского пушечного завода о крайнем затруднении слабо оборудованной лафетной мастерской, при одновременной работе лафетов к 6" гаубицам полевым и крепостным. По мнению горного начальника, высказанному в разговоре с начальником ГАУ, подача гаубичных лафетов будет увеличена при однородной работе; такое же заключение было сообщено и. д. заведующего артиллерийскими приемками г. Вальтером; в дальнейшем подтверждение этого мнения последовало от начальника мастерской М—ского завода, полк. Юркевича. Как известно, в 1915 г. начальник горных заводов вновь подтвердил г. Вальтеру о невозможности изготовления крепостных гаубичных лафетов одновременно с усиленной работой лафетов к 6" полевым гаубицам. В соответствии с изложенным, М—скому заводу был дан заказ в начале 1915 г. на 150 полевых 6" гаубиц, взамен приостановленного изготовления 76 крепостных гаубиц.

7. 60 полевых 6" гаубиц были заказаны М—скому пушечному заводу в 1911 г., когда К—ский частный пушечный завод выпустил свои пробные гаубицы, испытание которых еще не позволило установить окончательные чертежи и технические условия на прием новых орудий. Столь ранний наряд на гаубицы был предоставлен с целью дать возможность казенному М—скому заводу подготовиться к новому для него производству командированием своих техников на частный пушечный К—ский завод для изучения системы, заказа станков, изготовления инструмента, отливки гаубичных болванок. Срок сдачи гаубиц был определен по соглашению с заводоуправлением.

8. По вопросу о заказе 3" пушек было сказано, что в начале 1915 г. Военный совет лишил М—ский пушечный завод заказа в 3 000 пушек 3", предоставив этот заказ группе частных заводов, и лишь вновь назначенному военному министру Поливанову удалось настоять на передаче этого заказа М—скому заводу.

В январе 1915 г. начальником ГАУ были представлены помощнику военного министра соображения о необходимости безотлагательного крупного заказа 3" скорострельных пушек. По произведенному исчислению, для армии, снабженной полевой артиллерией по предположенной новой организации, а также для крепостной, потребовалось 9 500 скорострельных 3" пушек. Исходя из предположения, что после только что начавшейся большой войны к ее концу мы будем иметь не более 3 000 годных для службы 3" пушек, необходимо было озаботиться скорейшим заказом

недостающей 3″ артиллерии. Для удовлетворения приведенной потребности 3 500 пушек заказаны трем пушечным заводам:

Н—скому орудийному заводу военного ведомства—600.

М—скому пушечному гор. ведомства—2 000.

К—скому частному пушечному—900.

Для заказа остальных трех тысяч пушек надлежало принять немедленное решение.

К—ский частный пушечный и морской орудийный заводы заявили о своем желании принять крупный заказ на скорострельные пушки по 7 000 рублей за орудие, но в силу состоявшегося решения о развитии орудийного производства вне Петроградского района необходимо было принять меры к изысканию возможности заказа иным заводам.

Начальник М—ского пушечного завода при этом заявил ГАУ, что, учитывая вновь заказываемое им оборудование для усиления производительности пушечного завода, он рассчитывает с 1916 г. выпускать по 75 пушек в месяц (900 в год), но дальнейшее усиление ему представляется неисполнимым.

Завод, вновь устраиваемый группой частных заводов, сообщил о своем желании поставить пориводство 3″ скорострельных пушек, и хотя первые заявленные им условия считались неприемлемыми, но ГАУ получило указание продолжать переговоры с группой частных заводов в виду предстоящего по этому делу суждения междуведомственного совещаиня.

На этом совещании было установлено, что заказ на 3 000 орудий не может быть дан заводам Петроградского района, а военному ведомству надлежит настаивать на развитии производства М—ского пушечного завода или создать новый частный завод внутри России. Директор Горного департамента заявил, что весьма желательный второй крупный заказ на одинаковые пушки надолго обеспечил бы М—ский пушечный завод работой, но заводоуправление не может взять на себя обязательство изготовить все 5 000 пушек ранее конца 1920 г., так как будущая максимальная производительность, начиная с 1918 г., не превысит 1 100 пушек в год. Между тем Л—ский завод из группы частных заводов согласился изготовить 3 000 пушек к июлю 1919 г. по 7 550 рублей за орудие, установив на заводе и лафетное производство. Выяснив невозможность удовлетворения потребности в орудиях путем усиления производства их на М—ском пушечном заводе в срок, заявленный частными предпринимателями, совещание признало возможным предоставить заказ 3 000 орудий Л—скому заводу, но представители министерства финансов, не соглашаясь с таковым решением, возбудили вопрос о большей выгодности постройки нового орудийного казенного завода. Конечно, согласие приступить к удовлетворению давно назревшей нужды военного ведомства в пушечном заводе не разрешило вопроса о срочном заказе 3 000 пушек к 1920 г.

В соответствии с решением совещания, Военный совет постановил внести на рассмотрение Совета министров его заключение о заказе

3 000 пушек Л—скому заводу. Впоследствии, когда Горный департамент изменил свое первоначальное решение, заявив о возможности изготовления М—ским пушечным заводом всех 5 000 пушек до 1920 г., дополнительный заказ на 3 000 пушек был дан М—скому заводу, а группе частных заводов было заказано 2 500 пушек, но по цене уже повышенной—вместо 7 750 руб. до 10 000 руб. за пушку.

9. Далее начальник ГАУ указывает на причины медленной работы и малой производительности М—ского пушечного завода. Главнейшей отрицательной стороной завода он считает несоответственный и недостаточный технический его персонал. Не имея в течение целого ряда лет должного числа сведущих работников, этот завод, по необходимости, обращался за сталью к другому казенному горному заводу, болванки для люлек заказывал частному заводу, пружины лафетного накатника — казенному оружейному заводу. Металлургическая работа завода страдала хроническими дефектами. Инженер Тыжнов, уже несколько лет заведывавший мастерской завода, в своем отчете указывал на крайне плохое состояние сталелитейного дела; так за один год работы было забраковано, по результатам механического испытания, тысяча изделий, главным образом, орудийных труб и кожухов. В 1914 г. артиллерийский приемщик, капитан Пирожников, доносил о продолжающемся плохом качестве орудийного металла, причем указывал, что на складе числится 100 000 пудов орудийной стали, а пушек делать не из чего. Назначенный для расследования этого дела, знаток сталелитейного дела, г. Гермониус не мог исполнить поручения, так как начавшаяся война заставила командировать его в Японию. Лафетная мастерская, крайне стесненная помещением и недостаточная по оборудованию, не допускала одновременной работы, в должном размере, лафетов различных конструкций. По сведениям, собранным заведующим артиллерийскими приемками, заведывавший лафетной мастерской, получавший премию за определенное число готовых лафетов, принимал свои меры к пред'явлению большего числа 3″ лафетов налаженного производства за счет отставляемых от работ гаубичных лафетов 48-лин. и 6″; между тем крайне медленное изготовление гаубиц заводоуправление об'ясняло ГАУ новизною и сложностью конструкции лафетов. При сдаче лафетов были случаи попыток обмана артиллерийского приемщика, в результате один из инженеров был уволен с завода.

Несомненно, работа М—ского пушечного завода во многом улучшилась со времени приема на завод артиллерийского офицера полк. Юркевича, назначенного заведывать мастерскими завода.

Громадным стеснением для М—ского пушечного завода служил существовавший порядок ассигнования ему денег.

Неоднократные сношения военного министерства с министерством торговли не изменили (до самого начала войны) порядка, безусловно препятствовавшего М—скому пушечному заводу принимать своевременные меры для поднятия производительности.

В 1910 г. горное ведомство отказалось выполнить предложенный ГАУ заказ на сумму около 2½ млн. рублей, мотивируя отказ недостаточностью операционного кредита на 1911 г.

Военный министр письмом от 7 (20) сентября 1910 г. спросил министра торговли и промышленности, не требуется ли горным заводам денежного аванса для крупных сверхнарядных заказов; не получив ответа, письмом от 3 (16) декабря 1910 г. ген. Поливанов вновь просил министра промышленности ответить по вопросу о денежном авансе; ответа все-таки не было.

Военный министр письмом от 2 (15) марта 1911 г. сообщил председателю Совета министров, что в 1910 г. горные заводы получили сверхнарядных заказов на сумму свыше 10 млн. рублей. Озабочиваясь своевременным исполнением заказов, военный министр письмами к министру промышленности от 7 (20) сентября и 3 (16) декабря 1910 г. предлагал выдать горному ведомству аванс до половины стоимости заказа, но никакого ответа от министра промышленности не последовало. Между тем, горные заводы, располагающие крайне недостаточным операционным кредитом, могли задержать исполнение срочных заказов и не получить особых ассигнований по своей смете, так как требуемые чрезвычайные кредиты полностью были открыты военному ведомству и по заказам, данным горным заводам, лежали без движения, на что обращено было внимание Государственной думы. На последнее письмо товарищ министра промышленности ответил лишь 14 (27) марта 1911 г., что вопрос об авансе подвергнут детальному рассмотрению, по окончании которого результаты будут сообщены военному министерству. 23 мая (5 июня) 1911 г. в Совет министров поступило представление министерства промышленности о разрешении пользоваться авансом. Повидимому, разрешение было дано лишь на 1911 г., так как в 1913 г. начальник горных заводов опять просил ходатайства ГАУ о выдаче ему аванса для расширения производительности при изготовлении 762 орудий 3″ калибра. Непонятно, почему орудийный завод морского ведомства, тоже казенный, беспрепятственно получал авансы в размере ⅔ стоимости заказанных изделий, а казенным горным заводам авансы не выдавались.

Далее одним из пунктов обвинения указывалось, что в соответствии с недостаточными, бессистемными, а иногда и бесцельными заказами, даваемыми ГАУ М—скому пушечному заводу, деятельность этого завода в 1907, 1908 и 1909 гг была убыточной для казны. Полагая, что обвинение в бессистемности и бесцельности заказов не вытекает из вышеприведенных фактических данных, начальник ГАУ вместе с тем подтвердил, что недостаточная для этого завода работа, не сообразенная со степенью его обрудования, всегда будет убыточной. Та же картина была и на заводах артиллерийского ведомства, которые за последнее десятилетие, за исключением пороховых и трубочных, испытали тяжелое время безработицы. В 1907 и 1908 гг. бедствовали арсеналы и орудийный завод; в 1909—1911 гг.—оружейные и патронные заводы.

Упомянув об убыточной работе заводов при несоответственно малых

заказах, начальник ГАУ счел нужным привести суждение самого министерства промышленности относительно причин и неудовлетворительной работы М—ского пушечного завода в 1907 и 1908 гг. В представлении министерства промышленности по Горному департаменту в Совет министров от 15 (28) июля 1910 г. изложено: «фактическая производительность М—ского пушечного завода за 1907 и 1908 гг. составляла, в среднем, 205 орудий и 186 647 снарядов. Финансовые результаты деятельности завода за эти два года являются крайне неудовлетворительными. Ежегодный убыток по этому заводу за указанные годы в среднем исчислен в 3 967 693 рубля. Главную причину такой убыточности завода следует отнести к наблюдавшейся бесхозяйственности и непланомерности управления, вызвавшей непомерно высокие расходы; затем, значительное влияние на дороговизну производства оказывали высокие расценки рабочих плат, установившиеся в 1905 г. в период забастовок; наконец, причиной убыточности служит техническое неустройство некоторых основных цехов завода, обусловливающее высокую себестоимость полупродукта и высокий процент брака по металлу. Всей совокупностью указанных обстоятельств обусловливается весьма высокая себестоимость изделий М—ского пушечного завода. Между тем, условленные с военным ведомством цены на изделия в иных случаях назначались невысокие даже для нормальных условий производства».

Из этих об'яснений начальника ГАУ, подкрепленных документальными данными, видно, как мало были обоснованы обвинения собственно ГАУ и всего военного министерства в том, что М—ский пушечный завод к началу войны оказался в том неудовлетворительном состоянии, при котором он не послужил нашей армии в той степени, как он мог, если бы в предшествовавшие годы его деятельность направлялась более целесообразно. Так как этого не было и указанный завод действительно был общим «пасынком», то и результаты получились соответствующие.

Конечно, когда грянула война, то и М—ский пушечный завод не остался в стороне. Все же его работа, в силу тех же причин, не была столь плодотворна, как могла бы быть, даже при наличии имевшихся в его распоряжении технических сил и материальных средств.

За три года мировой войны М—ский пушечный завод изготовил 2 850 орудий — пушек и гаубиц разных образцов и калибров.

Н-ский сталелитейный казенный завод.

К началу войны 1914—1917 гг. соответствующие мастерские Н—ского казенного завода были вполне удовлетворительно оборудованы для изготовления орудий всех систем * и всех калибров—крупных, средних и мелких.

* За исключением 42-лин. пушек Шнейдера, но на этом заводе было установлено производство Шнейдеровских же легких гаубиц 1910 г., по конструкции очень схожих с системой 42-лин. пушек.

Исполнение этим заводом заказов для военного ведомства в течение 15-летнего периода, т.-е. с 1900 г., может быть охарактеризовано следующим образом.

Все наши 10-дм. орудия и большая часть 6-дм. орудий Канэ изготовлены Н—ским заводом; заказ исполнен хорошо, но с просрочкой до 4 лет против условленного срока.

Привлеченный к работе по перевооружению полевой артиллерии скорострельными 3-дм. пушками, завод этот изготовил 1 150 таких пушек, но долгое время давал значительный процент брака и потому затянул изготовление на три лишних года.

Во время Японской войны Н—скому заводу, как обладающему хорошим техническим оборудованием, был дан заказ на 3-дм. горные пушки обр. 1904 г. и на 48-лин. гаубицы, разработанные этим заводом; оба заказа были исполнены аккуратно и вполне удовлетворительно, изготовленные заводом горные пушки и гаубицы состояли на вооружении батарей действующей армии.

С 1909 г. артиллерийское ведомство приступило к заказам по снабжению армии новыми, значительно усовершенствованными системами орудий, разработанными французским заводом Шнейдера или немецким заводом Круппа.

В целях изготовления всех этих отличных орудий на наших казенных заводах ГАУ было сделано следующее распределение установки их производства по заводам.

М—ский казенный пушечный завод должен был поставить у себя изготовление 48-лин. гаубиц Круппа и 6-дм. гаубиц Шнейдера как крепостных, так и полевых.

Н—ский сталелитейный завод — установить производство 48-лин. гаубиц Шнейдера и 42-лин. пушек Шнейдера.

Н—ский орудийный завод военного ведомства должен был изготовлять 3-дм. горные пушки Шнейдера—Данглиса, 48-лин. гаубицы Круппа и 42-лин. пушки Шнейдера.

Благодаря такому распределению, Н—ский сталелитейный завод в 1910 г. получил заказ на первые 84 гаубицы Шнейдера; затем в 1911 г., как только ГАУ был открыт соответствующий кредит, этому заводу был дан второй заказ на те же гаубицы, в количестве 68 штук, причем заводу было известно, что предстоят и дальнейшие заказы на гаубицы этой системы, по мере утверждения программы ГУГШ усиления крепостного вооружения. Три года завод не мог справиться с новой для него системой.

Бывший начальник завода, ген. Меллер, неоднократно советовал начальнику ГАУ отказаться от чуждой нашим заводам французской системы с воздушным накатником. Этого совета не послушали, ввиду несомненного преимущества этой простой по конструкции гаубицы, не принятой у нас для армии только потому, что пробный образец был доста-

влен в Россию позднее немецкой гаубицы Круппа, с пружинным накатником, тоже хорошо выдержавшей установленное нашей программой испытание.

Наконец, в конце 1913 г. изготовляемые Н—ским заводом гаубицы стали выдерживать пробное испытание, и можно было считать, что завод вполне освоился с французской системой орудий. В это же время завод Шнейдера закончил изготовление 42-лин. пушек. ГУГШ уведомил ГАУ о предстоящем к 1917 г. усилении полевой тяжелой артиллерии, поэтому было признано своевременным поставить производство этих орудий и на казенном сталелитейном Н—ском заводе. Начальник завода указал на крайнее затруднение в установлении нового для завода производства, предупреждая о предвидимых им значительных задержках в исполнении заказа. В то же время начальник завода просил о заказе ему 3-дм. пушек, скорострельных полевых или горных. Начальнику завода было тогда об'яснено, что необходимые артиллерийскому ведомству 42-лин. пушки, подлежащие изготовлению непременно на казенном заводе, может готовить лишь один его завод, освоившийся с французской системой при продолжительной работе 48-лин. гаубиц. Другие казенные орудийные заводы не могут в скором времени поставить у себя производства 42-лин пушек; на заказ же 3-дм. пушек Н—ский казенный сталелитейный завод рассчитывать не должен.

В конце 1914 г. начальник завода вновь просил о заказе 3-дм. пушек и отказался от исполнения 42-лин., и лишь в апреле 1915 г., убедившись, что завод не получит заказа на мелкокалиберные пушки, согласился принять изготовление 400 пушек 42-лин.

В своде сведений Верховной комиссии о деятельности Н-ского казенного сталелитейного завода указано, между прочим, следующее: в 1907, 1908 и 1909 гг. ГАУ никаких заказов на орудия Н—скому сталелитейному заводу не давало, между тем, этот завод, в расчете на большие заказы, выступал на конкурс полевой гаубицы, пред'явив разработанную им систему. Никаких программ тому же заводу на изготовление тяжелой и полевой артиллерии ГАУ не дало.

При этом в подтверждение приведен перечень всех заказов, данных военным ведомством казенному Н—скому сталелитейному заводу с 1906 по 1915 г.

7 апреля 1900 г.—1 пушка 3".
17 февраля 1910 г.—1 пушка 42-лин.
18 мая 1911 г.—10 пушек 120-*мм*.
13 июля 1910 г.—1 береговая пушка 12" 52 калибра.
8 января 1911 г.—16 береговых пушек 12" 52 калибра.
25 марта 1911 г.—84 гаубицы 48-лин.
10 сентября 1910 г.—1 гаубица 11-дм.
20 сентября 1911 г.—68 гаубиц 48-лин.

25 сентября 1911 г.—4 берег. орудия 12-дм. 52 калибра.
25 октября 1911 г.—23 орудия 120-*мм* 50 кал.
26 января 1912 г.—79 капонирн. пушек 57-*мм*.
16 августа 1912 г.—1 опытная пушка 14″ 52 калибра.
27 сентября 1912 г.—44 гаубицы 48-лин.
17 декабря 1912 г.—30 пушек 120-*мм* 50 калибра.
30 января 1913 г.—12 пушек 12″ 52 калибра.
7 июля 1913 г.—4 пушки 12″ 52 калибра.
20 февраля 1914 г.—1 пушка 3″.
27 июля 1914 г.—50 гаубиц 48-лин.
18 мая 1915 г.—400 гаубиц 48-лин.
25 июня 1915 г.—400 пушек 42-лин.
13 августа 1915 г.—8 гаубиц 13″.
23 сентября 1915 г.—200 пушек Виккерса 37-*мм*.
2 октября 1915 г.—4 гаубицы 12″.

Этот перечень нельзя считать полным, так как в него не вошли заказы 1915—1918 гг. на изготовление 48-лин. гаубиц, 42-лин. пушек обр. 1910 г., 12-дм. осадных гаубиц и 12-дм. береговых пушек.

Значительные заказы на 3-дм. скорострельные пушки ГАУ могло давать лишь в период перевооружения полевой артиллерии, с 1900 по 1906 гг. Первый заказ на такие пушки Н—ский сталелитейный завод получил в 1903 г., всего на 150 пушек.

В 1904 г. заводу было заказано 1 000 3-дм. пушек, сроком на 4 года. В этом же году, во время войны с Японией, явилась необходимость заказать дополнительно 230 скорострельных пушек, но при непременном условии изготовления их в годичный срок.

Н—ский завод от этого срочного заказа отказался. К 1 (14) января 1907 г. за Н—ским сталелитейным заводом числилось несданных по заказам ГАУ изделий на 6 млн. руб. В 1907 и 1908 гг., с окончанием перевооружения легкой артиллерии, ГАУ, не получая денег на изготовление орудий, ни одному пушечному заводу заказов не давало. В 1909 и 1910 гг. были даны многочисленные заказы на вновь принятые системы горной, гаубичной и тяжелой артиллерии, но первый валовой заказ на вновь вводимые иностранные орудия, согласно договора с владельцами патента, подлежал исполнению на Н—ском частном пушечном заводе.

Гаубица системы казенного Н—ского сталелитейного завода конкурса не выдержала.

Также не были приняты орудия системы австрийского завода Шкода, с которым Н—ский казенный сталелитейный завод вошел в соглашение подобно Н—му частному пушечному заводу, заключившему условия с Круппом, Эргардтом и Шнейдером.

Ввиду получения ГАУ от военного министра указания о развитии производства орудий и других предметов боевого снабжения армии

в центральной России, но отнюдь не в Петроградском районе, ГАУ принимало все меры для исполнения этого указания и передало заказ на менее сложные в изготовлении 3-дм. пушки казенному пушечному М—скому заводу, оставляя Н—скому казенному и Н—у частному заводам системы, которые были не по силам М—скому заводу.

Н—ский казенный сталелитейный завод, наряду с другими немногими сильными заводами, имеющими хорошо поставленное стальное производство, привлекался к изготовлению трудно выделываемых крупных снарядов, бронебойных и фугасных, но за последние 6—7 лет эта работа завода для военного ведомства имела отрицательное значение. Небольшой заказ 11-дм. бомб для севастопольских орудий этим заводом исполнялся более шести лет и к войне еще не был закончен, между тем как изготовление таких же снарядов Н—м частным заводом было исполнено своевременно.

Данный Н—скому сталелитейному казенному заводу заказ на две тысячи 12-дм. бомб был отнят через два года, так как завод не подал ни одного снаряда.

Упомянув об отрицательной стороне казенного Н—ского сталелитейного завода, следует отметить, что этот завод принес большую пользу артиллерийскому ведомству, прочно установив производство панорамных прицелов для скорострельной артиллерии, зрительных труб и биноклей. Кроме Н—ского завода, не было ни одного другого русского завода, способного изготовлять эти необходимые для артиллерии предметы. С началом войны 1914 г. ГАУ секвестровало два немецких завода в Риге (Цейса и Герца). Они были эвакуированы в Петроград и, работая вместе с Н—ским заводом, все же не смогли удовлетворить всей потребности армии в зрительных приборах; пришлось прибегнуть к заграничным заказам.

Н—ский сталелитейный казенный завод за три года войны изготовил для армий сухопутного фронта только 609 орудий, в том числе около 50 орудий крупнейшего 12-дм. калибра, которых другие русские заводы, по своей маломощности, в сравнении с Н—ским сталелитейным заводом, вовсе не изготовляли.

Частные пушечные заводы.

Частный Н—ский пушечный завод изготовил за время войны для военного ведомства почти половину всего количества орудий, до 6″ калибра включительно. Кроме того, он владел патентами Шнейдера. Также следует отметить, что наша 3″ полевая пушка выработана на этом же заводе и по справедливости должна называться его системой.

Таким образом, этот завод в смысле технических сил и оборудования являлся одним из наиболее мощных и полезных для военного ведомства заводов. Но он, как почти все частные заводы, находился в цепких лапах

банкиров, которые, прежде всего, заботились об извлечении из него наибольшей прибыли и в гораздо меньшей степени о доведении его производительности до максимальных пределов. Ввиду этого пришлось во время войны сперва взять завод в казенную опеку, назначив туда правительственного директора, а затем и наложить на него секвестр с устранением всего бывшего до того частного правления. После этих мер рост производительности завода значительно усилился.

Н—ский частный пушечный завод изготовил за три года войны около 4 730 разных орудий, в том числе более половины 3-дм. полевых и горных пушек, остальные орудия более сложных систем и более крупного калибра — 3-дм короткие, 3-дм. зенитные и 42-лин. пушки, 48-лин и 6-дм. гаубицы до 6-дм. пушек Шнейдера включительно; производительность этого частного завода по изготовлению орудий во время войны почти равнялась производительности всех казенных заводов, изготовивших за время войны всего 4 910 орудий разных систем и калибров до 12-дм. включительно.

Кроме Н—ского частного пушечного завода, изготовлением орудий во время войны занималась еще М—ская группа из пяти частных металлургических заводов; из них 4 завода принадлежали к старым крупным русским заводам, а один Л—ский завод зародился лишь в 1913 г., незадолго перед войной, и являлся предприятием известной английской фирмы Виккерса, покровительствуемой некоторыми «влиятельными» лицами царской России.

Из коренных русских заводов М—ской группы только один К—ский завод еще до войны, именно в 1912 г., был привлечен казенным Н—ским орудийным заводом к изготовлению пушечных болванок для 3″ полевых пушек. С этим делом он справился только ч е р е з т р и г о д а и подачу болванок начал с декабря 1915 г. Новый Л—ский завод М—ской группы, хотя и носил громкое название «орудийного» и специально для этого дела был затеян, но до конца войны ни одного орудия для армии самостоятельно не изготовил, так как не имел для этого надлежащего оборудования, хотя, согласно контракта, должен был иметь его. Вообще самое зарождение этого завода произошло в 1913 г. в очень ненормальных условиях. Несмотря на явно невыгодные для России условия, это виккерсовское предприятие все же прошло в Совете министров.

Предприятие это имело определенную конечную цель: п о д в и д о м з а к а з а з а в о д у, предполагаемому к постройке, получить замаскированный крупный з а г р а н и ч н ы й з а к а з н а о р у д и я и только отделку этих орудий производить в России.

Действительно, по контракту, заключенному с морским ведомством, этому заводу предоставлялись следующие заказы: на 36 орудий 14″ калибра, с п р а в о м 24 и з н и х и з г о т о в и т ь у В и к к е р с а в А н г л и и.

Кроме того, особым пунктом того же контракта заводу обеспечивались определенные заказы на 10-летний срок при следующих драконовских в отношении всех остальных русских заводов условиях.

Завод получает заказы на орудия в тех размерах, в каких орудия эти могут быть изготовлены казенными заводами, а также существующими частными заводами, причем эти последние могли получить заказ лишь в пределах, не превышавших их производительности, определяемой высшим годовым размером, полученным этими заводами казенных заказов на артиллерийские орудия за период с 1 января 1911 г. по 8 июня 1913 г. При этом передача заказов частным заводам должна была производиться по ценам, не превышающим заявленных на те же орудия контрагентами. Таким образом, согласно этому условию, расширение производительности других частных заводов далее существовавшей в 1911—1913 гг. нормы не могло быть допущено; кроме того, было неясно—допустимо ли расширение даже казенных заводов, так как специальная оговорка имелась в контракте только в отношении одного казенного пушечного завода (и то лишь согласно выработанному в то время плану его переустройства). Также заслуживает быть отмеченной дата 8 (21) апреля 1913 г., исключающая крупные заказы, полученные Н—ским частным пушечным заводом вскоре после этого числа.

Вот характерная иллюстрация той заботливости, которую проявляли наши правящие круги в деле развития отечественной орудийной промышленности.

Но и несмотря на столь выгодные условия, проектируемый М—ской группой Л—ский завод к сроку не поспел. Поэтому все поименованные выше заказы было постепенно разрешено передать фирме Виккерса в Англию, что и требовалось доказать.

Сплавив, таким образом, в Англию изготовление крупных калибров, правление того же завода заявило о своем желании изготовлять 3″ пушки и просило предоставить ему заказ на 3 000 таких орудий. При этом были поставлены условия, явно неприемлемые; но так как все остальные заводы были уже перегружены до отказа, а потребность в 3″ пушках еще не была удовлетворена, Особое совещание по обороне пошло на более приемлемое предложение, сделанное образовавшейся М—ской группой, причем изготовление самих тел орудий, затворов, лафетов взяли на себя старые заводы группы.

Участие же нового Л—ского завода выразилось только в том, что он передал свои 77 станков другому старому заводу и должен был сделать то же самое еще с 50 станками, заказанными им за границей.

Этой группе был дан в июле 1915 г. заказ на 2 500 3″ пушек с конечным сроком в августе 1917 г., т.-е. через два года, и с условием развить через год, т.-е. к июлю 1916 г., месячную производительность до 150 штук. В какой мере М—ская группа справилась со своей задачей, видно из таблицы 24.

Пример «М—ской группы» в высшей степени поучителен: ведь она об'единила пять мощных заводов и взялась готовить самую простую — 3″ полевую пушку, причем новый Л—ский завод поддерживался кровно в нем заинтересованным Виккерсом, а один из старых заводов уже с 1912 г. начал готовиться к подаче Н—скому казенному орудийному за-

ТАБЛИЦА 24.

Изготовление орудий М—ской группой с 1915 по 1918 г.

Система орудия	1915 г. Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого
3″ пол. скоростр. обр. 1902 года	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1916 года												
3″ пол. скоростр. обр. 1902 года	—	—	—	6	14	29	60	91	120	180	150	150	800
	1917 года												
3″ пол. скоростр. обр. 1902 года	150	200	132	132	110	36	96	120	108	90	48	11	1 233
Всего . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 033

воду болванок как раз для 3″ полевых пушек. Цены заводы этой группы выторговали себе прямо грабительские—по 10 600 руб. за пушку. И при всем том, как видно из таблицы 24, результаты получились совсем неважные. Это лишний раз подтверждает, что предметы военного снаряжения, особенно более сложные из них, могут успешно готовиться только на специальных заводах, постройка, оборудование и обслуживание которых—дело очень сложное, дорогое и длительное.

Посредничество общественных деятелей.

Образованный во время войны так называемыми «общественными деятелями» Центральный Военно-промышленный комитет с председателем А. И. Гучковым пытался также заняться изготовлением орудий.

С целью изготовления хотя бы 3-дм. пушек комитет этот об'единил в группу шесть крупнейших русских металлургических заводов, в том числе работающие по заказам ГАУ казенный орудийный завод морского ведомства и крупнейший Н—ский частный пушечный завод (этот последний должен был производить окончательную сборку пушек).

Конечно, нечего и говорить, что посредническая роль Центрального Военно-промышленного комитета между ГАУ и заводами, работающими непосредственно на ГАУ, была более чем странной, особенно имея в виду, что как Н—ский частный пушечный, так и морской ору-

дийный заводы числились должниками по их прямым обязательствам ГАУ—по части изготовления орудий. Эта роль до известной степени стала понятной, когда определилась цена, по которой эта группа берет заказ: оказалось, что «ввиду особых затрат на оборудование цена выходит на 2000 рублей больше наивысших цен, по которым выполняются ныне заказы частными заводами, и выразится приблизительно в 12 000 руб. за пушку». В виде справки приводим ниже цены, по которым приблизительно в это же время заключали контракты на 3" полевые пушки с другими заводами:

Н—ский орудийный завод артиллерийского ведомства 13 сентября 1915 г.—5 000 руб.

М—ский казенный пушечный завод 7 сентября 1915 г.—6 000 руб.

Н—ский частный пушечный завод 25 августа 1915 г.—9 000 руб.

М—ская группа 17 августа 1915 г.—10 600 руб.

Группа Центрального Воен.-промыш. комитета 7 сентября 1915 г.-12 000 руб.

При этом группа Ц. В.-П. К. обязывалась, начав поставку с февраля 1916 г., подавать в течение 5 месяцев по 50 пушек, всего 250 штук.

И вот, несмотря на такую высокую цену и на то, что в состав группы были привлечены два самых мощных орудийных завода России,—из этой затеи Ц. В.-П. К. ничего не вышло, да и выйти не могло, так как все то, что могли сделать эти два завода, они должны были сделать по своим ранним и еще не выполненным обязательствам казне, а от остальных заводов, хотя и очень мощных, толку никакого быть не могло, вследствие неприспособленности их к изготовлению орудий.

Наконец, достойно упоминания еще одно предложение председателя Ц. В.-П. К. А. И. Гучкова, торжественно сделанное им в заседании Особого совещания по обороне в 1916 г.

Именно, болея душой о нашей армии, лишенной той могущественной артиллерии, какой располагает наш противник—знаменитыми 16" гаубицами, и видя бессилие в этом отношении ГАУ, он, А. И. Гучков, сумел, оказывается, разрешить этот насущнейший для армии вопрос, обещая в течение 6-месячного срока, считая с этого дня, представить шесть 6-орудийных батарей 16-дм. гаубиц в полном снаряжении и с боевыми комплектами, т.-е. вполне готовыми для выступления в поход.

Конечно, находившийся в совещании начальник ГАУ, выразив свое изумление перед обещанием такого «чуда», попросил расшифровать сделанное предложение и указать определенно: кто и где изготовит в такой срок такое количество грандиозных орудий. На это А. И. Гучков об'явил, что все это станет известным в ближайшем заседании ГАУ, на котором взявшиеся за это дело специалисты расскажут все подробности его организации.

В качестве «специалиста» явился А. М. Меллер, бывший директор Н—ского казенного сталелитейного и К—ского частного пушечного заводов, который и изложил свой план, заключавшийся в том, что три

завода—два, директором которых он был, и еще один мощный завод, изготовлявший снаряды и морские орудия, переконструировав свои теперешние наряды и освободив при этом главную часть своей производительности по крупным калибрам, сумеют справиться с поставленной А. И. Гучковым задачей. Однако присутствовавшие в заседании начальники этих заводов отнюдь не разделили оптимизма А. Меллера и подвергли его предложение резкой и основательной критике.

В результате выяснилась полная несостоятельность и неосуществимость этой затеи в столь короткий срок, и А. И. Гучков в следующем заседании Особого совещания по обороне вынужден был признать это и отказаться от первоначально внесенного им предложения.

АРСЕНАЛЫ. РЕМОНТ ОРУДИЙ.

В распоряжении ГАУ для изготовления материальной части артиллерии—лафетов к орудиям, передков, зарядных ящиков, колес и пр.—имелись казенные арсеналы.

Производительность арсеналов была недостаточна для удовлетворения всей потребности, поэтому лафеты и прочая материальная часть артиллерии изготовлялись по заказам ГАУ и на других казенных и частных заводах, причем эти заказы являлись для них не основными, а так сказать второстепенными, побочными.

Прямое назначение главнейших арсеналов, по которому каждый из них был перегружен во время войны свыше всякой меры, состояло в следующем.

На Н—ский арсенал было возложено производство: лафетов для 3" скорострельных полевых пушек образца 1902 г.; лафетов для 48-лин. гаубиц обр. 1909 г.; лафетов для 48-лин. гаубиц системы Шнейдера; передков для 3" горных пушек обр. 1909 г.; передков и зарядных ящиков для следующих орудий: 3" полевых пушек; 3" горных пушек; 42-лин. скорострельных пушек; 6" полевых гаубиц; 6" крепостных гаубиц; 6" пушек Шнейдера; обоза: двуколок телефонных обр. 1903 г.; двуколок пулеметных Соколова; повозок парных обр. 1884 г.; пулеметных станков Колесникова; конской амуниции.

На Л—ский арсенал: лафетов для 3" горных пушек обр. 1909 г.; лафетов для 48-лин. гаубиц обр. 1909 г.; лафетов для 48-лин. гаубиц системы Шнейдера; лафетов для 42-лин. скорострельных пушек; передков: для 3" полевых пушек обр. 1900 г.; для 3" горных пушек обр. 1909 г.; для 48-лин гаубиц 1909 и 1910 гг.; зарядных ящиков: для 3" полевых пушек и парковых; для 3" горных пушек 1909 г.; для 48-лин. гаубиц 1911 г.; пулеметных станков Колесникова; конской амуниции.

На М—ский арсенал: лафетов для 3" пушек обр. 1902 г.; передков и зарядных ящиков: образца 1903 г. (парковых) и 1909 г. системы Тарновского; обоза: двуколки—телефонные, парные патронные (обр. 1893 г.), пулеметные, патронные (обр. 1910 г.), парные повозки (1884 г.); пулеметных станков Колесникова; конской амуниции.

Вскоре после начала войны на все три арсенала было возложено изготовление в значительном количестве всякого рода запасных частей материальной части артиллерии, особенно колес и обоза.

Кроме того, в силу крайней необходимости, наши арсеналы были привлечены к капитальному ремонту орудий (вставкой новых труб в каналы орудий или так называемым «перестволением»); к этой работе арсеналы не были приспособлены, и она их крайне затрудняла в ущерб производительности по изготовлению лафетов и прочей материальной части.

Затем, по своему географическому положению два арсенала все время войны служили главными ремонтными базами для фронтов: Юго-Западного и Западного.

Наряды, даваемые непосредственно от фронтов, крайне затрудняли арсеналы в срочном исполнении нарядов ГАУ. В этом отношении в особенно неблагоприятных условиях оказался Л—ский арсенал.

Во время войны в 1914—1917 гг. Н—ским и М—ским арсеналами были, между прочим, выполнены работы по изготовлению и ремонту следующих предметов материальной части артиллерии, обоза и упряжи, показанных в таблицах 25 и 26 *.

ТАБЛИЦА 25.

Н—ский арсенал.

Наименование предметов	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Изготовлено					
Лафетов 3″ обр. 1902 г.	98	114	107	39	358
Зар. ящик., передков-ходов	1 756	1 609	2 684	1 194	7 243
Повозок и двуколок	338	209	576	308	1 431
Пулем. станков	—	—	1 240	884	2 124
Колес разных	9 076	12 809	12 518	8 035	42 438
Принадл. и запасн. части	1 372 097	3 356 808	6 710 283	3 286 954	ок. 15 млн.
Седел	2 378	2 539	298	820	6 035
Упряжи	65	1 167	1 626	1 807	4 665
Ремонт					
Лафетов разных	258	449	1 530	278	2 515
Зар. ящ. и передков	375	1 286	282	224	2 167
Повозок и двуколок	36	28	56	76	196
Колес	1 206	419	598	328	2 551
Принадл.	12 257	41 031	36 971	19 851	110 110

Л—ский арсенал по своей производительности был очень близок к М—скому. Л—ский арсенал выполнил во время войны не меньшие наряды, чем М—ский, к тому же весьма трудные работы по изготовлению лафетов к 48-лин. гаубицам, 42-лин. пушкам и 3-дм. горным пушкам обр. 1909 г.

* В таблицах 25 и 26 показаны далеко не все предметы, изготовленные и отремонтированные арсеналами; таблицы дают понятие только о разнообразии работ арсеналов, но не выражают действительную их производительность, которая во много раз превышала показанную в таблицах *Б.*

ТАБЛИЦА 26.

М—ский арсенал.

Наименование предметов	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
Изготовлено					
Лафетов 3" обр. 1902 года	—	—	60	120	180
Зар. ящик., передков-ходов	274	636	864	970	2 744
Повозок и двуколок	638	1 691	1 389	763	4 481
Пулем. станков Колесникова	—	—	341	510	851
Колес разных	3 735	1 267	28 638	13 448	47 088
Принадл. и зап. частей	61 398	11 995	580 662	1 088 676	1 742 731
Упряж шестер.	—	—	555	300	855
Ремонт					
Лафетов разных	5	—	108	8	121
Зарядн. ящиков и передков	20	40	1 692	62	1 814
Повозок и двуколок	—	—	89	3	92
Колес разных	92	—	3 414	227	3 733
Принадл. и зап. частей	—	—	62	14 333	14 395
Конск. аммуниции-предметов	—	—	500	300	800

Особенно велики были затруднения при изготовлении Л—ским арсеналом горных лафетов обр. 1909 г. Первый наряд на 62 таких лафета исполнялся арсеналом с ноября 1910 г. до сентября 1914 г. На этой работе впервые пришлось арсеналу знакомиться с никелевой сталью; потребовалось установить термическую обработку металла, ознакомить технический персонал с новыми приемами работ, обучить обращению с вновь вводимым капризным металлом, дающим много трещин и брака. К поставке станин из никелевой стали были приглашены четыре завода, заявившие весьма различные цены на 64 комплекта станин: морской орудийный завод—20 320 руб., частный пушечный завод—10 560, частный машиностроительный—5 440 и горный пушечный—2 900 руб.

Заказ был дан горному пушечному заводу, с условием окончить поставку к марту 1912 г.; в действительности завод поставил все станины к октябрю 1913 г., просрочив 1 год и 7 месяцев. Такое нарушение срока горный завод об'яснил громадными затруднениями при работе со специальной сталью, потребовавшей совершенно новых приемов разработки и вызывавшей неожиданные забракования.

С конца 1912 г. в ГАУ начали поступать от войск донесения о частых поломках в горных лафетах образца 1909 г., изготовленных Н—ским частным пушечным заводом, который, между прочим, предложил эту систему.

Л—скому арсеналу было поручено выработать изменения в конструкции некоторых частей для укрепления лафетов, сдаваемых в ар-

сенал на испытание, и для введения этих изменений в чертежи, по которым изготовлялись новые лафеты; необходимость принятия этой меры значительно замедлила работу арсенала.

Что касается собственно капитального ремонта орудий заменой изношенного ствола новым (перествolением), то к этой работе были привлечены три наших арсенала и два крупных частных механических завода. Всем им было предложено в конце 1915 г. установить у себя эту новую работу в таком размере, чтобы арсеналы могли исправлять по 15—20 орудий ежемесячно, а заводы—вдвое больше, т.-е. чтобы все они вместе перестволяли ежемесячно около 100 3″ пушек.

В таблице 27 показано, какое количество орудий на самом деле было отремонтировано за время войны нашими арсеналами, с указанием отдельно замены стволов и обыкновенного ремонта.

ТАБЛИЦА 27.

Ремонт казенными арсеналами орудий во время войны с 1915 по 1917 г.

Система орудий	Арсеналы	Время работы	1915 г. зам. ств.	1915 г. обыкнов.	Итого	1916 г. зам. ств.	1916 г. обыкнов.	Итого	1917 г. зам. ств.	1917 г. обыкнов.	Итого	Всего
3″ полевые обр. 1902 г.	Н—ский	1916 и 1917	—	—	—	165	—	165	12	—	12	177
	Л—ский	1916 и 1917	—	71	71	141	—	141	150	—	150	362
	М—ский	1916 и 1917	—	40	40	141	—	141	68	—	68	249
	Всего				111			447			230	788

Чтобы покончить с вопросом об исправлении орудий вообще, ниже приводится сводная таблица 28, показывающая, какое количество каких орудий и на каком заводе было отремонтировано в минувшую войну.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ЗАКАЗОВ.

ГАУ использовало свой орудийный завод, как и казенные заводы морского и горного ведомств, для снабжения нашей армии орудиями как перед войной, так и во время войны,—далеко нецелесообразно.

По этому поводу ГАУ был пред'явлен ряд серьезных обвинений со стороны Верховной следственной комиссии, назначенной 25 июля 1915 г. для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии.

Сущность этих обвинений сводится к следующему:

Распределение ГАУ артиллерийских заказов между орудийными заводами России было непланомерно и нецелесообразно. Особенно резко

ТАБЛИЦА 28.

Ремонт орудий во время войны с 1915 г. по 1917 г.

Система орудий	Название завода	1915 г. Замена ствола	1915 г. Обыкновен.	Итого	1916 г. Замена ствола	1916 г. Обыкновен.	Итого	1917 г. Замена ствола	1917 г. Обыкновен.	Итого	Всего	
3″ пол. обр. 1902 г.	Н—ский казенный орудийный	197	147	344	596	280	876	133	127	260	1 480	4 481
	М—ский казенный пушечный	114	—	114	854	—	854	105	—	105	1 073	
	Н—ский каз. сталелит. и орудийный	—	—	—	515	—	515	81	—	81	596	
	Арсеналы	—	111	111	447	—	447	230	—	230	788	
	Частные заводы	—	—	—	136	—	136	408	—	408	544	
3″ пол. обр. 1900 г.	Н—ский казенный орудийный	—	—	—	—	190	190	—	—	—	190	
3″ горн. обр. 1909 г.	„ „ „	—	16	16	—	43	43	—	21	21	80	
48-лн. гауб. обр. 1909 г.	„ „ „	10	26	36	99	54	153	59	12	71	260	288
48-лн. гауб. обр. 1910 г.	„ „ „	—	—	—	—	13	13	15	—	15	28	
42-лн. скор. обр. 1910 г.	Н—ский каз. сталелит. и орудийный.	—	9	9	2	10	12	7	—	7	28	488
	„ „ „ „ „	—	—	—	102	—	102	13	—	13	115	
	Н—ский частный пушечный	—	72	72	11	184	195	13	65	78	345	
	Итого	321	381	702	2 762	774	3 536	1 064	225	1 289	5 527	

это сказалось на заказах орудий «тяжелой» полевой артиллерии—42-лин. пушек и 6-дм. полевых гаубиц, а также полевой мортирной артиллерии (48-лин. гаубиц). Причина этого коренится в установившемся в годы, предшествовавшие войне, отрицательном отношении военного ведомства к казенным заводам других ведомств, имевшим все данные для установления у себя производства означенных орудий, и, наоборот, к излишнему не оправдываемому ни местными условиями, ни состоянием оборудования предпочтению в выдаче заказов своему Н—скому орудийному заводу, явно неспособному справиться с такими заказами. В результате такой системы дачи заказов как заводы морского и горного ведомств, так и частные заводы оказались к началу войны неподготовленными к изготовлению упомянутых орудий, а изготовлять их им все равно пришлось и притом в самом спешном порядке, так как Н—ский орудийный завод, несмотря на данные ему задолго до войны наряды, с делом в должной мере не справился. И если бы заводам морского и горного ведомств соответственные заказы были даны в 1910 г., т.-е. тотчас же после выработки новой организации полевой артиллерии, то к началу войны они были бы вполне подготовлены к массовому производству тех орудий тяжелой и гаубичной артиллерии, в которых наша армия в течение всей войны испытывала такой острый недостаток.

Вот к чему сводится сущность обвинений, пред'явленных Верховной комиссией ГАУ в его отношениях к своему Н—скому орудийному и к остальным орудийным заводам. Конкретно эти обвинения подтверждаются комиссией ссылкой на следующие фактические данные:

1. В июне 1910 г. ГАУ дало наряд Н—скому орудийному заводу на 55 горных пушек обр. 1909 г. со сроком сдачи, определенным самим заводом в полтора года *, т.-е. к 1 (14) января 1912 г. На самом же деле этот наряд был окончен в сентябре 1914 г., т.-е. с опозданием на два года и 9 месяцев. Столь же неисправным оказался и Л—ский арсенал, получивший наряд на 62 горных лафета и просрочивший сдачу их более, чем на 2 года **.

2. Несмотря на такое запоздание в изготовлении горных пушек, ставшее совершенно очевидным с 1 (14) января 1912 г., ГАУ и после этого срока продолжает давать заводу наряды на те же горные пушки: 23 июня 1912 г.—на 72 штуки, 21 ноября 1914 г.—на 55 штук, 19 декабря 1915 г.—на 55 штук и 21 января 1916 г.—на 65 штук. Всего же завод смог по всем этим нарядам изготовить к 1 (14) января 1916 г. лишь 50 горных пушек при наличии необходимого оборудования.

3. В октябре 1910 г. тому же заводу был дан наряд на изготовление 192 48-лин. гаубиц, с конечным сроком через 20 месяцев, т.-е. в июне 1912 г. В действителньости, наряд был окончен в октябре 1914 г., т.-е. с опозданием на два года и 4 месяца.

---

* Один год на установку производства и 6 месяцев собственно на исполнение заказа.

** Просрочка Л—ского арсенала об'яснена выше.

4. Несмотря на это, ГАУ продолжало давать заводу и дальнейшие наряды на эти же гаубицы: в декабре 1912 г.—на 100 штук, в августе 1912 г.—на 247 штук, 21 января 1916 г.—на 40 штук. Всего завод смог по всем этим нарядам изготовить к 1 (14) января 1916 г. лишь 82 гаубицы, хотя имел специальное оборудование.

5. В сентябре 1912 г. ГАУ дало тому же заводу наряд на изготовление 100 42-лин. скорострельных пушек системы Шнейдера с конечным сроком изготовления—сентябрь 1917 г. В начале 1916 г., когда состоялся доклад члена Верховной комиссии В. Бобринского, завод еще не приступал к выполнению этого наряда, так как заблаговременно не обеспечил себя специальным оборудованием.

6. Несмотря на это, ГАУ продолжало считать завод способным на производство этих пушек, и в программу от 6 февраля 1916 г. включены 35 42-лин. пушек, ожидаемые от завода в 1916 г.

Этими шестью пунктами обвинение характеризует необоснованность ГАУ дачи нарядов своему Н—скому орудийному заводу, следующими же тремя — непредусмотрительность ГАУ в своевременном заказе орудий тяжелой артиллерии и умышленное отстранение от заказов заводов морского и горного ведомств и Н—ского частного пушечного завода, предпочитая им свой орудийный завод явно в ущерб делу обороны страны.

7. В отношении столь важного и основного орудия нашей тяжелой полевой артиллерии, как 42-лин. скорострельная пушка, ГАУ не проявило должной заботливости, и вместо того, чтобы тотчас же по утверждении мобилизационного расписания 1910 г. дать возможность (выдачей соответственных заказов) наиболее мощным и вполне к тому пригодным Н—скому казенному сталелитейному, Н—скому пушечному и частному заводам завести необходимое оборудование, оно (ГАУ) ограничилось в 1910 г. предоставлением некрупного заказа на 84 42-лин. пушки лишь иностранной фирме Шнейдера (в Крезо) и своему Н—скому орудийному заводу наряд на 100 таких пушек дало лишь в сентябре 1912 г. Н—ский частный пушечный завод получил два заказа на 42-лин. пушки только в 1914 г.: 5 февраля на 265 штук и 19 августа на 50 штук. Н—скому же казенному сталелитейному заводу два заказа были даны лишь в 1915 г.: 25 июня на 400 штук и 10 декабря на 100 штук. При этом отмечается, что этот последний завод, несмотря на столь позднее получение заказа, на отсутствие специального оборудования, все же немедленно приступил к изготовлению 42-лин. пушек на станках для мелкой артиллерии и обещал по 10—12 пушек ежемесячно до июня и по 20 пушек далее.

8. В таком же положении оказались М—ский казенный и Н—ский частный пушечные заводы в отношении заказов на другой весьма необходимый тип орудия полевой тяжелой артиллерии — 6-дм. полевые гаубицы. М—ский казенный завод первый заказ на 60 6-дм. гаубиц получил в августе 1911 г., а следующий на 150 штук — лишь в марте 1915 г. Частный же пушечный завод получил заказ на 200 6-дм. гаубиц только в мае 1915 г.

9. На 48-лин. гаубицы частный пушечный завод получил заказы: 10 октября 1913 г. — на 120 штук и 4 мая 1915 г. — на 150 штук.

Н—ский же казенный сталелитейный завод, получивший два заказа: 27 июля 1914 г. — на 500 штук и 18 мая 1915 г. — на 400 штук и не имея возможности уже завести для них специальное оборудование, приступил к изготовлению 48-лин. гаубиц на станках для мелкой сухопутной и морской артиллерии.

10. Верховная комиссия считает нужным отметить также недостаточную заботливость ГАУ и о подготовке производительности 3-дм. полевой артиллерии. Так, заводы горного и морского ведомств, получая не крупные заказы и разновременно небольшими партиями, а иногда и совсем ничего не получая, не только не могли обзавестись широким оборудованием, обеспечивающим мобилизационную готовность заводов, но вынуждены были даже сокращать имевшееся скромное оборудование. Так, Н—ский казенный сталелитейный завод в 1910 г. упразднил часть оборудования для мелкой артиллерии из-за полного отсутствия заказов на полевую артиллерию в течение ряда лет.

В ответ на эти обвинения Д. Д. Кузьмин-Караваев, бывший начальником ГАУ в течение 10 лет, дал Верховной следственной комиссии об'яснения, сущность которых сводится к следующему.

1. С 1905 г. ГАУ безуспешно ходатайствовало об усилении казенной заводской деятельности вообще. В частности же, оно указывало, что представляется совершенно ненормальным неимение казенного артиллерийского завода для изготовления пушек, так как существующий маленький свой Н—ский орудийный завод надо признать лишь орудийной мастерской, без литья, а только с отделкой орудий исключительно малых калибров, отлитых на других заводах. Поэтому было возбуждено ходатайство о приобретении от горного ведомства его пушечного завода.

Бывший инспектор артиллерийских приемок ген. Коробков выяснил готовность Горного департамента на передачу завода в военное ведомство. Об явившейся таким образом возможности устроить мощный орудийный завод на Каме было подробно доложено помощнику военного министра ген. Поливанову, но он категорически указал на недопустимость такой меры. И если до известной степени понятны постоянные отказы со стороны поверяющих ведомств в стремлениях ГАУ усилить свою заводскую деятельность, обычно мотивировавших эти отказы неудовлетворительным состоянием государственного казначейства и необходимостью поддержки частной промышленности путем постоянных заказов для нужд государственной обороны, то подобный отказ помощника военного министра в возбуждении столь жизненно-необходимого для нужд армии ходатайства представляется совершенно необ'яснимым и непонятным.

2. Точно так же было отклонено, по несогласию поверяющих ведомств, ходатайство ГАУ о переносе его Н—ского орудийного завода из пределов городского района на новое место, где он мог бы не только

усилить свое станочное оборудование, но и построить свою литейную и кузницу.

3. Что касается вопроса о том, что ГАУ своевременно, т. е. тотчас после утверждения мобилизационного расписания 1910 г., не роздало в соответствующем размере заказов всем нашим орудийным заводам, чтобы они смогли оборудоваться и наладить производство всех новых систем, то начальник ГАУ заявляет, что, вполне признавая целесообразность такой меры, он сам не имел права сделать этого, так как мог оперировать лишь в пределах разрешенных и ассигнованных уже в его распоряжение кредитов. Кредиты же эти отпускались в соответствии не с потребностями армии, а с состоянием государственного казначейства.

Что касается конкретных обвинений ГАУ в недостаточном надзоре за соблюдением сроков подведомственным ему Н—ским орудийным заводом и в излишнем доверии его силам, и с другой — в отрицательном отношении к казенным заводам других ведомств, то начальник ГАУ опровергает их следующими возражениями.

а. 3-дм. горные пушки обр. 1909 г. (Шнейдер-Данглис) и 48-лин. гаубицы обр. 1909 г. (Круппа) выделываются на Н—ском частном пушечном и на казенном Н—ском орудийном заводах. Первые валовые заказы, в силу заключенных условий с владельцами патентов, были даны Н—скому частному пушечному заводу. Для ускорения изготовления этих орудий на казенных заводах, еще в 1910 г., до выработки Н—ским частным заводом окончательных рабочих чертежей, ГАУ возложило установку производства обеих систем на своем орудийном заводе, а крупповских 48-лин. гаубиц и на М—ском казенном пушечном заводе.

С первого же года казенного производства этих орудий было видно, что возложенная работа вызывает большие затруднения и не будет закончена в предположенные сроки, но, конечно, свой орудийный завод с делом справится, а затем и М—скому заводу удастся установить столь желаемое артиллерийским ведомством изготовление гаубиц с лафетами. Окончательные чертежи 3-дм. горной пушки были выработаны Н—ским орудийным заводом лишь в мае 1911 г., почти через год после полученного наряда. Столь продолжительное время было потрачено на изучение совершенно новой для русских техников системы воздушных накатников, для всестороннего ознакомления с которой требовались многочисленные опыты стрельбой, с введением весьма частых изменений в чертежи испытываемой системы. Самые пушки были изготовлены без всяких затруднений, но техническая разработка люлек и салазок вызывала значительную задержку, приведшую к отличным в техническом смысле результатам: по отчетам главного артиллерийского полигона, горные пушки казенного орудийного Н—ского завода много прочнее и совершеннее таких же пушек частного Н—ского пушечного завода. В начале 1912 г. начальник орудийного завода донес, что наряд на первые 55 горных пушек будет окончен осенью 1912 г., поэтому в августе того же года

заводу был дан новый наряд на 72 горные пушки. В действительности, первый наряд на 55 пушек был окончен в сентябре 1914 г.

б. Начальник казенного Н—ского орудийного завода, принимая наряд на 192 гаубицы обр. 1909 г., доносил ГАУ, что заводу не потребуется никаких новых станков, так как будут приспособлены имеющиеся станки для 3-дм. пушек. Но, приступив к разработке частей гаубицы, техники завода убедились, что устройство компрессоров, построенное на тех же основаниях, как и у 3-дм. пушек, резко отличается по выделке деталей, и потому вызывает совершенно новые приспособления. Потребовалось заказать некоторое количество станков, которые были доставлены на завод в конце 1911 г., через 1½ г. после получения заводом наряда на гаубицы.

Чертежи гаубицы, полученные от завода Круппа, имели много неточностей, которые обнаружились постепенно при отстреливании на полигоне опытных экземпляров; орудийному заводу приходилось вводить изменения, необходимые для усовершенствования системы. Болванки, поковки и отливки были заказаны М—скому казенному пушечному и частному механическому заводам, а также Н—скому арсеналу; работа этих заводов происходила с нарушением условленных сроков; отливки механического завода давали вначале до 60% *брака*, приходилось требовать замены забракованных изделий. В 1912 г. *Н—ский арсенал на шесть месяцев прекращал подачу поковок, вследствие происшедшей поломки 2½-тонного молота.*

Приведенными причинами об'ясняется окончание Н—ским орудийным заводом сдачи 192 полевых гаубиц во второй половине 1914 г., на два года позднее срока, предположенного начальником завода.

в. Существовавшее ко времени об'явления войны мобилизационное расписание артиллерийских частей, составленное на основании организации полевой артиллерии 1910 г., определяло 60 батарей тяжелой артиллерии, из них 41 батарея была вооружена 6-дм. гаубицами, а 19 батарей — 42-лин. пушками.

Следовательно, основным орудием нашей полевой тяжелой артиллерии была гаубица, а не 42-лин. пушка. Благодаря разрешению Совета министров, в 1910 г. было заказано французскому заводу Шнейдера не 84, а 122 пушки 42-лин. калибра на сумму 3 млн. рублей; сдача их закончена в 1913 г. *Заказ 100 таких же пушек нашему орудийному заводу не мог быть дан ранее 1912 г., так как до того времени французский завод не был в состоянии дать законченных чертежей на впервые изготовляемые орудия;* для изучения же производства новой системы на французские заводы Крезо был командирован от орудийного завода полковник Самойлов.

При первой возможности было испрошено разрешение Военного совета на заказ орудийному заводу 100 пушек, предназначавшихся для крепостей, так как к увеличению полевой тяжелой артиллерии в то время не было никаких данных. *Только во второй половине* 1913 г.

ГАУ стало известно *, что в 1915—1916 гг. предстоит усиление полевой тяжелой артиллерии, для чего потребуется 265 пушек 42-лин. калибра. В январе 1914 г. Н—скому частному пушечному заводу было заказано 315 таких пушек. Стремление ГАУ поставить производство этих орудий на казенном Н—ском сталелитейном заводе оказалось безуспешным из-за отказа начальника завода устанавливать новое дело, так как он надеялся обеспечить полевой отдел своего завода крупным заказом на 3-дм. артиллерию.

Только в начале 1915 г., получив подтверждение о состоявшемся решении заказывать 3-дм. артиллерию М—скому пушечному заводу и М—ской группе заводов, начальник Н—ского казенного сталелитейного завода согласился принять изготовление 400 пушек 42-лин. Несомненно, Н—ский сталелитейный завод был способен скорее других наших заводов сдавать исправные 42-лин. пушки, так как в течение четырех лет изготовил 152 гаубицы Шнейдера образца 1910 г., по своей конструкции имеющие много общего с системой 42-лин. пушек. Между тем, ни частный Н—ский пушечный завод, ни Н—ский казенный орудийный завод шнейдеровской гаубицы не знали.

г. Изготовление 6-дм. гаубиц как для полевой тяжелой артиллерии, так и для крепостей, было возложено на казенный М—ский и на Н—ский частный пушечный заводы. М—ский завод с 1911 г. исполнял заказ на 60 полевых 6-дм. гаубиц, а с мая 1913 г. на 76 крепостных таких же гаубиц (на высоких лафетах). На предложение ГАУ (в июле 1913 г.) принять новый заказ на 100 полевых 6-дм. гаубиц, начальник М—ского пушечного завода ответил отказом, ссылаясь на невозможность приступить к работе ранее 1916 г. (сношение начальника ГАУ с директором Горного департамента 2 (15) октября 1913 г.). Второй заказ на полевые 6-дм. гаубицы в количестве 150 штук был дан М—скому заводу в начале 1915 г., по просьбе начальника завода — не требовать одновременного изготовления гаубиц полевых и крепостных, так как лафетная мастерская завода не справляется с разнородной работой. Поэтому исполнение 76 крепостных гаубиц было временно остановлено.

Все 6-дм. гаубицы, требовавшиеся на вооружение полевой тяжелой артиллерии, изготовлены Н—ским частным пушечным заводом (180 шт.). С 1911 г. этот завод исполнял заказы на 6-дм. гаубицы для крепостей (на высоких лафетах). Первый заказ на 122 гаубицы был закончен в 1913 г.; второй заказ на 154 гаубицы исполнен в 1914 г., а 90 гаубиц третьего заказа были еще в работе в 1915 г. В начале этого же года завод

* Вот какое было отношение ГУГШ к ГАУ, которому о предстоящем введении на вооружение 265 сложнейших пушек сообщается за 2 года—срок, абсолютно недостаточный для выполнения такой задачи.

получил еще новый заказ на 200 гаубиц 6-дм.; перерыва между заказами не было.

д. Производство 48-лин. гаубиц системы Круппа было поставлено на Н—ском частном пушечном, на казенном Н—ском орудийном и на М—ском пушечном заводах. До 1914 г. М—ский пушечный завод был занят установкой производства при исполнении лишь 18 гаубиц. На предложение ГАУ в 1913 г. принять изготовление 100 гаубиц 48-лин. калибра, начальник завода заявил о возможности приступить к работе не ранее 1915—1916 гг.

Н—ский казенный сталелитейный завод хорошо был приспособлен для изготовления 48-лин. гаубиц системы Шнейдера образца 1910 г. К 1915 г. завод сдал 152 таких гаубицы; прочие русские заводы этих орудий не готовили.

Таким образом, наши орудийные заводы к началу войны были приспособлены к производству всех систем, за исключением 42-лин. французских, в масштабе, соответствовавшем потребностям мобилизационного расписания 1910 г., но начавшиеся военные действия потребовали новых многочисленных формирований артиллерийских частей как на замену погибших, так и для противодействия германской артиллерии, на много превышавшей нашу числом и батарей и орудий. Невозможность скорого удовлетворения пред'явленных требований явилась результатом многолетнего запрещения денежных расходов на усиление нашей армии полевой артиллерией и на создание хотя бы одного независимого мощного орудийного завода, принадлежащего военному ведомству.

Чтобы охарактеризовать отношение ГАУ в части заказов на орудия нашим орудийным заводам, приводим таблицу 29, в которой сведены все заказы, данные с 1900 г. по 1914 г. включительно.

При рассмотрении таблицы 29, необходимо иметь в виду следующее.

Для вооружения батарей горной, гаубичной и тяжелой артиллерии были приняты системы орудий, разработанные по заданиям нашего артиллерийского комитета на иностранных заводах: у Круппа — 48-лин. гаубица 1909 г. и у Шнейдера (Крезо) — 3-дм. горная пушка 1909 г., 6-дм. крепостная гаубица 1909 г., 6-дм. полевая гаубица 1910 г., 42-лин. скорострельная пушка 1910 г., 6-дм. осадная пушка 1912 г., 8-дм. гаубица 1913 г., 11-дм. гаубица 1913 г. и 3-дм. конная пушка 1913 г.

Владельцы этих систем, Крупп и Шнейдер, согласились на передачу русскому правительству своих патентов лишь при условии исполнения первого валового заказа или у них самих, или на Н—ском русском частном пушечном заводе, с которым фирмы Круппа, Эргардта и Шнейдера вошли в частное соглашение.

Приняв в соображение это обстоятельство, а также приведенные выше об'яснения начальника ГАУ, нет оснований утверждать, что распределение заказов делалось «с пристрастием».

ТАБЛИЦА 29.

Заказы, данные различным заводам в 1900–1914 г.

Орудия	Заводы: Н—ский казенный сталелитейн.	Заводы: М—ский казенный пушечный	Заводы: Н—ский казенный орудийный	Заводы: Н—ский частный пушечный	Итого
	Количество				
11-дм. береговые мортиры	—	34	—	—	34
10-дм. пушки	90	—	—	—	90
8 дм. пушки	—	44	—	—	44
8-дм. мортиры	—	8	—	—	8
6-дм. пушки Канэ	92	74	—	—	166
6-дм. пушки в 120 п.	—	163	—	—	163
6-дм. пушки в 200 п.	—	200	—	—	200
6-дм. полевые мортиры	—	82	—	—	82
57-*мм* пушки береговые	48	—	—	—	48
57-*мм* пушки канонирные	134	—	180	—	314
3-дм. скорострельн. пушки	1 150	3 417	3 064	4 330	11 961
3-дм. горные образца 1904 г.	240	—	—	—	240
48-лн. гаубицы системы частного пуш. завода	—	—	—	50	50
48-лн. гаубицы системы казенного Н—ского сталелитейного завода	50	—	—	—	50
48-лн. гаубицы Круппа обр. 1909 г.	—	18	466	858	1 342
3-дм. горные обр. 1909 г.	—	—	188	809	997
6-дм. крепостные гаубицы	—	76	—	366	442
6-дм. полевые гаубицы	—	210	—	380	590
42-лн. пушки обр. 1910 г.	—	—	100	315	415
12-дм. орудия в 52 калибра	36	—	—	—	36
3-дм. противоштурмовые	—	—	—	410	410
48-лн. гаубицы обр. 1910 г.	246	—	100	—	346
120-*мм* береговые пушки	63	—	—	—	63
6-дм. осадные пушки	—	—	—	56	56
8-дм. гаубицы обр. 1913 г.	—	—	—	32	32
3-дм. конные пушки	—	—	—	320	320
6-дм. береговые пушки	—	52	—	—	52
Итого	2 149	4 378	4 098	7 926	18 551

ИТОГИ РАБОТЫ РУССКИХ ЗАВОДОВ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ И РЕМОНТУ ОРУДИЙ.

Для того, чтобы охарактеризовать степень участия в изготовлении орудий казенных и частных русских пушечных заводов в минувшую мировую войну, приводим таблицы 30, 31 и 32, в которых показано, сколько заводов подали и каких орудий в 1915, 1916 и 1917 гг.

Но так как таблицы 30, 31 и 32 содержат данные, которые неудобно сравнивать, то они перечислены в особую сводную таблицу 33, в которой все изделия заводов, а также ремонт, приведены к общему знаменателю, причем за единицу принята 3″ полевая скорострельная пушка 1902 г. Тогда остальные орудия выражаются в этой общей единице следующим образом:

3″ полевая скорострельная пушка—1;
3″ горная скорострельная пушка—1,6;
3″ противоштурмовая пушка—1,2;
3″ зенитная пушка—4,0;
48-лин. гаубица—2,8;
42-лин. скорострельная пушка—3,8;
6″ полевая гаубица—3,8;
6″ крепостная гаубица—4,0;
6″ осадная пушка—8,0;
120-*мм* пушка—3,8;
12″ гаубица в 20 кал.—20;
12″ береговая пушка в 52 калибра—50.

Что касается ремонтных работ, то они расцениваются так: ремонт с заменой ствола — $^1/_6$ изготовления новой пушки; ремонт обыкновенный — $^1/_{10}$ изготовления новой пушки.

Перечислив таблицы 30, 31 и 32, получим по этим коэффициентам сводную таблицу 33, в которой производительность орудийных заводов и арсеналов за время войны выражена в общей для всех единице.

ТАБЛИЦА 30.

Изготовление орудий на казенных и частных заводах в 1915 г.

Название орудий	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого
3-дм. полев. скор. пушка обр. 1902 г.	35	25	30	40	69	80	132	150	155	216	231	205	1368
3-дм. горн. пушка обр. 1909 г.	17	23	19	21	21	30	26	10	31	44	35	28	305
48-лн. гауб. обр. 1909 г.	16	24	6	25	14	43	20	44	42	44	49	34	361
6-дм. полев. гаубица обр. 1910 г.	—	—	—	4	6	9	5	14	7	7	6	2	60
6-дм. осадн. пушка Шнейдера	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	4	—	8
12-дм. берег. пушка	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1	4
Всего	68	73	58	90	110	162	183	218	236	312	326	270	2 106

ТАБЛИЦА 31.

Изготовление орудий на казенных и частных заводах в 1916 г.

Название орудий	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого
3-дм. полев. скор. пушка обр. 1902 г. .	168	119	220	250	262	298	330	378	364	472	430	430	3 721
3-дм. горн. пушка обр. 1909 г. . . .	32	24	34	40	36	14	16	25	32	39	35	39	366
3-дм. коротк. пушка.	—	—	—	—	—	20	30	15	20	10	10	14	119
3-дм. зенитн. пушка.	—	—	—	—	—	—	—	—	8	6	6	6	26
48-лин. гаубица обр. 1909 г.	32	29	38	56	58	58	62	60	56	66	64	58	637
42 - лин. скорострел. пушка обр. 1910 г. .	—	—	—	—	—	6	4	10	15	12	18	24	89
6-дм. гаубица полев. обр. 1910 г. . . .	—	—	2	6	8	8	8	10	8	10	11	13	84
6-дм гаубица креп. обр. 1910 г. . . .	—	—	—	—	—	—	—	6	6	4	5	6	27
6-дм. осадн. пушка Шнейдера	—	—	4	—	4	2	2	1	3	—	4	2	22
12-дм. гаубица осадная.	1	4	3	1	2	1	3	6	3	3	3	3	33
12-дм. берег. пушка .	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	3
Всего . . .	234	177	301	353	371	407	455	511	515	622	586	595	5 127

ТАБЛИЦА 32.

Изготовление орудий на казенных и частных заводах в 1917 г.

Название орудий	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Итого
3-дм. полев. скор. пушка обр. 1902 г. .	407	340	321	361	316	189	278	282	265	258	155	33	3 205
3-дм. горн. пушка обр. 1909 г. . . .	45	1	13	37	10	19	20	15	31	20	12	22	245
3-дм. коротк. пушка.	1	—	—	—	10	—	10	—	15	10	5	3	54
3-дм. зенитн. пушка.	6	—	7	11	10	5	18	9	20	8	10	6	110
48-лин. гаубица обр. 1909 г.	62	10	36	58	43	25	44	42	33	23	15	—	391
42-лин. скорострельн. пушка обр. 1910 г. .	30	16	18	16	26	21	38	21	21	20	16	4	247
6-дм. гаубица полев. обр. 1910 г. . . .	8	8	14	10	7	3	5	5	—	6	—	—	66
6-дм гаубица креп. обр. 1910 г. . . .	9	3	—	10	6	9	4	10	10	5	13	4	83
6-дм. осадн. пушка Шнейдера	2	—	2	2	6	—	—	—	2	—	2	—	16
12-дм. гаубица осадная.	—	—	2	—	1	1	2	2	1	1	1	—	11
Всего . . .	570	378	413	505	435	272	419	386	398	351	239	72	4 428

ТАБЛИЦА 33.

Изготовление и ремонт артиллерийских орудий русскими заводами и арсеналами в 1914 — 1917 гг. (результаты выражены в общей единице—3″ полевой пушке).

Заводы и арсеналы	Изготовление новых орудий					Ремонт изношенных орудий					Итого	
	1915	1916	1917	Итого	%	1915	1916	1917	Итого	%	оруд.	%
Н-ский орудийный	547	995	638	2 180	12	62	226	70	358	35	2 538	13
Н-ский казенн. сталелитейн.	396	1 467	1 066	2 929	16,5	—	148	22	170	16	3 099	16
М-ский казенн. пушечный .	850	1 321	1 292	3 463	19	19	143	18	180	17	3 643	19,5
Частный Н-ский	1 566	2 828	2 870	7 264	41	—	78	35	113	11	7 377	40
М-ская группа частн. завод.	—	800	1 233	2 033	11,5	—	—	—	—	—	2 033	10,5
Арсеналы . . .	—	—	—	—	—	11	75	37	123	12	123	0,5
Частный Б-й .	—	—	—	—	—	—	13	44	57	6	57	0,3
Частный М-й .	—	—	—	—	—	—	10	24	34	3	34	0,2
Всего . . .	3 359	7 411	7 099	17869	100	92	693	250	1 035	100	18904	100

Из таблицы 33 видна степень участия в изготовлении и ремонте орудий в войне 1914—1917 гг. каждого из заводов и арсеналов, больше всех послужил Н—ский частный завод, давший почти половину (40%) всех орудий.

Интересно, что М—ская группа, состоявшая из 5 частных мощных заводов, в том числе Л—ский, хотя еще и не вполне готовый, но тесно связанный с Виккерсом и получивший много прекрасного оборудования, — вся эта группа раскачалась только в 1916 г. и сработала меньше. чем слабенький Н—ский орудийный завод военведа, а мощные частные М—ский и Б—ский заводы — не только не смогли готовить новых пушек (хотя бы простых полевых), но и по части ремонта пушек оказались слабее наших арсеналов.

ПОМОЩЬ СОЮЗНИКОВ ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ОРУДИЙ ДЛЯ РОССИИ.

Россия получала во время мировой войны от бывших ее союзников из-за границы следующие орудия:

Англия	Франция	Америка	Италия
12″ гаубицы 9″,2 „ 8″ „ 6″ „ 60-фнт. пушки 45-лн. гаубицы	11″ мортиры 155-*мм* пушки 120-*мм* „ 42-лн. скор. пушки 90-*мм* пушки 75 *мм* зенит. Черновые стволы к 3″ пушкам	8″ гаубицы 37-*мм* пушки Япония 20-*см* гаубицы 15-*см* пушки 12-*см*. гаубицы 10,5 *см* пушки 42-лн. скор. пушки 76-*мм* пол. пушки Арисака	42-лн. скор. пушки

В каком количестве и в какие сроки были поставлены нам союзниками эти орудия — видно из таблицы 34.

ТАБЛИЦА 34.

Калибр орудия и кем доставлено	1914	1915	1916	1917	Всего	Примечания
12-дм. гауб. Англия	—	2	7	—	9	[1] 200 орудий, заказанных в Италии, были приняты нашим приемщиком в Модане в сентябре 1917 г., но в Россию доставлены не были.
11-дм. гауб. Франция	—	12	8	6	26	
9,2 гауб. Англия	—	—	—	4	4	
8-дм. и 20 *см* {Япония, Англия, Америка}	—	5	29	51	85	
6-дм. гауб. Англия	—	—	8	88	96	
45-лин. гауб. Англия	—	—	400	—	400	
42-лин. пуш. {Франция, Италия, Япония}	—	12	56	381 [1]	449	
5-дм. (60 ф.) пуш. Англия	—	—	8	44	52	
155-*мм* пуш. Франция	—	—	50	30	80	
120-*мм* пуш. Франция	—	—	130	10	140	
90-*мм* пуш. Франция	—	—	150	—	150	
15-*см* гауб. Япония	—	—	—	16	16	
75-*мм* зенит. Франция	—	—	—	5	5	
3-дм. полевая Япония	—	366	120	—	486	
3-дм. горн. Япония	—	—	100	—	100	
Бомбометы Франция	—	456	472	—	928	
Минометы Франция	—	—	281	143	424	
40-*мм* Вик. Англия	—	—	12	—	12	
37-*мм* Маклена Америка	—	—	18	200	218	

Примечания: 1. Установить точные цифры получения орудий из-за границы почти невозможно, потому что часть архива погибла; между тем, часть орудий принималась за границей и в некоторых ведомостях показывались принятыми, в других же принятыми показывались лишь прибывшие в Россию. В действительности, некоторые из них не были отправлены вовсе, как итальянские 42-лин. пушки, другие погибли при потоплении пароходов германскими подводными лодками, небольшая часть потопленных была поднята со дна, и потому в различных ведомостях различные цифры. Уцелела, повидимому, только часть ведомостей, и потому сравнение их невозможно—отсюда несходство цифр в различных таблицах. Редактором выбраны наиболее вероятные. *Ред. 1-го издания.*

2. Данные таблицы проверены по делу Упарта „Доклады", стр. 83—87. Воен.-истор. архив, связка 1482. В таблице сделаны некоторые поправки, тем не менее примечание редакции 1-го издания остается отчасти в силе до сих пор. **Б.**

Интересно, конечно, и в отношении бывших союзников применить тот же сравнительный метод, какой был применен к нашим заводам. Но сделать это очень трудно, так как определить коэффициенты эквивалентности как у каждого из союзников, так особенно между ними — очень трудно: их могли бы дать только сами заводы.

Однако, чтобы получить хоть г р у б у ю оценку степени их помощи по части артиллерийских орудий, мы примем такую скалу этих коэффи-

циентов, считая за единицу нашу 3″ полевую пушку. Таким образом, получим:

12″ гаубица Виккерса—20;
11″ гаубица Шнейдера—15;
9″,2 гаубица английская—12;
8″ гаубица—6;
6″,155 *мм*, 15 *см* и 5″ пушка—8;
45-лин. гаубица—2,5;
120-*мм* пушка—4,5;
12-*см* гаубица—2,5;
10,5-*см* пушка—2,5;
90-*мм* пушка—1;
76-*мм* Арисака—1;
76-*мм* Арисака горная—1,6;
75-*мм* зенитная—4;
40-*мм* зенитная—2,5;
37-*мм* пушка Маклена—0,5.

Тогда степень участия наших союзников в снабжении нас артиллерийскими орудиями будет видна из таблицы 35.

ТАБЛИЦА 35.

Страны	Сколько доставлено	% к общему числу доставленных	Примечание
Америка	109	1,94	[1] Заказанные 42-лин. пушки хотя и были приняты в Италии, но в Россию доставлены не были.
Англия	2 706	48,10	
Италия [1]	—	—	
Франция	1 675	29,78	
Япония	1 135	20,18	
Всего	5 625	100	

Сравнивая таблицу 35 с таблицей 33, мы видим что нашими тогдашними союзниками доставлено всего 5 625 единиц, или 23,90%, а нашими заводами изготовлено новых орудий 17 869 единицы, или 76,10%.

Если же сюда добавить и ремонт орудий, который производился только на русских заводах, т.-е. добавим еще 1 035 единиц, то союзниками доставлено всего 22,92% общего числа орудий, полученных русской армией во время мировой войны.

Конечно, цена этих выводов весьма условная, но даем их, не имея возможности получить более точные данные об орудиях, доставленных России из-за границы.

ИТОГИ СНАБЖЕНИЯ АРТИЛЛЕРИЙСКИМИ ОРУДИЯМИ.

СОСТОЯНИЕ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ РОССИИ ПО СРАВНЕНИЮ С ГЕРМАНСКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ АРМИЯМИ.

Как мы видели выше (таблица 10), к началу мировой войны, т.-е. к 20 июля 1914 г., орудия на вооружении полевых легких и полевых тяжелых батарей состояли полностью; нехватало 58 пушек в конных и горных батареях. Это составляло лишь около 0,83% от общего числа орудий, положенного для батарей.

В запасах военного времени, не считая недостатка 99 поршневых пушек обр. 1895 г. для батарей государственного ополчения, нехватало 124 орудий, или около 12% общего числа орудий, положенного к содержанию в запасах.

Всего недоставало 182 орудия или 2¼% положенного числа.

Таким образом, можно считать, что на фронты все артиллерийские части действующей армии выступили почти с полным составом вооружения и лишь в запасах военного времени не хватало около 220 орудий (с недостатком пушек для ополчения). Недостающие горные пушки и 48-лин. гаубицы были пополнены к третьему месяцу войны, так что, по настоящему, нехватало только 86 конных пушек и девяти 6″ гаубиц. Такую нехватку, имея в виду общее количество орудий, следует признать несущественной.

Тем не менее, наша армия к возникновению мировой войны не была достаточно обеспечена полевой артиллерией по сравнению с артиллерийским вооружением армий соседей, с которыми пришлось воевать.

Это положение ясно видно из сопоставления численности батарей и количества орудий русской полевой артиллерии с полевой артиллерией бывшего нашего главного противника—Германии.

Полевая артиллерия Германии превосходила нашу полевую артиллерию, в общем, на 484 батареи и 2 310 орудий.

Еще нагляднее преимущество в численности германской артиллерии перед нашей видно из сопоставления количества артиллерии, приходящейся на пехотную дивизию (при двухдивизионном составе корпуса)—нашу, германскую и австрийскую.

На нашу пехотную дивизию приходилось 7 батарей при 54 орудиях, тогда как германская пехотная дивизия имела полевую артиллерию, со

стоящую из 14 батарей при 80 орудиях, т.-е. батарей вдвое, а орудий на 26 больше, чем располагали мы на пехотную дивизию; в австрийской дивизии состояло 9½ батарей при 54 орудиях, т.-е. при одинаковом с нашей дивизией числе орудий количество батарей было больше. Это было удобнее в организационном отношении и несколько усиливало огневую мощь австрийской артиллерии при умелом ее применении в бою.

Кроме того, в то время, когда у нас в составе дивизии и даже корпуса не полагалось иметь полевой тяжелой артиллерии, каждая германская дивизия обеспечена была 8 тяжелыми гаубицами, а австрийская 4 тяжелыми гаубицами.

Правда, не следует забывать, что большая часть германских сил была во время войны на своей западной границе, против Франции, австрийцы же часть своих сил направили против Сербии. Но царскому русскому правительству следовало в свое время учитывать, с одной стороны, не только свои силы, но и силы своей союзницы Франции, а с другой—силы Германии и ее союзницы Австрии.

Сопоставляя общее число батарей и орудий, какое оказалось, за округлением цифр, в 1914 г. на вооружении перволинейных войск армий России и Франции, с одной стороны, Германии и Австрии, с другой—мы видим, что к началу мировой войны у первых двух союзниц вместе было 2 034 батареи при 11 388 орудиях, а у вторых—2 498 батарей при 13 476 орудиях, т.-е. вторые готовились к войне более предусмотрительно и по количеству артиллерии были значительно сильнее первых *.

ПРИЧИНЫ ОТСТАЛОГО СОСТОЯНИЯ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

Переходя к вопросу о том, чем вызвано было непринятие со стороны нашего Генерального штаба своевременных мер к должному усилению нашей армии полевой артиллерией, надо остановиться на том, было ли ГУГШ заблаговременно осведомлено о росте и количественном преобладании германской полевой артиллерии над нашей.

Наш военный агент в Берлине в 1908, 1909 и 1910 гг. осведомлял ГУГШ о состоянии вооруженных сил Германии и в подкрепление своих сведений представлял боевые расписания Германии и таблицы развертывания германских войск при мобилизации.

Следовательно, ГУГШ, располагая данными, которые могли лечь в основание соображений о силах нашего противника, имело возможность своевременно принять меры к должному усилению нашей артиллерии.

Однако, составленное им мобилизационное расписание 1910 г. совершенно не предусмотрело усиления нашей армии полевой легкой артиллерией, а полевой тяжелой артиллерией обеспечило в столь незначительной степени, что последняя даже не входила в состав артиллерии

* Е. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, изд. 1926 г., стр. 114, 115.

корпуса, а состояла при армиях для решения главным образом специальных задач, для чего германская армия располагала особой тяжелой артиллерией.

Равным образом ГУГШ не мог быть неизвестен принятый в 1911 г. рейхстагом закон об увеличении численности армии, в частности артиллерии. По этому закону германская артиллерия, постепенно из года в год возрастая, к 1915 г. должна была возрасти до еще более значительных размеров, чем указано выше.

Во время самой войны новые артиллерийские формирования в германской армии не только не сократились, а, напротив, значительно усилились.

ГУГШ было также осведомлено, что Австрия, выполняя свое боевое расписание 1914 г., довела свою артиллерию уже в начале 1915 г. до состава 968 батарей при 5 112 орудиях.

Между тем, наше мобилизационное расписание 1910 г. не изменялось и не дополнялось в смысле усиления полевой артиллерии новыми формированиями.

Таким образом, надо признать, что несмотря на то, что ГУГШ еще в 1908 г. стало известно о перевооружении и усилении германской артиллерии, оно не приняло действительных мер для того, чтобы составить правильный, основанный на соображениях о силах противника план усиления нашей полевой артиллерии, а ограничилось организацией полевой артиллерии 1910 г., которая в слабой степени, по сравнению с силами Германии, обеспечивала нашу армию полевой артиллерией. Затем, в дальнейшем ГУГШ на германский закон 1911 г. о новом усилении германской артиллерии своевременно не ответило соответственной программой увеличения сил нашей артиллерии *.

Отсталое состояние нашей артиллерии в мирное время об'ясняется также тем, что проектированные особой комиссией при ГАУ еще в 1906 г. (тотчас после Японской войны) мероприятия к усилению артиллерии и пересмотренные мобилизационным комитетом при Главном штабе в 1909 г., только в 1914 г. получили окончательную разработку в ГУГШ, которое, базируясь на трудах артиллерийской комиссии 1906 г. составило «Большую программу» усиления армии. В программе наибольшее место отводилось именно усилению всех родов артиллерии, устарелые начала устройства которой, по об'яснению самого ГУГШ, требовали коренного преобразования (представление в Государственную думу по ГУГШ от 20 февраля 1914 г. № 447).

Указанные в этой «Большой программе» мероприятия предположено было завершить к 1 (14) апреля 1917 г., но вспыхнувшая война помешала в самом начале осуществлению их **.

* Св. сведений Верх. следственной комиссии „О снабжении армии полевою артиллерией", стр. 19—21.

** Следует отметить, что и эта неосуществленная программа все-таки не давала вполне удовлетворительного решения важнейшего для армии артиллерийского вопроса: согласно программы наша дивизия все-таки получила на $1^1/_2$ батареи и на 8 орудий меньше, чем германская дивизия.

Таким образом, понадобилось почти пять лет, чтобы довести бумажное дело усиления артиллерии до законодательных палат, причем военное министерство не проявило сколько-нибудь достаточной энергии, чтобы своевременно добиться необходимых кредитов на эту насущнейшую нужду первостепенной важности. Да и то, что было сделано — было сделано только академически, вернее просто формально, так как все время шла речь лишь о деньгах, а не о тех заводах, в развитии и насаждении которых единственно могло быть правильное решение этого вопроса.

Все же представления ГАУ, начиная с 1905 г., о необходимости для военного ведомства иметь свой мощный завод артиллерийских орудий — неизменно отклонялись по соображениям, якобы, финансового характера министерствами финансов и государственного контроля при содействии министерства торговли и промышленности, поддерживавшего частных заводчиков в их крестовом походе против казенных заводов, мешавших им в их беззастенчивом грабеже казны. Замечательно то, что в этой неравной борьбе ГАУ не только не получало поддержки даже со стороны своего министерства, а наоборот, ген. Поливанов, из соображений совершенно непонятных, отклонил даже передачу ГАУ пушечного завода Горного департамента, когда последний сам шел на это.

«Естественно, что, не располагая широким, правильно разработанным планом, ГУГШ не дало ГАУ и соответственно широкой программы заготовления материальной части для полевой артиллерии, чем ограничило об'ем артиллерийских заказов, даваемых заводам, и вместе с тем лишило последние возможности своевременно и широко оборудоваться для удовлетворения нужд армии в полевой артиллерии на случай европейской войны».

«С своей стороны ГАУ непланомерным и нецелесообразным распределением артиллерийских заказов между орудийными заводами в течение целого ряда лет поставило эти последние заводы в еще более тяжелое положение при выполнении заводами крупных заказов военного времени».

«Создание своевременного и правильного плана лежало на обязанности ГУГШ, а создание благоприятных условий для наиболее плодотворной производительности орудийных заводов — на обязанности ГАУ».

«Правильное же направление деятельности ГУГШ и ГАУ лежало на военном министре, как главе и руководителе ведомства, и в этом отношении деятельность названных главных управлений не была им направлена к действительному достижению цели их учреждения» *.

* Св. сведений Верх. следств. комиссии „О снабжении армии полевою артиллерией“, стр. 22.

«Что касается обнаруженного во время мобилизации в некоторых артиллерийских частях недостатка артиллерийского имущества, который повлек за собою запоздалое выступление в поход этих частей, то своевременное устранение этого недостатка зависело от ГАУ, как от центрального хозяйственного органа, на обязанности которого лежало обеспечить артиллерийские части всею необходимою материальною частью. Равным образом к его же обязанности относился и надзор за недопущением подчиненными ему техническими заведениями опозданий на 1 год и 9 месяцев и 2 года и 4 месяца в исполнении нарядов на горные пушки и 48-лин. гаубицы орудийным заводом ГАУ, а также опоздания на 2 года и 6 месяцев в исполнении арсеналом Л. наряда на лафеты к горным пушкам, каковые опоздания имели последствием выступление в поход некоторых мортирных и горных батарей с неотвечавшими их назначению орудиями» *.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ОРУДИЯХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Как видно из таблицы 36, обеспечение нашей армии полевой артиллерией по мобилизационному расписанию 1910 г. совершенно не отвечало той потребности, которая выявилась в ней во время мировой войны.

Полевой артиллерии (легкой, горной, мортирной, полевой тяжелой) потребовалось больше против предположенного — в войсках вдвое, а годичного пополнения орудиями (запас) в тринадцать раз!

ТАБЛИЦА 36.

НАИМЕНОВАНИЕ АРТИЛЛЕРИИ	Штатное количество орудий		Годичная потребность орудий		
	по мобилизационному расписанию 1910 г.	по требованию Ставки 1916 г.	запас по мобилизационному расписанию 1910 г.	по требованию Ставки 1916 г.	
				новые	ремонт расстрелянных
Полевая легкая артиллерия (3″ полевых и горн. пушек)	6 336	11 200	899	6 720	3 780
Полевая мортирная артиллерия (48-лин. и 45 лин. гаубицы)	512	2 160	74	1 476	84
Полевая тяжелая артиллерия (42-лин. и 120-*мм* пушки, 6″ и 5″ пушки и гаубицы)	240	1 080	24	648	144
Всего	7 088	14 440	997	8 844	4 008
				12 852	

* Св. сведений Верх. следств. комиссии „О снабжении армии полевою артиллерией“, стр. 21 и 22.

Нехватка артиллерии у нашей армии, по сравнению с артиллерией противников, была огромная. Особенно существенна эта разница была в отношении т я ж е л о й артиллерии «о с а д н о г о» типа, т.-е. той, без помощи которой, при создавшихся «позиционных» условиях войны, была немыслима никакая наступательная инициатива, требующая устройства так называемых «прорывов», т.-е. подавления на значительном участке неприятельского фронта не только всей живой его силы и уничтожения всей находящейся там артиллерии, но и быстрое разрушение всех тех заградительных и оборонительных сооружений, которые возводились по правилам и средствами «долговременной» фортификации, т.-е. были исключительной прочности.

Тяжелые орудия «осадного» типа вовсе не предусматривались мобилизационным расписанием 1910 г. Их пришлось заказать, как видно из таблицы 37, свыше 1 000 орудий, из которых доставлено было в нашу армию в 1915—1917 гг. 782.

ТАБЛИЦА 37.

Заказы и поставки орудий, тяжелой и осадной артиллерии

Государства	Наименование калибров	Заказано или обещано союзниками		Поставлено							
				1915 г.		1916 г.		1917 г.		Итого	
		Русс.	Загр.	Русс.	Загр.	Русс.	Загр.	Русс.	Загр.	Русс.	Загр.
Росс.	12″ гауб. Обух. зав.	48	—	—	—	33	—	12	—	45	—
Анг.	12″ гауб. Виккерса	—	9	—	2	—	7	—	—	—	9
Фран.	11″ гауб. Шнейдера	—	66	—	12	—	8	—	6	—	26
Анг.	9,2″ гауб. Виккерса	—	44	—	—	—	—	—	4	—	4
Анг.	8″ гауб. Виккерса	—	32	—	—	—	29	—	2	—	31
Анг.	8″ гауб Анправ.	—	96	—	—	—	—	—	8	—	8
Амер.	8″ гауб. Мидваль	—	100	—	—	—	—	—	41	—	41
Фран.	155-*мм* пушки	—	100	—	—	—	50	—	30	—	80
Анг.	6″ гауб. Виккерса	—	100	—	—	—	8	—	88	—	96
Росс.	6″ пушки Шнейдера	56	—	9	—	26	—	16	—	51	—
Анг.	5″ (60 ф.) пушки Виккерса	—	52	—	—	—	8	—	44	—	52
Фран.	120-*мм* пушки 78 г.	—	150	—	—	—	130	—	10	—	140
Росс.	155-*мм* пушки Обух. зав.	70	—	13	—	22	—	16	—	51	—
Япон.	15-*см* пушки	—	16	—	—	—	—	—	16	—	16
Япон.	20-*см* гаубиц	—	5	—	5	—	—	—	—	—	5
Япон.	10,5-*см* пушки	—	12	—	12	—	—	—	—	—	12
Япон.	15-*см* гаубиц	—	16	—	—	—	—	—	16	—	16
Япон.	12-*см* гаубиц	—	28	—	28	—	—	—	—	—	28
Япон.	28-*см* гаубиц	—	27	—	27	—	—	—	—	—	27
Япон.	24-*см* гаубиц	—	34	—	34	—	—	—	—	—	34
Япон.	24-*см* пушки	—	10	—	10	—	—	—	—	—	10
	Всего	174	897	22	130	81	240	44	265	147	635
		1 071		152		321		309		782	

Необходимость в зенитных орудиях также совсем не была предусмотрена. Между тем, орудия эти потребовались в большом количестве, но доставлено их было в армию весьма немного — всего 45 штук (см. таблицу 38).

ТАБЛИЦА 38.

Зенитные орудия, поданные на фронт за все время войны.

Число батарей	Образец орудий	Число орудий	Время подачи на фронт
3	75-*мм*	12	10. XI. 14
1	3″ автомобил.	4	16. IV. 16
1	3″ „	4	17. XII 16
1	3″ „	4	17. IV. 17
1	3″ „	4	12. V. 17
1	3″ „	4	27. IV. 17
1	Броневая 40-*мм* системы Виккерса .	4	21. I. 17
1	„ 40-*мм* „ „ .	4	26. III. 17
1	„ 40-*мм* „ „ .	4	Сведен. нет
Отряд	75-*мм* французская	1	20. VIII. 16

Все то, что дали нам наши русские орудийные и пушечные заводы и что удалось нам получить от быв. союзников из-за границы, далеко не покрывало потребность нашей армии в орудиях, особенно в орудиях тяжелых «осадного» типа.

Вследствие полного непредвидения продолжительности, характера и масштаба войны, а также вследствие допущения возможности вести войну лишь на мобилизационные запасы, образованные в мирное время и на скромную производительность существовавших орудийных заводов, — потребность армии в орудиях сразу же значительно превзошла все то, что могли дать эти заводы. Очень остро сказался недостаток в тяжелой артиллерии — полевой и особенно о с а д н о й, из которой надо было формировать «ТАѲН». Из орудий этого типа (от 6″ до 12″) у нас изготовлялись лишь 6″ пушки Шнейдера в количестве не более 30 пушек в год на Н—ском частном пушечном заводе и несколько 12-дм. гаубиц изготовил Н—ский завод морского ведомства, но настолько тяжелых и громоздких, что они с большими затруднениями могли быть использованы лишь в позиционной войне *. О 12-дм., тем более о 16-дм. гаубицах (как у немцев) легкого типа, т.-е. могущих следовать за войсками, вроде немецких или английских, мы серьезно и думать не могли.

* Вес системы 12-дм. гаубицы морского завода в боевом положении около 3 900 пуд., вес лафета для перевозки 1 200 пуд.; для перехода из походного положения в боевое эта гаубица требовала не менее $1\frac{1}{2}$ дня и то при условии заблаговременно вырытого котлована.

Поэтому и по части орудий мы должны были прибегнуть к помощи наших союзников, которые сами, не имея особого избытка в них, могли уделять нам очень немного и то лишь с большим запозданием, особенно это касалось более крупных калибров.

Все усилия развить производительность своих заводов до возможности удовлетворять потребности армии, хоть в части полевой (легкой и тяжелой) артиллерии — успеха не имели; это надо было делать заблаговременно, т.-е. в мирное время. А у нас постройка нового орудийного завода, и то с очень скромной производительностью (в Саратове), была разрешена ГАУ только в конце 1916 г.

Что касается отношения наших правящих сфер к существовавшим орудийным заводам, то его нельзя назвать иначе, как преступным, до того оно было близоруко, бесхозяйственно и противогосударственно.

Правда, в конце 1916 г. мы подняли производство 3″ пушек до 800 штук в месяц (считая и ремонтируемые сменой труб) и могли поднять до 1 000, но и тут мы стали на неверный путь совершенно так же, как и с легкими снарядами, т.-е. в явный и серьезный ущерб

ТАБЛИЦА 39 *.

Ежегодное поступление артиллерийских орудий с русских заводов и из-за границы.

(Результаты выражены в общей единице—3″ пушке.)

		1914 г.		1915 г.		1916 г.		1917 г.		Всего	
		Русские заводы	Доставл. из-за границы	Русские заводы	Доставл. из-за границы	Русские заводы	Доставл. из-за границы	Русские заводы	Доставл. из-за границы	Русск. заводы / Дост. из-за гран.	% получ. из-за гран. к изготовленным на русских заводах
3-дм. пол. пуш.	Арт. див.	235	—	1 349	366	6 612	120	4 215	—	12 411/486	96,14/3,76
3 дм. горн. „	Арт. див.	50	—	305	—	566	100	305	—	1 226/100	92,46/7,54
45 и 48-лн. гауб.	Арт. див.	70	—	361	—	783	400	471	—	1 685/400	80,82/19,18
42-лн. пушки	Арт. див.	—	—	—	12	171	56	282	381	472/449	51,25/48,75
6-дм. гауб.	Арт. див.	—	—	60	—	186	—	201	—	447/0	100/0
Траншейн. 37- и 40-*мм*	Т о н	—	—	—	—	—	30	—	200	0/230	0/100
90-*мм* пушки	Т о н	—	—	—	—	—	150	—	—	0/150	0/100
120-*мм* пушки	Т о н	—	—	—	—	—	130	—	10	0/140	0/100
5-дм. пушки (12-*см*)	Т о н	—	—	—	—	—	8	—	44	0/52	0/100
6-дм. гауб. (15-*см*)	Т о н	—	—	—	—	—	8	—	104	0/112	0/100
6-дм. пушки (155-*мм*)	Т о н	1	—	12	—	22	50	16	30	51/80	38,93/61,07
8-дм. гауб. (20-*см*)	Т о н	—	—	—	5	—	29	—	51	0/85	0/100
9,2-дм. гауб.	Т о н	—	—	—	—	—	—	—	4	0/4	0/100
11-дм. морт.	Т о н	—	—	—	12	—	8	—	6	0/26	0/100
12-дм. гауб.	Т о н	—	—	—	2	33	7	12	—	45/9	83,34/16,66
Бомбометы		—	—	1 498	456	10 750	472	300	—	12 720/928	93,21/6,79
Минометы		—	—	1 284	—	1 975	281	1 031	143	4 290/424	91,0/9,0

*) Таблица составлена редактором 1-го издания Н. Л. Владиславским.

ТАБЛИЦА 40.

	ОРУДИЯ	Северный	Западный	Юго-Западный	Румынский	Кавказский	Итого
1	3″ полевые 1902 г.	1 192	1 515	2 601	1 358	70	6 736
2	3″ полевые 1900 г.	153	173	226	142	216	910
3	75-*мм* японские Арисака	63	25	64	46	59	257
4	3″ горные 1909 г.	—	—	178	171	275	624
	Итого легк. пушек	1 408	1 713	3 069	1 721	616	8 527
5	48-лин. гаубицы	186	182	295	238	78	979
6	45-лин. английские	36	26	66	142	12	282
	Итого полев. гаубиц	222	208	361	380	90	1 261
7	42-лин. обр. 1910 г.	30	42	80	45	—	197
8	42-лин. обр. 1877 г.	84	26	19	32	—	161
9	6-дм. пол. гаубицы	11	49	93	78	—	231
10	6-дм. креп. гаубицы	136	64	52	10	—	262
11	6-дм. пушки в 190 п.	65	—	—	—	—	65
12	6-дм. пушки в 120 п.	44	73	83	3	—	203
13	6-дм. пушки в 200 п.	23	8	44	8	—	83
14	6-дм. пушки Шнейдера	6	—	18	—	—	24
15	6-дм. пушки Канэ	15	—	6	12	—	33
16	5-дм. английск. гаубицы	8	—	—	—	—	8
17	120-*мм* пушки	20	12	28	5	—	65
	Итого тяж. средн. кал.	442	274	423	193	—	1 332
18	8-дм. гауб. Виккерса	—	—	24	—	—	24
19	11-дм. гауб. Шнейдера	—	6	16	—	—	22
20	12-дм. гауб. Виккерса	—	—	8	—	—	8
21	12-дм. гауб. Обуховск.	4	4	4	—	—	12
22	10-дм. берег. пушки	—	2	4	—	—	6
	Итого тяж. крупн. кал.	4	12	56	—	—	72
	Прочие орудия: противоаэропланные; 3″ короткие; 3″ штурмовые; 3″ автомобильные; траншейные 57-*мм*, 40-*мм*, 37-*мм*, немецкие и австрийские (попавшие в плен), легкие и батарейные пушки 1877 г.; 6-дм. пол. мортиры; японские горные, французские 155-*мм* и 90-*мм*, английские 60-фн.	436	149	297	155	70	1 107
	Итого	436	149	297	155	70	1 107
	Всего фактически состояло на фронтах в мае 1917 г.	2 512	2 356	4 206	2 449	776	12 299

для орудий более крупного калибра. В результате, число полевых пушек мы довели в 1917 г. до 8 500 шт. (образца 1902 и 1900 гг., горных и японских); зато по части тяжелой артиллерии мы безнадежно отстали. И был совершенно прав генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем, когда в заключении своей записки от 26 сентября 1917 г. начальнику Штаба верховного главнокомандующего указал:

«Мы превосходим противника в легкой артиллерии, но при активных действиях недостаток тяжелой артиллерии не компенсируется избытком легкой, а потому, готовясь к весне, необходимо настоятельно добиваться гаубиц» (лист 108, дело Штаба верх. главнокомандующего № 513).

Но это легче было писать, чем делать: перейти с 3" пушки хотя бы на 42-лин. очень трудно, не говоря уже о более крупных калибрах.

В конечном результате, потребность армии в орудиях удовлетворялась русским производством и поступлением из-за границы в следующем размере (таблица 39):

Чрезвычайным напряжением к весенней кампании 1917 г. на всех русских фронтах было собрано значительное количество орудий (см. таблицу 40).

Таблица 40 дает общую и довольно полную картину артиллерийского вооружения русской армии к середине мая 1917 г., по фактическому состоянию и распределению всех родов орудий по всем фронтам.

В 1917 г. до сентября количество орудий на фронтах постепенно увеличивалось. В общем можно считать, что русская армия в начале войны имела на вооружении войск и в запасах всего около 8 000 разного рода орудий, а фактически заканчивала она войну, приблизительно, с 14 000 орудиями.

ВЫВОДЫ.

К началу мировой войны как по абсолютному числу орудий, так и в организационном отношении русская армия в значительной степени уступала по части артиллерии армиям наших противников. Это невыгодное для нас соотношение все усугублялось в дальнейшем ввиду слабого развития и неподготовленности к требованиям войны русской военной промышленности и ввиду предусмотрительности Германии, подготовившей свою орудийную промышленность для быстрого усиления ее производительности. В результате Германия имела возможность прибегать к новым формированиям артиллерийских частей в самых широких размерах.

Такое несоответствие современным требованиям главнейшего могущественного элемента современной войны — артиллерии — было неизбежным следствием основной причины:

Непредвидения огромного масштаба технического характера и значительной длительности войны и глубоко-ошибочного допущения, что большую современную войну можно вести только на запасы мирного времени.

Из этой основной причины, уже как неизбежные следствия, проистекали и все остальные:

1) недостаточность артиллерии в русской армии к началу войны, в особенности слабое наличие полевой тяжелой артиллерии и полное отсутствие тяжелой артиллерии осадного типа;

2) ничтожность норм «запасов» артиллерии военного времени и слабость пополнения, определяемая этими нормами;

3) недостаточность и слабая производительность орудийных заводов вообще и отсутствие у военного ведомства своего мощного орудийного завода;

4) полное отсутствие заранее разработанного плана развития и усиления на время войны как орудийных, так и более мощных механических и металлургических заводов в помощь орудийным;

5) допущение преобладающего влияния соображений финансового характера над соображениями государственной обороны и недостаточная настойчивость военного ведомства в требованиях кредитов для развития орудийного дела в России.

IV

СНАБЖЕНИЕ ОГНЕПРИПАСАМИ

РУЖЕЙНЫЕ И ПУЛЕМЕТНЫЕ ПАТРОНЫ.

НОРМЫ СНАБЖЕНИЯ И ЗАПАСЫ ПАТРОНОВ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ.

Количество патронов, которое должно быть в наличии, зависит от количества винтовок и пулеметов, положенных по штатам для войск, учреждений и запасов, и от установленных для каждой из этих категорий норм патронов. Когда эти данные известны, то простым умножением и сложением определяется необходимое число патронов.

Число винтовок и пулеметов было определено мобилизационным расписанием 1910 г. и было указано подробно выше *. Что касается установления норм запасов патронов на винтовку и пулемет, то этот вопрос обсуждался в 1906—1907 гг. в Мобилизационном комитете Главного штаба. На основании данных о расходе патронов в японскую войну, комитет признал соответственным установить следующие нормы запасов патронов: на каждую винтовку для полевой и резервной пехоты — 1 000 патронов; для войсковых пулеметов — 75 000 патронов; на винтовку в крепостях — от 1 500 до 2 000 патронов; на пулемет в крепостях — от 30 000 до 50 000 патронов.

Подсчет, произведенный согласно этих норм и т о г д а ш н е г о штатного количества винтовок и пулеметов, определил будущую норму запаса патронов в 3 346 000 000 штук. Состояло же тогда в наличии около 1 600 000 000 патронов. Значит, предстояло изготовить еще 1,75 млрд. патронов, на что требовалось, по тогдашним ценам, ассигнование в 78,5 млн. рублей. По соображениям финансового характера, отчасти же ввиду возможности возникновения войны ранее доведения запаса до указанной нормы, была принята меньшая норма и исчисленное выше количество патронов было сокращено до 2 892 000 000, так что заготовке вновь подлежало 1 229 000 000 патронов, на сумму в 55,5 млн. рублей, т. е. произведено сокращение на 23 млн. рублей.

Мобилизационный комитет полагал хранить в готовом виде только такую часть принятой нормы, которая в течение 10 лет может быть освежена ежегодным отпуском на практическую стрельбу в войска ** (мера эта вызывалась свойством бездымного пороха разлагаться после 10-летнего хранения в негерметической укупорке), а на остальную часть хра-

---

* См. том I, ч. 2-я, Ружья и пулеметы.

** В 1913 г. расход 3-лин. патронов на практическую стрельбу составлял около 200 млн. штук в год.

нить запасы составных частей патронов. Снаряжение патронов из этих составных частей предполагалось производить в первые же месяцы по об'явлении мобилизации в особых снаряжательных мастерских, на оборудование которых проектировался расход в 3 млн. рублей *.

На письменном докладе по поводу этого постановления Мобилизационного комитета бывший в то время военный министр ген. Редигер сделал пометку: «надо пока остановиться на минимальной норме в 2 829 млн. патронов». Это предуказывало, что предстоит в будущем обсудить необходимость увеличение избранной «пока» и «минимальной» нормы, но обсуждения не было **.

Норма запаса в 2 829 млн. патронов, принятая в 1907 г. по необходимости, была утверждена 17 (30) января 1908 г. Она послужила исходной данной для всех дальнейших соображений о мобилизационных запасах ружейных и пулеметных патронов и не подвергалась никакому пересмотру вплоть до войны 1914 г. Между тем, поводов к этому пересмотру было достаточно. Прямым для этого поводом представлялось связанное с мобилизационным расписанием 1910 г. новое исчисление количества необходимых для армии винтовок и пулеметов, а затем в 1912 г., когда было увеличено расписание призывов ратников для сформирования ополческих частей. Кроме того, значительное усиление вооружения наших западных соседей, не представлявшее ни для кого секрета, должно было побудить пересмотреть постановление 1907 г. и увеличить явно недостаточную даже для того времени норму ружейных и пулеметных патронов.

Между тем, этого не только не было сделано, а как будто с целью еще уменьшить эту норму — были введены ряд ограничений при исчислении количества патронов, а именно:

для ружей и пулеметов, содержимых для замены утраченных, не положено совсем патронов;

для 448 000 ополченских пехотных 3-лин. винтовок положено иметь, вместо 1 000, всего по 200 патронов;

для местных и конвойных команд положено иметь всего по 30 патронов на винтовку.

И вот, после исправления всеми этими сокращениями основного исчисления 1907 г., т. е. 2 829 млн., получилось то количество патронов — 2 745 674 546 штук, которое, согласно ведомости, составленной в военном министерстве, должно было состоять к 20 июля (2 августа) 1914 г. в войсках, парках, крепостном запасе, втором комплекте запасных батальонов и в ополчении.

Фактически же к 20 июля (2 августа) 1914 г. состояло в запасе всех категорий 2 446 000 500, не считая 4,2-лин. бердановских патронов, которых состояло к тому же времени 209 149 477.

* Расход этот, как будет сказано ниже, не был произведен своевременно; снаряжательные мастерские к началу мировой войны не были оборудованы. Это крайне вредно отразилось на боевом снабжении армии 3-лин. патронами.

** Св. сведений Верх. следств. комиссии „О численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах", стр. 20—22.

Значит, если принять, что исчисленная по мобилизационному расписанию потребность в 2 745 674 546 патронов касалась только 3-лин. патронов, то нехватка их до положенного числа ко времени об'явления войны составляла около 300 млн. штук, или около 11%.

Это результат по бумажному расчету. Если же принять во внимание, что к концу мобилизации все оказавшиеся в наличности 3-лин. винтовки — 4,3 млн. и 3 500 пулеметов пошли на вооружение армии и требовали: каждая винтовка по 1 000 патронов и каждый пулемет по 75 000, то действительная потребность в патронах для них оказалась в 4½ млрд. штук. Значит, нехватка патронов на самом деле оказалась в начале войны не в 300 млн., а в 2 млрд.

Какие же меры принимало ГАУ для пополнения этого недостатка в ружейных и пулеметных патронах?

Как видно из об'яснений, представленных бывшим начальником ГАУ ген. Кузьминым-Караваевым Верховной следственной комиссии, он в своих суждениях и докладах означенный недостаток в ружейных патронах всегда выставлял причиной неготовности армии по артиллерийской части к продолжительной войне *. Он «видел, что артиллерийское ведомство отчасти закончило, отчасти подходит к завершению своей работы по доведению запасов всех главнейших предметов вооружения: ружей, полевых орудий, легких, горных, гаубичных и тяжелых с их боевыми комплектами; пулеметов; ручных гранат; но для достижения установленного запаса ружейных патронов надо было ждать конца 1915 г.». Здесь речь шла о нехватке (300 млн.) лишь до установленной нормы, критиковать которую начальник ГАУ, повидимому, считал себя не в праве.

Далее он указывает, что «главнейшей причиной медленного пополнения патронного запаса служит недостаток денежного ассигнования» **.

Дело по этой части обстояло так.

«С 1908 г. наши казенные патронные заводы были готовы к валовому изготовлению патронов с остроконечной пулей; их наибольшая производительность в то время исчислялась в 300 000 000 в год».

«Для увеличения ежегодного выхода патронов требовалось широко оборудоваться новейшими станками, получить право на изготовление наибольшего количества патронов, привлечь к интенсивной работе частный патронный завод. Главным образом, требовались немецкие снаряжательные станки, позволявшие отрешиться от медленной ручной навески и россыпи пороховых зарядов. ГАУ два года не получало согласия министра торговли и промышленности на выписку немецких станков для лучшего оборудования патронных и ружейных заводов. Наконец, в 1911 г., благодаря постановлению Государственной думы, заграничные станки для патронных заводов были разрешены, когда министерство торговли

* Показания ген. Кузьмина-Караваева, стр. 14.
** Там же, стр. 16, 94, 95.

убедилось, что фирма Воссидло под видом русских станков ставит немецкие, срывая с них заграничные клейма на месте выгрузки из вагонов железной дороги».

«3-линейные патроны изготовлялись на кредиты, ежегодно отпускаемые по двум сметам, обыкновенной и чрезвычайной. Ассигнование требуемой суммы по обыкновенной смете не встречало возражений со стороны контролирующих ведомств, так как заказываемые патроны были необходимы для ежегодной практической стрельбы обучающихся войск».

«Исчисление же кредита по чрезвычайной смете на патроны, предназначенные на пополнение запаса, ежегодно подвергалось в междуведомственной комиссии значительному сокращению».

«До 1912 г. чрезвычайная смета военного министерства была заранее фиксирована определенной цифрой, около 70 млн. рублей. Конечно, первоначальные исчисления главных управлений много превышали указанную цифру и потому при окончательном подсчете испрашиваемых денег некоторые заявленные требования, по настоянию контролирующих министерств, подлежали сокращению. Кредит на ружейные патроны для запаса ежегодно сокращался ввиду соображений, что в данном году требуется лишь продолжение пополнения запаса; следовательно, окончание всей операции может быть отсрочено на лишний год, лишь бы рассматриваемую смету уменьшить на определенную сумму. Заготовление же недостающего числа патронов предполагалось произвести в течение 4—5 лет».

«Кроме этих ежегодных урезок, в 1910 г., по настоянию министерства финансов, из ассигнования на патроны была вычтена сумма в 3 млн. рублей на заготовление запаса материалов заграничного происхождения для обеспечения артиллерийских заводов на случай закрытия западной границы. На эту меру, по существу необходимую и неотложную, не было дано специального ассигнования.

«В результате этих сокращений денежных отпусков, наши патронные заводы работали далеко не в полной мере, а в 1911 г. приходилось работать лишь 5 дней в неделю, ибо Военный совет не разрешал работ, необеспеченных ассигнованным кредитом.

«Такое тяжелое положение патронных заводов изменилось только тогда, когда ГАУ было предоставлено, наконец, и опять-таки по настоянию Государственной думы, право давать работу в полную их производительность. При таком порядке работа на патронных заводах пошла с полным напряжением и, постепенно возрастая, выход патронов увеличился в 1912 г. до 430 млн., в 1913 г. до 540 млн. и в 1914 г. должен был дойти до 600 млн. На дальнейшее усиление ежегодного выхода патронов нельзя было итти, так как наши пороховые заводы, выделывающие винтовочный порох В. Л., могли давать в год только около 125 000 пудов. Из указанного количества пороха возможно снарядить до 600 млн. 3-лин. патронов. Форсировать работу пороховых заводов было признано несоответственным ввиду того, что в 1912 г. была обнаружена порча винтовочных патронов вследствие недоброкачественности выделываемого пороха;

усиленное наблюдение за пороходелием побуждало некоторое время не увеличивать наряда на порох. В то же время и сами начальники патронных заводов стали ходатайствовать о сокращении годовых нарядов, доказывая, что при столь напряженной работе (800 000 в день на Н—ском патронном заводе) получается весьма много брака и потому стоимость патронов превосходит ассигнуемую сумму (49 руб. за 1 000)».

Таким образом, дефицит в запасах патронов образовался из-за того, что патронным заводам не давали в течение трех лет по 25 млн. рублей, просимых ими для развития своей производительности до 550—600 млн. в год; по той же причине и наряд на порох В. Л., как на прочие составные части патронов, мог быть даваем ежегодно лишь на разрешенное число патронов, между тем, пороховые заводы могли давать ежегодно до 125 000 пудов пороха В. Л., т. е. количество, из которого можно было снаряжать по 600 000 000 патронов.

В таком положении, т. е. с производительностью около 50 млн. в месяц, застала война наши патронные заводы. Надо было увеличивать их производительность, так как, кроме существовавшего уже дефицита в 300 млн., прежде всего нужно было покрывать еще текущий расход патронов на фронтах. И так как задержка была прежде всего за порохом марки В. Л., то ГАУ уже в августе 1914 г. командировало в Америку и Японию специалистов-пороходелов для установления там фабрикации этого сорта пороха (а также марки С-П — для полевой легкой артиллерии). Ввиду того, что на начало прибытия оттуда пороха можно было рассчитывать не ранее как через 8—9 месяцев, — было произведено максимальное давление на наши казенные пороховые заводы и на один из частных; они усилили выход пороха В. Л., но больше по 70 млн. в месяц дать этого пороха не смогли. Между тем, уже с начала 1915 г. требования на ружейные (и пулеметные) патроны стали поступать, правда, совершенно неожиданно, в размере 150 млн. и скоро достигли 200 млн. в месяц.

Осталось прибегнуть опять к тем же средствам, как и для удовлетворения потребностей по части ружей и пулеметов, т. е. к дальнейшему во время самой войны расширению (и постройке) своих патронных (и пороховых) заводов и к заказам патронов за границей.

ПОТРЕБНОСТЬ В ПАТРОНАХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Необходимо отметить, что как в ГУГШ, так и в Ставке верховного главнокомандующего до начала 1915 г. царило удивительное спокойствие по части ружейных патронов. Как до войны никого, повидимому, не беспокоила несомненная нехватка этих патронов, несмотря на неоднократные тревожные заявления ГАУ, так и после начала ее «верхи» как будто не сознавали, что теперь-то уж пора бить настоящую тревогу по этой части. Никаких указаний ГАУ в этом направлении не давали. Напротив, все как будто указывало на то, что патронный вопрос обстоит вполне благополучно и вовсе не озабочивает высшее командование. Действительно, кроме отпущенных за год до войны: Болгарии — 30 млн.

патронов, Черногории — 21 млн. и Монголии — 9 млн., в начале войны было еще отпущено: морскому ведомству — 10,5 млн. и Сербии в июле и декабре 1914 г. — 200 млн. Всего — 290½ * млн. патронов.

Кроме того, вскоре после начала войны, согласно желания начальников артиллерийских снабжений фронтов, ружейные патроны стали отправляться не парками в армии, как положено, а непосредственно с заводов в тыловые склады фронтов. И вот вскоре, вследствие переполнения этих складов из-за незначительности расхода винтовочных патронов, от тех же начальников артиллерийских снабжений поступили ходатайства о приостановке высылки патронов. Высылка была приостановлена, и результат этого — началось накопление их в одном из внефронтовых артиллерийских складов, где в декабре 1914 г. образовался запас свыше 60 млн. патронов (это обстоятельство и было причиной согласия отпустить Сербии еще 80 млн. патронов в декабре 1914 г.).

И вот после такого «благополучия» вдруг с января 1915 г. в ГАУ посыпались требования на патроны в таких размерах, что удовлетворить их становилось все труднее и труднее, наконец, наступил кризис, выйти из которого в ближайшее время не представлялось уже возможным.

Таким образом почти полгода драгоценного времени было потеряно и при том времени, когда заграничный рынок еще не был так загружен заказами всех воюющих стран... Поэтому нашим заводам пришлось, выбиваясь из сил и форсируя свою работу до явно опасных пределов, усиливать выход существующего производства с одновременным расширением и установкой нового оборудования.

По мобилизационным предположениям ГУГШ, считалась достаточной годовая производительность трех наших русских патронных заводов, при условии работы круглые сутки, всего 550 млн. патронов, т.-е. ГУГШ считало, что сверх заготовленных в мирное время мобилизационных запасов на пополнение 3-лин. патронов во время войны потребуется ежемесячно около 50 млн. патронов.

Между тем, уже в начале 1915 г. стали поступать из действующей армии в ГАУ требования, значительно (в 3—4 раза) превысившие предположения ГУГШ. А 3 (16) июня 1915 г. председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части (он же генерал-инспектор артиллерии) ответил нашему представителю в Америке ген. Сапожникову по поводу предложения американца Клерга поставить 450 млн. 3-лин. патронов, что потребность русской армии в ружейных патронах «неограниченная», поэтому нужно соглашаться на всякое солидное предложение и заключать контракты, «не стесняясь количеством» **.

* Св. сведений Верх. следств. комиссии „О численном составе войск, ружьях, пулеметах и патронах", стр. 23.

** „Отчет о деятельности Особой распорядительной комиссии по артилл. части", стр. 54.

С 1915 г. требования Ставки на ружейные и пулеметные патроны неудержимо возрастали как для ежемесячного пополнения, так в особенности на те единовременные потребности в патронах, которые возникали вместе с грандиозными новыми формированиями, совершенно непредвиденными последним перед войной мобилизационным расписанием. Таких единовременных потребностей во время войны набралось до трех миллиардов патронов.

Ставкой в начале 1916 г. была установлена месячная норма в 200 млн. патронов; в середине того же года эта норма возросла до 225 млн., из них 25 млн. — австрийских и 25 млн. для потребностей внутренних округов (на практическую стрельбу запасных полков). Наконец, на конференции с представителями союзников, в январе 1917 г., заявляется месячная потребность в 350 млн. патронов. Единовременная потребность в патронах была заявлена в 2,5 млрд. Потребность в патронах к ружьям иностранных образцов заявлялась в следующих размерах; к японским — по 45 млн. в месяц; к Гра и Гра-Кропачек — по 15 млн.; к Ветерли — по 5 млн.; к Лебелю — по 7 млн. и к английским 0,303 (для пулеметов) — определено не было; заказано же всего 900 млн. Всего заявлена ежемесячная потребность до 430 млн. патронов при единовременной в 2,5 млрд.

Ниже приводим расчеты по части ружейных и пулеметных патронов, сделанные по указанию Ставки верховного главнокомандующего ко времени приезда Междусоюзнической конференции *.

На первый период (на 6 месяцев), до 1 июля 1917 г.

Ежемесячно	3-лин.	300 млн.	× 6 =	1 800 млн.	
	Австрийских	25 „	× 6 =	150 „	
	Японских	45 „	× 6 =	270 „	
	Гра-Кропачек	15 „	× 6 =	90 „	
	Лебеля	7 „	× 6 =	42 „	
	Ветерли	5 „	× 5 =	25 „	
	Английских 0,303	400 „	на 4 мес.	400 „	
		Итого		2 777 млн.	
Единовременно	3-лин			2 500 „	
	Английских 0,303			400 „	
		Итого		2 900 млн	
		Всего		5 677 млн.	

Или, кругло, около 1 млрд. в месяц.

* При рассмотрении этих расчетов следует иметь в виду примечание в выноске на стр. 125 I тома этой книги.

На второй период (на 12 месяцев), до 1 января 1918 г.

Ежемесячно	3-лин	325 × 12 =	3 900 млн.
	Австрийских	25 × 12 =	300 „
	Японских	45 × 12 =	540 „
	Гра-Кропачек	15 × 12 =	180 „
	Лебеля	7 × 12 =	84 „
	Ветерли	5 × 12 =	60 „
	Английских 0,303		400 „
		Итого	5 464 млн.
Единовременно	3-лин		600 „
	Английских 0,303		400 „
		Итого	1 000 млн.
		Всего	6 464 млн.

Или, кругло, по $1/2$ млрд. в месяц *.

На третий период (на 18 месяцев), до 1 июля 1919 г.

Ежемесячно	3-лин	300 × 18 =	5400 млн.
	Австрийских	25 × 18 =	450 „
	Японских	45 × 18 =	810 „
	Гра-Кропачек	15 × 18 =	270 „
	Лебеля	7 × 18 =	126 „
	Ветерли	5 × 18 =	90 „
	Английских 0,303		400 „
		Итого	7 546 млн.
Единовременно	3-лин		2 500 „
	Английских 0,303		400 „
		Итого	2 900 млн.
		Всего	10 446 млн.

Или, кругло, по 600 млн. в месяц.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ПОТРЕБНОСТИ В ПАТРОНАХ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Определившуюся во время войны огромную текущую потребность в ружейных и пулеметных патронах — около 3 млрд. в год — не могли удовлетворить имевшиеся в России 3 патронных завода с годовою производительностью всего около 550 млн. патронов. Тем более, не могли русские заводы удовлетворять колоссальные единовременные потребности в патронах, возникающие сверх текущей потребности вместе с большими новыми формированиями войсковых частей.

* Общая потребность в 4 800 млн. патронов (в том числе 4 500 млн. 3-лин. и 300 млн. австрийских) слагалась: 1) из ежемесячной в 350 млн. (в том числе 25 млн. для практич. стрельбы запасн. полков и 25 млн. (австрийских) и 2) единовременной в 600 млн. для образования двухмесячного запаса на случай непредвиденных задержек подачи патронов с заводов (см. стр. 14 и 15 об'яснительной записки к программе снабжения армии артилл. предметами до 1/I 1918 г.).

Поэтому пришлось строить в России новый четвертый мощный патронный завод, а до окончания его постройки и начала работ по изготовлению патронов прибегнуть к заказам патронов за границей.

Русские патронные заводы

В России ружейные и пулеметные 3-лин. патроны изготовлялись тремя патронными заводами — двумя казенными и одним частным, не уступавшим по мощности казенным.

Всем русским патронным заводам пришлось работать во время войны с чрезвычайной интенсивностью — они работали 350 дней в году и по 22 часа в сутки. Командированному в Америку специалисту удалось сразу купить готовую партию пороха, близко подходящего по баллистическим качествам к нашему В. Л., и потому представлялась возможность усилить снаряжение патронов.

Таблица 41 показывает ход работы русских патронных заводов до войны.

ТАБЛИЦА 41.

Изготовление 3-лин. патронов русскими заводами в довоенное время.

Годы	Количество изготовленных 3-лин. патронов (за округлением в тысячах)
1911	287 780 000
1912	429 614 000
1913	543 719 000
1914	672 949 000
Всего	1 934 062 000

Таблица 42 показывает развитие производительности наших заводов по изготовлению 3-лин. патронов во время войны.

Из таблиц 41 и 42 видно, что наши патронные заводы, застигнутые войной при общей их месячной производительности в 50 млн., увеличили ее почти до 150 млн. в месяц, т. е. до того предела, за которым дальнейшее ее увеличение представлялось уже и нецелесообразным и физически неосуществимым не только по техническим условиям, но и потому, что вся свободная территория заводов была уже занята.

Колебания в производительности казенных заводов об'ясняются следующим: резкое падение в октябре 1914 г. было вызвано недостатком пороха и капсюлей; быстрое повышение в течение всего 1915 г. произошло потому, что за предыдущее время скопился запас гильз (из-за нехватки пороха), который с прибытием пороха и мог быть пущен в снаряжение. Когда весь этот запас истощился, то повышение пошло медленнее (в 1916 г.). Кроме того, в декабре 1915 г. и в мае и июне 1916 г. помешали делу происходившие тогда забастовки.

Наиболее мощному Н—скому патронному казенному заводу все время мешали развить его производительность отвлечением его на другие работы: на установление фабрикации австрийских и японских патронов,

ТАБЛИЦА 42.

Производительность патронных заводов за время войны.

Год и месяц	Изготовлено 3-лин. патронов
1914	
VIII	58 561 000
IX	69 444 000
X	82 600 000
XI	76 979 000
XII	53 767 000
Итого	341 351 000
1915	
I	49 879 000
II	67 791 000
III	68 979 000
IV	90 837 000
V	63 626 000
VI	70 258 000
VII	90 299 000
VIII	93 149 000
IX	89 781 000
X	110 613 000
XI	119 830 000
XII	107 110 000
Итого	1 022 152 000
1916	
I	109 345 000
II	112 203 000
III	122 951 000
IV	115 540 000
V	109 428 000
VI	129 522 000
VII	105 289 000
VIII	120 355 000
IX	129 324 000
X	144 370 000
XI	150 739 000
XII	132 786 000
Итого	1 481 861 000
1917	
	142 103 000
II	118 502 200
III	91 418 000
IV	115 337 200
V	123 028 000
VI	126 154 000
VII	104 003 400
VIII	95 828 400
IX	99 842 600
X	93 942 600
XI	62 309 800
XII	37 057 000
Итого	1 209 526 200
Всего	4 054 890 200

причем самая норма австрийских патронов менялась 4 раза — то увеличивалась, то уменьшалась. Такой переход с одного образца на другой — дело вовсе не простое, так как тут имеет место не только одна разница в размерах, но и другой чертеж головки патрона. Поэтому приходилось заново готовить как лекала и рабочий инструмент, так и матрицы и станочные приспособления. Кроме того, в самом процессе фабрикации эти патроны значительно сложнее наших 3-линейных.

Если же еще принять во внимание, насколько был задержан поступательный ход завода самым переходом на новую фабрикацию (изготовление новых лекал, матриц, инструмента, приспособлений и установка их на месте), кроме того четырехкратное изменение норм австрийских патронов, то станет ясным, какую громадную работу совершил завод и в каких сумбурных условиях приходилось ему развивать свою производительность.

Заказы патронов за границей.

Хотя патронный голод сказался позднее ружейного, тем не менее сразу было видно, что для всех вновь заказываемых и приобретаемых винтовок и пулеметов нам самим патронов не напасти. А потому одновременно с распоряжениями по приобретению и заказу винтовок были приняты все меры к покупке и к заказу патронов к ним; кроме того, тотчас же как сказался недостаток патронов к винтовкам, состоящим на фронте, были приняты меры и к самостоятельному, т.-е. независимо от винтовок, заказу наших патронов всюду, где можно и в количестве тоже возможно большем. Опять и здесь, как было и с пулеметами, приходится отметить, что упущенные месяцы сказались на успехе заказов, особенно на сроках их исполнения: рынок был уже перегружен до чрезвычайности и предложение почти отсутствовало, так что заказы приходилось помещать почти силой и уже, конечно, не стоять за ценой.

Опуская совсем тот ряд предложений на патроны, частью технически безграмотных, частью совершенно наивных и невыполнимых в условиях войны, но всех без различия с явно грабительской целью, сделанных частными лицами и обществами военному министерству и его заграничным агентам, перейдем к перечислению заказов, сделанных за границей нашими правительственными агентами.

На английский кредит	
Патронов английских (к пулеметам—0,303)	900 млн.
Патронов 3-лин.	13 500 „
Патронов японских	660 „
Патронов к маузерам	500 „
На французский кредит	
Патронов 3-лин.	(на 35 млн. фр.)
Патронов к ружьям-пулем	19 млн.
На японский кредит	
Патронов 3-лин.	7 млн.
Патронов японских	124 „
Итого	15 710 млн. + на 35 млн. фр.)

Заказы на 3-лин. патроны в Америке размещались, главным образом, при посредстве Англии. Английские власти советовали доверяться «только Моргану», через которого шло, например, предложение завода Винчестера поставить России до 500 млн. патронов, так как все другие многочисленные американские предложения «не стоят бумаги, на которой они написаны» *. В мае 1915 г. от английского военного министерства поступило предложение уступить нам законтрактованную Англией производительность завода Ремингтона на изготовление также до 500 млн. патронов **. В Америке ружейные патроны заказаны были для России трем заводам; размер заказов и обусловленные сроки поставки показаны в таблице 43 ***. В действительности поставка ружейных патронов американскими заводами производилась с значительным запозданием против обусловленных сроков.

ТАБЛИЦА 43.

Название заводов	Количество заказанных патронов в млн.	Обусловленные сроки поставки		Действительн. сроки поставки
		начальный	конечный	
Винчестер	300	Январь 1916 г.	Февраль 1917 г.	Точных сведений не имеется
Ремингтон	250	Январь 1916 г.	Март 1917 г.	
Соединенной компании	200	Март 1916 г.	Февраль 1917 г.	

Англия выполняла русские заказы на ружейные патроны также не в обусловленные договорами сроки. Например, Англия обещала подавать заказанные ей патроны по 78 млн. в месяц, начиная с декабря 1916 г., а затем начало подачи перенесла на январь 1917 г., подавая в первые месяцы лишь по 14 млн. в месяц и только с июня по 78 млн. ****.

Заграничные заказы патронов скорых результатов дать не могли ввиду крайней перегруженности рынка военными заказами всех воюющих стран и несомненного и искусно проводимого противодействия (до поджогов заводов и взрывов в складах с порохом) со стороны наших противников, а также вследствие запоздания с нашей стороны в помещении этих заказов.

ИТОГИ СНАБЖЕНИЯ РУЖЕЙНЫМИ И ПУЛЕМЕТНЫМИ ПАТРОНАМИ.

Окончательные заключения по части снабжения армии ружейными и пулеметными патронами таковы.

* „Отчет о деятельности Особ. распор. комиссии по артилл. части", стр. 53—54.

** Там же.

*** Св. свед. Верх. след. комиссии „О числ. составе войск, ружьях, пулеметах и патронах" стр. 49.

**** „Об'ясн. записка к программе снабжения армии предметами арт. довольствия на период до 1.VII. 1918 г.", стр. 10.

1. Согласно последнего перед войной мобилизационного задания в 1907—1908 гг. в войсках и запасах должно было состоять к началу мобилизации патронов — *2 746* млн. Эта норма, заведомо н е д о с т а т о ч н а я, была принята лишь вследствие неассигнования финансовым ведомством необходимых средств для заготовки признававшейся необходимой тогда нормы (т.-е. по тогдашнему состоянию винтовок и пулеметов) в 3 346 млн. Для осуществления и уменьшенной (до 2 746 млн.) нормы необходимых средств до 1913 г. все же не отпускалось, и патронные и пороховые заводы не могли работать полным ходом, получив эту возможность лишь с 1913 г.

2. Вследствие такого ограничения кредитов к началу войны, т.-е. к 20 июля (3 августа) 1914 г., фактически налицо оказалось 3-лин. патронов 2 446 млн., т.-е. на 300 млн. (11%) меньше минимальной и заведомо недостаточной нормы.

3. Относительно дальнейшего на время войны снабжения нашей армии патронами по мобилизационным предложениям ГУГШ считалась достаточной годовая производительность трех наших патронных заводов (при условии работы к р у г л ы е сутки), всего — 550 млн. патронов в год.

Такое предположение оказалось совершенно несоответствующим масштабу войны, и заводы наши, развив свою производительность в т р и раза большую против этого задания, все же не смогли удовлетворить текущей потребности фронтов и внутренних округов, требовавших от наших заводов от 200 до 300 млн. ежемесячно. Вследствие этого пришлось начать постройку своего нового мощного патронного завода и прибегнуть к заказам патронов за границей.

4. Заграничными заказами покрывались преимущественно единовременные непредусмотренные мобилизационным расписанием потребности в патронах, возникавшие в связи с грандиозными новыми формированиями войсковых частей на фронте и в тылу. Таких потребностей набралось до 3 млрд. патронов. Из-за границы же, главным образом, должно было итти и снабжение патронами, в количестве около 1 млрд. в год, тех иностранных образцов ружей, которые случайно оказались на вооружении русской армии.

Заказы патронов за границей произведены были с запозданием. Это запоздание, почти в полгода, произошло вследствие полной удовлетворенности фронта в первый период войны, когда артиллерийских снарядов было достаточно и ружейных патронов поэтому требовалось мало. Когда же истощились запасы артиллерийские, неизбежно начался значительный расход патронов ружейных. В результате, весь накопленный запас их был скоро израсходован и в дальнейшем начался патронный голод, утолить который можно было рассчитывать только в 1917 г.

5. В сводной таблице 44 показаны все поступления ружейных и пулеметных патронов во время войны 1914—1917 гг.

Всего состояло к началу войны и подано было во время войны в армию до 1917 г. 6 483 млн. ружейных и пулеметных патронов, факти-

ТАБЛИЦА 44.

	1914 с VIII	1915	1916	1917	Итого
	В млн. патронов				
Состояло в войсках и запас. к началу войны	2 446 - 3‴ 209 - 4‴	—	—	—	2 655
Поступило от русских заводов . .	341	1 022	1 482	1 210	4 055
Поступило от союзников и из Америки	—	150	833	—	983
Захвачено	Сведений нет				
Всего	2 996	1 172	2 315	1 210	7 693

чески состояло в армии к 1 января 1917 г. 1 136 млн. патронов, т. е. израсходовано было в 1914—1916 гг. более 5 млрд. патронов!

По сведениям Упарта *, в действующей армии в войсках и запасах состояло следующее количество патронов на винтовку (см. таблицу 45; цифры в таблице округлены):

ТАБЛИЦА 45.

Название винтовок	Состояло патронов на 1 винтовку: К 25/IV 1916 г.	Состояло патронов на 1 винтовку: К 15/IX 1917 г.
3-лин. русская	275	250
„ японская	400	600
„ австрийская	500	550
„ Лебеля	—	130

Из таблицы 45 видно, что особенно острого недостатка в ружейных и пулеметных патронах в армии не было, по крайней мере, в 1916—1917 гг.

* Копии разных сведений Упарта в личном архиве А. А. Маниковского.

„ВЫСТРЕЛЫ" ДЛЯ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ОРУДИЙ.

ВСТУПЛЕНИЕ А. А. МАНИКОВСКОГО.

Теперь перейдем к тому предмету боевого снабжения, с недостатка которого начались все наши беды и неудачи на фронтах, откуда с первых же недель войны стали раздаваться вопли отчаяния, больно отозвавшиеся во всей России и так и не прекращавшиеся в течение еще целого года... В нем, именно в этом недостатке снарядов, все увидели главнейшую причину наших поражений, и потому понятна та тревога, которая была поднята у нас в тылу, когда эта причина стала ясной, и та буря негодования, которая разразилась над головой главного виновника этого несчастья, каковым без долгих размышлений было признано учреждение, на прямой обязанности которого лежало снабжение армии боевыми припасами, т.-е. ГАУ, вся последующая деятельность которого за время войны так и прошла под этим знаком жестокого осуждения.

Но в какой мере заслужены эти обвинения, вот вопрос, разобраться в котором в то время никому и не приходило в голову, но который ныне должен быть освещен и разобран со всей доступной нам полнотой и беспристрастием.

Вот почему исследование этого вопроса должно быть произведено возможно подробно и всесторонне.

Прежде всего необходимо отметить, что наиболее острый недостаток, о котором только и говорилось в течение почти всего первого года войны, — был недостаток в выстрелах к 3″ скорострельным пушкам. О нехватке выстрелов к более крупным калибрам заговорили лишь с осени 1915 г. Поэтому прежде всего разберем вопрос о 3″ выстрелах.

ВЫСТРЕЛЫ К 3-дм. (76-мм) ПУШКАМ.

Нормы боевых комплектов и запасы выстрелов к началу войны.

Вопрос о нормах запаса выстрелов или о так называемом «боевом комплекте» на 3-дм. пушку подвергался серьезному и всестороннему обсуждению, уже начиная с Японской войны.

Тотчас же по окончании ее, в 1906 г., при ГАУ была образована особая комиссия под председательством генерал-инспектора артиллерии

для обсуждения ряда назревших вопросов в связи с организацией новой скорострельной артиллерии *. В состав этой комиссии вошли 17 генералов и штаб-офицеров артиллерии, из них 7 были видными участниками Русско-Японской войны.

При этом были приняты во внимание следующие соображения:

о скорострельности отдельного орудия и целой батареи;

о наибольшем числе выстрелов, сделанных отдельными батареями в односуточном сражении;

число выстрелов, сделанных крупными артиллерийскими единицами (бригадами), принимавшими наибольшее участие в кампании, в течение года;

среднее за всю войну число выстрелов на орудие, участвовавшее в войне.

При этом были установлены следующие данные опыта только что минувшей войны:

боевая скорострельность нашей 3″ пушки (т.-е. фактически осуществляемая в боях) очень велика, и она может расходовать громадное количество патронов (поэтому совершенно справедливо ее прозвали «мотовкой»);

наибольшее число выстрелов, сделанных отдельными батареями в односуточном бою, составляет до 500 на орудие;

во время главных операций этой войны было израсходовано на каждую 3″ пушку: во время Ляоянских боев — по 190 выстрелов; во время Шахейских боев — по 25; во время Сандепу боев — по 88, во время Мукденских боев — по 387;

всего участвовало в войне 1276 орудий, и в течение всей кампании было расстреляно и утрачено около 918 000 орудийных патронов, так что в среднем за всю кампанию было израсходовано всего около 720 выстрелов на пушку.

При дальнейшем обсуждении вопроса о размерах боевого комплекта комиссия установила следующие общие основания:

стеснение в бою батарей в расходовании выстрелов действует крайне тяжело и приводит к упущению удобных случаев нанести неприятелю существенный вред;

чем больше общее число орудий одного рода и калибра, на которое надо заготовить боевой комплект, тем меньше может быть число выстрелов, заготовляемых на одно орудие;

* Вопросы, подлежащие обсуждению комиссии: 1) о числе орудий в батарее; 2) о числе орудий на 1 000 штыков и 1 000 сабель; 3) об отношении числа гаубиц к числу полевых пушек; 4) о числе батарей в дивизионе и о дальнейшем соединении групп батарей; 5) о делении артиллерии на дивизионную и корпусную; 6) о подчинении полевой артиллерии начальникам дивизий; 7) о хозяйстве в артиллерийских частях; 8) о боевом комплекте, его размере и распределении; о роде снарядов и процентном их отношении; организация полевых парков; 9) штаты мирного и военного времени полевой скорострельной артиллерии.

при малой производительности отечественных заводов размер боевого комплекта должен быть больше, так как изготовление выстрелов во время войны может оказаться ничтожным;

содержание больших комплектов сильно затрудняет их освежение;

в запас военного времени предстоит заготовить боевые комплекты на количество орудий, превосходящее не менее как в 5 раз то, какое было в только что минувшую войну (с Японией), когда участвовало всего около 1 300 пушек;

в течение минувшей войны большинством начальников было заявлено требование иметь в боевом комплекте не менее 1 000 выстрелов на полевую скорострельную пушку; старшими же начальниками это требование увеличено на 40% (в запас сверх тысячи).

После всестороннего обсуждения в комиссии этого вопроса он был поставлен на голосование и большинством 15 голосов было решено, что размер боевого комплекта, заготовляемого в мирное время, должен быть по 1 000 выстрелов на каждую полевую скорострельную пушку; за 1 400 выстрелов было подано только два голоса.

Размер боевого комплекта в 1 000 выстрелов не встретил возражений и со стороны военного министра, получив утверждение в 1908 г. Таким образом и ГАУ и междуведомственная комиссия, ведавшая тогда делом перевооружения, должны были принять к руководству при заготовлении боевого комплекта утвержденную норму запаса по 1 000 выстрелов на действующую пушку.

Вопрос о норме выстрелов на орудие вновь пересматривался в 1910 г. в комиссии о нормах мобилизационных запасов, образованной при ГУГШ под председательством ген. Поливанова. Комиссия эта подтвердила норму по 1 000 выстрелов на действующую 3-дм. полевую легкую и конную пушку и по 1 200 выстрелов на 3-дм. горную пушку. В комиссии при ГУГШ, кроме приведенных выше соображений комиссии генерал-инспектора артиллерии, было принято еще во внимание: 1) по сведениям ГУГШ, и французы, и немцы имели в то время не свыше 1 200—1 500 выстрелов на орудие; 2) комиссия генерал-инспектора артиллерии учитывала, что в течение года войны расход на пушку будет не более 1 000 выстрелов; следовательно, этого количества должно во всяком случае хватить на полгода войны, т.-е., по тогдашним предположениям генерального штаба, на максимальную продолжительность современной большой войны.

Таким образом следует признать, что нормы боевого комплекта для 3-дм. пушек были определены не без достаточных оснований *.

Впоследствии как в среде строевых артиллерийских начальников, так и со стороны старших чинов Генерального штаба раздавались голоса о недостаточности такой нормы боевого комплекта. Так, с назначением ген. Жилинского начальником Генерального штаба, он неоднократно высказывался за необходимость увеличить эту норму; того же взгляда

* Е. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артилл. отношении. Изд. 1926 г., стр. 75—79, 128, 129.

придерживались и начальник канцелярии военного министерства, ген. Н. Данилов и генерал-квартирмейстер ГУГШ Ю. Данилов. Однако, этот кардинальный вопрос, требовавший для положительного решения громадных новых ассигнований, служил предметом лишь частного и случайного обмена мнений и никогда не обсуждался ни в комиссии, устанавливающей норму боевых запасов, ни в комитете Генерального штаба. Главным препятствием, конечно, были затруднения финансового характера, выразившиеся в «предельном бюджете», сверх которого отвоевывать даже незначительные суммы у министерства финансов было делом очень и очень трудным.

Тем не менее, в конце 1912 г. ген. Жилинскому удалось выхлопотать для ГАУ, специально на усиление боевых комплектов для 3″ скорострельных пушек, 10 млн. рублей. На эту сумму при тогдашней цене за выстрел в 20 рублей можно было заготовить 500 000 выстрелов. А так как всего надо было заготовить около 6½ млн., то прибавка получалась ничтожная, всего в 8%.

Около того же времени генерал-квартирмейстер ГУГШ Данилов Ю. Н. уведомил начальника ГАУ, что во французской армии решено увеличить боевой комплект полевой скорострельной артиллерии до 3 000 выстрелов на пушку *. Такое решение нельзя не признать вполне целесообразным, так как при скорострельности 3-дм. полевой пушки сила артиллерии не столько в числе пушек, сколько в числе выстрелов на каждую пушку.

Но осуществить это мудрое решение полностью не удалось и Франции, и к началу войны она имела едва ли более 2 000 выстрелов на пушку **.

Если бы и мы захотели последовать этому благому примеру и довести свои комплекты хотя бы до 2 000 выстрелов на пушку, то на 6 500 пушек это потребовало бы нового дополнительного ассигнования в $6\,500 \times 1\,000 \times 20 = 130\,000\,000$ рублей.

А если бы комплекты довести до 3 000 на пушку, то потребовалась бы сумма вдвое большая, т.-е. 260 млн. рублей!

На такие суммы сверхштатных ассигнований никакой военный министр, даже при всей поддержке Государственной думы, конечно, рассчитывать в те времена не мог, особенно имея в виду, что тут речь шла только о выстрелах для одного 3″ калибра.

Но, кроме затруднений чисто финансового характера, против значительного увеличения боевых комплектов выдвигался еще один очень вес-

* В то же время в ГУГШ имелись сведения, что французы предполагают увеличить боевой комплект с 1 200 до 1 500—1 800 патронов на 75-*мм* пушку. (См. Е. Барсуков. „Подготовка России к мировой войне в артилл. отношении“, стр. 129. Дело В. Уч. арх. 182—09).

** Причина та же—затруднения финансового характера, т. к. добиваться от парламента кредитов на такие расходы было для французского военного министерства очень не легко в последний перед войной период. И только после „Фашодской пощечины“ парламент стал щедрее; но упущенного наверстать к началу войны не удалось.

По последним сведениям, Франция к началу войны должна была иметь по 1 700 выстр. на орудие, но имела около 1 200 снаряж. и 200 неснаряж., т.-е. всего 1 400.

кий аргумент: чем больше боевой комплект, тем дольше его освежать, значит, тем большей порче он подвергается за продолжительное время своего хранения.

При существовавших до войны нормах боевых комплектов и размерах отпусков на практическую стрельбу — боевые припасы могли быть освежены следующие сроки: боевые заряды — в течение 16 лет; дистанционные трубки — в течение 18 лет; шрапнели — в течение 35 лет; гранаты со взрывателями — в течение 175 лет (последние как расходуемые только на показные стрельбы.)

Можно с уверенностью сказать, что ни боевые заряды, ни дистанционные трубки столь долгого хранения не выдержат, так как существующий у нас бездымный порох с трудом дотянет без существенной порчи в южных округах до 10, а в северных до 15 лет (особенно при хранении в патронах), дистанционные же трубки не выдержат и 8—10-летнего хранения. Что касается собственно снарядов и взрывателей (неснаряженных), то они, конечно, могли бы храниться без порчи многие годы, но при непрерывном прогрессе в конструкции их они, конечно, скоро устарели бы и потребовали замены их более современными образцами.

Единственный, казалось бы, при таких условиях выход — соответственное увеличение размера отпуска на практические стрельбы — оказывался неосуществимым вследствие значительного дополнительного расхода, недопустимого опять-таки по финансовым соображениям.

И вот в этом заколдованном кругу финансовых и технических затруднений мы топтались до самой войны.

Между тем на решение этого вопроса должны были оказать существенное влияние еще два обстоятельства, о которых в комиссиях и совещаниях или не упоминалось вовсе или упоминалось только вскользь.

Это — политическая вероятность войны и возможная ее продолжительность.

По поводу первой из них надо сказать, что, начиная с 1910 г., уже была налицо серьезная тревога в политических кругах всей Европы, а с 1912 г. — не осталось, кажется, ни малейшего сомнения, что вопрос общеевропейской войны — вопрос самого недалекого будущего, до такой степени низко пал политический барометр Европы после балканских событий. А если это так, то и все соображения о порче боевых комплектов при продолжительном хранении должны были совершенно отпасть и надо было, напротив, не тянуть и медлить, а с лихорадочной поспешностью начать увеличивать боевые комплекты, как и прочие артиллерийские и иные средства войны.

Что касается второго обстоятельства — вероятной продолжительности войны, — то на этот счет единомыслие в военных кругах было поразительное: и военные писатели всех стран, и наиболее авторитетные представители Генерального штаба, нашего и всех других, без особого труда вселили во всех нас твердое убеждение, что грядущая война не может быть длительной; что вероятный ее

срок — три месяца, а максимальный — полгода; что за это время будут завершены все серьезные операции и участь кампании будет решена *.

Всем в большей или меньшей степени был известен (секретный) расчет времени германского Генерального штаба, согласно которому в точности были определены моменты сперва последовательного разгрома Франции — до занятия Парижа включительно, а затем — такой же операции по отношению к России... И ведь, что всего замечательнее — это то, что план этот чуть-чуть не осуществился на деле... И хотя «чуть-чуть» не считается, но все же нельзя не отметить, что если бы не неожиданные задержки со «слабенькими крепостцами» Бельгии да не знаменитая «удача» французов на Марне, то кампания действительно могла бы выйти очень недлительной, т.-е. как раз такой, какой она представлялась перед войной... И если бы это случилось, то и 1 000 патронов на пушку оказалось бы, пожалуй, достаточно, так как их хватило бы, как это будет показано далее, на кампанию месяцев в 4—5, даже в 6.

Но этого не случилось, и кампания вышла не в 3 и не в 6 месяцев, а затянулась более чем на 3 года. Приэтом как бы напрашивается вывод, что не только имевшийся запас в 1 000 выстрелов, но и вдвое, даже втрое больший, оказался бы все равно недостаточным, так как даже при 3 000 выстрелов на пушку это дало бы общий запас всего около 19 млн. патронов, между тем как за один 1916 г. было истрачено около 28 млн. 3″ выстрелов, а на следующий год требовалось их 36 млн. Из этого совершенно ясно, что подобную войну вести на одни запасы мирного времени, как бы велики они ни были, немыслимо...

Но было несомненной ошибкой делать из этого вывод, что не было особого смысла увеличивать запас, например, свыше 1 000 выстрелов на пушку, так как если бы этих запасов было у нас более 1 000, например, 2 000, а тем более — 3 000, то, во-первых, нашей промышленности было бы больше времени раскачаться, а, во-вторых, нашему командованию не пришлось бы в самый решительный — первый — период войны не только приостанавливать некоторых из начатых уже действий, но иногда и вовсе отказываться от необходимых и обещавших успех операций.

* В начале 1915 г. существовала уверенность, что война может скоро окончиться. Так, в представлении ГАУ в Военный совет от 21 янв. 1915 г. передается телеграмма Ставки, чтобы „ко дню заключения мира наличность орудийных патронов была не ниже 2 000 на орудие“, и затем добавляется: для исполнения этого повеления количество заказанных и подлежащих еще заказу патронов должно быть таково, чтобы его хватило на все время войны, а остаток был не меньше 11 000 000 (что и составит по 2 000 на орудие).

Количество патронов, необходимых для ведения войны, не поддается строгому учету, так как время окончания войны неизвестно. Поэтому заказ рассчитывался приблизительно на такой срок, чтобы в случае продолжения кампании можно было заблаговременно продолжать заготовление.

Определяя срок этот в шесть месяцев и имея в виду, что в период наиболее интенсивного развития боев армия расходовала около 1 500 000 патронов в месяц, надо полагать, что в настоящее время достаточно довести заказы до 1 500 000 × 6 = = 9 000 000, что составит с указанным выше количеством около 20 000 000 патронов.

И хотя правда, что крики и вопли с фронта начали подыматься еще в то время, когда «возимые запасы» были почти нетронуты, но иной психологии у войск и не бывает: ведь поздно, по их убеждению, кричать, когда уже и эти запасы подходят к концу, ибо всякий знает, сколько времени идет только на подвоз из фронтовых складов, а тем более — из глубокого тыла. А если к этому прибавить, что затяжка в пополнении комплектов стала сказываться уже в августе, то будет вполне понятна та тревога, которая охватила наши фронты и, несомненно, пагубно отразилась на наших военных действиях. Поэтому вопрос об увеличении нормы боевых комплектов даже на относительно небольшую величину должен был заслуживать всякого внимания, и мы перейдем к выяснению причин, помешавших осуществлению даже того скромного увеличения (на 500 000 выстрелов), о котором было сказано выше, несмотря на осознанную безусловную его необходимость.

Дело было так.

Еще со времени утверждения «Новой организации полевой артиллерии», т.-е. с 1910 г., ГУГШ пришло к убеждению о недостаточности боевого комплекта в 1 000 выстрелов на пушку, но дальше одних разговоров об этом не шло. Но вот в 1912 г. разразившиеся на Балканском полуострове события потребовали от слов перейти к делу, и ГУГШ решило действовать. 17 октября было собрано экстренное совещание из старших представителей довольствующих управлений, и им было предложено тут же, т.-е. почти без всякой предварительной подготовки, заявить требования на кредиты и указать, на какие именно нужды эти кредиты необходимы каждому управлению т е п е р ь ж е, к а к е с л и б ы о н и т р е б о в а л и с ь н а п е р в ы е ч е т ы р е м е с я ц а в о й н ы. Эти кредиты должны были быть затем испрошены у Совета министров и, как отпущенные в промежуток между сессиями законодательных учреждений, должны были быть израсходованы в течение того срока, на который испрашивались, т.-е. в т е ч е н и е ч е т ы р е х м е с я ц е в.

Возможно ли это было сделать? Конечно, нет, особенно имея в виду, что все заводы, изготовлявшие в мирное время предметы боевого снабжения, были в это время перегружены работой по изготовлению запасов по реорганизации армии (по программе 1910 г.) и н и к а к и х н о в ы х з а к а з о в, п о к р а й н е й м е р е н а б л и ж а й ш и е с р о к и, п р и н я т ь н е м о г л и. О расширении существующих заводов тогда не подымалось и речи, так как в столь короткий срок, да еще зимою, выполнить такое расширение не представлялось возможным. Таково было мнение представителей ГАУ на этом совещании. Тем не менее, представители ГУГШ настояли на том, чтобы норма боевого комплекта для 3″ полевых пушек была увеличена с 1 000 до 1 500 н а п у ш к у и чтобы ГАУ немедленно приступило к этому увеличению. Тут же наскоро была подсчитана стоимость такого увеличения — в 60 000 000 рублей, и было предложено ГАУ теперь же получить одну шестую часть этой суммы, т.-е. 10 млн. рублей, чтобы приступить к работам. Кредит на эту сумму был отпущен ГАУ по постановлению Совета министров от 2 ноября

1912 г. и с трудом был «размещен» по заводам в счет будущей возможности изготовить на него патроны для 3″ пушек, но, конечно, втечение ближайших четырех месяцев израсходован не был. Вот какие об'яснения по этому поводу дал Верховной следственной комиссии бывший начальник хозяйственного отдела ГАУ ген. Смысловский: «Чтобы понять, в какие невыносимые условия было тогда поставлено решение этого вопроса, надо отметить, что в то время наши пороховые заводы не справлялись с имевшимися у них нарядами на изготовление пороха настолько, что вполне определилась необходимость постройки еще одного порохового завода. Из двух трубочных заводов вновь построенный едва только начал приступать к валовому изготовлению трубок, старый же был занят исправлением трубок, уже состоявших на вооружении, но пришедших в негодность вследствие целого ряда причин, из которых главнейшею была продолжительность хранения при не вполне приспособленной для того конструкции. Снабжение полевой артиллерии гранатными патронами (недавно введенными на вооружение) только что начиналось и судя по ходу работ и отпуску кредитов, могло быть закончено только к осени 1914 г. Таким образом ввиду указанных причин попытка увеличения боевых комплектов, едва начатая в 1912 г., к началу текущей (мировой) войны почти вовсе не успела получить осуществления».

Как ни убедительны все доводы и как действительно ни трудны были условия, в какие было поставлено ГАУ, все-таки оно в этот важный момент не сделало всего того, что могло бы сделать. А могло оно сделать многое: получить побольше денег (благо представился такой редчайший случай) и на них произвести расширение как казенных, так и частных, работавших на оборону заводов; из последних некоторые могли еще принять заказы. Правда, в четыре месяца ни все взятые деньги не были бы израсходованы, ни заводы не успели бы фактически «расшириться», но зато дополнительное оборудование было бы выписано, к необходимым постройкам приступили бы (частью хотя бы в теплушках: в Кронштадте колоссальная 12″ башенная батарея была построена зимой, в тепляке) и дело было бы прочно поставлено на рельсы. Так что не успев развернуться именно в 4-месячный срок, оно зато оказалось бы вполне подготовленным через год, а уже к войне 1914 г. — нечего и говорить, что готовность заводов получилась бы полная. И такой случай был упущен, и упущен по *вине* ГАУ — это надо отметить вполне определенно.

Правда, это даром не обошлось бы для ГАУ, его пощипали бы со всех сторон и контроль, и финансы, и Совет министров, и Государственная дума, и то же самое военное министерство (в лице своей канцелярии), однако на это надо было итти, благо налицо был такой предлог, как категорическое настояние ГУГШ, которое, несомненно, поддержало бы ГАУ в случае нападок на него.

Но, обвиняя ГАУ, нельзя оставить без упрека и ГУГШ, которое, исхлопотав в 1912 г. первую порцию в 10 млн. на увеличение комплектов, тем и ограничилось. Оно не только *не провело в законодательном порядке этого важного мероприятия об увели-*

чении боевых комплектов с 1 000 до 1 500 ни тотчас по открытии ближайшей сессии законодательных учреждений, ни в течение последующего времени вплоть до начала войны, но и не поинтересовалось даже проследить, на что и как были израсходованы отпущенные 10 млн. рублей и отчего не требуются остальные 50 млн., необходимые для увеличения боевых комплектов с 1 000 до 1 500 выстрелов. А это было более чем необходимо ввиду тех возражений, которые выставляли представители ГАУ в совещании 17 (30) октября и по которым можно было заключить, что ГАУ может и не развить всей той энергии, какой требовало это важнейшее дело. Таким образом ГУГШ, взяв с 1910 г. в военном ведомстве палку в свои руки, капралом все-таки не стало.

Установленная в 1910 г. норма боевого комплекта выстрелов — на легкую и конную 3-дм. пушку по 1 000, на 3-дм. горную по 1 200 выстрелов — оставалась к началу мировой войны не увеличенной.

Величина запаса выстрелов военного времени получается простым перемножением числа орудий, положенных состоять к началу мобилизации в войсках, на число выстрелов, назначенных на каждое орудие; на орудия, назначенные в запас военного времени, выстрелов вовсе не было положено.

Как упоминалось выше (том 1, глава об орудиях) по мобилизационному расписанию 1910 г., к началу мобилизации должно было состоять в войсках 3″ скорострельных пушек:

3″ легких	5 480
3″ конных	432
3″ горных	424
Итого	6 336

Таким образом в запасе военного времени должно было к началу войны состоять выстрелов:

к 3″ легким	5 480 000
к 3″ конным	432 000
к 3″ горным	508 800
Итого	6 420 800

Фактически же к 20 июля 1914 г. состояло налицо выстрелов:

к 3″ легким и конным	5 774 780
к 3″ горным	657 825
Итого	6 432 605 *

Следовательно, к началу войны состояло налицо к 3″ пушкам выстрелов даже немного больше против положенного по мобилизационному расписанию (на 12 000 штук).

* Св. сведений Верх. следств. комиссии „О снабжении армии снарядами", стр. 5, табл. 1.

Состояние боевых комплектов перед войной. Местные парки: типы местных парков и степень их готовности; подача местных парков на фронт.

Питание армии «выстрелами» предполагалось организовать следующим образом.

Весь боевой комплект в 1 000 выстрелов на каждую действующую пушку, в том числе $^1/_7$ часть (15%) с гранатами и $^6/_7$ (85%) со шрапнелями, распределялся так: 428 выстрелов находились на хранении в строевых частях (в батареях и артиллерийских парках), с выступлением в поход возились в зарядных ящиках и составляли так называемый «возимый запас». Ближайшее наблюдение за состоянием возимого запаса возложено было на свое же строевое начальство. Остальные 572 выстрела хранились в мирное время при складах и составляли так называемые «местные парки», которые должны были подаваться на театр военных действий по железной дороге в назначаемые пункты, из которых батареи могли бы питаться, подвозя себе выстрелы при помощи своих артиллерийских парков.

Всего на действующую армию было положено 112 легких местных парков, причем комплект каждого состоял из 14 000 000 винтовочных патронов и 29 072 пушечных 3-дм. патронов (4 296 с гранатой и 24 776 со шрапнелью). Выше было отмечено, что огнестрельные припасы не выдерживают продолжительного хранения без герметической укупорки и подвергаются порче. Поэтому боевые комплекты местных парков необходимо было содержать в разной степени готовности — частью в снаряженном виде, частью в неокончательно снаряженном, а частью вовсе не снаряженными.

По степени готовности парки эти разделялись на три типа.

Тип А, в котором винтовочные патроны «снаряжены», т. е. составные части их (гильза, порох, пуля, капсюль) соединены в патрон, а пушечные патроны содержатся в так называемом неокончательно снаряженном виде, т. е. гильза, боевой заряд, капсюльная втулка и снаряженный снаряд соединены в патрон, но дистанционные трубки в шрапнели не ввернуты. Во избежание порчи трубок полагалось отправлять их на театр военных действий отдельно в герметической укупорке и ввертывать в очко шрапнелей только в войсках.

Тип Б, в котором винтовочные патроны снаряжены, а пушечные хранятся в разобранном виде, т. е. порох в виде отдельных готовых зарядов, в герметических ящиках, шрапнели с пулями, но не снаряженные порохом, капсюльные втулки и трубки — в герметической укупорке.

Тип В, в котором и винтовочные и пушечные патроны хранятся в разобранном виде.

Такие три типа парков вызывались желанием хранить в мирное время отдельные части патронов, особенно порох, в раздельном виде, так как при этом они значительно лучше сохраняются, чем в патронах; для некоторого же числа парков сроки готовности заставляли поступаться этими соображениями и хранить патроны в разной степени снаряжения

ещё в мирное время. Отсюда ясно, что для изготовления парка типа *А* надлежало только пополнить его личным составом, укупорить патроны и погрузить их на железную дорогу; в парке типа *Б*, кроме того, надо было предварительно снарядить пушечные патроны, а в парке типа *В* — и винтовочные.

Операция снаряжения патронов пушечных не представляет собою чего-либо сложного (за исключением сборки снаряда с гильзою, требующей специального станка), производится вручную, поэтому успех ее определяется почти исключительно количеством рабочих и наличием подходящих помещений для работ по снаряжению; снаряжение винтовочных патронов, наоборот, представляет собою сложную деликатную операцию, требующую оборудованной станками и механизмами «с н а р я ж а т е л ь н о й м а с т е р с к о й» и обученных рабочих. Для выполнения снаряжения винтовочных патронов с об'явлением мобилизации надлежало набрать рабочих, обучить их снаряжению и затем уже производить самое снаряжение.

Парки, расположенные в одном пункте, предполагалось мобилизовать, следовательно и снаряжать, — последовательно, т.-е. приступить к снаряжению и пушечной и винтовочной части каждого последующего парка не раньше, чем будет закончено все снаряжение предыдущего.

Комиссией о запасах, образованной при ГУГШ в 1910 г., предусматривалась необходимость постройки и оборудования нескольких специальных снаряжательных мастерских для приведения местных парков в полную боевую готовность по об'явлении мобилизации. Но даже при наличии таких мастерских *, ввиду недостаточности их оборудования и личного состава и принятого порядка последовательности снаряжения местных парков, по сделанному в ГУГШ, при участии ГАУ, расчету времени получились к о л о с с а л ь н ы е с р о к и м о б и л и з а ц и о н н о й г о т о в н о с т и п а р к о в, д о с т и г ш и е д л я н е к о т о р ы х и з н и х д о 480 д н е й.

Допустить такие сроки готовности местных парков возможно было лишь при условии, что они не понадобятся раньше этих сроков или вовсе не понадобятся в течение большой, но к р а т к о в р е м е н н о й войны, какой она рисовалась нашему Генеральному штабу.

Слабая производительность русской военной промышленности по изготовлению огнестрельных припасов была известна ГАУ и ГУГШ, на нее так и рассчитывали, что она станет пополнять боевые комплекты местных парков приблизительно через год, т.-е. к окончанию войны. Следовательно, предполагали питать армию огнестрельными припасами не за счет производительности заводов, а исключительно за счет образованных в мирное время мобилизационных запасов местных парков. Как видно из доклада от 10 декабря 1911 г. № 219 ** начальнику Генераль-

* Как увидим ниже, снаряжательные мастерские не были готовы к началу Мировой войны.

** Дело В.-Уч. архива 187—896. Е. Б а р с у к о в, Подготовка России к Мировой войне в артилл. отношении, стр. 135.

ТАБЛИЦА 46 *.

Местные легкие парки.

№ по пор.	Названия по категориям и типам	Пункты расположения в мирное время	Пункты расположения в военное время	По каким армиям расписаны	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены
	А. Расписанные по армиям				
	I.—Легкие типа *А*				
	а) с кадр. мирн. времени				
1	„ „ „	Олита.	Олита.	I	
2	„ „ „	Гродно.	Гродно.	II	
3	„ „ „	Ровно.	Ровно.	III	
4	„ „ „	Винница.	Винница.	III	
5	„ „ „	Тирасполь.	Тирасполь.	VII	
	б) без кадр. мирн. времени				
6	„ „ „ „	Ковна.	Ковна.	I	
7	„ „ „ „	Осовец.	Осовец.	II	
8	„ „ „ „	кр. Ново-Георгиевск	кр. Ново-Георгиевск.	II	
9	„ „ „ „	Брест-Литовск.	Брест-Литовск.	V	
10	„ „ „ „	Киев.	Киев.	III	
11	„ „ „ „	Выборг.	Выборг.	VI	
12	„ „ „ „	Тифлис.	Тифлис.	Кавк.	
13	„ „ „ „	Карс.	Карс.	„	
14	„ „ „ „	Александрополь.	Александрополь.	„	
15	„ „ „ „	Ташкент.	Ташкент.	Турк.	
16	„ „ „ „	„	„	„	
17	„ „ „ „	Асхабад.	Асхабад.	„	
18	„ „ „ „	Владивосток.	Владивосток.	Прим.	
19	„ „ „ „	Хабаровск.	Хабаровск.	„	
	Всего типа *А*—19.				
	II. Легкие типа *Б*				
	без кадров				
20	„ „	Ковна.	Ковна.	I	12
21	„ „	Двинск.	Двинск.	I	12
22	„ „	„	„	I	19
23	„ „	„	„	I	26
24	„ „	„	„	I	33

* В.-Историч. архив. Дела ГУГШ 181—896 и 182—090.

№ по пор.	Названия по категориям и типам	Пункты расположения в мирное время	Пункты расположения в военное время	По каким армиям расписаны	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены
25	без кадров	кр. Ново-Георгиевск.	кр. Ново-Георгиевск.	II	12
26	„ „	Брест-Литовск.	Брест-Литовск.	II	12
27	„ „	„	„	II	19
28	„ „	„	„	II	26
29	„ „	Киев.	Киев.	III	19
30	„ „	„	„	III	26
31	„ „	„	„	III	33
32	„ „	Бобруйск.	Бобруйск.	IV	12
33	„ „	„	„	IV	40
34	„ „	„	„	IV	61
35	„ „	„	„	IV	19
36	„ „	„	„	V	47
37	„ „	„	„	V	68
38	„ „	Петербург.	Петербург.	VI	12
39	„ „	Кременчуг.	Кременчуг.	VII	19
40	„ „	„	„	VII	26
41	„ „	Иркутск.	Иркутск.	Заб.	19
42	„ „	Чита.	Чита.	„	12
43	„ „	„	„	„	26
44	„ „	Благовещенск.	Благовещенск.	Прим.	12
	Итого типа *Б*—25.				
	III. Легкие типа *В*				
	без кадров				
45	„ „	Петербург.	Петербург.	VI	30
46	„ „	„	„	VI	60
47	„ „	„	„	VI	90
48	„ „	„	„	VI	120
49	„ „	„	„	VI	150
50	„ „	„	„	VI	180
51	„ „	Георгиевск.	Георгиевск.	Кавк.	60
52	„ „	„	„	„	90
53	„ „	„	„	„	120
54	„ „	„	„	„	150
55	„ „	Хабаровск.	Хабаровск.	Прим.	60
56	„ „	„	„	„	90
	Итого типа *В*—12.				
	Всего легких—56.				
	Б. Не расписанные по армиям				
	Легкие типа *В*.				
	без кадров				
57	„ „	Курск.	Курск.	—	60
58	„ „	„	„	—	90
59	„ „	„	„	—	120

№ по пор.	Названия по категориям и типам	Пункты расположения		По каким армиям расписаны	К какому дню мобилизации должны быть снаряжены
		в мирное время	в военное время		
60	без кадров	Курск.	Курск.	—	150
61	„ „	„	„	—	180
62	„ „	„	„	—	210
63	„ „	„	„	—	240
64	„ „	„	„	—	270
65	„ „	„	„	—	300
66	„ „	„	„	—	330
67	„ „	„	„	—	360
68	„ „	Луганск.	Луганск.	—	30
69	„ „	„	„	—	60
70	„ „	„	„	—	90
71	„ „	„	„	—	120
72	„ „	„	„	—	150
73	„ „	„	„	—	180
74	„ „	„	„	—	210
75	„ „	„	„	—	240
76	„ „	„	„	—	270
77	„ „	„	„	—	300
78	„ „	„	„	—	330
79	„ „	„	„	—	360
80	„ „	„	„	—	390
81	„ „	„	„	—	420
82	„ „	„	„	—	450
83	„ „	Москва или Раево.	Москва или Раево.	—	60
84	„ „	„	„	—	90
85	„ „	„	„	—	120
86	„ „	„	„	—	150
87	„ „	„	„	—	180
88	„ „	„	„	—	210
89	„ „	„	„	—	240
90	„ „	Самара-Томылово.	Самара-Томылово.	—	60
91	„ „	„	„	—	90
92	„ „	„	„	—	120
93	„ „	„	„	—	150
94	„ „	„	„	—	180
95	„ „	„	„	—	210
96	„ „	„	„	—	240
97	„ „	„	„	—	270
98	„ „	„	„	—	300
99	„ „	„	„	—	330
100	„ „	„	„	—	360
101	„ „	„	„	—	390
102	„ „	„	„	—	420
103	„ „	„	„	—	450
104	„ „	„	„	—	480
105	„ „	Омск.	Омск.	—	60
106	„ „	„	„	—	90
107	„ „	„	„	—	120
108	„ „	„	„	—	150
109	„ „	„	„	—	180
110	„ „	„	„	—	210
111	„ „	„	„	—	240
112	„ „	„	„	—	270
	Итого—56				
	Всего легких—112				

ного штаба, ГУГШ считало 3-дм. пушки русских армий «обеспеченными снарядами, по крайней мере, на год войны». Все это в связи с установлением длительных сроков мобилизационной готовности местных парков может служить неопровержимым доказательством довольно легкомысленной непредусмотрительности русского Генерального штаба, как и генеральных штабов других армий, масштаба ожидаемой большой войны — как в отношении ее продолжительности, так и в отношении всех средств снабжения, каких она потребует, в том числе огнестрельных припасов.

Комиссия о запасах, впрочем, несколько сомневалась в допустимости больших сроков готовности местных парков, превышающих не только предполагаемый шестимесячный срок войны, но даже годичный. Однако она ограничилась пожеланием об увеличении в мирное время числа легких местных парков типа *А* за счет парков типа *Б* и *В* (в целях увеличения числа парков типа *А*, как имевших наибольшую боевую готовность), не указав определенно, на сколько именно больше следовало бы иметь парков типа *А*. Комиссия высказывалась также о необходимости в первую очередь сосредоточить боевые запасы в местных парках, распределенных по армиям согласно мобилизационному расписанию, о желательности размещения местных парков типа В и снаряжательных мастерских при некоторых складах огнестрельных припасов и проч.

По представлению ген. Поливанова доклада ГУГШ 3 марта 1911 г. № 48, военный министр ген. Сухомлинов согласился с мнением комиссии по распределению запасов военного времени и 5 марта 1911 г. утвердил намеченные ГУГШ следующие, указанные в таблице 46 пункты формирования и распределение местных парков по армиям и военным округам, а также сроки мобилизационной готовности местных парков.

Из этой таблицы видно, что из 112 местных легких парков только 19 должны были быть типа *А*, т. е. немедленно, по пополнении их личным составом, могли быть отправлены на фронт. Готовность же остальных 93 парков предполагалась таковой:

через 12 дней — 8 парков	через 120 дней — 7 парков
„ 19 „ 6 „	„ 150 „ 7 „
„ 26 „ 5 „	„ 180 „ 6 „
„ 30 „ 2 парка	„ 210 „ 5 „
итого в 1-й месяц 21 парк,	„ 240 „ 5 „
через 33 дня — 2 парка	„ 270 „ 4 парка
„ 40 „ 1 парк	„ 300 „ 3 „
„ 47 „ 1 „	„ 330 „ 3 „
„ 60 „ 8 парков	„ 360 „ 3 „
итого во 2-й месяц 12 парков,	„ 390 „ 2 „
через 61 день — 1 парк	„ 420 „ 2 „
„ 68 „ 1 „	„ 450 „ 2 „
„ 90 „ 8 парков	„ 480 „ 1 парк
итого в 3-й месяц 10 парков,	
а в 3 месяца 43 парка,	

Значит, после немедленной подачи первых 19 парков типа *А* или всего 17% от 112 парков, подача остальных шла бы таким темпом.

в 1-й месяц	21 парк	(19%)
во 2-й „	12 парков	(11%)
в 3-й „	10 парков	(9%)
Итого в 3 месяца	43 парка	(39%)

А дальше уже совсем черепашьим шагом: по 7, 6, 5, 4, 3, 2 и по 1 парку в месяц.

Таким образом, еще в начале 1911 г. ГУГШ пребывало в благодушной уверенности о допустимости такого «прохладца» в снаряжении местных парков, как 16 месяцев.

При намеченной в таком темпе подаче парков меньше всего можно было требовать от довольствующего управления, т. е. от ГАУ, неустанной заботливости о какой-то спешке в изготовлении новых комплектов, раз имеющиеся готовые не очень торопятся собрать, растягивают подачу их на фронт почти на полтора года *.

По поводу срока готовности местных парков первыми возбудил тревожный вопрос начальник штаба Киевского военного округа ген. Алексеев **, который 1 (14) июня 1911 г. № 1882/433 сообщил начальнику Генерального штаба, что Киевский округ обеспечен к открытию войны лишь 49% винтовочных и 29% пулеметных патронов, положенных в боевом комплекте по новым нормам 1910 г., и что необходимо к концу третьей недели мобилизации иметь в округе по крайней мере по 500 патронов на винтовку, по 50 000 на пулемет и по 500 на орудие, но с тем, чтобы в течение первых четырех месяцев войны изготовлялось ежемесячно не менее 1 500 патронов на винтовку и на орудие.

Затем в декабре 1911 г. командующий войсками Киевского округа вновь возбудил вопрос о необходимости усиления снаряжательных мастерских, чтобы изготовление патронов в местных парках закончить в трехмесячный, а не годичный срок.

Начальник Генерального штаба ген. Жилинский уклонился от прямого ответа и только через несколько месяцев, а именно 20 января 1912 г.

* Однако это вовсе не освобождало ГАУ от обязанности интенсивной работы как по изготовлению боевых комплектов, недостающих до установленных норм, так и в особенности по устройству и оборудованию снаряжательных мастерских, по приведению в порядок имеющихся огнестрельных припасов, по сосредоточению их в пунктах, намеченных для расположения снаряжательных мастерских и местных парков, и вообще принятия всех подготовительных мер для обеспечения сроков мобилизационной готовности местных парков, хотя бы и тех длительных, какие указаны в таблице 46.

Между тем, ГАУ, получив утвержденный военным министром доклад ГУГШ 3.III.1911 г. № 48 для проведения в жизнь (это лежало главным образом на обязанности ГАУ, а не ГУГШ) работало в указанном направлении, как увидим ниже, с еще большей, чем ГУГШ, даже преступной „прохладцей“. *Б.*

** Е. Барсуков, Подготовка России к Мировой войне в артиллерийском отношении 1926 г. стр. 136, 137. Дело быв. В. Уч. архива 187—896.

№ 110, сообщил ген. Алексееву, что прежде всего нужно довести боевой комплект до установленной нормы, а затем поднимать вопрос об увеличении нормы и расширении снаряжательных мастерских. Ответ ген. Жилинского заканчивался так: «вполне сочувствуя пожеланию относительно усиления запаса патронов, полагаю более правильным итти к нему планомерно, так как повышенные требования могут привести лишь к тому, что вопрос будет разрешен только теоретически».

Вопрос о сроке готовности местных парков вызвал первую тревогу в самом ГУГШ тогда же, в конце 1911 г.

В докладе начальнику Генерального штаба 10 (23) декабря 1911 г. № 219 * ГУГШ, признавая 3-дм. пушки в армии «обеспеченными снарядами, по крайней мере на год войны», обращало внимание на крайнюю медленность нарастания патронов с 3—4 месяца войны: приблизительно по 60 патронов на винтовку и по 30 патронов на пушку в месяц.

По мнению ГУГШ, «крупные боевые столкновения уже начнутся со второго месяца войны», один большой бой может потребовать «расхода большей части положенного запаса патронов, а пополнение израсходованных патронов необходимо произвести с возможной быстротой». Ввиду этого ГУГШ находило «крайне желательным время, определенное для окончательного снаряжения легких местных парков типа *В*, сократить насколько возможно». Во всяком случае, ГУГШ считало необходимым 7 парков, готовность которых определялась с 360 по 480 в день, «снарядить в первый год войны».

В том же 1911 г. по мобилизационному отделу ГУГШ возбуждался вопрос ** о необходимости отпуска дополнительных кредитов на устройство всех 6 снаряжательных мастерских не позже 1912 г. с тем, чтобы в 1913 г. можно было произвести снаряжение всех патронов в местных парках. Вопрос остался не разрешенным.

В феврале 1912 г. в ГУГШ по поводу готовности местных парков была составлена записка ***, в которой указывалось, что быстрота снаряжения местных парков зависит от степени работоспособности снаряжательных мастерских и что армии были бы снабжены патронами по норме к концу года войны лишь в том случае, если бы к началу войны были готовы, оборудованы и снабжены всем необходимым снаряжательные мастерские, намеченные в Курске, Раеве и Томылове.

Тогда же, в начале 1912 г., в целях увеличения боевой готовности местных парков в ГУГШ было решено часть парков, содержащихся по типу *Б*, т. е. с неснаряженными пушечными патронами, перевести снаряжением в тип *А*. Парки эти были снаряжены, но затем, с течением времени, по установленному порядку снаряженные патроны выдавались из них в войсковые части на пополнение израсходованных на практиче-

* Е. Барсуков, Подготовка России к Мировой войне в артиллерийском отношении, 1926 г., стр. 135. Дело В.-Уч. Архива 187—896.

** Там же.

*** Там же, стр. 137.

скую стрельбу, на замен же их в местные парки поступали с заводов отдельные огнестрельные припасы. Таким образом парки типа *Б*, обращенные в начале 1912 г. единовременной работой в тип *А*, с течением времени должны были опять обратиться в тип *Б*, так как для поддержания их в снаряженном виде потребовалась бы опять работа войсковых частей, ложившаяся на них крайне тяжелым бременем. Для разъяснения этого вопроса ГАУ велась переписка, но до начала войны он не получил какого-либо окончательного решения.

Серьезная тревога о сроке снабжения патронами произошла осенью 1912 г. во время Балканской войны, когда в Петербурге было собрано совещание из начальников штабов военных округов. Давая объяснение этому совещанию, начальник хоз. отдела ГАУ (г.-м. Смысловский) обратил внимание на то обстоятельство, что задержка в мобилизации парков происходит главным образом вследствие связи изготовления пушечной части с винтовочной, требующей для снаряжения несравненно большего времени. Несообразность такого положения вещей казалась еще более непонятной ввиду того, что в то время (да и до самой войны) у нас не было полного комплекта винтовочных патронов (по 1 000 на винтовку), а потому винтовочных патронов в неснаряженном виде (парк типа *В*) не состояло вовсе, т. е. и снаряжать-то было нечего.

На заседаниях совещания г.-м. Смысловским было указано на возможность ускорения снаряжения пушечных частей местных парков и даны теоретические данные успеха работы, зависевшие, главным образом, от числа приборов для соединения снаряда с гильзою, имевшихся в то время в каждом из складов. При этом было обращено особое внимание совещания на то обстоятельство, что сообщаемые весьма утешительные, но теоретические данные не могут иметь решительно никакого практического значения, если склады в момент мобилизации не будут снабжены достаточным количеством войсковых или наемных рабочих, или помещения складов не дадут возможности развить работу в требуемом размере. Так как эти стороны вопроса могли быть разрешены исключительно местным окружным начальством, то представитель ГАУ обратился к совещанию с предложением произвести в каждом из округов опыт частичного снаряжения парков и на основании полученных результатов выработать меры для достижения требуемого успеха.

Результаты совещаний начальников окружных штабов по вопросам о подготовке к войне на Западном фронте были изложены в секретном журнале 6 (19) и 7 (20) ноября 1912 г., который был сообщен ГАУ только в апреле 1913 г., т. е. почти через 5 месяцев.

Приведем выписку из этого журнала, касающуюся необходимости скорейшей готовности местных парков:

«Рассмотрев сроки прибытия местных парков, назначенных в распоряжение армий в районы сосредоточения, и время изготовления парков, остающихся в ведении министерства, совещание пришло к заключению, что снабжение армий огнестрельными припасами после первых 2—3 боев (в течение 1—2 месяцев войны) нельзя признать обеспеченным.

«В силу этого совещание пришло к выводам:

1) Местные парки, назначенные в непосредственное распоряжение армий, должны прибыть в районы сосредоточения не позже 40—45 дня мобилизации.

2) Все остальные парки должны быть изготовлены в течение первых трех месяцев с таким примерно расчетом:

а) к 45 дню должно быть изготовлено по 370 патронов на орудие;

б) на 60 день — еще по 130 патронов;

в) на 90 день все остальные запасы.

«Цифры эти вытекают из следующих соображений:

К первому дню мобилизации в войсковом и орудийном запасе батареи наши имеют приблизительно по 370 патронов, в назначенных армиям местных парках — по 130; всего же по 500 патронов на орудие. Количества этого хватит не более как на два, в лучшем случае на три больших сражения, каковые могут произойти в течение первых полутора—двух месяцев войны.

«Таким образом, патроны, изготовленные к 45 дню, должны пойти на пополнение войсковых запасов, а заготовленные к 60 дню — на пополнение парковых.

«Что касается винтовочных патронов, то таковые по тем же соображениям должны быть изготовлены:

1) в течение 1—2 месяцев, чтобы было по 500 патронов на винтовку;

2) к третьему месяцу — еще по 250;

3) к четвертому месяцу — остальной запас, которым будет располагать военное ведомство».

«Для обеспечения беспрепятственного пополнения патронами явится необходимость приступить с первого дня мобилизации к изготовлению всех парков, в том числе и расположенных в азиатских округах. Содержимые в этих округах патроны в случае войны на западном фронте, несомненно, послужат для пополнения запасов действующих на этом фронте армий. Перевозка сих запасов в пункты назначения будет сделана своевременно распоряжением военного министерства. Что касается обеспечения артиллерии Московского и Казанского округов мелинитовыми гранатами, то таковые вновь не изготовляются, а имеющиеся налицо уже распределены по войскам пограничных округов».

Журнал совещаний к прочтению и подписи представителей ГАУ не пред'являлся. В нем есть несомненные погрешности, как, например, исчисление войскового запаса пушечных патронов и теоретические данные о скорости снаряжения парков, принятые до поверки их на местах, как окончательные.

Из этого журнала ГУГШ видно, что о дальнейшем питании армии патронами за снаряжением и подачею всех артиллерийских парков не только не было дано каких-либо указаний ГАУ, но даже не было высказано хоть намека на какое-либо пожелание. Речь шла исключительно о пополнении тех запасов мирного времени, которые полагались

по существовавшим тогда нормам, но которых к тому времени полностью еще не было, и о скорейшей подаче этих запасов в армию. Как оказалось впоследствии, сокращенные сроки изготовления парков так и остались непроведенными в жизнь, так как никаких распоряжений об их изменении ГУГШ сделано не было.

К тому времени приборы для снаряжения пушечных патронов, о которых только и могло позаботиться ГАУ, были уже заказаны; все же остальное не входило в его круг прав и обязанностей и могло быть выполнено или распоряжением местного окружного начальства или распоряжением военного министра через ГУГШ *.

На обязанности ГУГШ лежало осуществление организационно-мобилизационных мероприятий, вызываемых усилением готовности местных парков: увеличение штатного их состава, установление новых окончательных сроков мобилизационной готовности, распоряжение о найме добавочных рабочих и пр. Все это не было проведено в жизнь, так как ГУГШ по данному вопросу не сделало распоряжений по округам, предполагая, что это сделает ГАУ; между тем, ГАУ считало, что эти распоряжения должны исходить от ГУГШ, так как после реорганизации армии 1910 г. округа не были подчинены ГАУ.

В течение, примерно, 4 лет (1910—1914 гг.) по поводу местных парков велась довольно бесплодная переписка между ГАУ и ГУГШ, между ГАУ и «контролирующими» ведомствами. ГАУ и ГУГШ обменивались журналами и постановлениями разных комиссий и совещаний, сообщали друг другу копии докладов с резолюциями военного министра или его помощника, спрашивали друг у друга заключения, но распоряжений о проведении тех или иных мероприятий в жизнь они, в большинстве случаев, не делали, считая исполнительную часть дела не своею обязанностью.

В результате, в отношении подготовки мобилизации и обеспечения своевременной подачи местных парков во время войны на фронт и

---

* ГАУ обязано было „позаботиться" не только заказом приборов для снаряжения пушечных патронов. ГАУ должно было осуществить ряд подготовительных мер к обеспечению своевременности изготовления отдельных элементов пушечных и ружейных патронов, по приведению в порядок огнеприпасов в войсках и складах и проч., а также к обеспечению мобилизационной готовности местных парков в заданные сроки. В первую очередь ГАУ должно было построить и оборудовать снаряжательные мастерские. Между тем, вопрос с устройством их чрезвычайно затянулся и проводился ГАУ по всем правилам „канцелярской волокиты", путем нескончаемой переписки с ГУГШ, составления предварительных смет и соображений для выяснения расхода и „согласования" с различными „контролирующими" и „поверяющими" ведомствами. „Выяснение" и „согласование" закончилось лишь в 1913 г., причем в счет определившегося расхода 2 236 000 р. испрашивалось к отпуску на 1914 г. только 1 200 000 р. Отсюда ясно, что снаряжательные мастерские не могли быть готовы к началу Мировой войны. Постройка и оборудование таких мастерских при 7 арт. складах закончились лишь к марту 1915 года. Е. Барсуков, Подготовка России к Мировой войне в артиллер. отношении, стр. 138.). (Копия справки о заготовлении 3-дм. патронов начальника ГАУ от 28.IV. 1915 г., стр. 4, в материалах личного архива А. А. Маниковского.) *Б.*

ГУГШ и ГАУ сделано было весьма немного, а сокращение сроков готовности местных парков, признанное необходимым на совещании начальников штабов еще 6—7 (19—20) ноября 1912 г., осталось только на бумаге *.

В июне 1914 г., когда неизбежность войны стала очевидной, вновь был поднят вопрос о сроках готовности парков и о постройке снаряжательных мастерских в Курске и Кременчуге — на этот раз по почину ГАУ (сношение ГАУ в ГУГШ 6 (19) июня 1914 г. № 2040) **.

ГУГШ ответило 13 (26) июня 1914 г. № 813, что по его мнению «необходимо по соображениям оперативного порядка, чтобы все парки были готовы не позднее конца 3-го месяца мобилизации; 75% — не позднее конца 2-го месяца и половина парков — не позднее 30-го дня мобилизации».

На запоздалый запрос ГАУ относительно снаряжательных мастерских ГУГШ ответило уже во время войны (в сентябре 1914 г.), что «постройку снаряжательной мастерской и хранилищ для местных парков в Курске нужно отложить до конца войны», а вопрос о постройке снаряжательной мастерской в Кременчуге оставлен был вовсе без ответа ***.

Наконец, 17 июня 1914 г. у начальника Генерального штаба ген.-лейтенанта Янушкевича состоялось совещание с представителями ГАУ, на котором еще раз выяснялся вопрос об ускорении подачи запасов мирного времени. Кроме того, были такие же совещания с представителями Генерального штаба в ГАУ.

Для осуществления намеченных этими совещаниями пожеланий требовалось провести в жизнь целый ряд мероприятий организационного и хозяйственного характера, например:

1) разделение местных парков на полупарки — ружейные и пушечные или каждого местного парка на 2 самостоятельных местных парка — «ружейный» парк и «пушечный» парк; мера эта вызывалась необходимостью поставить готовность парка в отношении пушечных патронов в полную независимость от готовности ружейных патронов, так как снаряжение последних требует значительно большего времени, чем снаряжение первых;

2) снабдить снаряжательные мастерские двойным числом приборов для сборки пушечных патронов и увеличить число рабочих часов;

3) удвоить мощность проектированных пяти снаряжательных мастерских и увеличить число рабочих часов в них с 8 до 12;

4) увеличить число рабочих для обслуживания всех снаряжательных мастерских до 4 160 человек (на каждую до 320 чел., сверх кадрового числа рабочих — по 30—40 на мастерскую), включив их в общий мобилизационный наряд и пр.

Все эти мероприятия проектировало ГАУ; при проведении их в жизнь до 80% всех местных парков могло быть готово на 60-й день мобилизации и до 97% на 90-й день мобилизации.

* Там же, стр. 139.

** Дело В. Уч. Архива 124—985. Е. Барсуков, Подготовка России к Мировой войне в артилл. отношении, стр. 138.

*** Там же.

Несмотря на безусловную необходимость немедленного осуществления хотя бы некоторых из проектированных мер, между ГАУ и ГУГШ по поводу этих мер и результатов происходивших совещаний вновь возникла привычная «переписка» с запросами друг к другу вместо дела, не терпящего ни малейшего отлагательства, так как об'явление войны ожидалось со дня на день.

Свои соображения о мероприятиях по ускорению готовности местных парков ГАУ сообщило 28—30 июня (11—13 июля) 1914 г. № 2291 в ГУГШ, закончив их следующими словами:

«К этому необходимо добавить, что все меры, предусматривающие ускорение мобилизационной готовности местных легких парков в отношении ружейных патронов, имеют в виду лишь будущее время, когда в парках типа *В* будут содержаться патроны в составных частях, так как теперь в этих парках всех типов состоят готовые патроны, за малым исключением (до 60 млн.)».

«По поводу изложенного ГАУ просит доставить заключение».

ГУГШ ответило ГАУ 11 (24) июля 1914 г. № 292, что проектируемые ГАУ мероприятия вполне соответствуют тому, что было установлено на совещании 17 (30) июня 1914 г. у начальника Генерального штаба и что является крайне необходимым «возможно скорее провести в жизнь» эти мероприятия с целью улучшения вопроса снабжения армии патронами. Вместе с тем ГУГШ просило ГАУ сообщить «не позднее 20-х чисел того же июля» в мобилизационный отдел установленные новые сроки готовности пушечных и винтовочных полупарков и в отдел военных сообщений — для заблаговременного составления планов перевозок. Само же ГУГШ, по части квартирмейстера, тогда же приняло в расчет для оперативных соображений сообщенные ему ГАУ сведения. Спрашиваемое же ГАУ у ГУГШ заключение по сообщаемым сведениям, которые являлись результатом совместных совещаний ГАУ и ГУГШ, последнее считало непонятным.

Совещания по поводу готовности местных парков, состоявшиеся в 1914 г. за несколько дней до начала войны, являлись запоздалыми и не могли привести к сколько-нибудь действительным положительным результатам, так как для осуществления их необходимо было провести в жизнь целый ряд мероприятий организационного и хозяйственного характера, из которых некоторые, как, например, постройка новых снаряжательных мастерских в условиях мирного времени потребовали бы двух—трех лет. Организационные изменения должны были быть проведены ГУГШ; это же управление должно было сделать распоряжение об изменении мобилизационного расписания и сроков готовности. Между тем, ГУГШ, намечая одно только получение предварительных сведений к 20-м числам июля, в то же время уже ввело в свои оперативные соображения новые мероприятия, как бы уже существующими.

Намеченные мероприятия по ускорению снаряжения парков при таких условиях, конечно, проведены в жизнь до начала войны не были. Провести их в организационном и мобилизационном отношении могло только ГУГШ непосредственными сношениями с начальниками военных округов, чего сделано не было.

Достойно быть отмеченным, что и на этот раз, перед самой войной, ни одного намека на дальнейшее питание армии, за израсходованием всех запасов мирного времени, сделано не было.

Таким образом мы, имея сравнительно незначительный запас боевого комплекта (примерно, раз в десять меньший против того, что потребовалось на самом деле за время войны), не проявили достаточной энергии, чтобы хоть этот запас подать армии немедленно: до конца 1912 г. мы миримся с такими нелепыми сроками готовности местных парков, как 480 дней; а когда совещание 6—7 ноября 1912 г. установило новые сокращенные сроки (максимальный — в 90 дней), то официальное извещение об этом ГАУ последовало лишь в апреле следующего года. А затем само ГАУ раскачалось лишь в конце июня 1914 г., представив в ГУГШ свои соображения о тех мероприятиях, которые необходимы для осуществления этих новых (сокращенных) сроков готовности парков и, повидимому, ГУГШ находило это вполне нормальным. При этом ГАУ считало, что ГУГШ сделает само, как и должно было быть, соответствующие распоряжения по округам (не подведомственным ни в каком отношении ГАУ), но последнее, т.-е. ГУГШ, видимо, даже не понимало, что надо сделать, поэтому ничего не сделало. Эти новые сокращенные сроки так и остались не осуществленными, хотя были предрешены в ноябре 1912 г. и даже «в оперативных соображениях учитывались как бы уже существующими...».

Читая «идиллическую» переписку по поводу готовности местных парков двух главных управлений, от которых зависела боевая готовность армии, можно подумать, что речь шла о каких-то сущих пустяках и притом во время глубочайшего политического затишья, а не за месяц до ясно уже определившейся войны.

Вполне естественно, что с началом мобилизации начались крайние затруднения с изготовлением и подачей местных парков. Причина этих затруднений, — состояние, в каком находились к этому времени боевые припасы как в войсковых артиллерийских частях, так и в окружных складах (местных парках). Об этом состоянии необходимо сказать особо.

Состояние боевых комплектов полевой артиллерии, в каком они находились перед началом мировой войны, можно охарактеризовать как состояние полнейшего хаоса. Трудно представить, до какой степени этот важнейший вопрос мало интересовал как ближайшее начальство — начальников артиллерии и командующих войсками в округах, так и ГУГШ, в ведение которого перешли с 1910 г. все мобилизационные вопросы, т.-е. вопросы по боевой готовности армии. Ни одного раза ни в одном из округов не было произведено поверки наличия,

порядка хранения и освежения боевых комплектов по инициативе местного или центрального войскового начальства. И только один начальник ГАУ, являвшийся с 1910 г. не более как главным артиллерийским каптенармусом, распинается на все лады, уговаривая вышедших уже из сферы его влияния начальников окружных артиллерийских управлений и совсем с ним не считавшихся строевых артиллерийских начальников навести, наконец, хоть какой-нибудь порядок в том хаосе, который представляло собой хранение боевых припасов в частях войск и в окружных складах.

Правда, было много и не зависевших от местных властей причин, в силу которых завести должный порядок в этом деле было затруднительно. Из них стоит упомянуть о следующих:

Во-первых, после Японской войны на Дальнем Востоке осталось значительное количество снаряженных 3" патронов, которые надо было ликвидировать возможно скорее, отпуская их, во избежание порчи, на практику в первую очередь, чем задерживалось освежение комплектов самых войсковых частей.

Во-вторых, огромное количество состоявших в комплектах дистанционных трубок оказалось неисправным и нуждающимся в переделке; поэтому трубки пришлось из многочисленных мест хранения высылать на исправление на трубочные заводы и потом обратно рассылать на места.

В-третьих, согласно новой дислокации (реорганизация обороны государства по программе 1910 г.), войсковые части были довольно скоро перемещены в новые пункты стоянок, но помещений там для боевых комплектов одновременно заготовлено не было. Пункты хранения для местных парков были определены и утверждены, как уже сказано выше, только в марте 1911 г. (см. табл. 46); до постройки в этих пунктах надлежащих помещений соответствующие части боевых припасов приходилось держать или в прежних местах их расположения или даже на заводах. В некоторых пунктах (в Луганске, в Томылове) постройка помещений едва закончилась к началу войны, и то не вполне.

В-четвертых, законами 10 июля 1913 г. и 24 июня 1914 г. в связи с новой реорганизацией армии вызывались еще новые изменения дислокации войсковых частей. Поэтому, не успев еще привести в порядок боевых запасов по организации 1910 г., приходилось приостанавливать часть сделанных уже распоряжений по распределению их и заменить их новыми.

И все это делалось почти перед самой войной.

Как бы то ни было, но даже при наличии таких условий порядок должен был быть, и чем труднее была обстановка, тем больше усилий нужно было приложить, чтобы боевая готовность комплектов не пострадала. Между тем, этих-то усилий и не было; видно, что по этой части всюду царил недопустимый, преступный хаос. Исчерпав средства частичного воздействия, начальник ГАУ решил обратиться ко всем начальникам штабов в округах (для сведения) и к начальникам артил-

лерии (для исполнения) с секретным циркуляром от 28 февраля 1913 г. № 1022 с самыми подробными указаниями о порядке хранения, освежения, расходования и отчетности огнестрельных припасов. В циркуляре также указывалось на настоятельную необходимость привести в порядок это важное дело.

Однако этот циркуляр остался гласом вопиющего в пустыне, и через год с небольшим начальник ГАУ вынужден был вновь обратиться к начальникам окружных штабов с новым воззванием (с указанием на угрожающее состояние комплектов — секретный циркуляр от 26 апреля 1914 г. № 1590). Из этого обращения поучительны следующие моменты.

«28 февраля минувшего года предписанием ГАУ за № 1022 (секретно) начальникам всех военных округов было обращено внимание на весьма несовершенное состояние боевых комплектов и практических огнестрельных припасов полевой артиллерии и отчетности по их расходованию. В том же предписании были определенно подтверждены существующие правила освежения комплектов и установлены формы тех сведений, которые настоятельно необходимы ГАУ, дабы иметь возможность своевременно правильно снабжать все округа боевыми припасами и вести их равномерное освежение по всей полевой артиллерии.

«Давая все эти указания, ГАУ надеялось побудить все окружные управления и войсковые части привести боевые комплекты и отчетность по ним как в войсках, так и по округам в порядок, при котором только и возможно правильное снабжение войск одним из наиболее существенных предметов вооружения — боевыми припасами.

«Миновал год, в течение которого ГАУ делало неоднократные частичные указания на неправильности как в содержании и освежении боевых комплектов, так и в отношении представляемых о них сведений; однако, состояние боевых комплектов, а равно и отчетность о них продолжают оставаться почти в том же состоянии, в каком они находились и прежде.

«Так, в некоторых частях, повидимому вследствие отсутствия какого бы то ни было порядка в расходовании боевых припасов на практику, отпущенные в прежние годы припасы частью остаются неосвеженными и потому с течением времени боевые комплекты таких частей стали весьма разнообразны по составу. Иногда они состоят из 200—300 различных партий патронов, содержащих порох, изготовленный на семи различных заводах на протяжении двенадцати различных лет, и поступивших на снаряжение в самое разное время после своего изготовления. Таких патронов иногда состоит всего по два-три, иногда даже по одному, почему при стрельбе поневоле приходится заряжать восемь орудий батареи самыми различными патронами.

«Само собой разумеется, что от стрельбы такими разнообразными патронами какого-либо успеха ожидать нельзя, так как порох, изготовленный на различных заводах в разные годы и снаряженный в различное время, несомненно, должен дать значительное разнообразие в начальных скоростях, а потому даже при идеально действующих трубках должно получиться весьма сильное рассеивание разрывов шрапнелей,

почему часть из них может дать клевки в то время, как другие дадут высокие разрывы. Между тем на практических стрельбах большое рассеивание разрывов неизменно привыкли относить к неисправности трубок, упуская из виду, что при разнообразии зарядов никакие трубки не могут действовать правильно.

«Почти во всех частях боевые припасы распределены неправильно по старшинству их изготовления. Вопреки категорическим указаниям существующих правил, подтвержденных указанным выше предписанием, некоторые войсковые части и округа продолжают тратить вновь получаемые боевые припасы на практику или кладут их в комплекты первоочередных частей, оставляя старые лежать без освежения. Пролежавший долго в патронах порох портится; в лучшем случае его приходится отправлять на переделку, а то и вовсе уничтожать, что наносит материальный ущерб и непроизводительно ослабляет состояние боевых комплектов.

«В некоторых частях без нужды накопляется весьма значительное количество холостых зарядов (свыше 8 000) и притом еще весьма старых годов заготовления. Стрельбу подобными зарядами производить не следует, так как после 8 лет хранения в среднем климате и после 6 — в южных округах холостой порох, а также и заряды из него не должны быть употребляемы для стрельбы. Подобный порох надлежит уничтожать сжиганием, что части не всегда исполняют (цирк. Гл. арт. упр. № 90 1913 г. и № 3 1914 г.).

«Годами образовавшийся беспорядок в состоянии и освежении боевых комплектов, несомненно, потребует продолжительного времени, пока, путем ежегодного расхода старых и разнообразных припасов на практику, удастся привести все комплекты в надлежащий вид. Значительностью работы по приведению боевых комплектов в порядок об'ясняется то обстоятельство, что большинство округов и войсковых частей не было в состоянии в течение минувшего года исполнить по существу указанное выше предписание № 1022. Однако ничем нельзя об'яснить того, что в течение целого года ни один из округов не дал вполне удовлетворительного сведения о состоянии в нем всех боевых припасов полевой артиллерии, хотя бы и не приведенных в полный порядок»...

2) «Ввиду этого прошу вас, по докладе командующему войсками округа настоящего сношения и копии предписания № 1022—1913 г., сделать распоряжение о принятии решительных и энергичных мер к устранению указанных непорядков»...

3) «Ввиду этого я полагал бы необходимым:

«Произвести в войсковых частях полевой артиллерии округа, в местных парках и в складах фактическую поверку боевых комплектов и практических огнестрельных припасов».

После этого воззвания в округах немножко зашевелились и только этому наша армия и была обязана тем, что грянувшая через 3 месяца война застала наши боевые комплекты, по крайней мере в «возимых запасах» артиллерийских частей, уже не в том беспорядке, в каком они

пребывали столь долгое время. К сожалению, того же нельзя сказать про «местные парки», которые не удалось привести даже в самый скромный порядок, ибо вследствие неготовности всех помещений отдельные элементы выстрелов не были правильно распределены по пунктам хранения и потому, в то время, как в одних складах некоторые части патрона состояли в избытке, — в других их не хватало для составления полных патронов.

В одних складах был избыток снарядов, в других их недоставало, зато был избыток зарядов и т. п. Большое количество пороха находилось на заводах или в виде готовых зарядов или в виде порохового материала, еще не развешенного в заряды. Снаряды, изготовленные на уральских заводах, доставляемые обыкновенно водным путем только к осени, еще не были доставлены. Дистанционные трубки частью еще не поступили после переделки с трубочных заводов. При таких условиях до самой войны произвести точный учет состояния комплектов не представлялось возможным, и во всех сведениях и справках по этому вопросу, из осторожности, приходилось показывать около 600 000 патронов в недостатке, грубо считая, что приблизительно это количество было израсходовано в течение летней практической стрельбы и еще не было возмещено присылкою с заводов, которая обыкновенно заканчивалась осенью.

Желая предупредить подобный, хотя бы и временный недостаток патронов в комплектах, ГАУ еще в 1913 г., кроме обычного заказа их на практическую стрельбу, заказало их в том же количестве на год вперед; однако, вследствие перегруженности заводов выполнения этого мероприятия можно было ожидать только к 1917 г.

Таким образом ко времени начала кампании в значительной части местных артиллерийских парков не доставало положенных тех или других частей патрона, и их пришлось подвозить или из других пунктов расположения парков или с заводов уже после об'явления мобилизации.

Это обстоятельство имело крайне существенное влияние на скорость снаряжения парков, которое во многих случаях приостанавливалось исключительно из-за того, что при общей перегрузке железных дорог, несмотря на целый ряд принимаемых мер, своевременно не удавалось подвозить требуемые составные части патрона для питания снаряжательных мастерских.

Вот при каких условиях в отношении снабжения ее боевыми комплектами выступила на войну наша полевая артиллерия.

Теперь посмотрим, как же была выполнена подача на фронт той части комплектов, которая хранилась в «местных парках».

При об'явлении и в течение первого года мировой войны отправкой местных артиллерийских парков на фронт ведал бывший помощник начальника ГАУ, ген. Смысловский, который дал Верховной следственной комиссии об этом важнейшем периоде войны весьма интересные и обстоятельные показания, сущность которых сводится к следующему.

Основываясь на том, что мобилизацию было повелено произвести по расписанию 1910 г., можно было предположить, что при приведении

армии на военное положение, ее развертывании и даже первоначальных действиях будут приняты те сроки готовности, распределения, законоположения и прочие данные, которые служили предметом изучения и разработки в течение многих десятков лет нашей подготовки к войне на Западном фронте. Еще больше оснований было ожидать, что будут соблюдены, по крайней мере, главнейшие положения устройства армии и всей обороны государства по организации 1910 г., действовавшей без малого четыре года.

Действительность, однако, показала иное.

С первых же дней войны, кроме собственно мобилизации войск (и то за исключением местных парков), чуть ли не все стало подвергаться коренной ломке и изменению. Принципы довольствия армии патронами, норма этого довольствия, распределение парков по армиям, самая организация этих армий, положения о порядке довольствия, — словом, трудно назвать, что же уцелело нетронутым; даже штаты войсковых частей и те едва ли не все были изменены разнообразными и многочисленными распоряжениями. Некоторые из этих нововведений и мероприятий требовали по своей природе весьма длительного времени для своего осуществления, некоторые оказались вовсе неосуществимыми. Между тем, зачастую и Штаб верховного главнокомандующего и ГУГШ, отдав распоряжение или указание, по большей части считали, что этим будто бы сделано все и что исполнение не происходит своевременно не от физической невозможности исполнить требуемое, а от каких-то злостных причин.

Для того, чтобы наглядно представить все те изменения, которые произошли с местными парками в течение первого же месяца войны в отношении их типа, готовности и назначения, ген. Смысловский в своем показании Верховной следственной комиссии привел сравнительную ведомость, из которой видно (см. табл. 47), что 98 из 112 местных парков в большей или меньшей степени подвергались изменениям.

Сокращение сроков готовности местных парков, намеченное еще в совещании 6—7 ноября 1912 г., не было проведено в жизнь. Для того, чтобы оно осуществилось на самом деле, надо было прежде всего построить новые (или расширить имевшиеся) помещения для снаряжательных мастерских, снабдив их всем необходимым для работы, а также отоплением и освещением, а затем развезти по всем этим пунктам в соответственном количестве все элементы выстрелов. Кроме того, необходимо было провести ряд организационных мероприятий. Ничего этого до самой войны сделано не было. Сам бывший начальник ГУГШ ген. Янушкевич в официальном письме от 21 июля 1914 г. к начальнику ГАУ обращается с запоздалой «усердной и настоятельной просьбой о разработке и осуществлении теперь же всех мероприятий по ускорению готовности местных парков». Начальник Генерального штаба считал, повидимому, вполне естественным, что такой разработки не было исполнено заблаговременно.

Почему же было упущено более полутора лет (с половины ноября 1912 г. до половины июля 1914 г.), в течение которых, конечно,

ТАБЛИЦА 47.

Сравнительная ведомость типов, мобилизационной готовности и распределения по армиям местных артиллерийских парков по распоряжениям—до войны и после об'явления ее.

№ парков	Тип парка	Готовность парка по распоряжениям		Распределение по армиям парков по распоряжениям		Были ли изменения в мобилизац. предположении
		до войны	после ее об'явления	до войны	после ее об'явления	
1	А.	—	—	I	I	Не было
2	"	—	—	II	II	"
3	"	—	12	III	III и VIII	было
4	"	—	19	III	III и VIII	"
5	"	—	26	VII	VII	"
6	"	—	—	I	I	нет
7	"	—	—	II	II	"
8	"	—	—	II	II	"
9	"	—	—	V	V	"
10	"	—	26	III	III и VIII	было
11	"	—	—	VI	VI	нет
12*	"	—	—	Кавказ.	III и VIII	да
13	"	—	—	"	Кавказ.	нет
14	"	—	—	"	"	"
15	"	—	—	Туркест.	С.-Зап.	да
16	"	—	—	"	"	"
17	"	—	—	"	Туркест.	нет
18	"	—	—	Примрск.	Примрск.	"
19	"	—	—	"	"	"
20	Б.	12	12	I	I	"
21	Б.—А.	12	—	I	I	да
22	Б.	19	12	I	I	да
23	"	26	19	I	V	"
24	"	33	26	I	IV	"
25	"	12	12	II	II	нет
26	"	12	12	II	IV	да
27	"	19	19	II	V	"
28	"	26	26	II	IV	"
29	Б.—А.	19	—	III	III и VIII	"
30	Б.	26	26	III	III и VIII	"
31	"	33	10	III	III и VIII	"
32	Б.—А.	12	—	IV	II	"
33	Б.	40	—	IV	Мин. В. О.	"
34	"	61	12	IV	"	"
35	"	19	12	V	II	"
36	"	47	19	V	Мин. В. О.	"
37	Б.—А.	68	33	V	"	"
38	Б.	12	—	VI	С.-Зап.	"
39	"	19	19	VII	"	"
40	"	26	26	VII	Ю.-Зап.	"
41**	"	19	26	Забкл.	К. В. О.	"
42	"	12	12	"	"	"
43	"	26	26	"	"	"
44	"	12	12	Приамур.	"	"
45	"	30	12	VI	Дв. В. О.	"

* Впоследствии назначен на С.-Зап. фронт.
** Впоследствии назначен на Ю.-Зап. фронт.

№ парков	Тип парка	Готовность парка по распоряжениям		Распределение по армиям парков по распоряжениям		Были ли изменения в мобилизац. предположении
		до войны	после ее об'явления	до войны	после ее об'явления	
46	Б.	60	19	VI	VI	да
47	"	90	33	VI	Дв. В. О.	"
48	"	120	47	VI	VI	"
49	"	150	54	VI	VI	"
50	"	180	61	VI	VI	"
51	"	60	12	Кавказ.	С.-Зап.	"
52	"	90	33	"	"	"
53	"	120	40	"	"	"
54	"	150	47	"	Кавказ.	"
55	"	60	26	Приамур.	"	"
56	"	90	47	"	"	"
57	В.—А.	60	—	В. Мин.	Ю.-Зап.	"
58	"	90	—	"	"	"
59	"	120	—	"	"	"
60	"	150	—	"	В. М.	"
61	Б.	180	33	"	"	"
62	"	210	40	"	"	"
63	"	240	54	"	"	"
64	"	270	68	"	"	"
65	"	300	75	"	"	"
66	"	330	82	"	"	"
67	"	360	89	"	"	"
68	"	30	26	"	Ю.-Зап.	"
69	"	60	26	"	"	"
70	"	90	33	"	"	"
71	"	120	33	"	В. М.	"
72	"	150	40	"	"	"
73	"	180	40	"	"	"
74	"	210	47	"	"	"
75	"	240	47	"	"	"
76	"	270	54	"	"	"
77	"	300	54	"	"	"
78	"	330	61	"	"	"
79	"	360	61	"	"	"
80	"	390	68	"	"	"
81	"	420	68	"	"	"
82	"	450	75	"	"	"
83	"	60	26	"	С.-Зап.	"
84	"	90	33	"	"	"
85	"	120	40	"	"	"
86	"	150	54	"	В. М.	"
87	"	180	61	"	"	"
88	"	210	75	"	"	"
89	В.—А.	240	82	"	"	"
90	"	60	—	"	Ю.-Зап.	"
91	"	90	—	"	С.-Зап.	"
92	"	120	—	"	"	"
93	"	150	—	"	"	"
94	"	180	—	"	В. М.	"
95	"	210	—	"	"	"
96	"	240	—	"	"	"
97	"	270	—	"	"	"
98	"	300	—	"	"	"
99	"	330	—	"	"	"

№ парков	Тип парка	Готовность парка по распоряжениям		Распределение по армиям парков по распоряжениям		Были ли изменения в мобилизац. предположении
		до войны	после ее об'явления	до войны	после ее об'явления	
100	В.—А.	360	—	В. М.	В. М.	да
101	В.	390	40	„	„	„
102	„	420	47	„	„	„
103	„	450	54	„	„	„
104	„	480	61	„	„	„
105	„	60	19	„	С.-Зап.	„
106	„	90	26	„	В. М.	„
107	„	120	33	„	„	„
108	„	150	40	„	„	„
109	„	180	47	„	„	„
110	„	210	54	„	„	„
111	„	240	61	„	„	„
112	„	270	68	„	„	„

можно и должно было справиться с осуществлением мероприятий, намеченных совещанием 6—7 ноября 1912 г. А вот почему.

С одной стороны, ГУГШ ограничилось только составлением журналов совещаний, обсуждавших мероприятия, необходимые для увеличения готовности местных парков; дальнейшим же проведением в жизнь этих мероприятий ГУГШ озабочено не было, полагая, повидимому, что все как-то сделается само собой. Между тем, намеченные мероприятия, будучи по существу организационными и мобилизационными и находясь с 1910 г. в исключительном ведении ГУГШ, могли быть осуществлены только через непосредственное его сношение с главными начальниками военных округов. И только по выяснении этих сторон дела, — хозяйственная сторона уже должна была пройти через ГАУ, но опять-таки в виде определенных ему указаний со стороны ГУГШ.

С другой стороны, ГАУ, получив журнал означенного совещания, в котором участвовал и его представитель, и зная, значит, что надо делать, слишком понадеялось на то, что все, следуемое по журналу, будет исполнено надлежащим образом ГУГШ, и слишком формально посмотрело на свою собственную роль в этом важнейшем деле. Такой упрек ГАУ следует тем более сделать, что оно к этому времени уже имело немало случаев убедиться в том, что ГУГШ, несмотря на захваченный им громадный круг ведения, не стало еще действительным хозяином дела и безусловно нуждалось не только в подыскивании, но и просто в работе за него.

То обстоятельство, что и после совещания 6—7 ноября был еще ряд совещаний по тем же вопросам и что все время шли дальнейшие реорганизации армии, сопряженные с дислокационными изменениями, неизбежно отражавшимися на плане размещения и сроках подачи местных парков, — все это не должно было влиять на приостановку основных распоряжений, которые должны были быть сделаны сразу же. И одновременно должны были быть испрошены необходимые кредиты и приступлено к постройкам (расширениям) и заготовлениям.

Вот за исполнением всего этого ни ГУГШ, ни ГАУ не доглядели.

Не доглядели этого ни военный министр, ни его помощник, специально для того и назначенный, чтобы недреманным оком следить за всем, что касается боевой готовности армии.

Так или иначе, но к началу войны ничего существенного по усилению готовности местных парков сделано не было, и ускорение их подачи на фронты изменением их типа, срока и мест назначения стало делаться уже после об'явления войны, в порядке исключительной экстренности и без всякого предварительного уведомления ГАУ. Когда же оно протестовало против таких экспромтов и просило заранее сообщать ему предполагаемые изменения в плане снабжения армии парками, то ему было отвечено, что «для Главного Артиллерийского Управления нет никакой надобности знать подробности распределения местных парков по фронтам и армиям, а следует только удовлетворять очередными готовыми парками требования главных начальников снабжений двух фронтов и трех отдельных армий (Петроградской, Одесской и Кавказской), которые и будут указывать пункты назначения парков». Теоретически такой порядок, конечно, возможен и допустим, но лишь при условии, что у ГАУ всегда имеются готовые парки, подача которых могла производиться беспрепятственно в любой пункт, по требованию любого из поименованных начальников снабжений, по кратчайшему направлению, или если бы хотя все элементы парков были уже завезены на свои места, а помещения для снаряжательных работ готовы. На деле же выходило совсем не так: готовых и свободных от назначения парков в ГАУ не было в течение всего первого года войны; элементы выстрелов и имущество парков были разбросаны в разных местах; ввиду же огромности протяжения фронтов и наших расстояний вообще и условий нашего транспорта, хромавшего с самого начала войны, а также той неподготовленности к работе артиллерийских складов, о которой было сказано выше (особенно отсутствие помещенинй для снаряжательных работ), — вот ввиду всех этих обстоятельств и оказывалось, что иногда данный (готовящийся) парк выгодно было послать лишь по некоторому определенному направлению, а по другому скорее поспеет следующий парк (более позднего формирования), в силу данных местных условий. Поэтому все эти условия надо учитывать заблаговременно и знать, куда, сколько и каких парков надо направить; тогда и можно, сообразно со всей совокупностью влияющих на успех дела причин, составить хотя бы и наспех, но все же сколько-нибудь обдуманный план подачи парков по соглаше-

нию с управлением военных сообщений ГУГШ. Ведь в такой подготовительной работе весь смысл «мобилизационных расписаний», составлявшихся в мирное время, и если по тем или иным причинам в начале войны такие расписания оказались нарушенными, то, казалось бы, надо было дать хоть наскоро составленное новое, а не затруднять и без того выбитое из колеи ГАУ какими-то «секретами» от него, которые все равно пришлось раскрыть перед ним, но уже с таким опозданием, что поправить дело было очень трудно.

Резюмируя все сказанное, дадим краткую сводку причин, препятствовавших с об'явлением мобилизации немедленной подаче местных парков на фронты.

1. Недостаточность и неподготовленность помещений, а также недостаточная обеспеченность рабочим составом артиллерийских складов, как результат непроведения в жизнь мобилизационных и хозяйственных мероприятий, вытекавших из новой организации армии 1910 г. и последующих к ней изменений и дополнений, особенно указанных в журнале совещаний начальников окружных штабов 6—7 ноября 1912 г.

2. Полная неосведомленность окружных артиллерийских управлений о состоянии наличия в подведомственных им складах количеств отдельных составных частей 3" патрона. Точных сведений по этой части не имелось не только в таких складах, как, например, Петроградский, имевший значение общеимперского склада, в котором, кроме имущества своих местных парков, хранилось еще имущество и для других округов, как поступившее с самого мощного по части изготовления боевых припасов Петроградского промышленного района, или Казанский, принимавший наряды от уральских заводов и порох от Казанского завода. Не имелось сведений даже в самых скромных и наименее обремененных имуществом складах, как, например, Курский или Киевский.

Полная невозможность добиться сколько-нибудь точных сведений об имуществе складов Азиатской России заставила принять героическую меру: огулом вытребовать все их имущество у местных парков в склады Европейской России и без того перегруженные.

3. Разбросанность по всей территории России отдельных элементов выстрела и неудовлетворительная работа транспорта по свозу их в соответствующие склады. Все усилия транспорта были направлены почти исключительно на перевозки войск, причем сильно игнорировались наряды для артиллерийских складов, перевозкам которых предоставлялось преимущество только по порожним направлениям. Были, например, случаи, когда крайне нужные для снаряжения парков дистанционные трубки шли из Петрограда в Москву 12 дней. Неоднократные обращения ГАУ за содействием в ГУГШ помогали в отдельных случаях, но общее положение мало изменили.

4. Затруднения с личным составом. По мобилизационным планам мирного времени предполагалось, что личный состав артиллерийских

складов, пополняемый с об'явлением мобилизации из запаса, составляет в то же время и личный состав формируемых при складе местных парков. Отсюда естественно, что по мере формирования и отправки их на фронты личный состав складов должен постепенно ослабевать и может даже совсем иссякнуть. Как же быть дальше? Никаких указаний в мирное время об обязательстве возвращения обратно в склады личного состава исчерпанных на фронтах парков не было, а потому фронты и не возвращали такового. (В этом нельзя не видеть хотя и косвенного, но очень веского подтверждения того, что вести войну предполагалось только на запасы мирного времени). Вследствие этого интенсивность работ в складах неизбежно понижалась с уходом наиболее понаторевших в снаряжении парков нижних чинов, и ГАУ стоило немало времени и хлопот, чтобы добиться возвращения в склады упомянутого личного состава с фронтов вместе с опорожненными парками.

5. Соображения мирного времени о порядке мобилизации и снаряжения парков были в корне нарушены с первых же дней войны новыми распоряжениями и появлением нового, никому неведомого «положения о полевом управлении войск». Типы, сроки готовности и распределение парков были изменены почти у всех их. Вместо единого определенного расписания, по которому были соображены и координированы все предварительные расчеты и распоряжения, — с первых же дней войны начали сыпаться на ГАУ, а от него — на окружные артиллерийские управления и склады, разрозненные, часто несовместимые требования пяти новых независимых хозяев парков — начальников снабжений двух фронтов и трех отдельных армий. При общем недостатке готовых парков это порождало лишние осложнения и досадную путаницу в деле, которое и без того, что называется, шло через пень-колоду. Очень характерен в этом смысле обстоятельный рапорт начальника Томыловского артиллерийского склада ген. Антонова (от 12 мая 1915 г. № 511, секр.), который в ответ на телеграфный запрос ГАУ донес, в каких условиях складу пришлось снаряжать и отправлять парки на фронты, когда все обдуманное и предусмотренное в мирное время и на основании этого составленный определенный план действий, — все это пришлось отбросить как ненужный хлам и в дальнейшей работе прибегать только к одним импровизациям.

Таким образом, пошла на смарку вся мобилизационная работа мирного времени, весь смысл которой ведь и состоял именно в том, чтобы в горячий мобилизационный период все можно было разыгрывать «как по нотам», т.-е., чтобы все главное было заранее предусмотрено и разработано и на долю импровизации остались какие-нибудь незначительные мелочи. И вдруг, вместо всего этого — телеграммы из ГАУ такого содержания:

«Начать снаряжение всех местных парков по возможности войсковыми рабочими, при несогласии штаба округа — наемными. Работы

вести безостановочно круглые сутки и все праздники, нанимая какое нужно количество рабочих и служащих. Средства испросить по телеграфу».

Коротко и... неясно.

Конечно, отпуск денег по телеграфу — дело большое, но ведь, чтобы хоть подсчитать необходимую сумму, надо предварительно составить какое-то строительное предположение, в виде хотя бы элементарного проекта и сметы необходимых новых построек и расширения существующих, дополнительного оборудования и материалов для работ, отопления и освещения. Ведь работы в складах все опасные, и их с железными печами и керосиновыми лампами производить нельзя, время же наступало осеннее, темное и холодное. Наконец, при таком развертывании работ — откуда достать нужное количество руководителей, знакомых с пиротехническим и лабораторным делом, ведь и их просто за деньги не найдешь. Привлекая же массы вольнонаемных рабочих, совершенно несведущих в этом деле, число руководителей неизбежно должно было возрасти в очень сильной степени. Как быть со всем этим, — на это никаких указаний не было. А ведь вся предшествовавшая служба менее всего поощряла к какому-либо проявлению личной инициативы...

Тем не менее, к работам на всех складах приступили и, несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, подача на фронт всех 112 легких парков была окончена к 20 ноября, т.-е. через *120* дней после начала мобилизации — вместо *480* дней, как это предусматривалось мобилизационным расписанием 1910 г. (№ 19) и 90 дней, до которых имелось в виду сократить время подачи парков последним изменением 1914 г. к означенному расписанию.

Такой результат следует признать вполне удовлетворительным, имея в виду царивший в складах хаос и полную их неподготовленность для такой форсированной работы. И с уверенностью можно сказать, что если бы хоть в 1913 г. окружное начальство и склады были определенно осведомлены о предстоящей им в период мобилизации работе и им тогда же было предоставлено право немедленно приступить ко всем необходимым подготовительным работам и необходимые для этого «средства испросить по телеграфу», кроме того, помочь складам в подвозе к ним всех элементов патрона, — то срок готовности парков (120 дней) смело мог быть сокращен еще вдвое, если не втрое. А какое значение имело бы такое сокращение — будет видно из следующей главы.

К сожалению, нет возможности дать вполне точные сведения о том, как шла подача местных парков на фронты, так как в то время «парковым делом» распоряжалось много хозяев, не считавших себя обязанными извещать об этом ГАУ. Но те сведения, которые удалось собрать почти через год после начала войны (в июне 1915 г.), позволяют дать такую картину последовательности прибытия 116 местных парков на театр войны помесячно:

С 20 по 30 июля 1914 г.	было	подано	19	парков	(типа А)
В августе 1914	„	„	24	„	„ „
В сентябре 1914	„	„	24	„	„ „
В октябре 1914	„	„	24	„	„ „
По 20 ноября . . . 1914	„	„	21	парк	„ „
С 20 нояб. по 1 дек. 1914	„	„	$4^1/_2$	парка	„ „
Всего			$116^1/_2$	парков	„ „

Потребности в выстрелах к 3-дм. пушкам во время войны.

Русская армия начала кампанию с запасом по 1 000 выстрелов на каждую 3″ пушку, из них 428 * было в «возимых» запасах, т.-е. при самых войсках, и по 572 — в местных парках, которые были поданы на фронты втечение первых 4 месяцев войны. Что всех этих запасов хватит по крайней мере до наступления неизбежного на театре военных действий зимнего затишья, т.-е. месяца на 4 или на 5, — в этом ни у кого не было ни малейшего сомнения. За это время предполагалось, что наши заводы должны раскачаться и наладить как следует свою производительность; а там — зимние месяцы, во время которых будут копиться запасы, и к весеннему оживлению военных действий парки опять будут пополнены. И так далее. Вот какая картина рисовалась в тылу в начале войны.

На деле же вышло совсем не так. Едва начались боевые действия, как с обоих фронтов и из Ставки верховного главнокомандующего буквально градом посыпались на ГАУ требования, одно другого настойчивее и тревожнее, на пушечные патроны... Чтобы дать представление о создавшемся положении и чтобы потом уже не возвращаться к этому вопросу, приводим копии наиболее характерных из этих телеграмм.

1.

Ген.-лейт. Данилова (Гл. нач. снабж. С.-З. фронта).

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

Подана 10 августа
Получена 10 августа } 1914 года.

Крайне упорные бои первой армии потребовали огромного расхода трехдюймовых патронов. Генерал Ренненкампф требует подачи ста восьми тысяч шрапнелей и семнадцати тысяч ста гранат, равно пятидесяти шести миллионов винтовочных патронов. Могу дать ему и даю последний запас: две тысячи гранат, девять тысяч шрапнелей и семь миллионов винтовочных патронов. Главнокомандующий приказал просить вашего содействия скорейшей высылке пушечных, винтовочных патронов на пополнение израсходованных. 409. *Данилов.*

* Из этих 428 выстрелов—при самых батареях, в их передках и зарядных ящиках, возилось по 212 выстрелов на пушку; остальные же 216 выстрелов на пушку возились в своих артиллерийских (летучих) парках.

2.

Срочно и по прямому проводу.

Петроград.

НАЧАЛЬНИКУ ГАУ.

Из Ставки верховного главнокомандующего.

Главный начальник снабжения Юго-Западного фронта * телеграммой просил скорейшей высылки пушечных и ружейных патронов. Ввиду громадного расхода указанных патронов, необходимости спешно пополнить почти истраченные запасы, начальник штаба приказал просить вас безотлагательно принять меры к скорейшему удовлетворению просьбы генерала Забелина. Необходимо выслать спешно те парки, которые могут быть изготовлены в кратчайший срок, ускорив их перевозку по соглашению с начальником военных сообщений. Те же меры принять и в отношении парков, уже направленных в распоряжение Юго-Западного фронта из Одессы, Челябинска и Кавказа. 556. *Кондзеровский* ** (27 августа 1914 г.).

3.

От ген. Забелина.

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

(28 августа 1914 г.)

Бой напряженный идет по всему фронту — расход патронов чрезвычайный, резерв патронов совершенно истощается. Безотлагательное пополнение необходимо, положение критическое. Прошу экстренной высылки пушечных отправкой хотя бы и не целыми парками, а отдельными вагонами, направляя их в Брест-Здолбуново. Необходимо отправление их ускоренными поездами. 272. *Забелин.*

4.

Петроград.

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

Ставки верховного главнокомандующего.

(28 августа 1914 г.)

Расход патронов, особенно пушечных, чрезвычайно громадный; необходима экстренная подача Юго-Западному фронту местных легких винтовочных мортирных горных парков, не стесняясь их номерами. Во избежание роковых последствий прошу решительного содействия. На места в армию мною командированы генералы Ронжин и Кондзеровский. 577. *Янушкевич.*

---

* Ген. Забелин.

** Ген. Кондзеровский—дежурный генерал при Ставке.

5.

*От ген.-ад'ют. Иванова *.*

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

(29 августа 1914 г.)

Отпуская последние легкие полевые патроны местных парков, убедительно прошу выслать экстренно хотя сто пятьдесят тысяч легких пушечных и двадцать пять тысяч полевых гаубичных патронов, в противном случае придется остановить операции по недостатку боевых припасов артиллерии. На-днях представляю сообщение ближайшей месячной потребности. 1041. *Иванов.*

6.

Из Ставки верховного главнокомандующего от 29 августа 1914 г.

НАЧАЛЬНИКУ ГАУ.

Срочно.

По прямому проводу.

Дополнение моей вчерашней телеграммы № 577, считаю необходимым сообщить нижеследующее. Трехнедельные бои на Юго-Западном фронте совершенно определенно указали, что центр тяжести их лежит в широком применении артиллерийского огня, без чего невозможно достигнуть каких-либо ощутительных результатов. При применении противником самоокапывания, подготовке ряда параллельных окопов и разброске громадного числа пулеметов по всему фронту — продвигание вперед пехоты возможно лишь при энергичном и притом непрерывном содействии артиллерии, расчищающей доступы к противнику. Вследствие изложенного расход патронов достигает громадных размеров.

В целях всестороннего выяснения этого важного вопроса был командирован на места дежурный генерал. Выяснилось, что в общем на Юго-Западный фронт было разновременно назначено и уже прибыло в его распоряжение тридцать один легкий парк. Из этого числа ко вчерашнему дню осталось в распоряжении фронта лишь полтора парка и приблизительно по одному парку в армиях.

Если подсчитать общий расход патронов за три недели, то в среднем на каждое орудие получается около тысячи патронов.

Необходимы самые решительные меры к подаче в ближайший срок на Юго-Западный фронт пушечных патронов, о чем уже сообщено ГАУ. На ряду с сим необходимо принять меры в заботах о будущем.

По ныне имеющимся в Штабе верховного главнокомандующего сведениям, после высылки в армии парков за номерами 72, 73 и 74, в распоряжении ГАУ останется всего двадцать девять легких парков.

* Ген. Иванов — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

Как видно из вышеизложенного, это число обеспечит потребность лишь на короткий промежуток. Между тем, впереди операции против немцев, которые потребуют еще большего расхода артиллерийских патронов, имея в виду большее число пулеметов и орудий. Таким образом, вопрос о питании армии патронами, причем главным образом надо иметь в виду шрапнели, представляется крайне серьезным и может отразиться пагубно на военных операциях. Во избежание патронного голода со всеми его последствиями верховный главнокомандующий требует полного напряжения деятельности в разрешении этой задачи государственной важности. 650. *Янушкевич.*

7.

Из Ставки верховного главнокомандующего, от 29 августа 1914 г. Петроград.

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

Срочно.

По прямому проводу.

Положение снабжения пушечными патронами положительно критическое. Вся тяжесть современных боев — на артиллерии. Она одна сметает смертоносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию. Пехота не нахвалится артиллерией, однако, последняя достигает этого чрезмерным расходом патронов. Непрерывные шестнадцатидневные и более бои нарушают все теоретические расчеты. Питание Юго-Западного фронта уже идет за счет Северного и Одесского округов. Безотлагательная помощь необходима. Без патронов нет успеха. Для выяснения положения этого вопроса и громадных требований войск, из опасения, нет ли невыясненных фронтом залежей, были командированы лично на фронт генералы Кондзеровский и Ронжин. Оба, имея все цифровые материалы, личными переговорами начальством тыла убедились в справедливости тревожных симптомов, грозящих катастрофой, быть может, в последнюю минуту поражения противника. Наискорейшая помощь в этом деле безусловно и неотложно необходима. Убежден лично, что в этом залог окончательного успеха над австрийцами. 652. *Янушкевич.*

8.

Из Ставки верховного главнокомандующего, от 30 августа 1914 г. Петроград.

НАЧАЛЬНИКУ ГАУ.

Секретно.

По прямому проводу.

Дополнение номера 650. На номер 42924.

Во избежание недоразумений подтверждаю, что для армий требуются прежде всего пушечные патроны, а не ружейные, и все заботы должны быть направлены к безотлагательной подаче пушечных патронов.

Сверх легких парков за номерами 61, 71 и 105, высылаемых согласно вашей телеграммы номер 42925, и трех парков за номерами 72, 73 и 74, подлежащих высылке согласно телеграммы генерала Кондзеровского за номером 100, требуется подать Юго-Западному фронту еще несколько легких местных парков.

Генерал-ад'ютант Иванов сообщает, что отпускает последние легкие и гаубичные патроны. Если не будет доставлено до пятого сентября Брест и Ровно поровну сто пятьдесят тысяч легких и двадцать пять тысяч полевых гаубичных патронов, то грозит приостановка операций.

Верховный главнокомандующий приказал просить вас немедленно довести до сведения его высочества * о принятых вами мерах. 653. *Янушкевич.*

9.

От ген.-ад'ют. Иванова.

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

(2 сентября 1914 г.)

За время боев армий фронта с десятого по двадцать шестое включительно на пополнение комплекта батарей и полевых парков израсходованы полностью комплекты легких пушечных патронов двадцати пяти местных парков, — всего около семисот двадцати тысяч патронов, примерно среднем триста пятьдесят на пушку, что должно признать весьма умеренным для указанного периода, поэтому на пять—шесть недель войны следующего периода потребуется до миллиона четырехсот тысяч легких пушечных патронов. Прибыло и назначено одиннадцать местных парков, из коих за пополнением расхода пяти последних дней августа останется не более восьми или всего двести десять тысяч или менее. Поэтому для пополнения вероятного расхода батареях и полевых парках необходимо, примерно, до одного миллиона двухсот тысяч легких патронов. Соответственно указанному расчету расхода потребуется на тот же срок горных двадцать пять тысяч патронов. полевых гаубичных семьдесят пять тысяч патронов, для полевых тяжелых орудий, ввиду предстоящих действий у укрепленных пунктов, на три бригады по триста на орудие. Фугасные снаряды должны составлять для легких и горных пушек пятнадцать процентов, для прочих половину. Убедительно прошу о своевременной высылке означенного количества патронов, по возможности, равными пропорциями течение шести недель, еженедельно равными частями до 10 сентября. № 1165. *Генерал-ад'ютант Иванов.*

Эта телеграмма генерала-ад'ютанта Иванова была повторена Ставкой со следующим добавлением.

---

* Генерал-инспектор артиллерии, быв. в. кн. Сергей Михайлович Романов.

10.

Верховный главнокомандующий приказал сообщить о необходимости принять энергичные меры для своевременной высылки означенного количества патронов на Юго-Западный фронт по возможности равными порциями в течение шести недель. Из присланной ГАУ справки от 29 августа о питании действующей армии боевыми припасами относительно пушечных патронов указано: по израсходовании запасов местных парков Европейской России и азиатских округов в Петроград, Двинск и Киев для окончательного снаряжения будут поступать патроны с заводов. Прошу срочно сообщить в точных цифрах, подобно тому, как это сделано в отношении ружейных патронов, какое количество и каких пушечных патронов может еженедельно выпускаться с заводов. Необходимо дать наряды всем заводам не только сухопутного, но и морского ведомства, выделывающим пушечные патроны, на полную их производительность, так как с благоприятным разрешением этого вопроса тесно связан успех дальнейших операций. Верховный главнокомандующий приказал сообщить, что необходимо напрячь все силы и принять самые экстренные меры, не останавливаясь ни перед чем, дабы довести ежемесячное изготовление пушечных патронов до полутора миллионов, так как только при гарантии такого обеспечения армии дальнейшие операции, имея в виду борьбу на два фронта, могут вестись с той же интенсивностью, как это имело место до сих пор на Юго-Западном фронте. 783. *Янушкевич.*

11.

От ген.-ад'ют. Иванова.

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

(7 сентября 1914 г.)

Убедительно прошу ответа по номерам 1165 и 1220. Кроме комплекта батарей и полевых парков моем распоряжении остается около двадцати пяти патронов на орудие. Таким запасом патронов нельзя начинать новой операции, которая может продлиться неделю-полторы и более. № 1324. *Иванов.*

12.

На имя царя от верховного главнокомандующего, отправленная из Ставки 8 сентября 1914 г.

Уже около двух недель ощущается недостаток артиллерийских патронов, что мною было заявлено с просьбой ускорить доставку. Сейчас генерал-ад'ютант Иванов доносит, что он должен приостановить операции на Перемышль и на всем фронте, пока патроны не будут доведены в местных парках хотя бы до ста на орудие. Теперь имеется только по двадцать пять. Это вынуждает меня просить ваше величество повелеть ускорить доставку патронов. 4141. Генерал-ад'ютант *Николай.*

13.

Из действующей армии, от 10 октября 1914 г.

НАЧАЛЬНИКУ ГАУ.

Наступившие упорные бои требуют громадного расхода пушечных патронов. Ежедневный расход составляет от двух до трех местных легких парков. В моем распоряжении осталось 9 легких парков, которых хватит на 3—4 дня.

Ввиду этого настоятельно и усердно прошу безотлагательно усилить подвоз Юго-Западному фронту местных легких парков. Благоволите срочно распоряжением, дабы предупредить наступление критического положения, в которое могут стать армии Юго-Западного фронта вследствие истощения запаса пушечных патронов. Не откажите спешным уведомлением. 639. *Забелин.*

14.

Из Ставки верховного главнокомандующего (21 октября 1914 г.).

НАЧАЛЬНИКУ ГАУ.

Ввиду непрерывных упорных атак на обоих фронтах связи с сильнейшим огнем артиллерии поступают усиленные ходатайства на парки. Обстановка складывается таким образом, что есть основание ожидать развития в ближайшем будущем генерального сражения. Начальник штаба приказал просить возможно ускоренном снаряжении и высылке особенно легких парков, на которые поступают усиленные требования, желательна возможно быстрая подача хотя бы парков, назначенных в январе. 5486. *Кондзеровский.*

15.

Из Ставки верховного главнокомандующего (26 апреля 1915 г.).

ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

Так как Главное артиллерийское управление мне не подчинено, равно не могу иметь влияния и на частные заводы, обращаюсь к вам настоятельной просьбой употребить все сверх-меры и достигнуть увеличения отпуска артиллерийских патронов, так как все текущие бои протекают в ненормальных условиях из-за недостатка патронов. Подобное положение недопустимо. На деле вижу, что, несмотря на все мои настояния еще в августе месяце, дело не исправилось в той мере, как это ожидалось и была полная возможность достигнуть. 161. Генерал-адъютант *Николай.*

По поводу установления во время войны новых норм действительной потребности в 3-дм. (75-*мм*) пушечных патронах, приводится следующая выдержка из показания Верховной следственной комиссии бывш. помощника начальника ГАУ ген. Смысловского:

«На основании данных 4 (17) сентября 1914 г. (телеграммы ген.-ад. Иванова и Ставки) в первый раз потребность в 3" пушечных патронах была определена в 1 500 000 в месяц.

«Норма эта долгое время оставалась без изменения, но, конечно, не могла быть достигнута в короткое время. Это обстоятельство, породившее в скором времени все явления патронного голода: сведения о колоссальной трате патронов во французской армии, подавляющее впечатление массированного огня наших противников и, наконец, влияние общественного мнения, быть может, далеко не компетентного в военных вопросах, но естественно проникнутого живой тревогой за участь кампании, — все это в высшей степени способствовало неудержимому стремлению к ее дальнейшему, чуть ли не безграничному увеличению. К весне она была уже увеличена до 1 750 000 патронов в месяц, какое количество было указано (кажется, путем словесных переговоров) генералом Беляевым *, а после образования Особого совещания достигла едва ли не 3 000 000 патронов в месяц. Только в последнее время, когда патронный голод исчез, а бои стихли, был вновь спокойно пересмотрен этот жгучий вопрос и с полной убедительностью выяснено, что такого количества патронов, если бы даже оно поступило, русская артиллерия расстрелять была бы не в состоянии, так как орудийные заводы не в состоянии подавать ежемесячно такое количество пушек, какое потребовалось бы для замены расстреливаемых при такой большой трате патронов. Норма была вновь определена в зависимости от поступления новых орудий и определена в количестве 2 400 000 патронов в месяц.

«Позволю себе осветить приведенные данные следующими соображениями.

«Как видно из изложенного, окончательная норма питания патронами определена на основании чисто теоретической возможности истратить их при наибольшей работе существующих орудий и наибольшем пополнении изнашиваемых новыми, поступившими с заводов; но ныне уже сама жизнь показывает, что фактической траты такого количества в силу тех или других причин на самом деле нет: патронов ныне (декабрь 1915 г.) в армии, как выражаются, «сколько угодно», а между тем трата их ничтожная. Военные операции представляют собою слишком сложное явление, зависящее от многих и притом весьма крупных условий, и, как ни велико значение артиллерии и снабжения ее достаточным количеством припасов, могут сложиться так, что сегодня патроны требуются в большом количестве, а завтра трата их не имеет места. Принимая в качестве «средней» наибольшую теоретически вычисленную норму траты патронов, можно притти к ошибочным заключениям, уклоняющимся в другую сторону, приводящим к пресыщению патронами, признаки которого уже начинают ощущаться и ныне. Конечно, запас беды не чинит, но он

* Бывш. начальник генерального штаба и затем военный министр во время войны в 1915—1917 гг.

стоит колоссальных средств, которые могут оказаться затраченными даром, ибо неиспользованные патроны с течением времени испортятся.

«Казалось бы, что при такого рода соображениях надлежит руководствоваться не теоретическими, а практическими данными, которые, на мой взгляд, имелись налицо. Действительно, как уже мною было указано, до половины ноября 1914 г. собственно войска нужды в патронах не испытывали. В течение этого времени были периоды и напряженных боев, и относительного затишья, почему с достаточным приближением можно говорить и о средней трате патронов в месяц, основывая свои рассуждения уже не на теоретических расчетах, а на практическом их расходе, производившемся в той мере, в какой это действительно было необходимо.

«К сожалению, я не располагаю точными данными, сколько именно было израсходовано патронов за этот период с самого начала войны; однако, выше я позволил уже себе указать на приближенный способ определения этого числа, которое составляет 166 патронов на орудие в месяц.

«Считая в общем на вооружение около 5 000 действующих орудий, на всю артиллерию в месяц потребуется около 166×5 000=830 000 патронов.

«Щедро увеличив это число, дабы иметь возможность парализовать всякие случайности, казалось бы, вполне достаточно было бы остановиться на 1 500 000 патронах в месяц, т. е. на той норме, которая была уже определена однажды, после опыта первых крупных боев, генерал-ад'ютантом Ивановым. Само собой разумеется, что в ближайшие месяцы, при ликвидации образовавшегося патронного голода, патронов надо было бы подавать несколько больше, но не следует упускать из виду, что значительная часть их не тратилась бы на стрельбу, а шла бы на пополнение истощенных запасов.

«К сообщениям о трате патронов во французской артиллерии, мне кажется, надо относиться с некоторой критикой: во французской армии нет вовсе легких полевых гаубиц, действие которых возможно возместить только усиленной тратой пушечных легких снарядов; французская армия давно уже ведет продолжительную позиционную войну против сильных укреплений противника, которая несомненно также требует значительно большего расхода снарядов по сравнению с теми полевыми боями, какие приходилось до последнего времени вести нашей армии *.

* В своем труде: „Quatre années de commandement 1914—1918". Général Dubail. Paris. 1920. Том 1-й.

Ком. кор. 9 в 1914 г. приводит секретное письмо ген. Жоффра командармам от 27 сент. 1914 г., в котором главком говорит следующее:

„Вопрос питания артиллерии, на который я несколько раз обращал внимание, принимает в настоящее время характер исключительной важности и требует энергичных мер. Вследствие этого я решил ограничить комплект боевых припасов 75-*мм* ор. по 300 выстр. на орудие, считая в то число и арт. парки корпуса . . . (до этого было по 501 выстр). . . .

«Сила пресловутого германского артиллерийского огня для меня лично представляется до сих пор не вполне раз'ясненной. Несомненно, что немцы богаче нас снарядами, однако, не следует забывать, что сила и напряженность огня достигается в данном месте не только абсолютной тратой снарядов, но и умелым руководством огнем артиллерии».

Из этих свидетельств фактического руководителя артиллерийским снабжением в первый год войны ясно, что он признавал (правда, не на основании каких-либо документальных данных), что сообщаемые из Ставки и с фронтов данные расхода выстрелов несомненно преувеличены, но чтобы это было в такой степени, он этого себе и не представлял; до такой степени он, как и все мы, был загипнотизирован дружным хором вопиющих о патронном голоде голосов с фронта. И если бы не справка полевого генерал-инспектора артиллерии на Союзнической конференции *, то многое в этой области и до сей поры осталось бы для нас совершенно темным.

Благодаря же ей, с уверенностью можно сказать, что не недостаток боевого снабжения был главной причиной наших бед в 1914 г., а что-то другое, вследствие чего имевшееся в действительности снабжение не попадало туда, куда следовало, а пребывало где-то втуне.

Определяемая к началу войны по мобилизационному расписанию 1910 г. ежемесячная потребность в 500 000 патронов к 3-дм. пушкам непрерывно возрастала в период войны. В первый месяц войны к сентябрю 1914 г. заявлена была ежемесячная потребность уже в 1 500 000 выстрелов к 3-дм. пушкам; затем весною 1915 г. она поднялась до 1 750 000, а летом того же года Особое совещание по обороне определило ее в 3 млн. 3-дм. патронов, т.-е. в 6 раз больше довоенных предположений.

В записке от 14 (27) июня 1916 г. по поводу об'единения власти в глубоком тылу в руках полномочного верховного министра государственной обороны и по поводу других мероприятий, вызываемых чрезвычайными обстоятельствами военного времени, поданной царю начальником штаба Ставки ген. Алексеевым **, имеются другие данные о месячной потребности в 3-дм. выстрелах, показанные в таблице 48,

Армии не получат новых отпусков ранее 20 октября . . .

Поэтому армии должны довольствоваться отбитием атак противника на фронте, который они занимают в настоящее время, усиливая оборонительные сооружения с тем, чтобы сделать фронт непроницаемым. Они перейдут к наступательным действиям лишь по моему приказу"...

Таким образом, позиционная война явилась как следствие недостатка снарядов, и при ведении ее (вынужденной обороне), несомненно, расход снарядов был меньше, а не больше, как предполагает автор показаний Верх. след. комиссии.

Ген. Дюбайль говорит, что „после сражения на Марне запасы выстрелов оказались меньше 500 на орудие, т.-е. было израсходовано более 600 выстрелов в 1-й мес. войны".

Таким образом, расход 350 выстр. на орудие в 1-й месяц не только не невозможный, но даже не рекордный. *Прим. ред. 1-го издания.*

* Данные из упоминаемой справки полев. ген.-инспектора артиллерии о расходе и запасах выстрелов на фронте приведены во II томе этой книги.

** „Записка" эта см. приложения ко II тому этой книги.

ТАБЛИЦА 48.

Наименование выстрелов	Ежемесячная потребность	
	исчисленная по данным 1 XI. 1915 года	исчисленная по опыту весенних боев на Ю.-З. фронте в 1916 г.
3-дм. легких: Шрапнелей	1 600 000	2 000 000
3-дм. легких: Гранат	800 000	2 000 000
3-дм. горных: Шрапнелей	135 000	150 000
3-дм. горных: Гранат	65 000	150 000
3-дм. японских Арисака	—	140 000
Всего выстрелов	2 600 000	4 440 000

Таким образом, как видно из таблицы 48, ежемесячная потребность в патронах к 3-дм. легким (и конным) пушкам определялась к ноябрю 1915 г. в 2 600 000 шт., или около 400 на пушку, а в июне 1916 г. в 4 000 000 шт., или около 650 на пушку.

Месячная потребность в выстрелах в июне 1916 г., указанная в таблице 48 (4 300 000 патронов 76-*мм* наших и 140 000 японских полевых Арисака), исчислена была Упартом по опыту интенсивных боев на нашем Юго-Западном фронте в первые 5 месяцев 1916 г. Цифра 4 300 000, может быть, была немного преувеличенной, так как фронты, особенно Юго-Западный, всегда показывали расход огнеприпасов больше действительного. Упарту, несмотря на все принятые меры, не удавалось получать от войск безусловно верных сведений о произведенном ими расходе огнеприпасов. Цифра 4½ млн. приведена была в записке ген. Алексеева царю, как показатель той огромной потребности в выстрелах, которая вызывалась предположенным полным развитием операций на всех наших фронтах.

Наконец, к приезду в Россию Междусоюзнической конференции в январе 1917 г. Ставкой верховного главнокомандующего (Упартом) ежемесячная потребность в выстрелах к 3-дм. легким и конным пушкам определялась на все три периода (по 1 июля 1917 г., на весь 1917 г. и по 1 июля 1918 г.) в 3 млн. (вместе с химическими), или около 500 патронов на пушку.

Потребность в выстрелах к горным пушкам была определена в январе 1917 г.—300 тыс., феврале—360 тыс., марте—420 тыс., апреле—480 тыс., мае—540 тыс. и далее по 600 тыс. в месяц, кроме того, ежемесячно по 20 тыс. химических; в среднем по 500 тыс. ежемесячно.

Потребность в 76-*мм* выстрелах (легких, конных и горных)—3½ млн. в месяц, а с выстрелами к 75-*мм* пушкам Арисака (японским) около 3 600 000 в месяц, пред'явленная Междусоюзнической конференции,

исчислена была Упартом (по соглашению с ГАУ) по опыту боев всего 1916 г. на всех наших фронтах, включая не только время интенсивных боев, но и периоды затишья в боевых операциях. Поэтому цифра 3½ млн., естественно, вышла меньшей показанной царю в июне того же года (см. табл. 48). При этом она включала в себе не только покрытие ежемесячного расхода (для чего считалось в среднем достаточным 2½—3 млн. 3-дм. патронов), но и образование некоторого запаса выстрелов (от 20 до 40% ежемесячной потребности).

Наконец, потребность для Междусоюзнической конференции заявлена была значительно меньше, показанной в июне 1916 г. царю, еще и по следующим причинам.

1) До июня 1916 г. у нас на фронте было значительно меньше тяжелых орудий, особенно меньше тяжелых и 122-*мм* гаубичных снарядов, чем во вторую половину того же года (см. «записку» царю). Увеличение на фронте числа гаубичных выстрелов и тяжелых орудий, обеспеченных выстрелами, уменьшило степень участия в боях легкой пушечной артиллерии, следовательно, сократило расход 76-*мм* патронов.

2) К 1917 г. в запасе всех фронтов и в резерве Ставки оставалось около 16 млн. 76-*мм* патронов. Наличие такого запаса, конечно, позволяло значительно уменьшить требование на эти патроны *.

Потребность в 76-*мм* выстрелах, пред'явленная Междусоюзнической конференции, определялась Упартом с согласия ГАУ; тем не менее, руководители боевого снабжения в глубоком тылу русской армии, в том числе и начальник ГАУ (автор этого труда в 1-м издании), считали пред'явленную потребность несообразно большой. Как упоминалось выше, потребности, пред'являемые конференции союзников, действительно несколько преувеличивались, чтобы получить от них необходимое, но в отношении выстрелов к 76-*мм* пушкам преувеличения почти не было, так как потребность удовлетворялась производительностью русских заводов и заказами, данными во Франции, Америке и Японии еще до 1917 г. (см. ниже), и нам от союзников не требовалась помощь в снабжении 3-дм. патронами.

При подготовке к войне, по мобилизационным соображениям мирного времени, признавали 3-дм. пушки «обеспеченными снарядами, по крайней мере, на год войны», при установленной норме в 1 000 патронов на пушку **, т.е. ежемесячная потребность на орудие определялась приблизительно в 80 выстрелов.

---

* С января 1917 г., ввиду накопления на фронте значительного запаса 76-*мм* патронов и в целях усиления производства снарядов более крупных калибров, Ставка главковерха разрешила ГАУ сократить подачу в армию 76-*мм* патронов до 2 400 000 штук или до 400 патронов на пушку (см. ниже во II томе этой книги о запасах выстрелов на фронтах). Но ввиду необходимости постоянного наличия запаса выстрелов сверх нормы, необходимой для расхода в бою, осторожнее считать для более надежного обеспечения потребности нормой боевого снабжения по 500 патронов на 76-*мм* пушку (легкую, конную и горную) в месяц. *Б.*

** Дело В.-уч. архива 187—896.

В январе 1917 г., когда Междусоюзнической конференции пред'являлась ежемесячная потребность в 3 600 000 выстрелов, на вооружении войск действующей армии состояло, за округлением, около 7 000 разных 3-дм. пушек (легких, конных, горных, японских Арисака), т.-е. ежемесячная потребность на орудие определялась приблизительно в 500 выстрелов. Таким образом, потребность в 3-дм. выстрелах, определившаяся во время мировой войны, превысила расчеты мирного довоенного времени приблизительно в 6 раз.

В сентябре 1914 г., как упоминалось выше, Ставка исчисляла потребность в 3-дм. выстрелах в 1 500 000 выстрелов в месяц *, считая, что в то время в войсках действующей армии состояло, за округлением, около 6 000 разных 3-дм. пушек, ежемесячная потребность на одну пушку выражалась в 250 выстрелов, т.-е. она превышала расчеты довоенного времени приблизительно в 3 раза.

При расчете вести войну в течение лишь одного года, только на мобилизационные запасы 3-дм. патронов, России пришлось бы образовать в мирное время запасы не по тысяче, а по 3—6 тысяч выстрелов на пушку, чтобы удовлетворить действительную потребность в выстрелах, определившуюся в начале и в конце войны. Т.-е. пришлось бы содержать в мирное время в запасах не 6½, а до 20—40 млн. 3-дм. выстрелов.

Содержание таких огромных запасов, заготовление которых потребовало бы колоссальных затрат народных средств, явилось бы совершенно непосильным и бесполезным бременем для государства, так как своевременное освежение таких запасов было бы невозможно и они неминуемо испортились бы от долгого хранения, не говоря уже о том, что ко времени войны запасы выстрелов могли оказаться не отвечающими современным требованиям техники, быстро идущей вперед по пути усовершенствований (освежение таких больших запасов, при незначительном расходе 3-дм. выстрелов на практические стрельбы в мирное время, потребовало бы для шрапнелей около 100 лет, а для гранат с взрывателями и того больше).

Отсюда ясно, что вести войну на запасы выстрелов, образованные в мирное время, нельзя—тем более, что война продолжается не только один год.

Удовлетворение потребности в 3-дм. выстрелах во время войны.

Довоенная подготовка русской снарядной промышленности.

Итак, комплект в 1 000 выстрелов на пушку оказался несомненно малым. А что было сделано, чтобы этот недостаток можно было исправить во время войны?—Очень мало. Здесь надо отметить, что ни ГАУ, ни ГУГШ не озаботились привести в достаточную ясность картину «сна-

* См. выше телеграмму 10.

рядного» хозяйства военного ведомства; другими словами, ни то, ни другое управление не смогло бы до войны ответить вполне определенно на вопрос: на каких заводах, в какие сроки и по скольку в месяц будет или может готовиться выстрелов, чтобы в течение года войны мобилизационные запасы были восполнены, а если понадобится, то и удвоены или даже утроены. Относительно винтовок, пулеметов, ружейных патронов и орудий — картина была довольно ясна, так как изготовлявшие их заводы были или казенные, или, если частные—то, как готовящие только военное снабжение, были все время на виду и даже до некоторой степени под контролем ГАУ (через артиллерийских приемщиков) и производительность их как нормальная, так и форсированная была в точности известна ГАУ.

Ничего подобного не было по отношению к «выстрелам», а ведь их в запасе военного времени состояло около 7 млн. и притом всем было ясно, что этого запаса заведомо недостаточно, следовательно, месячная порция предстоящих заготовок во время самой войны, особенно принимая во внимание постановление совещания 17 (30) октября 1912 г. * о необходимости увеличения боевых комплектов с 1 000 до 1 500 на пушку, должна была представляться в количестве не менее одного миллиона выстрелов.

Значит, ГАУ предстояла такая задача: расписать по заводам наряды и притом в порядке «мобилизационном», (отдельно на каждый из элементов выстрела: снаряд; трубка-взрыватель; боевой заряд; разрывной заряд; гильза; капсюльная втулка) по расчету на выход миллиона выстрелов в месяц **. А ГУГШ должно было проверять эти наряды совершенно так же, как обычно поверялась мобилизационная готовность войсковых частей и управлений особыми лицами, регулярно командировавшимися по особому повелению.

А так как ничего подобного сделано не было, то ГАУ, повидимому. даже не вполне реально сознавало свою обязанность фактически подготовить производительность заводов, хотя бы на полмиллиона выстрелов в месяц, т.-е. $^1/_{12}$ часть имевшегося запаса военного времени, так как вполне определенного на этот счет приказания или указания ГАУ не было, и речь все время шла только о «запасах» военного времени, так как будущую войну предположено было вести на эти «запасы», а вовсе не на регулярное возобновление их с заводов во все время войны.

Кроме того, ГАУ должно было иметь в виду еще один, хотя и очень устарелый, но по важности первостепенный документ, а именно—два постановления Военного совета, состоявшиеся в 1904 г.: 26 августа и 16 декабря. Эти постановления, хотя и с десятилетней давностью, тем не менее так близко касаются рассматриваемого вопроса и так исчер-

---

* Об этом совещании при ГУГШ упоминалось выше.

** Конечно, как показал опыт войны, одного миллиона в месяц было недостаточно, но если бы этот миллион, даже полмиллиона, был с первых месяцев войны, несомненно картина всей кампании получалась бы другая. Да и развивать с миллиона или с полмиллиона совсем не то, что почти с ноля.

пывающе (в инструкционном отношении) решают его, что мы считаем необходимым привести здесь выдержки из них:

1. Военный совет в заседании 26 августа 1904 г., приняв во внимание громадные расходы боевых припасов в Японскую войну, положил предоставить ГАУ: 1) обсудить вопрос, достаточны ли размеры установленных комплектов этих припасов, не должны ли означенные комплекты быть увеличены и достаточна ли производительность наших заводов для обеспечения потребности армии в случае большой и продолжительной войны; 2) по обсуждении этих вопросов, испрашивать в скорейшем времени разрешения тех мероприятий, которые окажутся необходимыми для полного и своевременного обеспечения армии предметами артиллерийского довольствия.

2. Военный совет в заседании 16 декабря 1904 г. вернулся к обсуждению общего вопроса, рассмотренного им в заседании 26 августа, и при этом нашел:

а) что скорейшее увеличение запаса боевых наших припасов является крайне настоятельным;

б) что для этого расширение наших технических артиллерийских заведений является неизбежным и

в) что к таковому расширению (или же к устройству новых заведений) желательно приступить с началом строительного периода 1905 г., почему все подготовительные к тому работы необходимо выполнить в возможно скорейшем времени.

Расширение упомянутых заведений Военный совет признал желательным произвести с таким расчетом, чтобы в случае общей мобилизации всей армии и большой войны отечественные заводы могли при напряженной работе выделывать в год примерно то же количество боевых припасов, какое в течение года будет расходоваться, так как только при этом условии будет вполне обеспечена неослабная боевая готовность армии, а также флота, получающего часть боевых своих запасов от заводов военного ведомства. Вместе с тем такое расширение производительности наших заводов, по мнению Военного совета, было бы выгодно еще и в том отношении, что позволило бы не увеличивать содержимого в мирное время боевого комплекта до таких размеров, при которых своевременное его освежение являлось бы невозможным.

В частности, Военный совет остановился на опасности, представляемой тем, что у нас имеется лишь по одному заведению, выделывающему трубки и капсюли...

Поэтому Военный совет постановил:

«Вновь предложить ГАУ безотлагательно выяснить, насколько производительность подведомственных ему заведений должна быть увеличена для обеспечения довольствия в случае общей войны, и войти с надлежащим ходатайством с таким расчетом, чтобы необходимые строительные работы могли быть начаты весною 1905 г.».

Правда, совещание в ГАУ о нормах боевых комплектов состоялось

в 1906 г., т.-е. два года спустя после цитируемых заседаний Военного совета, поэтому решения совещания являются как бы ответом и на приведённые постановления Военного совета. Да, отчасти это так, но только отчасти; так как подробно разобрав вопрос о норме выстрелов на орудие и признав, что препятствием для должного увеличения комплектов явилась бы затруднительность их освежения, совещание ГАУ, предвидя ничтожную производительность наших заводов, вовсе не коснулось вопроса о необходимости соответствующего их развития, чтобы усиленной производительностью их во время самой войны покрыть ту недостаточность норм запасов, на которой по необходимости пришлось остановиться в мирное время. Между тем, Военный совет, еще раньше предвидя эти затруднения и проистекающую из них неизбежность сокращения боевых комплектов, ясно и определенно указал на единственное средство парализовать этот крупнейший недочет — заблаговременное и соответственное развитие заводов, готовящих боевые припасы. ГАУ же и тогда, в 1904—1906 гг., слабо, не в полной мере, использовало эти указания Военного совета и затем в 1912 г. опять упустило случай опереться на них, как этого требовали обстоятельства. Правда, положение Военного совета 1904 г. силы своей как будто не теряло, но оно было так давно и после него было столько разного рода комитетов, совещаний, комиссий и заседаний, в которых говорилось именно о тех же вопросах и, однако, ни разу не повторялись ни по существу, ни формально (хотя бы в виде простой ссылки) означенные положения Военного совета,—чтобы о них забыли очень основательно и притом все: как те, к кому они непосредственно относились (ГАУ), так и те, кто должен был, с принятием нового порядка в военном ведомстве, т.-е. с 1910 г., блюсти за этим делом (ГУГШ), и даже сам Военный совет.

И ГАУ, и ГУГШ совершенно игнорировали указания Военного совета о надлежащем развитии заводов, работающих на оборону. В доказательство этого ниже приводятся выписки из показаний Верховной следственной комиссии бывшего начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева и его ближайшего помощника по хозяйственной части ген. Смысловского, а затем письмо начальника ГУГШ к начальнику ГАУ и доклад начальника ГУГШ военному министру. Из этих документов с полной очевидностью явствует, что как та, так и другая сторона пребывали до самого начала войны в глубокой уверенности, что все их обязанности по снабжению армии боевыми припасами на случай предстоящей войны исчерпывались заботами о доведении боевых комплектов до утвержденных норм запасов военного времени, и лишь грянувшая война заставила подумать об «изыскании способов к изготовлению новых запасов огнестрельных припасов и к скорейшей их доставке на театр военных действий».

1. Выписка из показаний ген. Кузьмина-Караваева.

В первые дни мобилизации начальник Генерального штаба пред'явил мне требование по ускорению готовности местных парков и к приступу

изготовления новых огнестрельных припасов сверх существующих запасов. Для исполнения первого требования были даны надлежащие указания начальникам артиллерии в округах, склады коих снаряжали боевые комплекты местных парков, а в Казанский и Виленский округа были посланы офицеры от ГАУ, благодаря деятельности коих удалось несколько ускорить ход работ по снаряжению патронов. Второе требование было исполнено приказанием развивать работу на всех заводах до возможного предела; на даваемые в определенных цифрах наряды смотреть отнюдь не как на исчерпывающие потребность, а лишь для исчисления необходимых кредитов и материалов; получив требуемое и поставив производство изделий в указанном размере, сейчас же итти на дальнейшее увеличение производительности завода, возобновляя требование на новое денежное ассигнование. Принимая участие в некоторых совещаниях по вопросам, связанным с начавшейся общей мобилизацией армии и получая к исполнению соответственные приказания военного министра, я видел, что в деле снабжения армии огнестрельными припасами от ГАУ требуется не только полное обеспечение войск ружейными и пулеметными патронами в количестве установленных запасов, но и незамедлительное снабжение армии таковыми же патронами сверх существующих норм.

При предварительном расчете по исполнению этого впервые пред'явленного требования мои соображения сводились к следующему: обеспечение боевыми припасами зиждется главным образом на работе казенных заводов, частная промышленность ставит сырые материалы; а из готовых изделий может оказать существенную помощь в деле снабжения снарядами, гильзами, упрощенными взрывателями и порохом. Как казенные, так и частные заводы, изготовляющие элементы пушечных выстрелов, могли с первого месяца мобилизации работать для создания запасов 3-дм. патронов, требуемых сверх нормы; другими словами, для восстановления расходуемого боевого комплекта, так как установленное законом количество пушечных огнестрельных припасов было налицо и требовало лишь работы по снаряжению в патроны.

II. Две выписки из показаний ген.-лейт. Смысловского.

1. «Основное положение о кратковременности кампании неизбежно влекло за собою и у нас и у союзников естественный, но, к сожалению, оказавшийся весьма неправильным принцип обеспечения армии:

Война ведется за счет тех запасов, которые заготовлены в мирное время.

В мирное время эти запасы были предметом постоянных забот; и у нас и у наших союзников (французов) существовала постоянная тенденция к их увеличению. Но вопрос о том, чем будет питаться армия, когда запасы будут израсходованы, постоянно оставался в тени. Если и приходилось когда-либо говорить о нем, то только в смысле восстановления запасов после войны.

Из изложенного можно будет видеть, что в отношении пушечных патронов и многого другого к началу войны запасы состояли полностью. Мало того, нетрудно убедиться, что для непродолжительной войны, два—три месяца, какою она ожидалась, их было достаточно. Только уже во время войны и нам и нашим союзникам пришлось лицом к лицу столкнуться с другим принципом снабжения армии:

Война ведется на те материальные средства, которые могут быть предоставлены армии внутренними производительными силами своей страны.

Ошибочность основного принципа снабжения армии и послужила главной причиной неудовлетворительности снабжения».

2. «Как уже было неоднократно указано выше, при соображениях об обеспечении армии пушечными патронами во время войны вопрос о производительности заводов, их изготовляющих, никогда не поднимался, естественно поэтому, что ко времени начала войны она была в том состоянии, в каком находилась обычно в мирное время: за немногими исключениями, размер ее, т.-е. помещения, оборудование, обеспечение рабочей силой и отчасти материалами и т. п., определялся существовавшими перед войною заказами мирного времени. Правда, после Японской войны в военном ведомстве был поднят вопрос об обеспечении армии за счет производительности заводов, состоялись даже какие-то положения Военного совета, результатом коих после долгих проволочек было появление Н—ских заводов, трубочного и взрывчатых веществ; однако, последние годы перед войною вследствие целого ряда крупных мероприятий по усовершенствованию армии работы у всех заводов и для мирного времени было такое количество, что и с нею они не справлялись *. Постепенно, под влиянием целого ряда и других побочных причин, о роли заводов в отношении питания армии почти вовсе забыли.

В мирное же время потребность в пушечных патронах была весьма незначительна и определялась почти исключительно пополнением расхода на практику. Это составляло от 400 000 до 600 000 в год, тогда как во время войны потребность определялась в 2 400 000 в месяц (т.-е. в 72—48 раз больше)».

III. Копия письма ген. Янушкевича от 21 июля 1914 г. к ген. Кузьмину-Караваеву.

«В виду открытия военных действий и вследствие того, что условия войны на западном фронте ни в каком отношении не могут быть сравнены с условиями последней Русско-Японской войны 1904—1905 гг., — я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с усердной и настоятельной просьбой о разработке и осуществлении теперь же всех мероприятий по ускорению готовности местных артиллерийских парков.

* За исключением оружейных заводов, которым нарядов на винтовки почти не давалось (см выше). *Б.*

Равным образом представляется крайне необходимым немедленно же изыскать способы к изготовлению новых запасов огнестрельных припасов и к скорейшей их доставке на театр военных действий.

Считаю своим долгом заявить вашему высокопревосходительству, что от своевременного изготовления и доставки потребного действующей армии количества огнестрельных припасов в значительной степени будет зависеть успех войны».

IV. Копия доклада ген. Янушкевича от 21 июля 1914 г. военному министру.

«В виду открытия военных действий и необходимости вести войну с полным напряжением всех сил и средств, представляется нужным теперь же изыскать способы для обеспечения действующей армии огнестрельными припасами сверх имеющихся запасов.

Вопрос об увеличении огнестрельных запасов уже возбуждался, но разрешение его было временно отложено, впредь до доведения запасов до намеченной нормы.

Хотя в настоящее время запас огнестрельных припасов еще окончательно не доведен до установленной нормы, однако современные условия настоятельно требуют безотлагательного заготовления их сверх установленных норм.

Испрашивается разрешение вашего высокопревосходительства предложить Главному артиллерийскому управлению незамедлительно приступить к заготовлению огнестрельных припасов сверх существующих норм».

Резолюция военного министра: «Не только предложить, но и передать Главному артиллерийскому управлению высочайшую волю государя императора, чтобы оно напрягло для этого все свои силы. С своей стороны надеюсь, что это будет выполнено с полным успехом и Главное артиллерийское управление заслужит одобрение войск, а не ропот и нарекания».

Из этого последнего документа уже без всяких сомнений ясно, что на изготовление «новых припасов сверх существующих норм» смотрели, как на мероприятие, раньше совершенно не предусмотренное и требующее еще изыскания способов для его осуществления. Ясно, что даже теперь не вспомнили о мудрых постановлениях Военного совета от 26 августа и 16 декабря 1904 г.

Таким образом как ГАУ, так и его начальство понимали задачу обеспечения армии боевыми припасами в том смысле, что к началу войны должны быть полностью налицо все запасы военного времени, согласно установленных норм. О необходимости же иметь наготове заводы, способные в годичный срок возобновить эти запасы, следовательно, иметь и все необходимые для сего материалы, — об этом положительно никто не думал и не заботился.

Забыл об этом и сам почтенный Военный совет; по крайней мере, он ни разу не напомнил об этом ГАУ, хотя два представления его в 1914 г. от 9 августа (утвержденное Военным советом 14 августа) и от 17 сентября (утвержденное 18 сентября)—прямо касались этого вопроса, как видно из следующих высказанных ГАУ соображений: «Признавая необходимым скорейшее обеспечение артиллерии снарядами на пополнение убыли их в течение войны»... и «Ныне выяснилась потребность в дальнейшем заготовлении этих снарядов, вследствие определившегося за истекшее время войны чрезвычайного расхода их на театре военных действий».

О постановлении 1904 г. только в 1915 г. вспомнила Верховная следственная комиссия, извлекшая из архива Военного совета вышеупомянутые журнальные постановления и поставившая ГАУ вопрос, почему они не были исполнены.

Начальник ГАУ в ответ на это приводит в своих показаниях следующее об'яснение:

«Базируясь на производительности наших заводов, я давно пришел к убеждению, что в случае войны артиллерийское ведомство может изготовить, не прибегая к заграничным заказам, 5½ млн. 3″ патронов, конечно, при условии наличия требуемого запаса заграничных материалов. Следовательно, рассчитанный на год большой войны запас патронов 3″ скорострельной артиллерии в размере 5 654 300 штук может быть восстановлен своими заводами, казенными и частными, в течение года».

Затем в 1915 г., ввиду указаний Верховной следственной комиссии на то: а) что при начале войны к поставкам 3″ снарядов были готовы только два казенных завода с месячной производительностью в 50 000 снарядов на 6 500 орудий; б) что частные заводы потребовали значительного времени на приспособление для приступа к работам и в) что ГАУ должно было предвидеть неизбежное увеличение числа орудий в самом начале войны *, а потому и озаботиться увеличением числа выстрелов, — начальник ГАУ дал такие об'яснения:

«Наши отечественные заводы были способны к напряженной работе по изготовлению в течение года войны 5½ млн. 3″ патронов. Необходимое для обеспечения этой работы количество заграничных материалов состояло налицо.

В «Своде сведений» названной комиссии имеется указание на то, что артиллерийское ведомство должно было предвидеть увеличение числа орудий на театре военных действий при самом начале войны.

Сформирование новых строевых частей производилось по распоряжению ГУГШ; в ГАУ же не было никаких данных к предположению о создании новых батарей полевой артиллерии. В действительности батареи формировались на замену погибших, но число действующих на фронте 3″ орудий не увеличилось — 216 орудий легкой артиллерии были при-

* В подтверждение этого в „Своде сведений Верх. следств. комиссии“ приводится факт покупки у Японии 216 орудий легкой артиллерии.

обретены в Японии по соображениям политического характера; они были куплены с небольшим боевым комплектом, наши же снаряды и наш порох для них были непригодны.

Частные заводы, изготовлявшие раньше снаряды, конечно, требовали значительного времени на приспособление для приступа к работе. Конечно, ни один частный завод, имевший по прежним заказам известное оборудование не может сохранять продолжительное время готовность к той же работе, лишь в ожидании получения нового заказа на то же изделие; очевидно, его станки не могут оставаться в бездействии, он их приспособит для иного производства, на которое удалось ему получить работу; также не может частный завод хранить запасы неходовых материалов. У столь богатого завода, как Н—ский частный, нашелся запас шрапнельных центральных трубок, оставшийся от старых заказов, но это явление я могу назвать исключительным. Даже казенные артиллерийские заводы имеют запасы материалов в весьма малом размере, а годовой запас заграничных материалов разрешен им лишь по настоянию Государственной думы.

Несколько лет назад заводы горного ведомства имели намерение образовать запас некоторых материалов для орудийного и снарядного производства, но государственный контроль не согласился на занесение в смету исчисленного кредита».

Все эти об'яснения начальника ГАУ — совершенная истина, и никто не сомневался, что Россия сможет изготовить не только 5½ млн. 3" выстрелов в год, а и значительно больше того. Весь вопрос только в том, с какого срока начинается такая подача выстрелов.

Ведь весь смысл заблаговременной подготовки заводов и состоит в том, чтобы они «отмобилизовались» одновременно с войсками и вместе с ними же вступили в работу: те — на полях сражений, а эти — у своих станков в мастерских и заводах. И вот этой-то «мобилизационной» подготовки у нас сделано не было. Конечно, она потребовала бы прежде всего отпуска значительных средств из государственного казначейства и в этом ГАУ и военное ведомство вообще встретили бы решительный протест как со стороны министерства финансов, так и государственного контроля. Но тогда, по крайней мере, дело было бы вполне ясно и причина нашей неготовности вполне определенна. Теперь же, хотя во многих подобных случаях такие отказы в отпуске кредитов налицо, и нет ни малейшего сомнения, что то же самое было бы и в данном случае, однако прямо утверждать этого нельзя.

Но даже и в случае отказа в кредитах поверяющими ведомствами ведь было куда и апеллировать: с уверенностью можно утверждать, что Государственная дума, вообще широко шедшая навстречу военному ведомству в вопросах государственной обороны, и тут пришла бы на помощь, особенно после событий 1912 г. на Балканском полуострове. И тогда картина получилась бы иная: весь «подготовительный» период (все расчеты, выписки оборудования, заготовка лекал, инструмента и материалов, постройки и даже подготовка кадров мастеровых) можно

было бы закончить еще в мирное время и быть готовым к войне хотя бы по расчету на 1½ млн. выстрелов в месяц, начиная со второго или третьего месяца. Правда, это было не совсем то, что потребовалось потом самой войной, но все же несравнимо лучше того, с чем война нас застала,—ведь выхода полумиллиона выстрелов в месяц мы достигли почти через год. Между тем, именно в первый, важнейший период войны, когда еще не были выбиты старые кадры и война имела характер полевых операций, важен был каждый лишний парк, особенно имея в виду, что силу нашей количественно слабой артиллерии можно было увеличить за счет ее скорострельности, т.-е. усиленного питания патронами.

Конечно, и при осуществлении указанных мероприятий нам все же было далеко до той великолепной организации, которую создала предусмотрительность германцев; но все-таки это был бы основательный фундамент, на котором уже сравнительно легко было возводить дальнейшую стройку, а ведь пришлось начинать все почти с самого начала.

Итак, надо признать, что по части подготовки нашей снарядной промышленности к напряженной деятельности к началу войны у нас не было сделано почти ничего.

Операция по заготовлению 3″ патронов распадается на две: изготовление составных частей патронов (снаряд, т.-е. его оболочка или стакан, боевой и разрывной заряд — порох и взрывчатое вещество, дистанционная трубка или взрыватель, гильза и капсюльная втулка) и соединение их в патрон, т.-е. его снаряжение.

Легче всего достигалось обеспечение капсюльными втулками и гильзами, тем более, что часть гильз возвращалась с полей сражения и поступала на переснаряжение. Заготовление же снарядов, трубок, взрывателей, пороха и сильно взрывчатых веществ встречало большие затруднения.

Изготовление 3″ снарядов в России.

Первым импульсом к изготовлению новых боевых припасов к 3-дм. орудиям (сверх тех, которые были изготовлены еще в мирное время в виде комплектов военного времени, по 1 000 на каждую пушку) было приведенное выше официальное письмо начальника Генерального штаба ген. Янушкевича от 21 июля (3 августа) 1914 г. № 1155 к начальнику ГАУ, в котором, после указания на необходимость ускорения подачи местных артиллерийских парков, было сказано: «Равным образом представляется крайне необходимым немедленно же изыскать способы к изготовлению новых запасов огнестрельных припасов и к скорейшей их доставке на театр военных действий». Подобного же содержания приведенный выше доклад с указанием на необходимость предложить ГАУ немедленно приступить к изготовлению огнестрельных припасов сверх существующих норм был представлен того же 21 июля ген. Янушке-

вичем и военному министру, который в своей резолюции приказал ГАУ напрячь все силы для выполнения этой задачи.

Из этих двух документов было ясно одно: надо готовить новые запасы огнестрельных запасов; но каких и сколько — на этот счет никаких указаний ни в одном из них не было. Поэтому ГАУ само решило эти вопросы таким образом: оно определило размер предстоящего заказа в одну четверть шрапнельного и в половину гранатного запаса, бывшего перед войной. Для осуществления этого заказа в ГАУ были собраны представители заводов, могущих взяться за немедленное изготовление снарядов, и с ними были выяснены возможные условия заказа. На основании этих переговоров ГАУ был составлен и внесен в Военный совет соответствующий доклад 9 (22) августа 1914 г., который и был утвержден 14 (27) того же августа.

Надо признать, что ГАУ не очень промедлило с исполнением упомянутого приказания военного министра, ибо на созыв заводчиков, выработку ряда контрактов с ними и составление соответствующего доклада в Военный совет требовалось по тогдашним временам (т.-е. при соблюдении всех действовавших тогда формальностей) не менее двух недель, особенно имея в виду, что исключительной экстренности этому делу никто не придавал, так как с фронтов тогда еще не поступало никаких жалоб на недостаток снарядов. Да и промедление в несколько дней на сроках поставки таких предметов, как снаряды, значения не имело.

Но тут интересно отметить вот какое обстоятельство: когда означенное представление было внесено ГАУ в Военный совет, то в частном заседании его оно было отклонено. И только по настоянию представителя ГАУ дело было перенесено в общее заседание Военного совета, где и прошло только после защиты заказа тем же представителем ГАУ, доказывавшим, что заказ необходим, несмотря на то, что запасы состоят в должном числе, хотя бы для моральной поддержки армии, которая «вряд ли будет в состоянии одержать победу в генеральном сражении, если не будет уверена, что взамен израсходованных ею в тылу готовятся новые снаряды». Другим доводом в пользу заказа приводилось соображение, что к моменту «дележа» после войны надо быть сильнее, чем при ее начале.

Ясно, что если бы не настойчивость представителя ГАУ (ген. Смысловского), то заказ не был бы утвержден. Здесь важнее всего то, что значит, еще в половине августа такое учреждение, как Военный совет (вынесший десять лет назад приведенное выше столь мудрое решение об обеспечении армии боевыми припасами) считал достаточным для текущей войны запасов, заготовленных в мирное время, следовательно, и самую войну — непродолжительной.

Итак, вначале августа 1914 г. ГАУ признало необходимым дать заказ на снаряды «на первое время войны» в размере:

25% комплекта для 3" полевых шрапнелей, т. е.	. .	1 500 000	шт.
50% „ „ „ „ гранат,	„ . .	400 000	„
50% „ „ 48-лин. бомб	„ . .	160 000	„
Итого	. . . .	2.060 000	шт. *

Фактически же удалось в этот раз разместить заказы: на 648 000 3-дм. снарядов и 184 000 48-лин.

В два последующих представления — от 6 (19) и 10 (23) сентября (за №№ 3374 и 3438 секр.) ГАУ было испрошено разрешение Военного совета на заказ еще 1 800 000 3-дм. шрапнелей и 316 000 3-дм. гранат. Затем представлением от 17 (30) сентября (№ 3564 секр.) испрошены заказы еще на 1 650 000 3-дм. шрапнелей и на 670 000 3-дм. гранат.

Таким образом, за первые два месяца войны по 18 сентября (1 октября) ГАУ было выдано заказов: на 4 058 000 штук 3-дм. шрапнелей; 1 026 000 штук 3-дм. гранат; 184 000 штук 48-лин. бомб. Всего на 5 084 000 3-дм. и 184 000 48-лин. снарядов, т.-е. в размере почти боевого комплекта.

А к 1 (14) ноября 1914 г. было дано заказов (как это видно из доклада ГАУ военому министру от 13 (26) ноября 1914 г. № 4591 секр.) на 7 600 000 3-дм. снарядов, т.-е. почти в полтора раза больше всего боевого комплекта, заготовленного перед войной для этих пушек.

Все это количество должно было быть изготовлено, согласно заключенных контрактов, в годичный срок.

Но, конечно, большинство заказов выполнялось неаккуратно в контрактные сроки из-за начинавших уже ощущаться затруднений в транспорте, рабочих и пр. Кроме того, к этому времени Ставкой уже были заявлены требования не на возобновление только боевого комплекта, т.-е. 5—6 млн., а на 1½ млн. ежемесячно, или на 18 млн. в год. Значит, заказ 7½ млн. снарядов составлял менее половины требуемого, поэтому его следовало бы по меньшей мере удвоить и даже утроить, имея в виду уже ясно определившуюся неисправность поставок.

ГАУ, повидимому, понимало все это, тем не менее не усилило заказов до такой степени по многим причинам, в большинстве случаев от него не зависящим: существовавшие в то время законоположения о военном фонде; вмешательство в дело боевого снабжения общественных организаций и частных предпринимателей, стремившихся к «наживе» и подчас покровительствуемых «влиятельными» лицами; развившаяся в результате отвратительная спекулятивная вакханалия; выдача заказов на 3-дм. снаряды мелким заводам вместо солидных предприятий, приспособленных к изготовлению снарядов; распыление средств производства по мелочам вместо наиболее целесообразного, продуктивного их концентрирования и пр. По этому вопросу мы пока ограничимся об'яснениями, приведенными в показаниях ген. Кузьмина-Караваева и ген. Смысловского Верховной следственной комиссии, сущность которых сводилась к следующему.

* Представление ГАУ в Военный совет от 9 августа 1914 г. № 2865 секр.

Ввиду существующих законоположений о военном фонде (действие которого ограничивалось тем годом, в котором закончилась война, с надбавкой лишь 4 льготных месяцев) в первые месяцы войны все заказы разрешались лишь в срок до октября—ноября 1915 г.

Поэтому более или менее крупные заказы на снаряды на этот срок могли взять только очень немногие заводы, которые уже имели у себя достаточное и соответственное оборудование и потому могли в столь короткий срок развить и дальше свою производительность.

По этим большим заказам изготовлялись в преобладающем количестве снаряды тех калибров, которые требовались по намеченным организационным соображениям, а также на вооружение крепостей. Снарядов 3-дм. калибра было в работе незначительное количество, потому что установленный для большой войны комплект 3-дм. скорострельной артиллерии состоял налицо. Эти заводы и надо было сразу же использовать для крупных снарядов, но так как о них пока тревоги не били, то и им заказы были выданы на 3-дм. калибр *.

Тем не менее, эти заводы уже были знакомы с изготовлением снарядов, а потому их стоило развивать, помогая им в преодолении затруднений по выписке из-за границы станочного и прессового оборудования, предпочтительно перед остальными, явившимися в большом числе претендентами на заказы, чтобы не создавать вредной для дела конкуренции на заграничное оборудование, получать которое было очень трудно и рассредоточивать которое по заводам мелким, тем более вновь создаваемым или никогда не готовившим снаряды, было совершенно нецелесообразно, ибо от таких заводов ждать успеха пришлось бы очень долго, между тем как заводы, уже работавшие снаряды, смогут впоследствии, развившись без помехи, усилить свою производительность до такой степени, которая во много раз превзойдет все то, что обещали (но, конечно, не дали) разные предприниматели, искавшие в заказах только одной наживы. Поэтому ГАУ считало, что не следует поощрять спекулятивные предложения и утешаться бумажным числом выданных заказов, а основываться на заводах, уже изготовлявших снаряды; из неготовивших же выдавать заказы только заведомо солидным предприятиям или оказавшимся пригодными при специальном обследовании их техниками ГАУ. Таким образом предполагалось организовать надежные и мощные центры производства снарядов на вполне пригодных для этого заводах, собирая к ним постепенно все технические средства (как в смысле оборудования, так и личного состава), имевшиеся внутри страны и могущие быть доставленными из-за границы, и развивая их производительность до тех пор, пока она не достигнет пределов, достаточных для удовлетворения нужд армии.

С уверенностью можно сказать, что такой способ «мобилизации» нашей промышленности был бы наиболее целесообразным и если бы его удалось осуществить на деле более или менее полно, то и снарядов по-

* Перед самой войной, а именно весной 1914 г., на 16 заводах исполнялась работа по изготовлению разного рода снарядов на сумму 60 млн. рублей.

лучилось бы значительно больше, в более короткий срок и по цене значительно низшей. Но на деле вышло не так, и ГАУ пришлось отступить от намеченной программы, выдавая заказы, что называется, направо и налево, причем не только совершенно ничтожным заводам, но иногда прямо «пустому месту», на котором ловкие аферисты обещали оборудовать с поразительной быстротой новые предприятия, которые должны были буквально засыпать нашу армию снарядами...

Переходя к вопросу о том, как нашей промышленности удалось справиться с задачей изготовления снарядов, следует отметить, что фактически за время войны поставляли 3-дм. снаряды: шрапнели — 25 заводов; гранаты — 17 заводов; три отдельных организации: г.-м. Ванкова, Всероссийского союза земств и городов, Центрального военно-промышленного комитета; группа Н—ского частного завода, взявшая подряд на 3 млн. 3-дм. гранатных патронов.

Все данные о деятельности этих заводов свидетельствуют, насколько правильна и целесообразна была первоначальная идея ГАУ — базироваться только на солидных и действительно стоящих того заводах, снабжать их всеми средствами как материальными, так и людскими, и развивать их до возможных пределов. А всю прочую мелюзгу, которая за все-то время войны изготовила всего по нескольку десятков тысяч снарядов, — всех их надо было использовать, да и то если это потребовалось бы, лишь как подсобные мастерские для крупных заводов, причем во многих случаях оказалось бы выгоднее оставить их работать на общей рынок или же совсем ликвидировать некоторые из них, взяв от них прессы, станки и пр. на крупные заводы, где это оборудование нашло бы себе несомненно более продуктивное применение *.

Но чтобы действительно осуществить такую программу, надо было издать соответствующий закон, именно «Закон о всеобще промышленной повинности», совершенно аналогичный «Закону о всеобщей воинской повинности».

Такой закон был бы и высоко справедлив по своему уравнительному значению и всем понятен. Это было бы не то, что однобокий закон о «милитаризации» предприятий, работающих на оборону, согласно проекта которого вся тягота ложилась бы на одних рабочих (к прямой, к слову сказать, выгоде т.г. промышленников). Но так как новым законом задевались бы «священные» интересы частной промышленности, то о нем смели заикаться только отдельные смельчаки, навлекавшие «на себя при этом громы и молнии «сильных мира сего».

А между тем, это был единственный правильный путь, сразу вступив на который мы смогли бы стать действительными хозяевами нашей промышленности и извлечь из нее все то, что она могла дать. Говорить же при этом о нарушении интересов отдельной группы лиц было просто смешно, раз государство считало своим правом и долгом распоряжаться не то что имуществом, а жизнью миллионов своих граждан.

* Удобнее всего это было бы сделать так, как сделали французы, т. е. по территориальному признаку. Как известно, результаты у них получились блестящие.

Таким образом, вследствие отсутствия заранее составленного плана (мобилизации промышленности до войны) и неуменья (а отчасти и нежелания) взяться как следует за дело после объявления войны (всеобщая промышленная повинность), поступление с заводов 3-дм. снарядов в самое горячее время острой нужды в них, т.-е. в первое полугодие войны, шло очень медленным темпом: с августа 1914 г. по январь 1915 г. было подано всего около 80 000 снарядов. Во второе полугодие (с февраля по июль 1915 г.) эта подача уже значительно возросла и дошла до 3 377 000, но зато и требования с фронта возросли в еще большей пропорции. Угоняться за этими требованиями, лишь до некоторой степени, удалось нашей промышленности только к началу 1916 г., т.-е. через 1½ года после начала войны.

Из таблицы 49 видно, что за все время мировой войны в 1914—18 гг. русскими заводами изготовлено было огромное количество—около 54 млн. оболочек или корпусов (стаканов) 3-дм. снарядов, в том числе около 26 млн. 3-дм. шрапнелей и около 28 млн. 3-дм. гранат. Причем на девяти казенных заводах (сталелитейных, судостроительных и горных) изготовлено было около 8 300 тысяч 3-дм. снарядов, на одиннадцати мощных частных заводах около 26 500 тысяч; группой, организованной ген. Ванковым (включившим для изготовления корпусов только для 76-*мм* гранат более 100 разных заводов, из них много первоклассной мощности, не считая мелких предприятий и мастерских), изготовлено было около 12 400 тысяч 76-мм. гранатных корпусов; группою Всерос. союза зем. и гор. — около 1 100 тысяч, Ц. в.-пр. комитетом — около 500 тысяч и Московским городским управлением — около 300 тысяч тех же 3-дм. гранатных стаканов; наконец, семнадцатью частными второстепенными заводами изготовлено было всего около 5 200 тысяч разных 3-дм. снарядов (стаканов шрапнельных и гранатных), т.-е. лишь 9,6% общего количества изготовленных 3-дм. снарядов, тогда как 11 мощных заводов изготовили около 49%.

Каждый из второстепенных заводов в отдельности изготовил за все время войны всего лишь от 45 до 890 тысяч снарядов, тогда как мощные заводы изготовили каждый свыше миллиона и до 5½ млн. снарядов, за исключением одного судостроительного завода, изготовившего лишь 321 тыс. 3-дм. снарядов.

Из цифровых данных таблицы 49 видно, насколько выгоднее было давать заказы только крупным предприятиям, стараясь развивать их, чем возиться с массой мелких заводов, на которые надо было назначать и инструкторов, и наблюдающих, и приемщиков, и браковщиков, и распылять на них все те средства, которых нехватало и для крупных заводов.

Во всяком случае, судя по тому, что показала наша промышленность в эту войну при самых неблагоприятных условиях, с уверенностью можно сказать, что из нее и в первые месяцы можно было бы выжать гораздо больше, чем она дала на самом деле. Но для этого нужно было прежде всего настоящее руководство этим не легким и не простым, конечно,

ТАБЛИЦА 49 *.

Заводы	В тысячах снарядов					
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	Всего за всю войну
Казенные—всего 9 заводов	—	966	4 099	3 128	23	8 216
Частные первоклассной мощности — всего 11 заводов	75	7 032	12 652	6 449	233	26 441
Частные второстепенные заводы — всего 17	4	828	2 628	1 628	82	5 170
Организации ген. Ванкова — около 100 заводов	—	—	7 003	5 314	—	12 317
Группа заводов Всерос. союза зем. и гор.	—	—	374	658	—	1 032
Ц. в.-пр. комитета	—	—	159	330	—	489
Московское городское управление	—	—	29	218	—	247
Итого	79	8 826	26 944	17 725	338	53 912

делом, что должны были сделать наши министры — военный и торговли и промышленности. Они этого не сделали, так как не предусматривали колоссальных нужд войны и не были способны к руководству боевым снабженинем и промышленностью, привлеченной к работе по снабжению армии.

Создание многочисленных и многолюдных совещанинй и комиссий не могло помочь делу **. Приходилось вести в самых неблагоприятных условиях заготовление 3-дм. снарядов, в избыточном снабжении которыми нашей армии все были склонны видеть единственно верное средство вернуть успехи на фронте. Ни о чем другом пока не думали и не говорили; все внимание было сосредоточено на 3-дм. выстрелах (да еще на винтовках). Но для сколько-нибудь понимавших дело было ясно, что вслед за 3-дм. выстрелами неминуемо возникнет нужда в выстрелах для более крупных калибров, удовлетворить которую будет уже неизмеримо труднее, чем 3-дм. А потому надо было сразу же оценить относительное значение каждого калибра, определить его, так сказать, удельный вес и уже

* Таблица составлена по материалам личного архива А. А. Маниковского.

** В дальнейшем, в отдельной главе, придется еще вернуться к этому больному вопросу нашего тыла минувшей войны и если затронули его теперь, то только потому, что именно из-за нехватки 3″ снарядов поднялась у нас буря общего негодования, результатом которой и явилось образование Особого совещания по обороне. Правда, скоро обнаружилась нехватка и других предметов снабжения армии (да иначе и быть не могло), но это уже не так било по нервам, успевшим притупиться на первых неудачах, а потому у всех осталось впечатление, что главнейшая причина наших неудач, это—нехватка 3″ снарядов, и что выручило из этой беды, хотя и поздно, именно это Особое совещание по обороне.

в соответствии с этим распределять заказы и давать наряды на снаряды разных калибров. Обо всем этом начальник ГАУ неоднократно заявлял и начальнику Генерального штаба, и военному министру, и Особому совещанию по обороне. Первые двое как будто понимали его доводы и соглашались с ними, причем первый из них дважды рискнул открыто его поддержать; но об'яснить это Особому совещанию начальник ГАУ не мог, ибо «из всех глухих самый безнадежный тот, кто не хочет слышать», а оно именно не хотело слушать, так как, во-первых, с фронта еще не били тревогу насчет тяжелых снарядов, в то время как насчет легких набат гудел неумолчно; во-вторых, все заводчики жаждали именно 3-дм. снарядов (самых выгодных и самых простых в изготовлении). В результате, загрузили заказами на них все заводы, в том числе заводы, которые с успехом могли бы готовить и более крупные калибры. Высказанная в Особом совещании надежда, что в свое время, когда понадобится, можно будет эти заводы перевести на тяжелые снаряды, оказалась, конечно, тщетной, так как г.г. заводчики упорно отказывались делать это, опираясь на сильных защитников в самом совещании (Родзянко, Протопопов, Гучков, Коновалов, Жуковский, Майдель...). А раз на это не шло совещание, то, конечно, не шел и председатель его (военный министр), только фиктивно числившийся каким-то, якобы, диктатором снабжения.

И чтобы повернуть потом приобревшее громадную инерцию изготовление 3-дм. снарядов на новые рельсы, потребовались усилия прямо нечеловеческие, и все же сделать это в полной мере не удалось. Да и то, что было сделано, получилось с таким запозданием, что, конечно, не могло угнаться за все возраставшими потребностями фронта в тяжелых снарядах.

И не только отдельные заводчики, но и общественные организации (Земгор и военно-промышленные комитеты); даже уполномоченный ГАУ г.-м. Ванков прилагали все усилия, чтобы не только не сократить производство 3-дм. снарядов, а напротив, всячески развивать его, даже после того, как им тоже стало ясно, что дальнейшее развитие может итти не иначе, как в явный ущерб развитию тяжелых снарядов, и что потребность армии в 3-дм. снарядах уже удовлетворена в несравненно большей степени, чем в тяжелых *.

Конечно, каждый из них смотрел на порученное ему дело с высоты своей деревенской колокольни, совершенно искренно считая, что его дело не только самое главное, но и единственно спасительное для России, поэтому выполнить его наилучшим образом каждый считал своим священным долгом, делом чести и самолюбия, не говоря уже о связанном с этим материальном расчете. Посмотреть же на дело в целом, так сказать, с высоты Ивана Великого, никто из них не мог, так как бывать на нем не приходилось.

И если при всем том 3-дм. снарядов все-таки получили много, то надо иметь в виду, что это—предмет самый простой и самый легкий

* Уполномоченный ГАУ г.-м. Ванков был исполнителем распоряжений ГАУ, а потому его никак нельзя обвинять в том, что он не сократил производство 3-дм снарядов. *Б.*

в изготовлении, кроме того, и самый выгодный, поэтому на него набросились все, кто веровал в бога и в чорта.

Надо также отметить, что все это количество 3-дм. снарядов получилось в слишком предолжительные сроки, которые, несомненно, можно было бы значительно сократить при об'единенном руководстве делом их заготовления. И так как во-время свои снаряды не поспели, то поневоле пришлось прибегнуть к заграничным заказам, преимущественно уже целыми «выстрелами», так как у нас ощущался недостаток и в остальных элементах, кроме собственно самых корпусов снарядов.

Заграничные заказы 3-дм. выстрелов.

Это были первые заграничные заказы, к которым нам пришлось прибегнуть в крупном масштабе во время минувшей войны. И вот тут-то сказалось наше полное незнакомство с заграничным рынком, услугами которого нам было суждено широко пользоваться втечение всей войны. За это незнакомство мы заплатили поистине дорогой ценой и народного золота и народной крови. И заплатили по двум причинам.

Во-первых, вследствие последовавшего после японской войны категорического запрещения заказов и покупки за границей всего того, что, хотя и по более высокой цене, могло быть изготовлено или добыто у себя в России. У главных довольствующих управлений военного ведомства порвались живые связи со многими заграничными промышленными предприятиями и очень ослабла осведомленность о заграничной военной технике. Редкие (из экономии) командировки офицеров-специалистов за границу лишь в ничтожной степени восполняли этот пробел. Мало помогали делу и наши военные агенты, сами не техники и не имевшие помощников из военных техников.

Во-вторых, наше министерство торговли и промышленности в этом отношении оказалось совершенно не на высоте: и оно само и его заграничные агенты, оказавшиеся при об'явлении войны в Англии, существенной помощи нам не оказали, ибо сами заграничного рынка не знали.

Таким образом, запрещение заграничных заказов, проведенное с благою целью под'ема и развития отечественной промышленности, оказало военному ведомству плохую услугу во время войны: оно вынуждено было обратиться к посредничеству разного рода «представителей», иногда весьма темных личностей.

Не мало было потрачено дорогого времени, энергии и денег, пока узнали истинную цену этих «представителей» и стали на более верный путь сношений непосредственно с правительствами бывших союзников России и нейтральных государств, но и этот путь привел в сущности к опеке над Россией союзников, с Англией во главе. О порядке дачи заграничных заказов на 3-дм. выстрелы будет сказано подробно ниже. в ч. VI об организации боевого снабжения во время войны, здесь же приводится лишь перечень этих заказов.

ТАБЛИЦА 50.

Заграничные заказы 3-дм. выстрелов за войну 1914—1918 гг.

Контрактные сроки поставки	В Англии	В Америке				В Франции							В Японии			ИТОГО
		Гранатные		Шрапнельные		Гранатные					Шрапнельн.		Гранатные	Шрапнельные (Осакскому арсен.)		
	Виккерсу (через Балинского) шрапнельные патроны (без пороха)	Канадскому обществу в Монреале	Моргану через лорда Китченера	Канадскому обществу в Монреале	Моргану через лорда Китченера	Французскому правит. через воен. агента	Фирме Шнейдера по 1-й конвенции	Шнейдера конвенции		Французскому правительству 2-я конвенция	Французскому правит. через воен. агента	Фирме Шнейдера	К полевым пушкам Арисака	К полевым пушкам Арисака	Одних корпусов 3" шр.	
1915 I	—		Конечный срок поставки 1 марта 1917 г. Частные сроки выяснить не удалось.	—	Конечный срок поставки 1 марта 1917 г. Частные сроки выяснить не удалось.	Конечный срок поставки 1/VII 1916 г. Частные сроки неизвестны.		Конечный срок поставки 1 I 1916 г. Частные сроки неизвестны. Заказ дан в два приема 2 300 000 и 1 176 000.	Конечный срок поставки 1/VII 1918 г. Частные сроки неизвестны.	Конечный срок поставки 1/VII 1917 г. Частные сроки неизвестны	Конечный срок поставки 15 II 1917 г. Частные сроки неизвестны	Конечный срок поставки 1/VI 1916 г Частные сроки неизвестны	Конечный срок поставки 15 II 19.7 г Частные сроки неизвестны.	Конечный срок поставки 15/XII 1916 г Частные сроки неизвестны	Конечный срок поставки 1 VII 1917 г Частные сроки неизвестны Заказы даны в три приема: 1 200 000, 2 000 000 и 800 000.	Вследствие неимения контрактов, частные сроки точно установить не удалось.
II		—					—									
III	60 000	.					90 000									
IV	240 000	—		65 000			100 000									
V	240 000	75 000		275 000			150 000									
VI	240 000	75 000		325 000			200 000									
VII	240 000	125 000		375 000			200 000									
VIII	240 000	175 000		375 000			220 000									
IX	240 000	350 000		250 000			220 000									
X	250 000	350 000		250 000			220 000									
XI	250 000	450 000		250 000			225 000									
XII		450 000		285 000			225 000									
1916 I	И еще 500 000 химических снарядов, частные сроки поставки коих выяснить не удалось	450 000					225 000									
II				.			225 000									
III		—					—									
IV		—					—									
V		.														
VI		—		—			—									
VII		—														
VIII		—		.												
IX		—		—												
X		—					—									
XI		—		—												
XII		.					—									
ИТОГО	2 500 000	2 500 000	3 000 000	2 450 000	9 000 000	1 000 000	2 300 000	3 426 000	2 715 000	1 500 000	1 000 000	1 000 000	50 000	670 000	4 000 000	37 111 000
		16 950 000				12 941 000							4 720 000			

К сожалению, за отсутствием систематизированного материала, не представляется возможности дать подробный и исчерпывающий перечень этих заказов. Поэтому приходится ограничиться перечислением только тех заказов, сведения о которых имелись у ГАУ документально. Эти сведения сгруппированы в таблице 50.

Согласно этой таблицы нами было дано заказов за границей на 37 млн. 3-дм. выстрелов. Между тем, по сведениям бывшего Главного управления по заграничным заказам, за все время войны 1914—1918 гг. нами было заказано за границей 56 млн. 3-дм. выстрелов * (см. табл. 51).

Итог таблицы 51 слишком разнится от итога таблицы 50, согласно которой за границей нами заказано было всего 37 млн. Но ведь не из пальца же высосал Главзагран свои «данные»... И если он прав хотя наполовину, то, суммируя заказы внутри страны с заграничными, придем к заключению, что всего за эту войну нами было заказано около 100 млн. 3-дм. выстрелов.

Число заказанных 3-дм. патронов (выстрелов) вовсе не служит показателем, что такое же число 3-дм. патронов было в действительности изготовлено и подано на фронт в действующую армию. Подано было 3-дм. выстрелов к легким и горным пушкам нашим и к японским пушкам Арисака от начала войны до января 1918 г. всего около 54 млн., считая в том числе и 3-дм. химические патроны (см. табл. 62), т. е. приблизительно половина заказанного числа снарядов и выстрелов. В счет 3-дм. выстрелов, заказанных за границей, прибыло оттуда в Россию около 13 млн. выстрелов, т. е. едва ли более 20—30%.

Конечные сроки поставки по заграничным заказам 3-дм. выстрелов были назначены, по сведениям ГАУ, между 1 января 1916 г. и 1 июля 1917 г. (см. табл. 50). Между тем, в 1915 и в 1916 гг. из-за границы поступило лишь около 9 293 тыс. 3-дм. выстрелов, как это видно из приводимой выдержки из отчета Главзаграна, а именно:

Всего поступило из заграницы выстрелов к 3" пушкам:

к горным	в 1915 году	241 322
к легким	„	946 682
„	в 1916 году	8 104 753
	Итого	9 292 757

В 1917 г. поступило из-за границы еще около 3 626 тысяч выстрелов (см. табл. 62), из них до 1 июля получено было около 1 621 тыс. А всего поступило из заграницы в обусловленные сроки до 1 июля 1917 г. около 10 914 тыс. 3-дм. патронов, т. е. не более 20% заказанного количества.

* Автор не считал эти сведения достоверными, но и не решался их прямо игнорировать (как они, по его мнению, того заслуживают), ибо в эту несчастную войну у нас было столько „хозяев“, что нельзя поручиться за то, что кое-какие заказы, и даже крупные, не были даны без ведома и учета ГАУ.

ТАБЛИЦА 51.

Заграничные заказы 3-дм. выстрелов за войну 1914—1918 гг.
(По сведениям Главзаграна.)

Наименование кредита	Наименование заказа	Количество заказанного
На английский кредит	3-дм. шрапнельн. патроны . . .	32 701 466
	3-дм. химические снаряды . . .	500 000
	Итого	33 201 466
На французский кредит	3-дм. шрапнельн. патроны . . .	6 426 000
	3-дм. гранатные патроны . . .	10 741 000
	Итого	17 167 000
На японский кредит	3-дм. шрапнели	3 200 000
На американский кредит	3-дм. шрапнельн. патроны . . .	2 500 000
	Всего	56 068 466

Изготовление дистанционных трубок.

Следующим после корпуса снаряда элементом «выстрела» является дистанционная трубка у шрапнели (снаряда картечного действия) и взрыватель или ударная трубка у гранаты (снаряда фугасного действия).

Изготовление этих трубок является самостоятельною отраслью производства, независимо от изготовления собственно снарядов, и производится на особых заводах — трубочных.

Производство их очень сложно и капризно и требует как большой точности работы и специального оборудования, так и особо обученного технического персонала, так же как на оружейных и пулеметных заводах. Поэтому развитие этого производства (бывшего до войны у нас только на двух казенных и одном частном заводах) до размеров, потребовавшихся войной, встретило затруднения, трудно преодолимые в короткий срок.

До войны у нас трубки готовились:

дистанционные — на двух казенных трубочных заводах и на одном частном;

взрыватели — на двух казенных заводах.

Насколько трубочное производство сложно и капризно, видно из следующих фактов.

В 1910 и 1911 гг. на одном из казенных трубочных заводов, на котором наша трубка разрабатывалась и изготовлялась успешно в течение

многих лет, производство трубок начало давать неудовлетворительные результаты. Постепенно на заводе образовалось до 900 000 трубок, изготовленных, казалось бы, совершенно правильно, но тем не менее дававших неудовлетворительные результаты при испытании стрельбой.

Другой трубочный завод, выстроенный по последнему слову науки, имевший во главе одного из лучших наших техников, а в составе своих офицеров — бывших офицеров Н—ского трубочного завода, с 1912 г. и до самого начала войны не мог дать ни одной удовлетворительно действующей трубки, хотя к этому времени им были изготовлены уже сотни тысяч трубок.

Один частный завод, пользовавшийся содействием солиднейшей фирмы Шнейдер (Франция), 200 000 трубок с трудом изготовил в течение четырех слишком лет, несмотря на постоянные и всевозможные послабления в отношении технических условий и правил испытания и приема.

К началу войны два наших казенных трубочных завода имели общую производительность около 300 000 дистанционных 22-сек. трубок в месяц или около 3½ млн. в год.

Что двумя казенными трубочными заводами, как бы они ни развили свою деятельность, удовлетворить всю потребность в дистанционных трубках никак не удастся при обнаружившемся масштабе войны, — это должно было стать ясным ГАУ с того момента, как Ставкой впервые была заявлена потребность в 3-дм. выстрелах в 1 500 000 в месяц, т.-е. с начала сентября 1914 г.

С этого времени ГАУ и начало искать, где бы можно было поместить заказы на трубки. При этом надежда на частное производство внутри России ГАУ возлагало очень мало, ибо знало всю сложность и трудность дела фабрикации трубок. Поэтому ГАУ не без основания считало, что всякое н о в о е трубочное предприятие обречено на заведомый долгий неуспех. И действительно, специалистов этого тонкого производства в нашей частной промышленности не существовало, а в казенной их еле-еле хватало для обслуживания своих заводов, к которым пред'являлись теперь самые жестокие требования одновременно и по усилению и по расширению.

Казенные трубочные заводы развили свою производительность во время мировой войны до максимального напряжения: в 1914 г. они изготовили около 970 тысяч 22-сек. алюминиевых трубок, а в 1916 г. — около 13 300 тысяч, т.-е. увеличили производительность в течение двух лет войны в 13 раз; всего же за время войны 1914—1917 гг. ими изготовлено было около 32 млн. таких трубок (в том числе вновь около 28½ млн. и переделанных около 3½ млн.). Кроме этих трубок казенными трубочными заводами изготовлено огромное количество латунных 22-сек. трубок и разных других дистанционных трубок 30-сек., 34-сек., 45-сек. и горных, разных ударных трубок и взрывателей, а также капсюльных втулок (около 37 млн.), и не только для военного, но и для морского ведомства.

Требовать от них еще большего напряжения было бы безусловно вредно для дела, так как заводы, работая круглые сутки (в три смены) и не имея даже времени на очистку станков, уже и без того шли «на вспышках», указывающих на чрезмерную их перегрузку, граничащую с серьезным риском для самого существования заводов. Для дальнейшего усиления их производительности необходимо было увеличить число станков и построить для них новые здания.

Между тем, в России вовсе не было станков, требующихся для трубочного производства; их приходилось выписывать из Америки, где они тоже были нарасхват, поэтому получать их удавалась очень мало, несмотря на все принятые меры. По части же постройки новых помещений для станков было сделано не только все возможное, но даже более, чем это допускалось противопожарными правилами. На одном из заводов пришлось ограничиться «уплотнением» мастерских до крайних пределов и пристройками самого легкого типа, явно опасными в пожарном отношении *.

Ввиду этого все внимание сразу было обращено на заграничный рынок, и в первую очередь ГАУ обратилось к менее других обремененному войной японскому правительству (еще в июле 1914 г.), через его военного агента, с просьбой уступить нам готовые японские трубки и разрешить дать заказ японскому трубочному заводу (арсеналу в Осаке) на дистанционные трубки нашего образца.

Получив после длительных переговоров принципиальное согласие, в Японию был командирован ген. Гермониус, которому было поручено приобрести и заказать там, что можно, из предметов боевого снабжения, а также содействовать установлению производства наших 22-сек. трубок в Осакском арсенале.

Затем в октябре 1914 г. был дан заказ на 1 млн. наших 22-сек. трубок заводу Виккерса, а вслед за тем начались переговоры с другой английской фирмой «Кингс-Нортон» на поставку 500 000 (после было увеличено до 1 000 000) наших дистанционных трубок.

Окончательно заключить последний заказ долго не удавалось, так как заседавший в Лондоне Англо-русский комитет был совсем не на высоте своего положения, не имея в своем составе специалистов по части боевого снабжения и вообще энергичных и независимых людей. Этот комитет потом был реорганизован, и во главе его был поставлен наш известный специалист по военной технике ген. Гермониус **.

Здесь надо отметить, что все эти заграничные заказы на трубки (в том числе и на те, которые были заказаны в составе целых патронов) существенной пользы нам не принесли, так как были выполнены и прибыли к нам с большими запозданиями. Выручили в конце-концов с в о и к а з е н н ы е з а в о д ы.

Что касается частных заводов, то хотя первоначально ГАУ совсем не надеялось найти скорую помощь по части трубок в нашей частной

* „Отчет о деятельности Особой распоряд. комиссии по артил. части", стр. 28—30.
** Там же, стр. 63—65.

промышленности, но выяснившаяся недостаточная надежность заграничных заказов, все возраставшая потребность в трубках и перегруженность до последних пределов казенных заводов, с одной стороны, а с другой — наличие некоторых обстоятельств заставили изменить первоначальный взгляд на это дело и пойти на предложения отдельных русских заводчиков, которым была передана незначительная часть заказов.

ТАБЛИЦА 52.

Заграничные заказы на 22″ трубки были распределены между следующими заводами:

Место заказа	Время заказа	Размер заказа	Конечный срок
Кингс-Нортон (Англия)	23/XII—14 г. 30/IV—15 г.	1 000 000	30/VIII 1916 г.
Шнейдер (Франция)	31/V —15 г.	1 000 000	16/V 1916 г.
Бренер-Кузнецов (Япония)	10/VIII—15 г.	4 000 000	1/III 1917 г.
Тайхей-Куминай (Япония)	11/III—16 г.	2 000 000	1/V 1917 г.

Внутри России заказы на дистанционные трубки были распределены между 4 частными заводами. Всего им было заказано 8 750 тысяч 22-сек. и 2 млн. 34-сек. трубок. Заказы эти были даны в период времени с ноября 1914 г. по сентябрь 1917 г. с конечными сроками исполнения заказов с мая 1916 г. по 1 января 1918 г.

В таблице 53 показано количество дистанционных трубок разных образцов, какое было получено во время войны от русских и заграничных заводов. Русские частные заводы выполнили лишь около 42% данных им заказов.

ТАБЛИЦА 53.

Поступление дистанционных трубок разных образцов от русских и заграничных заводов во время войны 1914—1917 гг.

Годы поступления / Название заводов	1914	1915	1916	1917	Итого
	Количество трубок в тысячах (за округлением).				
Русские казенные заводы	1 686	8 118	16 041	12 508	48 353
Русские частные заводы	—	757	2 078	1 680	4 515
Из заграницы	—	—	3 111	5 289	8 400
Всего	1 686	8 875	31 230	19 477	61 268

Из таблицы 53 видно, что в первые 1914 и 1915 гг. войны поступало очень мало дистанционных трубок. Недостаток в них был так велик, что председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части решился на крайние меры. Он распорядился перебрать все забракованные трубки заводов Эргардта и Шнейдера, изготовленные еще в 1905 г., и все мало-мальски годные трубки пустить на снаряжение парков, а негодные передать на исправление одному частному русскому заводу, который приступил к этой работе в мае. Оборудование этого завода позволяло ему переделывать не менее 1 000 трубок в день.

Кроме того, председатель этой же комиссии поручил Арткому попытаться применить дистанционные трубки 1891 г. от старой артиллерии к 3-дм. скорострельной. Хотя опыты и дали сравнительно хорошие результаты, однако, эта мера комиссией была признана нежелательной, как вследствие своих технических недостатков (установка трубки ключом, изменения баллистических качеств шрапнели), так, главным образом, потому, что шрапнели, снаряженные подобной трубкой, обладали значительно меньшей дальностью, чем обыкновенные шрапнели с 22-сек. трубкой. Последнее обстоятельство являлось особенно важным, так как снабжение батарей подобными снарядами с меньшей досягаемостью должно было влиять весьма неблагоприятно на моральное состояние войск.

Однако, верховный главнокомандующий не счел возможным согласиться с мнением комиссии. Резолюция его на журнале заседания комиссии по этому вопросу от 26 апреля 1915 г. гласила:

«Несмотря на доклад военного министра и генерал-лейтенанта Маниковского журнала № 5, с содержанием которого они вполне согласны, я все-таки признаю, что ввиду критического положения из-за недостатка патронов в артиллерии, даже патроны со старыми трубками нам крайне необходимы. Поэтому прошу безотлагательно приступить с полной энергией к изготовлению сих патронов» *.

Изготовление взрывателей.

К снарядам фугасного действия (гранатам) у нас перед войной были разработаны и приняты на службу взрыватели так называемого «безопасного» типа:

3 ГТ	— 3-дм головной тротиловый	— для 3-дм и 42 лин. гранат
4 ГТ	— 4-дм „ „	— для 48-лин. бомб
6 ГТ	— 6-дм „ „	— для 6-дм. бомб.

«Безопасными» они названы потому, что самая опасная часть их — капсюль с гремучей ртутью, помещен в этих взрывателях в особой холостой камере, в которой он находится до самого момента падения снаряда и в которой должен локализоваться случайный взрыв этого капсюля,

* „Отчет о деятельности Особой распоряд. комиссии по артил. части", стр. 29.

не передаваясь детонатору, от взрыва которого взорвался бы весь разрывной заряд бомбы. В этом существенное отличие взрывателей этого типа от других, в которых всякий взрыв капсюля гремучей ртути влечет за собой разрыв всей бомбы, следовательно, и самого орудия, если взрыв капсюля произошел по каким-либо причинам тогда, когда снаряд еще находился в орудии. И опыт войны (статистика преждевременных взрывов снарядов в канале орудий) действительно подтвердил прекрасные качества взрывателей этого типа.

Зато изготовление их сопряжено с большими трудностями, так как для них требуется сталь высшего качества (трудная в обработке), способная выдержать без разрыва те высокие давления, которые сопутствуют взрыву гремучей ртути в холостой камере. Поэтому и станки для обработки такой стали требуются с и л ь н ы е и т о ч н ы е, так как работа всех частей взрывателя этого типа требует большой точности.

В мирное время эти взрыватели готовились только на казенных заводах. Частных заводов к этой работе привлекать нельзя было уже по одному тому, что ежегодный расход этих взрывателей был ничтожный, так как вследствие большой стоимости тротиловых гранат их предполагалось расходовать только на показные стрельбы — по 40 штук в год на каждый полигон. Поэтому, изготовив 800 000 штук взрывателей 3 ГТ, требовавшихся для боевых комплектов 3-дм. скорострельных пушек, даже казенным заводам пришлось сидеть почти без заказов на эти взрыватели.

Производительность этих заводов соответственно мобилизованным заданиям была около 40 000 в месяц. Первое время войны (полевых операций) требования шли главным образом на шрапнели и лишь почти год спустя (когда определился позиционный характер войны) начался усиленный спрос на гранаты. Потребовалось большое количество взрывателей. Изготовить его оказалось непосильным для казенных заводов при всем их напряжении. Пришлось прибегнуть к заказам за границей и к своей частной промышленности.

Размещать эти заказы (на взрыватели) представлялось ГАУ делом более простым, чем на дистанционные трубки, так как изготовление взрывателей все же проще, чем трубок (нет работы с порохом и сборка гораздо легче), и для этой работы можно было привлекать любой механический завод, соответственно, конечно, оборудованный. Но на деле это вышло не так просто и, несмотря на сильно пониженные технические требования как от самого материала, так и по части точности, частные заводы почти сплошь с этой работой не справились и ни один из них контрактных сроков не сдержал.

Между тем, требования с фронта на гранатные выстрелы стали сильно расти, одновременно стали поступать значительные партии уже изготовленных у нас гранатных корпусов. Ввиду этого пришлось прибегнуть к той же мере, как и в отношении шрапнелей, пустить на снаряжение 3-дм. гранат старые «ударные трубки обр. 1884 г.», хранившиеся

в складах в количестве свыше миллиона штук. Конечно, прежде чем пустить их в дело, они были соответствующими переделками, насколько возможно, обезопасены (пружина и ударник). Эти переделки хотя и уменьшали вероятность преждевременных взрывов, но в очень незначительной степени *.

Затем, по идее этой же трубки (когда запас старых трубок иссяк, а настоящие взрыватели все еще не поступали) была спроектирована очень простая по работе латунная трубка, названная обр. 1915—1916 г. Готовить такую трубку могла любая мастерская, имеющая даже слабое токарное оборудование. Были также приняты взрыватели марок 13 ГМ, 1 ГМ, 14 ГТ и 15 ГТ, представляющие собой лишь незначительные видоизменения трубки обр. 1884 г. и преследующие цель — предотвратить преждевременные разрывы всего снаряда от случайного взрыва «ударного» (малого) капсюля. Но они ни в какой мере не гарантировали от этого при случайных взрывах (в канале орудия) «большого» капсюля с гремучей ртутью. Ясно, что все эти ударные трубки являлись суррогатом настоящих взрывателей и лишь по необходимости допускались на замену их.

Конечно, результатом этого были несчастные случаи на фронте, которые действовали на войска самым удручающим образом. Поэтому стрельбу с такими ударными трубками приходилось обставлять рядом предосторожностей, понижавших скорострельность орудий, следовательно, и действительность самой стрельбы. Но иного выхода не было, и с этим приходилось мириться, тем более что подобного рода явления были и у наших союзников, и у наших врагов.

Что касается заграничных заказов на взрыватели, то они давались лишь на «безопасный тип», т. е. на 3ГТ и 4ГТ (и отдельно, и в составе целых выстрелов—гранатных). Заграничные заводы справлялись с этой работой в общем не лучше наших частных.

Количество взрывателей, изготовленных русскими заводами и полученных из-за границы во время войны, показано в таблице 54.

Из таблицы 54 видно, что в первые два года войны, по сравнению с 1916 и 1917 гг., поступление взрывателей было весьма ограничено, и потребность действующей армии во взрывателях, чрезвычайно увеличившаяся с переходом в 1915 г. к позиционной войне, покрывалась почти исключительно казенными русскими заводами.

Как и в отношении дистанционных трубок, заводы эти развили во время войны производительность по изготовлению взрывателей настолько широко, что в 1917 г. она превышала почти в 38 раз производительность 1914 г. Кроме того заводы эти изготовляли взрыватели в большом количестве и для морского ведомства, а также разного рода другие трубки — ударные, вытяжные, гальванические, обтюрирующие, детонаторы и пр. (те и другие для военного и морского ведомств.

* „Отчет Особой распор. комиссии по арт. части", стр. 29—30.

ТАБЛИЦА 54.

Поступление взрывателей разных образцов от русских и заграничных заводов во время войны в 1914—1917 гг.

Годы поступления / Название заводов	1914	1915	1916	1917	Итого
	Количество взрывателей в тысячах (за округл.).				
Русские казенные заводы . . .	380	1 455	10 803	14 361	26 999
Русские частные заводы . . .	—	—	49	57	106
Из заграницы	—	—	4 655	3 572	8 227
Всего . .	380	1 455	15 507	17 990	35 332

Но в общем изготовление трубок и взрывателей отставало от изготовления снарядов; начиная с весны 1915 г., часть изготовляемых ежемесячно 3-дм. снарядов (оболочек или стаканов) оказывалась хронически не обеспеченной дистанционными трубками или взрывателями.

Своевременное снаряжение 3-дм. патронов во время войны не обеспечивалось также и другими необходимыми составными элементами патронов, в том числе порохом и взрывчатыми веществами *.

Изготовление пороха, взрывчатых и химических веществ.

В порохе ощущался недостаток еще в мирное время. Законопроект об отпуске денег на постройку нового порохового завода, в дополнение к существовавшим, удалось для ГАУ провести только летом 1914 г. **. Это лишило ГАУ возможности не только своевременно усилить производительность по изготовлению пороха в России, но даже использовать строительный сезон 1914 г. для постройки нового завода. Завод этот был окончательно готов для изготовления пороха лишь в 1916 г.

С об'явлением войны был предпринят целый ряд мер по расширению существовавших казенных и одного из частных пороховых заводов и по усилению их производительности. Заводы эти перешли к усиленной работе в три смены, непрерывно круглые сутки, не останавливая работу ни по праздникам, ни для очистки и ремонта механизмов. Такая усиленная деятельность характеризует работу заводов на пределе их производительных сил.

Мощность пороховых заводов по самому роду производства возрастала медленно (к маю 1915 г. она возросла лишь на 30%, а за все

* Записка начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева от 28 IV (II V). 1915 г. (в материалах личного архива А. А. Маниковского).

** Там же.

время войны существовавшие до войны пороховые заводы усилили свою производительность приблизительно в три раза) *.

Огромная трата пороха в пушечных и ружейных патронах явно показала ГАУ еще в самом начале войны, что производительность наших пороховых заводов, не покрывавшая потребности в степени «прямо угрожающей» **, окажется крайне недостаточной даже и в будущем—после усиления существовавших заводов и устройства нового завода.

Установить заново производство пороха в частной промышленности в России, по мнению ГАУ, не представляло решительно никакой возможности ***.

Учитывая форсированную предельную работу своих заводов, ГАУ, из соображений предосторожности, признало необходимым поставить производство нашего пороха в Америке и в Японии ****. С этою целью еще в августе 1914 г. в Японию и Америку были командированы офицер и чиновник, специалисты по пороходелию, для установки производства нашего пороха для полевой легкой артиллерии и винтовочных патронов.

По сведениям из Америки, там удалось установить производство нашего пороха как пушечного, так и винтовочного, и можно было надеяться на существенную помощь мощного завода Дюпон, начиная с осени 1915 г. Действительно, этот завод в течение войны поставил для русской армии огромное количество пороха; только в одной первой половине 1915 г. нами было заказано фирме Дюпон около 23 млн. фунтов пороха. В том же 1915 г. Франция уступила нам 100 тонн пороха.

Во время войны поступал целый ряд предложений на порох от разных заграничных фирм. Некоторые из них были приняты; другие же, как явно неосновательные (например, построить в Италии для России завод бездымного пороха, заблаговременно обеспечив завод большими заказами), были отвергнуты.

Кроме изготовленного вновь пороха русскими и заграничными заводами, на снаряжение боевых зарядов расходовались запасы пороха, хранившиеся на заводах и в складах и оказавшиеся в излишке в Севастопольской и других крепостях; различные бездымные пороха прежнего изготовления переделывались в порох для скорострельной пушки.

Потребность в порохе непрерывно возрастала в продолжение всей войны. Установленная с осени 1914 г. ежемесячная потребность пороха в количестве 100 тысяч пудов выросла к весне 1915 г. до 195 тысяч, а потребность, исчисленная по данным Ставки на период с 1 ноября 1916 г. по 1 января 1918 г., выразилась в 11 млн. пудов, или около 700 тысяч пудов в месяц. Приблизительно только ⅓ этой последней по-

---

* Доклад начальника ГАУ 20 X (2 XI). 1916 г. № 165. 392 Военному министру, стр. 24.

** Там же.

*** Записка начальника ГАУ, ген. Кузьмина-Караваева 28 IV (II V). 1915 г.

**** Его же об'яснения по замечаниям Верх. следств. комиссии, стр. 17 и 57.

требности могла быть удовлетворена русскими заводами, остальные $^2/_3$ приходилось заказывать за границей *.

В такой же «прямо угрожающей» степени не удовлетворялась русскими заводами потребность во взрывчатых веществах, определившаяся во время мировой войны.

Крайние затруднения пришлось встретить в заготовлении взрывчатых веществ для 3-дм. гранат (тротил).

В начале войны русские заводы давали артиллерийскому ведомству ежемесячно около 24 тысяч пудов тротила, тогда как потребность в нем определялась в 60 тысяч пудов. В мирное время основной материал для его приготовления—толуол—получался преимущественно из Германии; добыча же его в остальных каменноугольных месторождениях была настолько незначительна, что потребность в нем воюющих держав полностью безусловно нельзя было удовлетворить.

С августа 1914 г. велись настойчивые изыскания в нашем Донецком бассейне и организовывалась добыча толуола. Пришлось строить новые заводы и оборудовать существующие, исполняя в два—три месяца работы, требующие год даже в Германии. Одновременно делались всевозможные изыскания других веществ, которыми можно было бы заменить тротил или смешать его с ними.

Вследствие малой производительности русских заводов взрывчатых веществ пришлось обратиться к заказам заграницей. Значительное количество тротила получено было из Америки (от той же фирмы Дюпон, которая поставляла нам порох, и других) и из Англии. Последняя поставляла нам также толуол, фенол, пироксилин и пр.

Пикриновую кислоту, потребность в которой была незначительна, мы получали из Америки и отчасти из Англии; селитру получали из Норвегии и Франции.

Потребность взрывчатых веществ на 16 месяцев (с 1 сентября 1916 г. по 1 января 1918 г.) определялась Ставкой внушительной цифрой до 15 млн. пуд. (940 тысяч пуд. ежемесячно). Лишь около ⅓ этой потребности покрывалась производительностью русских заводов.

До мировой войны ни в России, ни в союзных с нею государствах вовсе не было установлено производства удушающих и отравляющих химических средств.

В январе 1915 г. начальник Генерального штаба получил из Ставки указание на множество технических усовершенствований, применяемых немцами: снаряды с удушливыми газами, мины, бросаемые в окопы, дымовые завесы, гранаты малого калибра и т. п. Все эти технические усовершенствования сильно угнетали наши войска. Поэтому было целесообразным, не стремясь к достижению технически идеальных результатов, как можно скорее применить те же меры; крайне важными являлись здесь быстрота реагирования и количество предметов, сразу поднимающих на-

---

* Доклад начальника ГАУ военному министру 20 X (2 XI)—1916 г. № 165392 стр. 24 и приложение I.

строение солдат и дающих им сознание, что о них заботятся и что враг не так уже недоступен техническому поражению с нашей стороны.

Поэтому председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части письмом от 19 февраля (4 марта) 1915 г. запросил верховного главнокомандующего о том, признает ли он возможным употребление снарядов, снаряженных ядовитыми веществами. Через несколько дней начальник штаба ответил, что «верховный главнокомандующий относится к употреблению снарядов отрицательно» *.

Но через год после этого взгляды изменились.

Комиссия УС под председательством ген. Крылова, вошедшая в апреле 1916 г. в состав химического комитета, образованого при ГАУ под председательством академика ген. Ипатьева, создала химические заводы отравляющих веществ, получившие к концу войны значительное развитие.

Обширная сеть химических заводов (около 200), созданных во время войны энергией и творчеством академика Ипатьева, дала «могучий толчок к дальнейшему развитию русской химической промышленности», освобождая страну от гнета «заграничной зависимости» **.

ВЫСТРЕЛЫ ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ЛЕГКИХ ГАУБИЦ И ДЛЯ ТЯЖЕЛОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

Нормы боевых комплектов и запасы выстрелов к началу войны.

По последнему действовавшему перед войной мобилизационному расписанию на вооружении нашей армии должно было состоять (см. ч. III об орудиях): 42-лин. скорострельных пушек обр. 1910 г.—76; 48-лин. гаубиц—512 и 6-дм. гаубиц—164 (о запасных орудиях этого рода не упоминается, так как содержать к ним боевые комплекты не было положено).

Боевые комплекты к ним положено было содержать в следующем количестве: на каждую 42-лин. пушку по 1 200 выстрелов, на 48-лин. гаубицу—по 1 000 и на 6-дм. гаубицу—по 1 000.

Фактически к началу войны у нас в армии состояло следующее количество орудий — 42-лин., 48-лин. и 6-дм. калибров и выстрелов к ним *** — таблица 55.

По преобладавшему до мировой войны мнению представителей русского Генерального штаба, участие в боях в ряду полевых войск «сверхтяжелой» артиллерии не предвиделось. Для разрушения крепостей и других опорных пунктов, создаваемых противником, предполагалось брать тяжелую артиллерию осадного типа из своих крепостей, не атакованных неприятелем ****. По этим соображениям, по мобилизационному

* Отчет Особой распорядительной комиссии по арт. части, стр. 32 и 33.

** Из отчета о деятельности химического комитета при ГАУ, стр. 5, прилож. к докладу нач. ГАУ 1916 г. № 165392.

*** „Свод сведений Верх. следств. комиссии о выстрелах“, стр. 5 и 48.

**** Е. Барсуков, Подготовка России к мировой войне в артил. отношении, изд. 1926 г., стр. 87—93.

ТАБЛИЦА 55.

	Число орудий	Число выстрелов на орудие	Число выстрелов			% некомплекта выстрелов
			должно было быть	было в действительн.	нехватало	
42-лин.	76	1 200	91 200	22 344	68 856	75%
48-лин.	512	1 000	512 000	449 477	62 523	12%
6-дм.	164	1 000	164 000	99 910	64 090	39%
Итого	752	—	767 200	571 731	195 469	25%

расписанию 1910 г. на вооружении русской полевой армии не полагалось иметь тяжелых орудий мощного осадного типа и о норме боевого комплекта выстрелов к таким орудиям не существовало никаких предположений. Выстрелы к осадным орудиям, взятым из крепостей, предполагалось получать из боевых комплектов тех же крепостей.

Из таблицы 55 видно, что к началу войны боевые комплекты к тяжелым орудиям (42-лин., 48-лин и 6-дм.) состояли не полностью—недоставало 195 469 выстрелов или около 25%.

Нехватка, касавшаяся собственно 42-лин. и 6-дм. орудий, т.-е. так называемой «полевой тяжелой артиллерии», была около 133 000, по отношению к комплектам этих орудий, т.-е. к 255 200, составляет около 52%.

Значит, собственно «полевая тяжелая» артиллерия выступила в кампанию только с половиною положенных ей комплектов.

Этого одного, казалось, было бы достаточно, чтобы с самого же начала войны привлечь самое серьезное внимание всех ведающих боевым снабжением армии на такую нехватку выстрелов к тяжелой артиллерии. Самая же эта нехватка произошла оттого, что ведь почти до самой войны наши тяжелые дивизионы имели на вооружении старые орудия обр. 1877 г. (42-лин. и 6-дм. в 120 п.) и перевооружились новыми скорострельными образцами, можно сказать, лишь накануне выступления в поход. Боевые же комплекты к новым орудиям только изготовлялись в это время на заводах, так что даже первые практические стрельбы дивизионам, получившим новые орудия, пришлось вести боевыми припасами прежних орудий.

Потребность в выстрелах во время войны.

Потребность в выстрелах для орудий средних калибров (42-лин., 48-лин. и 6-дм.), как и для 3-дм. пушек, была определена не сразу, а почти год спустя после начала войны, и потом все время непрерывно увеличивалась.

Так, месячная норма началась:

для 42-лин. пушек	36 000	выстрелов
„ 48-лин. гаубиц	75 000	„
„ 6-дм. гаубиц	37 000	„

Заявленная Ставкой месячная потребность росла в такой прогрессии:

„ 42-лин. пушек	50 000; 75 000; 100 000
„ 48-лин. гаубиц	170 000; 300 000; 400 000
„ 45-лин. гаубиц	150 000; 400 000
„ 6-дм. гаубиц	100 000; 200 000; 250 000

Последние цифры относятся к заданиям Ставки осенью 1916 г.

В записке наштаверха ген. Алексеева царю от 14 (27) июня 1916 г. * заявлялась следующая ежемесячная потребность в выстрелах к 42-лин. пушкам, к 48-лин. и 6-дм. гаубицам:

	По данным на 1 ноября 1915 г.	По опыту весенних боев 1916 г. на нашем Юго-Западном фронте
Для 42-лин. пушек	50 000	90 000
„ 48-лин. гаубиц	200 000	300 000
„ 6-дм. гаубиц	110 000	225 000

По расчетам 1910 г. считалось достаточным иметь ежемесячно выстрелов — для 42-лин. пушек 7 600, для 48-лин. гаубиц 42 600 и для 6-дм. гаубиц 13 700; следовательно, потребность в выстрелах к указанным орудиям, определившаяся во время войны, превысила расчеты мирного времени—для 42-лин. пушек в 4—13 раз, для 48-лин. гаубиц в 2—8 раз и для 6-дм. гаубиц в 3—16 раз. При этом необходимо иметь в виду, что потребность возросла также вследствие того, что увеличилось количество орудий в армии; если же принимать во внимание «ежемесячную» потребность на одно орудие, то она увеличилась от 3 до 7 раз.

К орудиям крупных калибров тяжелой артиллерии осадного типа относились: 6-дм. пушки—старые русские в 120, 190 и 200 пуд. и новейших систем—осадная французского завода Шнейдера и береговая—системы Канэ, гаубицы 8-дм., 9,2-дм., 11-дм. и 12-дм., 10-дм. береговые пушки и некоторые другие орудия.

Потребность в выстрелах к орудиям крупного калибра стала ощущаться со времени осады Перемышля и с переходом от маневренного периода войны к позиционному. Особенно острая нужда в них выявилась в 1916—1917 гг., когда русская армия стала предпринимать попытки к прорывам неприятельской укрепленной полосы.

* См. том II этой книги, „Приложения".

В 1914—1915 гг. русская армия почти не имела на фронте осадных орудий крупного калибра; потребность в выстрелах к немногим имеющимся в действующей армии осадным орудиям (почти исключительно к 6-дм. пушкам старых образцов) удовлетворялась по мере возможности, без всякого плана и определенных норм снабжения.

В марте 1916 г., когда действующая армия стала получать тяжелые орудия (главным образом из-за границы, см. выше «об орудиях»), Особое совещание по обороне впервые определило потребность в выстрелах крупного калибра в следующем размере на каждое орудие единовременно *:

на 8-дм. гаубицу — по 1 000, в том числе по 750 бомб и 250 шрапнелей, всего 64 000 выстрелов (из них 32 000 было заказано в Англии Виккерсу);

на 11-дм. гаубицу—по 800 бомб, всего 12 800;

на 12-дм. гаубицу—по 800 бомб, всего 45 600 (в том числе 7 200 было заказано Виккерсу).

Затем Ставка (Упарт) заявила на январь и февраль 1917 г. следующую потребность на выстрелы крупных калибров:

к 8-дм. гаубицам—по 22 500 в месяц;

к 10-дм. пушкам—по 700 в месяц;

к 11-дм. гаубицам—4 000 в месяц;

к 12-дм. гаубицам—6 000 в месяц **.

Таким образом к 1917 г. минимальная потребность в них определилась в 33 200 выстрелов в месяц.

Наконец, в январе 1917 г. Междусоюзнической конференции была заявлена следующая наша потребность в выстрелах для легкой гаубичной и для тяжелой артиллерии, не считая крупных калибров.

	На первый период (1/14 I 17 г.—1/14 VII 17 г.)
Для 42-лин. пушек, новых и старых	500 000 выстрел.
„ 45-лин. английских гаубиц	950 000 „
„ 48-лин. гаубиц	2 400 000 „
„ 6-дм. гаубиц (пол. и креп.)	965 000 „
„ 6-дм. пушек в 120, 190 и 200 п.	513 000 „
„ 6-дм. Канэ и Шнейдера	103 800 „
Итого	5 431 800 выстрел.

На второй период (1/14 I 17 г.—1/14 I 18 г.)	На третий период (1/14 I 17 г.—1/14 VII 18 г.)
1 100 000	2 036 600
1 800 000	2 700 000
4 800 000	7 200 000
1 895 000	2 984 750
1 136 600	1 759 400
273 600	489 000
Итого 11 005 200	Итого 17 169 750

* Журнал подготовительной комиссии по артиллер. вопросам при Особом совещании по обороне государства от 4/III 1916 г.

** Орудиями 9,2-дм. англичане брались снабжать сами, и производство снарядов к ним устанавливать у нас не предполагалось.

В пояснительной записке сказано, что вся исчисленная выше потребность полностью будет удовлетворена отечественным производством, за исключением выстрелов к 45-лин. гаубицам, обещанных Англией *. И действительно, если бы не наступившие события, это предположение могло быть полностью осуществлено в 1917 г.

Так как в помощи союзников по части указанных выстрелов мы не нуждались, то заявленную потребность следует признать отвечающей действительным нуждам армии, в особенности потребность, заявленную на второй период, т.-е. на один 1917 г., которую только и следует учитывать при исчислениях на будущее время.

В таблице 56 сведены данные о «ежемесячной» потребности на одно орудие по исчислениям до войны в 1910 г., заявленную конференции союзников на 1917 г. и определенную в октябре 1916 г. начальником ГАУ **, причем эта последняя была больше заявленной союзникам.

ТАБЛИЦА 56 ***

Ежемесячная потребность в выстрелах для легкой гаубичной и для тяжелой артиллерии.

Название орудий	К началу войны 20/VII 1914 г.			Во время войны на 1917 год			Ежемесячное число выстрелов на орудие, определенное в октябре 1916 г. по докладу начальника ГАУ № 165392
	Число орудий	Ежемесячно выстрелов: на 1 орудие	Ежемесячно выстрелов: всего	Число орудий	Ежемесячно выстрелов: на 1 орудие	Ежемесячно выстрелов: всего	
48-лин. гаубицы	516	80	41.280	790	560	400 000	600: 500 бомб+100 шрапн.
45-лин. гаубицы (англ.)	—	—	—	264	560	150 000	—
42-лин. пушки (скоростр. и старые)	76	100	7.600	308	300	100 000	600: 300 бомб+300 шрапн.
6-дм. гаубицы (полев. и крепостные)	172	80	13.760	372	420	155 000	500: 450 бомб+ 50шрапн.
6-дм. пушки в 120, 190 и 200 пуд.	—	—	—	360	260	94 700	—
6-дм. осадн. пушки Шнейдера	—	—	—	32	600	19 200	} 350 бомб.
6-дм. пушки Канэ	—	—	--	30	100	3 100	
10-дм. берег. пушки	—	—	—	6	100	600	—
8-дм. гаубицы	—	—	—	24	25[1]	6 000 [1]	300 бомб
11-дм. гаубицы	—	—	—	24	200[2]	4 800 [2]	200 бомб
12-дм. гаубицы	—	—	—	20	200[3]	4 000 [3]	200 бомб

Примечания: 1. Сверх того, на каждую гаубицу по 750 выстрелов единовременно.

2. Сверх того, на каждую гаубицу по 500 выстрелов единовременно.

3. Сверх того, на каждую гаубицу по 500 выстрелов единовременно.

* Это спокойствие за будущее по части выстрелов для тяжелой артиллерии является прямым результатом работы Особой комиссии тяжелых снарядов при ГАУ.

** См. доклад начальника ГАУ военному министру с программой заводского строительства 20/X 1916 г. № 165 392 (секр.) в архивах ГАУ и Упарта. Определена была „ежемесячная" потребность в выстрелах к орудиям в этом докладе начальником ГАУ (автором труда „Боевое снабжение" А. А. Маниковским) по соглашению с Упартом Ставки.

*** Таблица 56 составлена по архивным материалам Упарта Ставки, по об'яснительной записке к програмке снабжения до 1 января 1918 г., представленной конференции союзников, и по докладу начальника ГАУ военному министру 20/X 1916 г. № 165 392 (секр.) с программой заводского строительства.

Из таблицы 56, видно что ежемесячная потребность в выстрелах для гаубичной и полевой тяжелой артиллерии возросла за время войны в 3—5 до 7 раз; что касается выстрелов для орудий осадного типа, то потребность в них, как упоминалось, вовсе не предусматривалась мобилизационным расписанием 1910 г.

Общие условия заготовления выстрелов для тяжелой артиллерии.

К началу Мировой войны в боевых комплектах полевой, тяжелой и легкой гаубичной артиллерии нехватало до 25% выстрелов (см. таблицу 55). Русская снарядная промышленность вообще не была подготовлена к массовому производству снарядов, особенно снарядов для тяжелой артиллерии.

Ввиду всего этого, казалось, надо было напрячь все силы к тому, чтобы подогнать изготовление выстрелов к орудиям тяжелой артиллерии; однако этого сделано не было ни ГАУ (в тот период, когда оно еще могло оказывать свое влияние на дело боевого снабжения, т.-е. до образования Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части), ни Особой распорядительной комиссией (за все время, правда, короткого ее существования, т.-е. до половины 1915 г.). Причиной этого, как уже неоднократно указывалось, было царившее тогда общее убеждение, что центр тяжести всех боевых операций лежит в 3" пушках и что именно ими и решится участь войны, а потому заботы о достаточном снабжении их должны доминировать над всем остальным. Тон в этом отношении задавала Ставка верховного главнокомандующего, и ген. Янушкевич и ген. Ю. Данилов почти весь первый год ни о каких других выстрелах не били тревогу, как только о 3". Правда, у некоторых более осведомленных в артиллерийском деле начальников, как например, у ген. Иванова, проглядывала и в этот период тревога о «гаубичных» и «тяжелых» выстрелах, но это было так случайно, так не подчеркнуто, как бы вскользь и совсем без того «напора», каким сопровождались требования на 3" снаряды, что это или не производило почти никакого впечатления или ничтожное по сравнению с впечатлением от недохватки 3-дм. выстрелов. Вот почему и все заботы были направлены почти исключительно на усиление подачи сих последних.

Начальник ГАУ (ген. Маниковский) лично сделал несколько безуспешных попыток изменить такую односторонность в деле снабжения нашей артиллерии выстрелами в первый раз при назначении его председателем Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части и потом в бытность его товарищем председателя этой комиссии; при этом ему прямо было указано, что он, как закоренелый «крепостник» (20 лет прослужил в крепостной артиллерии), страдает извращением артиллерийского чувства, переоценивает значение «крупных» калибров и просто некомпетентен в вопросах чисто полевой войны, в которой роль принадлежит только легкой пушке, о которой и надо заботиться прежде всего и больше всего.

Но вот образуется Особое совещание по обороне, в состав которого входит начальник ГАУ. В нем он уже начал вести определенную кампанию за необходимость уделить побольше внимания «тяжелым» выстрелам, хотя бы за счет сокращения легких.

Но в это первое время деятельности совещания (и созданного-то вследствие оказавшейся полной «несостоятельности» ГАУ) с мнениями начальника ГАУ предумышленно не считались, а потому и внесенное им предложение перевести часть заводов, работающих 3″ снаряды, на более крупные калибры было признано просто ересью.

Тогда начальник ГАУ написал об этом в Ставку г. Янушкевичу, прося его воздействия на военного министра и начальника Генерального штаба, а этим последним в отдельных докладах старался доказать всю неправильность принимаемых Особым совещанием решений. Ген. Янушкевич ответил ген. Маниковскому, что вполне разделяет его тревогу насчет тяжелых снарядов и что по этому поводу он пишет Беляеву, а на имя военного министра пишется рескрипт от имени верховного главнокомандующего.

Но и эти воздействия из Ставки особых результатов не имели, так как доминирующей партии совещания было совсем не на руку предложение ген. Маниковского: во-первых, это было невыгодно для гг. заводчиков, во-вторых, это означало бы первую «сдачу позиции», т. е. добровольное признание неправильности мероприятий совещания, да еще по обличению ненавистного ГАУ. Вот почему, когда под влиянием доводов начальника ГАУ и особенно письма Янушкевича ген. Беляев в двух ближайших заседаниях совещания поддержал ген. Маниковского, то и эта поддержка особой пользы не принесла, так как совещание политично ограничилось признанием «принципиальной» правильности заявлений начальника ГАУ, но на деле продолжало вести свою прежнюю линию.

И вот, когда ГАУ ближайший крупный заказ на 6 000 000 снарядов было приказано передать заводам не непосредственно от себя, а *через Центральн. военно-промышлен. комитет*, то этот последний, вопреки прямым и ясным указаниям ГАУ, стал раздавать заказы только на 3″ снаряды и тем самым заводам, которым давало и ГАУ. Получив об этом определенные сведения, подтвержденные в заседании 24 июня (7 июля) 1915 г. заведывавшим финансовой частью Центрального военно-промышленного комитета В. В. Жуковским, ген. Маниковский заявил решительный протест против такой «политики». На это он получил наивный ответ, что «Ц. в.-п. комитет не знал, «изволите ли видеть», о *столь острой нужде* в тяжелых снарядах и не мог усмотреть таковой в препроводительной бумаге ГАУ, а потому, в первую очередь, заказаны 3 млн. 3″ снарядов». Ген. Маниковский настаивал на переводе этих заказов на более крупные снаряды, его поддержал Беляев, но толку опять не вышло: совещание признало действия Ц. в.-п. комитета правильными и не подлежащими отмене. И только в виду крайней резкости протеста начальника ГАУ и угрозы довести все это до сведения Ставки (что и было сделано) совещанием была принята резолюция, в которой выска-

залась просьба к Ц. в.-п. комитету в будущем иметь в виду потребность в тяжелых снарядах. При этом в редакции журнальных постановлений как этого заседания, так и предыдущих и последующих ни единым словом не упоминается о том, что вся инициатива постановки на очередь вопроса о тяжелых снарядах все время исходила от ГАУ, которое одно боролось, хотя и безуспешно, за необходимость немедленного и крупного заказа их.

Вот как, например, отмечен в журнале особого совещания от 24 июня (7 июля) 1915 г. протест ген. Маниковского против действий Ц. в.-п. комитета:

«При этом совещание в связи с установленным (кем и когда?) серьезным недостатком в снарядах для орудий крупного калибра нашло соответственным просить Ц. в.-п. комитет, чтобы при распределении между заводами остальной части общего заказа в 6 000 000 снарядов в первую очередь был поставлен вопрос об удовлетворении потребности в снарядах для тяжелой артиллерии, для чего ГАУ надлежало бы точнее установить размер соответственной потребности и сроки, в которые она подлежала бы удовлетворению».

Тем дело и ограничилось, а Ц. в.-п. комитет, конечно, никаких тяжелых снарядов не заказал, да и заказать не мог, так как за такой заказ никто из заводчиков добровольно браться не хотел, а заставить их сделать это против воли, как настаивало ГАУ, Особое совещание не хотело.

Вот как провалился такой важный вопрос, как вопрос о тяжелых снарядах, и притом год спустя после начала войны, в Особом совещании по обороне, призванном спасать отечество и поправлять грехи таких учреждений, как ГАУ. И вот при каких условиях приходилось работать тем немногим лицам и учреждениям, которые действительно понимали дело и искренно хотели помочь снабжению нашей армии.

Но, конечно, так дальше дело с тяжелыми снарядами итти не могло. Скоро настал час, когда раздался набат из Ставки. И этот набат уже не мог быть заглушен радостным трезвоном по поводу изобилия в 3″ снарядах, ибо ясно определившийся позиционный характер войны, почти игнорируя легкие снаряды, требовал тяжелых и только тяжелых.

Какие же, однако, меры были приняты Особым совещанием для удовлетворения возникшего голода по части тяжелых снарядов?

Когда во второй половине 1915 г. раздались первые серьезные и тревожные требования тяжелых снарядов, Особое совещание по обороне реагировало на них достойным образом: оно просто «приняло их к сведению» и передало их «по принадлежности» ГАУ, поставив при этом последнему на вид «неуспешность снабжения армии столь необходимым для нее предметом». Но тут ген. Маниковский определенно и резко показал Особому совещанию, настолько коротка у него память, и напомнил ему всю историю с недавними неоднократными отклонениями своих предложений о необходимости перевода заводов с более мощным прессовым и станочным оборудованием на тяжелые снаряды с легких. Особое

совещание, конечно, проглотило эту пилюлю и поручило уже самому ГАУ озаботиться возможно интенсивным изготовлением тяжелых снарядов, не возлагая уже никаких надежд на свои «общественные организации», несостоятельность которых была уже ясна всякому непредубежденному члену совещания.

Наконец, Особое совещание прозрело окончательно, убедившись в своей беспомощности в деле изготовления тяжелых снарядов и обратилось к ген. Маниковскому с просьбой взять это дело полностью и единолично в свои руки, без права чьего бы то ни было вмешательства. Таким образом, была образована, хотя и очень поздно, особая «Комиссия тяжелых снарядов», которая, наконец, взялась за это дело так, как давно уже надо было взяться за него. И только после этого представилась возможность перераспределить соответственным образом заказы на снаряды разного рода и взять в руки самих г.г. заводчиков.

Но время было уже безнадежно упущено, общее расстройство в стране неудержимо прогрессировало, а потому и все усилия ГАУ не давали тех результатов, которые получились бы год или даже полгода назад. Все это прекрасно видело и понимало Особое совещание, тем не менее, оно не упускало случая при каждом новом требовании Ставки лицемерно скорбеть о нехватке тяжелых снарядов и пытаться свалить вину в этом на ГАУ. Но ни одного случая не упускал и ген. Маниковский, чтобы полностью вернуть эти обвинения Особому совещанию, которое главным образом и даже единственно было виновато в этой беде. Трудно припомнить точное число раз, но с уверенностью можно сказать, что не менее десяти ген. Маниковский напоминал все это Особому совещанию, и ни разу его заявления в протокол занесены не были *.

Лишь только после усилий прямо-таки сверхчеловеческих удалось, хотя и не в полной мере, удовлетворить и эту нужду (в конце 1916 г.), как назрела и оставалась почти совсем неудовлетворенной новая нужда в снарядах для особо крупной артиллерии (от 8″ до 12″).

Так мы и покончили войну, не достигнув в этом направлении удовлетворительных результатов, так как к этому времени экономический развал у нас достиг небывалых размеров, не позволявших и думать об одновременном изготовлении всех упомянутых выше типов снарядов, чтобы выполнить грандиозные задания Ставки.

Изготовление снарядов для легкой и для тяжелой артиллерии.

Изготовление снарядов (оболочек бомб и шрапнельных стаканов) для полевой гаубичной и полевой тяжелой артиллерии производилось в России на нескольких казенных заводах, главным образом горных, и на нескольких наиболее мощных частных заводах.

* Говорил он всегда довольно энергично, чтобы все это можно было удостоверить и, помимо официальных протоколов, живыми свидетельскими показаниями участников этого злосчастного совещания.

В таблице 57 показано, сколько казенными и частными заводами и в какие сроки было изготовлено во время войны снарядов к орудиям среднего калибра.

ТАБЛИЦА 57 *.

Изготовление русскими заводами снарядов к 48 лин. и 6-дм. гаубицам и к 42-лин. пушкам в войну 1914—1918 гг.

Род снарядов и название заводов	Количество снарядов, изготовленных в 1914—1918 гг. за округлением					
	1914	1915	1916	1917	1918	Всего
42-лин. бомбы.						
Казенные заводы . . .	—	—	31 500	84 600	1 500	117 600
Частные	—	90 400	261 200	544 200	81 400	977 200
42-лин. шрапнели.						
Казенные заводы . . .	—	52 800	36 600	3 600	—	93 000
Частные	—	100 400	382 500	125 200	200	608 300
Итого 42-лин. . .	—	243 600	711 800	757 600	83 100	1 796 100
48-лин. бомбы.						
Казенные заводы . . .	—	—	103 400	133 700	5 700	242 800
Частные заводы	24 000	276 800	1 586 000	2 614 800	30 000	4 531 600
48-лин. шрапнели.						
Казенные заводы . . .	—	27 200	336 100	293 400	15 300	672 000
Частные заводы	—	66 900	187 100	196 100	10 200	460 300
Итого 48-лин. . .	24 000	370 900	2 212 600	3 238 000	61 200	5 906 700
6-дм. бомбы.						
Казенные заводы . . .	—	108 900	463 100	826 000	8 000	1 406 000
Частные заводы	—	22 900	667 400	1 858 800	56 500	2 605 600
Итого 6-дм. . . .	—	131 800	1 130 500	2 684 800	64 500	4 011 600
Всего	24 000	746 300	4 054 900	6 680 400	208 800	11 714 400

Изготовление снарядов тем труднее в общем, чем крупнее калибр снаряда. Даже мощные заводы с трудом справлялись с изготовлением снарядов большого калибра; для небольших второстепенных заводов оно

* Таблица составлена по материалам личного архива А. А. Маниковского.

являлось непосильным, не оправдывающим заводских расходов на оборудование и производство.

Затруднения с изготовлением тяжелых снарядов достигли в 1916 г. таких размеров, что пришлось и в отношении их прибегнуть к суррогатам, а именно к допущению вместо стальных — чугунных снарядов, вмещавших в себе почти вдвое меньший разрывной заряд. В это же время наши союзники (французы) сообщили нам, что и они вынуждены прибегнуть к такой же замене стальных снарядов чугунными, но у них выработан способ получения чугуна повышенных качеств путем добавки к нему во время плавки некоторого количества стальных обрезков, благодаря чему этому металлу ими дано название «сталистого чугуна», снаряды из которого с успехом употребляются на французском фронте. Хотя такие снаряды, несмотря на несомненное превосходство их перед просто чугунными, являлись все же второстепенными по отношению к нашим прекрасным стальным снарядам, тем не менее пришлось прибегнуть и к ним, так как они требовали значительно меньше механической обработки и скорее могли попасть на фронт.

Г.-м. Ванкову, у которого работала партия французских техников *, было поручено заняться изготовлением снарядов из сталистого чугуна, и им было изготовлено до 1 (14) января 1917 г. следующее количество таких снарядов: 48-лин. бомб — 156; 6-дм. — 17 667; 155-мм. — 48 **.

Из сопоставления данных таблиц 56 и 57 видно, что потребность в выстрелах к орудиям среднего калибра, определившая во время войны, не покрывалась производительностью русских заводов даже в отношении только одних корпусов снарядов. Так, например, русскими заводами при максимальной производительности 1917 г. изготовлено было 42-лин. снарядов около 758 тысяч, а выстрелов к 42-лин. пушкам требовалось на 1917 г. 1 200 тысяч; 48-лин. снарядов было изготовлено около 3 238 тыс., а выстрелов требовалось 4 800 тыс.; 6-дм. снарядов изготовлено было около 2 685 тыс., а выстрелов требовалось около 2 800 тыс.

Но необходимо иметь еще в виду, что число изготовленных заводами корпусов бомб и шрапнелей для 48-лин. и 6-дм. гаубиц и для 42-лин. пушек, выразившееся довольно внушительной цифрой около 12 млн. (см. табл. 57), а вместе со снарядами, полученными по заграничным заказам, еще большей цифрой, все же далеко не выражает действительного количества выстрелов для тех же орудий, поданного в действующую армию.

Выше были указаны те большие затруднения, какие встретились при заготовлении остальных элементов выстрелов — пороха, взрывчатых веществ, дистанционных трубок и взрывателей. Изготовление этих элементов всегда отставало от изготовления снарядов, а потому выстрелов к орудиям среднего калибра подано было на фронт значительно меньше, чем изготовлено было снарядов.

* Состав их был усилен из Франции еще специалистами по сталистому чугуну.

** Такие малые цифры об'ясняются тем, что производство только начало налаживаться в 1916 г.

Даже вполне собранные выстрелы (из всех элементов) далеко не всегда попадали на фронт, особенно получаемые из-за границы морским путем через Архангельск. Предметы боевого снабжения прибывали в Архангельск в большинстве случаев в разобранном виде. Нередко одни части тех или иных предметов находились на одних судах, другие части тех же предметов — на других судах. Это крайне затрудняло розыск всех частей и подбор их для составления целых предметов. Элементы тех или иных предметов, в частности элементы выстрелов, отправляемые из Архангельска не собранными, не всегда прибывали к месту назначения для сборки в снаряжательные мастерские или в артиллерийские склады, затериваясь в пути или попадая в другие места, что происходило главным образом вследствие расстройства железнодорожного транспорта.

Так, например, выстрелы к 45-лин. гаубицам, уступленным России англичанами, стали прибывать из Англии с июня 1916 г. месячными партиями: 27, 218, 122, 138, 197, 153 и 150 тысяч. Всего прибыло в 1916 г. 1 006 000 и в 1917 г. 379 000 выстрелов, а попало из них на фронт лишь 700 000.

От русских заводов поступило в армию в период войны 1914—1917 гг. всего около 8½ млн. выстрелов к орудиям средних калибров — 4—6-дм., а с состоявшими в запасах к началу войны около 9 110 тысяч (см. таблицу 62). Этим количеством выстрелов далеко не удовлетворялась действительная в них потребность, определившаяся во время войны. Поэтому приходилось заказывать выстрелы средних калибров и отчасти отдельные снаряды за границей.

К основным калибрам наших орудий заказов было дано в общем немного: к 48-лин. гаубицам выстрелы вовсе не заказывались за границей, а к 42-лин. пушкам и к 6-дм. гаубицам получено было от заграничных заводов в течение войны в 1915—1917 гг. всего лишь 6 000 выстрелов к 42-лин. пушкам и 6 400 выстрелов к 6-дм. гаубицам. Что касается выстрелов к орудиям средних калибров, получаемым нами от союзников, то, за исключением выстрелов к 6-дм. осадным пушкам Шнейдера и около 25 тысяч выстрелов к 120-мм. пушкам, которые были изготовлены в России, — все остальные выстрелы были получены также от союзников; количество и род выстрелов, полученных от Англии, Франции и Японии к орудиям средних калибров в 1915—1917 гг., показаны в табл. 58 *.

Таким образом в период войны 1914—1917 гг. всего было подано в армию выстрелов к орудиям средних калибров около 11 760 000 (с состоявшими в запасах к началу войны), в том числе от союзников получено около 2 650 000 или около 22%.

Русская армия в течение всей войны ощущала недостаток в выстрелах к орудиям средних калибров, особенно к 42-лин. скорострельным пушкам и к 6-дм. гаубицам.

Что положение с выстрелами к 42-лин. пушкам и к 6-дм. гаубицам должно было быть наиболее тяжелым, — это можно было предвидеть и

* Таблица 58 составлена по архивным материалам ГАУ и Упарта.

ТАБЛИЦА 58

Выстрелы к орудиям средних калибров, полученные из заграницы в 1915—1917 гг.

Название орудий	Откуда получались выстрелы	Количество полученных выстрелов			
		1915 г.	1916 г.	1917 г.	Итого
42-лин. скоростр. пушки 1910 г.	Франция	6 000	—	—	6 000
90-*мм* французск. пушки	„	—	520 000	150 015	670 015
120-*мм* „ „ .	„	—	138 020	186 620	324 640
155-*мм* „ „ .	„	—	3 000	97 950	100 950
6-дм. гаубицы	„	—	—	6 400	6 400
45-лин. английск. гаубицы	Англия	—	1 006 000	379 400	1 385 400
5-дм. (60-фн.) английск. пушки	„	—	16 000	130 440	146 440
15-*см* гаубицы Круппа.	Япония	—	9 000	1 000	10 000
Всего		6 000	1 692 020	951 825	2 649 845

раньше, так как изготовление их комплектов было наиболее трудным. Они и выступили в поход с крупной нехваткой положенных им комплектов именно потому, что усилить 42-лин. и 6-дм. производство не так просто, как трехдюймовое. Поэтому-то и надо было с первых же дней войны обратить на него самое серьезное внимание и выделить для него заводы с наиболее мощным оборудованием.

Несравненно сложнее и труднее производство снарядов для орудий крупных калибров — к 8—12-дм. гаубицам и к 10-дм. пушкам, состоявшим на вооружении тяжелой артиллерии осадного типа.

Вот с этими снарядами мы справиться до самого конца войны действительно не могли, так как для производства их необходимо особенно мощное заводское оборудование, которым обладали у нас всего несколько заводов. Но все эти заводы в части их производительности снарядов крупных калибров были безапелляционно почти полностью заняты морским ведомством для нужд боевого флота и никакие доводы военного ведомства, Особого совещания по обороне, Упарта и Наштаверха ничего сделать не могли. Флот настаивал на совершенной необходимости заготовить для его орудий большое количество выстрелов (вторые и третьи боевые комплекты и еще что-то, о чем никому из непосвященных и знать не надлежало), а потому для снарядов к крупным орудиям, состоявшим на сухопутном фронте, уделялась лишь ничтожная доля производительности означенных заводов.

Как видно из таблицы 59 *, русскими заводами для артиллерии сухопутного фронта за все время войны изготовлено было всего лишь 41 200 бомб крупного калибра.

ТАБЛИЦА 59.

Изготовление русскими заводами снарядов крупного калибра в 1914—1918 гг.

Название снарядов	Количество изготовленных снарядов					
	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	Всего
8-дм. бомбы	—	—	—	3 535	—	3 535
10-дм. бомбы	—	—	—	270	—	270
11-дм. бомбы	2 100	6 237	8 590	6 520	—	23 447
12-дм. бомбы	—	1 600	3 331	7 372	1 645	13 948
Итого	2 100	7 837	11 921	17 697	1 645	41 200

Потребность в выстреелах 8—12-дм. калибра определялась на январь и февраль 1917 г. по 33 000 в месяц; как видно из таблицы 59, русские заводы за весь 1917 г., при максимальном развитии производительности, изготовили лишь 17 697 крупнокалиберных бомб для сухопутной артиллерии, т.-е. удовлетворяли ее потребность в совершенно ничтожной степени.

Для снабжения орудий крупных калибров на фронте брались выстрелы из запасов крепостей, некоторую помощь в этом отношении оказывало армии морское ведомство, но всего этого было совершенно недостаточно. Пришлось заказывать снаряды и выстрелы крупных калибров за границей, откуда значительнейшая часть их была получена во время войны, как и орудий крупного калибра; для некоторых же орудий, как например, для 20-см. и 9,2-дм. английских гаубиц, выстрелы получались вместе с орудиями исключительно из заграницы.

Количество выстрелов к орудиям крупного калибра, полученных русской армией от бывших союзников России в 1916—1917 гг. (в 1914—15 гг. выстрелов крупного калибра из-за границы не получалось), показано в таблице 60 **.

От русских заводов, из крепостей и от морского ведомства получено было в те же 1916—1917 гг. всего лишь 28 730 выстрелов крупного калибра, т.-е. 25% общего количества поступивших выстрелов (115 480) ***: следовательно, снабжение русской армии выстрелами к орудиям крупного калибра базировалось, главным образом, на получении из-за границы, оставаясь крайне не обеспеченным во все время войны.

* Таблица 59 составлена по данным личного архива А. А. Маниковского.

** Таблица 60 составлена по архивным материалам ГАУ и Упарт'а.

*** См. таблицу 62.

ТАБЛИЦА 60.

Выстрелы к орудиям крупных калибров, полученные из заграницы.

Название орудий	Откуда получались выстрелы	Количество полученных выстрелов		
		1916 г.	1917 г.	Итого
8-дм. и 20-*см.* гаубицы	Англия	44 000	16 000	60 000
9,2-дм. гаубицы	Англия	250	9 500	9 750
11-дм. „	Франция	—	11 100	11 100
12-дм. „	Англия	1 200	4 700	5 900
Всего	—	45 450	41 300	86 750

Примечание. К 8-дм. гаубицам Мидваля было заказано 145 000 выстрелов в Америке, но сколько из них получено было в 1917 г., выяснить не удалось.

ИТОГИ СНАБЖЕНИЯ АРТИЛЛЕРИИ ВЫСТРЕЛАМИ.

Обеспечение выстрелами полевой легкой и полевой тяжелой артиллерии к началу войны; состояние боевых комплектов.

Положенное по последнему перед войной мобилизационному расписанию количество выстрелов к полевой легкой и горной артиллерии состояло к началу войны полностью налицо и было подано на фронт в течение 4 месяцев.

Здесь необходимо отметить, что этот срок — 4 месяца — является значительно сокращенным против того, какой официально был установлен последним мобилизационным расписанием, а именно: 480 дней или 16 месяцев. Такой нелепый срок не возбуждал особенных сомнений в в своей целесообразности до начала 1912 г., когда впервые вопрос о готовности местных парков вызвал тревогу, но был обсужден тогда очень поверхностно, причем ни к каким реальным результатам не пришли.

Вторично этот вопрос был поставлен на обсуждение в конце 1912 г., после балканских событий, на совещании начальников штабов военных округов. На этом совещании вопрос о готовности местных парков был обсужден обстоятельно, причем были установлены и новые сроки взамен ранее существовавших; именно — было признано необходимым подачу всех 112 местных парков закончить в 90 дней или в 3 месяца. Но по журналу этого совещания никаких распорядительных действий произведено не было, а потому он и остался не осуществленным до самой войны. ГАУ журнал совещания был сообщен только в апреле 1913 г. И вообще со стороны ГУГШ не было предпринято никаких мер к тому,

чтобы постановления совещания были быстро проведены в жизнь. Само ГАУ также не проявило в этом серьезном деле боевого снабжения армии должной инициативы.

В третий раз вопрос о сроках готовности местных парков возник в начале июня 1914 г. по соответствующему запросу ГАУ в ГУГШ. Последний ответил, что все 112 парков должны быть готовы к концу 3 месяца; тон переписки отличался эпическим спокойствием, как будто речь шла о совершенно новом вопросе не особенной спешности, о котором можно еще долго переписываться.

Наконец, в четвертый раз тот же вопрос обсуждался на совещании у начальника Генерального штаба 17 июня 1914 г., т.-е. за месяц до начала войны. И вот на этом-то совещании (и на последующих, бывших в ГАУ) вопрос о сокращении мобилизационных сроков готовности местных парков был разрешен, наконец, исчерпывающе — был намечен ряд мер организационного и хозяйственного характера, только после принятия и осуществления которых можно было считать задачу сокращения сроков решенной. Но так как окончательное заключение по этому вопросу требовалось ГУГШ от ГАУ к 20 июля (2 августа) 1914 г., то, понятно, что никаких фактических изменений в сроках готовности местных парков до начала войны произвести было нельзя. Они произведены и не были; поэтому, когда начавшаяся война сама потребовала произвести это ускорение подачи парков и притом во что бы ни стало, пришлось попросту поставить крест на всем том, что было сделано до сих пор (т.-е. на мобилизационном плане с его 480-дневным сроком) и прибегнуть к импровизациям, поставившим в крайне тяжелое положение как само ГАУ, так и его окружные органы.

И вот при таких условиях, когда от мобилизационных предположений не осталось, что называется, камня на камне, ГАУ удалось всю подачу парков закончить в 120 дней (вместо 480). Такой успех при данных обстоятельствах надо признать существенным и незаурядным.

Таким образом, несмотря на то, что еще с начала 1912 г. вопрос о сокращении сроков подачи местных парков был самою жизнью и сложившейся политической обстановкой выдвинут на первый план, — он так и не вышел до самой войны из сферы канцелярской переписки, вследствие непростительного, чисто чиновничьего отношения к этому важнейшему делу со стороны старших чинов военного ведомства и, прежде всего, военного министра, его помощника и начальника Генерального штаба, в прямую и первейшую обязанность которых входила забота об увеличении мобилизационной готовности армии.

А в какой мере сокращение мобилизационных сроков готовности местных парков было важно для армии, видно из тех телеграмм, в которых командование фронтов буквально кричало об ускорении подачи выстрелов в течение первого, важнейшего периода войны.

Выстрелов к орудиям средних калибров (т.-е. к 42-лин. пушкам, к 48-лин. и 6-дм. гаубицам) к началу войны нехватало, примерно, на 25%. Произошло это по той причине, что почти до самой войны наши

тяжелые дивизионы имели на вооружении орудия старых образцов (1877 г.) и перевооружились новой артиллерией почти перед самым выступлением в поход. Боевые же комплекты к ним в это время только-что изготовлялись на заводах и, конечно, не могли поспеть к окончанию мобилизации самих дивизионов.

Здесь надо отметить, что все образцы новых орудий были всесторонне испытаны и окончательно приняты еще в 1910 г. Поэтому к моменту об'явления войны, т.-е. почти 4 года спустя, полевая тяжелая и гаубичная артиллерия могла бы и должна была быть вполне готовой вместе с положенными ей боевыми комплектами. И если этого в действительности не оказалось, то виной тому было опять-таки недостаточно внимательное отношение к этому делу со стороны тех же старших чинов военного ведомства, не сумевших, с одной стороны, использовать постоянную готовность Государственной думы помочь в отпуске необходимых средств, а с другой — не установивших действительного надзора за выполнением программы перевооружения армии новой артиллерией.

Состояние боевых комплектов в округах было недопустимо небрежно: ни окружное начальство, ни ГУГШ, в ведение которого с 1910 г. перешли все мобилизационные вопросы, ни военный министр и его помощник, — словом, никто не интересовался этим важнейшим для боевой готовности армии делом и не принимал никаких мер для наблюдения за ним и регулярного над ним контроля. И если к началу войны состояние боевых комплектов было хотя в незначительной степени упорядочено, то только благодаря заботам ГАУ, которое в последние два года перед войной било тревогу по этому поводу, но которому трудно было оказывать влияние на окружные артиллерийские управления, вышедшие с 1910 г. из подчинения ГАУ, и на строевые артиллерийские части, уже совершенно не считавшиеся с его указаниями *.

Меры пополнения боевых комплектов.

Кроме боевых комплектов, предусмотренных мобилизационным расписанием, никаких других боевых запасов содержать не полагалось; точно также не имелось и никаких указаний насчет того, надо ли предвидеть необходимость изготовления во время самой войны боевых припасов взамен расходуемых на полях сражений. Правда, имелось «Постановление Военного совета 1904 г.» о том, что наши артиллерийские заводы должны расширить свою производительность до таких пределов, чтобы быть в состоянии в годичный срок восполнить годичный же

* Однако, несколько запоздалый циркуляр ГАУ от 28. II. 1913 г, № 1022, по поводу боевых комплектов оказал весьма существенное воздействие на окружные артиллерийские управления и на строевые части артиллерии в смысле приведения в порядок боевых комплектов.

ГАУ могло издать подобный циркуляр не за год до начала войны, а значительно раньше.

Наконец, организация 1910 г. вовсе не лишила ГАУ права воздействовать на военные округа и на войска через военного министра, который, по докладу ГАУ, мог издать соответствующий приказ о порядке хранения, освежения и расходования огнестрельных припасов, обязательный для всего военного ведомства. *Б.*

расход боевых припасов за время войны. А так как считалось, что предусмотренных мобилизационным расписанием боевых комплектов будет достаточно «на год большой европейской войны», то, следовательно, и производительность наших артиллерийских заводов должна была быть достаточной, согласно этого постановления Военного совета, для восстановления в годичный срок мобилизационных боевых комплектов.

Именно так посмотрела на дело Верховная следственная комиссия и с формальной стороны нельзя отрицать юридической правильности такой точки зрения, ибо постановление Военного совета 1904 г. отменено не было. Но в действительности от него уже не осталось и следа, после него целый ряд специальных комиссий и совещаний рассматривал те же вопросы о боевых комплектах и о необходимом расширении производительности артиллерийских заводов; ряд междуведомственных совещаний рассматривал финансовую сторону этих вопросов; наконец, с 1910 г. ГУГШ, взявшее все мобилизационные вопросы полностью в свои руки, уделяло им особое внимание, — и ни в одном из постановлений этих многочисленных комиссий и совещаний и журналов ГУГШ ни разу не упоминается о постановлении Военного совета 1904 г. или о правильности его принципиальных положений и нет никаких указаний на то, что кроме положенных по мобилизационному расписанию боевых комплектов необходимо будет готовить их еще и *во время самой войны.* При этом даже тот самый Военный совет, который в 1904 г. вынес постановление, провалил в 1914 г. (в частном своем присутствии) первое после начала войны представление ГАУ о необходимости заказа «в запас» одной четверти состоявших к началу войны боевых комплектов. И из целого ряда приведенных выше документов несомненно явствует, что о необходимости готовить боевые припасы *во время самой войны* спохватились лишь после ее об'явления. *В этом был наш главный грех и наше главное несчастье — мы предполагали, что современную войну можно вести только за счет заготовленных в мирное время запасов.* А потому и не заботились в должной мере о развитии наших заводов, казенных и частных, и не составили плана технической (заводской) мобилизации. В результате — уже во время самой войны нам пришлось прибегать к ряду спешных и малоцелесообразных импровизаций. Необходимо отметить, что министерство торговли и промышленности оказалось совсем не на высоте положения — не только существенной, но просто никакой помощи делу снабжения армии оно не оказало, и главным довольствующим управлениям военного ведомства пришлось на своих плечах вынести всю тяжесть создавшегося положения.

Результаты работы русской промышленности по изготовлению выстрелов к орудиям.

Начавшийся в армии с первых же месяцев войны снарядный голод продолжал ощущаться еще долгое время, даже после того, как к этому

уже не было никаких оснований. Как уже сказано выше, размеры действительной потребности в выстрелах так до самого конца войны остались не достаточно выясненными, так как сколько-нибудь правильного учета (прихода, расхода и наличия) боевых припасов не велось, и официальным сведениям по этой части верить было нельзя. Пользуясь этим обстоятельством, т.-е. полной неосведомленностью тыла об истинных нуждах фронта, Ставка неизменно заламывала несообразные нормы выстрелов, все время играя на том, что все неудачи на фронтах происходят исключительно от недостатка в боевом снабжении армии *.

Как бы то ни было, но еще в самом начале войны перед тылом сразу же встала заведомо непосильная ему задача — начать быструю подачу огромного количества выстрелов, особенно имея в виду слабое развитие промышленности у нас вообще и полную ее мобилизационную неподготовленность. Тем не менее, эта промышленность показала высокую марку и если бы ее во-время использовали как следует, то и результаты получились бы несравнимо лучшие. К сожалению, такого использования сделано не было, так как начавшаяся в первый год войны паника была, как всегда, плохим советчиком и потому мы не попали сразу на правильный путь, не выбрались на него и потом. Особенно этому помешало вмешательство так называемых «общественных деятелей», которые, настояв на удалении ряда лиц, повинных, по их мнению, в дефектах снабжения армии боевыми припасами, вместе с тем пришли к решению взять все дело снабжения в свои руки. Это им удалось, причем они использовали созданные особые совещания главным образом как орудие политической борьбы. При таких условиях работа главных довольствующих управлений военного ведомства, на которых лежала вся тяжесть снабжения армии, затруднялась до крайности, и надо только удивляться, как при этом они могли сделать то, что сделали.

Особенно трудной оказалась задача усиления снабжения армии выстрелами к тяжелым орудиям. Значительное запоздание с этим делом было результатом не сразу выяснившейся роли тяжелой артиллерии и полного непонимания ее значения большинством Особого совещания по обороне, а также из-за преступного попустительства этого совещания гг. заводчиков, которым легче и, главное, выгоднее было готовить мелкие снаряды. Единственным правильным решением этого вопроса было введение «всеобщей промышленной повинности», но о ней и за-

* Так до некоторой степени было лишь в первый год войны (1914/1915). Автор сам утверждает (см. его книгу в 1-м изд.), что с образованием при Ставке Упарта „началось действительное руководство артиллерией фронтов, борьба против неправильного ее использования и ограничение бессмысленной траты выстрелов". Как увидим ниже (см. Отдел о боевом снабжении на театре военных действий, том II), Упартом с 1916 г. велся возможно строгий учет оружия и боевых припасов; сведения о наличии патронов и выстрелов на фронтах—суммарно и на единицу оружия—представлялись Упартом начальнику штаба главковерха сначала еженедельно, затем к 1 и 15 числу каждого месяца, периодически те же сведения сообщались военному министру и начальнику ГАУ (автор в значительной мере использовал эти сведения в своем труде).

По поводу утверждения автора, что Ставка „неизменно заламывала несообразные нормы выстрелов" и проч., приведены об'яснения (см. II том). *Б.*

иться было нельзя ввиду той роли, какую играли гг. промышленники, вернее — банки, закабалившие всю нашу промышленность.

Немалую роль в этом деле сыграл и полевой генерал-инспектор артиллерии, который своим упорством в требовании бессмысленно больших количеств легких снарядов, даже после совершенно очевидного пресыщения ими фронтов и тыловых складов, помешал возможному усилению производства снарядов тяжелых.

Увеличить русское производство тяжелых снарядов и притом значительно можно было, если бы взялись за это дело сразу, когда стала выясняться роль тяжелой артиллерии, во-время отказавшись от «бессмысленного разгона» 3-дм. выстрелов. Но этого сделано не было, время все упускалось, и до самого конца Упарт «упорствовал» на ничем не оправдываемом увеличении числа легких выстрелов. Результат получился, конечно, соответственный *.

Недостаток в выстрелах к тяжелым орудиям средних и крупных калибров давал себя остро чувствовать в течение всей войны. Однако, надо отметить, что в заявлении Междусоюзнической конференции наших потребностей по части выстрелов для тяжелой артиллерии совсем не звучало тревожных нот, как и по части 3-дм. выстрелов, и помощи в этом отношении от наших союзников не требовалось, кроме как к 45-лин. и 9,2-дм. английским гаубицам, обеспечить боевое питание которых приняла на себя Англия.

Интересно теперь подвести итоги того количества снарядов, какое было сработано русской промышленностью за время войны 1914—1918 гг.

При этом будет принят такой метод: «за снарядную единицу» берется 3-дм. снаряд; количества же снарядов всех остальных калибров выражаются в этой единице помножением числа их на переводные коэффициенты, пропорциональные кубу отношения их калибров к 3 дюймам.

* Из об'яснений, приведенных на стр. 348—350, можно видеть, что никакого „бессмысленного" упорства со стороны Упарта в „разгоне 3-дм. выстрелов" не было. Непрерывное и весьма значительное увеличение спроса на 3-дм. патроны вызывалось потребностью действующей на фронте армии. Излишний и, пожалуй, даже действительно „бессмысленный разгон" был не в 3-дм. выстрелах (патронах), требуемых Упартом для армии, а в заготовлении (по распоряжениям военного министра) корпусов 3-дм. гранат, весьма выгодном для представителей капитала и промышленности.

Упорство в требованиях было со стороны Упарта не только в отношении 3-дм патронов, но и в отношении всех прочих выстрелов к орудиям, в том числе, и в особенности, к тяжелым. И если бы не упорная настойчивость Упарта в требованиях, пред'являемых к ГАУ в смысле удовлетворения армии предметами боевого снабжения, то могли бы произойти не менее тяжелые последствия, чем то критическое положение, в каком очутилась русская армия в 1915 г. по недостатку 3-дм патронов, винтовок и прочее.

Что касается „пресыщения" 3-дм. патронами фронтов и тыловых складов, то никакого пресыщения не оказалось бы, если бы мировая война на русском фронте продолжалась в 1917 г. с тою интенсивностью, с какою намечалось ее вести по оперативным соображениям Ставки конца 1916 г. Как известно, Февральская революция опрокинула все предположения царской Ставки, а Октябрьская революция положила конец Мировой войне на русском фронте. *Б.*

Таким образом переводные коэффициенты будут равны:

для 42-лин. калибра		$\left(\frac{4,2}{3}\right)^3 = 2,7$
„ 48-лин.	„	$\left(\frac{4,8}{3}\right)^3 = 4,1$
„ 6-дм.	„	$\left(\frac{6}{3}\right)^3 = 8$
„ 8-дм.	„	$\left(\frac{8}{3}\right)^3 = 19$
„ 10-дм.	„	$\left(\frac{10}{3}\right)^3 = 37$
„ 11-дм.	„	$\left(\frac{11}{3}\right)^3 = 49,3$
„ 12-дм.	„	$\left(\frac{12}{3}\right)^3 = 64$

Тогда производительность всех русских казенных и частных заводов в снарядных единицах в течение 1914—1917 гг. мировой войны выразится в данных таблицы 61 *.

ТАБЛИЦА 61.

Годы войны	Производительность русских заводов в снарядных единицах
1914	290 000
1915	12 224 000
1916	49 973 000
1917	57 039 000
Всего .	119 526 000

Около 50% всей русской снарядной производительности дали заводы северного района России, а в 1915 г. — в самый острый период нашей нужды в выстрелах — те же заводы дали почти 75% производительности 1915 г. всех заводов. Между тем, этот район жил и работал во время мировой войны исключительно за счет привозного сырья и топлива. В довоенное время каменный уголь в этом районе был почти сплошь английский; поэтому, когда с началом войны подвоз угля из Англии прекратился, пришлось питать район донецким углем, «катая его через всю

* Таблица 61 составлена по материалам личного архива А. А. Маниковского.

Т А Б Л И Ц А 62.

Общее количество выстрелов ко всем орудиям, поступивших в армию в течение 1914—1917 гг.

Выстрелы	Состояло к началу войны (запас боевых комплектов)	Поступило от внутреннего производства и из заграницы					Всего	Суммарно
		С 20/VII 1914 г. по 1/I 1915 г.	В 1915 г.	В 1916 г.	В 1917 г.	Итого за время с 20/VII 1914 г. до 1/I 1918 г.		
К 3-дм. пушкам	6 433 000 / 0	616 000 / 0	10 062 000 / 1 188 000	18 426 000 / 8 105 000	11 981 000 / 3 626 000	41 085 000 / 12 919 000	47 518 000 / 12 919 000	60 437 000
К средним калибрам (от 4 до 6 дм.)	572 000 / 0	134 000 / 0	1 300 000 / 6 000	3 806 000 / 1 692 000	3 268 000 / 952 000	8 538 000 / 2 650 000	9 110 000 / 2 650 000	11 760 000
К крупным калибрам (от 8 до 12 дм.)	0 / 0	0 / 0	0 / 0	10 403 / 45 450	18 328 / 41 300	28 731 / 86 750	28 731 / 86 750	115 481
Итого	7 005 000 / 0	780 000 / 0	11 362 000 / 1 194 000	22 242 000 / 9 842 000	15 267 000 / 4 619 000	49 651 000 / 15 655 000	56 656 000 / 15 656 000	72 312 000
Суммарно	7 005 000	780 000	12 556 000	32 084 000	19 886 000	65 306 000	72 312 000	—

Примечания: 1. Количество выстрелов из России показано в числителе, из заграницы—в знаменателе.

2. Заграничные поступления выстрелов показаны по числу прибывших на территорию России. О количестве же фактически поступивших на фронт точных сведений не имеется.

Россию» и потом развозя готовые фабрикаты по всему широкму фронту действующих армий «от моря до моря». При этом громадному количеству вагонов приходилось делать много лишних пробегов, что происходило, главным образом, вследствие отсутствия заранее разработанного определенного плана снабжения армии, увязанного с мобилизацией производительных сил страны, а также вследствие отсутствия об'единяющего руководства всем делом снабжения в руках одного хозяина — полномочного представителя государственной власти (министра снабжения или верховного министра государственной обороны, как предлагалось запиской начальника штаба верховного главнокомандующего в июне 1916 г.) *.

Во время мировой войны дело снабжения русской армии фактически находилось не в руках государственной власти, а в руках заводчиков-капиталистов и покровительствующих им представителей царской власти, преследующих в большинстве случаев только свои те или иные личные интересы.

Сосредоточение большей части заводов, производящих предметы боевого снабжения армии, в Петроградском северном районе представляло серьезные неудобства в стратегическом отношении в случае наступления противника на Петроград. Поэтому пришлось приступить к разгрузке района во время самой войны. Расстройство транспорта и отсутствие заблаговременно разработанного плана эвакуации крайне затрудняли целесообразное выполнение чрезвычайно трудной работы по разгрузке, а приостановка работ эвакуируемых заводов весьма вредно отразилась на боевом снабжении армии.

Общее количество выстрелов к орудиям, изготовленных в России и полученных из заграницы.

В таблице 62 ** приведено количество выстрелов к орудиям всех калибров как изготовленных внутри России, так и полученных из заграницы.

Из этой таблицы видно, что количество снарядов, дошедших до фронта, значительно меньше суммы заказанных за границей и изготовленных внутри России.

Так, 3-дм. снарядов было заказано и изготовлено за границей около 40 млн. (а может и больше) да в России их изготовлено около 55 млн., итого — около 95 млн. В виде же готовых выстрелов их дошло до фронта всего 60 млн.

Снарядов средних калибров изготовлено у себя было 12 млн. да за границей около 3 млн., итого около 15 млн. До фронта же в виде выстрелов дошло менее 12 млн.

Интересно также сравнить число выстрелов, считавшееся достаточным для ведения войны (мобилизационные запасы), с тем, которое фактически пришлось подать на фронт и которое, как известно все же не удовлетворило заявленной оттуда потребности: 3-дм. калибра — 6,4 млн. и 60,4 млн., среднего калибра — 0,6 млн. и 11,8 млн.

* См. записку ген. Алексеева царю в приложениях во II томе этой книги.

** Таблица 62 проверена по архивным данным ГАУ и Упарта.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение первое.

ЗАПИСКА ГЕН. ЛЕХОВИЧА О РЕОРГАНИЗАЦИИ ГЛАВНОГО АРТИЛЛЕРИЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Главное артиллерийское управление образовано в 1862 году соединением, в видах установления единства в системе управления, существовавших ранее в виде отдельных учреждений — штаба генерал-фельдцейхмейстера и артиллерийского департамента *.

За время существования Главного артиллерийского управления, в течение 50 лет, осуществлен целый ряд мер, направленных к усилению во всех отношениях боевой готовности армии и к усовершенствованию обороны крепостей; весьма значительно увеличено число артиллерийских частей; возведены новые крепости; образованы обширные запасы артиллерийского имущества; материальная часть артиллерии усложнилась в высшей степени, введены на вооружение новые орудия, пулеметы; приняты новые боевые припасы; введены вспомогательные приборы для стрельбы; увеличено число технических артиллерийских заведений, складов и проч.

Сообразно с этим, прогрессивно возрастала и работа ГАУ. Бюджет ГАУ по сравнению с 1863 г. возрос более чем в 6 раз, не считая чрезвычайных ассигнований с 6 млн. в 1863 г. до 40 млн. в 1910 г. и последующих годах.

Между тем, со времени сформирования Главного артиллерийского управления, т. е. с 1862 г., не было осуществлено как при общих пересмотрах штата ГАУ в 1862, 1867, 1903 и 1910 гг., так и при частичных его изменениях никаких мер, которые изменили бы коренным образом устройство и положение хозяйственных отделений ГАУ, ведающих заготовлением и снабжением армии предметами артиллерийского довольствия; функции эти за все время существования ГАУ всегда выполнялись нераздельно в одних и тех же отделениях.

Что касается личного состава тех же отделений, то по действующему ныне штату ГАУ 1910 г., по сравнению со штатом 1862 г., в арсенальном отделении (по заготовлению материальной части артиллерии) положено иметь более всего лишь на 1 помощника начальника отделения и на 1 помощника столоначальника; в крепостном отделении — более на 1 помощника начальника отделения, на 1 столоначальника и на 1 помощника столоначальника; в оружейно-патронном отделении состав остался тот же, что и в 1862 г., заменен лишь 1 столоначальник помощником начальника отделения; в пороховом отделении, добавлены: 1 помощник начальника отделения, 1 столоначальник и 1 помощник столоначальника.

При таких условиях хозяйственные отделения, при чрезмерном обременении работою, оказываются не в состоянии с должным успехом выполнять свои обязанности, вследствие чего и происходят неизбежные задержки и затруднения в разрешении различных вопросов, влекущие за собою промедления в снабжении армии предметами артиллерийского довольствия, в ущерб боевой ее готовности в техническо-артиллерийском отношении.

* Приказ военного министра 1862 г. № 375.

Таким образом, из приведенных данных нельзя не притти к заключению о полном несоответствии состава хозяйственных отделений, по действующему штату 1910 г., современным требованиям.

Опыт применения этого штата выяснил также отрицательные результаты произведенных в 1910 г. изменений в штатном устройстве ГАУ, заключавшихся в упразднении отделений: 1-го — по личному составу, 2-го — организационного и 3-го — мобилизационного, с заменой двух последних одним административным отделением и с усилением состава канцелярии для ведения дел по личному составу, переданных из упраздненного 1-го отделения.

На этих основаниях и имея в виду некоторые несовершенства в современном устройстве артиллерийского комитета, подлежащие устранению, является неотложным общее преобразование ГАУ, о чем и выражено пожелание Государственной думой постановлением 11 апреля 1912 г.

Исходя из этого, ГАУ разработан проект коренного преобразования этого управления на следующих основаниях:

I. ГАУ подразделяется на 5 частей: 1) отдел административный, 2) отдел снабжения, 3) отдел по управлению техническими артиллерийскими заведениями и по заготовлениям в них и в мастерских артиллерийских складов, 4) отдел заготовлений на частных и на казенных заводах посторонних ведомств и 5) часть техническая (нынешний Артиллерийский комитет).

Каждым из отделов ведает особый начальник отдела, а частью техническою — начальник ее, подчиняемые непосредственно начальнику управления.

Отдел снабжения явится органом, который будет устанавливать потребность в предметах артиллерийского довольствия для снабжения ими армии, распоряжаясь заготовлением их в соответствующих отделах заготовлений, и снабжать означенными предметами армию. Разработка соответственных табелей должна войти в круг обязанностей отдела снабжения.

В этом же отделе должны быть сосредоточены все сведения о состоянии артиллерийского имущества и артиллерии, о наличности запасов, а также о ходе данных отделами заготовлений заказов, дабы отдел снабжения всегда мог вполне определенно указать, когда заказанные предметы могут быть отпущены войскам.

Отделы заготовлений явятся исполнителями распоряжений отдела снабжения. Кроме того, в отделе заготовлений в технических артиллерийских заведениях сосредоточивается и управление этими заведениями. Соответственно с этим, поставленному во главе этого отдела начальнику его присваиваются еще и особые права — начальника технических артиллерийских заведений (положенная ныне в ГАУ должность заведывающего техническими артиллерийскими заведениями упраздняется), с подчинением ему этих заведений.

При обычной годовой производительности технических артиллерийских заведений в настоящее время свыше 40 млн. руб. и имея в виду тесную связь в них технической и хозяйственной частей, необходима такая организация, при которой управление всеми техническими артиллерийскими заведениями сосредоточено было бы в руках одного ответственного лица. Только при таком условии возможно ожидать строгой согласованности в выполнении нарядов в технических артиллерийских заведениях и наиболее выгодного расходования громадных сумм, отпускаемых на содержание технических артиллерийских заведений.

При таких условиях не подлежит никакому сомнению, что выделение всех дел по техническим артиллерийским заведениям, как предположено, в особый отдел, во главе которого ставится начальник этих заведений (он же начальник отдела), является мерою совершенно необходимою, которая устранит крайне несоответственный современный порядок, когда один и тот же завод или арсенал получают наряды от различных хозяйственных отделений ГАУ.

Так как начальник технических артиллерийских заведений должен поддерживать непрерывную связь с живым заводским делом путем личного ознакомле-

ния с состоянием заводов на месте или через особых специалистов по разным отраслям технического дела, то в распоряжении его оставляются 4 техника, положенные к содержанию ныне при заведывающем техническими артиллерийскими заведениями.

II. Каждый из отделов управления подразделяется на отделения, части и делопроизводства.

Всего в составе 4 отделов ГАУ (не включая техническую часть) положено иметь 15 отделений, канцелярию, строительную, мобилизационную, судную, казначейскую и журнальную части, архив и делопроизводство по контролю пороха.

Принимая во внимание значительный состав каждого из отделов, введены помощники начальников отделов, между которыми и распределяется непосредственно заведывание отделениями.

III. Число чинов в каждом из отделений, а также общий сравнительный состав ГАУ по действующему штату и по проектируемой организации показаны в прилагаемых сведениях *.

IV. Для осуществления проектируемой организации ГАУ требуются новые ежегодные расходы по 190 000 руб. в год.

V. Начальнику ГАУ подчиняются непосредственно, на прежних основаниях, заведывающий артиллерийскими приемками, штаб-офицеры по контролю пороха, артиллерийский исторический музей и хозяйственный комитет по заведыванию зданиями Главного артиллерийского управления.

Состав и устройство технической части артиллерийского комитета.

При существующей организации все вопросы технического характера, какой бы важности они ни были и где бы ни возникали, разрешаются в Артиллерийском комитете.

Подобных вопросов возникает громадное количество вследствие крайнего разнообразия и сложности артиллерийского дела и при быстром развитии современной техники.

Кроме технических вопросов, в Артиллерийском комитете решаются также вопросы по стрельбе артиллерии, по боевому ее применению, по обучению в мирное время, некоторые вопросы мобилизационного, хозяйственного и даже административного характера.

Во всех отраслях современного сложного военного дела требуется специализация знаний и разделение труда в самых широких размерах. Поэтому сосредоточение крайне разнообразных многочисленных специальных вопросов в Артиллерийском комитете представляется не отвечающим современным требованиям.

При таком положении Артиллерийский комитет, при обилии подлежащих его разрешению мелких дел, не в состоянии с должным успехом справиться с возлагаемыми на него задачами, вследствие чего и происходят промедления в разрешении различных вопросов, подлежащих его компетенции.

Необходимо реорганизовать Артиллерийский комитет ГАУ или, правильнее, техническую часть, на таких началах, чтобы он был разделен на самостоятельные отделы по той или иной специальности, подобно нынешнему оружейному отделу, в котором и решалось бы окончательно большинство дел по данной специальности. Отделы эти должны быть приближены, с одной стороны, к живому делу техники и строя, с другой стороны — к соответственным отделениям Главного артиллерийского управления.

Каждый отдел должен работать самостоятельно по своей специальности, находясь в постоянном непосредственном общении с соответствующими заводами и отделениями управления.

---

* Сведения не прилагаются.

В случае возникновения в соответственном отделении управления маловажного технического вопроса он должен, по возможности, разрешаться не выходя из отделения, для чего приглашаются лица из соответствующих отделов технической части и специалисты с заводов.

При невозможности решить вопрос таким путем он передается на обсуждение подлежащего отдела технической части. К участию в этом обсуждении должны привлекаться чины соответствующих отделов и отделений ГАУ, а также другие лица, которые могут быть полезны в этом случае, и притом не исключительно только военного ведомства.

Таким же порядком разрешаются и все вопросы, возникающие помимо отделений.

Все журналы отделов технической части составляются делопроизводителями, но переписываются в соответствующих отделениях управления, которых касается рассмотренный вопрос.

Все новые изобретения в области артиллерии должны решаться также в подлежащих отделах технической части, но под председательством начальника ее и при обязательном участии приглашаемых для этого специалистов военного и посторонних ведомств, а также представителей от войск, в зависимости от характера разрешаемого дела. Только в исключительных случаях для разрешения наиболее серьезных общих вопросов могут назначаться общие собрания всех или только некоторых отделов технической части, по приказанию и под председательством начальника Главного артиллерийского управления или начальника технической части, с обязательным участием приглашаемых специалистов по обсуждаемому вопросу, представителей от войск и др.

В распоряжение начальника Главного артиллерийского управления необходимо отпускать широкий кредит, в мере потребности, на вознаграждение приглашаемых на указанных основаниях для участия в работах отделов технической части специалистов не только военного, но и других ведомств.

Исходя из вышеизложенного, по разработанному ГАУ проекту предположено создать техническую часть ГАУ с подразделением ее, как показано на прилагаемой схеме, на 5 специальных отделов (см. схему 1 — приложение второе).

Таким образом, с переходом к новой организации Артиллерийского комитета, как постоянного учреждения, существовать не будет; комитет этот будет представлять собой собрание нескольких или всех отделов технической части для обсуждения общих вопросов на изложенных выше основаниях.

Каждый из начальников отделов технической части руководит деятельностью своего отдела, неся в то же время работу по какой-либо специальности.

Во главе всей технической части поставлен начальник ее, являющийся ответственным лицом, согласующим деятельность всех отделов.

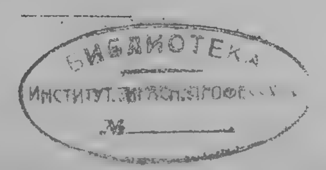
Чинам технической части проектировались увеличенные оклады содержания.

В состав технической части включается также часть «по образованию артиллерии и по изданию специальных руководств», в которой должны быть сосредоточены все подобные вопросы, разбросанные ныне по различным отделениям и частям Главного артиллерийского управления, канцелярия технической части, чертежная, литография и переплетная.

Проектируемая реорганизация артиллерийского комитета вызывает новые ежегодные расходы в сумме до 40 000 руб.

Подписал: генерал-лейтенант **Лехович.**

24 мая 1912 года.



Приложение второе.

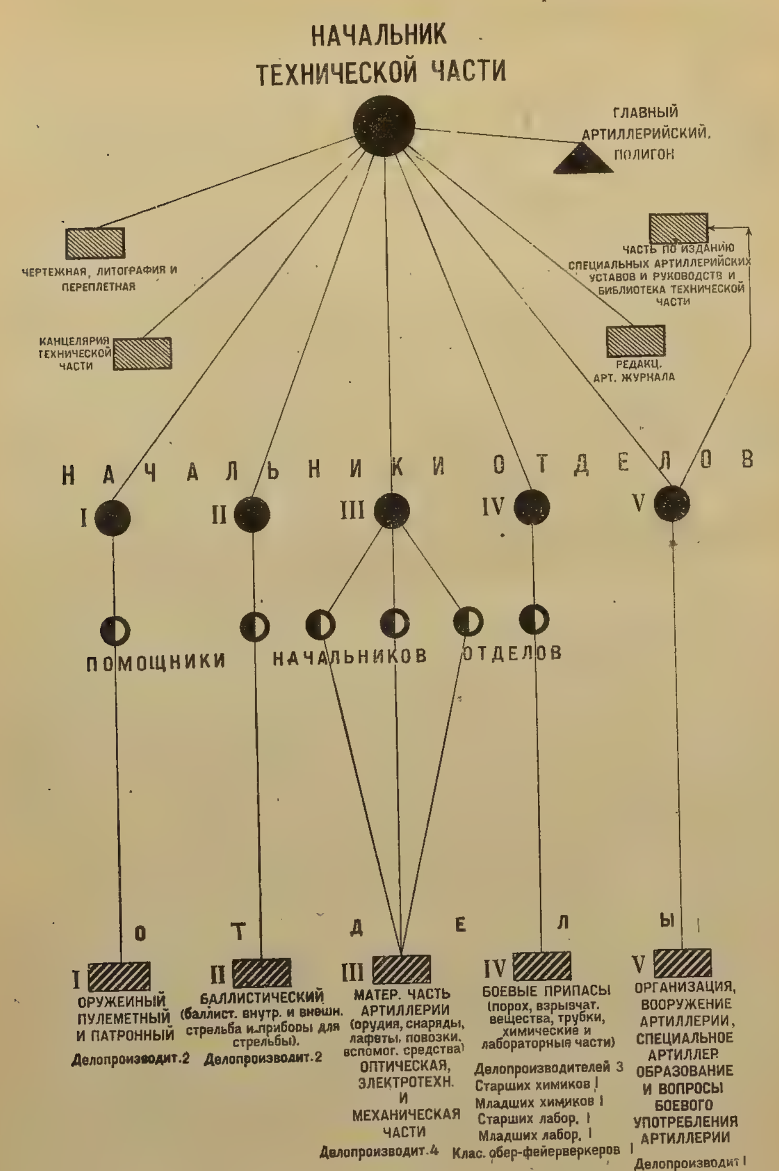


Схема 1.

Приложение третье,

ИЗ ЗАПИСКИ ГЕН. ДЫМША О РЕОРГАНИЗАЦИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО КОМИТЕТА ГАУ.

...в круг обязанностей чинов Артиллерийского комитета не может включаться требование разработки или изобретения новых предметов артиллерийского довольствия — винтовок, трубок, лафетов и пр., так как способность изобретать далеко не всегда связана со знанием дела и является уделом немногих.

Необходима такая организация, по которой Артиллерийский комитет или правильнее «техническая часть ГАУ» была бы разбита на отделы, подобные оружейному, в которых и решалось бы окончательно большинство дел по данной специальности.

Для решения дел, имеющих общий военно-технический характер, должно назначаться особое совещание или комиссия из чинов ГАУ с приглашением в такое совещание чинов других управлений военного ведомства, представителей от войск или даже посторонних военному ведомству специалистов, в зависимости от характера решаемого дела. Состав комиссии или совещания определяется начальником ГАУ.

В состав отделов технической части должны входить представители отдела казенных заводов, а также, в видах связи с заводами, и представители технических заведений.

Вопросы технического характера должны поступать на раз'яснение в отделы технической части из любого отделения ГАУ непосредственно и по решении и утверждении начальником ГАУ возвращаться в отделения.

В составе «технической части» должно быть отделение, на обязанности которого лежало бы издание всех руководств и инструкций для войсковых частей.

Канцелярия «технической части» должна ведать всеми опытными заказами и текущей перепиской.

Всего необходимо образовать 4 отдела: оружейный, баллистический (стрельба), материальной части и боевых припасов.

Каждый из 4 председателей отделов руководит деятельностью своего отдела, неся в то же время работу по какой-либо специальности.

Во главе «технической части» должен быть поставлен начальник, являющийся ответственным лицом, согласующим деятельность всех отделов.

Схема организации ««технической части» показана в приложении (см. приложение четвертое, схема 2).

Подписал: генерал-майор **ДЫМША.**

7 мая 1912 года.

Приложение четвертое.

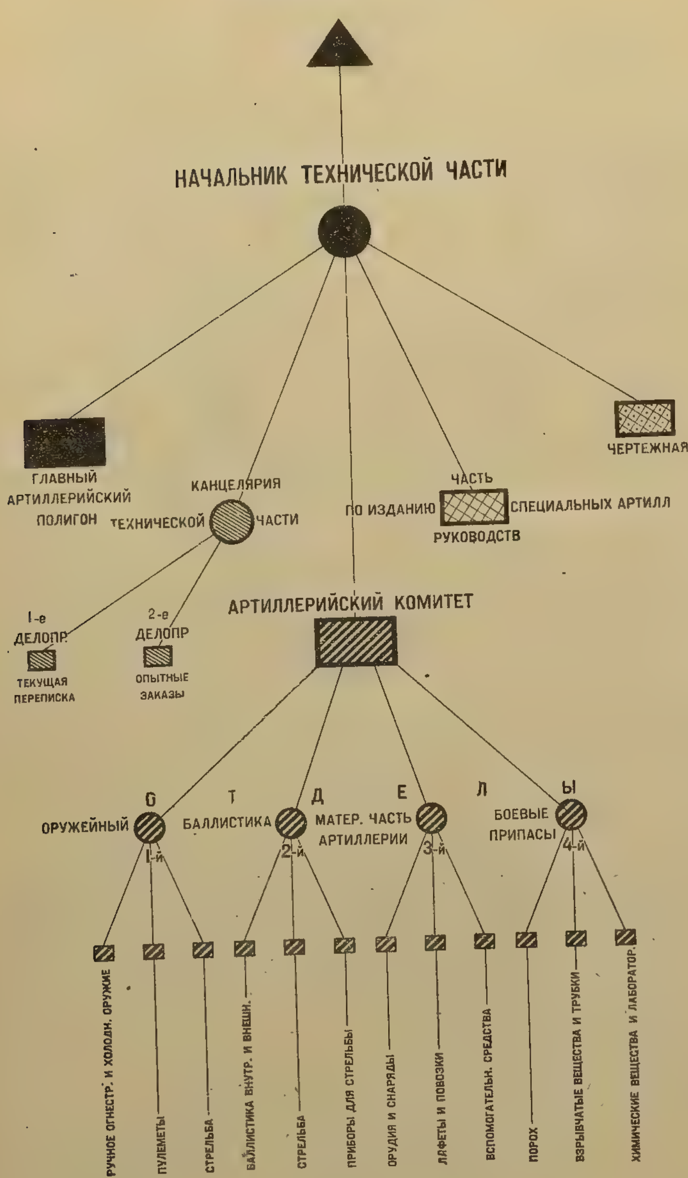


Схема 2.

Приложение пятое.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ НАЗВАНИЙ И СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ В I ТОМЕ.

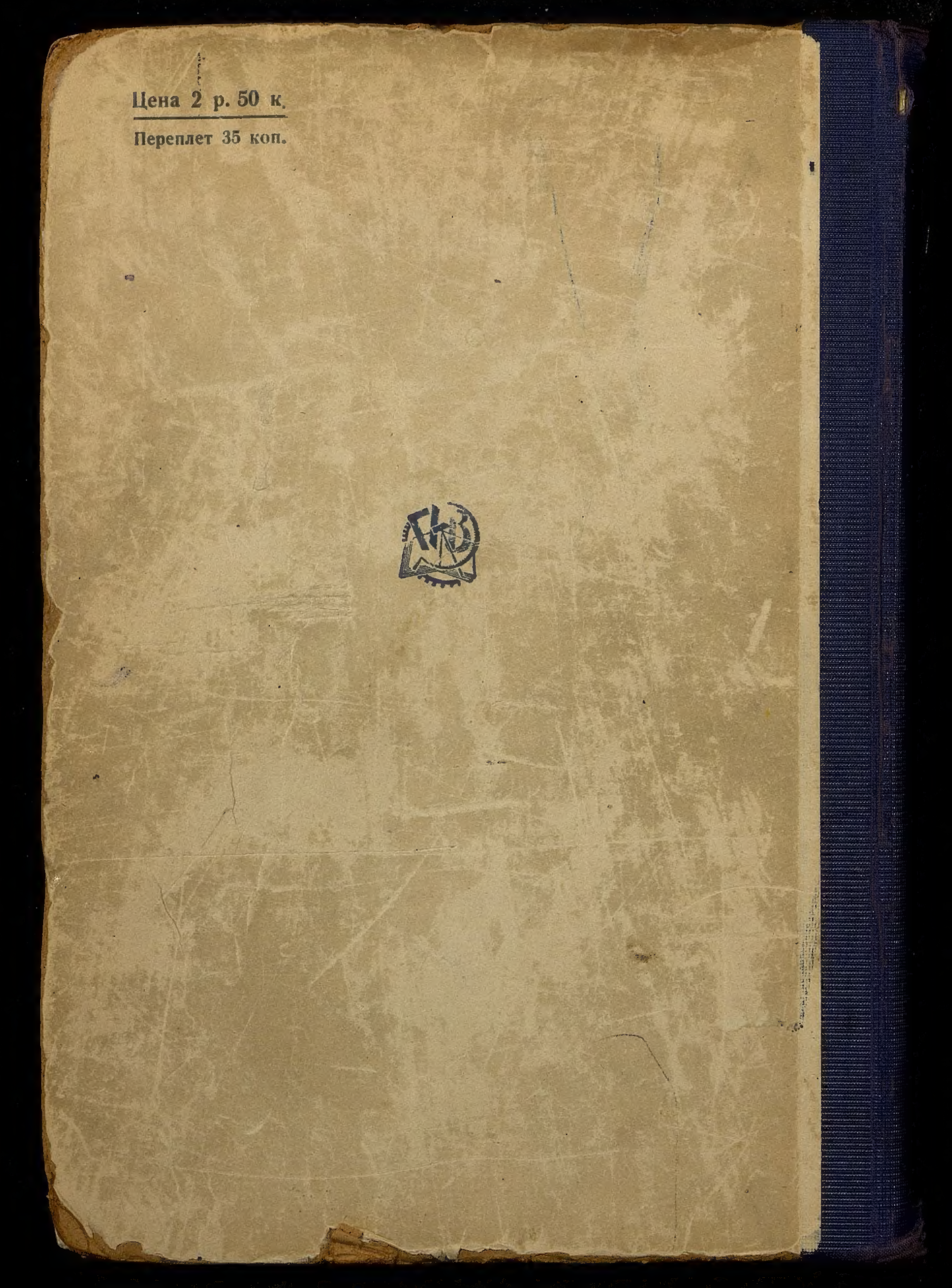
ГАУ — Главное артиллерийское управление.
ГУГШ — Главное управление генерального штаба.
Упарт — управление полевого генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем (в Ставке).
Ставка — Ставка верховного главнокомандующего.
Главковерх — верховный главнокомандующий.
Наштаверх — начальник штаба верховного главнокомандующего.
Генкварт — генерал квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего.
Дегенверх — дежурный генерал Штаба верховного главнокомандующего.
Главзагран — Главное управление по заграничным заказам.
Артком — Артиллерийский комитет при Главном артиллерийском управлении.
Фронт — действующая армия.
Военвед — военное ведомство.
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная армия.
Контролирующие (поверяющие) ведомства — министерство финансов и государственный контроль.
дм. — дюйм.
лин. — линия.
ф/с — фут в секунду.
м/с — метров в секунду.
км — километр.
мм — миллиметр.
см — сантиметр.
м — метр.
вер. — верст.
т — тонна.
кг — килограмм.
г — грамм
фн. — фунт.
пд — пуд.
саж. — сажень.
мин. — минута.
ч. — час.
д. — день.
обр. — образца.

Приложение шестое.

ТАБЛИЦА

перевода старых мер в метрические.

Встречающиеся в книге цифровые данные в старых мерах	Соответствующие старым мерам данные по метрической системе
1 верста	1 067 *м* = 1,067 *км*
1 сажень	2,134 *м*
1 фут	0,305 *м* = 30,5 *см*
1 дюйм	0,0254 *м* = 25,4 *мм*
1 линия	0,00254 *м* = 2,54 *мм*
1 пуд	16,38 *кг*
1 фунт	0,410 *кг* = 410 *г*
1 золотник	4,266 *г*
61,04 пуда	1 *т*


Цена 2 р. 50 к.
Переплет 35 коп.
ГИЗ